

ВОЛЬДЕМАР БАЛЯЗИН

САМОДЕРЖЦЫ

ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ ЦАРСКОГО ДОМА

2

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ДОСЬЕ

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ»

Вольдемар Балязин
**САМОДЕРЖЦЫ.
ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ
ЦАРСКОГО ДОМА**
Книга вторая

Москва
«ОЛМА—ПРЕСС»
1999

ББК 67.99(2)8
Б21

Исключительное право публикации книги Вольдемара Балязина «Самодержцы. Любовные истории царского дома» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Балязин В.

Б21 Самодержцы. Любовные истории царского дома: В 2 кн. Кн. 2 — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. — 528 с.; ил. — (Серия «Историческое досье»)

ISBN 5-224-00174-9

ББК 67.99(2)8

ISBN 5-224-00168-4
ISBN 5-224-00174-9

© В. Балязин, 1999
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 1999
© В. Щербань, оформление, 1999
© В. Горин, дизайн серии, 1999

Глава одиннадцатая

НИКОЛАЙ I

НОВЕЛЛА СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Вступаю на престол ценою крови моих подданных»

27 ноября 1825 года великий князь Николай Павлович, получив извещение о смерти Александра, в тот же день созвал Государственный Совет, который согласился с тем, что престол должен перейти к Константину. И Николай, первым из присутствовавших, принес присягу Константину, а на следующий день был издан указ о повсеместной присяге новому императору. Однако Константин решительно отказался от престола, заявив, что императором он признает Николая и присягает ему на верность.

Пока курьеры носились между Варшавой и Петербургом, отношение к произошедшему было неоднозначным — Москва 30 ноября присягнула Константину, а в Петербурге дело отложили до 14 декабря. По-разному восприняли вопрос о престолонаследии и в провинции.

12 декабря Николай получил от Дибича письмо из Таганрога, где подробно рассказывалось о заговоре в армии и созданных там тайных обществах. Отношение Николая к этому сообщению оказалось диаметрально противоположным тому, какое проявил Александр, оказавшись в аналогичной ситуации тремя годами раньше.

Ко всему прочему, в этот же самый день к Николаю явился поручик лейб-гвардии Егерского полка Л.И.Ростовцев и предупредил о готовящемся вооруженном выступлении в столице, не называя, правда, имен заговорщиков.

Николай немедленно познакомил со всем этим Санкт-Петербургского Военного губернатора М.А.Милорадовича, начальника штаба Гвардейского корпуса А.Х.Бенкендорфа и князя А.Н.Голицына, одного из трех доверенных лиц Александра I, посвященного в тайну пакета, хранящегося в алтаре Успенского собора.

Как только совещание закончилось, из Варшавы прибыл курьер, привезший письмо от Константина с окончательным отказом от трона.

На следующий день, 13 декабря, был составлен Манифест, помеченный, впрочем, 12 декабря, о вступлении на престол Николая I. В Манифесте приводились и основания этого решения — воля Александра, высказанная и зафиксированная им в октябре 1823 года в известном письме, оставленном в Успенском Соборе¹. Кроме того сообщалось и о ряде писем Константина, Николая, о грамотах Александра и Константина, где наследником престола признавался Николай, а цесаревичем его старший сын Александр².

О том, что Александр стал цесаревичем, сообщил семилетнему мальчику флигель-адъютант Николая А. П. Кавелин. Мердер, присутствовавший при этом, вспомнил, что когда Кавелин зачитал Александру официальный текст Манифеста, впечатлительный и сентиментальный мальчик заплакал.

Присяга Николаю началась утром 14 декабря. В семь часов утра присягнули Сенат и Синод, а чуть позже начали приводить к присяге и полки петербургского гарнизона. Этим-то и воспользовались члены тайных революционных организаций и объявили верность ранее принесенной присяге. — государю императору Константину Павловичу, а обнародованный Манифест от 12 декабря, — противозаконным.

Первым вышел из казарм лейб-гвардии Московский полк, а следом за ним — лейб-гвардии Гренадерский. Чуть позже — часть морского Гвардейского экипажа. Все эти войска сошлись на Сенатской площади и к ним примкнули офицеры некоторых других полков, а также немало сочувствовавших штатских.

Узнав о начале мятежа, Николай и Александра Федоровна уединились в церкви Зимнего дворца и там на коленях у алтаря поклялись умереть на троне. Николай говорил потом, что он примирился с мыслью о возможной скорой смерти, но высшее внушение говорило ему, что у него нет права оставить престол, — так во всяком случае, рассказывал царь писателю и путешественнику, маркизу де Кюстину в 1839 году.

Николай, выйдя из церкви, оставил Александру Федоровну в глубине дворца, а сам возглавил действия по подавлению мятежа, быстро и энергично мобилизовав почти все другие воинские части столичного гарнизона. Пока мятежники неподвижно стояли, выстроившись в каре, Николай сосредоточивал против них и конницу и артиллерию, послав сначала на уговоры любимца солдат, соратника Суворова и Кутузова, храбреца Милорадовича. Опасаясь, что Милорадович может

увлечь солдат за собой, отставной поручик П. Г. Каховский, пришедший на площадь с Гвардейским экипажем, смертельно ранил Милорадовича и вслед за тем — командира Гренадерского полка полковника Стюрлера. Когда Милорадовича отнесли в подъезд одного из домов, он спросил хирурга, вынужденного из его тела пулю: — «Ну что? Пистолетная, или ружейная?» И когда хирург ответил: — «Пистолетная», — Милорадович улыбнулся, довольный: «Я так и знал, — солдат не стал бы стрелять в меня». Умирая, Милорадович велел всех своих крестьян отпустить на волю.

Не поддались мятежники и на уговоры митрополита Серафима. Тогда в три часа дня Николай бросил в атаку Конную гвардию и Кавалергардов, но из-за сильной гололедицы и встречного ружейного огня кавалеристы успеха не добились. Перелом в ход сражения принесла артиллерия — четыре орудия, открыв огонь картечью, пробили в каре бреши, расстроив ряды восставших, бросившихся бежать по невскому льду. По бежавшим открыли ружейный огонь и начали бить по льду ядрами. Сохранились свидетельства, что к одному из последних полков, все еще недвижно стоявших на площади, выехал Николай и крикнул: «На колени!» Солдаты повиновались и тогда царь скомандовал вернуться в казармы.

А в то время, когда Николай был на площади, обе императрицы ожидали его в Голубой гостиной Зимнего дворца. Александра Федоровна волновалась необычайно сильно, в то время как императрица-мать сохраняла полное спокойствие.

Все царские дети — а было их уже четверо — Александр и три его сестры — Мария, Ольга и Александра — жили в Аничковом дворце. Девочек решили оставить на месте, а за Александром поехали Кавелин и Мердер. Забрав мальчика, и посадив его, для конспирации, в обычную извозчицью карету, Александра подвезли со стороны набережной к Зимнему дворцу и привели в Голубую гостиную. Увидев сына, мать обняла его и мальчик почувствовал, как дрожат ее руки.

Через некоторое время стрельба прекратилась, и вдруг все сидящие в гостиной услышали дробь барабанов. Все заулыбались, понимая, что идет император. Эту сцену семилетний цесаревич запомнил на всю жизнь.

Возвратившись во дворец, Николай увидел, что у императрицы из-за пережитых волнений, начала трястись голова и эти конвульсии не проходили у нее до конца жизни. А когда она испытывала моральные или физические страдания, болезнь обострялась.

Когда Николай и Александра Федоровна встретились впервые после мятежа, оба они были потрясены до крайности.

Императрица упала на грудь мужа и сам Николай почувствовал состояние близкое к обмороку. Воскликнув: «Какое начало царствования!» — император пошатнулся и упал на руки одного из приближенных.

Вечером 14 декабря, когда в Зимний дворец начали привозить первых арестованных, Николай писал командующему 2-й армией графу Остен-Сакену: «Любезный граф! Что могу сказать вам? Я ваш законный государь, и Богу было угодно, чтобы я стал самым несчастливым из государей, потому что я вступил на престол ценою крови моих подданных! Великий Боже, какое положение!»

Те же самые чувства почти в тех же словах излил он тогда же и в письме к Константину Павловичу.

Правда, с течением времени Николай переосмыслил свое отношение к событиям 14 декабря 1825 года, по-новому оценив и свои собственные действия, но для этого потребовалось и много времени и немало размышлений. О том, каким виделось ему все случившееся тогда в Петербурге, рассказал в своей книге «Россия в 1839 году» Астольф де Кюстин, передававший свою беседу с Николаем следующим образом:

— Уже начало царствования обеспечило вам справедливые похвалы, а во время холеры вы поднялись еще на гораздо большую высоту. При этом втором восстании вы проявили ту же власть, но сдержанную благородной преданностью человечеству. Силы никогда не покидали вас в минуты опасности.

— Вы воскрешаете в моей памяти минуты, без сомнения, лучшие в моей жизни, но казавшиеся мне тогда самыми ужасными.

— Я понимаю это, ваше величество. Чтобы покорить природу в себе и других, необходимо усилие...

— Страшное усилие, — прервал меня государь, — отчет в котором отдаешь себе лишь много позже.

— Да, но в это время чувствуешь себя вдохновленным.

— Я этого не чувствовал, я исполнял лишь свой долг. В подобных случаях никто не может знать заранее, что он скажет. Бросаешься навстречу опасности, не спрашивая себя, как из нее выйдешь.

А в тот день, вернувшись с Сенатской площади, Николай взял Сашу за руку, и одетого в гвардейскую форму, вывел во двор Зимнего дворца, где стоял верный ему гвардейский саперный батальон, шефом которого был он сам. И это запомнил Саша. Казалось бы, слезы матери, всеобщее волнение, окружавшее его в Зимнем дворце, волнение столь необычное в сдержанной на проявление чувств царской семье, должны были заронить в его сердце ненависть к тем, кто стал причи-

ной всего этого и заставил всех его ближних несколько часов трепетать за жизнь отца. Однако же этого не произошло... Через пять лет после тревожного дня 14 декабря, уже в 1830 году, отец как-то зашел на урок к сыну и стал слушать, как Жуковский рассказывает ему о событиях 14 декабря 1825 года. Когда рассказ был окончен, Николай спросил: «Саша, как бы ты наказал их?» И мальчик, потупив глаза, тихо ответил: «Я бы простил их». А еще через семь лет после этого Александр первым из русских цесаревичей поехал в Сибирь.

Он не только с симпатией и интересом отнесся к декабристам, все еще отбывавшим наказание, но, возвратившись в Петербург, предстал перед отцом горячим их заступником, просившим помиловать бывших бунтовщиков и отпустить на свободу...

Встреча с де Кюстином происходила 14 лет спустя, но в тот вечер, — 14 декабря 1825 года — еще не остыв от только что полученных впечатлений, Николай был, несомненно, искренен с самыми близкими себе людьми — Константином и Остен-Сакеном. Да и как не быть искренним: ведь такое начало царствования даже из самых простых прагматических соображений действительно сильно вредило ему, а, кроме того, ставило лицом к лицу с темной, таинственной и необузданной силой российских карбонариев. И потому Николай решил лично удостовериться во всем случившемся и из первых рук узнать правду, какой бы ужасной она ни была.

Как только в Зимнем появились пленные заговорщики, он сам начал допрашивать их, взяв себе в помощники начальника штаба 1-й армии генерала К.Ф.Толя, так как все офицеры Санкт-Петербургского гарнизона входили в ее состав, и генерала В.В.Левашова, четыре года назад возглавлявшего Военный суд по делу о возмущении в Семеновском полку.

Одними из первых были приведены К.Ф.Рылеев, князь Е.П.Оболенский, князь С.П.Трубецкой. Оболенский к концу дня возглавил командование всеми силами мятежников, а Трубецкой, хотя и не явился на площадь, но накануне восстания был назначен диктатором. Первых арестованных Николай допрашивал до полудня 15 декабря, а затем приказал создать Особый комитет для следствия о тайных обществах, вскоре названный Следственной комиссией, в который вошли: великий князь Михаил Павлович и еще девять генералов и генерал-адъютантов. Председателем же был назначен Военный министр А.И.Татишев.

30 мая следствие было закончено и через день создан Верховный уголовный суд под председательством Светлейшего князя П.В.Лопухина, состоявший более чем из шестидесяти

членов, представлявших Сенат, Государственный Совет и Синод. Перед судом предстал 121 декабрист. Окончательное решение о мере наказания преступников принимал Николай. Он смягчил первоначальный приговор Верховного Суда, оставив смертную казнь пяти осужденным, вместо тридцати шести приговоренных судом. Остальные обвиняемые были осуждены к разным срокам заключения — вплоть до вечной каторги, — а большинство разжаловано в рядовые и разослано по отдаленным гарнизонам. Из солдат, участвовавших в восстании был создан сводный гвардейский полк двухбатальонного состава и уже в феврале 1826 года отправлен на границу с Персией, где вскоре началась война.

Утвердившись у власти, Николай должен был подумать и о коронации. Но прежде чем она произошла, было решено довести до конца процесс над декабристами.

13 июля 1826 года главные заговорщики — П.И.Пестель, К.Ф.Рылеев, П.Г.Каховский, М.П.Бестужев-Рюмин и С.И.Муравьев-Апостол — были повешены, а остальные остались в казематах, ожидая этапа в Сибирь.

После этого начались сборы к отъезду в Москву и к середине августа вся августейшая фамилия прибыла в Первопрестольную.

НОВЕЛЛА СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Кому же достался российский трон?

25 июня 1826 года Николаю исполнилось тридцать лет. Он родился в последний год царствования Екатерины Великой, скончавшейся через четыре месяца после его рождения. Его воспитанием и первоначальным образованием занимались сначала три дамы — баронесса Шарлотта Карловна Ливен, шотландка мисс Лайон и гувернантка при нем и его младшем брате Михаиле, родившемся через два года, — Юлия Федоровна Адлерберг, урожденная графиня Багговут. Вскоре ее сын, бывший на пять лет старше Николая, Владимир Адлерберг, стал товарищем детства великих князей*. Наибольшее влияние на Николая оказала в детстве мисс Лайон. Она отличалась смелостью, решительностью и прямоотой, не боясь возражать даже императрице Марии Федоровне. Она старалась передать эти качества характера своему воспитаннику, прививая ему и некоторые собственные симпатии и антипатии. Из-

* В 1802 году Ю.Ф.Адлерберг была назначена начальницей Смольного института, так как с 1800 года воспитанием шестилетнего Николая стали заниматься мужчины.

за того, что мисс Лайон в 1794 году оказалась свидетельницей ужасов восстания в Варшаве, Николай на всю жизнь стал ненавистником поляков и евреев, возненавидев и вообще всякий мятеж и неповиновение власти. Как это ни парадоксально, но именно шотландка Лайон научила будущего императора и первым православным молитвам на русском языке.

С 1800 года главным воспитателем Николая и Михаила стал директор Сухопутного кадетского корпуса, генерал Матвей Иванович Ламздорф, сурово и даже жестоко обращавшийся со своими воспитанниками. Он нередко бил великих князей линейками, ружейными шомполами и пр. «Не раз случилось, что в своей ярости он хватал великого князя за грудь или воротник и ударял его об стену так, что тот почти лишался чувств. Розги были в большом употреблении, и сечение великих князей не только ни от кого не скрывалось, но и заносилось в ежедневные журналы.»⁷

Кроме М.И.Ламздорфа, воспитателями великого князя были назначены генерал-майор Н.И.Ахвердов, два полковника — П.И.Арсеньев и П.П.Ушаков. Обучали его Закону Божьему, языкам — русскому, французскому, английскому, немецкому, латыни и древнегреческому, — арифметике, русской истории, географии, артиллерии, инженерному искусству, музыке, рисованию, танцам, фехтованию и верховой езде.

Этими науками и искусствами мальчик занимался до пятнадцати лет, а потом и к нему и к Михаилу были приглашены профессора, читавшие университетские курсы логики и морали, политических наук, юриспруденции, военного управления, государственного хозяйства, духовного управления — народного просвещения и финансов. Ученик великого математика Эйлера — академик Логгин Юрьевич Крафт и профессор Н.И.Вольгемут стали знакомить великих князей с высшей математикой, опытной и теоретической физикой, механикой и технологией для того чтобы сделать из Николая профессионального военного инженера. Эти занятия достигли цели — и из него вышел хороший, знающий инженер, и, вопреки сложившемуся ходульному о нем мнению, неплохо образованный человек. Его любимыми занятиями стали рисование, гравировка по металлу, игра в шахматы, верховая езда, но более всего — военные игры, смотры, парады и разводы, которыми он готов был заниматься с утра до вечера.

Современники, знавшие его с детства, утверждали, что характер у Николая был довольно сложный: сердечность и прямота сочетались в нем с жестокостью и резкостью. Был он вспыльчивым, скорым в решениях, шумным и веселым в иг-

рах с товарищами, но серьезным и задумчивым наедине с самим собой.

В 1810 году специально для Николая и Михаила сформировали лейб-гвардии Дворянскую роту из воспитанников Пажеского корпуса, который с 1802 года был привилегированным военно-учебным заведением. Рота эта напоминала «потешных» Петра I и Николай в ней носил чин штабс-капитана, был ротным адъютантом и командиром полувзвода. Пажи несли караульную службу в Зимнем дворце, участвовали в разводах и придворных церемониях. Николай, которого именовали «Романов 3-й» с самого начала увлекся военной службой, особенно ее парадной стороной, и всю жизнь с гордостью называл себя «ротным командиром», добываясь от всех, кто ему служил соблюдения строгой военной дисциплины. С тех пор фронт и армия стали его всепоглощающей страстью, главным делом и любимым занятием всей его жизни.

Когда началась война 1812 года, Николаю было 16 лет, а Михаилу — 14. Братья, конечно же, просились в действующую армию, но императрица-мать не отпустила их.

Только 5 февраля 1814 года, когда союзники были уже на территории Франции, им разрешили отправиться на войну. Вместе с ними отправилась в путь и небольшая свита, возглавляемая Ламздорфом. На первых порах поездки была чисто увеселительной: они посетили Веймар, где жила их старшая сестра — герцогиня Саксен-Веймарская, Мария Павловна, а затем уехали в Брухзал, где у своей матери гостила императрица Елизавета Алексеевна — жена их старшего брата императора Александра I.

И только в мае оказались они в Париже, уже полтора месяца оккупированном союзниками.

Пробыв в столице Франции до начала июня, братья — через Брюссель, Гаагу, Амстердам, Заандам и Берлин — вернулись в Россию. Повсюду осматривали достопримечательности, а в Берлине Николай познакомился со своей будущей женой, дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III — принцессой Фредерикой-Луизой-Шарлоттой-Вильгельминой.

Однако недолго пробыли они в Петербурге. Как только стало известно, что Наполеон бежал с Эльбы, армии союзников двинулись в поход. Вместе с ними шла и русская армия, а следом за нею и оба великих князя, сопровождаемые и на сей раз генералом Ламздорфом, а после того, как прибыли они в русскую Главную квартиру, размещавшуюся в Гейдельберге, их опекуном и руководителем стал герой Отечественной войны, генерал-адъютант Петр Петрович Коновницын.

Вместе с императором Александром двинулись они к Парижу и въехали туда через день после него, 29 июня 1815 года. Великие князья уехали из Парижа через три месяца, и снова, как и за год перед тем, объехав нескольких своих августейших родственников, направились в Берлин.

На сей раз, 23 октября, в Берлине состоялась помолвка Николая с Шарлоттой. А после того, как возвратились они из-за границы императрица-мать и Александр I решили отправить Николая в его первое большое путешествие по России. Мария Федоровна с помощью В.П.Кочубея составила маршрут, общую программу и частности предстоящего путешествия для ознакомления ее сына с принципами управления провинцией. Сопровождающим Николая был назначен генерал-адъютант П.В.Голенищев-Кутузов. 9 мая 1816 года Николай выехал из Петербурга и через Лугу и Великие Луки проехал в Витебск, Смоленск, Бобруйск и Чернигов. Оттуда его путь пролегал на Украину — в Полтаву, Екатеринослав, Харьков, Елизаветград, Николаев, Одессу и Херсон. Затем через Симферополь и Севастополь Николай проехал по Южному берегу Крыма в Керчь, а оттуда через Воронеж, Курск, Орел, Тулу и Москву 26 августа возвратился в Петербург. Не успев отдохнуть, Николай после четырехмесячного путешествия, вновь отправился в поездку — на сей раз в Англию. Однако маршрут был составлен таким образом, что путь в Лондон пролегал через Берлин, где знатного путешественника ждала очаровательная молодая невеста и ее родственники.

13 сентября Николай уже выехал из Павловска, но пробыв в дороге всего восемь дней, на три недели остановился в Берлине, все более убеждаясь, что сделанный им брачный выбор — совершенно правилен.*

Из Берлина Николай поехал — по сложившейся уже традиции — во владения своих сестер — в Веймар, к Марии Павловне, и затем — в Брюссель, где обосновалась его любимая сестра и друг его детства, Анна Павловна, ставшая к этому времени женой наследника голландского престола Вильгельма Оранского, а уже отсюда морем из Кале в Лондон.

В Англии Николай пробыл с 6 ноября 1816 года по 3 марта 1817. Полугодовое пребывание позволило ему многое увидеть в этой стране и завязать хорошие, дружественные связи, к использованию которых он впоследствии иногда прибегал,

* История сватовства и женитьбы была описана достаточно подробно в главе X, поэтому здесь я буду сообщать лишь то, о чем не говорилось ранее, а также о том, что в дальнейшем будет влиять на развитие сюжета или окажется связанным с судьбой новых персонажей.

добиваясь поставленных перед собой целей. Он осмотрел многие города и местности Англии и Шотландии, и особенно подробно Лондон, где его гидом был герцог Веллингтон, победитель Наполеона при Ватерлоо.

В Петербург Николай ехал через Францию, Голландию и Германию, еще раз остановившись в Берлине на три недели. Его биографы отмечали, что теперь был он принят прусской королевской четой, как член семьи, ибо через два месяца должна была состояться его свадьба с Шарлоттой.

25 июня 1817 года — в день рождения Николая в Петербурге состоялось обручение, а 1 июля — в день рождения Шарлотты — в церкви Зимнего дворца было произведено и венчание.

Видевший Николая в это время лейб-медик принца Кобургского, доктор Штокмар, так описывал его: «Это — необыкновенно пленительный юноша. Он высок, худ и прям, как сосна. Его лицо — юношеской белизны, с необыкновенно правильными чертами лица, красивым, открытым лбом, красиво изогнутыми бровями, необыкновенно красивым носом, изящным маленьким ртом и тонко очерченным подбородком».

Обращая внимание уже не на внешность Николая, а на его душевные и человеческие качества, наш соотечественник, известный писатель-мемуарист Ф.Ф.Вигель, писал: «Два года провел он в походах за границей, в третьем проскакал он всю Европу и Россию и, возвратясь, начал командовать Измайловским полком. Он был несообщителен и холоден, весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и к другим. В правильных чертах его белого, бледного лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которые в первой молодости облегли чело его, были как будто предвестием тех напастей, которые посетят Россию во дни его правления... Сие чувство не могло привлекать к нему сердце. Скажем всю правду: он не был любим».

Сразу же после женитьбы — 3 июля 1817 года — Николай был назначен на только что учрежденную должность генерал-инспектора по инженерной части. Николай со всей серьезностью отнесся к этому важному, большому и новому делу и шаг за шагом сосредоточил в своих руках все управление инженерными войсками. Он добился учреждения Ученых комитетов по инженерной, артиллерийской и квартирмейстерской частям, преобразовал Инженерную школу в Главное инженерное училище, ликвидировал инженерный штат в 14 из 54-х крепостей, которые из-за расширения границ оказались в

глубинах Империи, упорядочил и ввел в систему обучение в инженерных войсках — от рядовых до штаб-офицеров, сформировал учебный саперный батальон и возродил конную инженерную службу, основателем которой в 1812 году был М.И. Кутузов.

Одновременно с исправлением должности генерал-инспектора инженерной части, Николай был назначен командиром 2-й гвардейской бригады, затем — командиром 2-й гвардейской дивизии и, наконец, введен в состав Государственного Совета, хотя в последнем своем качестве добился гораздо меньших успехов, чем на военном поприще.

Несравнимые по масштабу посты генерал-инспектора и командира гвардейской бригады, все же и в последнем случае предоставляли Николаю важные и интересные возможности непосредственного наблюдения за жизнью гвардейского офицерства. «По мере того, — писал он, — как я начал знакомиться с своими подчиненными и видеть происходившее в других полках, я возымел мысль, что под сим, то есть военным распутством, крылось что-то важное... Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренне усердных и знающих, на добрых малых, но запущенных, и на решительно дурных, то есть говорунов, дерзких, ленивых и совершенно вредных»¹⁰. Эти-то «совершенно вредные», «дерзкие говоруны» и стали, преимущественно, будущими декабристами.

Ощущение готовящегося мятежа, а, по меньшей мере, какой-то неясной, но тревожной опасности, не покидало Николая ни на час. Оставаясь старшим представителем императорской фамилии, когда Александр I уезжал за границу, он находил подтверждение своим опасениям и в других проявлениях того, что его угнетало. Все это происходило в условиях добровольного самоустранения старшего брата Константина от петербургских дел и уединения со своей второй женой в Варшаве.

И хотя смерть Александра I была для Николая, как и для всех других, большой неожиданностью, открывшаяся перед ним перспектива получения трона, такой неожиданностью не оказалась, о чем нам хорошо известно из предыдущей главы.

Кроме того, следует иметь в виду и то, что лавина государственных дел, внезапно обрушившаяся на него после смерти Александра, не застала Николая врасплох. Он был трудолюбив, педантичен и упорен, и считал работу над канцелярскими бумагами одной из важнейших своих задач. Николай внимательно следил за течением внешнеполитических дел, не оставлял втуне дела внутренние, многие часы проводил на смотрах и в казармах, и регулярно вел следствие над декабристами.

Допросы руководителей и наиболее образованных и умных мятежников давали Николаю больше, чем чтение докладов министров, ибо в показаниях бунтовщиков была голая, ничем не прикрытая правда, поскольку им нечего было терять, а хитрить и выворачиваться они и не умели и не могли, так как им не позволяла делать это их честь и совесть.

Одним из ближайших последствий допросов декабристов стало то, что Николай твердо убедился в сугубом несовершенстве существующего законодательства и общего состояния дел в судебном ведомстве. И, желая изменить положение, приказал сосредоточить усилия в этом направлении в одном из новых учреждений.

26 января 1826 года в составе Собственной его императорского величества Канцелярии было образовано Второе отделение, ведавшее кодификацией законов.

Выполнение этой сложнейшей и весьма трудоемкой задачи Николай поручил М. М. Сперанскому и профессору права М. А. Балугьянскому.

Мы расстались с бывшим статс-секретарем Александра I после того, как он интригами и оговором был отстранен от своей должности и выслан из Петербурга. В 1816 году Александр назначил его губернатором в Пермь, а в 1819 — генерал-губернатором Сибири, состоявшей из трех губерний — Тобольской, Томской и Иркутской. До Сперанского Сибирью правил отец руководителя декабристов Павла Пестеля генерал-губернатор Иван Борисович Пестель, не выезжавший из Петербурга, получавший немалые подношения от трех губернаторов, — особенно щедрые от иркутского губернатора Трескина — величайшего взяточника и казнокрада. Сперанский, приехав в Сибирь, оказался в такой глубочайшей преисподней чиновничьего произвола, что по сравнению с нею Россия казалась страной высочайшего правопорядка. Сместив заворовавшихся урядников, исправников, городничих и губернаторов, старый реформатор попробовал еще раз исправить положение дел, сочинив проект «Учреждения для управления Сибирских губерний», позднее утвержденный Александром I. После этого, в 1821 году пятидесятилетний Сперанский, доказавший, что он находится в расцвете организаторских и административных талантов, был возвращен в Петербург, введен в Государственный Совет, в Сибирский комитет, а 13 декабря 1825 года удостоен высочайшего признания: именно Сперанскому Николай поручил составить Манифест о вступлении на престол. О трансформации взглядов бывшего республиканца и либерала убедительнее всего свидетельст-

вовало то, что Михаил Михайлович был назначен членом Верховного уголовного суда над декабристами.

Почти все представшие перед судом декабристы были военными людьми и потому и суд над ними осуществляли военные. Председателем суда, более напоминавшим военный трибунал, был Военный министр, и среди членов суда штатских почти не было. Одним из этих немногих оказался Сперанский. Ему-то Николай и поручил написать Манифест о событиях 14 декабря, и направил к нему на редакцию проект Манифеста об учреждении суда над декабристами¹¹. Своеобразие, и даже некоторая пикантность положения Сперанского в качестве члена суда, состояли в том, что его имя, наряду с именами графа Воронцова, А.П.Ермолова и адмирала Н.С.Мордвинова упоминалось в показаниях подсудимых в связи с намерением руководителей заговора сделать их членами Временного революционного правительства.

Улики на Сперанского были столь значительны, что члены Комиссии запросили Николая о разрешении арестовать Михаила Михайловича. Николай ответил: «Нет! Член Государственного Совета! Это выйдет скандал! Да и против него нет достаточных улик».

А в это же самое время Николай в разговоре с Н.М.Карамзиным так объяснял сделанное им распоряжение о поручениях, данных им Сперанскому: «Около меня, царя русского, нет ни одного человека, который бы умел писать по-русски, то есть был бы в состоянии написать, например, Манифест. А Сперанского не сегодня, так завтра, может быть, придется отправить в Петропавловскую крепость»¹².

Однако до крепости дело не дошло: Николай вскоре понял, что Сперанский искренне предан ему и сделал все возможное, чтобы сам император, фактический руководитель следствия и суда, остался в благодетельной для него тени.

Как бы то ни было, но участие Сперанского в суде над декабристами сблизило его с Николаем.

Размышляя над бессилием и несовершенством административной и судебной системы, над противоречивостью законов и путаницей в законодательстве, Николай, вступив на престол, назначил Сперанского управляющим Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, осуществлявшего кодификацию законов и составление «Полного собрания законов Российской империи» в 45 томах, и «Свода законов Российской империи» в 15 томах. Грандиозная работа была проделана небольшим коллективом кодификаторов в необычайно короткие сроки.

Свыше 30 тысяч наиболее важных законодательных актов России — от Соборного Уложения Алексея Михайловича 1649 года до актов 12 декабря 1825 года, — составившие «Полное собрание законов», были обработаны, систематизированы и опубликованы за три года! А еще через два года вышел в свет и пятнадцатитомный «Свод законов» — собрание действующих законодательных актов, расположенных в тематическом порядке, — незаменимое пособие для всех чиновников и судебных работников Империи, до того имевших в своем распоряжении лишь отдельные законодательные акты. Помощниками Сперанского были профессора Царскосельского Лицея — Арсеньев, Куницын, Клоков и лучшие выпускники — Замятин, Илличевский, Корф — люди интеллигентные, трудолюбивые, доброжелательные по отношению друг к другу, горяче взявшиеся за дело. Особое место занимал среди них профессор права Михаил Андреевич Балугьянский — декан философско-юридического факультета Санкт-Петербургского Университета. Балугьянский был и первым начальником Второго отделения Собственной его императорского величества Канцелярии и хотя с назначением Сперанского он стал подчиняться Михаилу Михайловичу, но и это ничуть не повлияло на их отношения.

Работа над кодификацией еще лишь начиналась, когда Николай задумал не только упорядочить законодательство, но и вообще разобраться в состоянии дел в доставшейся ему по наследству России. Мысли об этом пришли к нему еще во время следствия над декабристами, но потом все чаще и чаще возвращались, совершенно овладев им после того как он отправился на коронацию.

Итак, в Москву на коронацию направлялся не случайный, плохо подготовленный к предстоящей ему роли, человек, как любили изображать Николая Павловича многие наши историки, а уже достаточно опытный военный и государственный деятель, немало повидавший за свою тридцатилетнюю жизнь, неплохо образованный, знающий основы дипломатии, лично известный многим европейским монархам, — и что весьма важно — единственный из всех членов российского императорского дома, у кого были законные дети — сын Александр — будущий император, и дочь — Мария, через которых устанавливалась связь династии Романовых с европейским коронованным миром.

Этот коронованный мир, придававший немалое значение родственным связям императорских, королевских и княжеских владетельных домов, уже в 1816 году негласно признал Николая единственным реальным наследником

российского престола. И потому ни в одной европейской стране не возникло вопроса о законности предстоящего в Москве коронационного акта.

Подтверждением тому было и то, что на церемонию венчания на царство в Россию прибыли иностранные делегации, возглавляемые «персонами первого градуса». Полномочным послом Франции был маршал Мармон, герцог Рагюзский, оборонявший в 1814 году Париж, а главой делегации Англии был герцог Веллингтон — единственный в истории военачальник, имевший звание фельдмаршала шести государств — Португалии, Испании, Англии, Пруссии, Нидерландов и России*. 28 апреля 1814 года он был награжден орденом Георгия Победоносца 2-го класса, а 8 июня 1815 года — 1-го класса. Кроме того, он был и кавалером ордена Андрея Первозванного. И так как со 2 ноября 1818 года был и российским генерал-фельдмаршалом, то Николаю не оставалось ничего иного, как назначить Веллингтона шефом пехотного Смоленского полка, именовавшегося с 1826 по 1852 год «пехотным герцога Веллингтона полком». Австрию представлял родственник императрицы принц Гессен-Гомбургский, Пруссию — ее же родной брат, принц Карл Прусский.

Непонятно по каким причинам, но на коронацию Николая не был приглашен Константин. Он долго колебался, ехать ему, или нет, но все же поехал, не зная даты коронации. Он выехал из Варшавы 10 августа и на станциях велел спрашивать, едущих из Москвы, была ли уже коронация, или нет?

Константин приехал в Москву 14 августа и направился в Кремлевский дворец, где остановился Николай. Оттуда братья отправились к матери, остановившейся во дворце графа Разумовского, и потом до самой коронации были почти неразлучно вместе.

В Москве, в ожидании коронации, Константин был скучен и с нетерпением ждал окончания торжеств. 22 августа коронация состоялась, а через два дня Константин уехал в Варшаву.

В день коронации, Николай во избежание путаницы, которая могла бы возникнуть впоследствии, несомненно под влиянием недавно произошедших событий, велел опубликовать Манифест об объявлении Михаила Павловича цесаревичем, с передачей затем права наследования пре-

* В 1809 году Веллингтон получил звание генерал-капитана португальского, а в 1810 — генерал-капитана испанского, что соответствовало званию фельдмаршала.

стола старшему сыну Николая — Александру — по достижении им совершеннолетия¹³. Тогда же были оглашены и еще два именных указа — о смягчении наказания «государственным преступникам»¹⁴ и о предоставлении возможности бывшим дворянам, лишенным дворянства и сосланным в дальние гарнизоны рядовыми предоставить возможность «отличной выслуги» в полках Кавказского корпуса¹⁵ с перечнем имен активных участников восстания 14 декабря 1825 г.

Красноречивым было и награждение титулами, чинами и орденами приближенных Николаю сановников. Командующие 1-й и 2-й армиями, графы Остен-Сакен и Витгенштейн, стали фельдмаршалами. Воспитательница царских дочерей, графиня Ливен, была возведена в княжеское достоинство с титулом «Светлости». Тем самым она уравнилась с Меншиковым, Потемкиным, Кутузовым и ее заслуги перед Россией были признаны не менее важными и значительными, чем их отличия и подвиги.

Генерал-адъютантом был назначен начальник штаба Отдельного корпуса военных поселений генерал-майор П.А.Клейнмихель. Были одарены царскими милостями и другие, но мы назвали здесь лишь тех, кто сыграет дальше не последнюю роль в этом повествовании.

В этот же день было объявлено и об образовании нового министерства — Императорского двора, — ставшего преемником прежнего правительственного ведомства, занимавшегося жизнеобеспечением и делами Императорского двора и называвшегося до этого времени Министерством Уделов.

Когда Николай I Указом от 22 августа 1826 года учредил Министерство Императорского двора, новый портфель получил пятидесятилетний фельдмаршал, князь Петр Михайлович Волконский, который и возглавлял его более четверти века, — до дня кончины, последовавшей 27 августа 1852 года*.

* Забегая вперед, скажем, что после этого из ведения Министерства Императорского двора были выделены вопросы управления уделами и было вновь образовано Министерство Уделов. Во главе первого стал с 30 августа 1852 года генерал от инфантерии, граф Владимир Федорович Адлерберг, а во главе второго — с того же дня — генерал от инфантерии, граф Лев Алексеевич Перовский.

Министерства были слиты в единое — Императорского двора и уделов — в 1893 году. Оно просуществовало до Февральской революции 1917 года и было ликвидировано сразу же после отречения от престола последнего русского царя Николая II, почив естественной смертью вместе с Империей, монархической властью и самим императорским двором.

Министерство Императорского двора имело свой собственный сравнительно небольшой штат и многочисленных военных и статских придворных — военные, будучи флигель-адъютантами и генерал-адъютантами, наряду со свитскими генералами и адмиралами, входили в Свиту его величества, статские — в Придворное ведомство.

При Петре I в Свиту входило 9 человек, при Екатерине II — 50, при Александре I — 176, а при Николае — к концу его царствования — 540. И хотя не столь сильно, но все же от царствования к царствованию росло и придворное ведомство. Что же касается увеличения числа девиц и женщин, носивших придворные звания, то при Павле было их 26, при Александре I — 52, а при Николае I только статс-дам было 38, число же фрейлин превысило сотню¹⁶.

Николай с юности проявлял повышенный интерес к фрейлинам, молодым статс-дамам, воспитанницам Смольного монастыря и театрального училища. Не обходил он вниманием и завсегдаек придворных балов и маскарадов, среди которых были и первые аристократки Империи и девицы и дамы попроще. Можно сказать, что Николай в делах любви не был подвержен сословным предрассудкам и проявлял истинный демократизм.

Теперь же возвратимся ко дню образования Министерства Императорского двора, когда во главе его был поставлен князь П.М.Волконский. Этому министерству подчинялись все «придворные заведения», Дирекция Императорских театров, а также прежний департамент уделов и кабинет его императорского величества¹⁷.

В связи с тем, что Дирекция Императорских театров, ведала обучением и приемом в штат молоденьких и хорошеньких балерин, певиц и драматических актрис, во главе Дирекции стояли большие знатоки дамских достоинств. Директором Петербургской дирекции Императорских театров в 1825-1829 гг. был Николай Федорович Остолопов; директорами в Дирекции Московских Императорских театров в 1826-1831 был Федор Федорович Кокошкин, в 1831-1842 — Михаил Николаевич Загоскин, а директорами при Министерстве Императорского двора, одновременно возглавлявшими и Петербургскую дирекцию в 1829-1833 гг. — князь Сергей Сергеевич Гагарин, а в 1834-1858 — Александр Михайлович Геденов. В Петербурге в ведении Дирекции было три театра — Александринский, Мариинский и Михайловский, в Москве — два — Большой и Малый. Александринский стал называться так с 1832 года, по имени жены Николая I — Александры Федоровны; Мариинский с 1860 г. — по имени дочери Николая I —

Марии, Михайловский — с 1833 г. — по имени брата Николая I — великого князя Михаила Павловича. Московские театры — Большой и Малый — традиционно носили эти названия. Первый из них был театром оперы и балета, второй — драматическим. Петербургские же театры имели по несколько трупп и в одних и тех же залах ставили и оперы, и балеты, и драматические спектакли.

Николай любил театр, а хорошеньких актрис любил в театре более всего. Директора отлично знали это и всячески старались угодить государю в его увлечении. С.С.Гагарин не был по этой части столь удачлив, как пришедший ему на смену А.М.Гедеонов, служивший в свите императора Александра с четырнадцати лет, а потом в Главной квартире. В 1822 году он стал директором Итальянской оперы в Москве, а с 1834 года — четверть века — возглавлял Дирекцию Императорских театров.

Более иных жанров Гедеонов любил балет и французскую оперу. Он был богатым русским баринoм-царедворцем, достигшим чинов действительного тайного советника и обер-камергера. Гедеонов получил несколько орденов и две золотых табакерки, украшенные бриллиантами, с портретами Николая I и Александра II. Обладая своенравным характером, безапелляционностью в суждениях, он всем подчиненным актерам и актрисам говорил «ты», не допускал противоречий, делая исключение лишь для своих любовниц.

Даже в таком официозном многотомном труде, каким является «Русский биографический словарь» отмечается, что Гедеонов — «большой поклонник прекрасного пола». Его величайшей страстью была юная балерина Елена Ивановна Андреевна, исполнявшая ведущие партии в романтических балетах, и ставшая первой исполнительницей Жизели на русской сцене.

Гедеонов до такой степени был очарован Еленой Ивановной, что даже отказал в гастролях знаменитой австрийской балерине Фанни Эльслер, из-за того, что она могла составить конкуренцию его любимице. Когда же Эльслер на свой страх и риск приехала в Петербург и выступила со своим лучшим танцем — «Капуцей» — в Царском Селе, перед императорской фамилией, то привела в восторг всех и особенно Николая I, ставшего ее пылким поклонником.

Так как фрейлины и статс-дамы Двора, а также, разумеется, и актрисы Императорских театров занимали в жизни Николая Павловича немало места, мы время от времени станем рассказывать и об этих эпизодах его жизни, придерживаясь, по-возможности, хронологического принципа.

Однако, будучи откровенным сладострастником и волокитой, Николай всемерно создавал впечатление верного супруга и добропорядочного семьянина. Но об этом будет рассказано позже, а теперь вернемся снова в Москву, в август-сентябрь 1826 года.

В дни коронации состоялась и знаменитая встреча нового императора с Пушкиным. Они были почти ровесниками: Николаю было 29 лет, Пушкину — 26. Возраст сближает, ибо, как говорили тогда, сверстники слушают трели одних и тех же соловьев. Пушкин приехал в Москву 8 сентября в разгар коронационных торжеств, когда балы и праздники беспрерывно сменяли друг друга.

Этому приезду предшествовали следующие события. В августе 1824 года опальный поэт был сослан в Псковскую губернию, в принадлежавшее ему село Михайловское.

После разгрома декабрьского восстания Пушкин направил на имя Николая прошение, в котором просил разрешения приехать в Москву, или в Петербург, или «в чужие края», чтобы вылечиться от аневризмы*. К прошению было приложено обязательство впредь ни к каким тайным обществам не примыкать и уверение в том, что и ранее он «ни к какому тайному обществу не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них».

Через шесть дней после акта коронации Николай приказал доставить Пушкина прямо к нему «в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта».

Приказ был выполнен буквально, и Пушкина привезли к Николаю в Кремль, не дав даже отдохнуть и переодеться. К тому же поэт был болен, и тем не менее его разговор с императором оказался продолжительным и нелегким.

Наиболее важным из этого разговора было то, что Пушкин, на вопрос Николая: «Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге», ответил: «Встал бы в ряды мятежников».

Его обоснование этому было столь аргументированным и многосторонним, что Николай признавался потом, что вынес из встречи с Пушкиным твердое убеждение: Пушкин — один из умнейших людей в России.

Весьма важным являлось и то, что неволя поэта кончилась и ему было обещано освобождение его сочинений от цензуры.

* Аневризма, — болезнь артерий, вен и кровеносных сосудов, задевающая их стенки.

По словам Пушкина, Николай сказал ему: «Довольно ты покурачился, надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором».

Однако на деле все обошлось совсем не так хорошо, как представлял это себе поэт, — его стихи попадали не прямо к царю, а поступали сначала в руки шефа корпуса жандармов и начальника Третьего Отделения собственной его величества канцелярии А.Х. Бенкендорфа, не только не понимавшему литературу, но и активно ее не любившему. Да и как мог первый жандарм России любить то, что главным своим мотивом сделало восславление свободы, и смыслом существования объявляло борьбу за нее?

В момент вступления Николая I на престол императорская фамилия была весьма немалой. Старшей в семье была мать Николая, вдовствующая императрица Мария Федоровна, овдовевшая в сорок лет, и ко дню коронации своего третьего сына достигшая 66 лет. К этому времени из десяти ее детей уже скончались старший сын Александр и четыре дочери: Александра, Елена, Екатерина и Ольга. У второго сына — Константина — законных детей не было, а у самого младшего сына — Михаила, женившегося всего два года назад на Вюртембергской принцессе Каролине, принявшей в православии имя Елены Павловны, было две дочери — Мария и Елизавета; но первой из них в это время шел второй год, а другой было всего три месяца.

Что же касается двух других дочерей вдовствующей императрицы, то старшая из них — Мария Павловна — уже 22 года жила в Германии, нося титул Великой герцогини Саксен-Веймарской, а еще одна дочь — Анна Павловна — вот уже 10 лет, как была королевой Голландии. Таким образом, из всех детей императора Павла наиболее благополучным в отношении продолжения рода оказался его третий сын — Николай, имевший ко дню вступления на престол восьмилетнего сына Александра — будущего императора Александра II, семилетнюю дочь Марию, четырехлетнюю дочь Ольгу и годовалую дочь Александру.

В дальнейшем у Николая и Александры Федоровны родилось еще три сына — Константин, Николай и Михаил, и, таким образом, августейшие родители стали отцом и матерью четырех сыновей и трех дочерей.

Каждому члену императорской фамилии найдется место в нашем повествовании — кому больше, кому меньше, — одна-

ко ж по законам жанра, да и по справедливости, следует начать с самого Николая Павловича.

С.Н.Сергеев-Ценский в романе «Севастопольская страда» оставил нам такой портрет Николая: «Великолепный фрунтовик (Здесь — «фрунтовик»=«строевик»), огромного, свыше чем двухметрового роста, длинноногий и длиннорукий, с весьма объемистой грудною клеткой, с крупным волевым подбородком, римским носом и большими навывкат глазами, казавшимися то голубыми, то стальными, то оловянными, император Николай I перенял от своего отца маниакальную любовь к военному строю, к ярким раззолоченным мундирам, к белым пышным султанам на сверкающих, начищенных толченым кирпичом медных киверах; к сложным экзерцициям на Марсовом поле; к торжественным, как оперные постановки, смотрам и парадам; к многодневным маневрам... Будь он поэтом, он только и воспевал бы смотры, парады, маневры, но он ничего не понимал в поэзии; он смешивал ее с вольнодумством...»¹⁸.

Сохранилось много свидетельств, что Николай очень любил музыку и пение, но совершенно не терпел стихов и не любил поэзию. Император Александр, поправляя его, говорил:

— Не забывай, что среди нации поэзия исполняет почти такую же роль, как музыка во главе полка: она — источник возвышенных мыслей; она согревает сердца, говорит душе о самых грустных условиях материальной жизни. Любовь к изящной словесности — одно из величайших благодеяний для России: материальный мир нашей страны действует так неблагоприятно на характер, что непременно нужно предохранить его от этого влияния волшебными прелестями воображения¹⁹.

Сергеев-Ценский описал внешний вид Николая, основываясь на впечатлениях от многочисленных портретов, которые сохранились в галереях, альбомах, книгах. А вот портрет, в известной мере, психологический, написанный чуть позже умным и тонким наблюдателем — французским писателем и путешественником, уже упоминавшемся здесь, маркизом Астольфом де Кюстином.

Де Кюстин, встречавшийся с Николаем летом 1839 года, писал о нем следующее: «При первом взгляде на государя невольно бросается в глаза характерная особенность его лица — какая-то беспокойная суровость. У императора Николая это малоблагожелательное выражение лица является скорее результатом тяжелого опыта, чем его человеческой природы. Какие долгие, жестокие страдания должен был испытать этот

человек, чтобы лицо его внушало всем страх вместо того невольного расположения, которое обыкновенно вызывают благородные черты лица.

Тот, кто всемогущ и властен творить, что захочет, несет на себе и тяжесть содеянного... Лишь изредка проблески доброты смягчают повелительный взгляд властелина, и тогда выражение приветливости выявляет вдруг природную красоту его античной головы... Император на полголовы выше обыкновенного человека. Его фигура благородна, хотя и несколько тяжеловата... У императора греческий профиль, высокий, но несколько вдавленный лоб, прямой и правильной формы нос, очень красивый рот, благородное, овальное, несколько продолговатое лицо, военный и скорее немецкий, чем славянский тип. Он всегда уверен, что привлекает к себе общие взоры, и никогда ни на минуту не забывает, что на него все смотрят... Внимательно приглядываясь к красивому облику этого человека, от воли коего зависит жизнь стольких людей, я с невольным сожалением заметил, что он не может улыбаться одновременно глазами и ртом. Это свидетельствует о постоянном его страхе»²⁰.

Создавая образ Отца Отечества, более всего заботящегося о своей стране и своем народе, Николай на людях демонстрировал великий аскетизм и непритязательность, которые в конце концов стали одними из черт его образа жизни. Спал он на простой железной кровати, на тощем тюфяке и покрывался старой шинелью. Демонстрируя свою приверженность русским обычаям, он не любил никакую другую кухню кроме русской, а из всех ее блюд более всего любил щи и гречневую кашу. Он вставал в 5 часов утра и сразу же садился за работу. К 9 часам он успевал прочитать и решить множество дел, выслушать доклады министров и сановников, или же побывать в полках, в разных казенных заведениях, снять на солдатской кухне пробу блюд, отстоять церковную службу, и непременно успеть к утреннему разводу.

Одной из неотъемлемых черт характера Николая была мания величия, не собственной его личности, а мания величия его Империи, которая ярче всего выражалась в приверженности Николая к помпезности, торжественности и грандиозности, которая и привела к господству в архитектуре Петербурга, так называемого «позднего классицизма». Так как ни одно общественное здание, ни одна церковь, не говоря уже о казармах, арсеналах, гауптвахтах и административных зданиях, не строились без утверждения проекта лично Николаем, — и не только в Петербурге, но и во всей России, — то в Северной Пальмире главенство любимого императором стиля было обеспечено. И в

самом деле: в 1827 году началось строительство Нарвских триумфальных ворот, заложенных 26 августа, в день 15-й годовщины Бородинской битвы, а открытых 17 августа 1834 года в день 21-й годовщины победы при Кульме.

Все свое царствование Николай надзирал за строительством главного храма Петербурга — Исаакиевского собора, грандиозного сооружения «дивной красоты и великой соразмерности», но так и не дожил до окончания строительства, хотя и процарствовал тридцать лет.

С 1829 по 1834 годы была осуществлена капитальная перестройка двух огромных зданий на Сенатской площади, вначале сильно отличавшихся друг от друга, но в конце строительства воспринимаемых, как единый ансамбль безукоризненной красоты. Это были здания Правительствующего Сената и Святейшего Синода.

В 1828 году началось строительство Троицкого (Измайловского) собора*, названного так в связи с тем, что он находился на территории слободы лейб-гвардии Измайловского полка.

В 1830-1834 гг. шли работы по созданию памятника Александру I — Александровской колонны. О ней уместно будет сказать, что апофеозом истории создания этого памятника стало 30 августа 1832 года, когда на Дворцовой площади при огромном стечении народа произошло великое действо, невиданное до тех пор в Петербурге.

За два года перед тем в Пютерлакской каменоломне, неподалеку от Выборга, начали добывать, а затем обрабатывать гигантский монолит из красного гранита, придавая ему форму циклопической колонны длиной более 25 метров и диаметром — более 3-х. Когда колонну огранили, то ее вес составлял около 600 тонн. Громадину погрузили на специально сооруженное для нее плоскодонное судно и двумя пароходами отбуксировали в Петербург. Под площадкой, на которой должна была встать колонна, было забито 250 шестиметровых свай. Затем, лежащую на Дворцовой площади колонну, окружили мощными лесами, склоченными из стволов гигантских лиственниц, укрепив на них шестьдесят кабестанов и множество блоков*.

И когда три тысячи рабочих, солдат и матросов начали подъем этого чудовища, то сердца многих тысяч зрителей за-

* Его не следует путать с другим Троицким собором, построенным в 1776-1790 гг. в Александро-Невской лавре.

* Кабестан — лебедка с вертикальным валом; блок — подъемный механизм, в виде колеса с желобом по окружности обвода для троса или каната.

мерли, в ожидании неминуемого, как им казалось, падения грандиозного столпа. Ибо иначе, чем столпотворением, нельзя было назвать то, что свершалось у них на глазах. И, вот, прошел всего лишь один час с тремя четвертями и столп вознесся над Петербургом, утвердившись на постаменте собственной тяжестью.

А еще через два года в тот же самый день, 30 августа, состоялся парад гвардейских полков и была выбита памятная медаль, потому что к этому времени завершилось окончательное оформление пьедестала и возведения колонны, названной Александрийской и установленной в честь победы России в Отечественной войне и в память императора Александра I, возглавлявшего в этой войне армию, страну и народ. Александрийский столп венчала бронзовая фигура ангела с лицом императора Александра, попирающего поверженного змея. Вместе с постаментом и навершием Александрийский столп, равнялся 47 с половиной метрам.

Присутствующие на торжестве комбатанты Александра I — его соратники по войнам против Наполеона, — вспоминали, как в 1814 году, когда русский император, оказавшись в Париже, впервые увидел Вандомскую колонну, сделанную из стволов трофейных неприятельских пушек, которую венчала статуя Бонапарта, и сказал: «У меня закружилась бы голова на такой высоте». А между тем Вандомская колонна была на четыре метра ниже Александровой. Правда, Вандомскую колонну поставили с соизволения Наполеона еще при его жизни, а столп воздвигали по велению Николая, когда Александра уже давно не было на троне, но все же сама эта коллизия заставляла задумываться.

В 1831-1833 годах по проекту архитектора А.П. Брюллова был выстроен Михайловский театр, первоначально использовавшийся, как концертный зал, а затем ставший постоянным пристанищем французской труппы. В 1834-1838 годах в память о победе в русско-турецкой войне 1828-1829 годов по проекту архитектора В.П. Стасова и скульптора Б.И. Орловского были воздвигнуты монументальные, двенадцатиколонные Московские триумфальные ворота высотой в 24 метра и шириной в 36 метров. Тогда же было построено здание Дворянского собрания, а в 1839-1844 годах, на месте Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которой учился М.Ю. Лермонтов, был построен Мариинский дворец, первой хозяйкой которого была великая княгиня Мария Николаевна. Восемью годами позже завершилось строительство Нового Эрмитажа и гигантского здания Главного штаба на Дворцовой площади. При Николае была со-

оружена Тучкова набережная, построен гранитный спуск к Неве возле Академии Художеств, украшенный изваяниями двух сфинксов, настлана и ныне существующая торцовая мостовая на Невском проспекте, проложен Конногвардейский бульвар, построено множество мостов.

Продолжением необычайной любви Николая к торжественности и помпезности, была почти паталогическая страсть императора к различным аксессуарам воинской формы — каскам, киверам, фуражкам, выпушкам, аксельбантам, поясам, лентам, эполетам, значкам, султанам и многому иному. Его гардероб был заполнен десятками генеральских мундиров всех родов войск его собственной армии, а также и иностранными, ибо во многих из них он был шефом различных полков и по случаю встреч коронованных особ из этих стран встречал своих гостей в мундире их армии.

Так, например, 3 августа 1839 года голландский полковник Гагерн утром видел Николая в русском мундире, ибо он принимал парад Кадетского корпуса, в полдень — в мундире австрийского генерала, так как он наносил визит приехавшему в Петербург австрийскому эрцгерцогу Карлу, а час спустя на Николае был прусский мундир, потому что 3 августа был день рождения короля прусского. Но бывали дни, когда Николай переодевался и по шести раз. Более всего шел ему лейб-казачий мундир и Николай носил его чаще и с большим удовольствием, чем какой-либо иной.

Представляя сейчас очередного героя моей книги, Николая I, я не стану придерживаться хронологического принципа, ибо психология раскрывается не последовательностью поступков, а примерами различных проявлений души и характера человека, независимо от того, когда произошло то или иное событие. Разумеется, у ребенка — одна психология, у старика — другая, но когда мы имеем дело со зрелым сформировавшимся человеком, то очередностью происходившего можно пренебречь.

Идеалом государственного деятеля для Николая, — так во всяком случае он постоянно утверждал — был Петр Великий. Вольно или невольно, император повседневно поддерживал и в себе самом и в окружающих убеждение в этом и старался — сначала только подражая, а с годами уже и неосознанно, совершенно «войдя в образ», как говорят актеры, во всем походить на Петра.

Николай знал, разумеется, что Петр был прост в обращении с солдатами и мужиками, с «малыми сими», и в этом также шел по его стопам.

Вот несколько примеров. Однажды вечером, когда Николай гулял по Невскому, к нему почтительнейше обратился фонарщик, зажигающий и гасивший на проспекте масляные фонари. Отставив в сторону лестницу и бутылку масла, фонарщик, низко поклонившись царю, спросил:

— Хочу спросить у Вашего Величества, сколько лет должен служить фонарщик для выхода на пенсию?

Николай, гордившийся знанием множества законов, инструкций и правил, сразу ответить не смог и пообещал узнать и известить о том просителя.

Оказалось, что этот срок равнялся двадцати пяти годам, а фонарщик отслужил на четыре года дольше. Тогда Николай велел заплатить ему еще четыре годовых оклада, а до конца жизни платить двойную пенсию.

В другой раз — глубокой зимой, — рано утром Николай увидел чиновника, бежавшего по улице в одном сюртуке, без шинели. Царь остановил его и спросил, почему он ходит по городу в таком виде. Чиновник ответил, что у него — всего одна шинель, да и та так плоха, что он отдал ее теперь в починку. Николай велел записать адрес бедняка и вечером того же дня прислал к нему новую, добротную шинель. Однако прежде чем сделать это, Николай узнал, хорошо ли тот служит, чтобы не поощрить пьяницу или бездельника. К счастью для чиновника, ему дана была хорошая характеристика и царь не только одарил его шинелью, но и велел увеличить жалование.

А как-то на одной из улиц Петербурга Николай увидел жалкие погребальные дроги, тащившиеся на кладбище. За дешевым гробом без единого венка не шло ни одного человека. Николай спросил у возницы, кого хоронят, и тот ответил, что везет он бедного, одинокого старика-пенсионера, отслужившего маленьким чиновником полный срок. И тогда Николай стал позади дрог и пошел на кладбище. Увидев его, идущим за гробом, прохожие стали становиться с ним рядом и вскоре за гробом шла уже большая процессия.

После похорон Николай велел поставить над могилой чиновника памятник с надписью: «От Императора за верную 25-летнюю службу».

Однако все эти популистские, театральные «выходы на публику» были не более, чем минутными капризами пресыщенного властью деспота. В глубине же души Николаю неведома была жалость к простым людям, которых он едва ли и считал людьми. Иначе, как мог он подписывать приказы о завуалированной, но от того не менее мучительной, смертной казни под шпицрутенами или кнутом? Для него весьма характерен такой, например, факт, о котором он не мог не знать,

ибо все, о чем будет сейчас рассказано, происходило, буквально, у него на глазах.

Николай не был заядлым охотником, но среди приезжавших в Петербург принцев и коронованных особ было немало истовых любителей охоты. Для того, чтобы удовлетворить желание гостей, Николай приказал превратить огромный гатчинский зверинец — площадью в пять квадратных верст, в охотничий заповедник. Зверинец стоял на болоте, и в нем паслись целые стада оленей и ланей.

После того как приказ был получен, в Гатчину прибыл гвардейский саперный батальон, которому были приданы тысячи солдат и крестьян-землекопов и начались работы, продолжавшиеся несколько лет²¹. С ранней весны до сильных заморозков тысячи солдат и крестьян вручную копали канавы, насыпали искусственные острова, обивая их сваями и укрепляя фашинами. Люди стояли по колено в воде, а то и по пояс, отчего сотни из них ежегодно погибали. И все же задание было выполнено и, наконец, местность приняла очень красивый вид.

Еще более утверждал он себя в роли отца-командира, справедливого и беспристрастного, готового исправить чужую ошибку, поддержать незаслуженно обиженного, когда доводилось ему оказываться среди солдат, унтер-офицеров и обер-офицеров. Однако Николай не гонялся за дешевой популярностью, всегда стремясь соблюдать букву закона, и никогда не подрывая при этом престиж старших начальников.

Во время Венгерского похода (так официально именовалась интервенция русских войск в 1849 году для подавления венгерской революции) не раз отличалась саперная рота капитана Смирнова, побывавшая во многих сражениях и потерявшая в боях 188 человек. Однако из-за того, что Смирнов был на ножах с начальством — прежде всего из-за того, что принципиально не употреблял ни рукоприкладства, ни шпицрутенов, то ни он сам, и ни один из его солдат и офицеров не были награждены ни одним орденом.

В 1851 году во время Красносельских лагерных сборов Смирнов приказал насыпать перед своей палаткой невысокий холмик земли, а наверх поставил привезенную из Венгрии бронзовую статуэтку испанского гидальго — единственный трофей, имевшийся у него от этого похода. «Холмик и статуэтка, — объяснял капитан, — это памятник моим героям, оставшимся в Венгрии».

Разумеется, и об этом чудачестве доложили Николаю, и когда он производил смотр, то, обходя лагерь, увидел и холмик, и ста-

туэтку, и выстроившуюся рядом роту во главе со старым, хмурым капитаном.

Подойдя к роте и поздоровавшись, Николай спросил:

— Что это такое?

— Памятник венгерской кампании, ваше Императорское Величество! — ответил Смирнов.

— Ты был в Венгрии?

— Вместе со своей ротой, ваше Императорское величество!

— А где же кавалеры твои? Я ни одного не вижу.

— Мои кавалеры остались в Венгрии. Домой я привел людей, должно быть, никуда негодных.

Николай все понял, и приказал:

— Вызови бывших с тобою в походе!

Капитан скомандовал, и сто с небольшим солдат шагнули вперед.

Николай внимательно посмотрел на ветеранов, и сказал:

— Ты получишь на роту десять георгиевских крестов, остальным — медали и по пяти рублей на человека. А тебя поздравляю полковником и георгиевским кавалером.

Вслед за тем произошел весьма редкий случай, когда солдаты, сломав строй, окружили императора, выкрикивая слова благодарности, стараясь поцеловать ему руки²².

Среди офицерства, — особенно гвардейского, петербургского — каждый поступок царя, задевающий офицера, сразу же становился широко известным, и царю, приходилось учитывать это. Несомненно, что Николай не был лишен черт рыцарственности и кодекс чести не был для него некоей абстракцией, что признавали многие, с кем приходилось ему сталкиваться. Однако выше этого кодекса ставил он все же чиновничий циркуляр и воинский устав, и потому нередко оказывался в затруднительных положениях, ибо примирить каноны рыцарства с законами и установлениями Империи было порой весьма непросто. Так, однажды из петербургской гарнизонной гауптвахты на имя Николая поступил донос, написанный содержавшимся там под арестом морским офицером. Моряк писал, что вместе с ним на гауптвахте сидел гвардейский офицер, которого на несколько часов отпустил домой новый начальник караула, оказавшийся приятелем гвардейца.

Николай проверил правдивость доноса, и, убедившись, что все так и было, отдал и гвардейца и его приятеля под военный суд, который и разжаловал того и другого в рядовые. Доносчику же моряку царь велел выдать в награду треть месячного жалования, но с непременно условием «записать в его

послужном формуляре, за что именно получил он эту награду».

Еще одной чертой в характере Николая была забота о близких ему людях, — будь то друзья, или соратники. Так как российская административно-государственная система, основывавшаяся на «Табели о рангах» строилась на том, что военные по необходимости переводились в гражданскую службу, а гражданские чиновники, когда была необходимость, переходили в армию, то Николаю не приходилось делать большой разницы между своими военными и статскими сподвижниками; они были в равной мере близки ему, и он отличал их только в зависимости от служебного рвения, опытности в делах и личной преданности ему самому.

Порой заботливость Николая о своих старых сподвижниках принимала аномальные формы, могущие появиться лишь при неограниченной самодержавной монархии, близкой к восточному деспотизму.

Одним из близких Николаю царедворцев был Александр Александрович Кавелин. Он был всего тремя годами старше государя, воспитывался в Пажеском корпусе, служил в Измайловском полку, а в 1818 году стал флигель-адъютантом Николая — тогда еще великого князя. Николаю нравилась в Кавелине бесхитрость и солдатская прямота, строгость к самому себе и к подчиненным. В 1827 году он стал генерал-майором свиты, а когда на следующий год император отправился на турецкий фронт, Кавелин был назначен комендантом императорской Главной квартиры. Карьера Кавелина была блистательной и скорой. В 1846 году он был членом Государственного Совета, сенатором и петербургским военным генерал-губернатором. И вдруг сошел с ума. Его освободили от всех должностей, но, чтобы подсластить пилюлю сделали генерал-адъютантом и вывезли из Петербурга в Гатчину, где по приказу Николая отвели ему прямо во дворце апартаменты и именем императора повелели всем местным властям — дворцовым, военным, духовным — выполнять любую прихоть царского любимца.

Однажды глубокой ночью Кавелин приказал поднять местного священника и немедленно привести в церковь, где ему захотелось совершить молебен. В другой раз, также ночью, он вышел из дворца в исподнем белье и пришел в казармы Кирасирского полка. По его приказу трубач протрубил тревогу, солдаты повскакали с мест, к офицерам, жившим в городе на квартирах, помчались вестовые, и когда все собрались на плацу, Кавелин велел подать себе лошадь и начал проводить уче-

ние. Закончив его, он отпустил солдат в казарму, а офицеров пригласил к себе во дворец на завтрак.

Николаю доносили об этих и многих других чудачествах больного, но он выслушивал все молча, и ничего не менял, полагая выходки своего друга совершенно безобидными²³.

Прощая слабости верноподданным, готовым положить за него свою душу, он был непримирим по отношению к противникам. Более всего не терпел Николай «вольнодумцев», «шелкоперов», «ученых умников». В них он видел страшный призрак революции, которую боялся и ненавидел более всего. Наиболее выразительно и афористично выявилось это в следующем эпизоде, произошедшем в Гатчинском сиротском институте.

Трое воспитанников выпускного класса поссорились с классным надзирателем и тот доложил о них, как о смутьянах директору института Г.И. фон Дервизу. Директор же приказал всех их публично высечь розгами. За наказанных заступился почетный опекун института С.С.Ланской, но опасаясь, что слух о порке двадцатилетних дворян-выпускников дойдет до Николая окольными путями, решил доложить о случившемся сам.

Николай жил в это время в Гатчине и тотчас же прибыл в институт. Там он приказал немедленно выстроить два старших класса, высказал свое крайнее неудовольствие и приказал всех троих сдать в солдаты. Закljučая свое выступление перед учениками, Николай изрек:

— Мне не нужно ученых голов, мне нужно верноподданных²⁴.

Это высказывание Николая получило широкую огласку и стало своеобразным официальным кредо правительства в его политике народного образования.

10 июня 1826 года был «высочайше утвержден» цензурный устав, сразу же прозванный «чугунным», он состоял из 230 параграфов и прямо указывал, что цензор обязан допускать толкование сомнительных и двусмысленных мест в худшую сторону, не в пользу автора. Цензор С.Н.Глинка говорил, что руководствуясь этим Уставом, автором которого был престарелый Министр народного просвещения, адмирал А.С.Шишков, «можно и Отче наш истолковать якобинским наречием». Причем, за провинности по должности цензора ждала гауптвахта, а автора — солдатская шинель. О чем и как можно было говорить преподавателям гимназий и университетов, когда каждый из них понимал, что цензурный устав распространяется и на их деятельность?

И хотя ни в одном из его многочисленных параграфов прямо об этом не говорилось, преподаватели хорошо понимали, чего следует опасаться, хотя бы потому что цензурное ведомство входило в состав министерства народного просвещения. Вторым важным мероприятием в области образования был указ от 19 августа 1827 года, категорически запрещающий детям крепостных учиться в любых заведениях, кроме церковно-приходских и уездных школ.

Вместе с тем Николай понимал, что без инженеров, врачей, ученых Россия обречена на отсталость и пытался совместить несовместимое — развивать образование, не знакомя студентов и учащихся с передовыми достижениями научной мысли на Западе. Таким паллиативом, который воспринимался Николаем, как надежная панацея от всех бед, стала милая его сердцу теория «официальной народности», автором которой был один из его близких сотрудников С.С. Уваров, о ком будет рассказано дальше, когда речь пойдет о ближайшем окружении Николая.

Еще одну характерную черточку во нраве царя подметил полковник Фридрих Гагерн, сопровождавший в Россию старшего сына Вильгельма Оранского и Анны Павловны, — доводившегося российскому императору родным племянником, — который пробыл в России всего две с половиной недели — с 31 июля по 16 августа 1839 года, в одно время с маркизом де Кюстином. И хотя его дневник гораздо менее значителен, все же и в нем есть нюансы и оценки Николая, каких нет у де Кюстина.

Характеризуя Николая, Гагерн писал: «Очень тягостный и неприятный недостаток для его приближенных — это его обыкновение переходить от большой фамильярности к отталкивающей гордости и являться в один и тот же день для одного и того же лица совсем различным человеком: то другом, то императором. Желание выказать себя в малых и ничтожных вещах доходит у него до крайности. К величайшим его слабостям принадлежит утомительная страсть к военным экзерцициям и маневрированию, хотя он лично того убеждения, что не годится в полководцы»²⁵.

И это совершенно справедливо: присутствуя на учениях, в лагерях, в рекрутских депо, царь любил захватски демонстрировать свое умение производить ружейные приемы, принося в верноподданнический восторг все окружение.

Другой чертой характера Николая была безотчетная любовь к поклонению и лести. Широко известным стал случай, о котором он сам любил рассказывать. Однажды вечером, гу-

ляя по Невскому, царь встретил юнкера, которому в это время полагалось быть в казарме. Остановив его, Николай спросил:

— Откуда идешь?

— Из депа, ваше императорское величество! — бодро гаркнул юнкер. (Речь шла о Картографическом депо, где юнкера учились чертить карты).

— Дурак! «Депо» — не склоняется, — заметил Николай.

— Перед вашим императорским величеством все склоняется! — возразил ему юнкер, оказавшийся не таким уж дураком. Николай рассмеялся и дал юнкеру рубль.

Император, несомненно, обладал и чувством юмора, в чем мы еще сумеем не раз убедиться. но против лести чаще всего он оказывался бессильным. Известен лишь один случай, когда он вознегодовал от совершенно уж ни с чем несообразного раболепства.

Это случилось, когда он, желая выказать свое сердечное расположение к кадетам-инженерам, решил сделать для их училища, размещавшегося с 1819 года в бывшем Михайловском замке, с тех пор называвшимся «Инженерным», общий для всех подарок — две большие картины для украшения каких-либо помещений. На обоих он написал мелом две буквы: «И.З.», что означало: «Инженерный замок». Когда картины привезли и решено было их повесить в самом большом зале замка, начальник училища распорядился покрыть буквы прозрачным лаком, чтобы увековечить автограф императора. В первый же визит Николая ему показали обе картины, и он, увидев содеянное, спросил: «Что не было тряпки, чтоб стереть мел?»²⁶ Даже ему, привыкшему к лести, и упивающемуся ею, эта выходка показалась чрезмерной, а верноподданничество и льстивость гротескными.

Существует много рассказов об остроумии Николая.

Так однажды Николай получил прошение, которым, по видимому, его хотел позабавить Бенкендорф, хорошо знавший, какую бумагу можно представлять царю, а какую лучше придержать у себя в канцелярии. Бумага, о которой пойдет речь, представляла собою прошение одного малограмотного бедного помещика, который отважился попросить Николая о зачислении сына в учебное заведение на казенный счет. Не будучи искушен в канцелярских премудростях, и не имея денег, чтоб заплатить писарю, он сел сочинять прошение на Высочайшее имя сам.

Подумав немного, помещик вспомнил, что царя именуют «Августейший», но так как за окном стоял сентябрь, то проситель написал в обращении: «Сентябрейший государь!»

Николай, получив бумагу, учинил резолюцию: «Непременно принять сына, чтобы, выучившись, не был таким дураком, как отец его».

А когда в 1832 году Николай отказался принять в качестве британского посла лорда Стрэтфорда, то для того, чтобы сохранить престиж, премьер-министр Англии Пальмерстон попросил хотя бы на один день пустить Стрэтфорда в Петербург и обещал, что он тут же уедет обратно.

Николай же ответил, что он готов дать Стрэтфорду один из самых высоких российских орденов лишь только за то, чтобы ноги его здесь не было.

Еще одной чертой характера Николая было лицемерие, скрывавшееся под личиной солдатской прямоты и простодушия. Так, например, когда ему представляли решения Сената о предании преступников смерти, он неизменно отвечал, что в России, слава Богу, смертной казни нет и предлагал дать осужденным 10-12 тысяч шпицрутенгов, проведя их сквозь строй в тысячу солдат 10-12 раз, хотя прекрасно знал, что больше четырех тысяч ударов не выдерживает никто.

Николай был жесток, деспотичен, упрям, но вместе с тем ему нельзя было отказать в неуклонном исполнении своего долга перед Россией, так, как он его понимал. В выполнении своей миссии он часто не щадил себя, проявляя волю, напористость, личную храбрость, презрение к опасностям.

А в своем доме, у себя в семье, он был отменным семьянином, строгим, но вместе с тем и ласковым отцом, заботливым мужем, ловко и умело скрывавшим свои амурные похождения от Александры Федоровны, которая, тем не менее, обо многом знала, об еще большем догадывалась, но терпела измены мужа стоически, молча страдая и перенося все это в душе и сердце, что сильно подрывало ее физическое и нравственное состояние.

НОВЕЛЛА СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Маленькие шалости коронованного Сатира

Николай Павлович родился, жил и правил в стране, где каждый дворянин почитал за счастье и честь отдать жизнь за своего обожаемого монарха, мог ли он же не отдать ему свою жену или дочь для удовлетворения его мимолетного желания?

Современник Николая, Француз Галле де Кюльтюр, писал: «Царь — самодержец в своих любовных историях, как и в остальных поступках; если он отличает женщину на прогулке, в театре, в свете, он говорит одно слово дежурному адъютанту. Особа, привлекающая внимание божества, попадает под надзор. Предупреждают супруга, если она замужем; родителей, если

она девушка, — о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе, как с изъявлением почтительнейшей признательности. Равным образом нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестья, «Неужели же царь никогда не встречает сопротивления со стороны самой жертвы его прихоти?» — спросил я даму, любезную, умную и добродетельную, которая сообщила мне эти подробности. «Никогда, — ответила она с выражением крайнего изумления. — Как это возможно?» «Но берегитесь, ваш ответ дает, мне право обратиться к вам». «Объяснение затруднит меня гораздо меньше, чем вы думаете; я поступлю, как все. Сверх того, мой муж никогда не простил бы мне, если бы я ответила отказом»²⁷.

Николай начал свои любовные похождения еще до того, как влюбился в свою будущую жену. Он был очень крепок, от природы влюбчив, и в юности не по годам зрел.

Одним из первых шагов на пути любострастия, вернее, одним из первых бастионов в крепости Амура, стал для Николая Смольнинский институт благородных девиц, по иронии судьбы созданный в монастыре. А «настоятельница» этого монастыря была графиня Юлия Федоровна Адлерберг, которая облегчала своему сыну Владимиру Федоровичу — лучшему другу юности цесаревича Николая, бывшему на пять лет старше Николая, — и самому цесаревичу их победы над своими воспитанницами.

Похождения двух закадычных друзей продолжались очень долго. Они и женились одновременно. Когда у Николая была свадьба с Александрой Федоровной, у Адлерберга почти тогда же состоялась свадьба с Марией Васильевной Нелидовой. В один день играть обе свадьбы было невозможно из-за того, что друзья не смогли бы побывать на торжествах друг у друга, а так каждый из них мог быть свидетелем на свадьбе у другого.

Первое время после свадьбы и Николай Павлович и Владимир Федорович несколько умерили свою любовную прыть, но потом природа взяла верх и все вернулось на круги своя.

Современник Николая, будущий известный литературный и общественно-политический деятель Николай Александрович Добролюбов, писал вскоре после смерти императора: «Всякому известно, что Николай пользовался репутацией неистового рушителя девических невинностей. Можно сказать положительно, что нет и не было при дворе ни одной фрейлины, которая была бы взята ко двору без покушений на ее любовь самого государя, или кого-нибудь из его августейшего семейства. Едва ли осталась хоть одна из них, которая бы сохранила свою чистоту до замужества. Обыкновенный порядок был такой: брали девушку знатной фамилии во фрейлины,

употребляли ее для услуг благочестивейшего, самодержавного государя нашего, и затем императрица Александра (жена Николая) начинала сватать обесчещенную девушку за кого-нибудь из придворных женихов»²⁸.

По слухам, так была выдана замуж фрейлина баронесса Фредерикс. Ее мужем стал полковник Никитин. Мимолетной любовницей Николая называли и фрейлину Рамзай, — дочь финляндского генерал-губернатора.

Незаурядную карьеру сделал и сенатор Михаил Петрович Бутурлин, сыграв роль сводника между императором и женой своего родного брата военного писателя Дмитрия Петровича Бутурлина — известной красавицей Елизаветой Михайловной, урожденной Комбурлей. (С этими дамами, а также и с некоторыми другими, мы еще встретимся на страницах этой книги.) Александра Федоровна, желая удержать мужа в доме, хоть как-то препятствуя его похождениям на стороне, приближала ко двору женщин, которые, нравясь Николаю, не вызвали дурных чувств и у нее самой.

Голландский полковник Фридрих Гагерн, побывавший в Петербурге в 1839 году, писал:

«Императрица любит окружать себя красивыми женщинами, составляющими украшение ее двора... Я ограничусь при этом только замужними, а о фрейлинах после. Красивейшие суть: госпожи Крюденер, Пашкова, урожденная Баранова, княгиня Юсупова, Бутурлина, Баратынская, принцесса Або-Мелик»²⁹.

Намекая на то, что именно эти дамы были предметом страсти императора, Гагерн упоминает затем и фрейлин императрицы — Нелидову, Пашкову и Фредерикс. Из названных Гагерном фрейлин особо должна быть отмечена Варвара Аркадьевна Нелидова — племянница фаворитки императора Павла Екатерины Ивановны Нелидовой, передавшей своей племяннице колдовские чары необычайной привлекательности.

Николай любил ее до конца своих дней, и, если императрица и ревновала его к кому-нибудь, то это была именно она — молчаливая, во многом загадочная и непредсказуемая красавица, оставшаяся незамужней до конца своих дней.

НОВЕЛЛА СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Главные члены императорской фамилии

Об Александре Федоровне — великой княгине и затем императрице — мы уже кое-что знаем. Мы расстались с нею вскоре после событий декабря 1825 года, которые сильно по-

трясли ее. Между тем жизнь и молодость взяли свое и после коронации в начале 1827 года двадцатидевятилетняя Александра Федоровна совершенно отошла от тревожных волнений, случившихся более года назад, много танцевала, не пропуская ни одного праздника и только новая беременность заставила ее несколько умерить свой пыл.

9 сентября 1827 года у нее родился второй сын — Константин, названный в честь его дяди. Николай тут же сообщил об этом брату в Варшаву и просил быть его крестным отцом. Новый великий князь был тотчас же зачислен в польскую армию, чтобы доказать этой армии, как сказал Николай, что он родился настолько же польским, как и русским слугою. Константин был пятым ребенком, а через четыре года родится еще один сын — Николай, и в 1832 году — последний, седьмой ребенок, и тоже мальчик — Михаил. Со всеми ними, а также и с дочерьми царской четы — Марией, Ольгой и Александрой — мы еще встретимся.

Видевший Александру Федоровну в 1839 году маркиз де Кюстин, оставил следующее описание своих впечатлений о ней, тогда сорокалетней женщине: «Императрица обладает изящной фигурой и, несмотря на ее чрезмерную худобу, исполнена неопишуемой грации. Ее манера держать себя далеко не высокомерна, а скорее обнаруживает в гордой душе привычку к покорности. При торжественном выходе в церковь императрица была сильно взволнована и казалась мне почти умирающей. Нервные конвульсии безобразили черты ее лица, заставляя иногда даже трести головой. Ее глубоко впавшие голубые и кроткие глаза выдавали сильные страдания, переносимые с ангельским спокойствием; ее взгляд, полный нежного чувства, производил тем большее впечатление, что она менее всего об этом заботилась. Императрица преждевременно одряхла, и, увидев ее, никто не может определить ее возраста. Она так слаба, что кажется лишенной жизненных сил. Жизнь ее гаснет с каждым днем; императрица не принадлежит больше земле: это лишь тень человека. Она никогда не могла оправиться от волнений, испытанных ею в день вступления на престол. Супружеский долг поглотил остаток ее жизни: она дала слишком многих идолов России, слишком много детей императору. «Исчерпать себя всю в новых великих князьях — какая горькая участь!» — говорила одна знатная полька, не считая нужным восторгаться на словах тем, что она ненавидела в душе.

Все видят состояние императрицы, но никто не говорит о нем. Государь ее любит; лихорадка ли у нее, лежит ли она, прикованная к постели болезнью, — он сам ухаживает за ней,

проводит ночи у ее постели, приготавливает, как сиделка, ей питье. Но едва она слегка оправится, как он снова убивает ее волнениями, празднествами, путешествиями. И лишь когда вновь появляется опасность для жизни, он отказывается от своих намерений»³⁰.

Де Кюстин писал, что несмотря на слабость здоровья жены, Николай почти не делал разницы между собой и ею.

«Трудовой день императрицы начинается с раннего утра смотрами и парадами. Затем начинаются приемы. Императрица уединяется на четверть часа, после чего отправляется на двухчасовую прогулку в экипаже. Даже перед поездкой верхом она принимает ванну. По возвращении — опять приемы. Затем она посещает несколько состоящих в ее ведении учреждений или кого-либо из своих приближенных. После этого сопровождает императора в один из лагерей, откуда спешит на бал. Так проходит день за днем, подтачивая ее силы»³¹.

И вместе с тем Николай, несомненно, любил свою жену, прежде всего, как мать своих детей, а, кроме того, почитал в ней императрицу России.

Зная за собой немало грешков и грехов, о чем речь пойдет впереди, Николай по отношению к Александре Федоровне неизменно демонстрировал не только подчеркнутую заботливость, но и намеренно не жалел никаких расходов, особенно, если речь шла о ее заграничных вояжах. Этим преследовал он и политическую цель, когда роскошь и богатство императрицы должны были ассоциироваться в Европе с могуществом и неограниченными возможностями его Империи. Даже после того, как Николай умер, традицию покойного императора продолжил ее сын — Александр II. Так, например, когда Александра Федоровна решила провести часть зимы 1857 года в Ницце, то для ее недолгого пребывания был куплен большой и роскошный дом на берегу моря, а для того, чтобы слава о богатстве и щедрости русских царей разнеслась по Европе, августейшая вдова устраивала роскошные бесплатные обеды для сотен, а иногда и нескольких тысяч человек. Причем, каждый, кто приходил на обед, — а им мог быть любой — имел право унести с собою и один столовый прибор, в который входил и серебряный стаканчик, с вырезанным на нем вензелем императрицы.

Из-за того, что больной не нравилась местная вода, ей привозили невшскую воду, в особых бочонках, которые везли в ящиках, наполненных льдом.

Жители Ниццы, полагая, что царская вода обладает какими-то особенными целебными качествами, всеми способами пытались купить у курьеров хотя бы рюмку ее, и в конце-концов преуспели в этом: ловкие курьеры стали прихватывать с

собою один-другой лишний бочонок и продавать воду на вес золота³².

Далее, по ходу повествования, мы еще не раз встретимся с Александрой Федоровной, а пока ограничимся сказанным, чтобы иметь о ней первоначальное представление и знать в дальнейшем, с кем именно мы имеем дело.

Из семи детей Николая и Александры Федоровны наибольшее внимание, несомненно, должно быть уделено их первенцу — Александру, — главным образом из-за того, что ему была уготована судьба одного из выдающихся российских государей, вошедшего в историю с именем «Царя-Освободителя».

Мы оставили его, когда первенцу Николая было восемь лет и он только что перешел из рук бонн-англичанок в ласковые, но твердые руки капитана Мердера.

Последний сюжет, связанный с цесаревичем Александром Николаевичем, был посвящен восстанию 14 декабря 1825 года и тому, что с ним происходило в этот день, а также и его более позднему отношению к декабристам. Теперь же вновь вернемся к его детским занятиям и воспитанию.

Пока Мердер обучал восьмилетнего мальчика премудростям воинской службы, В.А.Жуковский готовил обширный план всестороннего воспитания и образования будущего императора. Для составления такого плана и для подготовки самого себя к роли Главного воспитателя, Жуковскому дано было несколько лет и значительные средства.

Поэта приблизили ко двору еще в 1815 году.

В декабре следующего года Александр I назначил ему пожизненную ежегодную пенсию в 4000 рублей серебром «принимая во внимание его труды и дарования», а с 1817 года Жуковский стал преподавать русский язык жене Николая Павловича великой княгине Александре Федоровне, с которой его связывала искренняя дружба и столь же искренняя симпатия. Будущая императрица по достоинству оценила доброту и талантливость Жуковского, а также блестящую образованность и нежную душу, прошедшую через множество страданий.

Жуковский был незаконным сыном тульского помещика Ивана Афанасьевича Буннина и пленной турчанки Сальхи, отданной его отцу на воспитание одним из друзей майором К.Муфелем. Сальху крестили, назвав ее Елизаветой Демьяновной Турчаниновой и сделав нянькой при младших детях Буннина, а потом — домоправительницей. Когда будущий по-

эт родился, у его отца уже было одиннадцать законных детей, и мальчика-бастарда по желанию Бунина усыновил бедный дворянин-нахлебник, живший в его доме из милости — Андрей Григорьевич Жуковский. Это сделало мальчика дворянином и позволило шести лет от роду поступить на военную службу в Астраханский гусарский полк, откуда он в том же году в чине подпрапорщика вышел в отставку.

Его усыновлению сопутствовали трагические обстоятельства — в семье Буниных за один год умерло шестеро детей и его признание членом семьи воспринималось, как плата судьбе и Богу добром за зло. Получив прекрасное образование, Жуковский становится лучшим в России поэтом-переводчиком Байрона, Гете, Шиллера, Ламотта-Фуке и других великих бардов Европы, стяжав почти одновременно и собственными стихами славу поэта — лирика и романтика. В 1806 году у поэта возникла первая, сильная и светлая любовь к собственной племяннице, мать которой категорически возражала против их брака из-за кровного родства. До самой ее смерти, последовавшей в 1823 году, Жуковский любил свою Машу и страдал из-за невозможности связать их судьбы.

Незадолго до смерти своей любимой Жуковский совершил свое первое заграничное путешествие, сопровождая великую княгиню Александру Федоровну. Апофеозом этой поездки стал придворный праздник, который был устроен в Берлине 15 января 1821 года в честь приезда туда Александры Федоровны и ее мужа Николая Павловича. В этот вечер во дворце своего отца — прусского короля Фридриха-Вильгельма III величественная и грациозная принцесса играла вместе с мужем в любительском спектакле, поставленном по мотивам романтической «восточной» поэмы английского поэта Томаса Мура «Лалла Рук». Александра Федоровна играла в ней главную роль — красавицы-невесты — дочери индийского раджи Лаллы Рук, а роль ее жениха — бухарского принца Адириса — играл Николай Павлович. Спектакль удался на славу и Жуковский тогда же написал стихотворение «Лалла Рук», которое очень понравилось всем и особенно героине спектакля и стихотворения:

И блистая и пленяя --
Словно ангел неземной --
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Светлый завес покрывала
Оттеньял ее черты,
И застенчиво склоняла
Взор умильный с высоты.

Все — и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной —
Все в ней было без искусства
Неописанной красой!

Ах, не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты.

И только через пять лет появилась пушкинская строка, где «гением чистой красоты» была названа А. П. Керн. А сама Лалла Рук была введена в VIII главу «Евгения Онегина» в сцену бала, оставшись, правда, лишь в черновом варианте:

...В зале яркой и богатой
Когда в умолкший тесный круг,
Подобно лилии крылатой
Колеблясь входит Лалла Рук
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо веет и скользит
Звезда — харита меж харит, —
И взор смещенных поколений
Стремится, ревностью горя,
То на нее, то на царя.

Возвратившись в Петербург, Жуковский стал упорно готовиться к исправлению должности воспитателя маленького цесаревича. Он считал, что будущий император должен был получить такое образование, которое сделает из него «просвещенного монарха» и позволит знать и понимать все, что следует знать и понимать императору великой державы.

Жуковский писал: «Его высочеству нужно быть не ученым, а просвещенным. Просвещение должно познакомить его со всем тем, что в его время необходимо для общего блага и, в благе общем, для его собственного. Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью»³³.

Что же изучал цесаревич? С самого раннего детства упорно и систематически — пять языков: русский, французский, немецкий, английский и польский. Последний для того, чтобы, став королем польским, говорить со своими подданными на их родном языке, не прибегая к помощи переводчиков или

интернациональному языку аристократов — французскому. Основой курса Жуковский считал изучение истории, особенно истории России, видя именно в этой науке наставницу и воспитательницу монархов, которые, изучив историю, и постигнув ее законы, сумеют понять, что главным смыслом их деятельности должно стать служение «свободе и порядку, что является по сути своей одним и тем же». Василий Андреевич писал также: «Сокровищница просвещения царского есть история, наставляющая опытами прошедшего, или объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его века»³⁴. И Александр вскоре отдал предпочтение именно истории.

Другой основой — уже не образовательной, а воспитательной — Жуковский считал собственный моральный пример. Он исходил из признания истинности категорического императива Канта: «Вечное небо надо мной и вечный нравственный закон внутри меня». И считал этот закон не просто декларацией, но неперенным жизненным правилом. Жуковский помогал ссыльным декабристам Е.А.Баратынскому и Ф.Н.Глинке, принимал участие в судьбах А.В.Кольцова, М.Ю.Лермонтова, А.И.Герцена, выкупал из неволи Т.Г.Шевченко и крепостных родственников бывшего раба — вольноотпущенника академика А.В.Никитенко. Все это позволило другу Пушкина князю П.А.Вяземскому сказать следующее: «Официальный Жуковский не постыдит Жуковского-поэта. Душа его осталась чиста и в том и другом звании»³⁵. Жуковский оказал сильнейшее благотворное воздействие на своего воспитанника, развивая и поощряя в Александре серьезное и ответственное отношение к его будущему призванию, трудолюбие, доброту и гуманизм. Эти качества Александр сохранил на всю жизнь, совершив впоследствии величайший гуманистический акт — ликвидацию в России тысячелетнего крепостного права. Исключительно важное значение придавал Жуковский воспитанию в цесаревиче, чувства патриотизма. В этом смысле очень показателен следующий эпизод, относящийся к более позднему времени, когда в 1835 году одним из воспитателей шестнадцатилетнего цесаревича стал М.М.Сперанский, преподававший политические и юридические науки. Сперанский с предельной откровенностью рассказывал наследнику об истинном состоянии государства, о его несовершенстве и необходимости решительных реформ. Былой республиканец, демократ и либерал вновь возродился в нем, и, казалось, что перед будущим Александром II воскрес Лагарп, преподающий Александру I и отстаивающий принципы свободы, равенства и братства. Но, кроме этого, Сперанский

воспитывал в цесаревиче глубокий русский патриотизм. Последнее обстоятельство показалось многим царедворцам опасным и губительным и они затеяли интригу, чтобы дискредитировать Михаила Михайловича в глазах Николая. И тогда на помощь Сперанскому пришел Жуковский. Его мнение, как Главного воспитателя, было весьма значительным.

Жуковский написал Сперанскому: «Воспитание великого князя идет хорошим порядком. Русский государь должен быть предпочтительно русским. Но это не значит, что он должен все русское почитать хорошим, потому единственно, что оно русское. Быть русским есть уважать народ русский, помнить, что его благо в особенности вверено государю Провидением, что русские составляют прямую силу русского монарха, что их кровью или любовью утверждён и хранится трон их царя, что без них и он ничто, что они одни могут ему помогать действовать с любовью к отечеству. Иностранец может быть полезен России и даже более русского, если он просвещенный; но он будет действовать для одной чести, для одной корысти, редко из любви к России. Русский, при честолюбии, будет иметь и любовь к России. И русский с талантом и просвещением всегда будет полезнее России, нежели иностранец с талантом и просвещением. Если русских просвещенных менее, нежели иностранцев, то не их вина: вина правительства. Оно само лишает их способов стать наряду с иностранцами, и потому не вправе обвинять их в том, что они уступают последним. Без уверенности народа, что государь его имеет к нему доверенность, уважение и предпочтение, не будет привязанности народа к государю... Государь Русский! Помни, что ты русский! Помни Куликовскую битву, помни Минина и Пожарского, помни 1812 год!»³⁶.

Кроме языков и истории Александру преподавали географию, статистику, этнографию, логику, философию, математику, физику, минералогию и геологию. Для развития его индивидуальных способностей с мальчиком занимались рисованием и музыкой, гимнастикой и фехтованием, конным спортом и плаванием, танцами и декламацией, а также столярным, токарным и слесарным ремеслами.

Цесаревич оказался хорошим рисовальщиком и чертежником, с особым удовольствием чертил карты России и дарил их на праздники отцу.

Важное место занимало в его нравственном воспитании православие. Его духовник I. П. Павский начинал всякий день чтением Евангелия, для чего приходил еще в спальню цесаревича. И сам Николай, и Александра Федоровна, и все их дети не пропускали ни одной важной церковной службы, неукос-

нительно соблюдали посты, регулярно причащались и исповывались.

Этика поведения строго соотносилась с этикой православия, а одним из канонов ее было трудолюбие. Николай, постоянно деятельный — другое дело, всегда ли эта деятельность была полезной. — во всяком случае не терпел праздности и требовал того же от своих сотрудников и от своих ближних. Отец-император придавал воспитанию старшего сына огромное значение и постоянно следил за тем, как оно осуществляется. Это было тем более необходимо, что в детстве и ранней юности Александр был впечатлительным, чувствительным, непосредственным ребенком. Он был подвержен сильным и откровенным чувствам. Из его «Дневника», который мальчик вел с детства, мы узнаем, что он часто бурно радовался цветам, жаворонку в небе, прогулке в Летнем саду, а при известии о появлении на свет еще одного брата — Михаила — самого младшего, родившегося, когда Александру шел уже шестнадцатый год — цесаревич так разволновался, что не спал всю ночь.

В детстве нрав его и характер были неровны и неустойчивы. Александр часто плакал, беспричинно злился, иногда даже кричал на слуг и дерзил учителям. Однако он тут же брал себя в руки и немедленно извинялся.

Самым же большим его пороком, с которым и император Николай и Жуковский, и все другие наставники и воспитатели непрестанно боролись, была нелюбовь к упорному систематическому труду. К чести их всех, и самого цесаревича, должно признать, что и этот порок был искоренен, и уже к юности Александр с удовольствием учился, вырабатывая силу воли и твердость характера.

По-своему влиял на это и Николай, при случае выказывая силу воли, упорство и жесткость.

Академик К.И.Арсеньев преподавал наследнику статистику. Раз читал он о народах, из которых составлена Россия. Показался император Николай, проходивший через классную комнату. Услышав предмет чтения, он остановился и начал прислушиваться. Когда Арсеньев объяснял, что поляки, литовцы, прибалтийские немцы, финляндцы и другие племена по вере, языку, историческим преданиям, характеру и обычаям совершенно различествуют друг от друга и от русского народа. — государь стал приближаться. Но, — продолжал Арсеньев, — все эти народы под мудрым правлением наших государей так связаны между собою, что составляют одно целое.

— А чем все это держится? — спросил государь сына своего, быстро подойдя к нему. Наследник дал заученный ответ: — Самодержавием и законами.

— Законами, — сказал государь, — нет. Самодержавием. И вот чем, вот чем, вот чем, — и при каждом повторении этих слов махал сжатым кулаком³⁷.

Однако Александр от природы не мог быть копией своего отца и даже во многом представлял его полную противоположность. Мальчик был необычайно мягок, сентиментален и добр.

Главными его качествами были — огромная любовь и привязанность к отцу и матери, доброжелательность к окружающим, стойкое чувство дружбы к товарищам по учебе. Их было несколько, но на всю жизнь сохранил он прочные связи с Петей Мердером, графом Иосифом Виельгорским — будущим знаменитым музыкантом, — Александром Паткулем и Александром Адлербергом.

Круг чтения наследника был и обширен и со вкусом подобран. Кроме нравоучительной церковной литературы его познакомили с европейской и русской классикой — Гомером, Дефо, Сервантесом, Крыловым, Пушкиным и другими. Его часто водили в театры, а когда привозили в другие города, то и тут устраивали экскурсии, добываясь максимальной пользы от показа древностей, производств, раритетов.

Целенаправленная многолетняя работа целого коллектива высокоодаренных талантливых педагогов принесла свои плоды — цесаревич полюбил учебу, отдав свои симпатии прежде всего — истории. Несомненной удачей Жуковского, поддержанного и умным военным наставником К.К. Мердером, было и то, что военным наукам отвели подобающее им место. Еще в 1826 году, когда Александру было девять лет, он писал из Дрездена императрице: «Должен ли он (Александр) быть только военным, действовать в сжатом горизонте генерала? Когда же будут у нас законодатели? Страсть к военному ремеслу стеснит его душу: он привыкнет видеть в народе только полк, в отечестве — казарму. Мы видели плоды этого: армии не составляют могущества государства. Если царь занят одним устройством войска, то оно годится только на то, чтобы произвести 14-е декабря»³⁸.

И все же мальчишество и родовые традиции взяли свое — Александр, как и отец его, как и дед его — Павел — безумно полюбил смотры, разводы, учения, более всего увлекаясь парадной стороной военного дела.

Затем армия стала его любимым детищем, а предметом самого пристального внимания оказались военные события.

победы русского оружия, подвиги русских солдат, офицеров и генералов.

Забегая чуть вперед, завершим этот очерк о воспитании и обучении цесаревича самым для него важным — нравственной и психологической подготовкой к его будущей роли — Российского Императора.

10 сентября 1831 года, когда Александру шел пятнадцатый год, Николай официально провозгласил его наследником престола. Однако случилось это не внезапно.

Цесаревичу не было еще десяти лет, когда отец-император стал исподволь готовить его к предстоящему жребию.

Накануне дня рождения — 16 апреля 1827 года — Николай подарил сыну портрет Петра Великого и пожелал ему во всем быть подобным первому российскому императору. После этого отец стал регулярно беседовать с Александром о его обязанностях, о его долге перед страной и народом, а 6 апреля 1832 года, перед Пасхой, сказал ему: «Ты уже больше не дитя, ты должен готовиться заместить меня, ибо мы не знаем, что может случиться с нами. Старайся приобретать силу характера и твердость». И в тот же самый год, 24 июня, в канун дня рождения Николая, когда сын поздравил его «с наканунеем», отец сказал цесаревичу: «Готовься быть моей подпорой в старости».

11 марта 1833 года, после традиционной ежегодной панихиды по Павлу I, Николай и Александр пошли вдвоем пешком по Английской набережной. Тут начался у них разговор семейный, доверительный, и Николай рассказал, как бабушка его, а Александра прабабушка — заставила Петра III отказаться от престола, как убили его в Ропше, а потом и о том, как убили сына Петра III и Екатерины II — Павла, но не велел никому об этом говорить. А ведь Павел был родным отцом Николая и дедом Александра, и можно представить, какое воздействие произвело это на нервного, впечатлительного юношу, почувствовавшего, по-видимому, рядом с собою шум крыльев смерти и холодное ее дыхание. И откуда было знать ему, что цепочка эта, начавшаяся убийством его прадеда и деда, скует одним из звеньев своих и его отца, которому будет суждено стать самоубийцей, и его самого, когда бомбой разорвут его в клочья террористы-народовольцы?

Год спустя, 17 апреля 1834 года, когда исполнилось Александру 16 лет, был он объявлен совершеннолетним и вступил в действительную службу, принеся присягу в качестве наследника престола.

В этот же день он стал атаманом всех казачьих войск и генерал-адъютантом. Казалось бы, этот парадный набор должностей был скорее праздничным подарком, чем серьезным государственным актом. Ан, нет. Генерал-адъютантство давало навыки в дворцовой и военной службе, а должность атамана всех казачьих войск знакомила его буквально со всей Россией, ибо было тех войск двенадцать и стояли они от Кубани и Буга до Амура.

В тот же день отец подарил ему коллекцию памятных российских медалей и две турецкие сабли, мать — большой надувной глобус, с указанием часовых поясов, брат — великий князь Константин, тогда еще семилетний мальчик, — предметы охотничьего снаряжения, а сестры — Мария, Ольга и Александра — собственные свои портреты, написанные Брюлловым.

И тогда же, 17 апреля 1834 года, финский минералог Н. Норденшельд впервые увидел на Урале неизвестный ранее драгоценный камень, и назвал его в честь цесаревича «Александрит»*. При солнечном свете он имел изумрудно-зеленый цвет, но вечером, при свете костра Норденшельд вдруг увидел, что камень стал кроваво-красным.

Впоследствии, знавшие этот эпизод современники угадывали в нем глубокий провиденциалистский смысл: зеленая пора юности, расцветающая при свете дня, завершилась кровавым отблеском покушения перед закатом жизни.

Важную роль при дворе играла вдовствующая императрица Мария Федоровна. Когда Николай вступил на трон, ей было 65 лет. Она была совершенно здорова, энергична и очень трудолюбива. Наиболее полную характеристику дал ей Бенкендорф. Это случилось после того, как императрица умерла, прожив в царствование Николая только два года.

Бенкендорф писал о ней так: «Мария Федоровна прожила с лишком 50 лет в том дворце, где теперь испустила дух, и служила в нем живым уроком всех добродетелей; стараясь умягчать суровую строгость императора Павла; она даровала России двух монархов; была образцом жены и матери; жила единственно, чтобы благодетельствовать бедным, вдовам и сиротам. Важнейшие, как и самые мелкие подробности надзора за воспитанием принятых ею под свое попечение нескольких тысяч детей и за устройством множества больниц занимали ее ежедневно

* Александрит представляет собою драгоценный камень I-го класса, являясь одной из разновидностей хризоберилла.

по несколько часов, и всем этим заботам она посвящала себя со всем жарким увлечением... Уже в весьма преклонных летах, императрица никогда не отходила к покою, не окончив всех своих дел, не ответив на все, полученные ею в тот день письма, даже самые малозначащие. Она была рабою того, что называла своим долгом. Науки и искусства всегда находили в ней покровительницу. Она любила чтение, не гнушалась рукоделием. В летнюю пору она занималась с особенным знанием дела ботаникою и садоводством. К числу отличительных ее способностей принадлежало умение так распределять свои занятия, что у нее доставало времени на все, чему способствовали необычайная деятельность и необычайное здоровье. Взыскательная к самой себе, она была требовательна и к своим подчиненным; всегда неутомимая, не жаловала, если они казались усталыми... Единственным недостатком этой необыкновенной женщины была излишняя ее взыскательность к своим детям, и к лицам, от нее зависевшим»³⁹. Можно представить, сколь велика была строгость и взыскательность покойной, если об этом решил высказаться, как о недостатке, такой педант и службист, как Бенкендорф!

И, наконец, следует сказать и о великом князе Михаиле Павловиче. — почти сверстнике Николая, друге и вечном спутнике его детства и юности. Ранее уже рассказывалось о их совместном обучении и воспитании, о поездках по России и за границу, и о многом ином. После вступления Николая на трон, значение Михаила еще более возросло ибо цесаревич Александр был восьмилетним ребенком.

8 ноября 1826 года Михаил Павлович в день своего тезоименитства был назначен командующим гвардейским корпусом. Он давно мечтал об этом, и, вступив в командование сразу же закусил удила, — стал разносить всех подряд, оскорблять офицеров и тиранить их мелочными придирками. Понадобилось вмешательство Бенкендорфа, графа Кочубея, генерала Васильчикова, независимо друг от друга, доложивших Николаю о положении дел, понадобилась, наконец, и строгая беседа с Михаилом самого царя, чтоб он чуть поостыл и стал помягче и поделикатнее. Следует заметить, что все это не пошло Михаилу на пользу и он сначала вроде бы переменялся в лучшую сторону, но потом вновь взялся за прежнее.

«Великий князь Михаил Павлович, — писал голландский полковник Гагерн, — внешне непривлекателен; в нем есть что-то мрачное и суровое, но в сущности его можно назвать «благодетельным нелюдимом». О нем рассказывают случаи, где он проявил прекрасные черты великодушия. Он начальник гвардейского корпуса и всей артиллерии, но имеет мало

влияния, и в действительности император сам командует гвардией. Михаил иногда бывает очень остроумен. В делах, как говорят, он также мало имеет влияния, да и здоровье его страдает.»⁴⁰

Импульсивный и порывистый, он мог, сгоряча, упечь на гауптвахту, понизить в звании, сослать из гвардии в дальний армейский гарнизон, но мог и облагодетельствовать, помочь деньгами, заступиться перед царем, если знал попавшего в опалу офицера с хорошей стороны. И из-за всего этого Михаил Павлович, несмотря на свои недостатки, все же пользовался в гвардии авторитетом. В 1824 году он женился на семнадцатилетней вюртембергской принцессе Каролине, принявшей в православии имя Елены Павловны.

В 1826 году у Михаила и его жены было две маленьких дочери — Мария и Елизавета, которым суждено было умереть в самом цветущем возрасте: Мария умерла в 21 год, Елизавета — в 19.

Впоследствии такие же несчастья продолжали преследовать Елену Павловну и дальше. Она родила еще троих детей — двух девочек и мальчика, — но одна из дочерей, Анна, и сын Александр умерли во младенчестве, и только единственная дочь — Екатерина — прожила довольно долгую жизнь, став в 1851 году герцогиней Мекленбург-Стрелицкой. Но, несмотря на эти удары судьбы, Елена Павловна не опускала руки и находила в себе силы читать и музицировать, рисовать и рукодельничать, а ее литературный салон был одним из лучших в Петербурге, и ее справедливо считали одной из образованнейших женщин в Европе. Круг общения Елены Павловны выходил за границы «большого света». Ее поклонниками были А.С.Пушкин, И.С.Тургенев, композитор и пианист А.Г.Рубинштейн.

О великом князе Константине уже рассказано в предыдущей главе. После коронации Николая он вернулся в Варшаву к своим прежним делам. И хотя Николай стал императором, Константин, как старший в семье Романовых, продолжал занимать в ней особое место. Однако у него хватило ума безоговорочно признать себя подданным своего младшего брата, что он и делал, никогда не нарушая субординации, и особенно выразительно и рельефно подчеркивая свое подчиненное положение к императору, когда им приходилось оказываться на людях.

Такою была семья Романовых в 1826 году. Точнее, так обстояло дело со взрослыми ее членами. Что же касается детей Николая и Александры Федоровны, то кроме цесаревича у них росли три маленьких дочери — семилетняя Мария, четы-

рехлетняя Ольга и годовалая Александра. О них мы узнаем позже, когда их жизнь и их поступки станут влиять на ход дел в стране. Что же касается цесаревича Александра, то для него было сделано исключение по причинам уже объясненным.

НОВЕЛЛА СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Попытки очистить Авгиевы конюшни бюрократии

Теперь же вернемся к самому императору и расскажем о том, как входил он во внутренние и внешнеполитические дела России, вернувшись после коронации в Петербург. Николай приехал из Москвы в Царское Село 5 октября 1826 года, и на следующий день прибыл в Петербург.

Три последующих дня над городом полыхали фейерверки, а в центре сверкала иллюминация, но затем все погасло и праздник коронации кончился. А Николай с головой окупнулся в будничные дела.

Он был трудолюбив и педантичен. Вставая в 5 часов утра, Николай уже до завтрака успевал управиться со множеством дел: выслушать доклады о происшествиях в столице, просмотреть фельдъегерскую почту, привезенную за ночь, на свежую голову решить дела отложенные накануне. А затем, после развода дворцовых караулов, ехал он в один из полков, снимал пробу с солдатской каши, присутствовал на строевых занятиях, поражая всех четкостью и лихостью ружейных приемов, которые демонстрировал лучше любого старослужащего фельдфебеля, и возвращался во дворец к бумажным, государственным делам. И странно, чем глубже вникал он во все происходящее, то все более убеждался в правоте тех, кого велел он казнить, заточить в казематы и сослать в Сибирь — в правоте всех этих отечественных карбонариев, мартинистов и якобинцев, ибо чуть ли ни с каждого листа будто шептали они ему то же самое, о чем бесстрашно и прямо говорили и судьям, и ему самому, когда сам он спрашивал их почему и зачем дерзнули они на мятеж, и отчего посмели поднять преступную руку на его самодержавную власть? И когда говорили они, насколько бессильна его власть, не способная обуздать чиновничью орду, иссушившую тело народа, он считал все это злокозненными бреднями высокомерных нахалов.

Но вот их уже нет, а бумаги, привозимые со всех концов России, изо дня в день подтверждают их правоту. И каждая из этих бумаг вопиет: «Спаси, государь, огради нас, сирых детей твоих, от произвола и разорения!»

И когда Николай убедился в правоте этого, он поручил Сперанскому подумать над тем, как путем совершенствова-

ния законодательства поставить на пути мздоимцев непреодолимые препятствия и лишить их возможности красть и грабить.

Дело было передано в лучшие руки империи. Ведь Сперанский прошел всю лестницу российской бюрократии, побывав в самых разных чиновных ипостасях и хорошо знал подлинную силу и размах чиновничьего произвола. Сперанский рассказывал своим коллегам по составлению «Свода законов» о том, как в бытность его в Сибири, лишь только доехал он до границы Иркутской губернии, как перед ним предстали двое старцев, стоявших на коленях, с прошениями, которые держали на своих совершенно седых головах. Это происходило в Нижнеудинске, перед входом в канцелярию уездного исправника Лоскутова, вконец замордовавшего всех жителей уезда террором и грабежом. Лоскутов знал, что, проезжая в Иркутск, новый генерал-губернатор остановится в Нижнеудинске, и, опасаясь подачи на него письменных жалоб, приказал отобрать у жителей все чернила, перья и бумагу, собрав все это в волостных управах. И все же в тайне от Лоскутова жалобы были написаны и вручены для передачи двум старикам, которые согласились на этот поступок, почти равный самоубийству, только потому что из-за своей старости со дня на день все равно ждали смерти.

Сперанский велел жалобы немедленно прочитать вслух в присутствии сотен, собравшихся вокруг него жителей Нижнеудинска. Выслушав жалобы, поддержанные дружными восклицаниями толпы, подтверждавших их правоту, Сперанский тут же отрешил Лоскутова от должности и велел арестовать. И тут старики, все еще стоявшие на коленях рядом со Сперанским, с перекосившимися от ужаса лицами, схватили его за полы сюртука и тихими дрожащими голосами стали упрашивать не делать этого, приговаривая: «Батюшка, ведь это Лоскутов, что ты это делаешь? Ведь будет тебе от него за нас худо. Видать, не знаешь ты Лоскутова».

В Нижнеудинске Сперанский должен был остановиться у местного священника, в большой, многодетной семье, так как хозяевами лучших домов были чиновники — казнокрады и вымогатели, а их всех он велел арестовать и их близкие, конечно же, не пустили бы его на постой.

В Иркутске произошло почти то же самое — самые заядлые воры были отданы под суд, а их второсортные коллеги изгнаны со службы. Чиновники-иркутяне, оставшиеся в городе, более всего жалели вторых, ибо их товарищам предстояло из благообильной Сибири перебираться в нищую Россию, которая воспринималась и теми и другими, как место ссылки.

И хотя только что рассказанная история произошла еще в царствование Александра, в годы правления Николая дело ничуть не улучшилось, а даже значительно ухудшилось.

Тогда популярным стало высказывание Александра I, так отозвавшегося о своих приближенных: «Они украли бы мои военные линейные суда, если бы знали, куда их спрятать, и они бы похитили у меня зубы во время моего сна, если бы они могли вытащить их у меня изо рта, не разбудив меня при этом»⁴¹.

Воровство процветало не только в провинции, не только в интендантстве и казенных заведениях. Даже в самом дворцовом ведомстве оно не знало предела. Когда придворный берлинский живописец профессор Франц Крюгер, написал отличный портрет Николая, император велел подарить художнику золотые часы-брегет, усыпанные бриллиантами.

Приказ был исполнен, но не полностью: часы оказались золотыми, а вот бриллиантов на них почему-то не было.

Николай узнал о случившемся, и при встрече с Крюгером сказал:

— Видите, господин Крюгер, как меня обкрадывают! Однако, если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого мало было бы Сибири, а Россия превратилась бы в пустыню, как Сибирь.

И так как именно государственная служба предоставляла каждому повытчику почти неограниченные возможности для наживы, то самые бесталанные, едва образованные ничтожества стремились во что бы то ни стало попасть хотя бы на самую нижнюю ступеньку «Табели о рангах», значась коллежским регистратором, фискалом, архивариусом, судебным асессором. Любая ступенька давала личное дворянство, а более высокая — и потомственное — и, что самое главное, — безбедную, легкую и сытую жизнь, а на старости лет и обязательную пенсию.

И потому после того, как в 1846 году была опубликована «Колыбельная песня» Н.А. Некрасова, она приобрела огромную популярность:

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой...
Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь,
Баюшки-баю.

А слова: «До хорошего местечка доползешь ужом» стали вскоре же крылатым выражением.

Не менее чудовищным бедствием была судебная и канцелярская волокита, когда иногда жалобщикам и тяжущимся для разрешения дела не хватало не только десятилетий, но и всей жизни. К тому же, добиваясь решения тяжбы в свою пользу — чаще всего по денежным или имущественным спорам, — они тратили все свое состояние на пошлины, гонорары писцам и нотариусам и взятки чиновникам, так ничего в конце-концов и не получая взамен. Вот лишь две истории о волоките.

Двадцатипятилетний А. И. Герцен во время своей службы в канцелярии губернского правления в Вятке натолкнулся на «Дело о перечислении крестьянского мальчика Василия в женский пол». Речь в нем шла о том, что 45 лет назад пьяненький поп окрестил девочку Василием, вместо Василисы, записав ее под мужским именем в метрику. Когда подошла пора платить за «Василия» рекрутскую и подушную подати, которые платили только за сыновей, отец девочки подал прошение об освобождении от этих налогов. Однако его просьба была отвергнута на том основании, что он пропустил срок десятилетней давности. Отец пошел к губернатору, который велел произвести медицинское переосвидетельствование и одновременно начал переписку с консисторией, длившейся еще несколько лет.

Чудовищная волокита, когда очевидные дела не решались годами, заставляла некоторых чиновников прибегать к нетрадиционным методам их изучения и заключений. Так, однажды к министру юстиции графу В. Н. Панину приехал председатель одной из губернских уголовных палат и с радостью доложил, что все, числившиеся за ним дела, закончены.

— Как же вы это сделали? — спросил Панин.

— Я отдал нерешенные дела нескольким опытнейшим чиновникам, содержащимся в нашем остроге за взяточничество, подлоги и вымогательство, и они мне живо написали все, что нужно.

А теперь возвратимся в самый конец 1826 года, к тому времени, когда молодой император, только что возвратившийся с коронации, еще верил в свое всемогущество.

6 декабря 1826 года Николай направил графу В. П. Кочубею рескрипт, назначив его Председателем особого комитета, которому следовало «обозреть настоящее положение всех частей управления, дабы из сих соображений вывести прави-

ла к лучшему их устройству и исправлению». В состав этого Секретного комитета, названного по дате его образования «Комитетом 6 декабря», вошли члены Государственного Совета генералы графы Толстой и Васильчиков, барон Дибич, и три статских сановника — князь Голицын, Сперанский и Блудов. Этот рескрипт появился после того, как Сперанский за неделю перед тем представил Николаю записку о том, чем следует заниматься такому Комитету. По его записке Николай предложил — «Изложить мнения: 1. что предполагалось, 2. что есть, 3. что кончить оставалось бы, 4. в изложении мыслили, что нынче хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить». Далее Николай написал, что дело Комитета он считает «из важнейших моих занятий и обязанностей». «Комитет 6 декабря» стал первым из десяти Секретных комитетов, которые вслед затем создавались для обсуждения проектов различных реформ. Главным вопросом обсуждения был крестьянский вопрос, но так как гласность рассмотрения проблемы совершенно исключалась, то это и привело к полной неудаче их деятельности.

В то самое время, когда первый Секретный или Особый комитет начал собираться на свои заседания, Николай дал поручение тайному советнику А.Д.Боровкову — бывшему секретарю Особого комитета для следствия о тайных обществах, возглавлявшему делопроизводственную часть процесса от начала следствия до вынесения приговоров — обобщить сказанное декабристами во время следствия и суда. Секретари и писцы точно и полно записывали показания декабристов, открыто и смело рассказывавших о казнокрадстве, чиновничьем произволе, судебной волоките, взяточничестве, о язвах крепостничества, разъедавших жизни и судьбы всего населения России, но особенно тягостных для безгласных и бесправных крепостных рабов — «крещеной собственности», к которой относился каждый третий житель империи.

Читая «Свод», сочиненный Боровковым, Николай все более убеждался в необходимости для России реформ, о которых говорили на следствии декабристы. Но подсудимых было более ста, далеко не все они мыслили, как реформаторы, не все обладали государственным умом, к тому же часто повторялись, говоря одно и то же, и потому Николай назвал Боровкову четверых, наиболее ему запомнившихся, и попросил обобщить их показания.

«Свод в систематическом порядке,» — так сам Боровков назвал те извлечения, которые сделал он из ответов Батенко-

ва, Штейнгеля, Александра Бестужева и Переца. Он опустил повторы и «пустословие» и оставил главное — идеи, касающиеся исправления дел в России.

Боровков начал с того, что противопоставил первые годы царствования Александра (до 1807 г.) его последующему царствованию, когда из-за войн с Наполеоном расстроились финансы, произошло обнищание народа и надежды людей остались без исполнения. Победа в Отечественной войне ничего не дала народу. Ратники, вернувшиеся из-за границы, из освободителей России и Европы снова превратились в крепостных рабов и деспотизм, хуже прежнего, стал царствовать во всей империи. Далее Боровков указал на то, что: 1) Воспитание юношества было пронизано свободомыслием, а окружающая их действительность во всем противоречила их идеалам; 2) Законы наши запутаны и противоречивы, отчего торжествуют крючкотворы и ябедники, а бедные и невинные страдают; 3) Судопроизводство настолько многоступенчато и сложно, что порой недостаточно жизни, чтоб дождаться окончания. «К сему должно присовокупить несправедливости, злоупотребления, волокиту и лихоимство, до крайности истощающих тяжущихся»; 4) Система правления государством в губерниях, в Сенате, в министерствах, в Кабинете министров занималась лишь камуфляжем недостатков, прикрываясь «высочайшими повелениями», так что «верховное правительство разсыпалось, потеряло единство и представляло нестройную громаду»; 5) Жалованье чиновникам вопиюще несоразмерно — меньшинство жирует, а масса — нищенствует — «чиновники целого уезда, вместе взятые, не получают жалованья и одного надзирателя питейного сбора»; 6) Взимание податей остается в совершенном произволе местного начальства, не подвергаясь ни проверке, ни учету; 7) Тяжким бременем лежат на народе дорожные повинности, доводя множество хозяйств до разорения; 8) Недоимки, которые жестоко выбивали и выколачивали, почти целиком шли в Петербург, а все остальные города «пришли в упадок, оскудели и упали духом»; 9) Казенная продажа вина и соли позволила государству взвинчивать на них цены, но одновременно грабить и откупщиков и подрядчиков, отчего разорились многие знатнейшие купцы; 10) Тарифная политика привела к упадку отечественную торговлю в угоду торговле Австрии, Пруссии и Польши; 11) Военный флот сгнил в гаванях, ибо не дождался оснащения и вооружения; 12) Военные поселения, водворенные насильственно, были приняты «с изумлением и ропотом», но ничего не решили; 13) Состояния — дворяне-помещики, личные дворяне, духовенство, купечество, мещане, казенные

крестьяне, удельные крестьяне — все испытывают великие тяготы и ждут от нового государя решения своей участи.

В заключение Боровков писал: «Надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудие учреждениям кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственные образования духовенства, подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию, улучшить положение земледельцев, уничтожить унижительную продажу людей, воскресить флот, поощрить частных людей к мореплаванию, к чему призывает Гаити и Америки, словом, исправить неисчислимые беспорядки и злоупотребления»⁴².

Свой «Свод» А.Д. Боровков представил Николаю 6 февраля 1827 года. Николай велел снять со «Свода» еще две копии и одну отослал в Варшаву к Константину, а вторую дал князю В.П. Кочубею, председателю Государственного Совета. Через некоторое время Кочубей, встретив Боровкова, сказал ему, что император часто просматривает представленный ему «Свод», да и он сам тоже нередко обращается к нему. А дальше Боровков стал все чаще встречать отдельные положения и мысли «Свода» в разных правительственных постановлениях⁴³.

Разумеется, царь был далек от того, чтобы во всем следовать своим супостатам, но общее направление их мысли почитал справедливыми и по-своему старался претворить их соображения в жизнь.

Но декабристы уповали на просвещенных республикански настроенных слуг народа, а под рукой у Николая были алчные, бездушные, глупые и малограмотные сутяги и мздоимцы и именно они представляли собою единственную реальность, с которой следовало считаться, и с учетом которой нужно было составлять необходимые документы. В этом случае надлежало превратить государственный механизм в гигантскую, хорошо отлаженную, но достаточно примитивную машину, которая повиновалась бы движению только одной руки — демиурга-императора, по чьему мановению приходили бы в движение тысячи шестеренок, связанных в единой системе, и где каждый чиновник и представлял бы ее маленький винтик или колесико.

Управлять такой машиной легче всего было инструкциями и именно их-то и начал в неисчислимых количествах плодить центральный аппарат. Именно поэтому Николай придавал столь важное значение изданию «Полного собрания законов» и «Свода законов», ибо почитал их фундаментом адми-

нистративно-судебной системы, на котором, по его мысли и должно было стоять великое здание Империи.

Николай сказал как-то: «Я не хочу умереть, не совершив двух дел: издания «Свода законов» и уничтожения крепостного права». Он сумел до конца совершить лишь первое дело, не сумев справиться со вторым, и оставив его в наследство своему сыну.

Разумеется, что и радость его, когда первое дело оказалось сделанным, была чрезмерно велика. Все чиновники, работавшие над составлением обоих «Сводов» были щедро награждены. А. В. Никитенко писал в своем «Дневнике»: «Звезды, чины, аренды и деньги посыпались, как град на этих людей. Чиновники в страшном волнении: «да как, да за что, да почему? и проч. и проч.» Сперанский получил орден Андрея Первозванного и пожизненную пенсию в 10 тысяч рублей в год в течение 12 лет. 19 января 1833 года было собрано специальное заседание Государственного Совета, где в торжественной обстановке было объявлено об обнародовании «Свода законов». Вслед за тем Николай снял с себя Андреевскую звезду, прикрепил ее к мундиру Сперанского, и горячо обнял главного виновника торжества.

Когда в 1859 году на Исаакиевской площади сооружали памятник Николаю I, то скульптор П. К. Клодт и архитектор А. А. Монферран, в числе наиболее значительных событий прошедшего царствования, запечатлели эту сцену в одном из барельефов на постаменте памятника.

Одновременно с кодификационными мероприятиями Николай стал проводить и изменения в верхних эшелонах власти. Одним из первых рухнул «великий колосс» — Аракчеев. Это произошло после того, как «Без лести преданный» Алексей Андреевич 9 апреля 1826 года обратился к Николаю с просьбой разрешить ему поездку за границу для излечения «болей в груди». Николай разрешил, и дал кроме того 50 тысяч рублей на дорогу и лечение, но Аракчеев все эти деньги передал вдовствующей императрице Марии Федоровне, высказав пожелание, чтобы на проценты с этого капитала воспитывались в военно-сиротском доме пять девиц сверх штата. Сам же продал в Кабинет его величества собственные драгоценности, оцененные в 38890 рублей и с этими деньгами отбыл за границу.

Ярый враг Аракчеева генерал-адъютант Закревский писал князю Волконскому: «О змее, по слухам знаю, что он при начале весны намерен ехать в Карлсбад, но верно не для того, чтобы отогреть свое ядовитое замерзшее тело, а чтобы скрыть себя от

отечества, которое смотрит на него, как на чудовище»⁴⁴. Считалось, что Аракчеев уехал в отпуск, но когда он в конце 1826 года вернулся в Россию, на его место уже был назначен Дибич, а корпус военных поселений был решительно переформирован, и некогда всемогущий фаворит вынужден был превратиться в «грузинского отшельника», поселившегося в своем любимом селе Грузино, превращенном им в мемориальный музей императора Александра, где хранились под стеклом его рескрипты и письма, а перед церковью стоял великолепный бронзовый памятник Благословенному с надписью на постаменте: «Государю благодетелю — по кончине его». Кроме того Аракчеев внес в банк 50 тысяч рублей сроком на 93 года, чтобы по истечении этого времени употребить капитал, как премию для лучшего историка царствования Александра. «Теперь я все сделал, — писал Аракчеев одному из своих приближенных, — и могу явиться к императору Александру с рапортом»⁴⁵.

Через семь лет, 21 апреля 1834 года, он умер, так и не возвратившись ни к какой деятельности...

Дальнейшие изменения в правящей элите империи не были принципиальными, они ограничивались заменой одних сановников другими, — более молодыми и энергичными, потому что доставшийся новому царю Сенат, Государственный Совет и Комитет министров представляли собою ареопаг глубоких старцев. Не лучше обстояло дело среди генералитета и высших чинов флота. Известный острослов князь А.С. Меншиков, занимавший пост морского министра 20 лет, более прочих страдал от засилья немощных стариков пожизненно значившихся в Адмиралтействе. Однажды царь спросил Меншикова, отчего это у него за полгода умерло четыре адмирала? И министр ответил: «О, ваше величество, они уже давно умерли, а в это время их только хоронили». А когда Меншиков узнал, что очень старый и дряхлый пехотный генерал Пашков за пятидесятилетнюю службу награжден орденом Андрея Первозванного, что вызвало всеобщее изумление, ибо это был высший орден империи, Меншиков сказал:

— Орден этот генерал Пашков получил за службу по морскому ведомству, ибо последние десять лет не сходил с судна.

В этих шутках Меншикова была не просто доля истины, какой полагается быть в каждой шутке, а была истина в полном объеме. Николай знал это и уже в первые же годы своего царствования начал менять неспособных к службе сановников.

Утром 10 августа 1827 года Николай неожиданно нагрянул в Сенат, но застал там только одного сенатора П.Г. Дивова. Они вдвоем обошли пустые залы департаментов, и Николай, прокричав: «Это кабак!», вышел вон крайне раздраженный.

Последовал рескрипт на имя министра юстиции князя Лобанова-Ростовского о замеченных им неполадках, и велено было собираться в Сенат ко времени, но Николаю возразили, что в Сенате «мало найдется людей довольно сильных, чтобы перенести регламентом учрежденный порядок присутствия». Получив такой ответ, Николай стал назначать на должности таких людей, для которых пятичасовой рабочий день, — а именно такова была его продолжительность для чиновников, — не оказался бы непосильным, и с середины 1827 года началось обновление прежде всего в составе министров, служивших в этих должностях еще при Александре I.

29 апреля 1827 года, из-за кончины председателя Государственного Совета престарелого князя Лопухина, на его место был назначен граф В.П.Кочубей, получивший вместе с тем и пост председателя Комитета министров.

15 октября по причине старости и немощности подал в отставку министр юстиции князь Лобанов-Ростовский, занимавший свое кресло десять лет, и на смену ему пришел князь А.А.Долгоруков.

19 апреля 1828 года ушел в отставку министр внутренних дел В.С.Ланской, уступив свой пост А.А.Закревскому; а еще через неделю в кресле министра народного просвещения вместо тоже старого и дряхлого А.С.Шишкова оказался К.А.Ливен. Вместе с тем в это же самое время еще более укрепили свои позиции старые александровские министры — граф К.В.Нессельроде, ставший 27 марта 1827 года вице-канцлером и генерал Е.Ф.Канкрип — Министр финансов, получивший в 1829 году титул графа.

Однако перемены в шеренге сенаторов и министров почти ничего не дали, кроме некоторого оживления канцелярского бумаготворчества.

И все же «министерской чехарды» при Николае не происходило — министр занимал свой пост, чаще всего до тех пор, пока был здоров. И с Государственным Советом и Комитетом министров дело обстояло так же*. После смерти в 1827 году

* Комитет министров, созданный в 1802 году, был высшим административным органом империи, в который входили министры, государственный казначей и главноуправляющие. Он представлял собою совещание царя с высшими, наиболее доверенными чиновниками по всем вопросам управления Россией. Государственный Совет был создан в 1810 году. Он занимался рассмотрением законопроектов перед утверждением их царем. Министры также входили в Госсовет, а председатели департаментов Госсовета были и членами Комитета министров. Из-за тесного переплетения функций Госсовета и Комитета министров и тот и другой с 1812 по 1865 год возглавлял один человек.

председателя Государственного Совета, который одновременно был и председателем Комитета министров, князя П. В. Лопухина, на его место был назначен князь В. П. Кочубей, в 1834 — граф Н. Н. Новосильцев, в 1838 — И. В. Васильчиков, в 1847 — граф В. В. Левашов, в 1848 — князь А. И. Чернышов, сохранявший и пост Военного министра, и исполнявший все эти должности до конца царствования Николая.

Виктор Павлович Кочубей умер 3 июня 1834 года 68-ми лет, оставив свои посты графу Николаю Николаевичу Новосильцеву, которого постигла та же участь в 1838 году, когда ему было 70 лет. Илларион Васильевич Васильчиков, вступивший в высшую в империи государственную должность, прослужил дольше своих предшественников. Через год он получил титул князя и тоже оставался на своем посту до смерти, последовавшей в 1847 году, когда князю исполнилось тоже 70 лет. Самое краткое время на поприще председателя Комитета министров и Госсовета пробыл генерал-адъютант, граф Василий Васильевич Левашов. Он был назначен вместо умершего Васильчикова 31 декабря 1847 года и скончался менее чем через девять месяцев — 23 сентября 1848-го, 65-ти лет. Последним из тех, кто занимал эту должность при Николае, был князь Александр Иванович Чернышов. И он перестал исполнять все эти обязанности только вследствие тяжелой болезни, которая оказалась недолгой — 8 июня 1857 года А. И. Чернышов умер в Италии, пережив своего августейшего сюзерена Николая I всего на два года.

НОВЕЛЛА СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Какими были Гераклы Николая Павловича

Для того, чтобы расчистить Авгиевы конюшни извечной российской бюрократии, Николаю нужны были русские Гераклы, которым эта задача оказалась бы по плечу. Но вся беда была в том, что бороться с бюрократами он хотел руками тех же бюрократов, только стоящих на верхних ступенях чиновничьей иерархической лестницы — «Табели о рангах». А ими были министры и управляющие разными, приравненными к ним ведомствами.

Но прежде, чем станем мы знакомиться с ними поочередно, следует обратить внимание на некий универсальный принцип замещения высших постов в государстве — родственные связи и отсюда же родственная протекция. Лишь очень немногие из них не принадлежали к родовой аристократии — Сперанский, Канкрин, Вронченко, а фамилии ос-

тальных мы уже встречали на страницах, посвященных XVII веку.

Совершенно типичную ситуацию отметил барон М.А.Корф, говоря о 1839 году, хотя она была справедлива и по отношению ко всем другим годам николаевского царствования.

«В начале 1839 года, — писал Корф, — все председатели (Департаментов) в Государственном Совете были в родстве между собою. Князь Васильчиков, председатель общего собрания (т.е. самого Госсовета), граф Левашов, председатель департамента законов, и исправлявший ту же должность в департаменте дел Царства Польского, были женаты на родных сестрах (Пашковых). В департаменте военном состоял председателем граф Толстой, их дядя, и, наконец, в департаменте гражданском занимал эту должность Кушников, также близкий их родственник. Это дало повод одному шутнику сказать, что «Совет Империи» преобразился в «семейный совет»⁴⁶. Отсюда — круговая порука при совершении должностных проступков и даже преступлений, взаимное амнистирование, полное благоприятствование в прохождении карьеры и назначение на самые выгодные и престижные должности.

Итак, министры. Последним председателем Государственного Совета и Комитета министров, о котором здесь шла речь, был А.И.Чернышов. Он же долгие годы перед тем был и Военным министром. С него и начнем, тем более, что Чернышов, кроме того, справедливо считался одним из самых близких друзей Николая. Он был сыном сенатора и генерал-поручика И.Л.Чернышова, а по матери доводился племянником любимцу Екатерины II А.Д.Ланскому. При такой родословной начинать службу было намного легче, чем какому-нибудь чембарскому однодворцу.

Военным министром он стал 42-х лет, сменив 65-летнего большого генерала от инфантерии, графа А.И.Татищева. Чернышов, так же, как и почти все другие министры Николая, начал службу с наполеоновских войн, обратив на себя внимание Александра I тем, что при отступлении после Аустерлица быстро отыскал Кутузова, которого царь потерял из-за панического бегства с поля боя. Чернышов был при свидании Александра с Наполеоном в Тильзите, а потом несколько раз ездил в Париж с личными посланиями царя Наполеону.

Останавливаясь в Париже и проезжая по странам, занятым французскими войсками, Чернышов и сам собирал сведения разведывательного характера и по мере сил создавал агентурную сеть. 13 февраля 1812 года Наполеон в последний раз беседовал с Чернышовым, причем разговор их продолжался бо-

лее четырех часов. Наполеон не скрывал враждебного отношения к России, откровенно говорил о предстоящей войне, и, прощаясь, попросил Чернышова передать все это императору Александру. Отечественную войну он провел рядом с царем, выполняя сложные оперативные и дипломатические поручения, а при отступлении французов из Москвы стал, по его просьбе, командовать партизанским отрядом, снискав себе столь же громкую славу, как Сеславин и Кудашев, чуть уступая Денису Давыдову и Александру Фигнеру. Лишь придя в Германию, его отряд слился с регулярной армией, и, находясь почти постоянно в ее авангарде, окончил войну в Париже. Столь же блистательно действовал Чернышов и в 1815 году, после того, как Наполеон бежал с Эльбы. Окончив войну генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом, получив множество русских и иностранных орденов, он стал одним из ближайших военно-дипломатических сотрудников Александра, сопровождая его на многие международные конгрессы. Он оказался в Таганроге, когда там умер Александр, а вскоре стал одним из самых строгих судей в процессе над декабристами. В день восшествия на престол Николай возвел Чернышова в графское достоинство. В августе 1827 года он стал Военным министром, 1 декабря — сенатором, в 1828-ом — членом Государственного Совета.

Умный, смелый, внешне весьма привлекательный, умевший располагать к себе людей, он был вместе с тем тщеславен, высокомерен и хвастлив, любя рассказывать о своих подвигах, хотя, по чести сказать, ему было что вспомнить и чем поразить воображение слушателей.

По мере того, как А.И. Чернышов станет появляться на страницах этой главы, мы узнаем о нем и кое-что другое.

Ближайшим другом Николая был Александр Христофорович Бенкендорф. О нем придется рассказать почти то же, что и о Чернышове. Служить он начал 14 лет унтер-офицером в Семеновском полку, еще при Павле I, и в 20 лет за храбрость в Кавказской войне уже имел два боевых ордена. Еще один орден и чин полковника получил он в 1807 году за сражение при Прейсиш-Эйлау, а в 1812 году за победу под Велижем 27 июля, когда армия отступала, стал генерал-майором. За эту войну он получил еще шесть русских и иностранных орденов, золотую шпагу, усыпанную бриллиантами, и золотую саблю от короля Великобритании и прослыл одним из самых удачливых и храбрых командиров русской армии. В 1819 году он стал начальником штаба гвардейского корпуса и генерал-адъ-

ютантом. Именно он первым представил Александру доклад о тайных революционных обществах в армии, но царь оставил его доклад без последствий. Однако Николай, узнав об этом, 25 июля 1826 года назначил Бенкендорфа шефом жандармов, командующим Императорской Главной Квартирой и начальником III Отделения своей канцелярии. Бенкендорф был беспрельдно предан Николаю и в первые годы царствования Николая был ближайшим его сотрудником, всегда сопровождав императора в поездках по России и за границей.

Из-за того, что Бенкендорф был шефом корпуса жандармов и ведал политическим сыском и контролировал цензуру, за ним укрепилась стойкая репутация ретрограда, мракобеса и доносчика. Преследования им писателей, журналистов, общественных деятелей вошли в русскую историю хрестоматийными сюжетами. И потому многие его боялись и ненавидели, как перед тем боялись и ненавидели Аракчеева. Но зная, что у жандармов почти повсюду есть свои глаза и уши, говорили о Бенкендорфе только с теми, кому абсолютно верили, да и то шепотом. И лишь весьма немногие позволяли себе почти открытую фронтду к другу царя. Одним из таких людей был А.С. Меншиков.

Зная стойкое расположение к себе императора, Меншиков никого не боялся. Он даже повесил у себя в кабинете распятие, а по обе стороны поместил портреты Аракчеева и Бенкендорфа.

Когда заходили к нему друзья и спрашивали:

— Что все это значит? — он, смеясь, отвечал:

— Христос, распятый между двумя разбойниками.

Не боялся жандармов и А.П.Ермолов. Однажды, стоя с группой генералов, он сказал об одном из крупных военных чинов: «Да, господа, мундир-то на нем зеленый, да вот подкладка — голубая», обыгрывая то, что жандармы носили голубые мундиры. Как перекликалось с этим известное четверостишие Лермонтова:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые
И ты, им преданный народ.

После того, как в 1844 году, на 62-м году жизни Бенкендорф умер, его место занял еще один друг Николая — Алексей Федорович Орлов, который, с тех пор, как Бенкендорф заболел, стал вместо него сопровождать царя в поездках.

А.Ф. Орлов был незаконным сыном одного из пяти братьев Орловых. Его отец, генерал-аншеф и граф Федор Григорьев

евич Орлов, женат не был, но оставил после себя пять воспитанников и двух воспитанниц — Владимира, Алексея, Михаила, Григория, Федора, Елизавету и Анну, — которым указом императрицы Екатерины II от 27 апреля 1796 г. предоставлены дворянские права, фамилия и герб Орловых.

Из пяти «воспитанников» Ф.Г.Орлова самую блистательную карьеру сделал Алексей Федорович Орлов — сначала генерал-адъютант и командир лейб-гвардии Конного полка. Возведен 25 декабря 1825 года в графское Российской империи достоинство (за то, что первым привел свой полк на помощь Николаю), был потом генералом от кавалерии, членом Государственного Совета, шефом Корпуса жандармов, Главным начальником III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и кавалером всех российских орденов.

В 1856 году он был послом в Париже и 25 августа 1856 г. возведен в княжеское Российской империи достоинство.»⁴⁷ Так кратко рассказывает об А.Ф.Орлове его двоюродный внучатый племянник граф А.Г.Бобринский в своей книге по генеалогии российских дворянских родов.

И Алексей Федорович тоже начал с воинских подвигов, получив боевое крещение в битве при Аустерлице, а затем, пройдя и Отечественную войну и Заграничные походы. Только при Бородине Орлов получил семь ран, но не оставил строя. Однако служить в боевых частях стало ему трудно и уже в 1814 году, когда армия дошла до Рейна и вторглась во Францию он назначен был адъютантом к Константину Павловичу, а в 1815 году стал флигель-адъютантом Александра. Через два года был он удостоен чина генерал-майора, а вскоре — генерал-адъютанта и командира лейб-гвардии Конного полка.

На самых верхних ступенях иерархической лестницы империи стоял Министр иностранных дел Карл Васильевич Нессельроде, установивший в русской истории до сих пор непревзойденный рекорд длительности пребывания на своем посту. 40 лет был он министром, во всем и всегда покоряясь воле и Александра, и Николая. Злой на язык атаман М.И.Платов, представляясь простаком, называл Нессельроде: «кисель вроде», не просто играя словами, но вкладывая в это определенный смысл. Карл Васильевич был сыном русского посла в Лиссабоне графа Нессельроде. Окончив гимназию в Берлине и Морской корпус в Петербурге, он 16-ти лет начал службу в российском Балтийском флоте, но через три года был переведен в гвардейскую кавалерию. Служа в гвардии, он был при-

нят и ко двору, где сблизился с цесаревичем Александром и к моменту его вступления на престол был камергером двора и полковником гвардии. С 1801 года Карл Васильевич начал служить в Министерстве иностранных дел. За годы царствования Александра он прошел путь от скромного сотрудника российских миссий в Берлине, Гааге, при дворах германских владетельных князей до второго человека — после графа П.А.Толстого — в русском посольстве в Париже.

За эти годы Нессельроде завел обширнейшие знакомства и сумел войти в совершеннейшую доверенность к Александру, который поручал ему наисекретнейшие дела самого деликатного свойства с Талейраном, Коленкур, Меттернихом, сношения с секретными агентами не только России, но и других стран. В результате всего этого с 1812 по 1816 год Карл Васильевич был управляющим Министерством иностранных дел, долгое время проводя в Императорской Главной квартире и присутствуя на многих международных конференциях и переговорах. Так вступил он и в новое царствование, оставаясь на своем посту министра иностранных дел.

Однако следует заметить, что Нессельроде, будучи прекрасным исполнителем царских повелений никогда не чувствовал себя руководителем внешней политики России. Александр сам руководил ею, а Николай тоже сохранил эти прерогативы за собою. Вследствие этого Нессельроде постоянно испытывал чувство собственной неполноценности, и, даже став в 1845 году канцлером, нередко дрожал перед императором.

Академик Е.В.Тарле давал Карлу Васильевичу такую характеристику: «Основной его целью было сохранить свое место министра иностранных дел. И он сорок лет с лишком просидел на этом месте. Николай застал его, всходя на престол, и оставил его на этом месте, сходя в могилу.

Угодать и лгать царю, угадывать, куда склоняется воля Николая, и стараться спешно забежать вперед в требуемом направлении, стилизовать свои доклады так, чтобы Николай вычитывал в них только приятное, — вот какова была движущая пружина всей долгой деятельности российского канцлера... Царь обыкновенно его ни о чем не спрашивал, и, входя и кабинет для доклада, Карл Васильевич никогда не знал в точности, с какими политическими убеждениями сам он отсюда сегодня выйдет»⁴⁸.

Министр иностранных дел четко сориентировал и русских послов, подобранных им по собственному его образу и подобию. «Послы, делавшие при нем карьеру и действовавшие в самых важных пунктах — Николай Дмитриевич Кисе-

лев в Париже, барон Бруннов — в Лондоне, Мейендорф в Вене, Будберг в Берлине, были люди умные и средне способные, — во всяком случае несравненно умнее и даровитее, чем Нессельроде, но сии следовали указаниям своего шефа-канцлера и своим карьеристским соображениям и писали иной раз вовсе не то, что видели их глаза и слышали их уши, а то, что, по их мнению, будет приятно прочесть властелину в Зимнем дворце, то есть нередко льстили и лгали ему почти также, как и сам Нессельроде. А когда и писали в Петербург правду, то Нессельроде старался подать ее царю так, чтобы она не вызвала его неудовольствия.»⁴⁹

Однако, пожалуй, наиболее одиозной фигурой царствования Николая был Петр Андреевич Клейнмихель. Начав свою военную карьеру в 1812 году адъютантом Аракчеева, он через семь лет стал начальником штаба военных поселений, а затем — в 1826 году — и генерал-адъютантом в свите Николая. Свою дальнейшую карьеру он сделал благодаря родству с фавориткой Николая фрейлиной Варварой Аркадьевной Нелидовой. Еще более возвысился Клейнмихель, взяв на себя более чем деликатную миссию воспитания внебрачных детей Николая⁵⁰.

Это случилось после того, как П.А.Клейнмихель женился во второй раз на молодой, богатой, бездетной вдове Клеопатре Петровне Хорват, урожденной Ильинской. Ее родная сестра — Елизавета Петровна Ильинская, была замужем за Аркадием Аркадьевичем Нелидовым, у которого была сестра-смольнянка Варвара Аркадьевна. Когда В.А.Нелидова была выпущена из Смольного, она стала жить в служебной квартире Клейнмихелей, размещавшейся в доме Главного штаба на площади против Зимнего дворца. На красавицу Варвару Нелидову и обратил внимание Николай⁵¹. У П.А.Клейнмихеля от второго брака было пять сыновей и три дочери, хотя было известно, что первая жена разошлась с ним из-за того, что Петр Андреевич был бесплоден. Это подтверждает в своих мемуарах и военный инженер барон А.И.Дельвиг, двоюродный брат поэта А.А. Дельвига, служивший под началом Клейнмихеля⁵². Рассказывали, что когда очередная любовница императора оказывалась в положении, то жена Клейнмихеля — графиня Клеопатра Петровна, урожденная Ильинская, — имитировала беременность, увеличивая объем талии подкладными подушечками и поясами, и все более наращивая живот, пока не происходили роды у пассии Николая Павловича. Тогда и Клеопатра Павловна оповещала о том, что родила, и предъявляла обществу очередного сына или очередную

дочь, давая им фамилию своего мужа, хотя у нее самой своих детей не было.

Князь П. В. Долгоруков в части II «Российской родословной книги», изданной в 1855 году, упомянул только отца, мать и трех сестер П. А. Клейнмихеля, отказывая ему в более старинном благородном происхождении, а о нем самом упомянул только, что ныне он генерал от инфантерии, генерал-адъютант, главноуправляющий путями сообщения и всех российских орденов кавалер, возведенный в Графское Российской Империи достоинство 26 марта 1839 года⁵³. Ни о жене его, ни о детях Долгоруков не сказал ни слова. Это объясняется, как совершенно нетерпимым отношением генеалога к ненавистному ему Клейнмихелю, так и одиозным происхождением его «сыновей» и «дочерей», которых Долгоруков, как ученый, не мог признать потомками Клейнмихеля, хорошо зная, что все они совсем не его дети.

Клейнмихель руководил и строительством двухпутной железной дороги Петербург — Москва, сооружением не в пример более сложным, чем предыдущая. К моменту окончания строительства в 1851 году дорога была крупнейшей в мире. Кроме пути длиною более, чем в 600 верст, было сооружено около 300 различных зданий и 184 моста, но какой ценой было сделано все это! Недаром Н. А. Некрасов, в знаменитом хрестоматийном стихотворении «Железная дорога», воскликнул: «А по бокам-то все косточки русские, сколько их, Ванечка, знаешь ли ты?» Это были тысячи безвестных русских мучеников, на костях которых и стояла дорога, зато папенька на вопрос Ванечки: «Кто строил эту дорогу?», ничтоже сумняшеся отвечал: «Граф Клейнмихель, душечка». Кроме того, дорога оказалась и необычайно дорогой — 64 миллиона рублей, что было в три раза больше, чем на Западе. И разница уплыла в карманы чиновников и самого шефа.

В 1843-1850 годах Клейнмихель руководил и строительством первого постоянного моста через Большую Неву — Благовещенского*. Первый в истории Санкт-Петербурга огромный, в треть версты, каменный мост в семь пролетов, один из которых разводился, справедливо вызывал восхищение современников. Его проект сделал военный инженер Станислав Валерианович Кербедз, создатель множества выдающихся сооружений в Санкт-Петербурге и других местах России. Строительство моста началось с того, что в дно Невы стали вбивать тысячи свай. Работы велись по старинке, почти вруч-

* С 1850 по 1855 годы мост называется «Благовещенским», в 1856-1918 годах — «Николаевским», затем — «Лейтенанта Шмидта».

ную, и Кербедз, чтобы облегчить, ускорить, удешевить работы, решил придумать машину для вбивания свай. Пока он производил расчеты и рисовал чертежи, дело, хотя и медленно, все же шло вперед. Перед тем, как сделать заказ на изготовление машины, Кербедз показал свои чертежи Клейнмихелю, прося у него помощи в изготовлении опытного образца.

Кербедз недолго ждал ответа. Граф объявил ему письменно строгий выговор за то, что он не изобрел такую машину раньше, чем и ввел казну в огромные и напрасные расходы. Таким был уровень научно-технической мысли Главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, к этому времени уже и члена Государственного Совета, графа и генерал-адъютанта П.А.Клейнмихеля.

Интимные услуги, оказываемые четой Клейнмихелей, а также постоянная близость к царю из-за интенсивного строительства множества дворцовых и общественных зданий, ни одно из которых не строилось без утверждения царя, делали Клейнмихеля столь же близким, а поэтому и безнаказанным человеком, как А.Х.Бенкендорф, В.Ф.Адлерберг или А.Ф.Орлов.

Однажды на почтовой станции не оказалось свободных лошадей, и взбешенный задержкой Клейнмихель насмерть забил станционного смотрителя. Об этом доложили Николаю и тот ограничился тем, что приказал Клейнмихелю позаботиться о судьбе вдовы и сирот убитого им кормильца.

И еще раз Николай выказал неудовольствие своим другом. Случилось, что курьер из ведомства путей сообщения вез чемодан с тремястами тысячами рублей и каким-то образом потерял его, не доезжая Луги. Начался розыск, но деньги не находились, и тогда Клейнмихель, скрепя сердце, доложил о случившемся Николаю. Прошло время и к Клейнмихелю явился крестьянин с чемоданом денег, объяснив, что чемодан он нашел уже давно, но не хотел сдавать его в полицию, чтобы не лишиться вознаграждения за находку и потому сам начал разыскивать хозяина денег и потому-то и потерял столько времени, так как поиск оказался нелегким.

Клейнмихель дал честному крестьянину десять рублей, а когда тот стал робко просить прибавки, сказал, что он ему прибавит, да только розог, за то, что не сразу заявил о находке. С тем мужик и ушел.

И об этом Клейнмихель доложил Николаю и тот был поражен скряжничеством Петра Андреевича и велел выдать мужику три тысячи рублей, но не из доставленных ему казенных денег, а из его собственных, ибо Клейнмихелю было из чего платить.

Когда один из послов спросил как-то Николая:
— Сколько же стоит Николаевская железная дорога?

То царь ответил ему так:

— Об этом знают только двое: Бог да Клейнмихель.

(А мужику же деньги впрок не пошли, он, получив их, не знал, как ими распорядиться, и вскоре спился.)⁵⁴

Вместе с тем, Клейнмихелю нельзя отказать в расторопности, необычайном напоре, бесстрашии браться за любое новое дело — будь то строительство первой в России железной дороги, первого ли стационарного каменного моста через Большую Неву, возведение ли дворца, строительство ли телеграфной линии Петербург-Варшава. Однако все это сопровождалось самым разнузданным деспотизмом и ни с чем несравнимым казнокрадством.

Среди эпохальных свершений, к коим причастным был П.А.Клейнмихель, значится и Царскосельская железная дорога — первая в России однопутная пассажирская железная линия протяженностью в 25 верст, связывающая Петербург с Павловском. Эту, как ее называли в России, «железку», или «чугунку», — рельсы первых дорог делались из чугуна — по которой стал бегать, по российскому же выражению, «сухопутный пароход», «пароходный дилижанец», и, наконец, «паровая телега», построили по проекту и под наблюдением профессора Венского политехнического института Франца-Антон фон Герстнора в 1836-1838 годах, но лавры пожал, конечно же, Клейнмихель.

Из-за того, что первая очередь дороги была сооружена между Петербургом и Царским Селом, и вся она потом стала называться «Царскосельской».

Ее открытие произошло 30 октября 1837 года. Николай был одним из пассажиров первого поезда, состоявшего из восьми вагонов. Расстояние в 21 версту поезд пробежал за 33 минуты со средней скоростью 40 верст в час.

Среди наград, данных Клейнмихелю царем, в связи с открытием движения по Царскосельской дороге, была и трость с бриллиантами в рукояти. Придворные поздравляли Клейнмихеля с новой царской милостью, и только злоязыкий князь А.С.Меншиков сказал главному путейцу России: « На месте государя я не пожалел бы для вас и ста палок».

Другим видным деятелем николаевского царствования был Павел Дмитриевич Киселев, начавший свой жизненный путь также, как и многие из его сверстников. 18-и лет стал он корнетом-кавалергардом. Честолюбивый, красивый, смелый

и остроумный, он был принят в лучших домах Петербурга, где приобрел хорошие манеры и светский лоск. Это позволило ему завязать знакомство с обер-гофмейстером, графом П.А.Толстым, графом А.А.Закревским, князем А.С.Меншиковым, А.Ф.Орловым.

В 1812 году он проявил недюжинную храбрость, отличился в битве при Бородине, после чего сам Милорадович взял его к себе адъютантом. После Бородина Павел Дмитриевич дошел до Парижа, приняв участие в 25 крупных сражениях, получив четыре ордена и золотую шпагу с надписью «За храбрость». В 1814 году он стал флигель-адъютантом Александра I и сопровождал его на международные конгрессы и в поездках за границу. Во время одной из таких поездок, 23 октября 1815 года, он присутствовал на помолвке цесаревича Николая с принцессой Шарлоттой, которая, став вскоре великой княгиней, а затем и императрицей Александрой Федоровной, навсегда сохранила к нему свое расположение. Быстрая карьера вскружила голову молодому офицеру, и он твердо уверовал в истинность всего, что он говорит и в правильность всего, что он делает.

Выполнение ряда сложных и деликатных поручений Александра I принесло 29-летнему Киселеву чин генерал-майора, а в 1823 году он стал и генерал-адъютантом. Последние шесть лет правления Александра Киселев был начальником штаба 2-й армии Витгенштейна, где он особенно благоволил полковнику П.И.Пестелю, не зная, конечно же, о том, какую тайную деятельность ведет этот образцовый службист и командир одного из лучших полков 2-й армии. В отношении к солдатам он был гуманен, категорически запрещал мордобой и следил за тем, чтобы солдат не обкрадывали.

Когда открылся заговор декабристов, Киселев попал под сильное подозрение и едва не оказался под судом, но, развив в Тульчине бурную деятельность по розыску заговорщиков, сумел убедить царя в своей преданности престолу. Его дальнейший путь мы проследим в этой книге, по мере того, как он будет проявлять себя в событиях нового царствования.

Киселев был постоянным членом всех Комитетов по крестьянским делам, что позволило Николаю называть его «начальником штаба по крестьянской части». В 1835 году Секретный комитет, — а надо сказать, что все эти Комитеты были секретными, — выработал под руководством Киселева план постепенного освобождения крестьян, но он не был принят Николаем.

В 1837 году Киселев стал главой нового министерства Государственных имуществ и в этом качестве провел реформу

управления государственными крестьянами, но и она почти ничего крестьянам не дала.

О том, как эта реформа воспринималась многими россиянами, высказался все тот же А.С.Меншиков. Когда Николай спросил Александра Сергеевича, кого бы следовало послать на Кавказ, чтобы разорить последние непокорные аулы сторонников Шамиля, князь ответил:

— Конечно, Павла Дмитриевича. — он миллионы государственных крестьян разорил. Чего ему стоит разорить несколько аулов?

Однако дело обстояло не так просто: Киселев еще в 1816 году, будучи 28-летним флигель-адъютантом Александра I, представил царю записку о постепенном освобождении крестьян от крепостной зависимости, после чего за ним укрепилась репутация либерала и знатока крестьянского вопроса. Знал об этом и Николай, в начале своего царствования сочувствовавший идее крайне осторожного и медленного освобождения крестьян. Было решено начать это дело с упорядочения положения государственных крестьян, живших на казенных землях, плативших ренту и подчинявшихся не помещикам, а государственным чиновникам. Государственные крестьяне к 1837 году составляли около 40% всего земледельческого населения России, и было их более 8 миллионов (без учета детей и женщин). В 1837 году было создано министерство государственных имуществ во главе с Киселевым, которое должно было улучшить состояние государственных крестьян, упорядочить сбор налогов, создать сеть школ и больниц, распространить агротехнические знания и на этой основе, при опоре госаппарата на сельскую общину, поднять продуктивность сельского хозяйства. Но основанная на глобальном воровстве государственная система России свела на нет благие порывы П.Д.Киселева и его коллег. Государственные крестьяне ответили целой серией, так называемых, холерных и картофельных бунтов. О холерных бунтах мы вскоре расскажем, а о «картофельных» вкратце упомянем, ибо они представляют собою основательно забытую страницу российской истории. Они оказались для правительства изрядной неожиданностью. Ведь в России картофель не был диковинкой — его начали культивировать еще при Екатерине II, которая в 1765 году рекомендовала «сажать земляные яблоки, кои в Англии называются «потетес», а в иных местах — земляными грушами, тартуфелями и картуфелями». Однако Екатерина лишь рекомендовала картофель к культивации, а Николай — предписал, что и вызвало серию «картофельных бунтов» в Поволжье, Приуралье и на Севере, в которых участвовало полмиллиона крестьян — больше, чем в восстаниях Разина и Пугачева.

Бунты продолжались десять лет — с 1834 по 1844 год — были жестоко подавлены войсками, причем число убитых и сосланных в Сибирь исчислялось многими тысячами. И все же Николай победил — картошка стала вторым хлебом России.

Что же касается улучшения жизни крестьян, то здесь ни Николай, ни его министр Киселев, ничего добиться не смогли, ибо в истории России правительство всегда преуспевало в насилии и погромах, столь же неизменно терпя неудачи в любых попытках что-либо улучшить. И будь Киселев семи пядей во лбу он ничего не смог бы сделать, ибо объективный ход событий был не на его стороне.

И все же одна из реформ в царствование Николая была доведена до конца, и даже увенчалась успехом. Она — эта реформа — связана с почти единственным хорошо образованным и честным министром — Егором Францевичем Канкриным, литератором и экономистом, окончившим два университета и получившим политико-юридическое и инженерно-техническое образование. Даже необычность фамилии — «Канкрин» — была следствием его учености, ибо его предки носили фамилию Кребс, что по-немецки означает «Рак», а Егор Францевич латинизировал это слово, став Канкриным, так как по-латыни рак — «Канкринус», и, таким образом, поступил, как до него делали средневековые ученые-гуманисты. Отличался он от всех прочих министров и своей честностью, аскетической простотой в быту, любовью к чтению и учено-литературному обществу. Он приехал в Россию двадцатидвухлетним и только в 1811 году, когда ему было 46 лет сделал первый удачный шаг, попав на глаза Барклаю де Толли и генералу Пфулю. В 1812 году он стал генерал-интендантом 1-й армии, а в 1813 — и всех российских войск. Он блестяще провел расчеты с союзниками, выплатив им за военные поставки всего 60 миллионов рублей вместо требуемых ими 360 миллионов, доказав несостоятельность их расчетов.

В 1818 году он представил Александру I записку об освобождении крестьян, за что на три года практически был отстранен от службы. Но в 1821 году Александр, нуждаясь в Канкрине, ввел его в Государственный Совет, а еще через два года назначил министром финансов. Канкрин повел дело безукоризненно честно, наводя строжайшую экономию и решительно борясь с мошенниками и казнокрадами, чем нажил себе несусветное количество врагов. Его спасало то, что Николай абсолютно доверял ему и оказывал Канкрину неизмен-

ную поддержку. Однако напор его недоброжелателей был так силен, что в борьбе с ними Егор Францевич в 1842 году перенес инсульт, а еще через три года — второй. Но к этому времени Канкрин успел довести до конца главное дело своей жизни — введение в России денежной системы на основе серебряного монометаллизма. Когда Канкрин стал министром финансов, ему досталось хозяйство, расшатанное непрерывными войнами, обусловленное отсталой экономической системой. Последствия Отечественной войны еще долго сказывались на состоянии России. Так, в 1814 году курс, совершенно обесценившихся ассигнаций, равнялся 20 копейкам серебра за рубль ассигнациями. Поэтому Канкрин в 1839-1843 годах провел денежную реформу, в основу которой был положен серебряный рубль адекватный 3 рублям 50 копейкам ассигнациями. С 1843 года ассигнации стали постепенно изыматься из обращения, заменяясь на кредитные билеты. Это оздоровило русские финансы и авторитет рубля укрепился и на международной арене. Однако проведение реформы было делом крайне трудным и Канкрин, борясь с многочисленными ее противниками, сильно заболел. Не оставалось ничего иного, как отправить его в отставку, что и было сделано, но прошло чуть более года и 9 сентября 1845 года он умер. Его правилом было: «Не ломать, а улучшать», и он, исповедуя этот принцип, не отступал от пяти правил: 1) бережливость и экономия; 2) осторожность в пользовании государственным кредитом; 3) крайняя осторожность в установлении новых налогов; 4) поднятие отечественной промышленности; 5) упрочение денежной системы. Неизменно следуя этой программе, Канкрин в очень сложных обстоятельствах николаевского царствования развил и укрепил русскую финансовую систему, сделав российский рубль одной из престижных денежных единиц в Европе.

Современники отмечали, что Канкрин был единственным из российских министров, чья деятельность имела научную подкладку. Однако, высшим принципом для него было создание теории и практики, знание науки и понимание жизни.

Полной противоположностью Канкрину был его преемник на посту министра финансов Федор Павлович Вронченко, сын священника, попавший по окончании Московского университета в армию, где состоял «для отправления письменных дел и употребляем для редакции военных реляций». Потом скитался по разным канцеляриям, пока не попал в министерство финансов, где после долголетнего сидения, про-

явив усердие и мелочный педантизм, наконец, стал товарищем министра. 1 мая 1844 года стал он, из-за болезни Канкринна, управляющим министерства, а после его отставки, и министром. Вронченко был ограничен, понимал только текущие задачи и обеспечивал в первую очередь запросы двора, армии и тех министерств, главы которых чаще прочих бывали на докладах у императора. Сам он боялся Николая до полуобморока, иногда при докладах теряя голос. Дефицит бюджета за его годы правления министерством с 1845 по 1852 годы составил 260 миллионов рублей, а государственный долг вырос на 100 миллионов. У банкиров Англии, Франции и Голландии к 1845 году было получено 268 миллионов рублей долгосрочных займов, которые уносили от 16 до 25% годового бюджета только на погашение кредитных процентов. А из-за активной агрессивной внешней политики России к 1848 году финансово-экономическое положение страны резко ухудшилось. Подушная подать — главный источник государственных доходов — полностью была собрана лишь в пятой части губерний, в остальных губерниях поступления в казну не превышали 40%. Самым устойчивым и надежным подспорьем оставались винные откупа, дававшие четверть всех государственных сборов. В 1852 году на армию уходило 36% всех государственных средств — более 100 миллионов рублей, на содержание двора — 8%, или 22 миллиона, а на просвещение — 1%.

Таково было объективное состояние финансов в годы правления Вронченко. Однако немалую роль играло здесь и субъективное начало — Федор Павлович был ограниченным и неспособным человеком, лишенным государственного кругозора. Несмотря на это из-за раболепства и совершеннейшей покорности, он был удостоен графского титула, и царь иногда даже обедал с Вронченко в самом тесном кругу, состоявшем из трех-четырех человек, сохраняя к нему сердечное расположение.

Важным чиновником был в правительстве и министр Народного просвещения. После непродолжительного управления этим министерством адмиралом А.С.Шишковым и князем и А.К.Ливеном — сыном знаменитой Шарлотты Карловны Ливен, — на этом посту оказался Авраам Сергеевич Норов. очередной весьма недалекий, плохо образованный генерал, потерявший в одной из войн ногу. В товарищи к себе (товарищем министра назывался до октября 1917 года его заместитель) он попросил столь же недалекого и тоже плохообразованного князя П.А.Ширинского-Шихматова. Зоил Менши-

ков тут же оценил создавшуюся ситуацию так: «У нас и всегда-то народное просвещение ташилось, как кляча, но все же эта кляча была на четырех ногах, а теперь стала трехногой да еще с дурным норовом».

Когда Меншиков столь уничижительно отзывался о традиционном неблагополучии в российском народном просвещении, он имел в виду и предшественников Норова, одним из которых был знаменитый Сергей Семенович Уваров, ставший в 1833 году министром, а до того, бывший товарищем министра. Пребывая в 1832 году в этом качестве, Уваров в конце зимы производил ревизию Московского университета, и окончив ее, написал докладную записку на имя августейшего цензора и просветителя России императора Николая, что для того, чтобы оградить студентов и учащихся от влияния бунтарских, революционных идей, нужно «постепенно завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны к разрешению одной из труднейших задач времени, — образование, правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплой верой в истинно русские охранительные начала Православия, Самодержавия и Народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества».

Став вскоре министром Народного просвещения, С.С.Уваров, извещая попечителей учебных округов о своем вступлении в должность, сделал эту формулу — «Православие, Самодержавие, Народность» — краеугольным камнем образования и воспитания всего юношества России, заявив: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы Народное образование совершалось в объединенном духе Православия, Самодержавия и Народности»*.

Недаром В.Г.Белинский называл Уварова «министром погашения и помрачения просвещения в России», а А.В.Ники-тенко приводил в своем дневнике, такие слова Уварова: «Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно. Вот моя теория; я надеюсь, что это исполню. Я имею на то добрую волю и политические средства»⁵⁵.

* После того, как в 1872 году историк и литературовед А.Н.Пышин назвал триаду Уварова «Теорией официальной народности», эта формулировка прочно закрепилась в исторической и общественно-политической литературе.

Подобрав себе столь же достойных помощников, Уваров на протяжении 16 лет насаждал «истинно русские охранительные начала», более всего заботясь о том, чтобы каждый его шаг по ниве народного просвещения напоминал бы обожаемому монарху согласный, мерный железный шаг его батальонов.

О Пушкине и его взаимоотношениях с Николаем мы еще поговорим, и поговорим подробно, а теперь все же, чуть забега-я вперед, приведем еще один пример.

После того, как появилась первая, и тогда единственная публикация на смерть Пушкина, принадлежавшая перу А.А.Краевского, публикация сделавшая его знаменитым, начинающаяся словами: «Солнце, нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!» — Краевский тут же был вызван к председателю Цензурного комитета князю М.А.Дундукову-Корсакову.

— Я должен вам передать, что министр (С.С.Уваров) крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выражение «Солнце поэзии!» Помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался в середине своего великого поприща!» Какое это такое поприще? Сергей Семенович именно заметил: разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж? Писать стихи, как выразился Сергей Семенович, еще не значит проходить великое поприще!»⁵⁶. И это говорил человек, который вместе с Пушкиным, Жуковским, Крыловым, Вяземским в молодости входил в одно с ними литературное общество «Арзамас», не только «балуясь» стихами, но ратоборствуя за право на литературные новации, высмеивая архаику и консерватизм. Теперь же бывший поэт Уваров, ставший государевым министром, и отлично зная нрав и вкусы своего сюзерена, делал и говорил то, что тому угодно.

НОВЕЛЛА СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Внутри России и за ее пределами

Теперь же возвратимся к началу царствования Николая и познакомимся с наиболее важными событиями внешней политики и внутренней жизни страны.

Как только в России возникло краткое междуцарствие, персы сочли его за признак ослабления своего грозного про-

тивника и начали совершать набеги на приграничные области Закавказья.

В Тегеран для выяснения обстоятельств и переговоров отправилась делегация во главе со светлейшим князем Александром Сергеевичем Меншиковым.

Едва делегация появилась в Иране, всех ее членов во главе с послом персы арестовали, а вслед затем их войска вторглись в Закавказье. Их авангард подошел к Тбилиси, разорил пригороды, но вынужден был отойти. Однако, вопреки традиции, старый опытный генерал А. П. Ермолов, или «сардар Ермулла», как звали его горцы, на сей раз действовал не столь энергично, как прежде, но все же 13 сентября 1826 года армия Аббас-Мирзы была разбита под Елизаветполем и отброшена за Аракс. Это сражение выиграл И. Ф. Паскевич-отец — командир Николая I, в дивизии которого будущий император начал уже не «потешную», а настоящую, серьезную, военную службу.

За это любимец Николая был награжден шпагой, украшенной алмазами с надписью «За поражение персиян под Елисаветполем». Это была первая победа, одержанная в новое царствование и потому она была особенно приятна Николаю.

12 марта 1827 года Паскевич официально занял место Ермолова, обвиненного петербургскими стратегами в медлительности и нерешительности.

А еще перед этим, сразу после победы русских под Елизаветполем, 25 сентября 1826 года, другая враждебная России держава — Оттоманская Порта — подписала в Анкермане проект конвенции, предъявленный Россией. Эта конвенция подтверждала положения Бухарестского трактата 1812 года и признавала переход к России Сухума и других приморских городов, а также, предложенную российским уполномоченным, графом М. С. Воронцовым, границу по Дунаю. Русские суда получали право беспрепятственного прохода через Босфор и Дарданеллы. Это позволило Паскевичу действовать еще более энергично и весной 1827 года русские войска двинулись в Армению и Нахичевань. 3 октября был освобожден Ереван, а еще через десять дней пал Тавриз.

Иранское правительство запросило мира и Николай согласился, но переговоры оказались очень долгими и сложными. Именно в этих переговорах в полной мере проявился блестящий дипломатический талант А. С. Грибоедова, прикомандированного еще весной 1822 года в штат Главноуправляющего Грузией «по дипломатической части».

Зимой в начале 1828 года Паскевич начал подготовку к походу на столицу Персии — Тегеран. Напуганный этим, шах 10 февраля подписал в Туркманчае мир.

По этому миру к Российской империи присоединялись области: Ереванская, Нахичеванская и Ленкоранская. В связи с этим Паскевич получил графский титул и стал именоваться «графом Паскевичем-Эриванским», а, кроме того, получил в награду миллион рублей.

Еще не закончилась война с Персией, как тут же вспыхнула новая война — с Турцией, в которой Николаю пришлось принять непосредственное личное участие.

9 июня 1827 года, в полночь, он неожиданно для всех прибыл в Кронштадт, на флагманский корабль командующего эскадрой адмирала Сенявина «Азов». Его сопровождал начальник Главного морского штаба князь А.С. Меншиков. К пяти часам утра весь флот был под парусами. За Красной Горкой Николай произвел флоту маневр, затем отслужил молебен, простился с командующим, и пересев на свою яхту, вернулся в Петербург. А флот пошел в Портсмут, где 24 июня был подписан Лондонский договор о совместной борьбе России, Англии и Франции с Турцией. Поводом для заключения договора послужило намерение турок истребить христианское греческое население Мореи для устрашения всех христианских народов Османской империи. Договор был подписан в канун дня рождения Николая и он увидел в этом некий провиденциалистский смысл.

8 октября 1827 года союзный флот, находившийся у берегов полуострова Пелопоннес, состоявший из 27 кораблей при 1676 орудиях, полностью уничтожил турецкий флот из 65 кораблей при 2200 орудиях. Султан Махмуд II настолько разъярился, узнав о гибели своего флота, что хотел казнить всех союзных послов, но был вовремя остановлен своим визирем. Ситуация на первых порах вроде бы разрешилась свободным отъездом всех трех послов из Константинополя, но затем 8 декабря султан обнародовал воззвание, в котором объявлял из всех союзных стран одну лишь Россию непримиримым и явным врагом Турции и призывал всех мусульман к священной войне с неверными — русскими. Российские подданные были изгнаны из Турции, проливы перекрыты для русских судов и турецкие дипломаты отправились в Персию, призывая шаха снова вступить в войну с Россией.

14 апреля 1828 года в Петербурге был обнародован Манифест о войне с Турцией, приказ войскам и указ о новом рекрутском наборе.

Для военных действий против Турции была двинута 2-я армия фельдмаршала, графа Витгенштейна, сосредоточенная на юге России. В задачу армии входило занятие Дунайских княжеств и взятие крепостей на южном берегу Дуная. Под началом у Витгенштейна было три пехотных и один кавалерийский корпус общей численностью 114 тысяч человек при 384 орудиях. За две недели до обнародования Манифеста, 1 апреля из Петербурга начал по частям выступать гвардейский корпус, во главе которого стал Михаил Павлович.

25 апреля из Петербурга к армии выехал Николай, оставив секретное распоряжение в случае его смерти считать наследником престола Михаила, и передавший власть в столице и в стране на время его отсутствия Временной верховной комиссии из В. П. Кочубея, П. А. Толстого и А. Н. Голицына.

Следом за Николаем уехали в Одессу Александра Федоровна со старшей дочерью, девятилетней Марией; Николай же должен был остановиться в Измаиле, где решено было развернуть Главную квартиру. Императора сопровождали вице-канцлер Нессельроде, герои войны 1812 года генералы Жомини и Евгений Вюртембергский, чины свиты и некоторые дипломаты. В коляске императора ехал А. Х. Бенкендорф, с этих пор и на долгие годы вперед его неизменный спутник в многочисленных поездках по России и за границей.

Говоря о Николае, следует заметить, что он ездил и в одноконной легкой тележке, и одуконь, случалось, и на тройке, но когда предстояла ему дальняя дорога — в Варшаву, Москву, Севастополь, или какой иной, далекий от Петербурга город, то в сани или в коляску впрягали ему непременно четверку царских, курьерских лошадей.

Для того, чтобы езда была наивозможно скорой, на каждой почтовой станции стояли готовые лошади, называемые «курьерскими». Их было не менее трех упряжек, то есть двенадцать. Ни один гражданин империи, кроме самого Николая и скакавшего впереди него фельдъегеря, не имел права ни под каким видом брать этих лошадей. Николай никогда не ездил в карете или вообще в каком-либо ином крытом экипаже. Летом у него была крепкая рессорная тележка, а зимой — широкие сани — пошевни, покрытые коврами. Перед ним с интервалом в час мчался курьер, предупреждая станционных смотрителей о скором прибытии государя. За время, оставшееся до его приезда, нужно было вывести на дорогу свежих лошадей в полной сбруе и готового к дороге ямщика, и, когда царский

выезд примчится, не более чем за минуту отстегнуть старых лошадей и запрячь новых. Зимними ночами в нескольких саженьях перед императорским выездом скакал еще один курьер. В его санях лежали десятки факелов, которыми он освещал дорогу.

Ямщики обязаны были гнать лошадей во всю их прыть, не замедляя бега и при подъездах к станциям. Лошади осаживались на всем скаку перед стоявшей на дороге четверкой, отчего одна или две, а случалось и все четыре, падали замертво, будто пораженные молнией. «Во время одного из проездов государя от Варшавы до Петербурга, — писал современник Николая А.В.Эвальд, — были убиты таким образом 144 лошади.»⁵⁷ Конечно же, дворцовое конюшенное ведомство преувеличивало цифру павших лошадей, показывая огромные неустойки, которые оно якобы платило потерпевшим.

На сей раз нетерпение увидеть войну подстегивало царя необычайно. Николай ехал днем и ночью и 7 мая достиг свою армию у Браилова, который был уже блокирован 2-й армией. С его приездом начались энергичные работы по подготовке к штурму крепости. Через неделю он уехал в Одессу, но пробыв там с императрицей всего два дня, поспешил в Измаил, в Главную квартиру.

Отсюда, после смотра войск и непременно парада, царь поехал к селению Сатунова, где предстояла переправа через Дунай. Сюда же прибыл и Витгенштейн, получивший царским приказом подтверждение, что именно ему принадлежит власть Главнокомандующего, присвоенная Учреждением о Большой действующей армии. Однако и здесь повторилась ситуация 1812 года, когда император Александр и цесаревич Константин были при Барклае, а теперь при Витгенштейне был император Николай, а вскоре должен был прибыть и великий князь Михаил.

Турки сразу же заметили скопление русских войск у Сатунова и немедленно стали стягивать войска к местам предполагаемой высадки. Николай сам руководил подготовкой к переправе и провел ее так удачно, что во время всей операции по форсированию широкой и многоводной реки погибло и было ранено всего 112 человек. Турки были сбиты с позиций и бежали в крепости Базарджик и Исакчу. Первому из генералов, переправившемуся на тот берег, генерал-адъютанту П.Д.Киселеву, Николай тут же присвоил звание генерал-лейтенанта.

28 мая Николай, не дожидаясь, пока наведут через Дунай понтонный мост, сел в лодку и с двенадцатью казаками-запорожцами, которые были его добровольными гребцами, пере-

правился на южный берег. Осмотрев русские позиции, он тут же вернулся обратно.

30 мая капитулировала крепость Исакча и русские войска двинулись в наступление по Добрудже к легендарному Траянову валу.

Следует заметить, что решающую роль в успешном осуществлении удачной переправы через Дунай сыграли казаки-запорожцы, некогда бежавшие в Турцию, но накануне переправы пришедшие в русский лагерь. За это Николай присвоил их атаману — кошевому атаману Задунайской Сечи Осипу Михайловичу Гладкому — чин полковника, наградил орденом Георгия 4 класса, а впоследствии назначил атаманом Азовского казачьего войска.

От Исакчи русские войска двинулись к Бабадагу, у стен которого 2 июня Николая ожидала еще одна казацкая делегация — некрасовцев, предки которых бежали с Дона после булавинского восстания более ста лет назад. Однако в отличие от запорожцев они только изъявили свою покорность царю, но вернуться в Россию отказались.

Меж тем турецкие крепости сдавались одна за другой. Только в июне пали Мачин, Браилов, Гирсов, Тульча и Кюстенджи; но то, что Николай приказал отпускать сдавшихся турок на свободу, принесло его армии ощутимый вред — не все, отпущенные на свободу, уходили домой, очень многие прошли к крепости Силистрия и существенно усилили ее гарнизон.

На другом театре военных действий — Черноморском побережье Кавказа — тоже был одержан успех — 12 июня князь Меншиков взял Анапу, после чего его войска соединились с армией Витгенштейна.

На этом успехи русской армии временно прекратились, ибо Николай, окрыленный удачами в начале кампании, решил, что сможет одновременно действовать сразу против трех мощных крепостей — Силистрии, Шумлы и Варны.

8 июля 30-тысячная русская армия подошла к Шумле и начала ее осаду, не зная, что в очень сильной крепости засел 40-тысячный неприятельский гарнизон. Николай, находившийся в осадном корпусе под Шумлой, сам наметил укрепления, диспозицию осадных работ и сам сделал первый удар киркой при закладке первого осадного редута. Однако дальше военное счастье изменило русским и Николай, через две недели увидев, что осада ни к чему не приведет, 21 июля оставил лагерь под Шумлой, отправился под Варну, также осажденную русскими. По дороге к Варне на конвой Николая попытались напасть турки, но конвой был силен — полк конных

егерей и конная батарея, всего 1300 человек — и неприятель отступил, очистив дорогу.

Первую ночь Николай провел в солдатской палатке, слыша близкие ружейные выстрелы. На другой день было тезоименитство матери императора и он невольно вспомнил пышные празднества в этот день в Петергофе, и контраст между той жизнью и этой — в степи, среди солдат, за скудной трапезой, — поверг в уныние и его, и небольшую свиту, и как писал потом бывший с ним Бенкендорф, «крайне поразил и государя, и всех нас, и наваял на наше общество невыразимую грусть».

На следующее утро отряд двинулся вперед. Дорога вскоре пошла через густой лес. Николай хотел ехать впереди всех, но его уговорили занять место за авангардом, перед отрядом прикрытия. Свита ехала вокруг него, как вдруг из леса грянул выстрел, и один из егерей упал раненым. Стрелявшего же найти не удалось.

Наконец 24 июля к вечеру отряд достиг Варны, осажденной с моря и суши флотом и войсками А. С. Меншикова. Обсудив с ним план осады, Николай переночевал и утром поспешил на флагманский корабль адмирала Грейга «Париж», стоявший вместе с двадцатью другими судами на рейде Варны. Затем на фрегате «Флора» Николай отбыл в Одессу, где ожидали его жена и дочь.

Подводя итоги, произошедшему в начале кампании, Николай писал Константину: «Все, что касается этой кампании, представляется мне неясным, и я решительно не могу высказать, что-либо определенное относительно моего будущего...»⁵⁸

27 июля Николай высадился возле хутора Рено, под Одессой, где жили Александра Федоровна, Мария и министр двора князь Волконский со свитой и слугами. Услышав салют, произведенный с борта «Флоры», Волконский схватил подзорную трубу, увидел фрегат и на его палубе — Николая. Приезд его был неожиданным и тем более для его близких радостным. Однако уже на следующий день Николай осмотрел резервные батальоны, городские заведения и погрузился в государственные бумаги, привезенные из Петербурга.

13 августа он вместе с императрицей отправился на корвете в Николаев, но уже 17-го вернулся в Одессу. Там застало его известие о крайне неблагоприятном ходе дела под Шумлой. Из-за этого Николай решил бросить подошедшую к Дунаю гвардию против Варны и одновременно приказал провести

еще один рекрутский набор, вдвое превышающий предыдущий. Вслед за тем Николай возвратился к Варне и обосновался на линейном корабле «Париж», наведываясь и в осадный лагерь. Наконец, после долгих осадных работ, подкопов и взрывов мин, 28 сентября Варна капитулировала. 1 октября Николай торжественно въехал в город. «Нас обдало, — писал Бенкендорф, — таким невыносимым смрадом от безчисленного множества падали всякого рода и человеческих тел, так дурно похороненных, что у иных торчали ноги, а другие были едва прикрыты несколькими лопатками земли... Везде встречались полуразрушенные мечети; дома пронизанные ядрами или обрушившиеся от разрыва бомб, целые кварталы, обращенные в груды развалин, без всякого почти следа бывших тут прежде зданий»⁵⁹.

Отправив гвардию на зимние квартиры в Тульчин и отдав распоряжения об исправлении укреплений и расквартировании всех войск, Николай со всем своим штабом, свитой и иностранными дипломатами, на трех кораблях отправился в Одессу, куда и прибыл из-за совершеннейшего штиля, продолжавшегося два дня и из-за страшной полуторасуточной бури на восьмые сутки 8 октября. Николай вышел на одесский берег осунувшимся и мрачным. Он не только понимал, что кампания ничего не дала ему, но кроме того его терзали смутные предчувствия какого-то несчастья. Он быстро собрался в дорогу и, загоня лошадей, помчался в Петербург. Он хотел незамеченным войти в Зимний дворец, но его узнали кавалергарды, привезшие в столицу трофейные турецкие знамена. И кавалергарды, и толпы людей, собравшиеся перед дворцом, закричали «Ура», увидев Николая, и он вошел во дворец в окружении склоненных турецких знамен, как триумфатор. Однако, предчувствие не обмануло Николая, как только он переступил порог, ему сказали, что тяжело больна его мать. Мария Федоровна для своих 67 лет была свежа и красива и ей нельзя было дать более 50-ти. Она никогда ничем не болела, и эта, совершенно неожиданная, болезнь, застала всех, в том числе и ее врача, доктора Рюля, врасплох. Прошло еще несколько дней и, в довершение всего, ее разбил паралич. А в ночь на 25 октября 1828 года Мария Федоровна умерла, успев завещать, чтоб были сожжены ее дневники — множество толстых тетрадей, которые она вела с 70-х годов прошлого века. Николай велел сжечь их, хорошо сознавая, что это — большая потеря для истории.

Узнав о смерти матери, в Петербург из Варшавы примчался Константин и, таким образом, все ее родные, кто мог, собрались у гроба Марии Федоровны.

13 ноября ее похоронили с необычайною пышностью.

По смерти Марии Федоровны, все учреждения, кои она опекала — Императорский Воспитательный дом, Воспитательное общество благородных девиц, многочисленные больницы, богадельни, училища и пр. — были переданы новому — Четвертому отделению собственной его величества Канцелярии, во главе которого был поставлен секретарь Марии Федоровны тайный советник Г.И.Вилламов, а все эти заведения велено было впредь именовать «учреждения императрицы Марии». Со временем в их делах первую роль стала играть императрица Александра Федоровна.

1829 год начался резким обострением русско-иранских отношений. 30 января толпа религиозных фанатиков, подогреваемая ортодоксальными улемами и муллами, ворвалась на территорию российской миссии в Тегеране и зверски убила всех там находящихся. Был убит и посол — Александр Сергеевич Грибоедов. В живых остался лишь один секретарь посольства Мальцев. Персидское правительство, напуганное возможными последствиями случившегося — возобновлением войны — тут же заверило Паскевича, что виновные будут строго наказаны, а вслед за тем отправило в Петербург старшего сына наследника престола, принца Хозрев-Мирзу. Чтобы загладить случившееся, в Тифлис прибыла возглавляемая им персидская делегация. Напряжение было снято, Николай удовлетворился извинениями персов и их заверениями в непричастности правительства к случившемуся в Тегеране, и на первый план выдвинулись задачи предстоящей кампании против Турции.

И в России, и в Европе, да и в Турции тоже, хорошо понимали, что кампания 1828 года оказалась почти безрезультатной для России. Сам Николай в одном из писем Константину назвал ее: «Эта одиозная война», но был преисполнен решимости на следующий год добиться победы. Так как его фельдмаршалы — П.Х.Витгенштейн и Ф.В.Остен-Сакен — были стары и дряхлы, и еле-еле тянули свои лямки, то Николай подумывал самому командовать армиями, взяв под свое начало генерал-губернатора Новороссии, графа и генерала от инфантерии А.Ф.Ланжерона, которому тоже было уже 65 лет, но здоровье его было не в пример крепче, чем у обоих фельдмаршалов. Однако вскоре произошла решительная перемена во

взглядах Николая на характер и план предстоящей кампании. Виной тому была смелая и беспристрастная, но критически острая и справедливая записка, составленная генералом Илларионом Васильевичем Васильчиковым, в которой он предлагал не ограничиваться блокадой придунайских крепостей, а перейти через Балканы. Мнение Васильчикова было поддержано Николаем и одобрено в заседании специального Комитета. В результате этого Витгенштейн был заменен Дибичем, а начальником его штаба стал К.Ф.Толь. 6 февраля 1829 года был подписан этот рескрипт, а уже 15 февраля и Дибич и Толь были в ставке Витгенштейна в Яссах. Кампания 1829 года началась осадой Силистрии, к которой войска подступили 5 мая. Когда же Дибич заикнулся было и об осаде Шумлы, то Николай ответил: «Повторять прошлогодние глупости я не могу дозволить».

А пока шла осада Силистрии, Паскевич в Закавказье одержал победу при Милидюзее, взяв в плен Эрзерумского сераскира, а затем, 27 июля, овладел и Эрзерумом.

Меж тем в Петербурге, еще в марте, Николай стал собираться в Варшаву, где должна была состояться его коронация, как короля Польши. 25 апреля он выехал вместе с Михаилом Павловичем из Царского Села, а через два дня следом за ним отправились в Варшаву императрица и цесаревич Александр.

Николай ехал через Динабург, Вильно, Гродно и Белосток, устраивая смотры, принимая парады, осматривая городские учреждения и достопримечательности.

4 мая Николай прибыл в загородный дворец в Яблоне, где его ожидал Константин и его жена княгиня Лович, а 5 мая начался торжественный въезд императора в Варшаву. Под звон колоколов и грохот пушек Николай тронулся из Праги* в Варшаву, но как только въехал на мост, лошадь ехавшего рядом с ним Константина вдруг заупрямилась и повернула назад. Великий князь шпорил ее и рвал удила, но ничего не смог добиться. Тогда он сошел с седла и пошел пешком, пока не подвели ему другую лошадь. Это удивительное происшествие поразило очевидцев и было истолковано самым дурным образом. Николая же, императрицу и наследника встречали цветами и улыбками и это вскоре скрасило неприятный инцидент.

После смотров, разводов, парадов, официальных приемов и торжественных обедов 12 мая в Королевском замке, в зале

* Прага — предместье Варшавы, расположенное на восточном берегу Вислы.

Сената состоялась церемония коронации. В присутствии нунциев, сенаторов и депутатов воеводств примас-архиепископ, — после того, как Николай сам возложил на голову себе корону Польши — троекратно провозгласил по-латыни: «Пусть живет король вечно!», но присутствовавшие на коронации поляки не повторили за примасом эту фразу, как того требовал обычай. Потом, оправдываясь, они говорили, что их об этом не предупредили, однако было ясно, что их молчание было политической демонстрацией извечной враждебности к династии Романовых.

Затем Николай в короне, со скипетром и державой в руках прошел в собор Святого Иоанна, где традиционно короновались короли Польши, и здесь принес присягу на верность Польше, ее народу и конституции. Он, конечно, был смущен, но довел необычный церемониал до конца, не дрогнув, и не переменившись в лице.

После целого каскада балов и фейерверков Николай и Александра Федоровна, порознь, 21 и 22 мая уехали из Варшавы в Берлин к отцу императрицы, прусскому королю Фридриху-Вильгельму III. Там смотры и парады продолжались.

Поездка была чисто семейной, ибо 29 мая в Берлине должна была состояться — и состоялась — свадьба племянницы Николая Саксен-Веймарской принцессы Августы, дочери великой княгини Марии Павловны, и принца Вильгельма — родного брата Александры Федоровны.

На второй день после свадьбы Николай и все сопровождавшие его уехали в Варшаву. Здесь 7 июня он получил известие о победе, одержанной 30 мая над турками при болгарском селе Кулевча (в 16 верстах от Шумлы), где 36 тысяч русских войск разгромили 52-тысячную армию великого визиря Решид-паши, захватив всю артиллерию, обоз и более двух тысяч пленных. За эту победу Дибич получил орден Георгия 2-го класса, а К.Ф.Толь — графский титул.

13 июня Николай уехал из Варшавы, делая, по своему обычаю, все то, что делал он и в своих прежних поездках, и через Луцк и Тульчин прибыл в Киев. Здесь его настигло сообщение о взятии русскими Силистрии. Это было Николаю тем более приятно, что сообщение о победе получил он в день своего рождения — 25 июня.

Находясь в дороге, при остановке в городах, Николай непрерывно работал. Бенкнедорф, говоря о его пребывании в Киеве, писал: «Он нисколько не задерживал текущих дел; курьеры, ежедневно приезжавшие из Петербурга или из армии, были отправляемы обратно в ту же ночь. Государь ложился спать не раньше трех часов утра, чтобы только поре-

шить и отослать все без изъятия поступившие бумаги. Таким образом, доклады Государственного Совета, Комитета министров, министерств, и начальников армий возвращались точно также без замедления, как если бы государь проживал в Петербурге... Кроме того, он находил время ежедневно писать подробные письма к императрице, прочитывать донесения о здоровье и ходе уроков его детей, перелистывать газеты и часто даже пробегать новые книги»⁶⁰.

11 июля Николай вернулся в Царское Село.

Вскоре после этого 10 августа в Петербурге принимали принца Хозрев-Мирзу, продемонстрировав ему знаки внимания, уважения и доброжелательства.

Принц передал в дар царю алмаз «Шах» — великолепный почти необработанный камень безукоризненной прозрачности, весом в 88 карата, находившийся ранее под тронным балдахинном персидских шахов*.

В ответ, при отъезде Хозрев-Мирзы, Николай подарил двенадцать великолепных пушек, прося передать их в Тебризе Аббас-Мирзе и демонстрируя вместе с тем уверенность, что мир между Россией и Ираном крепок, ибо потенциальным противникам оружие не дарят.

После победы под Кульчей путь через Балканы был открыт и армия Дибича быстро перешла их, почти без боя занимая множество городов, а в начале августа вышла к Адрианополью, который находился в 100 верстах от порта Энез, лежавшего на берегу Эгейского моря, где дрейфовала русская эскадра адмирала Гейдена, и в 120 верстах от Константинополя. Русские войска, численностью всего в 17 тысяч человек, при ста орудиях, появились перед Адрианополем настолько внезапно, что гарнизон города и крепости капитулировал на второй день после того, как они стали лагерем в виду города.

Это было неслыханной удачей, потому что армия Дибича таяла, как лед под лучами солнца — в ее тылу осталось более 80 тысяч больных и раненых. Такая страшная цифра объяснялась тем, что Дибич шел через территории, где свирепствовала чума, и она-то и косила солдат сильнее, чем пули и ятаганы турок. Но и у неприятеля дела шли не лучше, и потому уже 16 августа через восемь дней после капитуляции Адрианополя, там появились турецкие представители с предложением мира.

* В Алмазном фонде России «Шах» занимает второе место после знаменитого «Орлова», о котором уже рассказывалось в этой книге.

2 сентября мирный договор, получивший название Адрианопольского, был подписан. С русской стороны его подписали А.Ф.Орлов и Ф.П.Пален. По этому договору к России переходило все Кавказское побережье Черного моря и устье Дуная, подтверждалась независимость Молдавии и Валахии, предоставлялась автономия Сербии и Греции, обеспечивалась свобода мореплавания и взималась контрибуция в полтора миллиона голландских гульденов, что равнялось десяти миллионам русских золотых червонцев. Договор мог быть гораздо более жестким, но Николай сознательно не пошел на это, желая сохранить Турцию, как государство, ибо ее исчезновение, в случае полной его победы, привело бы к непредсказуемым последствиям, когда на месте слабого полусредневекового государства, могла появиться новая держава, поднятая к жизни Англией, Францией, Австрией, или же всеми ними вместе.

За победу над турками Дибич получил орден Георгия 1-го класса, графский титул, с присовокуплением имени «Забалканского», чин фельдмаршала и один миллион рублей. Паскевичу также был пожалован чин фельдмаршала, — а свой миллион и своего Георгия 1-го класса он получил чуть раньше. На всех прочих виновников победы пролился дождь наград — деньги, пенсии, аренды, ордена, титулы. Казалось бы, война кончилась. Да не тут-то было, поздравляя 25 сентября Паскевича фельдмаршалом, Николай написал ему собственноручно следующее: «Кончив одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее, — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»⁶¹. Тем самым Кавказские войны, начавшиеся еще в 20-х годах XVIII столетия, вступили в свой наиболее жестокий заключительный этап, продолжавшийся до 1864 года.

В конце октября 1829 года Николай вдруг впервые серьезно заболел. Врачи признали «нервическую горячку», которая свалила царя в постель и сильно напугала семью и двор. Проболев полтора месяца, Николай, ослабевший и похудевший, пошел на поправку. Казалось бы, наступившее затишье, выгодный и почетный мир, предвещают спокойствие и открывают возможности заняться внутренними делами. Однако судьба сулила иное. В начале 1830 года в Петербург прибыл чрезвычайный посол султана Галил-паша, с просьбой смягчить условия Адрианопольского мира, хотя бы в части получения контрибуции, но Николай, с почетом приняв его, в по-

луторачасовой личной аудиенции категорически отказался пересматривать любой из пунктов договора. И все же 14 апреля Николай снизил контрибуцию с десяти до восьми миллионов червонцев и разрешил выплачивать в течение восьми лет — по миллиону в год. Этот шаг свидетельствовал о том, что на смену былой вражде в отношениях между Россией и Турцией наступает нечто новое, — очевидные признаки взаимного сближения.

А вскоре после отъезда Галила-паши в Константинополь, Николай уехал в Варшаву на открытие первого в его царствование Сейма. Он приехал туда вместе с императрицей 9 мая и 16-го открыл Сейм, который прозаседал ровно месяц, благополучно и спокойно завершил свою работу. Однако и благополучие это и спокойствие были мнимыми и хорошо завуалированными — Польша бурлила, негодуя на царившие здесь порядки, почитая Николая деспотом, а его брата — Константина — проконсулом Пилатом, чья несправедная власть есть не что иное, как узурпация польской вольности и независимости. К тому же и лично Константин был ненавистен полякам из-за его хамства, жестокости, самодурства и неуважения к обычаям их страны. Николай знал обо всем этом, но предпринять ничего не мог.

Едва царская чета возвратилась в Петербург, как тут же Николая известили, что с юга на Россию надвигается страшная беда — эпидемия холеры, занесенная из Персии. Пока ставились армейские и полицейские кордоны, другая эпидемия разразилась на Западе. Правда, она пока еще не коснулась России, но Николай испугался ее не менее, чем холеры: 27 июля (по русскому календарю 15 июля) в Париже началось вооруженное восстание, а через два дня восставшие взяли Тюильрийский дворец и все правительственные здания. Королевские войска частью перешли на сторону народа, частью — бежали из Парижа. 2 августа французский король Карл X отрекся от престола и бежал в Англию. Через два дня на престоле оказался новый король — Луи-Филипп, герцог Орлеанский, признанный большинством французов, но не признанный Николаем, прозвавшим Луи-Филиппа «коварным и вероломным», тем более, что занял он трон помимо законного претендента — герцога Генриха Бордоского. Больше всего возмутило Николая, что белый флаг Бурбонов тут же был сменен на трехцветный республиканский, и он немедленно приказал не допускать корабли с этим флагом в русские гавани, а если они будут пытаться войти на рейд, открывать по ним

огонь. Вслед за тем он собрался порвать с Францией дипломатические отношения и отозвать из Парижа российского посла, а французского — выслать из Петербурга, но, поостыв, и побеседовав с французским послом бароном Полем Бургоном, отменил приказ о стрельбе по кораблям под трехцветным флагом и воздержался от разрыва дипломатических отношений.

И все же ход событий волновал Николая, и у него появилась мысль о создании антифранцузской коалиции. Чтобы узнать настроения австрийского императора и прусского короля, он послал графа А.Ф. Орлова в Вену, а фельдмаршала Дибича — в Берлин. Однако они еще не доехали до мест назначения, как и Австрия и Пруссия официально признали Луи-Филиппа. Вслед за тем признала его и Англия. Николаю оставалось последовать их примеру, что он и сделал.

А эпидемия холеры, меж тем, распространялась все дальше и дальше на север. 24 сентября Николаю сообщили, что болезнь достигла Москвы. Через два дня он уже мчался в «первопрестольную», — так понимал он свой долг. Примчавшись в Москву, Николай взял руководство борьбы с холерой на себя. Он приказал оцепить Москву карантинами, поставить пункты по окуриванию и омовению уксусом, но ничего не помогало — болезнь усиливалась, и уже во дворце стали умирать люди — скончался лакей Николая, умерла одна из служанок. 5 октября появились признаки болезни и у самого Николая, его стало рвать, поднялась температура, на лбу выступила испарина, но тотчас же данные ему лекарства оказались весьма кстати и к утру все прошло. И как раз в тот вечер, когда он еще болел и был между болезнью и выздоровлением, в Москву из Петербурга примчался гонец с известием, что в Нидерландских владениях, где королевой была его сестра Анна Павловна, началась революция. Кроме сообщения, гонец передал Николаю и письмо короля Нидерландов с просьбой о вооруженной помощи против мятежников бельгийцев, восставших против него в Брюсселе. И Николай тут же послал приказы о приведении армии в боевую готовность. Это известие подстегнуло Николая, и он, возложив борьбу с холерой на местные власти, на следующий день поехал в Петербург, но по дороге остановился в Твери, и, демонстрируя законопослушность, пробыл в карантине одиннадцать дней. Так как по условиям карантина ни к Николаю, ни к его свите никто не смел приближаться, то они и прожили совершеннейшими анахоретами в старом дворце великой княгини Екатерины

Павловны и ее мужа герцога Ольденбургского. Курьеров было принимать нельзя, местных администраторов тоже, и государь, находившийся в оцеплении войск, гуляя по парку, стрелял ворон, а Бекендорф подметал дорожки.

Возвратившись 20 октября в Петербург, Николай вскоре же стал получать тревожные донесения о том, что революционный пожар, подобный пожару на торфяном болоте, и вспыхивающий то тут, то там, в совершенно непредсказуемых местах, вдруг прорвался в Польше.

Это случилось в ночь на 17 ноября 1830 года и теперь нам лучше перенестись из Петербурга в окрестности Варшавы и возвратиться к уже основательно нами забытому, старому герою этой книги, великому князю Константину.

Уединенная жизнь, которую вел Константин в своем загородном дворце, полный отрыв его от варшавского общества, привели к тому, что революция 1830 года, начавшаяся 17 ноября, застала великого князя совершенно врасплох. В этот же день повстанцы должны были убить Константина. В шесть часов вечера, когда уже начало темнеть, двадцать заговорщиков, вооруженных ружьями со штыками, собрались в Лазенках, у Бельведера, а в семь часов ринулись ко дворцу и, отбросив двух сторожей-инвалидов, ворвались в вестибюль дворца.

Константин, по обыкновению, после обеда спал. Услышав шум и крики: «Смерть тирану!», он выглянул из спальни и увидел мятежников, преследовавших оказавшегося во дворце вице-президента Варшавы Любовицкого. Любовицкий бежал навстречу Константину и кричал: «Спасайтесь, Ваше Высочество!» Константин увидел, как несколько убийц ударили Любовицкого штыками, как тот замертво рухнул, и цесаревич в последнее мгновение сумел ускользнуть за дверь, а его камердинер тут же быстро закрыл ее на две прочные задвижки.

Камердинер, через соседнюю комнату, провел Константин на чердак и спрятал его там. В это время приехавший вместе с Любовицким генерал Жандр выскользнул во двор и стал звать на помощь слуг и солдат. Заговорщики, не разглядев в темноте, кто собирает защитников, решили, что это Константин, и, набросившись на Жандра, закололи штыками и его.

Между тем слуги и солдаты стали выбегать во двор, чтобы организовать отпор мятежникам и те поспешно покинули двор и побежали в ближайшую рощу.

Их не преследовали, ибо более всего были обеспокоены судьбой великого князя и его жены.

Первой отыскивали княгиню Ловичскую и предложили ей немедленно выезжать из дворца, но она наотрез отказалась

уезжать одна, и только когда объявился и Константин, оба супруга оставили Бельведер. Они направились на мызу Вержба, куда уже собирались русские войска, чтобы дать отпор повстанцам, но Константин, увидев, что численный перевес на стороне мятежников, не стал вступать в сражение с ними, а приказал отступать к русским границам.

Через месяц, 23 декабря, войска пришли в Белосток, где уже сосредоточивалась армия фельдмаршала И.И.Дибича, посланная на подавление восстания.

К этому времени и Константин и Жанетта заболели. Особенно сильно болела Жанетта. Из-за сильных переживаний в Бельведере 17 ноября она слегла и у нее стали развиваться все признаки скоротечной чахотки. Константин увез жену в Витебск и вскоре туда приехали из Петербурга лучшие придворные врачи.

Во время болезни жены Константин неотлучно находился при ней. А в это время в Варшаве было создано Национальное правительство во главе с князем Адамом Чарторыйским, тем самым, что был ближайшим другом императора Александра и в молодости вместе с ним мечтал о свободе Польши и создании республики. Под давлением повстанцев Сейм объявил Николая низложенным, и тогда армия Дибича вошла в Польшу. Война шла с переменным успехом, когда, наконец, 26 мая 1831 года под Остроленкой повстанцы были разбиты. А через три дня после этого умер Дибич. Он прошел через огонь наполеоновских войн, через войну с турками и поляками, а сразила его холера, добравшаяся и до Польши.

Эпидемия здесь была почти повсеместной, холера свирепствовала и на землях Белоруссии, где в Витебске все еще жили Константин Павлович и княгиня Лович. Случилось так, что через три недели после смерти Дибича, 15 июня, умер от холеры и Константин Павлович.

16 июня тело Константина было забальзамировано и положено в гроб. Прощаясь с мужем, Жанетта обрезала свои прекрасные длинные косы и положила их под голову покойного.

17 августа тело Константина было погребено в Петропавловском соборе, причем возле гроба была лишь одна Жанетта, так как из-за боязни заражения холерой на похоронах не было ни одного члена императорской фамилии и ни одного саванника.

После похорон Жанетта уехала в Гатчину, а через месяц — в Царское Село. Она постилась и молилась, проводила дни и ночи в одиночестве, часто плакала и болела все сильнее и сильнее.

А в это время новый главнокомандующий фельдмаршал И.Ф.Паскевич штурмом взял пригород Варшавы — Волю, после чего столица Польши 8 сентября капитулировала. Конституция 1815 года была ликвидирована, а на участников восстания обрушились жестокие репрессии. Паскевич снова был осыпан наградами и получил наивысший титул империи — Светлейшего князя, с добавлением — «Варшавский».

Весть о разгроме Польши застала Жанетту Лович в Гатчине, после чего она попросила перевезти ее в Царское Село.

17 ноября 1831 года в первую годовщину Варшавского восстания и через шесть месяцев после кончины Константина Светлейшая княгиня Жанетта Лович умерла на тридцать шестом году.

НОВЕЛЛА СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Сила и бессилие самодержца

А теперь вернемся чуть назад, к тем дням июня 1831 года, когда мертвого Константина Павловича повезли из Витебска в Петербург. Именно тогда холера дошла и до Петербурга и через несколько дней приняла угрожающие размеры. В отличие от Москвы, где меры, принятые городской администрацией, не вызвали противодействия жителей, в Петербурге эпидемию считали кознями и происками еретиков-немцев, так как подавляющее большинство врачей были выходцами из Германии. На улицах и площадях Петербурга стали собираться толпы озлобленных мещан, ремесленников, дворовых слуг; начали останавливать и обыскивать иностранцев, отыскивая яд; наконец, 22 июня на Сенной площади собралось многотысячное скопище замороченных смутьянов и дело кончилось тем, что толпа бросилась на временную больницу. Были выбиты окна, на улицу выбрасывали мебель, избивали и выкидывали больных и больничных служителей, убили всех врачей. Полиция разбежалась и следом за нею бежал и срочно прибывший на Сенную военный губернатор, граф П.К.Эссен. Для усмирения бесчинств командующий гвардейскими войсками в Петербурге И.В.Васильчиков привел на площадь батальон семеновцев. Однако народ только очистил площадь, но продолжал толпиться в соседних дворах и переулках. 23 июня Николай срочно выехал из Петергофа и явился на Сенной площади, где снова с утра собралось до пяти тысяч смутьянов. Николай, взяв с собою Бенкендорфа, приехал в коляске, остановил ее среди толпы, и встав во весь рост, зычно, так что было слышно всем, сказал, что стыдно русским подражать французам и полякам, что это их агенты подучают народ к

бунту и что надо их вылавливать и представлять по начальству. Затем, как на параде, он закричал: «На колени!», и вся толпа покорно опустилась на колени, сняв шапки, и восклицая: «Согрешили, окаянные!» А Николай продолжал: «Я перед Богом поклялся охранять ваше благоденствие и потому и за беспорядки я тоже отвечаю перед Богом и потому беспорядков не попусти. Сам костью лягу, но не попусти! И — горе послушникам!» А когда несколько человек стали что-то кричать, возражая ему, Николай, бесстрашно сверкнув очами, закричал: «До кого вы добираетесь? Кого вы хотите? Уж не меня ли? Так вот он я — перед вами! И я никого не страшусь!»

Площадь заревела: «Ура!» и снятые шапки полетели вверх. Николай сошел с коляски, поцеловал плачущего от восторга и умиления старика, оказавшегося рядом, и уехал обратно в Петергоф.

Волнения прекратились, но холера продолжала свирепствовать, унося в могилы до шестисот человек в день. И лишь через три недели эпидемия стала угасать, совершенно прекратившись осенью. Но прежде, чем это произошло, в Старой Руссе, в военных поселениях под Новгородом, в других местах, произошли холерные бунты, участники которых считали, что холера — дело рук иноземцев и начальства.

И снова Николай помчался туда, совершенно один, приказал выстроить военных поселян побатальонно и, когда он вошел в середину каре, бунтовавшие солдаты, изранившие и убившие своих офицеров, легли на землю, лицом вниз, изъявляя всеконечную покорность. Николай велел вывести из рядов зачинщиков бунта и предать их военному суду; а батальон, где убили батальонного командира, он приказал отправить в полном составе в Петербург, разместить всех солдат по крепостям, отдать под суд и исключить из списков. Он сам командовал: «Напра-во!» и батальон, отбивая шаг, и равняя ряды, двинулся в Петербург*.

Едва успел он вернуться в столицу, как 27 июля Александра Федоровна родила еще одного сына, названного Николаем**. О нем мы еще расскажем, так как он был достаточно не-

* К работам — на галерах, в каменоломнях, на мануфактурах — было приговорено 773 человека, выпорото розгами — 150, пропущено сквозь строй — 1599, бито кнутом — 88. Из двух последних групп было забито до смерти 129 человек.

** В семье Романовых его звали «Николаем Николаевичем Старшим».

ординарен, и не только по происхождению, но и по заслугам, стал одним из последних русских фельдмаршалов. Это событие — рождение сына — доставило Николаю радость, многие же другие ввергали его в глубокое уныние. Одним из таких происшествий стало, так называемое, «дело Гежелинского»⁶². Оно явилось следствием коренных пороков огромного, громоздкого, почти неуправляемого административного аппарата, ловко использующего темный лес чиновничьего производства для беззастенчивого грабежа попавших в него беспомощных путников.

В канцелярской волоките, неразберихе и подлогах дошло до того, что управляющий делами Комитета министров действительный статский советник Ф.Ф.Гежелинский, выученик и соратник Аракчеева, при Николае распустился до такой степени, что по пять лет не отвечал на запросы, поступающие из губерний и министерств, всячески обманывая Николая, у которого он лично бывал на докладах.

Дело дошло до подчисток высочайших резолюций, дат поступления документов и ответов на них, Николай четырежды писал гневные резолюции, остававшиеся со стороны Гежелинского без внимания, и наконец, велел посадить его в крепость... на трое суток. Но и это не облагоразумило зарвавшегося чиновника. Как вдруг 21 декабря 1830 года Николаю принесли мастерски, со знанием дела, составленный донос, и он, обычно брезговавший доносами, заметив, что речь идет о Гежелинском, внимательно прочитал написанное, после чего Федор Федорович был отдан под суд.

В процессе следствия было установлено, что Гежелинским не были исполнены 24 высочайших повеления и 65 других весьма важных и неотложных дел, причем, одно из них лежало у него с 1813, а другие 64 — с 1822 года. Гежелинский, сидя в крепости, написал императору покаянное письмо, умоляя о помиловании, но Николай, прочитав его слезное моление, велел передать дело в I отделение 5-го департамента Сената. Заслушав обвиняемого, и рассмотрев все доказательства, Сенат судил его по трем статьям: по 50-й главе Генерального регламента Петра Великого, предусматривающей «несправедливый рапорт, умышленное удержание дела, неприведение в действие полученного указа, или преднамеренное упущение обязанности», за что определялась смертная казнь, или вечная ссылка на галеры; по статье 28-й Воинского артикула Петра Великого, гласящей, что «за упущение должности от лености, глупости или медленности, но без злого умысла, отрешение от должности, навсегда или на время, с обращением на то время в рядовые; и, наконец, по статье 6-й Жалован-

ной грамоты дворянству, предусматривающей в числе преступлений лживые поступки, разрушающие дворянское достоинство. На основании этих узаконений Сенат постановил: «Лиша Гежелинского чинов, дворянства, орденов, написать в рядовые, куда годным окажется, а в случае неспособности сослать в Сибирь на поселение»⁶³.

26 июня 1831 года Николай приговор утвердил без всякого изменения. И так как сорокачетырёхлетний Гежелинский по врачебному освидетельствованию оказался вполне здоров, то и был отправлен в Финляндию, где и служил рядовым, занимая должность писаря.

И все же вскоре сыграли свою роль великие служебные и родственные связи, и по докладу финляндского генерал-губернатора, князя Меншикова, Николай разрешил Гежелинскому отставку и отдал на попечение его сестре, княгине Шаховской, жившей в деревне.

А в 1839 году был ему пожалован чин коллежского регистратора, без права служить в столицах, но тем самым было возвращено и дворянство, ибо и этот, наименьший из всех гражданских чинов, делал бывшего преступника дворянином.

НОВЕЛЛА СТО ТРИДЦАТАЯ

*Графиня Тизенгаузен, король Фридрих-Вильгельм
и граф Сумароков-Эльстон*

Двумя годами позже еще одна история стала притчей во языцех в петербургском свете. Вернее, в это время история только началась, а набирала силу и обрастала новыми подробностями еще несколько лет. Она, эта история, не имела никакого отношения к делам государственным, хотя, в некотором смысле была политической, ибо касалась сфер династических, теснейшим образом связанных о царствующим домом.

Все началось с того, что в 1833 году в Петербург после долгих странствий по Европе, возвратилась внучка покойного фельдмаршала М. И. Кутузова 28-летняя Елизавета Федоровна Тизенгаузен.

Имеет смысл дать краткий генеалогический очерк, относящийся к Елизавете Федоровне.

У Михаила Илларионовича было пять дочерей, самой любимой из которых была Лизанька, вышедшая замуж за остзейского аристократа, графа Фердинанда Тизенгаузена. Кутузов любил его больше всех других своих зятьев, признаваясь, что Фердинанд, которого на русский манер называли Федором, дорог и мил ему, как родной сын.

Здесь уместно будет сказать, что в свое время судьба подарила Кутузову и родного сына — Мишеньку — но его во младенчестве «заспала», то есть во сне придавила до смерти, его кормилица, — крепостная крестьянка. В день смерти первенца Кутузов не был дома — он служил далеко от Петербурга, и получив письмо от жены, долго плакал и молился. В ответном письме жене — Екатерине Ильиничне — сразу после слов утешения и призыва к смирению с волей Божией, просил ее пожалеть несчастную кормилицу, которая так любила маленького Мишеньку, и теперь от великого горя из-за ее собственной оплошки может наложить на себя руки. Вот таким вот оказался помещик, тогда подполковник Кутузов, ломая все стереотипы о жестоких крепостниках-самодурах. После смерти Мишеньки у Кутузовых больше не было сына, и потому, когда в их семье появился новый зять — Фердинанд Тизенгаузен, он занял в сердце Михаила Илларионовича сыновнее место.

Брак Лизаньки и Федора был счастливым. Молодые любили друг друга, и вскоре у них родились две дочери — Дашенька и Лизанька. Успешной была и карьера графа Тизенгаузена — в 1805 году он был уже полковником и флигель-адъютантом Александра I.

Однако и карьера, и семейное счастье, и сама жизнь оборвались в один момент — в трагической для русских битве при Аустерлице, где главнокомандующим был Кутузов, Фердинанд Тизенгаузен был убит. На второй день сражения многие видели, как, держась за край телеги, на которой везли тело Тизенгаузена, шел по грязи его несчастный тесть, и не стесняясь, плакал.

Через шесть лет после этого Лизанька вышла замуж еще раз. Ее мужем стал генерал-майор Николай Федорович Хитрово, участник войн с Наполеоном, соратник Кутузова, сильно израненный, и оттого переведенный служить по Министерству иностранных дел. В 1815 году Н.Ф.Хитрово был назначен послом в Великое герцогство Тосканское и Лизанька уехала вместе с ним и дочерьми во Флоренцию. Там прожили они четыре года. Николай Федорович почти все это время болел и в 1819 году умер. Лизаньке было тогда 36 лет, а ее дочерям — 15 и 14. Целый год носила вдова траур по умершему, а когда она впервые выехала вместе с дочерьми на бал, в ее старшую — Дарью, или, как звали ее на европейский лад, «Долли» влюбился австрийский посланник граф Фикельмон.

Он был богат, холост, и, несмотря на свои 43 года, рискнул сделать предложение шестнадцатилетней Долли.

3 июня 1821 года Дашенька Тизенгаузен стала графиней Фикельмон, выйдя замуж не по расчету, но по любви, и сохранила это чувство к мужу до конца его дней. А через два года Елизавета Михайловна Тизенгаузен, оставив своих дочерей во Флоренции, возвратилась в Петербург. Там стала она хозяйкой популярнейшего, модного литературно-музыкального салона, где бывал и Александр I, и Пушкин, и Жуковский, и Гоголь, а в 1839 году появился и Лермонтов.

Меж тем Долли Фикельмон и Елизавета Тизенгаузен вместе и порознь ездили по Италии и Германии, заводя знакомства с писателями и художниками, философами и артистами. Их друзьями стали братья Брюлловы, французская писательница мадам де Сталь, немецкий философ и писатель Фридрих Шлегель.

Однажды, оказавшись в Берлине, сестры были приглашены на бал во дворец прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Король в свое время был другом Кутузова, искренне любил и почитал фельдмаршала, и потому с особой сердечностью отнесся к внукам великого полководца, пожаловавшим к нему на бал.

Особенно же пришлось по душе старому королю младшая из сестер — Лизанька. Фридриху-Вильгельму шел шестой десяток, он вдовел уже много лет и молодая красавица — графиня Тизенгаузен совершенно очаровала старого короля. Чувство это оказалось настолько серьезным и прочным, что король сделал Лизаньке официальное предложение, не посчитав такой брак мезальянсом*. И хотя графиня Тизенгаузен не была особой королевской крови, но она была внучкой Светлейшего князя Кутузова-Смоленского, освободителя Германии, командовавшего прусскими войсками во многих славных сражениях, высоко чтимого его подданными, и потому сделанное Лизаньке предложение должно было быть воспринято не только с пониманием, но и с одобрением. Однако, посоветовавшись с матерью, Лизанька королю отказала, сославшись на то, что она не может стать королевой, ибо к такой судьбе следует готовить себя с рождения. Но, не желая огорчать короля, пообещала сохранить к нему чувства сердечной привязанности и одарить своей дружбой. Случай этот не афишировали, и, как полагали, со временем страсти угасли и все вернулось на круги своя.

* Мезальянс — брак с лицом низшего социального положения, неравный брак.

В 1829 году графа Фикельмон назначили австрийским послом в Россию и Долли вместе с ним уехала в Петербург, создав там вскоре еще один салон, не менее популярный, чем салон ее матери. А Лизанька Тизенгаузен-младшая по-прежнему оставалась в Европе и возвратилась в Петербург в 1833 году, сразу же став камер-фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Следует заметить, что графиня Елизавета Федоровна Тизенгаузен вернулась в Россию незамужней, но привезла с собою шестилетнего мальчишку, которого представила сыном своей внезапно скончавшейся подруги — венгерской графини Форгач. Так как мальчик остался сиротой, то Елизавета Федоровна усыновила его и забрала с собою в Петербург. Императрица, горячо полюбившая свою новую камер-фрейлину, перенесла любовь и на ее приемного сына — Феликса Форгач. Императрица была дочерью Фридриха-Вильгельма III и дружба Александры Федоровны с графиней Тизенгаузен, которая слыла другом ее отца, ни у кого не вызвала удивления.

Удивление вызывало другое, — чем старше становился Феликс Форгач, тем все более и более делался он похожим на прусского короля, который был отцом императрицы Александры Федоровны, стоявшей на пороге своего сорокалетия, и, как стали утверждать, отцом ее брата — Феликса Форгача, еще не достигшего десяти лет.

А далее следует сказать и о судьбе Феликса Форгача, так как его потомки сыграли не последнюю роль в истории дома Романовых.

В 1836 году Феликса определили в Артиллерийское училище под именем Феликса Николаевича Эльстона, а после того, как он женился на графине Сумарковой, 8 сентября 1856 года указом Александра II ему был присвоен титул графа, и повелено было «впредь именоваться графом Сумароковым-Эльстон». Сын Ф. Н. Сумарокова-Эльстона, Феликс Феликсович, женившись на княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой, из-за пресечения мужского потомства в роде Юсуповых еще одним императорским указом унаследовал и княжеский титул своей жены, и стал именоваться: «Князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон». И, наконец, внук первого Эльстона, и сын первого Юсупова-Сумарокова-Эльстона — Феликс Феликсович Юсупов Второй, в 1914 году женился на племяннице Николая II — великой княжне Ирине Александровне, еще более укрепив свое кровное родство с семьей Романовых.

Этот Ф. Ф. Юсупов вошел в историю России более всего тем, что организовал убийство известного Григория Распутина. Однако об этом будет рассказано в свое время и в своем месте.

НОВЕЛЛА СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Театральная история в городе Чембаре

Весной 1836 года Николай получил новую пьесу Гоголя «Ревизор». Он прочел ее и разрешил к постановке. 19 апреля в Александринском театре состоялась премьера. Присутствовавший, по должности, на этом спектакле «инспектор репертуара российской труппы» А. И. Храповицкий записал: «В первый раз «Ревизор». Государь император с наследником внезапно изволил присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество»⁶⁴. Спектакль удался, может быть, и потому, что роль Марии Антоновны играла любовь Николая — Асенкова.

А после того по Петербургу пошел слух, что Николай, после спектакля сказал: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне более всех!»

Этим эпизодом уместно предварить еще один, совершенно с ним не связанный: а именно, что Николай, как мы уже знаем, очень любил быструю езду, сродни той, какую великий Гоголь, обессмертил в выражении: «Эх, тройка, птица-тройка! Кто тебя выдумал!» И именно на этот раз это пристрастие императора едва не обернулось для него смертельной опасностью. Итак, летом 1836 года Николай решил посетить город Чугуев — центр военных поселений Харьковской губернии, и потому статс-секретарь Блудов уведомил всех губернаторов, через губернии которых должен был ехать царь, о подготовке к встрече.

Маршрут был кружным: из Петербурга — в Москву, а затем — Владимир, Нижний Новгород, Симбирск, Пензу, Тамбов, где царь намерен был съехаться с Александрой Федоровной, и далее, уже вместе, двигаться к Чугуеву. Всем губернаторам было приказано исправлять и чинить гати, мосты и дороги, заготавливать в необходимом количестве лошадей, дабы во время путешествия его величества не могло встретиться каких-либо остановок и затруднений и чтобы путешествие совершилось со всевозможным удобством, спокойствием и безопасностью. Государь также повелеть соизволил, «чтобы нигде к принятию его величества со стороны дворянства, градских и земских полиций и других начальствующих лиц никаких встреч не приготавливалось».

Взяв с собою неизменного В. Ф. Адлерберга и все чаще оказывавшегося рядом с ним А. Х. Бенкендорфа, лейб-медика Николая Федоровича Арендта, состоявшего в этой должности

уже семь лет, и еще десять человек свитских, чиновников и слуг, Николай отправился в путь.

Путешествие, начавшееся по графику, благополучно продолжалось до самой Пензы, куда он прибыл со своим кортежем 24 августа. Посетив кафедральный собор, отужинав и переночевав в доме губернатора, Николай принял городское пензенское общество, сделал смотр гарнизонному батальону, посетил тюрьму, дом инвалидов, гимназию, училище садоводства, и, отобедав с губернатором и местным предводителем дворянства, в пять часов пополудни 25 августа отбыл в Тамбов, посадив в свою коляску Бенкендорфа. И на этот раз Николай мчался, как на пожар, останавливаясь только для того, чтобы перепрячь лошадей на станциях. Экипаж проскакал к полуночи более ста верст, и мчавшаяся впереди всех коляска Николая во время спуска с не очень крутой горы вдруг пошла вбок и перевернулась. Николай в это время задремал, и когда очутился на земле, то от удара головой потерял сознание, а как только очнулся, то оказалось, что сломал левую ключицу. Бенкендорф отделался довольно легким ушибом, ямщик разбился довольно сильно, а сидевший на козлах рядом с ним камердинер едва дышал. Стоявший на запятках фореитор совсем не пострадал, и когда Николай пришел в себя, то велел фореитору скакать в ближайший город — Чембар — за помощью. Фореитор ускакал, как вдруг возле Бенкендорфа и Николая появился отставной унтер-офицер Байгузов, отпущенный под «чистую» и пробиравшийся к своей деревне, до которой оставался всего один переход. Пораженный необычайной встречей с царем, — в ночи, в глуши, а еще более того тем, что царь лежит у его ног, — Байгузов опустился на колени, снял с пояса манерку и дал Николаю напиток. А потом сел рядом с ним, положил голову царя к себе на колени и они стали ждать помощи.

Бенкендорф в это время пытался привести в чувство впавшего в беспамятство камердинера, а ямщик лежал на земле и стонал, делая вид, что умирает, хотя, может быть, так оно и было, ибо виноватым был именно он, а что его ожидает он не знал и потому мог умирать и от страха.

Арендта и других слуг и свитских не было — они ездили не столь стремительно, как Николай, и обычно отставали на одну-две станции.

Вскоре прибыли из Чембара уездный предводитель дворянства Я.А. Подладчиков, исправник, городничий и уездный доктор Цвернер.

Николай боялся, что уездный врач, узнав его, с перепугу сделает что-нибудь не то, и приказал Бенкендорфу закрыть ему лицо платком.

Однако не тут-то было. Цвернер узнал его и совершенно спокойно спросил:

— Что с вами, Ваше Величество?

А потом так же спокойно сделал перевязку, которую, кстати сказать, лейб-медик Арендт, вскоре доехавший до Чембара, признал безукоризненной.

Николая усадили в коляску предводителя дворянства, но из-за толчков он вышел на дорогу и шесть оставшихся до Чембара верст шел пешком.

Больному отвели помещение в доме уездного училища, заранее приготовленное для царского ночлега, предусмотренного маршрутным листом.

Немедленно в Пензу к губернатору Панчулидзеву было послано распоряжение о присылке в Чембар мебели, полного комплекта кухонных приборов, ста бутылок лучших вин, овощей, фруктов, живой рыбы, лучшей говядины и пр.⁶⁵.

Николай был в прекрасном расположении духа, писал, читал, никого, кроме врачей, Бенкендорфа и Армфельдта, не принимал, но потом настроение его испортилось, ибо вина оказались плохими, судаки и лещи сонными, а не живыми, говядина — с душком. Пришлось за припасами гонять курьерские транспорты в Москву. Вслед за тем пошли к нему просители. Просьбы, чаще всего, были противозаконны и нелепы. Николай узнал, кто их пишет, и открылось, что четыре местных грамотея — коллежский секретарь Васильев, губернский секретарь Черноухов, коллежский регистратор Исаев и мещанин Пономарев надоумили неграмотных земляков подавать на высочайшее имя прошения, беря с них за то немалую мзду. Оказалось, что все эти господа нигде не служили, били баклуши и пьянствовали. За что велено было государем всех их отдать в солдаты, а просьбы оставить без внимания.

5 сентября, в 2 часа дня, поправившийся государь впервые вышел из дому и отправился на прогулку. Он осмотрел строящуюся на базарной площади Покровскую церковь, местную тюрьму и вернулся обратно.

В ознаменование этого радостного события собравшиеся со всего уезда в Чембар дворяне и чиновники на следующий день отслужили благодарственный молебен и собрали 355 рублей на своих земляков-погорельцев из села Поляны.

Николаю доложили и о молебне в его здравие, и о произведенном пожертвовании, и он дал погорельцам еще 500 рублей. Затем пригласил к себе местного благочинного протоиерея, отца Василия Карского с причетчиком, чтобы отслужить благодарственный молебен по случаю своего выздоровления.

Облачившись, протоиерей начал службу, но когда должен был подключиться тенор-причетник, вдруг услышал отец Василий вместо того незнакомый бас. Протоиерей до того растерялся и оторопел, что забыл порядок службы и умолк. И тогда Николай, большой знаток не только военной службы, но и церковной, повел сам, а отец Василий и причетник, перед тем от волнения совсем лишившийся голоса, потянули вслед за царем и служба благополучно дошла до конца.

На другое утро перед отъездом из Чембара император принял предводителя дворянства, городничего, врача Цвернера, отца Василия, причетника, городского голову и исправника.

Когда все они собрались в классе, который был превращен в рекреацию перед спальней государя, чембарский уездный предводитель дворянства Яков Подладчиков наипочтительнейше попросил у государя позволения представить ему собравшихся для прощания дворян — первых людей города и уезда. Потом рассказывали, что, милостиво выслушав предводителя, Николай в ответ улыбнулся — открыто и сердечно — и благородное чембарское дворянство столь же радостно заулыбалось, полагая великой милостью и честью для себя всеконечное благорасположение государя.

И тогда предводитель — гордый и радостный — сказал:

— Ваше императорское величество! По случаю благополучного избавления вашего императорского величества от болезни, позвольте мне поздравить ваше императорское величество с исцелением от постигшего вас недуга. — И низко наклонил голову. В глубоком поклоне застыли и все присутствующие.

Затем предводитель добавил:

— Позвольте, ваше императорское величество, представить верноподданных дворян чембарского уезда. — И только хотел представить первого из них, как Николай, все также ласково улыбаясь, сказал:

— Благодарю вас, но этого делать не следует, я и так прекрасно знаю всех этих господ.

Радостное недоумение отразилось на лицах чембарских нобилей: «Как! Государь знает каждого из нас! Вот, что значит верная служба Отечеству!»

И, желая рассеять недоумение некоторых, а заодно подтвердить и только что сказанное, Николай произнес:

— Перед отъездом к вам, господа, меня со всеми вами познакомил господин Гоголь.

Никто, разумеется, не спросил: «А кто таков этот господин Гоголь?» Но тут же смекнули, что, по-видимому, это ка-

кой-нибудь новый статс-секретарь или же генерал-адъютант его величества.

И все же, прощаясь, государь поблагодарил их за гостеприимство и покой и пожаловал: лекарю Цвернеру — подарок в 2000 рублей да ему же деньгами — 3000; а прочим — от пятисот рублей до тысячи. Передав также на местную больницу и училище по пяти тысяч, и на постройку храма — еще тысячу, государь сел в коляску и поехал дальше, а следом за ним потянулся длинный хвост колясок и дрожек, всех тех, кто имел хоть малейшую причастность к этой истории.

А потом в здании училища, где выздоравливал государь император была устроена домовая церковь «для отправления в оной во все торжественные и праздничные дни службы и молебствия о вожденном здравии всемилостивейшего государя и всего августейшего дома». А училище перешло в каменный двухэтажный дом, пожертвованный купцом 1-й гильдии Хлюпиным.

Теперь домовой церкви в том доме нет, а приезжим и туристам рассказывают лишь о том, что с 1822 по 1824 год учился в нем «неистовый Виссарион» — революционный демократ В.Г.Белинский, а инспектировал училище в те же самые годы Иван Иванович Лажечников, автор известного романа «Ледяной дом».

НОВЕЛЛА СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Царь, поэт и жена поэта

Следующий раздел будет касаться вечного сюжета пушкинистики — мнимых и подлинных взаимоотношений Николая I с женой А.С.Пушкина, ибо, хотя, казалось бы, многое нам давно уже известно, да вот только еще больше вокруг этой истории накручено всяких намеков, кривотолков, пересудов и сплетен. Автор постарается объективно подойти к решению этого вопроса, опираясь на доступные ему, наиболее беспристрастные источники.

В 1926-1927 годах вышла в свет книга В.В.Вересаева «Пушкин в жизни», которая была воспринята как неординарное явление в пушкинистике, потому что в ней впервые были собраны воедино все доступные автору подробности жизни поэта с 1826 года, когда был он привезен по приказу Николая из Михайловского в Москву, где проходили коронационные торжества, и до самой смерти его. А после того прослеживалась жизнь его вдовы и тех, кто продолжал окружать ее. Пушкинисты считали, что после появления в 1855 году первого систематического свода сведений о Пушкине — «Материалы

для биографии А.С.Пушкина» П.В.Анненкова, книга Вересаева была не менее крупным вкладом в изучение его жизни, ибо составляла «систематический свод подлинных свидетельств современников»⁶⁶.

В связи с темой книги «Два царских декамерона» имеет право на постановку вопрос: «А была ли какая-либо романтическая связь между Натальей Николаевной Пушкиной и Николаем, тем более, что такого рода слухи, сплетни и свидетельства различной степени достоверности до сих пор волнуют умы и занимают сердца многих?» Вопрос этот и более чем ответственен и весьма деликатен, ибо речь пойдет о жене русского гения, матери четырех его детей, женщине, которую Пушкин любил более всех, и к которой относились и его слова: «Моя мадонна» и ставшее крылатым выражение: «Чистейшей прелести чистейший образец». Вместе с тем автор не пушкиновед и потому «без гнева и пристрастия» представит все, что сочтет необходимым и возможным, что могло бы пролить свет на взаимоотношения Натальи Пушкиной и императора Николая.

Идя по следам Вересаева и дополняя его «свод» другими работами, начнем с того дня, с чего начинается он свою главу «В придворном плену» — с выписки Высочайшего указа Придворной конторе: «Служащего в Министерстве иностранных дел титулярного советника Александра Пушкина всемилостивейше пожаловали мы в звание камер-юнкера двора нашего. 31 декабря 1833 года»⁶⁷.

Широко известно, как разгневан был поэт этим назначением, считая, что это довольно неприлично, однако формально все было совершенно точно: чин титулярного советника по «Табели о рангах» относился к IX классу и точно к тому же IX классу относилось придворное звание «камер-юнкер».

Речь ведь шла о присвоении звания камер-юнкера не великому поэту Пушкину, а титулярному советнику Пушкину, ибо поэты никогда в «Табели о рангах» не значились.

Зато Натали была в восторге, потому что это открывало ей доступ ко двору и к царским балам⁶⁸.

Уже в январе 1834 года Пушкина была представлена двору и представление ее прошло с огромным успехом⁶⁹. А вслед за тем она стала и участницей узкого придворного кружка, собиравшегося в Аничковом дворце. Вот что писал об этом избранном обществе барон М.А.Корф: «Император Николай был вообще очень веселого и живого нрава, а в тесном кругу даже и шаловлив... На эти вечера приглашалось особенное привилегированное общество, которое называли в свете «Аничковским обществом», и которого состав, определяв-

шийся не столько лестницею служебной иерархии, сколько приближенностью к царственной семье, очень редко изменялся. В этом кругу оканчивалась обыкновенно Масленица и на прощанье с нею в «прощеный день» завтракали, плясали, обедали и потом опять плясали. В продолжение многих лет принимал участие в танцах и сам государь, которого любимыми дамами были: Бутурлина, урожденная Комбурлей, княгиня Долгорукая, урожденная графиня Апраксина и, позже, жена поэта Пушкина, урожденная Гончарова»⁷⁰.

Далее Корф сообщает, что проводы Масленицы начинались около часа дня и продолжались далеко за полночь. О легкости нравов свидетельствовал хотя бы такой факт. Корф пишет, что однажды, а именно в Масленицу 1839 года, после двух часов ночи, уже после конца танцев, Николай предложил посадить всех дам на стулья, а кавалерам сесть возле своих дам на пол и сам первый подал пример. При исполнении фигуры, в которой одна пара пробегает над всеми наклонившимися кавалерами, государь присел особенно низко, говоря, что научен опытом, потому что с него таким образом сбили уже однажды тупей*. Здесь кстати заметить, что император Николай рано стал терять волосы и потому долго носил тупей, который снял в последние только годы своей жизни»⁷¹.

И хотя Наталья Николаевна вернулась в Петербург в начале ноября 1838 года, на проводах Масленицы в 1839 году ее еще не было — она вдовела, вела замкнутый образ жизни и в Аничковом не была. Однако подобные игры бывали там и раньше.

Возвратимся теперь в год 1834-й. Наталья Николаевна увлеклась балами столь сильно, что на Масленице 1834 года, — ах, уж эта Масленица! — из-за чрезмерного пристрастия к танцам, после очередного дворцового бала, у нее случился выкидыш⁷². И лишь через девять месяцев Пушкины еще раз оказались на дворцовом празднике — на сей раз — в Аничковом⁷³. И после этого вновь Натали стала много выезжать и танцевать ежедневно⁷⁴.

А когда в мае 1835 года у Пушкиных родился второй сын, то мать хотела назвать его Николаем — на что пушкинисты тоже обращали внимание, — но отец предоставил ей выбор между Гаврилой и Григорием — по именам своих предков, казенных в Смутное время, — Наталья Николаевна согласилась и предпочла наречь сына Григорием⁷⁵.

* Тупей — накладной хохол, род маленького паричка — нашлепки на лысине.

В 1834 году произошло знакомство Пушкиной с Дантесом, но для нашей книги это не представляет особого интереса, ибо в ее центре находится дом Романовых, и потому в дальнейшем Дантес будет появляться на этих страницах только в том случае, когда без него нельзя будет понять взаимоотношений Натальи Николаевны с императором.

Вместе с тем уместным представляется привести здесь, безотносительно с только что сказанным, воспоминания А. П. Араповой — дочери Натальи Николаевны от генерала П. П. Ланского, за которым вдова поэта была вторым браком.

А. П. Арапова писала: «Года протекали. Время ли отозвалось пресыщением порывов сильной страсти, или частые беременности вызывали некоторое охлаждение в чувствах Александра Сергеевича, но чутким сердцем жена следила, как с каждым днем ее значение ступшеывалось в его кипучей жизни... Пушкин только с зарей возвращался домой, проводя ночи то за картами, то в веселых кутежах в обществе женщин известной категории. Сам ревнивый до безумия, он даже мысленно не останавливался на сердечной тоске, испытываемой тщетно ожидавшей его женою, и часто, смеясь, посвящал ее в свои любовные похождения»⁷⁶. К тому же, именно в это время, Пушкин стал по-крупному играть в карты, и часто — неудачно.

Наталья Николаевна, не перенося одиночества, большинство времени стала по-прежнему отдавать нарядам, выездам и балам, тем более, что ее слава одной из красивейших женщин России, продолжала кружить ей голову. А именно в это время особенно обострилось финансовое положение поэта. Забегая немного вперед, скажем, что после его неожиданной смерти была учреждена опека над детьми и имуществом, и было уплачено по 50 счетам, около 120 тысяч рублей. Оказалось, что Пушкин был должен даже собственному камердинеру, что он заложил ростовщику Шишкину вещи Натальи Николаевны, серебро ее сестры Александры, 30 фунтов серебра своего друга С. А. Соболевского⁷⁷.

Меж тем расходы в доме не уменьшались, Натали блистала по-прежнему, а на балы, тем более царские, надобно было являться одетой по последней моде. — и все это — стремление к роскоши, угасающее внимание мужа, утрированно-болезненная восторженность Дантеса и его приемного отца барона Геккерна, создали тот психологический климат, которым искусно воспользовались недоброжелатели поэта, ловко играя на струнах его всесокрушающей, головокружительной ревности, и, буквально, засыпали его градом пасквилей, содержащих самые гнусные и омерзительные намеки.

О сгущавшейся, грозовой атмосфере в отношениях между отцом и сыном Геккернами и Пушкиным, и о вполне возможной дуэли, стал говорить весь аристократический Петербург. Дело дошло до того, что Пушкин вызвал Дантеса на дуэль, но тот, до истечения необходимого срока, чтобы принять вызов или отказаться от него, сделал официальное предложение родной сестре Натальи Николаевны — Екатерине Гончаровой, и оно было принято. Это обстоятельство не позволяло Пушкину настаивать на дуэли и поединок был отменен. Тем не менее Пушкин по-прежнему не принимал Дантеса, не разговаривал с ним и на людях ограничивался лишь холодными поклонами.

И все же многие понимали, что это, может быть, лишь отодвигает скорую и неминуемую развязку, но не меняет положения. Внимательно следившая за ходом дел императрица Александра Федоровна, спрашивала свою камер-фрейлину Е.Ф.Тизенгаузен: «Мне бы так хотелось иметь через вас подробности о невероятной женитьбе Дантеса. Неужели причиной ее явилось анонимное письмо? Что это — великодушие или жертва? Мне кажется, — бесполезно, слишком поздно»⁷⁸. И как показало самое ближайшее будущее, — она оказалась права.

Прошло совсем немного времени и императрице сообщили — существует основательное мнение, что Екатерина Гончарова в положении и отцом ее будущего ребенка является Дантес. Графиня С.А.Бобринская, близкая к императрице, писала: «Геккерн-Дантес женится! Вот событие, которое поглощает всех и будоражит стоустую молву. Под сенью мансарды Зимнего дворца тетушка плачет, делая приготовления к свадьбе. Среди глубокого траура по Карлу X видно лишь одно белое платье, и это непорочное одеяние невесты кажется обманом... Перед нами разыгрывается драма, и это так грустно, что заставляет умолкнуть сплетни»⁷⁹.

Однако прошло совсем немного времени и оказалось, что на сей раз сплетники совершенно правы, ибо уже в апреле 1837 года Екатерина Николаевна Геккерн-Дантес родила⁸⁰.

А теперь вновь вернемся в начало рокового 1837 года.

Не только императрица была обеспокоена создавшейся ситуацией, небезразличен был к созревшему конфликту и Николай. «После женитьбы Дантеса, — рассказывал друг Пушкина князь П.А.Вяземский, историку и издателю П.И.Бартеневу, — Государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке (то есть дуэли), не дав знать ему наперед.»⁸¹

Будучи человеком слова, Пушкин написал такое письмо 21 ноября 1836 года на имя Бенкендорфа, предназначенное для Николая, так как именно через шефа Третьего отделения его письма попадали на стол царя, но отправить не успел, — уезжая на поединок, письмо это Пушкин положил в карман сюртука, в котором дрался⁸².

В письме от 21 ноября Пушкин поставил Бенкендорфа в известность о том, что утром 4 ноября он получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для его чести и чести его жены. Убедившись в том, что это дело затеяно Геккерном, Пушкин послал вызов Дантесу*. Приехавший к Пушкину Геккерн, вызов от имени Дантеса принял, но попросил двухнедельную отсрочку из-за того, что им сделано предложение свояченице Пушкина. Это обстоятельство заставило Пушкина отказаться от вызова. Заканчивалось письмо к Бенкендорфу так: «Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что утверждаю»⁸³.

Текст письма таков, что и Николай, если бы прочитал его, не нашел бы в нем ничего, что могло бы повредить поэту, но, как уже было сказано, Пушкин письмо не отправил.

А за несколько дней до роковой дуэли Пушкин встретился с Николаем. Вот как донес до нас этот эпизод барон М.А. Корф, слышавший его лично от императора, когда Корф обедал с царем, обладавшим феноменальной памятью, вместе с его ближайшими сановниками — графами Орловым и Вронченко. Речь за столом зашла о Пушкине, в связи с начавшимся разговором о лицее, и после этого Николай стал рассказывать о разговоре с Пушкиным в Москве, в дни коронационных торжеств и о самовольном отъезде поэта на Кавказ, а в заключение сказал: «Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто в свете с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень добрую женщину, я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя и для счастья мужа, при известной его ревности.

* По дуэльному кодексу старик-Геккерн не мог быть вызван на дуэль, и его «честь» должен был защищать его сын. Кроме того, Геккерн был посланником Нидерландов и не имел права принять вызов и как дипломат, имеющий статус неприкосновенности. Следует иметь в виду и то, что королевой Нидерландов была сестра Николая — Анна Павловна, что также усложняло создававшуюся ситуацию, превращая ее из простого личного дела в дипломатический скандал.

Она, верно, рассказала это мужу, потому что, увидясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене.

— Разве ты и мог ожидать от меня другого? — спросил я.

— Не только мог, — отвечал он, — но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моею женою.

Это было за три дня до последней его дуэли»⁸⁴. Разговор за столом у царя происходил в апреле 1848 года.

О том, что Пушкин ревновал свою жену к царю знал и друг поэта П. В. Нащокин. «Сам Пушкин говорил Нащокину, что царь, как офицеришка ухаживает за его женою; нарочно по утрам по несколько раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру, на балах спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены. Сам Пушкин сообщал Нащокину свою совершенную уверенность в чистом поведении Натальи Николаевны.»⁸⁵

Вместе с тем припадки ревности у Пушкина были столь ужасны, что близко знавший его граф В. А. Соллогуб серьезно уверял уже упоминавшегося здесь П. И. Бартенева, что он иногда допрашивал свою жену, верна ли она ему, с кинжалом в руках⁸⁶.

И уже в самый канун дуэли, так, по крайней мере, писал в своем дневнике А. С. Суворин, со слов П. А. Ефремова, что Николай, узнав о дуэли приказал Бенкендорфу предотвратить ее. Геккерна вызвали в Третье отделение и он, предварительно посоветовавшись с ненавистницей Пушкина княгиней Белосельской, сделал то, что она придумала — назвал не то место, где должна была состояться дуэль, а совершенно противоположное, чтобы направить жандармов в другую сторону⁸⁷. Факт этот небесспорен, но говорили и об этом.

Как бы то ни было, дуэль произошла и Пушкин погиб. Вскоре после его смерти Николай писал своему брату Михаилу, находившемуся тогда в Риме, о случившемся, в частности, следующее: «И хотя никто не мог обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведение Дантеса, и в особенности гнусного его отца, Геккерна... он точно вел себя, как гнусная каналья...»⁸⁸ А в другом месте этого же письма добавлял: «Пушкин погиб, и, слава Богу, умер христианином»⁸⁹. Письмо это — личное, от брата к брату и сомневаться в искренности Николая оснований нет. Тем более совершенно справедливо, что Пушкин перед смертью исповедался, причастился, и «исполнил долг христианина с таким благоговением и таким глубоким чувством, что даже престарелый духовник его был тронут и на чей-то вопрос по этому поводу отвечал: «Я стар, мне уже недолго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имел»⁹⁰. Этому свидетельству мы

должны верить, ибо оно исходило от одного из самых близких Пушкину людей — княгини Е. Н. Мещерской-Карамзиной.

Есть и еще одно важное свидетельство, относящееся к исповеди и причащению Пушкина. Дело в том, что, как только стало известно о ранении Пушкина, к нему немедленно приехал личный врач Николая Арендт. Он сразу же понял, что рана смертельна и по просьбе Пушкина прямо сказал ему об этом. Пушкин поблагодарил его за честность и все оставшееся ему время вел себя безукоризненно мужественно и стойко.

Прощаясь, Арендт сказал, что по обязанности своей он должен обо всем сообщить Николаю. Тогда Пушкин попросил сказать императору, чтобы не преследовали его секунданта Данзаса. Ночью Арендт вернулся и привез от Николая собственноручно написанную им карандашом записку: «Если Бог не приведет нам свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся; я беру их на свои руки». Пушкин был чрезвычайно тронут и просил оставить ему эту записку, но царь велел ее прочесть и немедленно возвратить.

Николай не лег, пока Арендт не возвратился от Пушкина, и только, узнав обо всем, отправился спать.

Пушкин умирал в невероятных страданиях, проявляя еще более невероятное мужество и терпение. Князь Вяземский, не отходивший от постели умирающего до самого конца, писал через неделю после его смерти поэту, герою войны 1812 года, Денису Давыдову: «Арендт, который видел много смертей на веку своем и на полях сражений, и на болезненных одрах, отходил со слезами на глазах от постели его и говорил, что он никогда не видел ничего подобного, — такого терпения при таких страданиях. Еще сказал и повторил несколько раз Арендт замечательное и прекрасное утешительное слово об этом несчастном приключении:

— Для Пушкина жаль, что он не был убит на месте, потому что мучения его невыразимы; но для чести жены его — это счастье, что он остался жив. Никому из нас, видя его, нельзя сомневаться в невинности ее и в любви, которую Пушкин к ней сохранил.

Эти слова в устах Арендта, который не имел никакой личной связи о Пушкиным и был при нем, как был бы он при каждом другом, в том же положении, удивительно выразительны»⁹¹.

А когда Пушкин умер, Наталья Николаевна оказалась в состоянии близком к помешательству: она кричала и плакала, бросившись перед мертвым на колени, то склонялась лбом к его обледеневшему лбу, то к груди его, называла его самыми неж-

ными именами, просила у него прощения, трясла его, чтобы получить от него ответ.

Присутствующие при этом опасались за ее рассудок.

Затем у нее начались конвульсии, продолжавшиеся несколько дней. Они были сильны и мучительны⁹².

В состоянии крайнего экстаза она бросилась на колени перед образами, она сказала, что не имела никакой связи с Дантесом, допуская лишь ухаживания. Вслед затем, схватив за руку доктора В.И.Даля, в отчаянии произнесла: «Я убила своего мужа, я причиною его смерти; но Богом свидетельствую, — я чиста душою и сердцем».

Может ли существовать более убедительное доказательство ее невинности и чистоты? Много писали и говорили обо всем этом, но из великого множества оценок ее роли в совершившейся драме, наиболее объективной представляется та, какую дала только что упоминавшаяся Е.Н.Мещерская-Карамзина в письме к княгине М.И.Мещерской.

Она писала: «Собственно говоря, Наталья Николаевна виновна только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина. В сущности она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых однако ж из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и, что еще важнее, она не поняла, что ее муж иначе был создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам».

После смерти мужа Наталья Николаевна продолжала болеть и из-за этого не смогла проводить его гроб в Псковскую губернию, куда по приказу Николая повез тело Пушкина его друг А.И.Тургенев. А его вдова, как только встала на ноги, преисполнилась решимости выполнить последнюю волю своего мужа.

Княгиня В.Ф.Вяземская вспоминала, что, умирая и прощаясь с Натальей Николаевной, Пушкин сказал: «Ступай в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, но за человека порядочного»⁹⁵.

16 февраля 1837 года она с сестрой Александрой, братьями, матерью и всеми детьми выехала в Полотнянный завод, куда и приехала, не остановившись в Москве ни на один день, 21 или 22 февраля. Но жизнь в Полотнянном заводе оказалась по

многим причинам нелегкой, и в ноябре следующего года она возвратилась в Петербург. Пушкина поселилась у сестры своей Александры на Аптекарском острове и жила там смиренной монашкой, никого не принимая и никуда не выезжая⁹⁶. Только позже стала она навещать дома двух своих теток — графинь Е.И.Загряжской и С.И. де Местр. Затем круг ее посещений расширяется — она навещает семью поэта и критика П.А.Плетнева, одного из ближайших друзей Пушкина, которому поэт посвятил «Евгения Онегина». Одновременно Наталья Николаевна восстанавливает связи с Карамзиным, где вскоре знакомится с М.Ю.Лермонтовым.

Сначала он чуждался Натальи Николаевны, и она даже подозревала «предвзятую враждебность», однако в 1841 г. перед отъездом на Кавказ Лермонтов сердечно разговорился с нею и Наталья Николаевна расценила это как свою победу, но не как «победу красоты», а как «победу сердца» и ей радостно было потом думать, что Лермонтов, вскоре тоже павший на дуэли, унес с собою в могилу не дурное мнение о ней⁹⁷.

15 мая 1841 года Наталья Николаевна с детьми впервые после смерти Пушкина выехала в Михайловское. Такая задержка объяснялась прежде всего тем, что из-за канцелярской волокиты, ее долго не признавали законным опекуном, а когда в январе 1841 года, наконец, признали, то она решила по весне ехать в Михайловское. 19 мая она приехала в деревню и на следующий же день отправилась на могилу мужа.

Там, с мая по август, произошло второе перезахоронение Пушкина, могила его была превращена в склеп, а над ним был поставлен памятник, сделанный известным петербургским мастером Пермагоровым и привезенный в Святые Горы еще до ее приезда.

26 октября 1841 года вся семья возвратилась в Петербург. И, вот через два месяца у нее произошла довольно неожиданная встреча: в конце декабря 1841 года она поехала в английский магазин, чтобы купить рождественские подарки детям и встретила там Николая, который по обыкновению в этот же день приезжал за подарками для своих детей. Он очень мило разговаривал с нею, впервые увидев Наталью Николаевну после смерти Пушкина⁹⁸. И лишь только после этой встречи она снова появилась в свете.

«Император часто осведомлялся о ней у престарелой фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской (тетки Натальи Николаевны) и выражал желание, чтобы Наталья Николаевна по-прежнему служила одним из лучших украшений его царских приемов. Одно из ее появлений при дворе обратилось в настоящий триумф. В залах Аничковского дворца состоялся костюми-

рованный бал в самом тесном кругу. Е.И.Загряжская подарила Наталье Николаевне чудное одеяние в древнееврейском стиле, по известной картине, изображавшей Ревекку... Как только начались танцы, император Николай Павлович направился к Наталье Николаевне, взял ее руку, повел к императрице и сказал во всеуслышание: «Смотрите и восхищайтесь!» Императрица Александра Федоровна навела лорнет на нее и ответила: «Да, прекрасна, в самом деле прекрасна! Ваше изображение таким должно бы перейти к потомству». Император поспешил исполнить желание, выраженное супругою. Тотчас после бала придворный живописец написал акварелью портрет Натальи Николаевны в библейском костюме для личного альбома императрицы»⁹⁹.

Итак, сердечное расположение, подтверждаемое не только романтическими воздыханиями, но и существенной помощью семье Наталии Николаевны, — очевидны.

А меж тем настала пора, когда с нею готовы были разделить свою судьбу и блестящий дипломат Н.А.Столыпин, и штабс-капитан лейб-гвардии конной артиллерии, князь А.С.Голицын, и секретарь Неаполитанского посольства в Петербурге Гриффео, и иные, не менее достойные люди, имена которых не дошли до нас, а уж воздыхателям без серьезных намерений, как и прежде, не было числа.

Но судьбу свою она связала с сорокачетырехлетним холостяком, с которым познакомилась в начале 1844 года — генералом Петром Петровичем Ланским. Весной этого же года он сделал Пушкиной предложение и тридцатидвухлетняя красавица-вдова приняла его.

Главным отличием Ланского от всех прочих претендентов на руку Натальи Николаевны было то, что он искренне любил не только ее, но и ее детей, а это для матери было важнее всего.

Неожиданно сватовство, а потом и женитьба очень помогли карьере Ланского. Так как он исполнял обязанности командира лейб-гвардии Конного полка, а Николай был шефом этого полка, то, узнав о намечающейся свадьбе, он вызвался быть посаженным отцом, но Наталья Николаевна уклонилась от этого, настояв, чтобы свадьба была самой скромной и присутствовали бы одни родственники. 18 июля 1844 года в Стрельне, в окрестностях Петергофа, где стоял полк Ланского, состоялось венчание. На свадьбу Николай прислал новобрачной в подарок бриллиантовый фермуар (нарядная застежка на ожерелье), велел при этом передать, что от будущего кумовства не позволит так отделаться; и в самом деле, когда

у них родилась старшая дочь Александра, государь лично приехал в Стрельню для ее крестин»¹⁰⁰.

Сватовство Ланского и его женитьба на Пушкиной конечно же не остались незамеченными в свете.

28 мая 1844 года М.А. Корф записал в своем дневнике: «После семи лет вдовства вдова Пушкина выходит за генерала Ланского... В свете тоже спрашивают: «Что вы скажете об этом браке?», но совсем в другом смысле: ни у Пушкиной, ни у Ланского нет ничего, и свет дивится только этому союзу голода с жаждой. Пушкина принадлежит к числу тех привилегированных молодых женщин, которых государь удостоивает иногда своим посещением. Недель шесть тому назад он тоже был у нее, и вследствие этого визита или просто случайно, только Ланской вслед за этим назначен командиром Конногвардейского полка, что по крайней мере временно обеспечивает их существование, потому что кроме квартиры, дров, экипажа и прочего, полк, как все говорят, дает тысяч до тридцати годового дохода»¹⁰¹.

Впоследствии, навещая полк, Николай непременно приходил в дом Ланских. Когда же, незадолго до смерти Николая, в полку праздновалось двадцатилетие его шефства над конногвардейцами, Ланской попросил разрешения поднести императору памятный альбом. «Государь дал свое согласие, выразив при этом желание, чтобы во главе альбома был портрет Наталии Николаевны Ланской, как жены командира полка. Желание его было исполнено. Портрет Натальи Николаевны был нарисован известным в то время художником Гау. (Тем же самым, который писал портрет Натальи Николаевны в альбом императрице в 1843 году). С тех пор этот альбом хранится в Зимнем дворце.»¹⁰²

И все же портреты, сделанные Гау в альбом императрицы и в памятный альбом Конного полка, были не единственными изображениями Натальи Николаевны, хранящимися в царской семье. Было и еще одно ее изображение, спрятанное от посторонних глаз императором, нежно и платонически любившим ее до конца своих дней. Вересаев записал со слов профессора Василия Алексеевича Городцова, много лет проработавшего в Московском Государственном Историческом музее и при том присутствовавшем, что «Лет двадцать назад, по-видимому, в самом начале 20-го века, в музей пришел какой-то немолодой человек и предложил приобрести у него золотые закрытые мужские часы с вензелем Николая I. Запросил этот человек за часы две тысячи рублей. На вопрос, почему он так дорого их ценит, когда такие часы с императорским вензелем не редкость, принесший часы сказал, что часы эти особенные.

Он открыл заднюю крышку: на внутренней стороне второй крышки была миниатюра — портрет Наталии Николаевны Пушкиной. По словам этого человека, дед его служил камердинером при Николае Павловиче; часы эти постоянно находились на письменном столе; дед знал их секрет, и, когда Николай I умер, взял эти часы «чтобы не было неловкости в семье». Часы почему-то не были приобретены в Исторический музей. И так и ушел этот человек с часами и имя его осталось неизвестным»¹⁰³.

НОВЕЛЛА СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Цесаревич Александр, Герцен и декабристы

В те дни, когда Петербург, потрясенный внезапной смертью великого поэта, прощался с ним, цесаревичу Александру шел девятнадцатый год, и он готовился совершить два важных и нелегких для него дела: во-первых, сдать выпускные экзамены, и потом — отправиться в большое путешествие по России.

Минувшее в 1834 году шестнадцатилетие, когда был он признан совершеннолетним, не освободило Александра от учебных занятий и не стало поводом для их прекращения, как это было принято на Западе в отношении принцев. Изменился лишь уровень преподавания, — оно стало напоминать сочетание университета с военной академией. По-прежнему вели свои курсы Сперанский и Жуковский, академики П. А. Плетнев и К. И. Арсеньев.

Болгарский академик В. Николаев, — лучший знаток биографии Александра II — считает, что «фактически Александр получил блестящее образование, которое в полном смысле слова было равноценно подготовке к докторской степени в лучших западных университетах»¹⁰⁴. Особенно интенсивной стала военная подготовка и сильно увеличилась нагрузка по языкам, которые Александр любил и прекрасно усваивал. Лучше всех прочих языков знал он польский, великолепно владел французским, немецким и английским, удивляя потом степенью совершенства и поляков, и немцев, и французов, и англичан.

Весной 1837 года вместе с Паткулем и Виельгорским он сдал выпускные экзамены, заняв среди своих способных сверстников твердое первое место.

А после того, 2 мая, отправился он в первое большое путешествие по родной стране, которую ему предстояло, если и не узнать, то хотя бы увидеть, чтобы представлять, чем и кем предстоит ему управлять, когда наступит его время.

Путешествие проходило весьма стремительно и везде походило на возвращение победителя-триумфатора с полей победоносных сражений: всюду гремели пушки и звенели колокола.

Сопровождавший Александра В.А.Жуковский писал, что эта поездка напоминала чтение книги, в которой августейший путешественник читает лишь оглавление. «После, — писал Жуковский, — он начнет читать каждую главу особенно. Эта книга — Россия.»

Останавливались они чаще всего в больших городах, и маршрут их был таков: Новгород, Вышний Волочок, Тверь, Углич, Рыбинск, Ярославль, Ростов Великий, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Суздаль, Шуя, Иваново, Кострома — почти каждый день появлялся перед цесаревичем новый город с неизменными балами и фейерверками, депутациями, речами, приемами и тостами.

Разнообразие вносили только переходы с парохода на сушу — в экипажи, а затем снова — из экипажей на пароход. Так, доплыв до Ярославля, поехал Александр со свитой кружным путем до Костромы, а оттуда отправился через леса и деревни в Вятку, где в его честь должна была открыться богатая промышленная выставка. Одним из ее организаторов был А.И.Герцен, сосланный в Вятку за «вольнодумство и, распевание пасквильных песен, порочащих царствующую фамилию». Здесь вольнодумец и пасквильянт был принят на службу в губернское правление, и когда цесаревич приехал в Вятку, был приставлен к нему гидом.

Герцену было 25 лет, Александру — 19, и случилось так, что молодые люди с первого же взгляда понравились один другому. Герцен откровенно рассказал о преследованиях жандармов, об университетской молодежи, о декабристах, сосланных в Сибирь.

Эта встреча произвела на цесаревича сильное впечатление и заставила задуматься о многом.

Из Вятки цесаревич проехал в Ижевск, а затем через Воткинские оружейные заводы добрался до Перми. Здесь он принял депутации ссыльных поляков и раскольников, ласково и внимательно выслушал их, хотя местные власти не советовали ему делать это, и обрел среди них прочную репутацию народного заступника.

26 мая прибыл Александр в селение Решты, что лежало возле перевала через Уральский хребет, и в тот же день переехал в Азию. К вечеру он был уже в Екатеринбурге, а потом объехал железодельные заводы, золотые прииски и рудники, всюду встречаясь с купцами, заводчиками, инженерами, рабочими и

самыми простыми людьми, выслушивая их всех и вникая в их рассказы и судьбы.

31 мая он достиг границы Сибири. Там он посетил Тюмень и Тобольск, ставший самым восточным городом, который он навестил. На обратном пути Александр побывал в Челябинске и Златоусте, а потом заехал в Ялуторовск и Курган, где встретился с ссыльными декабристами. Он был опечален их несчастной судьбой и пообещал попросить у царя смягчения их участи.

Александр тут же написал Николаю письмо, и еще не успев возвратиться в Петербург, получил с фельдъегерем ответ о решительном облегчении их судьбы.

Побывав в Оренбурге, Казани, Симбирске, Саратове, Пензе, Тамбове, Воронеже и Туле, цесаревич поехал далее по местам сражений Отечественной войны — от Смоленска до Бородина — и в ночь с 23 на 24 июля въехал в Москву. Здесь, как и повсюду, он осмотрел все достопримечательности и святыни, провел обязательные смотры и парады, побывал на столь же обязательных торжественных обедах и балах, и 9 августа отправился дальше.

Теперь путь его лежал во Владимир, Нижний Новгород, Рязань, Тулу, Курск, Харьков и Полтаву, после чего прибыл в Вознесенск.

Здесь, на берегах Южного Буга, у границ Новороссии, в «оазисе Херсонских степей», уже ожидали цесаревича Николай, Александра Федоровна и его сестра великая княжна восемнадцатилетняя Мария Николаевна.

Царя сопровождала большая блестящая свита, а на императорский смотр в Вознесенск было стянуто 350 эскадронов конницы и 30 батальонов пехоты. В день именин Николай подарил Александру село Бородино. Вслед за тем вся царская семья поехала в Николаев, Одессу и Севастополь и, осмотрев Крым, через Екатеринославль и Кременчуг проследовала в Киев.

Однако и на этом путешествие не кончилось: впереди Александра ждали Полтава, Харьков, Таганрог, земли Войска Донского, и его столица — Новочеркасск.

Отсюда Александр и незадолго перед тем примкнувший к нему Николай почти без остановок помчались в Москву, где остановились на полтора месяца, и лишь 10 декабря возвратились в Царское Село. Так завершилось путешествие цесаревича, длившееся более семи месяцев, во время которого он проехал многие тысячи верст и увидел столько нового, сколько не видел за все свои двадцать лет.

НОВЕЛЛА СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Пожар в Зимнем дворце

Через два дня Николай, цесаревич и вся их семья переехали в Петербург, в Зимний дворец. А через пять дней после этого, вечером 17 декабря, Николай, императрица и цесаревич отправились в Мариинский театр. Там давали балет «Баядерка» и в главной роли была блистательная Тальони.

Все было прекрасно, как вдруг в царскую ложу вошел дежурный флигель-адъютант и шепотом, чтоб не испугать императрицу, доложил императору, что в Зимнем дворце начался пожар.

Младшие дети все оставались там, и, кроме того, во дворце постоянно находилось несколько тысяч слуг. Ни слова не сказав, Николай вышел из ложи.

Пожар начался с чердака, где слуги и ночевали. На случай пожара во дворце имелось множество приспособлений и своя пожарная команда. И потому, когда пожар только начался, пожарные решили, что легко справятся сами, и даже не известили дворцовое начальство, а тем более министра двора князя Волконского, которого все боялись пуще огня.

Однако, на всякий случай, от каждого из гвардейских полков к дворцу были вызваны по одной пожарной роте, но общего командования создано не было, и роты, каждая по отдельности, стояли на площади, под сильным ветром, а солдаты и офицеры с недоумением глядели на темный и тихий Зимний дворец, не видя никаких признаков пожара.

И вдруг, в один и тот же миг, из множества окон по фасаду, бельэтажа с шумом и треском вывалились рамы и стекла, в проемы окон вылетели наружу горящие шторы и стали виться на ветру огненными языками, а весь дворец из совершенно темного мгновенно превратился в огненный. И тотчас же на площадь хлынули волны густого и черного дыма, а над крышей вспыхнуло гигантское зарево, которое, как утверждали очевидцы, было видно за пятьдесят верст.

К этому времени на площади кроме солдат стояли уже и тысячи других людей, и все они, замерев, глядели на происходящее. И как раз в это самое время к Зимнему подкатил в открытых санках об одну лошадь хозяин горящего дома.

Николай сошел с саней, и возле него тут же встали полукругом генералы и офицеры, сановники и дипломаты, оказавшиеся рядом, как по мановению волшебной палочки.

Николай отдал приказ солдатам и офицерам войти во дворец через все входы и выносить все, что можно вынести. Однако, спасти было уже почти нечего и люди, оказавшиеся во

дворце, стали метаться по охваченным огнем, бесконечным, огромным залам и анфиладам, ища спасения для самих себя. А между тем все пожарные команды столицы были уже здесь, и лошади, впряженные в сани с бочками, непрерывно метались от Невы к Зимнему и обратно. Наконец, стали рушиться потолки, накрывая десятки тех, кто еще не успел выбраться.

Дворец горел трое суток, пока не выгорел дотла, оставив только закопченные, черные стены, опоясывавшие груды пепла, золы и горящих углей.

И все же, благодаря героизму спасавших дворец солдат, находившихся во внутренних караулах, а также тех, кто оказался в помещениях, еще не охваченных огнем, удалось спасти множество дорогих вещей — мебель, картины, зеркала, знамена, почти все портреты Военной галереи 1812 года, утварь обеих дворцовых церквей, трон и драгоценности императорской фамилии.

Разумеется, как только пожар вспыхнул, прежде всего были немедленно вывезены в Аничков дворец все члены царской фамилии, а вслед затем стали разбирать два перехода между Зимним дворцом и Эрмитажем, закладывая проемы кирпичом, и создавая надежный брандмауэр.

Таким образом, огонь остановился перед Эрмитажем и главные ценности были спасены.

Еще не остыли угли и пепел пожарища, как тут же начала работать комиссия, которая должна была установить причины возникновения пожара. Руководил ею А.Х. Бенкендорф, и как мы вскоре узнаем, его кандидатура была отнюдь не случайной.

Расследование показало, что виной всему «был отдушник, оставленный не заделанным при последней переделке Большой Фельдмаршальской залы, который находился в печной трубе, проведенной между хорами и деревянным сводом залы Петра Великого, расположенной бок о бок с Фельдмаршальской, и прилегал весьма близко к доскам задней перегородки. В день несчастного происшествия выкинуло его из трубы, после чего пламя сообщило через этот отдушник доскам хоров и свода залы Петра Великого: ему предоставляли в этом месте обильную пищу деревянные перегородки; по ним огонь перешел к стропилам. Эти огромные стропила и подпорки, высушенные в течение 80 лет горячим воздухом под накаливаемой летним жаром железной крышей, воспламенились мгновенно»¹⁰⁵.

Такой была официальная версия причины пожара. Однако один из первых очевидцев его начала, начальник караула, стоявшего в большой Фельдмаршальской зале, Мирбах, на-

стаивает в своих воспоминаниях на другой версии. Он видел, как из-под пола у порога Фельдмаршальской залы, рядом с которой были комнаты Министра двора, показался дым. Мирбах спросил оказавшегося рядом старого лакея:

— А скажи, пожалуй, в чем дело?

И тот ответил:

— Даст Бог, ничего — дым внизу, в лаборатории (там располагалась лаборатория дворцовой аптеки). Там уже два дня, как лопнула труба; засунули мочалку и замазали глиной; да какой это порядок. Бревно возле трубы уже раз загоралось, потушили и опять замазали; замазка отвалилась, бревно все тлело, а теперь, помилуй Бог, и горит. Дом старый, сухой, сохрани Боже.

Пол возле порога Фельдмаршальской залы тут же вскрыли пожарные и из-под него мгновенно взметнулось пламя. Мирбах велел закрыть двери в соседние залы — Петра Великого и Малую Аван-залу и остался на посту¹⁰⁶.

Как бы то ни было — незаделанный ли в трубе отдушник, или отвалившаяся в очередной раз замазка, возле уже неоднократно горевшего бревна, но причина была одна и та же — беспечность, надежда на авось, халатность и разгильдяйство.

Любопытно, что только два человека были наказаны за этот пожар — вице-президент гоф-интендантской конторы Щербинин и командир дворцовой пожарной роты капитан Щепетов. Первого признали виновным в том, что его контора не имела подробных планов деревянных конструкций дворца, а второго — в том, что он недооценил пожароопасность деревянных конструкций. И тот и другой были уволены в отставку.

Почему же наказание оказалось не более, чем символическим? Потому что главным виновником случившегося был сам Николай. Когда в 1832 году Монферран создавал те залы, где начался пожар — Петра Великого и Фельдмаршальский, — то ни единой детали убранства, а тем более конструкций, он не делал без разрешения Николая. И именно Николай утвердил и схему отопления этих помещений, и создание деревянных конструкций.

21 декабря состоялось первое заседание комиссии по восстановлению Зимнего дворца под председательством князя П.М. Волконского. В ее состав вошли инженер А.Д. Готман и архитекторы: А.П. Брюллов, В.П. Стасов и А.Е. Штеуберт. Через восемь дней комиссия была высочайше утверждена, а вскоре расширилась до трех десятков человек.

Прежде всего — под свежим впечатлением от только что случившегося пожара — было решено провести свинцовые водопроводные трубы, строить брандмауэры, каменные и чугунные лестницы, кованые и железные двери и ставни, заменяя повсюду дерево чугуном, железом, кирпичом и керамикой.

Президент Академии Художеств А.Н.Оленин предложил использовать предстоящие работы по строительству и отделке дворца, как практическую школу для воспитанников Академии. Руководить двенадцатью архитекторами, скульпторами и художниками был назначен А.П.Брюллов — родной брат живописца Карла Брюллова. Главным распорядителем всех работ назначался Стасов. Ему же поручалось «возобновление дворцового здания вообще, наружная его отделка и внутренняя отделка обеих церквей и всех зал»¹⁰⁷.

Общее руководство работами Николай поручил все тому же Клейнмихелю. И, надо сказать, он со своей задачей справился, разумеется, как всегда, не без большой пользы для себя.

Через несколько дней вокруг уцелевших от огня кирпичных стен сгоревшего дворца начали ставить строительные леса, через три недели уже воздвигли временную кровлю, и одновременно с этим начали интенсивнейшим образом очищать внутреннее пространство от золы, пепла, мусора и обгоревших трупов.

Преображенец-офицер Дмитрий Гаврилович Колокольников, — очевидец и участник этих событий, — писал потом, что в очистке дворца, участвовали «все гвардейские полки безпромежуточно, по крайней мере с месяц времени... Находили иных людей, как заживо похороненных, других обезображенными и искалеченными. Множество трупов людей обгорелых и задохшихся от дыма было усмотрено почти по всему дворцу»¹⁰⁸. Справедливость требует сказать, что всем родственникам погибших Николай приказал выплачивать пенсии.

После того как мусор вывезли, а трупы похоронили, во дворец вошло две тысячи каменщиков, которые и начали возводить стены, колонны, потолки и лестницы. Вскоре на строительство и отделку дворца ежесуточно выходило от шести до восьми тысяч человек. Стены, перекрытия и кровля дворца были возведены необычайно быстро и без всякого промедления начались внутренние отделочные работы.

Главным вопросом было интенсивное и эффективное осушение только что воздвигнутых, совершенно сырых помещений. Для этого поставили десять огромных утрмарковских печей, непрерывно обогреваемых коксом, и двадцать вентиляторов с двойными рукавами, выведенными в форточки. Все это,

прогревая помещения, выкачивая сырость и вредные пары от красок, клея и многих прочих химических веществ, превращало воздух в помещениях в сухой и чистый, поддерживало температуру на уровне $+36^{\circ}\text{C}$.

И все же де Кюстин, побывавший в Зимнем дворце сразу же после его второго рождения, писал: «Во время холодов от 25 до 30° шесть тысяч неизвестных мучеников, мучеников, не заслуживших этого, мучеников невольного послушания, были заключены в залах, нагретых до 30° для скорейшей просушки стен. Таким образом, эти несчастные, входя и выходя из этого жилища великолетия и удовольствия, испытывали разницу в температуре от 50 до 60° . Мне рассказывали, что те из них, которые красили внутри самых нагретых зал, были принуждены надевать на голову шапки со льдом, чтобы не лишиться чувств в той температуре. Я испытываю неприятное чувство с тех пор, как видел этот дворец, после того, как мне сказали, жизнью скольких людей он стоил... Новый императорский дворец, вновь отстроенный, с такими тратами людей и денег, уже полон насекомых. Можно сказать, что несчастные рабочие, которые гибли, чтобы скорее украсить жилище своего господина, заранее отомстили за свою смерть, привив своих паразитов этим смертоносным стенам, уже несколько комнат дворца закрыты, прежде чем были заняты»¹⁰⁹.

Как бы то ни было, но уже в марте 1839 года состоялось торжество, посвященное окончанию восстановления парадных залов. И хотя отделка покоев императорской фамилии продолжалась еще полгода, следует признать, что столь скорого исполнения необычайно сложных и многоплановых работ прежде мировая практика не знала, да, пожалуй, и впоследствии ничего подобного не было.

И совершенно справедливо, что все архитекторы, инженеры, скульпторы, художники и прочие создатели нового дворца были осыпаны деньгами, подарками, чинами и орденами.

А Петр Андреевич Клейнмихель 29 марта 1839 года был возведен в графское Российской империи достоинство с пожалованием девиза: «Усердие все превозмогает». Однако низкие завистники, коих у новоиспеченного графа было более чем предостаточно, тут же измыслили некое для его снисходительности уничижение, посетовав, что надо бы было государю по примеру Румянцева-Задунайского, Суворова-Рымникского и Потемкина-Таврического, наречь нового графа Клейнмихелем-Дворецким.

НОВЕЛЛА СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Первые любовные истории цесаревича Александра

В то время, когда сорокалетний Николай завел роман с восемнадцатилетней Асенковой, его сын Александр — ровесник отцовской наперсницы, — свел с ума прелестную юную дворянку, которая совершенно потеряла и сердце и голову, без памяти влюбившись в царского сына. Эту девушку — нежную, восторженную и совершенно бескорыстную, — звали Софьей Дмитриевной Давыдовой. По отцу она состояла в родстве и со знаменитым поэтом Денисом Давыдовым, и с графами Орловыми-Давыдовыми, и с Ермоловыми, и с князьями Долгоруковыми, и с князьями Барятинскими. Дмитрий Александрович был женат на княжне Елизавете Алексеевне Шаховской, родственные связи которой были тоже не менее значительны. У Софьи Дмитриевны было три брата и четыре сестры. У всех них, кроме Софьи, жизнь оказалась достаточно ординарной и только Софья Дмитриевна превратила свою судьбу в романтическую легенду, вызывавшую на первых порах глубокую зависть, а затем столь же глубокое сочувствие и сожаление.

Популярная во второй половине XIX века писательница А. И. Урван, выступавшая под псевдонимами Соколовой и Синего Домино, в романтической хронике «Царское гадание» так писала о чувствах Давыдовой к Александру: «Она любила наследника тек же свято и бескорыстно, как любила Бога, и, когда он уезжал в свое путешествие по Европе (Это путешествие состоялось в 1838-1839 годах, и сейчас оно будет здесь описано.) будто предчувствовала, что эта разлука будет вечной. Она простилась с ним, как прощаются в предсмертной агонии, благословила его на новую жизнь, как благословляют тех, кого оставляют в мире, уходя в иной, лучший мир, и сказала ему, что она, что бы ни случилось, всегда будет, как святую, вспоминать его имя и молиться об его счастье»¹¹⁰.

История, рассказанная А. Соколовой, о возвышенной, полумистической любви Софьи Дмитриевны Давыдовой к цесаревичу передавалась из уст в уста в среде русских аристократов еще при жизни Александра, хотя письменных подтверждений не сохранилось, и тем не менее из-за самого факта существования книги Соколовой «Царское гадание», эта история имеет право на то, чтобы о ней узнали.

Расставаясь с Александром, Софья Дмитриевна руководствовалась не только предчувствием: она знала, что предстоящая поездка ее возлюбленного в Европу рассчитана на целый год, и что цесаревич едет в Швецию, Данию, Швейцарию, Австрию, Англию и ко многочисленным германским и

итальянским дворам не только для того, чтобы осмотреть европейские достопримечательности — музеи и библиотеки, парламенты и резиденции владетельных особ, казармы и фабрики, но и для того, чтобы выбрать себе невесту.

Следует заметить, что Александр с детства был влюбчив, а с годами стал истинным женолюбом, не став бабником и тем более развратником. Он влюблялся часто, но всякий раз искренне считал, что все прошлые его романы — не более, чем мимолетные увлечения, которые он ошибочно принимал за серьезные чувства.

Первым известным нам увлечением совсем еще юного Александра был его флирт с молоденькой фрейлиной Наташей Бороздиной. И хотя ей было девятнадцать лет, флирт этот к опасению отца и матери цесаревича вполне мог перейти дозволенные границы, так как Бороздина была старше своего кавалера на пять лет и могла поступить, как бы ей ни заблагорассудилось. Поэтому Николай экстренно выдал ее замуж за дипломата Каменского и отправил бывшую фрейлину вместе с мужем в Лондон. Там они и прожили долго и счастливо чуть ли не всю жизнь.

Увлечение Наташей Бороздиной было лишь первым, но далеко не единственным увлечением цесаревича. Как утверждала хорошо осведомленная в интригах и сердечных делах двора графиня Ферзен, — секретарь императрицы Александры Федоровны — вскоре после Бороздиной возле Александра появилась еще одна фрейлина — Ольга Калиновская. Она была дочерью польского дворянина Иосифа Калиновского, решительного сторонника русских и тем снискавшего приязнь Николая. После смерти Калиновского Николай сделал сиротевшую девочку фрейлиной своей дочери, великой княжны Марии Николаевны. Она была ровесницей Александра, и когда он познакомился с Калиновской, его увлечение ею почти сразу же приняло характер пылкой и необузданной страсти. Калиновская, как утверждала графиня Ферзен, не была красавицей, но обладала вкрадчивостью и нежностью, и так вскружила голову цесаревичу, что Александр готов был отказаться от трона, чтобы жениться на ней¹¹¹. Как только родители узнали и об этой истории, Николай стал внушать сыну, что не его удел жениться на простой смертной, что он может брать себе в жены только девушку царской крови, и, тем более, он никак не может жениться на ком бы то ни было, кроме православной, а Калиновская была католичкой.

Затем он призвал к себе Главного наставника Александра генерал-адъютанта Х.А.Ливена и они решили, что из-за влюбчивости и слабой воли цесаревич склонен с легкостью подпа-

дать под чужое влияние — особенно женское, — и потому было признано за самое лучшее женить его, тем более, что наследнику шел уже двадцатый год.

История с Давыдовой была совсем иной, чем с Калиновской. Давыдова безответно любила Александра, в то время, как Ольгу цесаревич любил необычайно сильно, и собираясь в путешествие столь же сильно страдал из-за предстоящей с нею разлуки.

Задуманное Николаем путешествие должно было стать не только целительным средством от любовного недуга к Ольге Калиновской, но и завершить образование цесаревича, выполняя те же задачи, какие стояли перед ним во время недавнего путешествия по России. Оно было своеобразным продолжением той поездки, давая Александру возможность увидеть Европу, сравнить ее с Россией и сделать должные выводы. До конца апреля 1838 года цесаревич занимался военным делом, финансами и дипломатией, а затем отправился в путь. По дороге в Берлин его догнали отец, мать, младшие братья Николай и Константин и сестра Александра. Пробыв в Берлине в обществе своего деда — короля Фридриха-Вильгельма III, — и сонма немецких королей, принцев, герцогов и владельцев князей, Александр через три недели уехал в Штеттин и оттуда вместе с Николаем и братьями, направился на военном пароходе «Геркулес» в Стокгольм к старому союзнику русских шведскому королю Карлу-Юхану, бывшему маршалу Франции — Бернадоту. Объехав значительную часть Швеции, Александр через три недели отплыл в Копенгаген, где тоже провел три недели.

На этот раз он не только отказался от поездки по стране, но даже не присутствовал на военном параде, устроенном королем Дании в его честь. Сказавшись больным, он остался в отведенных ему апартаментах королевского дворца Христиансборг, и участвовавшие в параде войска прошли церемониальным маршем мимо окон его спальни. На самом же деле Александр впал в глубокую апатию, никого не хотел видеть, и, оставаясь в одиночестве, вспоминал, страдая, свою возлюбленную Ольгу.

То же самое происходило с ним и в Ганновере, куда «Геркулес» доставил его 6 июля. Здесь он провел в одиночестве пять дней, отговариваясь от торжеств простудой.

В это время Николай и императрица находились в Эмсе, на знаменитом курорте, где отдыхал и лечился весь цвет европейской аристократии. Туда и направил свое первое письмо Александр, раскрыв свою душу отцу, которого он почитал и любил. «Папа, — писал Александр, — ты знаешь, как влияют

на меня мои чувства. Прошлую зиму мы с тобой искренне поговорили. Мои чувства к ней — это чувства чистой и искренней любви, чувства привязанности и взаимного уважения. Они увеличивались каждый день и теперь еще продолжают. Но сознание, что эти мои чувства не приведут ни к чему, не дает мне покоя. Наоборот, это терзает меня больше и больше, и я душевно страдаю и тягочусь.»¹¹²

Отец ответил ему так: «Я люблю Осиповну — она очаровательная девушка. Я не обвиняю ее, что она нехотя возбудила в тебе чувство любви, в этом будь совсем спокоен»¹¹³.

Однако ничего более успокаивающего и обнадеживающего Николай не написал. Да и не мог. 26 июля Александр приехал в Эмс, и здесь, находясь рядом с отцом и матерью, вроде бы пришел в себя, осознав, что Ольгу Калиновскую ему следует забыть.

Хорошо отдохнув и основательно подлечившись, цесаревич через Берлин, Лейпциг и Мюнхен добрался до Инсбрука и, перевалив через Альпы, въехал в Австрийские владения в Северной Италии. Теперь на пути его лежали прославленные великими зодчими, ваятелями и живописцами Верона и Милан, Кремона и Мантуя, Виченца и Падуя, Венеция и Флоренция, а в конце этой части пути и «вечный город» — Рим.

Здесь цесаревич был принят папой Григорием XVI, осмотрел Ватикан, Колизей, Капитолий и все, что было достойно внимания. Он встречался со всей русской колонией и с особым удовольствием со своими соотечественниками — художниками и скульпторами. 6 января 1839 года Александр выехал в Неаполь, осмотрел Геркуланум и Помпею, поднялся на Везувий и поехал обратно в Северную Италию, чтобы вскоре оказаться в Вене и осмотреть поля сражений при Асперне и Ваграме.

В Вене, как и везде, ждали наследника парады и балы, экскурсии и торжественные приемы. Особенно радушно встречали его в семьях императора и князя Меттерниха.

Пробыв в Вене десять дней, Александр через Штутгарт 11 марта приехал в Карлсруэ. Сопровождавший его Жуковский, вечером 12 марта написал императрице: «Но что делается в его сердце — я не знаю. Да благословит Бог минуту, в которую выбор сердца решит судьбу его жизни... В те два дня, которые мы здесь провели, нельзя было иметь досуга для какого-нибудь решительного чувства; напротив, впечатление должно было скорее произойти неблагоприятное, ибо оно не могло быть непринужденным»¹¹⁴. Предчувствие не обмануло Жуковского — буквально на следующий день, 13 марта 1839 года, остановившись на ночлег в маленьком, окруженном садами и парками Дармштадте, где по его маршруту остановка

не была предусмотрена, Александр нашел то, чего не удалось ему отыскать ни в одном другом городе Европы. Дармштадт был резиденцией великого герцога Гессенского Людвига II. Александр, опасаясь скучного «этикетного» официального вечера, остановился в местной гостинице, но герцогу, конечно же, доложили о приезде в Дармштадт наследника русского престола, и он явился в гостиницу с визитом. Людвиг пригласил цесаревича в театр, а после спектакля попросил захватить и к нему в замок. И вот здесь-то и подстерегла его неожиданная встреча с очаровательной четырнадцатилетней принцессой Марией. Александр возвратился в гостиницу потрясенный и плененный дочерью герцога.

Отправляясь спать, Александр сказал сопровождавшим его адъютантам Каверину и Орлову: «Вот о ком я мечтал всю жизнь. Я женюсь только на ней».

Имя Марии повторял он неустанно, и тут же написал отцу и матери, прося у них позволения сделать предложение юной принцессе Гессенской. Дальнейшее путешествие по Германии и Голландии, а потом и по Англии, занимало его далеко не так сильно, как увлекательные странствия по Европе, до появления его в Дармштадте.

Месяц, проведенный в Лондоне, дал ему очень много. Он сблизился со своей ровесницей, королевой Викторией, был радушно принят чопорной английской аристократией, бывал и в парламенте, и на скачках, и в Оксфорде, и в Тауэре, и в доках на Темзе, и в Английском банке, и в Вестминстерском аббатстве. (О пребывании его в Лондоне и о несостоявшемся романе с королевой Викторией будет рассказано в следующей главе.)

Покинув Лондон, Александр помчался в Гессен, чтобы заверить родителей Марии о своем неизменном намерении стать со временем ее мужем: о помолвке, а тем более о свадьбе не могло быть и речи, поскольку будущей невесте не было еще и 15 лет.

23 июня Александр вернулся в Петергоф, чтобы через неделю присутствовать на свадьбе своей сестры, великой княжны Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. А между тем его собственные матримониальные дела пошли не в лучшую сторону.

Вернувшись в Петербург, Александр узнал еще одну причину задержки сватовства. Оказалось, что в основании родительского несогласия лежал весьма серьезный резон, и причиной его вовсе не была чрезмерная юность принцессы.

Вот уже двадцать лет семья герцога Людвига находилась в эпицентре болезненного внимания, оживленных пересудов и скабрзных сплетен при всех дворах Германии.

Виной тому была скандальная матримониальная обстановка в доме гессенских герцогов. Дело было в том, что Людвиг II женился на шестнадцатилетней принцессе Вильгельмине Баденской 23 года назад. После того, как у них родилось двое сыновей и дочь, муж и жена взаимно охладели и стали совершенно чужды друг другу.

И вдруг через 13 лет после размолвки Вильгельмина родила сына, которого назвала Александром. Не желая прослыть рогоносцем уже официально, Людвиг признал его своим. А через год — 8 августа 1824 года — Великая герцогиня родила еще одного ребенка — принцессу Марию, ту самую, что пленила сердце цесаревича.

Причем утверждали, что отец обоих детей не был даже дворянином. Чуть позже появилась новая версия происхождения детей, на сей раз гораздо менее экстравагантная, оказавшаяся, кстати сказать, и истинной — отцом Марии и ее брата был шталмейстер герцога Людвиг, швейцарский барон Август Людвиг де Гранси, француз по происхождению, необычайно красивый. Зато никаких претензий не могло быть к матери Марии: она была не только законная супруга герцога Людвиг, но и приходилась родной сестрой тетки цесаревича — императрицы Елизаветы Алексеевны — жены Александра I.

Ко всему прочему ветреный и чувственный цесаревич, мимолетно влюбился в Лондоне в прелестную двадцатилетнюю королеву Викторию, а возвратившись в Россию, вновь воспыал к Ольге Калиновской, и родителям Александра стоило немалых трудов, чтобы разрушить этот предполагаемый брачный союз, платой за который был отказ от императорской короны.

В результате сильнейшего давления со стороны императрицы Александры Федоровны, Ольгу выдали за бывшего мужа ее покойной сестры, богатейшего польского магната, графа Иринья Огинского. Лишь после этого Александр, скрепя сердце, 4 марта 1840 года выехал в Дармштадт.

Он возвратился в Россию вместе с невестой и своими родителями, встретившими их в Польше, в начале сентября.

5 декабря Мария была крещена по православному обряду и стала великой княжной Марией Александровной. Теперь следовало подождать лишь венчания цесаревны. Ей уже шел семнадцатый год — по тем временам возраст вполне брачный. И оно состоялось 16 апреля 1841 года.

Бесперывные празднества, сначала в Петербурге, а потом и в Москве, продолжались более месяца. Фрейлина

А.Ф.Тютчева так описывала Марию Александровну: «Была она высокой, худощавой, хрупкой на вид. Но в то же время — исключительно элегантной, напоминала изящные фигуры немецких женщин, изображенных на старинных гравюрах. И хотя черты ее лица не были классическими, волосы ее, нежная кожа, большие голубые глаза были действительно прекрасными... Вообще, выражение ее лица было всегда невозмутимо спокойным и нельзя было прочесть на нем ни внутреннее возбуждение, ни видимое воодушевление. Улыбка ее, немного ироническая, странно контрастировала с выражением глаз... Я настаиваю на этих подробностях потому что редко можно встретить более характерное лицо, на котором бы отражались столь различные контрасты и нюансы, свидетельствующие, несомненно об очень комплицированном «я»¹¹⁵.

И даже желчный злоязыкий П.В.Долгоруков должен был признать, что Мария Александровна женщина совершенно незаурядная. «...Мария Александровна в первые годы своего пребывания в России пользовалась репутацией женщины необыкновенно умной, — писал Долгоруков. — При пустом, легкомысленном дворе Николая, который в последние годы своей жизни любил употреблять в разговоре с женщинами тон самый грязный, самый цинический, при этом николаевском дворе, который умел безвозвратно убить в России всякое уважение ко двору, появление среди этого круга молодой женщины, отлично воспитанной, поразило всех. Приличие ее обхождения, ее молчаливость, ее скромность, — скрывающая, впрочем, порядочную долю гордости, — заставило принять ее за женщину необыкновенно умную. Холодность ее вежливости, вежливости сухой, но самой отменной, приписана была желанию не вмешиваться в дела, чтобы не навлечь на себя гнева грозного свекра. Ее отчуждение от всех, ее любовь к уединению приписаны были осторожности, глубокомыслию и, наконец, отвращению, которое, как полагали, внушал ей жалкий николаевский двор. Все это придавало ей в России огромную популярность.»¹¹⁶

Кроме ума и прекрасных манер, Мария Александровна отличалась и красотой, что делало счастье молодых супругов совершенно безоблачным и удачным во всех отношениях.

Даже легкое облачко, каким была Софья Дмитриевна Давыдова, мгновенно растаяло под лучами любви Александра к своей обожаемой жене, тем более, что и сама Давыдова поступила в высшей степени самоотверженно, — как только она узнала, что цесаревич полюбил другую женщину, она тут же ушла в монастырь, ибо не было в ее сердце места ни для одного земного мужчины, кроме Александра, и, не став его невестой, Софья стала невестой Христовой.

Но все это произойдет чуть позже, а сейчас мы возвратимся к событиям лета 1839 года, когда цесаревич сошел на берег России у Петергофа, торопясь на свадьбу своей сестры Марии с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским.

НОВЕЛЛА СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

*Великосветские истории вокруг двух свадеб
в царском доме*

Эта свадьба была первым государственным и семейным торжеством, проходившим в новом Зимнем дворце, еще не до конца достроенном.

Свадьба Марии и Максимилиана состоялась при обстоятельствах не совсем обычных, которые старались не доводить до широкой публики, хотя во дворце давно уже ходили слухи, что предстоящий брак — не по любви, пожалуй, даже и не по расчету, а по острой необходимости.

Известно было, что восемнадцатилетняя великая княжна Мария Николаевна влюбилась за два года перед тем в князя Александра Ивановича Бярятинского и дело дошло до того, что она была намерена выйти за него замуж.

Бярятинский, бывший четыремья годами старше Марии Николаевны, в бытность свою в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1831–1833 годах прославился своими кутежами и волокитством, и был признанным коноводом петербургской «Золотой молодежи», любимым местом сборов которой был дом князя Василия Сергеевича Трубецкого, генерала от кавалерии и члена Государственного Совета, отца пяти сыновей и шести дочерей.

Близко знавшая семью Трубецких графиня А.Д.Блудова писала: «Это было семейство красавцев и даровитых детей. Старшие сыновья были уже скорее молодые люди, нежели отроки, и мы подружились со вторым, Сергеем... В первой молодости он был необычайно красив, ловок, весел и блистателен во всех отношениях, как по наружности, так и по уму; у него было теплое доброе сердце и та юношеская беспечность с каким-то ухарством, которая граничит с отвагой и потому, может быть, пленяет. Он был сорвиголова, ему было море по колено»¹¹⁷.

Кавалергарды особенно ценили такие качества. Из их среды вышло множество бреттеров и дуэлянтов, повес и волокит, как, впрочем, и отчаянных сорвиголов, прославленных храбрецов и знаменитых героев. Особенно почиталось все это среди молодых офицеров-кавалергардов, и Сергей Трубецкой.

привыкший с раннего детства к лидерству и поклонению, и здесь стал одним из первых.

Сначала молодые люди, собиравшиеся в доме Трубецких, вели себя более чем пристойно и даже респектабельно. Гостиами богатого и гостеприимного дома были молодые гвардейские офицеры-кавалеристы, отпрыски знатнейших фамилий: Г.Г.Гагарин, С.Ф.Голицын, А.Н.Бахметев, Д.И.Нарышкин, Ж.Дантес, Б.А.Перовский, Н.А.Жерве-2-й, А.И.Барятинский, М.Ю.Лермонтов, которых один из них — князь Г.Г.Гагарин, будущий прекрасный художник — называл «небольшим обществом исключительно добрых и честных юношей, очень дружных между собой. Каждый сюда приносит свой небольшой талант и, в меру своих сил, способствует тому, чтобы весело и свободно развлечься, значительно лучше, чем во всех чопорных салонах. Однажды мы там пропели оперу «Немая» от начала до конца со всеми хорами — и роялем Бахметев, а я — Мазаньелло. (Имеется в виду опера французского композитора Даниеля Франсуа Обера «Немая из Портиччи», весьма популярная в это время в Петербурге.) Иногда рисуют, и каждый по очереди позирует. Я нарисовал портреты всего общества. Иной раз мы занимаемся гимнастикой, борьбой и разными упражнениями»¹¹⁸.

Но по мере того, как молодые люди выросли, их невинные детские забавы и шалости перерастали в озорство и буйство. И здесь вожаками оставались все те же — Сергей Трубецкой и Александр Барятинский, продолжавшие служить в одном полку — Кавалергардском. Летом 1833 года молодые баловни — 19-летний юнкер Трубецкой и 20-летний корнет Барятинский, учинили «весьма изрядную шалость», поводом для которой стало назначение командиром полка сухаря и службиста генерал-майора Р.Е.Гринвальда. Офицеры-кавалергарды — особенно молодые, — невзлюбили нового командира и решили «пошалить» особым образом. Свою проделку задумали они приурочить ко дню рождения Гринвальда, который пригласил всех офицеров полка к себе на дачу, располагавшуюся на берегу Каменного острова. Когда почти все гости были в сборе и расположились в саду, выходящем на Неву, вдруг показалась вдали большая лодка, в которой сидели факельщики в траурных погребальных костюмах.

Как только лодка оказалась вблизи дачи Гринвальда, факельщики запели погребальную песню. Хозяин дачи, также неприятно пораженный, как и все его гости, велел одному из слуг сесть в ялик, подойти к лодке, и спросить: «Что все это значит?» и лишь только слуга подошел к погребальному судну, — а гости с нетерпением ждали развязки, — как вдруг до них до-

несся громкий, дружный хор голосов: «Погребаем Гринвальда!» И гости, и хозяин, и его ближние пришли в невероятное смятение, не зная, что делать. А когда взглянули на реку — лодки и след простыл, — она завернула в один из боковых рукавов и скрылась в зарослях.

Через несколько минут к даче с другой стороны подкатили несколько экипажей, в которых приехали Барятинский, Трубецкой и другие молодые юнкера, корнеты и прапорщики. Они вместе с очевидцами произошедшей истории возмущались случившимся и резко порицали дерзких негодяев. Но вдруг к «шалунам» подошел один из офицеров полка, человек благородный и умный, и тихо сказал им: «Это ваша шутка и вам несдобровать».

А вслед за тем среди гостей распространилась весть, что полиция арестовала лодочника и «заговорщики» поняли, что их разоблачение очевидно и неотвратимо. Так и случилось. Главные «шалуны» — Трубецкой и Барятинский были переведены в другие полки, прочие отделались непродолжительным домашним арестом, извинениями и строгим внушением.

После того Сергей Трубецкой вторично попал на глаза начальству с еще двумя молодыми офицерами — Н.А. Жерве 2-м и князем М.Б. Черкасским, за то, что «после вечерней зори, во втором часу ночи, в Новой Деревне (как и Каменный остров дачном пригороде Петербурга) производили разные игры не с должной тишиной». А «игры» состояли в том, что молодые офицеры то подглядывали за тем, как совершает ночной туалет известная итальянская певица, то устраивали засады в женских купальнях, то влезали через окно в дом какой-нибудь хорошенькой молодой дамы и тотчас же учтиво извинялись, объясняя свое появление непреднамеренной ошибкой и предположением, что здесь живет их товарищ.

До поры до времени все это сходило им с рук, пока не доложили о том Михаилу Павловичу и дело кончилось тем, что их всех арестовали. Жерве и Черкасского отправили из Петербурга в отдаленные гарнизоны, а Сергей Трубецкой был тоже переведен в другой полк, но стоявший в Петербурге — Орденский Кирасирский. Причиной тому были не только вышеописанные проказы, но и то, что Сергей Трубецкой перебежал дорогу самому императору, которому приглянулась фрейлина Екатерина Петровна Мусина-Пушкина, завязавшая серьезный роман с красавцем-князем. Николай ничего не знал о происходящем и надеялся добиться своего, как вдруг по Петербургу распространился слух, что Е.П. Пушкина в положении и виной тому, отнюдь, не государь, а все тот же шалун и волокита Сергей Трубецкой.

9 декабря 1835 года А.Я.Булгаков писал своему другу П.Ф.Макаровскому: «Весь Петербург теперь только занят обрюхатевшею фрейлиною Пушкиною. Государь всегда велик во всех случаях. Узнавши, кто сделал брюхо, а именно князь Трубецкой, молодой повеса, сын генерал-адъютанта, он их повелел обвенчать и объявил, что она год уже, как тайно обвенчана, ибо действительно — ни он, ни она не могли получить позволения у своих родителей, когда просили оно. Экой срам»¹¹⁹.

Через много лет, когда уже вышедший в отставку Трубецкой, станет к тому же и вдовцом, между ним и Николаем произойдет точно такая же история, когда уже другая женщина откажет императору, отдав предпочтение князю Сергею.

Трудно сказать, был ли Сергей Васильевич счастлив в своей семейной жизни — ведь венчание состоялось не с его согласия и не по его воле — но вскоре ему пришлось оставить свою жену, родившую дочь, названную Софьей, ибо в 1840 году был он послан на Кавказ, где подружился с М.Ю.Лермонтовым, был в одних с ним сражениях, также как и он отличился в храбрости, так же как и поэт был представлен к награде и вместе с Лермонтовым был вычеркнут из списка Николаем.

11 июля 1840 года в бою при Валерике Сергей Трубецкой был серьезно ранен в шею, но вскоре должен был выехать в Петербург, получив письмо о тяжелой болезни отца. Он немедленно отправился в путь, не спросив даже разрешения своего начальства, но опоздал к похоронам на восемь дней и был наказан Николаем за самовольную отлучку.

Еще раньше был отправлен на Кавказ и Бяратинский, но получив пулю в бок и золотую саблю с надписью «За храбрость», вскоре вернулся в Петербург и был назначен в свиту цесаревича Александра, где, кроме него, в такой же должности состояли друзья детства цесаревича — Адлерберг, Паткуль и Виельгорский.

Паткуль был необычайно туп, Виельгорский, напротив, настолько умен и возвышен душой, что презирал дворцовую карьеру. К тому же он был неизлечимо болен чахоткой и через год умер в Риме, не дожив до 24-х лет.

Единственным соперником Бяратинского остался Александр Адлерберг, но и тот вскоре оказался вне конкуренции, а в 1845 году Бяратинский вновь был отправлен на Кавказ, почему это произошло, мы вскоре узнаем. А теперь вернемся в Зимний дворец, где происходит свадьба Марии Николаевны — бывшей почти невестой Бяратинского — с его счастливым соперником.

Побывавший в Петербурге сразу после венчания голландский полковник Гагерн так писал о новобрачной: «Великая княгиня Мария Николаевна мала ростом, но чертами лица и характера — вылитый отец. Профиль ее имеет также большое сходство с профилем императрицы Екатерины в годы ее юности. Мария — любимица своего отца, и полагают, что в случае кончины императрицы она приобрела бы большое влияние. Она обладает многими дарованиями, равно как и желанием повелевать: уже в первые дни замужества она приняла в свои руки бразды правления»¹²⁰. Правда, последнее замечание Гагерна о главенстве в новой семье свидетельствовало столько же о сильном характере Марии Николаевны, сколько и о мягкосердечии ее мужа. И хотя у герцога была весьма своеобразная, но все же и весьма славная родословная, в день свадьбы — 4 июля 1839 года — он был всего-навсего подпоручиком российской гвардии. Он был двумя года старше Марии Николаевны, хорош собой, высок и статен. Герцог был и прекрасно образован, что позволило ему в будущем занимать посты и Президента Академии Художеств, и директора Горного института — бесспорно, лучшего высшего учебного заведения России. Разумеется, что и происхождение его играло не последнюю роль в женитьбе на дочери императора. Подтверждением тому было и имя герцога — Максимилиан-Евгений-Иосиф-Наполеон. Его отцом был пасынок Наполеона Бонапарта — сын первой жены императора Франции Жозефины Богарнэ от ее брака с графом Александром Богарнэ, генералом республиканской армии, безвинно казненным якобинцами*. Выйдя во второй раз замуж за бедного молодого офицера, будущего императора, Жозефина открыла путь для блестящей карьеры своего сына Евгения и дочери Гортензии. Евгений в 23 года стал генералом, — впрочем, по заслугам, — а после вступления его отчима на престол, — принцем Империи. В 1805 году он был провозглашен вице-королем Италии, а еще через год Бонапарт официально усыновил его и даже собирался объявить своим наследником. В 27 лет Евгений женился на дочери баварского короля, принцессе Амалии-Августе, а еще через год добавил к своим титулам и титул князя Венеции. От этого-то брака в 1817 году и родился герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Его титул, «герцога Лейхтенбергского», произошел от названия замка Лейхтенберг в одноименном ландграфстве в округе Пфальц, которое в год его рождения было уступлено баварским королем — дедом Максимилиана — своему зятю

* Кстати, в мае 1793 года, незадолго до казни, Александр Богарнэ сменил на посту главнокомандующего Северной республиканской армии генерала де Кюстина — родственника барона Астольфа де Кюстина.

Евгению Богарнэ вместе с частью княжества Эйхштет. Это превратило новую территорию в герцогство Лейхтенбергское, отец Максимилиана, лишившийся всех своих титулов из-за поражения Наполеона, стал герцогом Лейхтенбергским и князем Эйхштетским с присвоением титула королевского высочества. За четыре года до свадьбы эти титулы из-за бездетности его старшего брата перешли к 18-ти летнему Максимилиану.

Таким было происхождение зятя Николая I, нового великого князя Российского императорского дома, его императорского высочества, герцога Лейхтенбергского.

Оказавшийся на их свадьбе Астольф де Кюстин, отметил любопытное для всякого француза совпадение: венчание состоялось в день 50-й годовщины взятия Бастилии, что настроило барона на особый лад. Увидев Николая в церкви Зимнего дворца, он был поражен и августейшей четой, и отношением к ней окружающих, и роскошью и великолепием обряда: «Стены, плафоны церкви, одеяния священнослужителей — все сверкало золотом и драгоценными камнями. Здесь было столько сокровищ, что они могли поразить самое непоэтическое воображение... Я мало видел могущего сравниться по великолепию и торжественности с появлением императора. Он вошел с императрицей в сопровождении всего двора, и тотчас мои взоры, как и взоры всех присутствующих, устремились на него, а затем и на всю императорскую семью. Молодые супруги сияли: брак по любви в шитых золотом платьях и при столь пышной обстановке — большая редкость, и зрелище поэтому становилось еще гораздо интереснее. Так шептали вокруг меня, но, — добавлял умный и проницательный де Кюстин, — я лично не верю этому чуду и невольно вижу во всем, что здесь делается и говорится, какой-либо политический расчет»¹²¹. Недалекое будущее показало, что он прав — очень сильная интуиция, знание жизни и незаурядный психологизм известного писателя верно послужили французу: хотя их брак был далеко не бездетным — Мария родила за двенадцать лет четырех сыновей и трех дочерей, однако ходили упорные слухи, что некоторые герцоги и герцогини Лейхтенбергские имеют друзей отцов, о чем будет рассказано чуть ниже.

Описывая церемонию венчания, де Кюстин обратил внимание на то, что по окончании обряда корону над головой невесты держал ее брат — цесаревич Александр, а корону над головой герцога Лейхтенбергского — граф Петр Петрович Пален — русский посол в Париже, сын одного из главных заговорщиков-убийц Павла I. Таким образом, замечал де Кюстин, сын убийцы призывал благословление небес на голову внучки убитого, что не могло не показаться странным.

Однако не только это удивило наблюдательного путешественника: первыми лицами во время свадьбы оказались ни жених, ни невеста, ни священники, а находившийся всегда в центре внимания отец невесты, император Николай.

«Император — всегда в своей роли, которую он исполняет, как большой актер. Масок у него много, но нет живого лица и, когда под ними ищешь человека, всегда находишь только императора.

Думаю, что это можно даже поставить ему в заслугу: он добросовестно исполняет свое назначение. Он обвинял бы самого себя в слабости, если бы мог допустить, чтобы кто-нибудь хоть на мгновение подумал, что он живет, думает и чувствует, как обыкновенные люди. Не разделяя ни одного из наших чувств, он всегда остается лишь верховным главой, судьей, генералом, адмиралом, наконец, монархом, и никем другим.»¹²²

Он и здесь всем распоряжался, не подавая, конечно, никаких команд, но приказывая взглядом и движением мышц лица, за выражением которого неотрывно следили все.

«Его гордое равнодушие, его черствость — не врожденный порок, а неизбежный результат того высокого положения, которое не сам он для себя избрал и покинуть которое он не в силах. Как бы то ни было, но совершенно особая судьба русского императора внушает мне сострадание: можно ли не сочувствовать его вечному одиночеству, его величественной ссылке?» — добавлял де Кюстин¹²³.

После того, как венчание было окончено, молодые, августейшая чета, императорская фамилия и все присутствующие были приглашены в новые залы восстановленного дворца, в одном из которых был накрыт стол на тысячу человек. Кюстин так описывал этот праздник: «Это была феерия, и восторженное удивление, которое вызывала у всего двора каждая зала восстановленного за один год дворца, придавало холодной торжественности обычных празднеств, какой-то особый интерес. Каждая зала, каждая картина ошеломляли русских царедворцев, присутствовавших при катастрофе, но не видевших нового дворца после того, как этот храм по мановению их господина восстал из пепла. Какая сила воли, думал я при виде каждой галереи, куска мрамора, росписи стен. Стиль украшений, хотя они закончены лишь несколько дней назад, напоминает о столетии, в которое этот дворец был воздвигнут: все, что я видел, казалось старинным... Блеск главной галереи в Зимнем дворце положительно ослепил меня. Она вся покрыта золотом, тогда как до пожара она была окрашена в белый цвет. Это несчастье во дворце дало возможность импера-

тору проявить свою страсть к царственному, даже божественному великолепию... Еще более достойной удивления, чем сверкающая золотом зала для танцев показалась мне галерея, в которой был сервирован ужин. Стол был сервирован с исключительным богатством. На тысячу человек в одной зале был сервирован один стол!»¹²⁴

Вопреки де Кюстину Гаген, посетив Зимний дворец в одно с ним время, заметил: «Вообще русские очень рады, когда они могут похвалиться: «Мы имеем самое большое», что бы то ни было — дворец, театр и крепость; или еще: «Никогда столь большое здание не было возведено в столь короткое время». Величина и скорость для них значат больше, чем доброкачественность и красота. Наполеон справедливо заметил о них: «Поскребите его шкуру — и вы найдете татарина». Невыгодные последствия столь большой поспешности повсюду видны в Зимнем дворце: сырые, нездоровые стены; все комнаты летом много топились для просушки, поэтому уже во многих апартаментах стало невозможно жить»¹²⁵.

Барятинский был приглашен на свадьбу Марии Николаевны с Максимилианом и, хорошо понимая, что теперь о замужестве с ней не может быть и речи, все же не оставил надежды войти в царскую семью. Сравнивая свою родословную с родословной герцога Лейхтенбергского, он пришел к выводу, что Максимилиан ему не чета — он был Рюриковичем, потомком Черниговских и Тарусских князей, а в сравнительно недавнем прошлом его дед — Иван Сергеевич Барятинский — генерал-поручик и посол Екатерины II в Париже — был женат на Гольштейнской принцессе Екатерине, родственнице великой императрицы. Все это вскружило голову молодому князю и он стал оказывать весьма недвусмысленные знаки внимания второй дочери Николая, 17-летней Ольге Николаевне.

Видевший ее в это время Гагерн писал:

«Вторая великая княжна, Ольга Николаевна, любимица всех русских; действительно, невозможно представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность. Она очень стройна, с прозрачным цветом лица, и в глазах тот необыкновенный блеск, который поэты и влюбленные называют небесным, но который внушает опасения врачам.»¹²⁶

Однако Барятинский не учел многого. Он не учел, что Ольга Николаевна, не в пример своей старшей сестре, холодна и расчетлива, а кроме того и крайне самолюбива — она отказывала владетельным князьям Германии, только потому что в предстоящем замужестве видела себя не иначе, чем королевой. Когда же Николай узнал о новых кознях неугомон-

ного князя, он снова отослал его на Кавказ, присвоив ему незадолго до того чин полковника. Это была его судьба. Правда, он ненадолго вернулся в Петербург в 1846 году, но почти сразу же уехал обратно, получив чувствительнейший удар в сердце, и став свидетелем окончательного крушения своей последней надежды: в то время, когда был он в Петербурге, состоялась помолвка, а затем и свадьба великой княжны Ольги Николаевны со столь долгожданным отпрыском королевской династии. В 1846 году Барятинский навсегда покинул Петербург, после того, как 1 июля Ольга Николаевна вышла замуж за наследного принца Вюртембергского Фридриха-Карла, который со временем должен был наследовать королевскую корону своего отца.

Убедившись, что при дворе многого не добьешься, Барятинский уехал в горы Кавказа за чинами, почестями и воинской славой. Умный и лукавый А.П.Ермолов сказал об этом так: «Ведь на Кавказе большие горы, а в Петербурге болото топкое; в болоте столько же легко увязнуть, сколько в горах удобно подняться на высоту». Он и поднялся на максимально возможную высоту, став через 27 лет главнокомандующим, наместником Кавказа и фельдмаршалом, пленив в 1859 году неуловимого Шамиля. Но об этом — после.

А теперь вернемся к тому, что было совсем недавно сказано вскользь, — о дальнейшей семейной жизни Марии и Максимилиана.

Подтверждая основательность опасений в искренности любви Максимилиана Лейхтенбергского и Марии Николаевны, Н.А.Добролюбов писал: «Но, выдавши, (Николай I) сказал ей, что теперь опять она может взять себе в адъютанты Барятинского, и он был возвращен. Впрочем, он ей надоел наконец, и говорили о ее нежных отношениях с Марио»¹²⁷. Джованни Марио — граф де Кандия — был одним из лучших певцов своего времени. В 1849-1853 годах он выступал в Петербурге на сцене Итальянской оперы вместе со своей женой, не менее чем он знаменитой певицей Джулией Гризи. Его гастролы в Петербурге были триумфом великого певца, которому здесь исполнилось сорок лет. Многие дамы, буквально, сходили с ума от красавца-графа, обволакивавшего слушавших его бархатистым тембром великолепного, чистого и полновзвучного голоса. Конечно же, Марио мог нравиться Марии Николаевне, но возле какой из великосветских дам не роятся подобно осам сплетни?

После Марио Н.А.Добролюбов назвал еще и графа Г.А.Строганова, обвенчавшегося с нею тайно от царя в Марининском дворце в 1855 году. «О детях ее говорить нечего: Мак-

симилиан начинает свое завещание проклятием того часа, в который он вступил в Россию»¹²⁸.

Добролюбов упоминает в числе любовников Марии Николаевны также и некоего «гувернера князя Долгорукова», француза, который через великую княгиню узнавал русские военные секреты. Из всех князей Долгоруковых отношение к военным секретам имел, более прочих, князь Василий Андреевич, бывший с 1853 по 1858 годы Военным министром, а с 1858 по 1866 годы шефом Корпуса жандармов и начальником Третьего отделения. Однако, если этот «некий гувернер» сам служил у князя, то едва ли великая княгиня знала больше секретов, чем ловкий француз. Так что в этой части можно сильно усомниться в справедливости сообщения Добролюбова.

НОВЕЛЛА СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Царь, царица и поэт Михаил Лермонтов

Коль скоро коснулись мы взаимных отношений императора и Пушкиных, имеет смысл, хотя бы очень кратко, затронуть и отношения царской семьи с М. Ю. Лермонтовым, которые были весьма неоднозначны и довольно далеки от традиционных представлений, навеянных и внушенных нам со школьной скамьи.

Пятнадцатилетний Лермонтов впервые увидел Николая, когда тот 11 марта 1830 года внезапно без свиты и без предупреждения появился в Московском университетском благородном пансионе. Была перемена, дети бегали и шалили, и император поразился этой атмосфере вольности и недисциплинированности. Вскоре же Николай велел преобразовать пансион в 1-ю дворянскую гимназию с полувоенным укладом, и Лермонтов 16 апреля 1830 года ушел из пансиона, не доучившись в выпускном классе нескольких месяцев.

Затем Николай обратил внимание на поэта в связи с его знаменитым, прогремевшим на всю Россию стихотворением «Смерть поэта». Бенкендорф, уведомивший Николая об этом стихотворении, определил конец его, как «бесстыдное вольнодумство, более чем преступное». И 25 февраля 1837 года корнет Лермонтов из Лейб-гвардии Гусарского полка был переведен в армейский Нижегородский драгунский полк, расквартированный на Кавказе, с тем же чином, хотя при переводе из гвардии в армию офицер становился двумя чинами старше. Однако в октябре того же года Лермонтова по приказу Николая возвратили в Петербург, в Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Здесь-то поэт и сблизился с великим князем Михаилом Павловичем и императрицей. 4 июля 1838 года Михаил Павло-

вич — командир Отдельного Гвардейского корпуса — перевел Лермонтова по его просьбе в его старый полк — Гусарский, и потом не раз проявлял к нему сочувственное отношение. А в начале 1839 года Лермонтов впервые оказался при дворе. 22 января состоялась свадьба двоюродного дяди поэта Алексея Григорьевича Столыпина с одной из любимых фрейлин императрицы и ближайшей подружкой великой княжны Марии Николаевны Марией Васильевной Трубецкой, — одной из шести дочерей, уже упоминавшегося здесь князя Василия Сергеевича. Говорили, что любовь императрицы к своей фрейлине распространялась и на ее старшего брата Александра Васильевича. А ее жених А.Г.Столыпин был однополчанином Лермонтова и адъютантом герцога Максимилиана Лейхтенбергского, в те дни официального жениха Марии Николаевны.

На этой свадьбе были и Николай, и императрица, и Мария Николаевна и герцог. Через два дня императрица написала своему старшему сыну письмо, в котором сообщала: «Это была прямо прелестная свадьба. Жених и невеста... восхищенные родственники той и другой стороны. Мы, принимающие такое участие, как будто невеста — дочь нашего дома. Назавтра все явились ко мне, отец, мать, шафера с коробками конфет и молодожены, прекрасно одетые»¹²⁹. Одним из шаферов был Алексей Аркадьевич Столыпин («Монго»), вторым — Александр Трубецкой. Был на этой свадьбе и М.Ю.Лермонтов.

После венчания в церкви Аничкова дворца царь, царица, трое их старших дочерей и все приглашенные на свадьбу родственники Столыпиных — и в их числе и М.Ю.Лермонтов, — как сообщается в «Камер-фурьерском журнале», вместе с другими «кушал шампанское вино и чай» в Белом зале Аничкова дворца.

Появление Лермонтова в столь узком избранном кругу объясняется прежде всего тем, что оба Столыпина — и жених, и шафер — «Монго» — были двоюродными дядьями поэта и однополчанами по Лейб-гвардии Гусарскому полку. Однако окончательный список приглашенных утверждал сам Николай, и у него не было возражений против того, чтобы корнет Лермонтов приехал в Аничков дворец, где собирались только самые близкие царю люди.

На одном из маскарадов, произошедших в этом же году, Лермонтов столкнулся с двумя дамами, одна из которых была в розовом домино, а вторая — в голубом*. Одной из дам была императрица, другой — какая-то из ее дочерей. Вскоре появилось еще одно стихотворение Лермонтова, навеянное

* Домино — длинный плащ с капюшоном

этой встречей, и вызвавшее глубокое неудовольствие и Бенкендорфа, и Николая:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки, и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски...
Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью! 130

Несмотря на это, императрица с глубокой симпатией относилась к поэту, внимательно следя за его творчеством, и справедливо почитая Лермонтова преемником Пушкина.

Положение Лермонтова обострилось после его дуэли с сынов французского посла Эрнестом де Барантом, произошедшей 18 февраля 1840 года за Черной речкой. Дуэль закончилась бескровно, но поединки в России считались уголовным преступлением и Лермонтова, после недолгого содержания на гауптвахте, отправили на Кавказ в Тенгинский пехотный полк; а Баранта выслали из России.

Императрица пыталась уговорить Николая простить Лермонтова, но он отказал ей в этом. Лишь в декабре того же года Лермонтову был разрешен двухмесячный отпуск, после чего 30 января 1841 года поэт приехал в Петербург. И здесь его сочувственно встретил Михаил Павлович, добившийся для Лермонтова продления отпуска.

Однако по причинам до сих пор невыясненным, в начале апреля Лермонтов был выслан обратно на Кавказ в 48 часов. Это предписание вручил ему Клейнмихель, тогда дежурный генерал Главного штаба, питавший к поэту глубокую неприязнь, часто перераставшую в открытую враждебность.

14 апреля Лермонтов уехал на Кавказ, а 15 июля погиб на дуэли с Н. С. Мартыновым.

7 августа 1841 года, получив известие о смерти поэта, императрица записала в своем дневнике: «Гром среди ясного неба. Почти целое утро с великой княгиней, стихотворения Лермонтова». («Великой княгиней», здесь упомянутой была Мария Павловна, старшая сестра Николая.) А еще через пять дней Александра Федоровна писала графине Бобринской:

«Вздых о Лермонтове, об его разбитой лире, которая обещала русской литературе стать ее выдающейся звездой»¹³¹.

НОВЕЛЛА СТО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Домашняя и интимная жизнь царской семьи

27 июля 1831 года Александра Федоровна родила третьего сына, Николая. Это произошло, как нам уже известно, сразу же после возвращения императора из-под Новгорода, где он усмирил бунт в военных поселениях. А 13 октября 1832 года у августейших супругов родился последний — седьмой ребенок, и тоже мальчик, четвертый сын — Михаил, которому предстояла самая долгая жизнь из всех его сестер и братьев — он дожил до 77 лет, умерев 5 декабря 1909 года.

То, что после Михаила императрица не родила более ни одного ребенка, объяснялось тем, что врачи запретили ей дальнейшие роды и даже брачные отношения, и Николай, среди особо близких и доверенных людей, шутя, называл себя «соломенным вдовцом», получив от супруги официальное разрешение заводить связи на стороне.

Однако прежде все же скажем о сыновьях императора.

Второй сын Николая и Александры Федоровны — Константин — родился 9 октября 1827 года, и между ним и старшим братом — цесаревичем Александром — были еще три их сестры — Мария, Ольга и Александра, о которых речь либо уже шла, либо еще пойдет, главным образом, в связи с их замужествами. Разница в возрасте между братьями была в девять с половиной лет, и потому Константина воспитывали особняком, предназначив его с самого начала службе на море.

Для сохранения последовательности повествования расскажем о Константине и его младших братьях до поры их возмужания, а когда станут они уже служить по-настоящему, а не в «потешных» взводах и экипажах, еще не раз к ним возвратимся.

Итак, сначала великий князь Константин Николаевич. Уже четырех лет он получил чин генерал-адмирала — высший чин во флоте, соответствующий званию фельдмаршала. Что значил четырехлетний ребенок по сравнению с Францем Лефортом, графом Федором Головиным, графом Андреем Остерманом, графом Федором Апраксиным, князем Михаилом Голицыным — первыми пятью генерал-адмиралами российского флота? Правда, великий князь Павел Петрович тоже был генерал-адмиралом, и тем создал прецедент получения этого чина членами императорского дома, а потом эта традиция сохранилась до 1905 года, но справедливость требует ска-

зять и о том, что Павел Петрович получил чин мичмана в семь лет и лишь шестнадцать лет стал лейтенантом. К этому времени он прошел уже хорошую теоретическую и практическую военно-морскую подготовку под руководством ученого, исследователя Арктики, капитана первого ранга, флигель-адъютанта Федора Петровича Литке.

К 1829 году Ф. П. Литке успел совершить и трехлетнее кругосветное плавание, что принесло ему европейскую известность в ученом мире. С ноября 1832 года он стал воспитателем, а через 15 лет — попечителем Константина Николаевича. К этому времени его двадцатилетний воспитанник принял участие в нескольких морских плаваниях, последние два года командуя фрегатом «Паллада».

6 февраля 1848 года он обручился с герцогиней Саксен-Альтенбургской Александрой-Фредерикой, а 30 августа в Петербурге состоялась их свадьба, после которой герцогиня стала называться великой княгиней Александрой Иосифовной. В день свадьбы Константин Николаевич был произведен в контр-адмиралы и зачислен в императорскую Свиту. На его свадьбе, в числе других членов императорской семьи, были и его младшие братья — Николай и Михаил, о которых также следует сказать несколько слов. Николаю было в день свадьбы Константина 17 лет, а Михаилу — 15. Третий сын Николая, великий князь Николай Николаевич, родился 27 июля 1831 года. Воспитание его и образование шло таким же путем, как и у его старших братьев Александра и Константина и совершенно совпадало с воспитанием и образованием четвертого — последнего — сына императора — Михаила, родившегося менее чем через полтора года после него, в октябре 1832 года. И потому

Николай и Михаил росли и учились вместе, как это было с их августейшими дядьями Александром Павловичем и Константином Павловичем и как это было и с их отцом и его младшим братом Михаилом Павловичем.

Великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич вместе начали «службу» в 1-м Кадетском корпусе, когда первому из них шел восьмой год, а второму — седьмой. Для августейших братьев был создан «потешный взвод» преобращенцев, в котором инструктором по ружейной экзерциции, фрунту, шагистике и барабанному бою, а также и фельдфебелем был сам император. И если все царские сыновья с самого начала были нацелены не только на овладение премудростями военной службы, то эти двое «последышей» занимались исключительно ею.

Итак, после рождения в 1832 году Михаила, Николай стал «соломенным вдовцом», получив «вольную» и отпущение грехов от больной императрицы, которая по приговору врачей не могла быть ни матерью, ни супругой. И, надо сказать, Николай не оставил разрешение больной жены втуне. Он и раньше был весьма падок на хорошеньких женщин, а теперь и подавно не пропускал ни одной, не всегда, правда, добиваясь успеха.

Связей было очень много, но редко какая из них задевала сердце Николая, ненадолго волнует не его душу, а только обостряя чувственность, и разжигая сладострастие.

Но случалось, что царь и надолго привязывался к той или иной любовнице. Так, достаточно серьезными оказались чувства Николая к талантливой восемнадцатилетней Варваре Николаевне Асенковой, потомственной актрисе императорских театров. Ее мать — Александра Егоровна Асенкова — с успехом играла субреток в «Тартюфе», «Женитьбе Фигаро», а позднее перешла на амплу сварливых старух, бойких барынь, старых дев в водевилях и комедиях. Еще большим успехом пользовалась ее дочь Варвара, одна из лучших трагисток. 25 января 1835 года, когда ей еще только шел 18-й год, она дебютировала в бенефисе своего учителя — одного из ведущих актеров Александринского театра И. И. Сосницкого. Асенкова выступила за один вечер в двух водевилях: Фавора «Сулейман II, или Три султанши», где исполнила главную роль — француженки Роксоланы, оказавшейся в гареме Сулеймана, и сводящей его с ума своей женственностью, игривостью и недоступностью, а также в водевиле Скриба «Лорнет» в роли Мины. Николай, случайно заехавший в театр, по достоинству оценил талантливую игру Асенковой и предсказал ей блестящее артистическое будущее. После этого Николай зачастил в Александринку и прошел в очередной раз за кулисы к Асенковой после ее удачного выступления в водевиле «Полковник старых времен».

Еще больший успех выпал на ее долю в водевиле Орлова «Гусарская стоянка, или Плата той же монетой». Асенкова блистательно сыграла юнкера Лелева и еще раз привлекла внимание Николая, присутствовавшего на этом спектакле. Вслед за тем Асенкова была осыпана царскими милостями и приближена к особе его величества. Поверенным царя в этом романе оказался Михаил Павлович, предоставлявший летом для Асенковой дачу в Ораниенбауме, и выказывавший ей знаки своего расположения¹³².

Многогранный талант Асенковой позволил прекрасно играть ей и героинь Шекспира — Корнелию в «Короле Лире» и

Офелию в «Гамлете», и исполнять главные роли в русских пьесах. Асенкова была первой Марьей Антоновной в «Ревизоре» и первой Софьей в «Горе от ума».

Она умерла от чахотки 19 апреля 1841 года 24-х лет.

Говорили, что у нее от Николая был сын, поступивший затем в Инженерное училище и потом ставший неплохим инженером-путейцем, служившим на Николаевской железной дороге...

И все же единственным серьезным романом Николая, продолжавшимся тринадцать лет, была его любовь к камер-фрейлине императрицы красавице-смолянке Варваре Аркадьевне Нелидовой. Причем связь эта с самого начала не только была известна жене Николая, чистосердечно признавшемся в своей близости с Нелидовой, но и получила благословление императрицы, неспособной к исполнению своих супружеских обязанностей. Императрица решила, что лучше, если любовницей Николая станет умная, красивая, во многом весьма достойная девица, нежели целый сонм дам, среди которых окажется Бог весть кто.

Кроме этого Александра Федоровна хорошо знала, что Нелидова любит Николая безгранично, и не за то, что он — император, а просто потому, что совершенно очарована им, как мужчиной и человеком.

С самого начала этого романа, истоки которого относят к середине 1842 года, в петербургском свете была в ходу прочно затем укоренившаяся версия о необычном, чисто платоническом характере отношений фрейлины и императора. Настаивали на том, что этот крайне редкий, далекий от всякой чувственности роман, был совершенно подобен элегической рыцарской поэме, автором которой был отец Николая — Павел, а героиней — родная тетка Варвары Аркадьевны Нелидовой — Екатерина Ивановна. Все это было бы прекрасной правдой, во многом похожей на волшебную сказку, если бы Николай Павлович обладал другим характером и имел бы другую репутацию, но он, несмотря на довольно зрелый возраст — ему было уже далеко за сорок — все еще сохранял репутацию «неистового сокрушителя девичьих невинностей и дамских сердец». Более прочих привязавшись к Нелидовой, он не упускал случая приволокнуться и за какой-нибудь хорошенькой гризеткой, актрисой, а то и мещаночкой, лишь бы она ему хотя бы мимолетно понравилась. О нескольких таких историях мы узнаем, но в начале 40-х годов высший свет только и говорил, что об отношениях царя и фрейлины.

Нелидовы принадлежали к одному из древнейших родов России. Они происходили от польских дворян Нелидовских, служивших литовским князьям Ольгердовичам, союзникам Дмитрия Донского. Один из них, Владислав Нелидовский, принимавший участие в Куликовской битве, перешел в 1380 году на службу к Великому Московскому князю Дмитрию Ивановичу и получил от него село Никольское, в Суходольском стане Боровского уезда.

Здесь стал он на русский манер именоваться Нелидовым, а в 1497 году Иван III назвал одного из Нелидовых — Давида Борисовича — Отрепьевым и эта кличка закрепилась за их родом. Знаменитый Гришка Отрепьев, царствовавший под именем Дмитрия Ивановича (Лжедмитрий I), занимал русский трон с 20 июня 1605 по 17 мая 1606 года. Многие его родственники были отправлены в ссылку, но затем возвращены, и для того, чтобы эта более чем одиозная фамилия не мешала Отрепьевым, в 1671 году царь Алексей Михайлович указал Федору Отрепьеву писаться отныне «Нелидовым», как это и было 174 года назад. С тех пор и появились в России, основательно уже забытые, дворяне Нелидовы, к числу коих принадлежали две знаменитые фрейлины — Екатерина Ивановна — фаворитка Павла I, и ее племянница Варвара Аркадьевна — фаворитка Николая I¹³³.

У Екатерины Ивановны Нелидовой был брат Аркадий Иванович. Он-то и был отцом Варвары Аркадьевны. Аркадий Иванович слыл большим оригиналом и чудачком — он, занимая «хлебные» посты, не брал взяток и начисто был лишен сословной дворянской спеси. Находясь на посту курского губернатора с 1811 по 1818 год, А. И. Нелидов был настоящей белой вороной среди глав губерний России. Нелидов не только не брал взятки, но и строго следил за тем, чтобы этого не делали его подчиненные, а если узнавал о мздоимстве или казнокрадстве, немедленно карал преступников со всей возможной строгостью. Нелидов был начисто лишен сословных предрассудков и без всяких препятствий принимал и купцов, и мещан, и ремесленников, и крестьян, внимательно выслушивая каждого, и стараясь вникнуть в их просьбы. Он любил беседовать с ними, посещал именины, свадьбы, крестины, похороны, узнавая сотни курян и знакомясь с жизнью города не по рассказам чиновников, а по непосредственным личным наблюдениям.

Его отправили в отставку из-за крайне запутанного дела об убийстве во Львовском уезде дворянки Алтуховой, которое произошло в 1813 году и было окончательно решено лишь в 1824, когда Нелидова уже не было в губернии. Настоящий

убийца — дворянин Ширков, — истратил на подкупы чиновников и свидетелей 200 тысяч рублей и добился, что на каторгу пошли совершенно невиновные люди, а убийца остался на свободе. Только после того, как по приказу Александра I была образована особая комиссия, правда восторжествовала, но и до этого в Петербурге понимали, что в деле Алтуховой не все чисто и решили снять с должности губернатора, якобы по вине которого дело долго не решалось.

Когда Нелидов собрался уезжать из Курска, у его дома собрался весь город.

— Отец наш, не покидай нас! — со слезами молила его коленопреклоненная толпа. А перед отъездом куряне решили отпечатать столько портретов любимого губернатора, сколько было в Курске домов, чтобы в каждой семье помнили о нем.

К портрету Нелидова, сделанного известным живописцем Рамбауэром, В. А. Жуковский написал следующее четверостишие:

Ты нашим счастьем свой подвиг совершил!
Не гибнет памятник добра, благотворенья,
В чертогах, хижинах, где ты любимым был,
Потомки повторят тебе благословенья!¹³⁴

И его дочь, Варвара Аркадьевна, в отношениях с Николаем была бескорыстна, строга в общении, и никогда не позволяла хотя бы в малейшей степени пренебрегать собой, или относиться к себе свысока.

Об отношениях императора к В.А.Нелидовой сообщала в своих письмах к сыну Дмитрию Карловичу Нессельроде графиня М.Д.Нессельроде. 23 января 1843 года, когда Нелидова, как утверждали, еще не была любовницей императора, а их роман только-только зарождался, графиня М.Д.Нессельроде писала: «Государь с каждым днем все больше занят Нелидовой... Кроме того, что он к ней ходит по нескольку раз в день, он и на балу старается быть все время близ нее. Бедная императрица все это видит и переносит с достоинством; но как она должна страдать!»¹³⁵

Через две недели она же писала отцу: «Все общество, как и каждый его член в отдельности, чувствует к императрице либо преданность, либо восхищение ее неизменной кротостью относительно этой Нелидовой, которая постоянно у нее перед глазами и в которую государь продолжает быть влюблен, не имея ее еще своею любовницей, что все-таки странно, если подумаешь, что он ходит к ней во всякое время дня. На балу, на виду у всего общества, не заботясь о том, что станут гово-

ритель, он часто к ней подходит, ужинает подле нее с другой, выбранной им дамой, с Раухом (послом Пруссии) и с Орловым. Наш хозяин (т. е. Николай I) не пропустил ни одного маскарада, оставался там до трех часов утра, разгуливая с самою что ни на есть заурядностью. Одна из этих особ, с которыми он не опасается говорить запросто, сказала твоему дяде (графу А.Д. Гурьеву), что нельзя себе представить всей вольности его намеков. Об этом рассказывают, и вот как. благодаря этому и еще кое-чему, утрачивается к нему уважение»¹³⁶.

Однако самодержец лишился уважения не только из-за «вольности намеков». Становилось достоянием гласности и «еще кое-что». Так, в Петербурге узнали и о весьма неблагоприятной истории, случившейся с княгиней Софьей Несвицкой, урожденной Лешерн, генеральской дочерью, одной из первых красавиц-смольнянок.

Ей делали предложения лучшие женихи России, но она всем им предпочла бедного молодого офицера-преображенца, князя Алексея Яковлевича Несвицкого и отдалась ему в твердой уверенности, что князь непременно женится. Однако Несвицкий не сделал ей предложения, сославшись на запрет матери и на свою сыновнюю покорность. Об этом узнал Михаил Павлович, вызвал к себе Несвицкого, пообещал быть посаженным отцом на свадьбе, и подарил князю крупную сумму денег на ее устройство. Несвицкий вынужден был жениться, но старая княгиня на свадьбе не была, невестку не признала, и впредь никогда с ней не виделась.

Став княгиней Несвицкой, Софья очень хотела счастья, желала любви мужа, но муж с первых же дней стал тяготиться ею и изменял молодой жене направо и налево прямо на глазах несчастной красавицы.

Время шло, как вдруг на балу, который устроили офицеры Преображенского полка в честь государя и его семьи, Николай увидел впервые Софью Несвицкую. Он был очарован ею и тут же сделал ей предложение стать его любовницей. Несвицкая решительно отказалась, ответив, что любит мужа и не сможет изменить ему.

Николай сказал, что этот мотив понятен ему и он ни на что не претендует. Однако правда была в том, что император не понравился Несвицкой, как мужчина, а объяснение о любви к мужу было не более, чем уловкой. Это стало ясно, когда через два года Софья страстно полюбила флигель-адъютанта императора Бетанкура, не остановившись перед грандиозным великосветским скандалом, после которого муж потребовал развода и получил его. А Николай, узнав о случившемся, призвал Бетанкура и разнес его, скрывая обиду за то, что Несвицкая

предпочла полковника ему, — императору, но выказывая всю низость содеянного флигель-адъютантом, оказавшимся в роли разрушителя семьи. «Бетанкур был человек практический; он понял, что хорошеньких женщин много, а император один, и через графа Адлерберга довел до сведения государя, что он готов навсегда отказаться не только от связи с княгиней Несвицкой, но даже от случайной встречи с ней, лишь бы не лишиться милости государя. Такая «преданность» была оценена. Бетанкур пошел в гору, а бедная молодая княгиня, брошенная и мужем и любовником, осталась совершенно одна и сошла со сцены большого света, охотно прощающего все, кроме неудачи.»¹³⁷

Через много лет бедная, состарившаяся Несвицкая, впавшая в нищету, подала на Высочайшее имя прошение о вспомоществовании. Его принесли Николаю для определения размера пенсии.

Николай порвал бумагу в клочки и сказал:

— Этой? Никогда и ничего!

Разумеется, что и это стало известно и не прибавило Николаю ни популярности, ни уважения.

А в то время, как Николай не знал покоя в сомнительных амурных утехах, семейная жизнь Александра и Марии Александровны продолжала оставаться совершенно безоблачной: с 1842 по 1860 год, за 18 лет, у них родилось восемь человек детей — шесть сыновей и две дочери. Только двое самых старших — Александра и Николай — оказались недолговечны. Александра умерла семи лет, а Николай Александрович, родившийся в сентябре 1873 года и подававший весьма большие надежды, одаренный сильным умом, любивший науки и искусства, в отличие от своих родственников не испытывавший никакого расположения к фрунту, умер на 22-м году от чахотки. Остальные же дети цесаревича прожили довольно долго: Алексей умер в 1908 году, 58-ми лет, Владимир — в 1909, 62-х; Мария — в 1920, 67-ми лет. Остальные же дети погибли насильственной смертью, как и сам Александр II — их отец. В 1905 году бомбой террориста Ивана Каляева был разорван на части 48-летний великий князь Сергей Александрович, а в 1919 году был убит и последний сын Александра II — Павел Александрович.

Особо следует остановиться на еще одном сыне цесаревича — Александре, будущем российском императоре, который родился 26 февраля 1845 года и был вторым сыном в этой семье. Он стал императором из-за того, что его старший брат —

Николай Александрович умер в 1865 году и по старшинству Александр Александрович стал наследником престола, хотя в детстве его не готовили к этому, предназначая для военной карьеры. Когда же он был провозглашен цесаревичем, ему было уже 20 лет и образование его было уже почти закончено. а главное, и характер, и наклонности более всего соответствовали родовой страсти почти всех мужчин из дома Романовых — военной службе.

Однако в 1842 году, когда молодые родители радовались своей первой дочери, до всего этого было еще очень и очень далеко.

А вот над дочерью императора Николая — 19-летней великой княгиней Александрой Николаевной, вышедшей замуж в январе 1844 года за Гессен-Кассельского ландграфа Фридриха-Вильгельма, смерть уже приподняла свою косу. Александра Николаевна была самой красивой из дочерей Николая и самой музыкальной — она прекрасно играла на фортепьяно, имела прекрасный голос и безукоризненный слух. Семнадцати лет великая княжна заболела чахоткой, которую просмотрели врачи, и вскоре после свадьбы 29 июля 1844 года умерла.

Николай очень страдал из-за смерти своей любимицы и считал, что с этого дня его жизнь резко переменялась к худшему и несчастья стали преследовать его одно за другим.

НОВЕЛЛА СТО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

«...Я так устал!»

Николай все более и более убеждался в том, что несмотря на все его усилия и почти круглосуточную работу, он уподобляется мифическому Сизифу, осужденному богами на вечный бесплодный труд.

Это понимал не только Николай. С каждым годом становилось все очевиднее, что Россия безнадежно отстает от развитых стран Европы, но упорно следует своим собственным ни на кого непохожим путем.

«Что за странный этот правитель. — писала о Николае графиня М.Д.Нессельроде, — он вспахивает свое обширное государство и никакими плодоносными семенами его не засеивает.»¹³⁸ А если чем и засеивал Николай Россию, то семена эти не всходили, умирая в смертоносной, бесплодной земле.

А виною всему был режим, удушивший жалкие остатки либерализма, создавший цензуру над цензурой — Бутурлинский комитет, в котором прочитывались уже вышедшие в свет издания, такому режиму, всерьез готовившемуся закрыть

университеты, ничего не оставалось, кроме как еще больше ужесточить власть, чтобы сохранить собственное существование. И на вершине этого бесчеловечного режима стоял император, не просто глава его, но подлинный демиург и олицетворение восточной деспотии, называвшейся Российской империей. «Угнетение, которое он оказывал, — писала А. Ф. Тютчева, — не было угнетением произвола, каприза, страсти; это был самый худший вид угнетения. — угнетение систематическое, обдуманное, самодовлеющее, убежденное в том, что оно может и должно распространяться не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, его совесть и что оно имеет право из великой нации сделать автомат, механизм которого находился бы в руках владыки.»¹³⁹

Внешне все свидетельствовало о победе этого принципа, о его полном торжестве. Миллионная армия, вымуштрованная до состояния манекенов, и стотысячный чиновничий корпус, перемещавший и по горизонтали и по вертикали миллионы бумаг, создавали убедительную картину безупречной, активной деятельности.

А. Ф. Тютчева писала, что император «проводил за работой восемнадцать часов в сутки, трудился до поздней ночи, вставал на заре, спал на твердом ложе, ел с величайшим воздержанием, ничем не жертвовал ради удовольствия и всем ради долга и принимал на себя больше труда и забот, чем последний поденщик из его подданных. Он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовать своею волею. В результате он лишь нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти груды колоссальных злоупотреблений, тем более пагубных, что извне они прикрывались официальной законностью и что ни общественное мнение, ни частная инициатива не имели ни права на них указывать, ни возможности с ними бороться»¹⁴⁰. Но пришла война, — на сей раз Крымская, — «и вся блестящая фантазмагория этого величественного царствования рассеялась, как дым...»¹⁴¹

Одна из умнейших и образованнейших женщин России Александра Осиповна Смирнова — урожденная Россет, — до замужества фрейлина, а затем жена петербургского губернатора, оставила любопытные воспоминания о литературной жизни Петербурга, нравах и событиях двора. В оставшемся после ее смерти дневнике, она записала 5 марта 1845 года:

«Государь сказал мне: «Вот скоро двадцать лет, как я сижу на этом прекрасном местечке. Часто удаются такие дни, что я,

смотря на небо, говорю: зачем я не там? Я так устал»¹⁴². Но устал не только Николай, устала вся Россия, от интеллигентов-радикалов до его собственных министров. Крестьянские бунты в западных губерниях империи привели к отмене или ограничению барщины в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине. Там же были установлены размеры земельных наделов и перечень крестьянских повинностей. Однако все это были лишь робкие попытки незначительно ограничить крепостничество, и они мало что дали крестьянам.

А радикалы-интеллигенты — чаще всего разночинцы, то есть «люди разного чина и звания», выходцы из дворян, купцов, мещан, духовенства, крестьян, ремесленников, получивших образование, и порвавшие со своей средой, — встали на путь осмысления всего происходящего в России, а затем и на путь борьбы за освобождение своих собратьев от средневекового феодального рабства.

В начале 1846 года в Киеве возникло тайное революционное Кирилло-Мефодиевское общество, в которое входили несколько десятков человек — Т.Г. Шевченко, историк-профессор Н.И. Костомаров и другие, ставившее целью освобождение Украины и создание международной Славянской федерации. В 1847 году по доносу провокатора-студента Петрова общество было разгромлено.

Чуть раньше — в 1845 году — в Петербурге возник кружок «русских фурьеристов» — последователей социалиста-утописта Шарля Фурье, — возглавляемый переводчиком министерства иностранных дел Михаилом Васильевичем Буташевичем-Петрашевским. В кружок входили Ф.М. Достоевский, сподвижник В.Г. Белинского В.Н. Майков, М.Е. Салтыков-Щедрин, ученые, офицеры — всего более ста человек. Занимаясь вначале чисто научной деятельностью — чтением рефератов, дискуссиями на исторические и литературные темы — участники кружка все более политизировались, чему способствовали не только события в России, но прежде всего то, что происходило в это время в Европе. Особенно же сильное влияние на деятельность «петрашевцев» оказала революция, вспыхнувшая в феврале 1848 года во Франции.

1848 год, начавшийся в Петербурге, как и всегда, масленицей, балами и маскарадами, вскоре же превратился в один из самых трудных и горестных для царской семьи годов. Он стал, как бы двойником 1831 года, когда в Россию пришла холера, а в Европу — революция. И в 1848 году два эти бедствия

вновь появились на исторической сцене двумя неразлучными спутниками.

21 февраля Николай получил из Варшавы телеграмму, что Луи-Филипп отказался от престола, а 22 вечером, на балу у цесаревича Александра, Николай сообщил, что им получена депеша, в которой сообщается, что Франция провозглашена республикой.

На следующий день во время доклада министра Двора П.М.Волконского Николай сказал, что пошлет в Париж 300 тысяч солдат, но как и в 1830 году, когда тот же Луи-Филипп оказался в результате революции на троне и Николай хотел поддержать законного претендента своими войсками, но вовремя одумался, так он и на сей раз опомнился и образумился.

14 марта был опубликован Манифест, в котором говорилось, что: «Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии, и разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных нам империи Австрийской и королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей, Богом нам вверенной России. Но да не будет так!»

И уже 19 марта, в годовщину взятия Парижа, началось выступление первых русских полков к западной границе. А вскоре там была развернута 300-тысячная армия, готовая по первому слову царя двинуться в Пруссию или Австрию, Венгрию или Францию. Случилось так, что в 1849 году армия Паскевича вошла только в Венгрию, подавив там революцию и сохранив в стране монархический режим дома Габсбургов. Во всех же других странах правящие режимы справились со своими собственными бунтарями сами, не менее повстанцев, боясь русских войск, которые, возвратившись в Россию, принялись за свои прежние дела — разводы, парады, смотры и маневры, не вынеся ровно ничего из прошедшей кампании для боевой подготовки и модернизации вооружения.

Старый преображенец генерал Н.К.Имеретинский писал, что по приходе в 1849 году из Венгерского похода, когда были разбиты мятежники-мадьяры, преображенцы опять принялись за свои гладкостволки, расстрелянные, разбитые, снаружи зачищенные кирпичом, а внутри совершенно ржавые и негодные. А иностранные военные агенты особенно прилежно и неукоснительно посещали смотры «практической стрельбы». Много памятных книжек исписано было на разных языках, и везде, во всех реляциях, подробно описыва-

лось, что в русской гвардии при стрельбе в цель на двести шагов из 200 выпущенных пуль лишь десятая часть попадает в мишень в одну сажень ширины и такой же высоты»¹⁴³. И все же в глазах Николая и официальной военно-бюрократической элиты Российской империи только что одержанная победа над венгерскими инсургентами стала апофеозом могущества самодержавной власти. Вскоре после победоносного возвращения из Венгрии, в 1850 году, был торжественно отпразднован четвертьвековой юбилей «благополучного царствования государя императора Николая I-го», которое во всех отчетах и приветственных адресах оценивалось, как вершина славы и могущества России.

Подавление русскими войсками революции в Венгрии возродило среди крайних реакционеров Европы призрачную надежду восстановления Священного Союза, тихо усопшего после революции 1830 года. В какой-то мере этому способствовало то, что двадцатилетний австрийский император Франц-Иосиф I, по выражению Е.В.Тарле «был лишь русским генерал-губернатором, проживающим для удобства службы в городе Вене»¹⁴⁴.

Не столь откровенно, но все же достаточно сильно, зависел от Николая и его шурина прусский король Фридрих-Вильгельм IV, но этого было явно недостаточно для того, чтобы считать Россию самой сильной державой в мире, а ни на что другое Николай согласиться не мог. Однако никаких иных союзников у Николая не было и он раскладывал все тот же незатейливый пасьянс из трех-четырёх карт. Весной 1851 года Николай поехал в Польшу, назначив прусскому королю свидание в небольшом городке Скарневице, близ Варшавы. 18 мая Фридрих-Вильгельм прибыл в Скарневице и был осчастливлен царем дружеским, родственным приемом. Среди сопровождавших Николая был и А.Ф.Орлов, оставивший Третье отделение, которым он руководил с 1844 года после смерти Бенкендорфа, на своего заместителя Леонтия Васильевича Дубельта. Почти каждый день фельдъегери Дубельта привозили в Скарневице секретную почту и однажды доставили сообщение о том, что «у сына коммерции советника Жадимировского похищена жена, урожденная Бравура. Ее, как дозволено, увез отставной офицер Федоров, но не для себя, а для князя Сергея Васильевича Трубецкого.»¹⁴⁵ Это был тот самый Сергей Трубецкой...

Николай помнил о проделках Трубецкого, как и о всех прочих нарушениях дисциплины его офицерами, он очень не любил князя Сергея и потому распорядился выяснить все до конца, а виновного непременно арестовать. Орлов сообщил

об этом Дубельту, но вскоре получил ответ, что ни князя, ни мадам Жадимировской жандармы найти не могут, — во всяком случае, в Петербурге их нет. И тогда Николай распорядился найти Трубецкого и Жадимировскую во что бы то ни стало. Дубельт начал с того, что стал устанавливать причину бегства и личность Жадимировской.

Обратимся теперь не к жандармским рапортам, а к свидетельству одной из смольнянок, А. И. Соколовой, чьи воспоминания были опубликованы в 1910 году, в журнале «Исторический вестник». «В бытность мою в Смольном монастыре, — писала Соколова, — в числе моих подруг была некто Лопатина, к которой приезжала замечательная красавица, Лавиния Жадимировская, урожденная Бравур. Мы все ею любовались, да и не мы одни. Ею, как мы тогда слышали, любовался весь Петербург. Жадимировская была совершенная брюнетка, со жгучими глазами креолки и правильным лицом, как бы резцом скульптора выточенным из бледно-желтого мрамора.

Жадимировские открыли богатый и очень оживленный салон, сделавшийся средоточием самого избранного общества. В те времена дворянство ежегодно давало парадный бал в честь царской фамилии, которая никогда не отказывалась почтить этот бал своим присутствием. На одном из таких балов красавица Лавиния обратила на себя внимание императора Николая Павловича, и об этой царской «милости», по обыкновению, доведено было до сведения самой героини царского каприза. Лавиния оскорбилась и отвечала бесповоротным и по тогдашнему времени даже резким отказом. Император поморщился... и промолчал. Он к отказам не особенно привык, но мирился с ними, когда находил им достаточное оправдание»¹⁴⁶. Здесь же, по мнению Николая Павловича, никакого оправдания не было, ибо он знал, что восемнадцатилетняя красавица выдана была за своего мужа вопреки ее воле и ненавидела его еще до дня свадьбы. Царь знал также, что сердце Лавинии принадлежит Сергею Васильевичу Трубецкому, которого она, таким образом, откровенно предпочла ему, помазаннику и государю. Таким образом, соперничество Трубецкого с Николаем началось еще до побега из Петербурга, и Николай теперь получил легальную возможность отомстить ненавистному князю.

Неизвестно, знал ли Дубельт о подлинной причине столь горячей заинтересованности царя этим делом, только меры, принятые им, были быстрыми и энергичными. Несколько жандармских и полицейских офицеров выехали из Петербурга, отыскивая след беглецов, на который удалось напасть квартальному Гринеру, и он помчался в Москву, а оттуда в Ту-

лу, но там у него кончились деньги, и он вынужден был вернуться в Петербург. Николаю сообщили и об этом, и он вместо благодарности велел до окончания дела посадить Гринера под арест. А вслед за беглецами были отправлены два жандармских поручика — Чулков и Экк.

Первому было велено ехать в Тифлис, второму — в Одессу. Экк возвратился из Одессы в Петербург 12 июня и доложил, что беглецов не нашел. А вот Чулкову повезло: 3 июня, доехав до Редут-Кале — маленького портового городка на Черном море, — он нашел там и Трубецкого и Жадимировскую за два часа до их отправления на корабле в Турцию. 8 июня Трубецкого привезли в Тифлис и посадили на гауптвахту, а через несколько дней туда же приехал и Чулков с Жадимировской и поместил ее в гостиницу.

Местные жандармы сообщили Дубельту, что у Трубецкого изъято 842 полуимпериала, несколько вещей и совершенно незначительные ценности¹⁴⁷. И об этом Дубельт немедленно сообщил Орлову, а тот — царю, и Николай наложил резолюцию: «Не надо позволять везти их ни вместе, ни в одно время и отнюдь не видеться. Его прямо сюда в крепость, а ее в Царское Село, где и сдать мужу»¹⁴⁸.

Трубецкого вывезли из Тифлиса под жандармским конвоем, на следующий день Чулков выехал в одной коляске с Жадимировской. И приехали они соответственно с разницей в один день — Трубецкой 29-го июня, а Жадимировская — 30-го.

Чулков, сопровождавший Жадимировскую еще из Редут-Кале до Тифлиса, писал в служебном рапорте, что арестованная «во время следования чрезвычайно была расстроена, непрерывно плакала и даже не хотела принимать пищу. От Тифлиса до Санкт-Петербурга разговоры ее заключались только в том: что будет с князем Трубецким и какое наложат на него наказание. Приводила ее в тревогу одна только мысль, что ее возвратят мужу... Привязанность ее к князю Трубецкому так велика, что она готова идти с ним даже в Сибирь на поселение; если же их разлучат, она намерена провести остальную жизнь в монастыре. Далее и непрерывно говорила она, что готова всю вину принять на себя, лишь бы спасти Трубецкого. Когда брат ее прибыл в Царское Село для ее принятия, он начал упрекать ее и уговаривать, чтобы забыла князя Трубецкого, которого поступки в отношении к ней так недобросовестны. Она отвечала, что всему виновата она, что князь Трубецкой отказывался увозить ее, но она сама на том настояла»¹⁴⁹.

В начале июля жандармский генерал Л. В. Дубельт, допросив Лавинию Александровну Жадимировскую установил, что

бежала она из-за «дурного с нею обращения мужа, которое доходило до того, что он запирает ее и приказывал прислуге не выпускать ее из дома. Ей 18 лет, и искренности ее показания, кажется, можно верить, ибо она совершенный ребенок»¹⁵⁰, — добавлял Дубельт.

Когда же наступила очередь Трубецкого, то он ответил о митивах содеянного им так: «Я решился на сей поступок, тронутый жалким и несчастным положением этой женщины. Зная ее еще девицей, я был свидетелем всех мучений, которые она претерпела в краткой своей жизни. Мужа еще до свадьбы она ненавидела и ни за что не хотела выходить за него замуж.

(Ее муж — коммерции советник Алексей Жадимировский был сыном почетного гражданина, весьма богат, и это-то и остановило на нем выбор матери Лавинии и ее отчима — английского купца Кохума, которым взрослая девица мешала жить в свое удовольствие и, кроме того, являлась обременительной и ненужной статьей расходов.)

Долго она боролась, и ни увещевания, ни угрозы, ни даже побои не могли ее на то склонить. И она только тогда дала свое согласие, когда он уверил ее, что женится на ней, имея только в виду спасти ее от невыносимого положения, в котором она находилась у себя в семействе, и когда он дал ей честное слово не иметь с ней никаких других связей и сношений, как только братских. На таком основании семейная жизнь не могла быть счастливой. С первого дня их свадьбы у них пошли несогласия, споры и ссоры. Она ему и всем твердила, что он ей противен и что она имеет к нему отвращение. Наконец, дошло до того, что сами сознавались лицам, даже совершенно посторонним, что жить вместе не могут. Нынешней весной уехал он в Ригу, чтобы получить наследство, и был в отлучке около месяца. По возвращении своем узнал он через людей, что мы имели с нею свидания. Это привело его в бешенство, и вместо того, чтобы отомстить обиду на мне, он обратил всю злобу свою на слабую женщину, зная, что она беззащитна. Дом он свой запер и никого не стал принимать. В городе говорили, что он обходится с нею весьма жестоко, бьет даже, и что она никого не видит, кроме родных, которые поносят ее самыми скверными и площадными ругательствами.

Я сознаюсь, что тогда у меня возродилась мысль увезти ее от него за границу... Вскоре после сего узнал я, что он своим жестоким обращением довел ее почти до сумасшествия, что она страдает и больна, что он имеет какие-то злые помышления. В это самое время я получил от нее письмо, в котором она мне описывает свое точно ужасное положение, просит

спасти ее, пишет, что мать и все родные бросили ее и что она убеждена, что муж имеет намерение или свести ее с ума, или уморить. Я отвечал ей, уговаривая и прося думать только о своей жизни; вечером получил еще маленькую записочку, в которой просит она меня прислать на всякий случай, на другой день, карету к квартире ее матери. Я любил ее без памяти, положение ее доводило меня до отчаяния; — я был, как в чаду и как в сумасшествии, голова ходила у меня кругом, я сам хорошенько не знал, что делать; тем более что все это совершилось менее чем в 24 часа»¹⁵¹.

Побег был совершен почти мгновенно, без всякой подготовки. Трубецкой вспомнил, что когда-то собирался ехать на Кавказ вместе с приятелем своим отставным штаб-ротмистром Федоровым и Федоров тогда же выправил для себя подорожную. Эту-то подорожную Трубецкой взял у него в доме, попросил его сесть в карету и подождать на углу Морской и Невского у Английского магазина, когда в карету сядет женщина. Трубецкой просил приятеля ни о чем ее не спрашивать, а просто довести до условленного места. За время сборов Трубецкой успел купить тарантас, и, взяв с собой очень немного денег, уехал с Лавинией Александровной из города. За месяц они доехали до Редут-Кале и должны были со дня на день оказаться в Потти, где стоял, нанятый князем Сергеем баркас, но в самом конце пути, когда свобода была совсем рядом, их арестовали.

Это случилось 3 июня в 3 часа дня. И Сергея и Лавинию тут же доставили в Тифлис. 8 июня князь Трубецкой, содержась на тифлисской гауптвахте, составил в пользу Лавинии акт, которым обязался выдавать ей до самой ее смерти по сто рублей серебром ежемесячно, оговорив, что в случае его смерти эта дарственная будет обеспечиваться доходами с его имений в Орловской, Костромской и Симбирской губерниях¹⁵².

А Лавиния Александровна, полностью подтвердив все, что сказал Сергей Трубецкой, засвидетельствовала и то, что не он ей, а она ему предложила совершить побег, и что причиной этого поступка была ее любовь к Трубецкому и ненависть к собственному мужу. И несмотря на все это, князь Сергей через полтора месяца решением Военного суда был лишен чинов, княжеского титула, дворянства, ордена Анны IV степени с надписью «За храбрость», разжалован в рядовые и оставлен в крепости еще на полгода. Затем отправили его в Петрозаводск, в гарнизонный батальон, под строжайший надзор, на ответственность батальонного командира.

За ревностную службу в мае 1853 года был он произведен в унтер-офицеры и переведен в 4-й Оренбургский линейный батальон, стоявший в Ново-Петровске, где тогда же отбывал службу рядовой Т.Г.Шевченко.

Только после смерти Николая I был Трубецкой 20 ноября 1855 года уволен по болезни с чином подпоручика, а еще через полтора года было возвращено ему дворянство и княжеский титул.

Сергей Васильевич поселился в одном из своих имений в Муромском уезде Владимирской губернии под гласным надзором полиции. В марте 1858 года в имение к нему приехала из Москвы экономка — Лавиния Александровна Жадимировская, о чем жандармы тут же сообщили в Петербург.

Но по донесению Трубецкой жил тихо, экономка никому не показывалась, они никогда не расставались, и даже на охоту выезжали вместе. «Живущая у князя дама — довольно еще молода, хороша собою, привержена к нему так, что везде за ним следует и без себя никуда не пускает», — добавлял о своем поднадзорном и его «экономке» полковник Богданов 3-й, штаб-офицер корпуса жандармов по Владимирской губернии.

Однако счастье, обретенное двумя любящими сердцами столь дорогой ценой, оказалось очень недолговечным. Они прожили вместе чуть больше года: 19 апреля 1859 года князь Сергей умер, и Жадимировская, похоронив его, тотчас же покинула имение.

Через месяц она уехала за границу и стала монахиней в одном из католических монастырей, как и обещала, когда везли ее — 18-летнюю — под охраной жандармов в Петербург¹⁵³.

Впрочем, есть и другая версия дальнейшей судьбы Лавинии Жадимировской. По этой версии она не ушла в монастырь, а вышла замуж сначала за графа Сухтелена, а после его смерти — за некоего итальянского маркиза, имя которого осталось неизвестным¹⁵⁴.

НОВЕЛЛА СТО СОРОКОВАЯ

Сползание к краю бездны

Переговоры Николая с австрийским императором и прусским королем обеспечили России безопасность ее западной границы от Балтики до Карпат. И это развязывало Николаю руки, как на Западе, так и на Востоке, ибо Австрия была соседкой Турции, а на союз с Австрией в 1851 году русский император мог рассчитывать при любой ситуации. И все же история рассудила так, что с начала 50-х годов на первый план

для России выдвинулся так называемый Восточный вопрос, вошедший в дипломатический лексикон с 1822 года, когда этот термин впервые был употреблен на Веронском конгрессе и стал обозначать комплекс международных противоречий, относящихся к политике по отношению к распадающейся Османской империи в борьбе за ее территориальное наследство. К началу 50-х годов этот вопрос обострился весьма сильно и стал играть важную роль в политике ведущих европейских держав.

О западной политике России было сказано уже довольно много, но гигантская империя, граничащая с Японией, Китаем, Ираном и Турцией не могла игнорировать и Восточный вопрос, который ставил перед Николаем две взаимоисключающие задачи. Первая состояла в том, чтобы освободить от османского ига угнетенных турками-мусульманами православных славян и греков. Однако это подрывало мощь Османской империи и даже угрожало ей окончательной гибелью. Кроме того, на ее месте могли возникнуть самостоятельные государства-республики, или легитимные монархии, что не отвечало представлениям Николая о законности и порядке, а также пугало его совершеннейшей неопределенностью нового положения на территориях принадлежащих султану.

Вторая задача состояла в том, чтобы одержать победу над традиционным противником России — Турцией — все же, сохранив ее целостность.

Но в этом случае братские православные народы продолжали оставаться под иноземным владычеством и были обречены на национальную, религиозную и культурную дискриминацию. После окончания русско-турецкой войны 1828-1829 годов и заключения Адрианопольского мира, ставившего Россию в привилегированное положение по сравнению с другими державами, обострились отношения между Николаем и правительствами Англии и Франции. Еще более укрепились позиции России в 1833 году после подписания с султаном Ункиар-Исклесийского договора о дружбе и оборонительном союзе между странами. Затем в 1840 и 1841 годах — этот договор был заменен Лондонскими конвенциями, когда гарантами помощи султану, кроме России, стали Англия, Австрия, а затем еще Франция и Пруссия.

После этого Англия и Франция, промышленно хорошо развитые и конкурентоспособные, постепенно вытеснили Россию с рынков Ближнего Востока и подчинили себе Турцию и в экономическом и в политических отношениях, взяв под свое покровительство армию и флот султана и направив туда своих инструкторов и наставников.

Таким образом, и турецкая армия, до того полуазиатская, вооруженная оружием конца XVIII — начала XIX века, стала приближаться к европейским стандартам. А что же представляла из себя армия России?

Накануне этой войны русская регулярная армия, не считая иррегулярных казачьих войск, состояла из двух кавалерийских и девяти пехотных корпусов, в которых числилось 911 тысяч солдат и унтер-офицеров и 28 тысяч офицеров и генералов. Казачьи войска состояли из 250 тысяч рядовых и 3500 офицеров и генералов. Только 15 % офицеров имели специальное военное образование, остальные его не имели. Ахиллесовой пятой русской армии была ее техническая отсталость, — в то время, как в европейских армиях основным видом стрелкового оружия стало нарезное, так называемое штуцерное, в России штуцерных ружей было по 6 штук на роту, а остальные солдаты были вооружены гладкоствольными ружьями начала века.

Артиллерийских орудий всех видов было 2300. И артиллерия тоже успела сильно отстать за долгое царствование Николая. «Странно и поучительно, — писал граф, генерал П.Х.Граббе, — что в общих мерах покойного государя, обращенных наиболее на военную часть, были упущены две такие важности, каковы введение принятых уже во всех западных армиях усовершенствований в артиллерии и в ружье; в особенности огромный недостаток пороха, что я узнал из уст самого государя и что впрочем везде и оказалось. Этому посоветовать было трудно.»¹⁵⁵

Но особенно скверно обстояло дело со снабжением армии и с медицинским обслуживанием, что приводило к тому, что солдаты постоянно голодали, а смертность была невероятно высокой.

Интендантство, медицинский департамент и даже благотворительные организации, призванные опекать больных, старых, сирот, вдов, ветеранов превратились в прибежище воров и мошенников всех мастей и оттенков.

Характерен такой случай, произошедший как раз в описываемое время. 1 февраля 1853 года Николаю доложили, что директор канцелярии инвалидного фонда Комитета о раненых Политковский похитил значительно более миллиона рублей серебром. Николай был потрясен не столько размером хищения, сколько тем, что кража совершалась много лет подряд, и на балах и кутежах Политковского бывали не только многие министры и генерал-адъютанты, но и сам Л.В.Дубельт, начальник штаба корпуса жандармов.

Председателем же этого Комитета был генерал-адъютант Ушаков, облеченный особенным доверием императора. Когда Военный министр, князь В.А.Долгоруков, ввел Ушакова к Николаю, только что узнавшему о величайшей краже своего царствования, император протянул похолодевшую от волнения руку Ушакову и сказал: «Возьми мою руку, чувствуешь как она холодна? Так будет холодно к тебе мое сердце»¹⁵⁶.

Все члены Комитета о раненых были преданы военному суду. Негодование Николая было столь глубоко, а печаль столь безысходна, что «государь занемог от огорчения и воскликнул: «Конечно, Рылеев и его сообщники со мной не сделали бы этого!»¹⁵⁷.

Повальное, безудержное казнокрадство, чудовищная канцелярская рутинная, безнадежная техническая отсталость армии и флота — парусного, деревянного — были неотвратимым историческим итогом и следствием общего застоя в развитии всего народного хозяйства страны, рутинности ее промышленности, консерватизма социальных отношений, средневековья в сельском хозяйстве. Это наглядно продемонстрировала Первая Всемирная выставка, открывшаяся в Лондоне 1 мая 1851 года. В ней участвовали 39 стран, в том числе и Россия. Из 800 тысяч экспонатов только 400 были из России. Это равнялось 0,005%. Россия выставила сырье, продукцию сельского хозяйства, ткани и холодное оружие.

Посетители выставки отметили манную и гречневую каши, и были поражены дотоле совершенно неизведанной черной икрой.

Высшие награды получили изделия придворных ювелиров, хозяин малахитовой фабрики Демидов, представивший малахитовые двери вышиною в пять с половиной метров, и владелец фабрики серебряных изделий И.Сазиков, выставивший восьмипудовый серебряный подсвечник.

Что это значило по сравнению с подлинными чудесами науки, техники и передового производства, демонстрируемыми европейскими странами?

Но царь и его окружение не придавали всему этому большого значения. Описывая красносельские маневры 1852 года «отцу-командиру» Паскевичу, Николай сообщил: «Чужестранцы (присутствовавшие на маневрах генералы и офицеры иностранных армий) просто осовели, они даже остолбенели. — им это здорово. Смотрами и учениями гвардии я отменно доволен»¹⁵⁸.

Однако довольным можно было быть только показной стороной маневров — внешним блеском, печатанем шагов, громом оркестров; но еще бросалось в глаза тем же «чуже-

странцам», что в 1852 году маневры и парады происходили беспрерывно, превращаясь в откровенную демонстрацию русской военной силы, и что при этом почетными гостями были многочисленные австрийские и прусские офицеры и генералы. Все это настораживало английских и французских дипломатов, не исключавших того, что дело идет к войне, — требовался лишь достаточно убедительный повод для этого. И такой повод, а лучше сказать, предлог, появился. В мае 1851 года французский посол в Константинополе, маркиз Шарль Лавалетт начал настойчиво добиваться от турецкого правительства признания преимуществ католиков перед православными в Святых местах — Иерусалиме и Вифлееме. Франция поддержала католиков, Россия — православных, а так как Палестина принадлежала Турции, то ключ решения этой проблемы находился в руках султана Абдул-Меджида, который был настроен не в пользу России.

9 января 1853 года Николай принял английского посла сэра Сеймура и откровенно изложил ему план раздела Османской империи. Россия претендовала на Молдавию, Валахию, Сербию и Болгарию, а Англии Николай предложил Египет и Крит. Сама же Турция должна остаться единой и неделимой, не находясь под властью ни одной из держав.

Вслед за тем в феврале 1853 года в Константинополь отправился А.С.Меншиков, где потребовал от султана чтобы все православные Османской империи были переданы под покровительство царя. Турецкое правительство ультиматум отвергло и попросило Англию и Францию ввести в Дарданеллы свои военные корабли. В ответ русские войска вошли в Молдавию и Валахию, находившиеся под номинальным суверенитетом Турции.

4 октября 1853 года, с согласия и при поддержке Англии и Франции, Абдул-Меджид объявил России войну, которая продолжалась два с половиной года и вошла в историю под именем Восточной или Крымской войны, так как важнейшим театром с сентября 1854 года стал Крым и его главная крепость — Севастополь.

Однако прежде, чем войска противника оказались в Крыму, боевые действия развернулись на Дунае и в Закавказье.

НОВЕЛЛА СТО СОРОК ПЕРВАЯ

Последняя война императора Николая I

23 октября 1853 года русские войска Дунайской армии князя Михаила Дмитриевича Горчакова атаковали у селения Старые Ольшеницы переправившийся через Дунай большой

турецкий отряд, но были отбиты, так как «атака провалилась, была плохо соображена и во всех отношениях плохо проведена», — писал впоследствии А.С.Меншиков¹⁵⁹. А 25 декабря русские потерпели еще одно поражение — у Четати, — когда, по мнению офицеров, виной тому был «общий план» самого Горчакова. Конкретными же виновниками поражения у Ольшениц был П.А.Данненберг, а у Четати — граф И. Р. Анреп-Эльмпт, хотя и солдаты, и офицеры дрались отчаянно и вели себя безукоризненно. Однако доверие к генералам было уже на первом этапе войны подорвано¹⁶⁰.

В Закавказье положение русских войск было еще хуже, чем на Дунае. Если 82-тысячной армии Горчакова противостояла 150-тысячная турецкая армия Омер-паши, то в Закавказье русских войск к середине октября было 30 тысяч. Ими командовал генерал, князь Василий Осипович Бебутов, известный своими успехами в борьбе против Шамиля, а также победами в русско-турецкой войне 1828-1829 годов. Ему противостояла 100-тысячная армия Абди-паши.

19 ноября Бебутов разбил под Баш-Кадыкларом 36-тысячную турецкую армию при 46 орудиях, командуя 11-тысячным отрядом при 32 орудиях.

Из-за наступления зимы военные действия были прерваны. Но на исходе осени 1853 года блестящую победу над турками одержал вице-адмирал П.С.Нахимов, который 18 ноября, командуя эскадрой в 8 кораблей, заблокировал турецкий Черноморский флот, состоявший из 16 кораблей в порту Синоп и полностью уничтожил его.

Не желая допустить господства русских на Черном море, 23 декабря англо-французский флот вышел из Босфора и перерезал русские коммуникации между Варной и Одессой. В связи с этим Россия 9 февраля 1854 года объявила войну Англии и Франции. Новый, 1854 год начался удачным наступлением войск Горчакова.

11 марта 45 тысяч солдат и офицеров при 168 орудиях форсировали Дунай и вошли в Северную Добруджу (Современная Румыния). Союзники ответили бомбардировкой с моря Одессы, а затем высадили у Варны 70-тысячный десант и блокировали Севастополь эскадрой около ста кораблей, причем более половины из них были паровыми. Русский же флот насчитывал 26 кораблей, 20 из которых были парусными. Однако действия англо-французского флота этим не ограничились: их эскадры двинулись в Балтийское море — к Свеаборгу и Кронштадту, — к Архангельску, Соловкам и даже к Петропавловску-на-Камчатке.

К этому времени изменилось и отношение к России Австрии, Пруссии и Швеции, что заставило Николая держать на Западе главные силы своей армии. На дунайском театре, из-за вступления Австрии в войну на стороне союзников, русские войска оставили Молдавию и Валахию и отошли за Прут. И только в Закавказье военное счастье по-прежнему сопутствовало князю В.О.Бебутову, который, командуя 18-тысячным отрядом 24 июля 1854 года разбил под Кюрюк-Дара 60-тысячную турецкую армию, находившуюся под фактическим командованием английского генерала Р.Гюйона. После этого остатки турецкой армии отступили в Карс, и закавказский театр практически перестал существовать. Тогда союзники 2 сентября начали высадку десанта в Крыму. У Евпатории сошло на берег 62 тысячи английских, французских и турецких солдат и офицеров при 134 орудиях, навстречу которым командующий русскими войсками в Крыму А.С.Меншиков двинул 33 тысячи человек при 96 орудиях. 8 сентября противники сошлись на берегу реки Альма. После исключительно упорного и кровопролитного сражения русские покинули поле боя и отступили к Бахчисараю, оставив без прикрытия Севастополь, чем сейчас же воспользовались союзники и осадили город с юга. 13 сентября 1854 года началась героическая 349-дневная оборона Севастополя, длившаяся до 28 августа 1855 года, по справедливости считающаяся одной из наиболее славных страниц в истории русской армии и флота.

О севастопольской обороне написаны сотни книг, в том числе такой шедевр, как «Севастопольские рассказы» участника этих событий, тогда начинающего писателя, артиллерийского офицера Л.Н.Толстого, и основательная трехтомная эпопея С.Н.Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Поэтому нет необходимости писать об обороне Севастополя, тем более, что главный герой этой главы — Николай I — в Крыму не был и непосредственного участия в Восточной войне не принимал. Но о том, как он относился ко всему происходящему, что думал и чувствовал, следует рассказать, хотя бы потому, что эти события сыграли в его жизни роковую роль и даже стали причиной его смерти.

Николай с самого начала войны пытался руководить ходом событий на всех ее театрах, а когда началась осада Севастополя, то не проходило ни одного дня, чтобы он не отправил Меншикову одного-двух писем, в которых вникал во все мелочи кампании, проявляя детальное знание и людей, и обстановки. Николай давал советы, как следует строить укрепления вокруг Севастополя, чем отвечать на бомбардировки города, каким образом отбивать штурмы. И время шло, а Се-

востополь стоял нерушимо, хотя все новые и новые дивизии союзников высаживались в Крыму, ибо и из России туда тоже непрерывным потоком шли войска.

Но Николай предчувствовал бесплодность своих усилий и метался, не зная, что предпринять. Зимой 1854 года он вместе с Александрой Федоровной на время переехал в Гатчину, не желая никого видеть, и долгие часы проводил наедине с нею. Его тоска усугублялась тем, что снова — в который уж раз, — императрица тяжело заболела, и врачи боялись даже за ее жизнь. А.Ф. Тютчева, бывшая вместе с царской четой в Гатчине, записала в дневнике 24 ноября: «Со времени болезни императрицы, при мысли о возможности ее смерти, несчастный император совершенно утратил бодрость духа. Он не спит и не ест. Он проводит ночи в комнате императрицы, и так как больную волнует мысль, что он тут и не отдыхает, он остается за ширмами, окружающими кровать, и ходит в одних носках, чтобы его шаги не были слышны. Нельзя не быть глубоко тронутым при виде такой чисто человеческой нежности в этой душе, столь надменной по внешности. Господь да сжалится над ним и да сохранит ему самое дорогое для него существо в ту минуту, когда у него уже все отнято»¹⁶¹. Очевидность того, что у Николая «уже все отнято» бросалась в глаза обитателям Гатчины. В тот же день Тютчева записала: «Гатчинский дворец мрачен и безмолвен. У всех вид удрученный, еле-еле смеют друг с другом разговаривать. Вид государя пронизывает сердце. За последнее время он с каждым днем становится все более и более удручен, лицо озабочено, взгляд тусклый. Его красивая и величественная фигура сгорбилась, как бы под бременем забот, тяготеющих над ним. Это дуб, сраженный вихрем, дуб, который никогда не умел гнуться и сумеет только погибнуть среди бури»¹⁶².

Перспективу «погибнуть среди бури» Николай оставлял не только для себя. Он, несомненно, сильно любивший своих сыновей, послал двоих младших — Николая и Михаила — в действующую армию, чтобы воодушевить солдат и показать России, что он любит свою страну больше родных сыновей. К этому времени Николаю было 22 года, а Михаилу — 21. Их военное образование, как впрочем, и общее, было закончено.

В 1850 году, 19-ти лет, Николай Николаевич был уже шефом двух полков, полковником и флигель-адъютантом. С разницей в один-два года повторял служебные успехи старшего брата и Михаил. Оба они в 1850 году совершили путешествие по России, а в 1852 — по Европе. В этом же году Николай Николаевич стал генерал-майором и членом Государственного Совета, правда, с весьма существенной оговоркой: отец-им-

ператор обязал его, присутствуя в Совете, в решении дел никакого участия не принимать.

Но в делах военных оба великих князя принимали активное практическое участие с детства. Особенно успешно шли дела у старшего, искренне любившего и хорошо знавшего инженерное дело. С началом войны оба брата деятельно трудились в окрестностях Петербурга, ибо с моря и столице и Кронштадту угрожала реальная опасность.

Боевое крещение Николай и Михаил получили в Севастополе. Прибыв туда 23 октября 1854 года, вели себя образцово — не кланяясь пулям и не отсиживаясь в штабах. Они бы оставались в Севастополе и дальше, но из-за тяжелой болезни матери по приказу Николая выехали в Петербург. 11 декабря братья прибыли в Гатчину. Всем, кто их видел за два месяца перед тем, когда они выезжали в действующую армию, великие князья показались повзрослевшими и посерьезневшими. Они чистосердечно рассказывали отцу и матери о своих впечатлениях и сильно приободрили императрицу. Несмотря на праздничность встречи, Александра Федоровна была недовольна, что они уехали из армии, и почти сразу же сказала: «Очень радостно увидеться, это дает нам силы для новой разлуки»¹⁶³.

И разлука наступила вскоре же: великие князья, не дождавшись Нового года, выехали обратно в Севастополь. С ними вместе был отправлен и флигель-адъютант полковник Волков с личным письмом Николая, в котором он требовал взять Евпаторию, куда, как он опасался, может высадиться сильный вражеский десант и армия Меншикова окажется отрезанной от континентальной части империи. Меншиков поручил взятие Евпатории 19-тысячному отряду генерала С.А.Хрулева. Нападение на город было произведено 5 февраля 1855 года в 6 часов утра, а в 10 часов утра все русские орудия были подтянуты к Евпатории на 150 саженей и открыли огонь картечью, начав подготовку к штурму. Штурм вскоре начался, но был отбит, и Хрулев, узнав к этому времени, что гарнизон Евпатории состоит из 40 тысяч человек, приказал отступить, чтобы не терять напрасно людей.

НОВЕЛЛА СТО СОРОК ВТОРАЯ

Самоубийство

Утром 12 февраля известие о неудаче под Евпаторией пришло в Петербург. В это время Николай уже неделю, как болел гриппом и получил депешу от Меншикова, лежа в постели. Точнее, он лежал не в постели, а на походной кровати, за-

стланной тощим, старым матрацем, укрывшись поношенной шинелью с красной генеральской подкладкой, залатанной в нескольких местах.

Николай заболел, как считал врач, легкой формой гриппа вечером 4 февраля и до 9 февраля, по совету врачей, не выходил из Зимнего дворца еще и потому, что морозы в эти дни превышали 20 градусов.

А меж тем из-под Севастополя шли известия одно хуже другого, из-за чего Николай сильно нервничал и пребывал в постоянном унынии. Придворные понимали, что близящееся военное поражение заставит Николая сесть за стол переговоров в качестве побежденного, чего он не смог бы ни за что перенести. Николай стал раздражительным, несдержанным, склонным к необдуманным решениям. И одним из таких совершенно неожиданных решений стало странное желание больного императора выехать утром 9 февраля на смотр маршевых батальонов. Причем приказал подать себе не теплую шинель, а легкий плащ, и, как обычно, открытые сани. Доктор Ф.Я. Карель сказал императору: «Ваше величество, в вашей армии нет ни одного медика, который позволил бы солдату выписаться из госпиталя в таком положении, в каком вы находитесь, и при таком морозе в 23 градуса»¹⁶⁴. Наследник и слуги стали просить Николая хотя бы одеться потеплее, но он сел в сани и умчался в манеж, где было так же холодно, как и на улице. Николай пробыл там несколько часов, а потом долго еще ездил по городу и приехал домой совершенно больной и с высокой температурой, которая держалась всю ночь. И тем не менее, на следующее утро он снова выехал в манеж инспектировать маршевые батальоны, хотя мороз стал еще сильнее, а кроме того, поднялся жестокий, пронизывающий ветер. Вернулся Николай еле живой и тотчас же свалился в постель.

И все же могучий организм победил. 12 февраля утром он уже принимал с докладами и среди прочих сообщений, узнал о том, что накануне в Инженерном замке, в Макетном зале, где стояли макеты всех крепостей России — в том числе и макет Севастополя, — видели двух иностранцев, попавших туда неизвестно каким образом, и свободно срисовывавших план города и крепости.

Макетный зал считался совершенно секретным и ключ от него находился у коменданта училища, старого заслуженного генерала А.И. Фельдмана, причем ему категорически было запрещено пускать в зал кого-либо из посторонних.

Ко всему прочему, один из офицеров, бывших в зале, не задержал иностранцев, а просто предложил им уйти из училища, что те немедленно и исполнили.

Николай, узнав об этом, пришел в страшную ярость и помчался в Инженерный замок. Он стал кричать, как только переступил порог, и когда испуганный Фельдман прибежал, то слова: «безмозглая скотина» и «старый идиот» были самыми пристойными, какие сказал ему царь. Все это он высказал при офицерах и юнкерах, и выскочил за порог, не попрощавшись, как и вошел, не поздоровавшись. Военные инженеры много раз встречались с Николаем, видели его в разных ситуациях, но столь разъяренным никто из них никогда его не видел¹⁶⁵.

Совершенно расстроенный вернулся он в Зимний дворец, где его ожидало сообщение из Крыма о неудаче, постигшей Хрулева под Евпаторией.

Известие это буквально подкосило Николая. Он бродил по залам Зимнего дворца, горестно восклицая: «Бедные мои солдаты! Сколько жизней принесено в жертву даром!» Одним из последних распоряжений, которые он успел сделать, была замена Меншикова генералом М.Д.Горчаковым. Но это ничего не изменило, да и не могло изменить: всемогущий рок увлекал Россию в бездну постыднейшего поражения, именно так воспринимал все происходящее Николай, впавший в глубокое уныние и великую печаль.

Картины осажденного Севастополя, к бастионам которого подходили все новые и новые силы союзников, постоянно стояли перед глазами Николая. Именно 12 февраля, когда он узнал о поражении под Евпаторией, Николай впервые не принял министров, пришедших к нему с докладами, и весь день не прикоснулся ни к какой пище. В ночь на 13-е он то бродил по залам дворца, то молился, но ни на минуту не сомкнул глаз. С этого времени Николай перестал спать, никого не желал видеть и порой глухо рыдал. Он понимал, что гибнет дело всей его жизни, но не мог остановить эту гибель.

Впоследствии, анализируя главную причину крушения николаевского режима, академик В.О.Ключевский писал: «Николай поставил себе задачей ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости с помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности».

14 февраля вечером прибыл очередной курьер из Севастополя с депешей от Меншикова, в которой подробно излагалась история неудачи под Севастополем, а на следующий день Меншиков был отставлен. Император уже довольно давно был недоволен князем, ко всему прочему часто болевшему, но

верный привычке ничего не менять, придерживался этого принципа и в отношении князя Александра Сергеевича. Побудительным толчком к отставке Меншикова послужило письмо Николая Николаевича, в котором он просил у отца-императора заменить Меншикова Горчаковым. Это письмо пришло не просто от сына к отцу, но от генерала, который с 20 января отвечал за инженерное обеспечение и оборону большого участка Северной стороны Севастополя, от генерала, о котором давали превосходные отзывы люди, в искренность и честность которых царь еще верил. Отставка Меншикова была последней акцией Николая.

После 15 февраля болезнь хотя и не отступала от Николая, но и не усиливалась. Во всяком случае его лейб-медик М.Мандт 17 февраля в успокоительном тоне говорил о состоянии больного, возле которого неотступно находился его другой врач, доктор Карелль, которого вдруг совершенно неожиданно в три часа ночи на 18 февраля Николай попросил оставить его и позвать Мандта.

Впоследствии Мандт, уехав из Петербурга в Германию, рассказывал, что придя к Николаю, застал его в состоянии безысходной депрессии, и больной, подозревая его к себе, сказал:

— Был ты мне всегда предан, и потому хочу говорить с тобой доверительно — исход войны раскрыл ошибочность всей моей внешней политики, но я не имею ни сил, ни желания измениться и пойти иной дорогой: это противоречило бы моим убеждениям. Пусть мой сын после моей смерти совершит этот переворот. Ему это сделать будет легче, столкнувшись с неприятелем.

— Ваше Величество, — возразил царю Мандт, — Всевышний дал вам крепкое здоровье, и у вас есть силы и время, чтобы поправить дело.

— Нет, исправить дела к лучшему я не в состоянии и должен сойти со сцены. С тем и вызвал тебя, чтоб попросить помочь мне. Дай мне яд, который позволил бы расстаться с жизнью без лишних страданий, достаточно быстро, но не внезапно, чтобы не вызвать кривотолков.

Мандт отказался сделать это, но Николай все же настоял на своем и заставил врача дать ему медленно действующий яд. Выпив смертельное снадобье, Николай позвал к себе цесаревича и долго беседовал с ним, наставляя Александра на царствование.

Александр вышел от умирающего отца весь в слезах, но никогда никому не передавал своего последнего разговора с Николаем.

Последнее распоряжение Николая было вполне в его духе — он приказал одеть себя в мундир и велел привести к нему старшего своего внука — старшего сына цесаревича Николая Александровича. Испуганный двенадцатилетний мальчик опустился на колени перед кроватью грозного деда затем, чтобы выслушать краткую сентенцию из двух слов: «Учись умирать». Последнее напутствие внуку оказалось пророческим: великий князь Николай Александрович не достиг уготованного ему трона — он умер от чахотки в 1865 году, не дожив до двадцати двух лет.

Цесаревич, призванный к постели умирающего отца, записал ход событий следующим образом: «Мандт (пришел) за мной. Государь спросил Бажанова (священника, духовного отца императрицы). Причастился при нас всех. Голова совсем свежая. Удушье. Сильные мучения. Прощается со всеми — с детьми, с прочими. Я на коленях, держу руку. Жал ее. К концу чувствуется холод. В четверть первого все кончено. Последние ужасные мучения»¹⁶⁶. Незадолго перед концом к императору вернулась речь, которая, казалось, совершенно покинула его, и одна из его последних фраз, обращенных к наследнику, была: «Держи все — держи все». Эти слова сопровождались энергичным жестом руки, обозначающим, что держать нужно крепко, — рассказывала жена цесаревича, тоже присутствовавшая при кончине императора¹⁶⁷.

НОВЕЛЛА СТО СОРОК ТРЕТЬЯ

Некролог

После того, как Николай умер, была распространена официальная версия, что будучи болен гриппом, император простудился и это и явилось причиной смерти.

Однако тут же, как это почти всегда и бывает, появилась и стойкая устная версия, что император был отравлен Мандтом по категорическому настоянию самого Николая.

Эта версия получила серьезное подтверждение от современников, которые могут считаться добросовестными и хорошо информированными людьми. Одним из первых авторитетных свидетелей — хотя и косвенным — обстоятельств смерти Николая, был Венцеслав Венцеславович Пеликан, — друг доктора Мандта, в момент кончины императора, занимавший посты Председателя медицинского совета, директора Медицинского департамента Военного министерства и Президента Медико-Хирургической Академии. Уже перечень постов, занимаемых им, может свидетельствовать о должностной и профессиональной осведомленности, как об исключи-

тельной. Со слов Мандта Пеликану было известно, что сам Николай приказал дать ему смертельную дозу яда, и Мандт не посмел отказать, хотя и сильно страдал.

Кроме Мандта, об отравлении царя Пеликан узнал от анатома Медико-Хирургической Академии Венцельгрубера, которому поручили бальзамировать тело Николая. А Вельцельгрубер, не будучи ни царедворцем, ни дипломатом, а только честным и объективным ученым, после анатомо-паталогического обследования тела умершего, опубликовал составленный им протокол в Германии. Из протокола следовало, что царь отравлен.

В семейных преданиях дворян Мосоловых рассказывают, что доктор Боссе — их прямой родственник, — вскрывая труп Николая I, был настолько поражен увиденным, что не удержался и воскликнул: «Какой сильный яд!» — но ему тут же было приказано молчать об этом¹⁶⁸.

Во всяком случае, тело покойного долго оставалось в Зимнем дворце и к нему не допускался никто, кроме взрослых членов его семьи. 28 февраля все они были в сборе: в этот день из Севастополя вернулись Николай и Михаил и больше на театр военных действий не возвращались — грядущее воцарение их старшего брата делало их присутствие в Петербурге гораздо более необходимым, чем в Севастополе, тем более что как только Николай умер, тут же появилась и надежда, что война скоро кончится.

А пока шла подготовка к похоронам Николая, его гроб стоял в церкви Зимнего дворца, и рядом с покойным чаще всех оставалась императрица, которая вскоре позвала к себе Варвару Аркадьевну Нелидову, нежно обняла ее, крепко поцеловала, и сняв со своей руки браслет с портретом Николая, надела его на руку Варвары Аркадьевны.

Императрица назначила один час в течение дня, когда Нелидова могла оставаться одна у гроба Николая, чтобы молиться у дорогого ей праха.

Наконец, как это происходило и раньше, гроб с телом покойного был выставлен в Петропавловском соборе. И здесь, в ходе прощания с усопшим, версия о том, что император умер от яда, вновь нашла подтверждение.

Один из очевидцев прощания с покойным, побывавший перед его похоронами в Петропавловской крепости, инженерный офицер А. В. Эвальд, писал: «Несмотря на то, что лицо его в гробу было прикрыто сложенной в несколько раз кисеей, видно было, что оно покрыто большими темными пятнами, которые произошли вследствие не совсем удачной бальзамировки»¹⁶⁹.

Царствование Николая I получило разные оценки, но наиболее умные и честные люди считали его апофеозом самодержавного произвола.

Член Государственного Совета, адмирал, граф Николай Семенович Мордвинов, единственный из членов Верховного уголовного суда над декабристами, отказавшийся подписать им смертные приговоры, человек, которого за ум и благородство называли «русским Вашингтоном», сказал о делах в государстве: «У нас решительно ничего нет святого. Мы удивляемся, что у нас нет предприимчивых людей, но кто же решится на какое-нибудь предприятие, когда не видит ни в чем прочного ручательства, когда знает, что не сегодня, так завтра по распоряжению правительства его законно ограбят и пустят по миру. Можно принять меры противу голода, наводнения, противу огня, моровой язвы, противу всяких бичей земных и небесных, но противу благодетельных распоряжений правительства — решительно нельзя принять никаких мер».

Выпускник Пажеского корпуса и Академии Генерального штаба, гвардейский офицер Иван Федорович Савицкий, вскоре после смерти Николая вышедший в отставку, а затем эмигрировавший, высказал о причинах самоубийства императора следующее соображение: «30 лет это страшилище в огромных ботфортах, с оловянными пулями вместо глаз, безумствовало на троне, сдерживая, рвущуюся из-под кандалов жизнь, тормозя всякое движение, расправляясь с любым проблеском свободной мысли, подавляя инициативу, срубая каждую голову, осмеливающуюся подняться выше уровня, начертанного рукою венценосного деспота. Окруженный льстецами, лжецами, не слыша правдивого слова, он очнулся только под гром орудий Севастополя и Евпатории. Гибель его армии — опоры трона — раскрыла царю глаза, обнаружив всю пагубность и ошибочность его политики».

Но для деспота, одержимого непомерным тщеславием и самомнением, легче оказалось умереть, наложить на себя руки, чем признать свою вину».

Другой, не менее авторитетный общественный деятель — академик Александр Васильевич Никитенко, — вышедший не из среды аристократии, как Н.С.Мордвинов или И.Ф.Савицкий, а потомственный крепостной, смотрел на происходящее точно также. В разные годы записывал он в своем «Дневнике» следующее: «Основное начало нынешней политики очень просто: одно только то правление твердо, которое основано на страхе; один только тот народ спокоен, который не мыслит. Из этого выходит, что посредственным людям ничего более не остается, как погрязать в скотстве. Люди же

с талантом принуждены жить только для себя. От этого характеристическая черта нашего времени — холодный, бездушный эгоизм. Другая черта — страсть к деньгам: всякий спешит захватить их побольше, зная, что это единственное средство к относительной независимости», — писал Никитенко в 1835 году. А в конце николаевского царствования, отметив бессилие бюрократии на местах, страшное воровство и повальное взяточничество, Никитенко сделал такую запись: «Вникая во все эти государственные и административные дела, приходишь к одному печальному заключению: как мы бедны государственными людьми. Какой-нибудь невежда может пустить в ход совсем нелепое понятие и колебать им целый ряд учреждений, прикрываясь мнимой преданностью и усердием. Везде бьет в глаза нетвердость основных начал, поверхностность, опрометчивость, непоследовательность, неумение вникать в сокровенные и тонкие состояния вещей».

И, как всякий русский человек, Никитенко связывал свои надежды с воцарением нового монарха. Узнав о смерти Николая I, он написал: «Для России, очевидно, наступает новая эпоха. Император умер, да здравствует император! Длинная и, надо сознаться, безотрадная страница в истории русского царства дописана до конца. Новая страница перевертывается в ней рукою времени: какое событие занесет в нее новая царственная рука, какие надежды осуществит она?»

Давайте же и мы начнем читать новую страницу в истории русского царства, написанную рукою времени, страницу, под которой осталась подпись: «Александр II».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ПСЗ. — СПб., — 1832. — Т.1. — №1. — С.1.
- 2 Там же. — С.2-8.
- 3 Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. — Л., — 1991. — С.485.
- 4 Здесь речь идет о мужественном поведении Николая I во время холерного бунта в Москве, который был усмирен благодаря его выдержке. Об этом будет рассказано дальше.
- 5 Россия половины XIX века глазами иностранцев. — Л., — 1991. — С.493-494.
- 6 Карбонарии (буквально «угольщики») — члены тайного революционного общества в Италии, боровшиеся за национальное освобождение и конституцию. Ритуал выжигания древесного угля символизировал у них духовное очищение человека. Структура организации была строго законспирирована.
- 7 Тарле Е.В. Сочинения. — М., — 1959. — Т.VIII. — С.66.

- 8 Поливектов М. Николай I. Биография и обзор царствования. — М., — 1918. — С.25-26.
- 9 Там же. — С.26.
- 10 Там же. — С.33.
- 11 Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. — М., — 1991. — С.290.
- 12 Там же. — С.294.
- 13 ПСЗ. — СПб., — 1832. — Т.I. — №537. — С.889-890.
- 14 Там же. — №548. — С.900-901.
- 15 Там же. — №549. — С.901.
- 16 Карабанов П.Ф. Списки замечательных лиц русских. — М., — 1860. — С.41-52.
- 17 ПЗС. — СПб., — 1832. — Т.I. — №541. — С.896-897.
- 18 Сергеев-Ценский С.Н. Собр. Соч.. — М., — 1955. — Т.4. — С.205.
- 19 РС. — 1896. — №6. — С.454-455.
- 20 Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. — Л., — 1991. — С.453-455.
- 21 Исторический вестник. — 1896. — №7. — С.58-59.
- 22 Там же. — №8. — С.343-345.
- 23 Там же. — №7. — С.56-57.
- 24 Там же. — С.55.
- 25 Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. — Л., — 1991. — С.667.
- 26 Р.С.. — 1896. — №6. — С.454-455.
- 27 Вересаев В.В. Жизнь Пушкина. — М., — 1984. — С.656-657.
- 28 Добролюбов Н.А. Собрание соч.. — М.,-ЛЛ — 1961. — Т.1. — С.146-147.
- 29 Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. — Л., — 1991. — С.679. Гагерн неверно называет одну из дам «принцесса Або-Мелик». При дворе императрицы была грузинская княжна Абамянк. О ней-то и упоминал голландский полковник.
- 30 Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. — Л., — 1991. — С.455-456.
- 31 Там же. — С.520.
- 32 Исторический вестник. — 1896. — №8. — С.346.
- 33 Жуковский В.А. Сочинения. — СПб., — 1885. — Т.VI. — С.348.
- 34 Там же.
- 35 Вяземский П.А. Полное собрание соч.. — СПб., — 1885. — VII. — С.472.
- 36 Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. — М., — 1991. — С.322-323.
- 37 Тарле Е.В. Сочинения. — М., — 1959. — Т.VIII. — С.69.
- 38 Захарова Л. Дневник цесаревича. Родина. — 1993. — №1. — С.57.
- 39 Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. — СПб., — 1903. — Т.2. — С.185-186.
- 40 Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. — Л., — 1991. — С.669.
- 41 Тарле Е.В. Сочинения. — М., — 1959. — Т.VIII. — С.71.

- 42 РС. — 1898. — №11. — С.361.
- 43 Там же. — С.362.
- 44 Шильдер Н.К. Император Николай I. — СПб., — 1903. — Т.2. — С.39.
- 45 Там же. — С.47.
- 46 РС. — 1899. — №7. — С.3-4.
- 47 Бобринский А.Г. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. — СПб., — 1890. — ч.II. — С.144-145.
- 48 Тарле Е.В. Сочинения. — М., — 1959. — Т.VIII. — С.78.
- 49 Там же. — С.78-79.
- 50 Голос минувшего. — 1992. — №1. — С.67.
- 51 Там же.
- 52 Дельви́г А.И. Мои воспоминания. — М., — 1913. — Т.2. — С.9.
- 53 Долгоруков П.В. Указ. соч.. — С.264.
- 54 Исторический вестник. — 1896. — №7. — С.62-63.
- 55 Никитенко А.В. Дневник. — Л., — 1955. — Т.1. — С.174.
- 56 РС. — 1880. — Т.28. — С.536.
- 57 Исторический вестник. — 1896. — №7. — С.61.
- 58 Шильдер Н.К. Император Николай I. — СПб., — 1903. — Т.2. — С.156.
- 59 Там же. — С.172.
- 60 Там же. — С.238.
- 61 Там же. — С.255
- 62 РС. — 1889. — №5. — С.375-395.
- 63 РС. — 1898. — №4. — С.43-44.
- 64 РС. — 1879. — №1-4. — С.348.
- 65 РС. — 1882. — №12. — С.529.
- 66 Далее я буду пользоваться изданием книги В.В. Вересаева «Пушкин в жизни», вышедшей в 1984 г. в «Московском Рабочем», дополняя данные Вересаева, новейшим, наиболее полным сводом всех свидетельств о дуэли и смерти Пушкина, собранных в книге «Последний год жизни Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники.» — М., — 1988.
- 67 Вересаев В.В. Пушкин в жизни. — М., — 1984. — С.354.
- 68 Там же. — С.356.
- 69 Там же. — С.358.
- 70 РС. — 1899. — №7. — С.8-9.
- 71 РС. — 1899. — №7. — С.9.
- 72 Вересаев В.В. — Указ. соч.. — С.360.
- 73 Там же. — С.393.
- 74 Там же. — С.394.
- 75 Там же. — С.398.
- 76 Там же. — С.417.
- 77 Там же. — С.470.
- 78 Письма А.С. Пушкина к Е.М. Хитрово. — Л., — 1927. — С.200.
- 79 Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина. — М., — 1987. — С.189.

- 80 Вересаев В.В. Жизнь Пушкина. — С.641.
- 81 Там же. — С.526.
- 82 Там же. — С.527.
- 83 Последний год жизни Пушкина. — М., — 1988. — С.371.
- 84 РС. — 1900. — №3. — С.574; РС. — 1899. — №7. — С.311.
- 85 Вересаев В.В. Пушкин в жизни. — М., — 1984. — С.532.
- 86 Там же.
- 87 Суворин А.С. Дневник. — Пг., — 1923. — С.205.
- 88 РС. — 1902. Т.— 110. — С.225-226. (Николай, по-видимому, знал, что старик Геккерн был гомосексуалистом.)
- 89 Там же. — С.226.
- 90 Вересаев В.В. Пушкин в жизни. — М., — 1984. — С.575.
Священником, исповедовавшим и приобщившим Пушкина был протоиерей Петр Дмитриевич Песоцкий. См.: Последний год жизни Пушкина. — М., — 1988. — С.567.
- 91 РС. — 1875. — Т.14. — С.93.
- 92 Вересаев В.В. Пушкин в жизни. — М., — 1984. — С.600-601.
- 93 Там же. — С.601-602.
- 94 Там же. — С.531.
- 85 РА. — 1888. — Т.П. — С.311.
- 96 Вересаев В.В. Пушкин в жизни. — С.653.
- 97 Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. — М., — 1980. — С.81-83
- 98 Вересаев В.В. Пушкин в жизни. — М., — 1984. — С.657.
- 99 Там же. — С.655.
- 100 Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов. — СПб., — 1901. — Т.2. — С.334.
- 101 Новый мир. — 1962. — №2. — С.226.
- 102 Вересаев В.В. Пушкин в жизни. — М., — 1984. — С.658-659.
- 103 Там же. — С.656.
- 104 Николаев В. Александр II. Человек на престоле. — Мюнхен, — 1986. — С.117.
- 105 Бамуцкий А.П. Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. — СПб., — 1839. — С.51-52.
- 106 Суслов А.В. Зимний дворец (1754-1927). — Л., — 1928. — С.36-37.
- 107 Эрмитаж. История и архитектура зданий. — М., — 1974. — С.120.
- 108 РС. — 1883. — №11. — С.349.
- 109 А. де Кюстин. Россия в 1839 году. — М., — 1990. — С.154.
- 110 Соколова А. Царское гадание. — М., — 1993. — С.281-282.
- 111 Октябрь. 1993. — №5. — С.122.
- 112 Николаев В. Александр II. Человек на престоле. — Мюнхен, — 1986. — С.147-148.
- 113 Там же. — С.143.
- 114 Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование (Далее: Татищев. Император Александр II). — СПб., — 1903. — Т.П. — С.103.

- 115 Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. — М., — 1990. — С.78-79.
- 116 Долгоруков П.В. Петербургские очерки. — М., — 1992. — С.120.
- 117 Алексеевский равелин. — Л., — 1990. — кн.1. — С.370.
- 118 Литературное наследство. — М., — 1952. — Т.58. — С.274.
- 119 Р.А. — 1908. — №1. — С.376.
- 120 Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. — Л., — 1991. — С.668.
- 121 Там же. — С.458-459.
- 122 Там же. — С.465.
- 123 Там же. — С.466.
- 124 Там же. — С.469-470.
- 125 Там же. — С.671.
- 126 Там же. — С.668.
- 127 Добролюбов Н.А. собрание соч.. — М.,-Л., — 1961. — Т.1. — С.148.
- 128 Там же.
- 129 Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. — М., — 1986. — С.56.
- 130 Лермонтов Ю.М. Сочинения. — М., — 1988. — Т.1. — С.184-185.
- 131 Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. — М., — 1986. — С.113.
- 132 РС. — 1873. — №9. — С.320-328; РС. — 1880. — №10. — С.302-308.
- 133 РА. — 1878. — №1. — С.487-490.
- 134 Исторический вестник. — 1910. — №8. — С.554-558.
- 135 РА. — 1910. — №5. — С.133.
- 136 Там же. — С.134.
- 137 Исторический вестник. — 1910. — №1. — С.109.
- 138 Российские самодержцы. — М., — 1993. — С.155.
- 139 Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. — М., — 1990. — С.36.
- 140 Там же.
- 141 Там же. — С.37.
- 142 Смирнов-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. — М., — 1989. — С.7.
- 143 РС. — 1883. — Т.80. — С.279.
- 144 Тарле Е.В. Сочинения. — М., — 1959. — Т.VIII. — С.113.
- 145 Алексеевский равелин. — Л., — 1990. — кн.1. — С.358.
- 146 Исторический вестник. — 1910. — Т.119. — №1. — С.104-105.
- 147 Алексеевский равелин. — Л., — 1990. — кн.1. — С.365. (842 полумпериала равнялись 4210 серебряным рублям).
- 148 Там же. — С.366.
- 149 Там же. — С.367.
- 150 Там же. — С.368.
- 151 Там же. — С.371-373.
- 152 Акты Кавказской Археографической экспедиции. — Тифлис, — 1885. — Т.Х. — С.831-832.
- 153 Алексеевский равелин. — Л., — 1990. — кн.1. — С.376.
- 154 Там же. — С.445.
- 155 РА. — 1889. — №10. — С.707.
- 156 Тарле Е.В. Сочинения. — М., — 1959. — Т.VIII. — С.73.

- 157 РЛ. — 1889. — №2. — С.634.
- 158 Тарле Е.В. Сочинения. — М., — 1959. — Т.VIII. — С.73.
- 159 Там же. — С.271.
- 160 Там же. — С.278.
- 161 Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. 1853-1855. — М., — 1990, — С.167.
- 162 Там же. — С.167-168.
- 163 Там же. — С.171.
- 164 Тарле Е.В. Сочинения. — М., — 1959. — Т.IX. — С.316.
- 165 Исторический вестник. — 1896. — №8. — С.347-349.
- 166 Российские самодержцы. — М., — 1993. — С.157.
- 167 Там же.
- 168 Николаев В. Александр II. Человек на престоле. — Мюнхен, — 1986. — С.223.
- 169 Исторический вестник. — 1896. — №8. — С.353.

Глава двенадцатая

АЛЕКСАНДР II

НОВЕЛЛА СТО СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Первые шаги нового императора

19 февраля 1855 года новый император Александр II, выступая в Государственном Совете, сказал: «Покойный родитель в последние часы жизни сказал мне: «Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в том порядке, как желал, оставляю тебе много трудов и забот»¹. Однако, на первых порах эти многие «труды и заботы» оказались непосильными для Александра. А.Ф.Тютчева, внимательно наблюдавшая за царской четой, менее чем через год, в январе 1856 года, записала: «Император — лучший из людей. Он был бы прекрасным государем в хорошо организованной стране и в мирное время, где приходилось бы только охранять. Но ему недостает темперамента преобразователя. У императрицы тоже нет инициативы... Они слишком добры, слишком чисты, чтобы понимать людей и властвовать над ними. В них нет той мощи, того порыва, которые овладевают событиями и направляют их по своей воле; им недостает струнки увлечения... Сам того, не ведая, он (Александр II) вовлечен в борьбу с могучими силами и страшными стихиями, которых он не понимает».

А русское общество, по крайней мере, только-только просыпающаяся российская интеллигенция, понимали, что дела в стране обстоят довольно грустно. Горько было видеть, что оставил после себя «Незабвенный» — император Николай I.

И, вот, под таким названием «Грустное» в списках появилось стихотворение неизвестного автора, имевшее подзаголовок: «На восшествие Александра II на престол»:

Грустно матушке России,
Грустно юному царю.
Царь покойный гнуть лишь выи
Дворню выучил свою.
Грустно! — думаю я часто
Про отечество отцов:
Незабвенный лет ведь на сто
Под себя, — ведь это каста, —
Заготовил молодцов².

В тот же день, 19 февраля, в соборе Зимнего дворца министр юстиции, граф В.Н.Панин зачитал «Манифест» о воцарении, а духовник царя и царицы протопресвитер В.Б.Бажанов, привел всех присутствующих сановников к присяге. Каждый из них приложился к Евангелию и кресту и подписал присяжный лист.

Все высшие сановники империи остались на своих местах. Перемены произошли только в армии и флоте. Из-за отставки Меншикова, который был и командующим армией в Крыму, и Военно-морским министром, в Крым был назначен князь М.Д.Горчаков, а главным начальником флота и руководителем морского ведомства стал Константин Николаевич.

А в это же самое время канцлер, князь А.М.Горчаков, вот уже третий месяц находился на переговорах в Вене, где речь шла об условиях будущего мира. Но пока тянулись совершенно бесплодные прения, союзники активизировали действия в Крыму и 28 марта 1855 года начали самую ожесточенную бомбардировку Севастополя, продолжавшуюся девять суток. Горчаков покинул Вену и война в Крыму ожесточилась еще более. 26 мая союзники овладели Волынским и Селенгинским редутами и Камчатским люнетом, после чего артиллерийский огонь союзников стал убийственным — пал Нахимов, был тяжело ранен Тотлебен, ежедневные потери от огня доходили до 300 человек.

Горчаков под сильнейшим давлением царя вынужден был решиться на контрнаступление и 4 августа начал атаку на Черной речке, хотя и он сам, и почти все его генералы были убеждены в неудаче. Так и случилось: атака была отбита и русские, потеряв около десяти тысяч человек, отошли на исходные позиции. Уже на следующий день, союзники еще более усилили огонь по городу, сделав его, практически, непрерывным, в результате чего ежедневные потери стали превышать тысячу человек, а в конце августа около трех тысяч.

28 августа после генерального штурма союзников, русские оставили южную сторону Севастополя, взорвав пороховые погреба, и затопив последние корабли. Героическая оборона, продолжавшаяся 349 дней и стоившая России более чем ста тысяч жизней, закончилась.

Но Александр решил бороться дальше. Почти сразу же после падения Севастополя в Николаев, для приведения города и порта в оборонительное состояние, уехали великие князья Константин и Николай, а 13 сентября туда же прибыл царь со своим младшим братом Михаилом. Поблизости шла война, англо-французский флот из 90 кораблей дрейфовал перед Одессой, а десант союзников высадился под Очаковым и за-

нял Кинбурн. Александр из Очакова сам наблюдал за маневрами флота, а великие князья организовывали в это время оборону Николаева. Михаил возглавлял артиллерию, а Николай — инженерные работы. В конце октября Александр с братьями прибыл в Крым, категорически запретив какую бы то ни было встречу, и четыре дня объезжал позиции, интересуясь истинным положением дел и подлинным состоянием войск. Он много и часто общался с солдатами, а, уезжая, отдал приказ всех участников обороны Севастополя наградить серебряной медалью на георгиевской ленте с надписью: «За защиту Севастополя».

Вернувшись в Царское Село, Александр получил единственную за весь год радостную весть: 16 ноября пала турецкая крепость Карс, взятая войсками Н.Н.Муравьева — главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. После этого на всех театрах Восточной войны наступило затишье.

После нескольких попыток прозондировать возможность заключения мира без выплаты Россией контрибуции и территориальных уступок Александр 20 декабря 1855 года собрал совещание ближайших своих сановников — Нессельроде, Военного министра Долгорукова, Киселева, Орлова, Воронцова, статс-секретаря графа Блудова и Константина Николаевича — с тем, чтобы принять решение, на каких условиях и каким образом должен быть заключен мир. П.Д.Киселев, начавший прения, заявил, что перспективы победить союзников у России нет, и дальнейшие кампании только ухудшат ее положение. Большинство высказалось так же.

3 января 1856 года состоялось второе совещание, оказавшееся еще более единодушным, и Александр согласился начать мирные переговоры. Они начались в Париже 13 февраля и продолжались до 18 марта. Россия возвратила Карс, а союзники оставили Севастополь; Черное море объявлялось нейтральным; все державы дали обязательство не вмешиваться в дела Турции, — такими были главные итоги Парижского мирного договора. Стабилизировав внешнеполитическое положение России, Александр тотчас же приступил к приведению в устойчивое состояние и дел внутривполитических. Сразу же после подписания мирного договора произошли серьезные перемены в правительстве.

Был отставлен председатель Государственного Совета и Комитета Министров, князь Чернышев, передавший свои посты графу А.Ф.Орлову, возглавлявшему русскую делегацию на конгрессе в Париже. На его место — шефа жандармов и на-

чальника Третьего отделения — был назначен бывший Военный министр, князь В.А.Долгоруков, которого заменил Н.О.Сухозанет. Министром внутренних дел стал С.С.Ланской, а место Клейнмихеля занял К.В.Чевкин. Сменен был и «вечный канцлер» К.В.Нессельроде. Его преемником стал князь А.М.Горчаков. Были произведены и замены на других важнейших постах империи — наместником в Польше, вместо умершего в январе 1856 года И.Ф.Паскевича, стал князь М.Д.Горчаков, а наместником на Кавказе — А.И.Барятинский, сменивший ушедшего в отставку Н.Н.Муравьева. Новыми для нас людьми являются здесь Ланской, Сухозанет и Чевкин; об остальных мы уже слышаны. Познакомимся и с ними.

68-летний Сергей Степанович Ланской, начавший служить еще при Павле, сделал свою карьеру прежде всего из-за родственных связей: его отец был членом Государственного Совета и гофмаршалом двора, дядя — с 1823 по 1828 годы — министром внутренних дел, а его тетка была матерью всеильного Военного министра А.И.Чернышова.

Помогла карьере и удачная, выгодная женитьба на княжне Варваре Ивановне Одоевской, единственной наследнице многочисленных богатых поместий, населенных восемью тысячами крепостных.

Получив хорошее домашнее образование, Ланской уже в 13 лет начал служить переводчиком в Коллегии иностранных дел, а потом служил в разных департаментах, комиссиях и Министерствах, в столицах и провинциях, более всего постоянства проявляя не в службе, а в своих масонских пристрастиях, где он добился высокой степени «мастера стула». Он был и членом декабристского Союза Благоденствия, но, почуввав недоброе, вышел из него задолго до 14 декабря 1825 года.

Масоны Москвы, где Ланской поселился после женитьбы, выдвинули его в совестные судьи, для решения дел непредусмотренных законами, а по совести судей, но он оказался совершенно к тому непригоден. Затем Ланского назначили губернатором во Владимир, но и там из-за его деятельности начался такой хаос, что Николай решил отправить его в «кладовку для старых и ненужных вещей», как называли Сенат. Одновременно нового сенатора ввели в должность почетного попечителя Гатчинского сиротского дома и члена Общества попечительства о тюрьмах, и члена Временного комитета по устройству в Петербурге мостовых, и члена Особого присутствия Сената по винным откупам, и члена Главного Совета женских учебных заведений. Последняя должность — а все

они хорошо оплачивались, — была особенно мила женолюбу Ланскому.

Ему было тогда 58 лет, а пленять сердца юных прелестниц ему все еще очень хотелось. Препятствием же к тому был не только его возраст, но и то, что к этому времени он стал совершенно лыс. Однако почти никто этого не знал, потому что, когда Сергей Степанович стал лысеть, он, чтобы скрыть сей дефект, придумал весьма оригинальный способ: заказал семь париков, изображавших одну и ту же прическу, совершенно одинакового цвета и фасона. Разница была лишь в том, что волосы первого парика были самыми короткими, второго — чуть длиннее, третьего — еще длиннее, и так далее до седьмого, который производил впечатление, что Ланскому пора постригаться. Сергей Сергеевич менял парики через неделю, а когда проходило семь недель, надевал снова первый, и все думали, что он воспользовался услугами парикмахера³.

За создание нового устава женских учебных заведений, ему была объявлена «Монаршая признательность». Пройдя потом еще через добрый десяток комитетов и получив несколько орденов, он стал членом Государственного Совета, а по случаю 50-летнего юбилея службы был произведен в действительные тайные советники — «высшую гражданскую степень в парнике дураков, именуемом Табелью о рангах», как выразился об этом «князь-республиканец» П.В.Долгоруков⁴. Годом раньше Ланской был назначен и членом Государственного Совета, заняв одновременно и должность товарища министра внутренних дел, которым был Д.Г.Бибиков.

Исполняя его обязанности во время четырехмесячного лечения министра за границей, Ланской так понравился А.Ф.Орлову и Л.В.Дубельту, что те сделали все возможное, чтобы 68-летний Сергей Степанович стал министром. Однако, Николай, слишком хорошо знавший его, на это не пошел, и только через полгода после того, как на троне оказался Александр II, Ланской достиг лелеемого им поста. Но, как ни странно, произошла метаморфоза, — старый фат неожиданно превратился в энергичного, четко мыслящего государственного человека, став одним из активнейших деятелей реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Вот где воскресло в Ланском его человеколюбивое масонское прошлое, взойдя на новой филантропической ниве. Но об этом будет рассказано дальше.

Николаю Онуфриевичу Сухозанету 17 апреля 1856 года в день вступления в должность Военного министра было 62 года. Он служил в армии уже полвека и был одним из немногих оставшихся в строю ветеранов войны 1812-1814 годов. Су-

хозанет участвовал в войнах с Турцией и Польшей, и, казалось бы, не мог не быть типичнейшим продуктом военной среды. Однако же на деле все обстояло иначе. Он пробыл на этом посту до 9 ноября 1861 года, уступив свой пост Д.А. Милютину. За пять лет руководства Министерством он проделал много полезного, благодаря тому, что подобрал хороших помощников, хотя сам, по мнению многих, был не очень-то хорошо образован. По инициативе Сухозанета были окончательно упразднены военные поселения и уже 21 сентября 1856 года — через пять месяцев после назначения министром — все военные поселенцы стали простыми хлебопашцами в министерстве Уделов; 378 тысяч кантонистов были обращены в свободное податное сословие, в то время, как прежде они от рождения не могли заниматься ничем другим, как пожизненной солдатчиной; сокращен срок солдатской службы с 25 до 15 лет; запрещена отдача в солдаты, как наказание за совершенные преступления; а также проведена серьезная реорганизация структуры вооруженных сил и управления ими.

Константин Владимирович Чевкин тоже не был инородным телом в новом ареопаге. Он носил звание генерал-адъютанта, с 1834 по 1845 год был начальником штаба Горного корпуса, а затем десять лет пребывал в звании сенатора. С 1855 года стал он Главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями, заменив одиозного П.А. Клейнмихеля. По единодушному мнению Чевкин обладал характером сильным, но часто вздорным, и по высказыванию П.В. Долгорукова, «избежать ссоры с Чевкиным столь же легко, как и отыскать квадратуру круга»⁵. Недаром Константина Владимировича прозвали «еж в генеральских погонах». Вместе с тем, тот же П.В. Долгоруков дал Чевкину и такую характеристику: «Человек, обладающий обширными познаниями, одаренный умом замечательным, способностями несомненными, трудолюбием редким»⁶. Он усердно и искренне служил делу уничтожения крепостного права, но систему в целом считал неприкосновенной, и потому всегда занимал охранительно-ретроградные позиции в борьбе и с радикалами, и с националистами-патриотами в Польше, в Финляндии и в других регионах империи.

Особое место занимал в государственном аппарате министр иностранных дел, князь Александр Михайлович Горчаков. О его деятельности в годы правления Николая I мы уже знаем, а о том, что делал он в годы нового царствования нам еще предстоит узнать. Так что не станем забегать вперед.

Чуть дальше будет рассказано и о фельдмаршале, князе И.Ф. Паскевиче, которого Николай I считал лучшим полководцем России, но при Александре II он был уже стар, первых

ролей не играл, да и прожить ему после Николая I довелось недолго. Однако в годы мужания цесаревича Александра Николаевича Паскевич немало для него значил.

17 апреля, когда перемены в правительстве были уже завершены, Александр издал Манифест о предстоящей коронации и назначил ее на август этого же 1856 года.

Весной Александр со всеми тремя братьями поехал в Финляндию, а затем — в Варшаву, где собрались члены императорской фамилии, представители коронованных особ и сами эти особы из разных стран Европы.

Великолепные балы сменялись не менее великолепною пирами, и Александр, желавший очаровать поляков, и хорошо умеющий это делать, на сей раз ограничился лишь тем, что разрешил революционерам-эмигрантам вернуться на родину, но категорически отверг какие бы то ни было попытки отделения Польши от России. «Будьте же, господа, действительно соединены с Россией и оставьте всякие мечты о независимости, которые нельзя ни осуществить, ни удержать. Сегодня повторяю вам опять: я убежден, что благо Польши, что спасение ее требует, чтобы она соединилась навсегда, полным слиянием, с славною семьею русских императоров, чтобы она обратилась в неотъемлемую часть великой всероссийской семьи»⁷. Это первое выступление Александра по польскому вопросу стало его принципиальной программой, которой он придерживался все свое царствование.

Пробыв в Варшаве шесть дней, Александр на четыре дня заехал в Берлин, где в его честь были проведены непрерывные военные смотры, учения и парады.

29 мая царь вернулся в Петербург, а 14 августа вся царская семья выехала на коронацию в Москву.

НОВЕЛЛА СТО СОРОК ПЯТАЯ

Возвращение в предыдущую главу

«Что же представлял из себя новый русский царь, накануне коронации?» — спросим мы, как сделали это и в предыдущей главе.

Ему исполнилось 38 лет, он был отцом четырех сыновей — Николая, Александра, Владимира и Алексея, и дочери Марии. Старшему сыну сравнялось 12 лет, Марии шел третий год. Все братья и сестры царя были младше его и он мог бы считаться старшим в семье, если бы не вдовствующая императрица-мать 58-летняя Александра Федоровна. Из девяти братьев и сестер его покойного отца в живых оставались лишь две тетки нового императора — великая герцогиня Саксен-

Веймарская Мария Павловна и королева Нидерландов, — тоже уже давно вдовствующая — Анна Павловна.

Таким образом, Александр, как старший из мужчин, был бесспорным главой дома Романовых.

Мы описали его юность, его молодость, его женитьбу на Марии Александровне, но почти не рассказали о времени после свадьбы, коснувшись лишь некоторых событий в жизни цесаревича.

Став мужем, Александр вступил и в пору государственной зрелости. По воле отца он стал членом трех Комитетов: Финансового, Кавказского и Комитета министров. С 1842 года Александр в отсутствие отца, оставался первым лицом государства. Параллельно с государственной шла и его военная служба — в 1846 году он стал генералом от инфантерии, пройдя перед тем все предшествующие генеральские звания.

В июне 1849 года Александр был назначен командиром Гвардейского пехотного корпуса, который уже шел на подавление Венгерской революции. Но командир оказался не на полях сражений, а рядом со своим отцом, который руководил всеми военными операциями, находясь в Варшаве. Зато, когда Паскевич разгромил венгерскую армию, к императору Францу-Иосифу поехал Александр с официальным поздравлением от императора Николая.

Но все-таки первым лицом в Вене был не цесаревич, а фельдмаршал и князь Иван Федорович Паскевич.

К этому времени он, безусловно, был самым доверенным, и не просто глубоко уважаемым, но и высоко почитаемым императором человеком. Александр выехал в Вену 2 августа 1849 года, а через два дня Николай издал специальный приказ по армии, которым повелевал воздавать Паскевичу точно такие же почести, что и царю⁸. А двумя годами позже, в дни празднования 25-летия со дня восшествия на престол, царь сказал Паскевичу: «При грустных предзнаменованиях сел я на престол русский и должен был начать мое царствование казнями, ссылками... У меня не было людей преданных. Я остановился на тебе — само Провидение мне указало на тебя!.. Война в Польше! Новое испытание — испытание грустное. Дела наши были плохи! И снова я ухватился за тебя, Иван Федорович, как за единственное спасение России! Иван Федорович! Ты — слава моего двадцатипятилетнего царствования, ты — история царствования Николая I»⁹. К моменту приезда Александра в Вену, Паскевич был уже фельдмаршалом и австрийской и прусской армий, олицетворяя незыблемость монархических начал и строгость по отношению к мятежникам, хотя сам он был против казней руководителей восстания. При его под-

держке Александру удалось добиться отмены смертной казни даже венгерскому Главнокомандующему Артуру Гергею. Он был интернирован в Австрию, но потом возвратился в Венгрию. Ему суждено было дожить до 98 лет и умереть в 1916 году, накануне окончания Первой Мировой войны и распада двух империй — Российской и Австро-Венгерской.

А Александра ожидало новое повышение по службе. 28 августа 1819 года от холеры умер великий князь Михаил Павлович, и Александру, как старшему по званию в гвардии, предстояло заместить освободившуюся вакансию. Он стал главнокомандующим гвардией и гренадерским корпусом и начальником всех военно-учебных заведений.

В 1850 году Александр совершил большое путешествие на юг, посетив Севастополь, Северный Кавказ, а затем и Закавказье — Тифлис и Кутаиси, Эривань и Эчмиадзин, Баку и Дербент.

Его путешествие приостановилось на левом фланге Кавказской линии, возле еще непокоренной Чечни. Там, 26 октября, произошло его боевое крещение. В этот день Александр выехал из Воздвиженской крепости в Ачхай, сопровождаемый наместником Кавказа, князем Воронцовым, с очень сильным конвоем из нескольких сотен казаков, двух рот пехоты и артиллерией. Цесаревич ехал с авангардом, когда вдруг заметил группу чеченцев, и не сказав ни слова, дал шпоры коню и поскакал к неприятелю. Следом за ним помчался его конвой, свита, но под Александром был великолепный, кровный скакун, и его соратники не могли поспеть за ним. Чеченцы открыли огонь, но увидев, с какими силами придется иметь дело, начали отступать. Однако их окружили, почти всех перебили и поднесли Александру оружие их погибшего начальника.

Конечно, поступок Александра был чистой воды легкомыслием, но Воронцов в письме Николаю представил его подвигом и попросил наградить цесаревича орденом Георгия 4-й степени, что и было сделано.

13 ноября новоявленный георгиевский кавалер вернулся в Царское Село, а еще через две недели уже участвовал в Орденском празднике святого Георгия.

Вскоре после возвращения с Кавказа Александр был назначен в состав Комитета, который должен был рассмотреть вопрос о целесообразности присоединения к России Приамурья. В 1850 году капитан Г.И. Невельской, выполняя приказ Сибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева, спустился вниз по Амуру и в его устье заложил военный пост Николаевск, подняв над ним российский государственный флаг. Од-

нако петербургские сановники, и прежде всего Нессельроде и Чернышев, боясь осложнения отношений с Китаем и Англией, признали инициативу Муравьева несвоевременной и опасной. К счастью, сам Муравьев приехал в Петербург, встретился с Александром и сумел убедить его в перспективности и полезности совершенного им и Невельским предприятия, после чего цесаревичу стало гораздо легче склонить членов Комитета к защите точки зрения Муравьева.

Следующим важным государственным делом для Александра оказалось участие в делах Восточной войны. Он выполнял самые разные поручения Николая, а в последние дни его жизни нашел в себе силы взять бразды правления в свои руки.

О кончине Николая и о том, что произошло потом, мы уже знаем.

Итак, в Москву на коронацию отправлялся достаточно опытный в государственных делах человек, по меркам того времени, уже и немолодой — Александру шел 39-й год, — и он был искушен и в делах административных, и в делах военных, и в делах дипломатических.

14 августа царская семья прибыла на Николаевский вокзал и отправилась в Москву.

НОВЕЛЛА СТО СОРОК ШЕСТАЯ

Восшествие на престол

Впервые коронационный выезд осуществлялся по железной дороге. Но не только это было новацией в предстоящих торжествах.

После трех дней пребывания в Петровском дворце, расположенном у въезда в Москву, 17 августа Александр, вся его семья и блестящая свита въехали на Тверскую улицу, которую называли также и «Царской» из-за традиционных торжественных въездов в столицу царствующих особ. Александр въехал в Москву под звон колоколов и грохот пушек, окруженный своими братьями и двумя старшими сыновьями — тринадцатилетним Николаем и одиннадцатилетним Александром.

У въезда в Москву их встретил военный генерал-губернатор, в Земляном городе, у Триумфальных ворот, — городская дума и магистрат, в Белом городе, у Страстного монастыря, — московское дворянство, у Иверских ворот, — при въезде на Красную площадь — гражданский губернатор и чиновничество. У часовни Иверской Божьей матери царь и вся свита сошли с коней, императрица и дети вышли из экипажей, приложились к чудотворной иконе и пешком пошли в Кремль. У

Спасских ворот их встретил московский комендант со штабом, а возле Успенского собора — Правительствующий Сенат. Тут же из собора вышли навстречу царю члены Святейшего Синода во главе с митрополитом Московским Филаретом. Обойдя кремлевские соборы, царская семья через Красное крыльцо вошла в Кремлевский дворец. Начиная с 23 августа, три дня в Москве шли народные гуляния и угощение простого народа.

26 августа в Успенском соборе прошла коронация, со строгим соблюдением всего «чина». Вел торжество семидесятичетырехлетний Филарет. С самого начала все шло как нельзя лучше, как вдруг старик Горчаков стоявший с «державой», лежавшей на круглой бархатной подушке, вдруг зашатался, потерял сознание и упал, выронив подушку. Шарообразная «державка» со звоном покатила по каменному полу. Присутствующие ахнули, считая произошедшее верным признаком несчастья. Александр же не переменялся в лице, а когда коронация кончилась, сказал Горчакову: «Не беда, что свалился. Главное, что стоял твердо на полях сражений». Так вспоминал этот эпизод правнук Горчакова Аркадий Столыпин¹⁰.

По примеру прежних царствований были розданы чины, титулы и «многие милости»¹¹.

А.Ф.Орлов, Председатель Государственного Совета и Комитета министров, недавно подписавший в Париже мир с союзниками, был возведен в княжеское достоинство. Князь М.С.Воронцов стал фельдмаршалом, четыре сановника — графами.

Царь на три года отменил рекрутские наборы, простил недоимки, амнистировал или облегчил участь почти всех преступников, в том числе декабристов и петрашевцев. Всем амнистированным было разрешено возвратиться вместе с семьями из ссылки и жить, где пожелают, кроме Петербурга и Москвы.

Им возвращалось дворянство, а князьям, графам и баронам и их титулы, а также и конфискованные по суду имения. Среди тех, кто вернулся из ссылки, был и Ф.М.Достоевский. Отдельным актом были отменены высокие пошлины на заграничные паспорта, введенные Николаем и препятствовавшие выезду за границу.

Радость и надежды на лучшее будущее воскресли в сердцах многих людей, но более всего одушевлены были начинаниями нового императора те из них, кто занимал крайне враждебные позиции по отношению к его отцу — Николаю. И среди них не был исключением даже «Неистовый Искандер» — Герцен.

На следующий после коронации год Александр дважды побывал за границей, устранив остатки старой вражды между ним и союзниками. Он добился потепления отношений с Францией и начал нормализовать отношения с Англией.

В этом же, 1857 году, 29 апреля, у него родился пятый сын — Сергей, которому предстояла такая же участь, что и самому Александру, — пасть от руки убийцы, но об этом — в свое время. И завершая эту скорбную линию, добавим, что и последний его сын — Павел, — кому суждено будет родиться через три года — 21 сентября 1860 года, тоже окажется жертвой насилия: он будет расстрелян в Петрограде 28 января 1919 года в дни «красного террора».

А в 1857 году, после рождения Сергея Александровича, Марии Александровне было предписано лечение минеральными водами на немецком курорте Киссингене. Царь и царица, объехав многих своих немецких родственников, наконец, прибыли на курорт. Однако поездка эта преследовала и важные политические цели — 13 сентября, после длительной подготовки, в столице Вюртемберга Штутгарте произошла встреча Александра II и его бывшего непримиримого врага, а теперь потенциального друга — Наполеона III, императора Франции. Но быстрому сближению помешало то, что Наполеон III поднял вопрос о положении Польши, а Александр категорически отверг какое-либо вмешательство в польские дела, считая этот вопрос своим внутренним делом. 19 сентября, в Веймаре, состоялась тоже давно подготавливавшаяся встреча Александра с австрийским императором Францем-Иосифом, тоже не давшая определенных результатов, ибо и с той и с другой стороны являлась не более чем самым общим зондажем.

Почти полугодовое странствие царя и царицы закончилось их приездом в Царское Село 15 октября.

Почти весь 1858 год прошел в странствиях по России — сначала на Север — Вологда, Архангельск, Соловки и Валаам, а потом — по Волге до Нижнего Новгорода, и, наконец, в Варшаву, где состоялась встреча царя с кузеном французского императора, уведомившего Александра о сильном обострении франко-австрийских противоречий из-за Италии. Эти противоречия вскоре привели к войне между двумя империями, что вызвало мобилизацию в Пруссии и во всей Германии, выступивших на стороне Франца-Иосифа. Александр же взял сторону Франции, и это заставило противников закончить войну, ибо последствия всего происходящего могли быть опасно непредсказуемыми и даже губительными. Вмешатель-

ство России подкрепило ее престиж, подорванный Крымской войной.

Одним из наиболее важных событий конца 50-х годов в жизни царской семьи, несомненно было совершеннолетие старшего сына Александра II.

8 сентября 1859 года, в день своего шестнадцатилетия, цесаревич Николай Александрович принес присягу на верность службы, принял всех послов, аккредитованных в Петербурге, совершенно очаровав их умом и сердечностью. Но на следующий год с ним случилось несчастье — во время скачки на ипподроме в Царском Селе цесаревич упал с лошади и ушиб себе спину, на что сначала не обратили должного внимания, а потом болезнь запустили, сделав необратимой. Через пять лет она стала причиной его смерти, которая повлекла за собою важные изменения в ходе истории династии, но об этом — чуть позже. Другим событием в царской семье стало появление на свет последнего ребенка — великого князя Павла, родившегося 21 сентября 1860 года, а третьим событием была смерть матери императора — Александры Федоровны, последовавшая 19 сентября 1860 года, когда вдовствующей императрице пошел 63-й год.

Что же касается внутренних дел империи, то чрезвычайно важными событиями начала царствования Александра II стало покорение Кавказа и окончательное присоединение к России устья Амура и бассейна реки Уссури.

16 мая 1858 года в местечке Айгунь на южном берегу Амура Н.Н. Муравьев подписал договор, по которому Китай признал левобережье Амура от реки Аргунь до его устья русской территорией. 14 ноября 1860 года в Пекине был подписан еще один договор, по которому к России переходила и территория по реке Уссури, ранее находившаяся в совместном русско-китайском владении. Благодаря этому Россия утвердила свое владычество на Тихом океане, закрепив за собой земли, на которых чуть раньше был построен военный пост Владивосток.

В эти же годы решительный перелом произошел и на Кавказе. Завоевание Россией Кавказа началось еще при Петре I и с перерывами продолжалось полтора века. Непрестанная, безостановочная война завязалась здесь в 1817 году, когда А.П. Ермолов начал окружать горные районы кольцами кордонов, прорубая просеки в лесах, сжигая непокорные аулы, а оставшихся в живых горцев, выселяя в долины под надзор русских гарнизонов. В 1827 году Ермолова сменил Паскевич, продолжавший эту же тактику, дополнив ее карательными на-

бегами на аулы и усилив строительство укрепленных линий с опорными пунктами и крепостями. С середины 30-х годов XIX столетия во главе свободолюбивых народов Чечни и Дагестана встал третий имам — Шамиль, сын крестьянина, ученый богослов, человек выдающийся храбрости и красноречия, необычайно популярный в среде простых людей.

Натиск войск Шамиля оказался настолько сильным, что царские войска перешли к обороне. Получив подкрепления из двух дивизий, новый главнокомандующий граф М.С.Воронцов начал поход на аул Дарго — резиденцию Шамиля, но, хотя и взял Дарго и сжег его, окончательной победы не добился: Шамиль ушел в горы и продолжал борьбу дальше. А борьба эта, следует сказать, достигла высочайшей степени ожесточения.

И вот здесь мне хотелось бы обратить внимание не на дипломатический документ и не на сентенцию какого-нибудь историка, а на художественное произведение, написанное Львом Николаевичем Толстым. Он сам в годы своей молодости в 1851-1853 годах воевал на Кавказе и тогда воспринимал все там происходящее, как и свойственно молодому человеку, только что перешагнувшему рубеж двадцатилетия — возвышенно и романтично. Однако к концу жизни, став великим писателем и одним из выдающихся мыслителей своего времени, он решительно переоценил Кавказскую войну, взглянув на нее совсем по-иному.

Он взглянул на нее не глазами русского артиллерийского офицера, а с позиции честного и объективного человека, для которого все в этой ситуации были равны и близки.

В 1904 году 76-летний Толстой написал одну из лучших своих книг — повесть «Хаджи Мурат», посвященную борьбе народов Чечни и Дагестана за свободу.

Вот наиболее типичный фрагмент из повести, характеризующий отношение бывшего офицера-артиллера, а в момент написания — великого мыслителя и прозаика, к тому, что творилось на Кавказе в годы его молодости: «Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены, и внутренность огажена. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик... был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину. Благообразная женщина, теперь в разорванной на груди рубахе, с распущенными волосами, стояла над сыном и царапала себе в кровь лицо и не переставая выла. Садо с киркой и лопатой ушел с родными копать могилу сыну. Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгая палочку, тупо смотрел перед

собой. Он только что вернулся со своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены, были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами... Фонтан был загажен, очевидно, нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть, и мулла с муталимами очищал ее.

Старики-хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения...

Старики помолились и единогласно решили послать к Шамилю послов, прося его о помощи, и тотчас же принялись за восстановление нарушенного»¹².

Крымская война придала силы горцам, получившим поддержку турок, но с падением Карса и уходом Анатолийской армии, преобладание русских вновь стало безусловным.

После подписания Парижского мирного договора 1856 года Россия сосредоточила на Кавказе 200-тысячную армию. Вставший во главе ее князь А. И. Барятинский стал энергично сжимать кольцо блокады вокруг территорий, подвластных Шамилю. Барятинский и начальник его штаба, сорокалетний генерал Д. А. Милютин — будущий Военный министр, выдающийся военный теоретик и государственный деятель, — разработали план последовательного продвижения от рубежа к рубежу, с прочным закреплением занятых территорий. Весной 1859 года кольцо русских войск сомкнулось возле чеченского аула Ведено, где сосредоточились главные силы Шамиля. Горцы, попав в окружение, дрались отчаянно, но потерпели поражение. Шамиль с небольшим отрядом мюридов сумел бежать в Дагестан, в аул Гуниб. 25 августа он вынужден был сложить оружие и сдался в плен.

Барятинский лично руководил взятием Гуниба и пленением Шамиля. Как только имам и его семья оказались у него в руках, князь тут же сообщил об этом императору и получил приказ отправить Шамиля и его близких на поселение в Калугу.

Под большим конвоем, который по мере продвижения на север, все уменьшался, Шамиль вскоре оказался в Харькове.

где его и одного из его сыновей отделили от других членов семьи и повезли в Чугуев, где в это время находился Александр.

При встрече Александр обнял и поцеловал Шамиля и назначил местом его пребывания Калугу. Побывав в Петербурге, Москве и Туле, Шамиль с двумя своими женами, двумя сыновьями и тремя дочерьми поселился в Калуге, но вскоре, после того, как по собственному желанию присягнул на верность России, переехал со всей семьей в Киев. Оттуда он совершил паломничество в Мекку и Медину для поклонения Святым местам. Там он и умер в марте 1871 года, там и был похоронен.

После пленения Шамиля, но еще задолго до окончания войны на Кавказе, Александр осенью 1861 года, прервав свой отдых в Ливадии, 11 сентября высадился в Тамани и, переночевав в Екатеринодаре, утром 12-го выехал в действующую армию. Он проехал по новым крепостям — от Дмитриевской до Майкопа — и 18 сентября в военном лагере принял делегацию от 60 непокорных племен, не желавших покинуть свои аулы и переселяться в долины. Александр сказал им, что дает месяц на размышление, и если они не согласятся с русскими требованиями, то им останется одно — переселиться в Турцию.

29 сентября царь вернулся в Ливадию, откуда вскоре выехал в Петербург.

Заканчивая кавказский сюжет, уместно будет сказать, что 6 декабря 1862 года Барятинский из-за серьезной и продолжительной болезни вышел в отставку, а на его место назначен был великий князь Михаил Николаевич. 14 февраля 1863 года он приехал в Ставрополь и вступил в командование войсками Отдельной Кавказской армии и управление краем, продолжив войну с последними непокорными племенами — шапсугов и убыхов, — жившими в районе Туапсе и Сочи. 21 мая 1864 года пал последний оплот повстанцев — урочище Кбаада в верховьях реки Мзымпа. Этот день стал официальной датой окончания Кавказских войн, хотя отдельные восстания периодически вспыхивали то в одном, то в другом районе Кавказа.

Однако, как ни велико было значение присоединения к России Кавказа, в эти же годы произошло событие, которое во много раз превосходило победу в полувековой войне, это было самое грандиозное свершение царствования Александра II — освобождение десятков миллионов крестьян от крепостного ига.

НОВЕЛЛА СТО СОРОК СЕДЬМАЯ

Освобождение крестьян

Среди тех «многих трудов и забот», оставленных Николаем I своему сыну, был один из самых «проклятых» вопросов: — вопрос о крепостном праве, которое было сродни и древневосточному рабству и монгольскому игу. Попытка обсудить положение крестьян была предпринята еще Николаем I сразу после коронации. 6 декабря 1826 года под председательством В.П.Кочубея, при активном участии М.М.Сперанского, начал работу первый «Секретный Комитет», который должен был выработать проект реформы по освобождению крестьян. Шестилетняя деятельность этого комитета ни к чему не привела, и в 1835 году был создан второй «Секретный Комитет», в котором ведущие роли играли Сперанский, Е.Ф.Канкрин и П.Д.Киселев, но из-за появления новых людей деятельность Комитета не стала более результативной. В царствование Николая, до 1848 года — пока не произошли революции в Европе, — правительство еще несколько раз пыталось разрешать то одну, то другую частные проблемы освобождения крестьян, но эти попытки оставались тщетными.

В январе 1857 года Александр II приказал создать еще один «Секретный Комитет», «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян». Это был последний в истории России «Секретный Комитет» по крестьянскому вопросу, потому что уже в начале следующего года он был преобразован в Главный комитет по крестьянскому делу и в этом качестве довел реформу до конца. В советское время существовала лишь одна точка зрения на роль царя в проведении реформы — очень не хотел отмены крепостничества, но не мог все оставить по-старому. Факты же свидетельствуют, что Александр играл исключительно важную роль в подготовке и проведении реформы. Главными проводниками и авторами ее были — сам Александр II, его брат — великий князь, генерал-адмирал Константин, митрополит Филарет, профессор истории К.Д.Кавелин, предводитель тверского дворянства А.М.Унковский, генерал-адъютант Я.И.Ростовцев, видный славянофил публицист Ю.Ф.Самарин, другой славянофил — прогрессивный помещик и предприниматель А.И.Кошелев, министр внутренних дел — С.С.Ланской, его товарищ, то есть заместитель, Н.А.Милютин, и великая княгиня Елена Павловна — вдова дяди императора, великого князя Михаила Павловича, после смерти своего мужа с головой окунувшаяся в политику. Именно эти люди и были главными «виновниками» того, что крестьянская реформа, пройдя сквозь сотни

препон, созданных и в Сенате, и в Государственном Совете, и в Министерствах, и в губерниях, все же победила. И выдающуюся роль в этом сыграл сам Александр.

Еще 30 марта 1856 года, находясь в Москве, Александр сказал представителям дворянства Московской губернии: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно, само собою, начнет отменяться снизу. Прошу вас, господа, думать о том, как бы привести это в исполнение. Передайте слова мои дворянству для соображения»¹³.

Увидев, что многие члены Главного комитета по крестьянскому делу всячески тормозят реформу, царь поставил во главе его неутомимого генерал-адмирала Константина Николаевича, и тот, проведя три бурных заседания — 14, 17 и 18 августа 1857 года — сдвинул дело с мертвой точки, убедив собравшихся в необходимости осторожного, но непрерывного движения вперед. А в конце октября в Петербург прибыл виленский генерал-губернатор В.И.Назимов с адресом от дворян Виленской, Ковенской и Гродненской губерний, в котором они просили позволения освободить своих крестьян. Это обращение дало возможность Александру обратить внимание на произошедшее помещиков других губерний и призвать последовать примеру их литовских и белорусских собратьев. Первыми откликнулись дворяне Санкт-Петербургской губернии, и вслед затем по всей России стали возникать губернские Комиссии по подготовке освобождения крестьян.

Осенью 1858 года, путешествуя по внутренним губерниям России, Александр в каждой из них прежде всего ознакомился с работой Комиссии. В Твери, в Костроме, в Нижнем Новгороде, во Владимире, в Москве, в Смоленске, в Вильно царь разъяснял свою позицию, доказывал необходимость отмены крепостного права и настойчиво добивался поддержки, иногда высказывая резкое недовольство тем, что реформа тормозится.

Так, шаг за шагом, убирая одно препятствие за другим, опираясь на своих единомышленников, Александр довел дело до конца. 19 февраля 1861 года он подписал «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» и соответствующий «Манифест», которые были опубликованы сначала в обеих столицах, а затем и в провинции с 5 марта по 2 апреля.

19 февраля 1861 года Александр писал Константину Николаевичу, что «мы можем ныне же со спокойной совестью сказать себе, что нами употреблены для свержения оногo все бывшие во власти нашей средства»¹⁴.

С этого дня Россия вступила в новую фазу развития, к которой привел ее Александр II, оставшийся в истории с именем «Освободитель», столь же неотделимое от него, как и прозвания Петра I и Екатерины II — «Великие».

Александр II даровал волю десяткам миллионов своих соотечественников. Он освободил не только русских, украинцев, белорусов, но и крестьян Закавказья, Северного Кавказа, Казахстана, а затем и Средней Азии, положение которых во многом было подобно состоянию русских крестьян, хотя в России они назывались крепостными, а в восточных регионах — рабами.

В.И. Даль давал такое определение этому понятию: «крепостной человек, одерноватый, раб, барский, тягловый или дворовый»¹⁵. Непонятное нам сегодня слово «одерноватый» Даль поясняет так: «Кабальный, крепостной, попавший в рабство»¹⁶. И если мы поинтересуемся, а была ли разница между крепостным и рабом, то Даль такой разницы не видел, считая слова «раб» и «крепостной человек» синонимами. «Раб — невольник, крепостной; человек, обращенный в собственность ближнего своего, состоящий в полной власти его»¹⁷.

И это были не просто дискуссии о смысле терминов, это были судьбоносные вопросы, от правильного понимания которых зависел дальнейший путь России. Осмысление ее исторического опыта привело страну в конце-концов на путь террора и предпочтения революции перед мирной экономической и политической эволюцией. Освободившись от цепей крепостного рабства многие русские люди — и прежде всего недоучившиеся студенты, семинаристы и гимназисты — стали выяснять отношения с властью бомбами и револьверами, возведя террор в универсальный политический принцип.

НОВЕЛЛА СТО СОРОК ВОСЬМАЯ

Начало крамолы и ответ власти

Такого рода концепции стали получать все более широкое распространение вскоре после отмены крепостного права, благодаря деятельности Герцена, пропагандировавшего их в «Колоколе» и «Полярной Звезде», и тому, что многие профессора университетов развивали эти идеи в лекциях, находя сочувственный отклик в сердцах своих слушателей. Правительство быстро отреагировало на создавшееся положение и ужесточило режим. С.С. Ланской был уволен, его товарищ Н.А. Милютин отстранен от должности. Министром внутренних дел стал сорокашестилетний либерал Петр Александрович Валуев, вместе с тем, весьма многоопытный администра-

тор, выдвинувшийся уже в годы нового царствования. Он был и директором Сельскохозяйственного департамента, и председателем Ученого комитета министерства Государственных имуществ и, наконец, управляющим делами Комитета Министров, носившим звание статс-секретаря*. Валувев был хорошо образованным, трудолюбивым, прекрасно говорившим по-русски, что было большой редкостью среди высших сановников Империи. Кроме того, он был хорош собой, высок ростом, сановит, всегда изысканно, по последней моде, одет, умел прекрасно держаться в любом обществе: последнее для министра Внутренних дел было весьма важно.

Был смещен и Министр Народного просвещения Г. П. Ковалевский, занимавший эту должность всего три года, и оказавшийся слишком мягким и нерасторопным в борьбе с университетской крамолой. Царь заместил его графом, адмиралом и генерал-адъютантом Евфимием Васильевичем Путятиным, продержавшимся в новом кресле всего полгода. Адмирал был назначен, чтобы навести военный порядок в университетах, как среди студентов, так и среди преподавателей. Поэтому первым шагом Путятина было сочинение и издание новых университетских правил, вводящих строгую дисциплину и усиление надзора.

Студенты Петербургского университета ответили сходками и митингами протеста, которые начались сразу же после окончания летних каникул. 22 сентября состоялась первая сходка, завершившаяся демонстрацией к дому попечителя Санкт-Петербургского учебного округа генерал-лейтенанта Филипсона для объяснения с ним. Но вместо объяснения последовал арест зачинщиков, а через десять дней, после очередной сходки, было арестовано еще 35 человек. Студенты ответили митингом протеста, и когда полиция, жандармы и войска попытались их разогнать, началась кровавая драка, после которой 300 человек было заключено в Петропавловскую крепость. В знак солидарности студенты Московского университета собрались на Тверской площади у дома генерал-губернатора и потребовали освобождения своих петербургских товарищей и отмены путятинских «Правил». Вслед за тем волнения и беспорядки прокатились по всем высшим учебным заведениям России, по некоторым гимназиям, захватив и военные школы.

* Звание статс-секретаря в России носили личные секретари императора. С середины XIX века это звание стало почетным, дававшимся лично царем. По должности звание статс-секретарей носили главы отделений Государственного Совета и Комитета Министров.

Александр в это время находился в своем новом крымском имении Ливадия, купленном у графини Потоцкой. Узнав о произошедшем, он выехал в Петербург, и по приезде уволил от должности Петербургского генерал-губернатора, генерал-аъютанта П.Н.Игнатьева, заменив его прибалтийским генерал-губернатором, светлейшим князем Александром Аркадьевичем Суворовым, внуком великого полководца, известного своим либерализмом, интеллигентностью и мягкостью. Александр вскоре же сместил и других министров — старика Сухозанета заменил тогда молодой, выдающийся генерал Дмитрий Алексеевич Милютин, — последний русский фельдмаршал, получивший это звание в 1898 году, в возрасте 82-х лет. Адмирал Путягин был заменен ближайшим сотрудником, личным секретарем Константина Николаевича, Александром Васильевичем Головинным. Новый министр блестяще закончил Царскосельский Лицей и даже среди первых по выпуску отличался редким умом, трудолюбием и энергией. Он обладал и рядом других прекрасных качеств — был честен и неподкупен, умел влиять на людей и мастерски руководить ими, славя, к тому же, тонким психологом и знатоком человеческих сердец.

Вместо министра Государственных имуществ казнокрада и стяжателя М.Н.Муравьева, был поставлен его бывший товарищ по тому же министерству Александр Алексеевич Зеленой, обязанный этим назначением своему бывшему шефу. А министром финансов стал еще один ближайший сотрудник Константина Николаевича — чиновник особых поручений Морского министерства — Михаил Христофорович Рейтерн — будущий граф и председатель Комитета Министров. И, наконец, изменения в правительстве коснулись и главного поста в администрации империи — председателя Государственного Совета и Комитета Министров. Занимавший его князь Алексей Федорович Орлов — опора крепостников и ретроградов — умер вскоре после отмены рабства — 21 мая 1861 года. После недолгого перерыва первым чиновником России стал граф Дмитрий Николаевич Блудов — 76-летний сановник, прошедший сквозь огни, воды и медные трубы на крутой и высокой иерархической лестнице государственной службы. Он начал свою деятельность в первые годы царствования Александра I, поступив в Архив Министерства иностранных дел, и затем, перейдя на дипломатическую службу, сблизился со многими царедворцами самого высокого ранга. По протекции Н.М.Карамзина Блудов стал известен Николаю I и был назначен правителем канцелярии при Верховном уголовном суде над декабристами. Блудов составил угодное царю заключение и по-

сле того попал в разряд высших государственных чиновников, занимая последовательно должности товарища министра Народного просвещения, министра Внутренних дел, министра Юстиции и председателя Департамента законов Государственного Совета. Вот какую дорогу прошел граф Дмитрий Николаевич прежде чем стать во главе правительства России. Самым же существенным было то, что через всю свою жизнь пронес он раскаяние в грехе невольном своем перед декабристами и всю жизнь страдал из-за того, что служит в окружении людей, «которые ровно ничего не понимают и всего боятся, всего решительно! Глупость у них рождает трусость, а от трусости они еще более глупеют»¹⁸.

И хотя Блудову предстояло занимать свой последний пост всего три года — в 1864 году он умер — он успел завершить главное дело своей жизни — за полтора месяца до смерти утвердить «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», по которому впервые в России на местах возникала система органов местного самоуправления, земств, в значительной степени независимых от государственной власти.

Эти перемены произошли накануне важного юбилея — тысячелетия России, который было решено отмечать осенью 1862 года.

Почему тысячелетие России должно было отмечаться в 1862 году? Потому что в первой русской летописи «Повести временных лет», написанной знаменитым летописцем Нестором, первой датой является 852 год, когда, по мнению летописца, «начаясь прозывати Руска земля», а год 862-й это — год призвания новгородцами варяжского князя Рюрика, — основателя первой правящей династии — Рюриковичей, в родстве с которой была и династия Романовых. Потому-то и решено было отмечать Тысячелетие России в 1862 году.

Однако юбилейный год начался беспокойно. В Петербурге разбрасывались прокламации, призывавшие к топору и «красному петуху», а в мае в столице вспыхнули грандиозные пожары, охватившие сначала кварталы бедноты, а к концу месяца перекинувшиеся в центр. 28 мая дотла сгорели Апраксин и Шукин дворы с двумя тысячами лавок, здание Министерства внутренних дел, в подвалах которого хранились тысячи дел об освобождении крестьян. Огонь прорвался на Невский проспект, угрожая Гостиному двору и Публичной библиотеке.

Александр сам руководил борьбой с пожарами и присутствовал при их тушении; наконец, неистовство огня было сломлено. Созданная по приказу царя следственная комиссия не смогла обнаружить поджигателей, но собранные ею сведения отличались большим разбросом мнений — от лондонских

агентов Герцена и польских повстанцев — в это время в Польше вновь происходило сильное брожение — до помещиков-ретроградов, желавших реставрации крепостничества. Как бы то ни было, но ближайшим следствием пожаров стало ужесточение цензуры, закрытие воскресных школ, приостановление выпуска журналов «Современник» и «Русское Слово», а среди отданных под суд оказался и Николай Гаврилович Чернышевский, попытавшийся издавать «Современник» в Лондоне, идейно вдохновлявший создателей революционной организации «Земля и воля».

В то время, как в России происходили все эти события, в Варшаве 15 февраля 1861 года, за четыре дня до подписания документов об освобождении крестьян, начались уличные шествия и демонстрации, при разгоне которых русские войска открыли огонь и убили пять человек. Наместник в Царстве Польском князь М. Д. Горчаков решительно пресек дальнейшее кровопролитие, пойдя на уступки манифестантам, и желая во что бы то ни стало сохранить мир и спокойствие. Но события обострились и 27 марта произошло новое кровопролитие.

Вскоре после этого, 17 мая, князь Горчаков умер и в Варшаву прибыл Военный министр Н. О. Сухозанет, вступивший и в должность командующего 1-й армией, а 12 августа туда же приехал новый наместник генерал-адъютант граф К. К. Ламберт, к тому же католик по вероисповеданию. Меж тем Варшава продолжала бурлить — любой праздник, любая историческая дата — от воссоединения Литвы и Польши в 1413 году до именин Александра II — становилась поводом для демонстраций, траурных или торжественных богослужений, уличных шествий и митингов.

1 октября, в день памяти Тадеуша Костюшко, в ожидании новых беспорядков, Ламберт объявил всю Польшу на военном положении, запретив любые политические действия. Но и это не остановило поляков, и тогда Ламберт, потеряв остатки уверенности, попросился в отставку. На его место прибыл еще один генерал-адъютант, бывший главнокомандующий Крымской армией, а тогда одесский генерал-губернатор, граф А. Н. Лидерс. Он сумел навести порядок, но только внешний, — болезнь была не излечена, а лишь загнана внутрь. 15 июня 1862 года в Саксонском саду среди бела дня на Лидерса было совершено покушение: неизвестный выстрелил из пистолета и попал ему в челюсть, а сам сумел скрыться. Через полторы недели Наместником Польши был

назначен великий князь Константин Николаевич. Он приехал в Варшаву вместе с женой 20 июня и уже на следующий вечер, выходя из театра, получил пулю в плечо. Покушавшийся был схвачен. Он оказался портным, подмастерьем, фамилия его была Ярошинский. Вслед за тем последовали еще два покушения — оба неудачные — на маркиза Александра Велепольского, решительного проводника мирной, конструктивной политики сотрудничества с русскими, и вместе с тем несомненного польского патриота. Оба покушавшихся на него были тоже арестованы, и вместе с Ярошинским повешены на гласисе Варшавской цитадели*.

Однако и это не остановило движения, все лето проходили демонстрации, в костелах гремели революционные песни, а любое богослужение заканчивалось пением национального гимна и сбором пожертвований на революцию.

А в начале сентября Александр с семьей отправился в Новгород Великий, ставший центром юбилейных торжеств, ибо именно здесь тысячу лет назад появился легендарный Рюрик — первый, достоверно известный князь — правитель России. 7 сентября царская семья прибыла в Новгород на пароходе, пришедшем по Волхову. 8 сентября после торжественного молебна в Софийском соборе крестный ход прошел на площадь, где был воздвигнут памятник «Тысячелетие России», созданный по проекту художника Михаила Осиповича Микешина и еще скрытый от людских взоров полотняным чехлом. Александр был единственным, кто не шел в процессии, а ехал за нею верхом на коне, а уже за ним шла императрица, великие князья и княжны.

У памятника все, кто пришел, опустились на колени и слушали молитву митрополита Исидора, написанную престарелым Филаретом. Под гром пушек и колокольный звон завеса спала с памятника, и люди увидели десятки бронзовых фигур выдающихся исторических деятелей России, стоящих вокруг символа — царской державы. И как только завеса пала, Александр обнял стоявшего с ним рядом цесаревича, которому именно в этот день исполнилось 19 лет.

Затем торжества в течение полутора месяцев продолжались в Москве, после чего, незадолго перед новым 1863 годом, царь и его семья возвратились в Петербург.

Новый, 1863 год, начался вооруженными выступлениями в разных городах Польши. Поводом к беспорядкам послужил

рекрутский набор, при помощи которого власти хотели избавиться от молодых мужчин, замешанных в волнениях. В ночь с 10 на 11 января по всей Польше, кроме Варшавы, одновременно во множестве сел и городов вспыхнули восстания. Константин Николаевич немедленно объявил военное положение на территории всей Польши и вызвал на помощь 2-ю гренадерскую дивизию и несколько казачьих полков. Началась война между регулярной русской армией и множеством небольших разрозненных повстанческих отрядов, которые появились и за пределами Польши — в Литве, Белоруссии, Подолии. На пасху Александр издал Манифест, которым обещал амнистию всем сдавшим оружие и дальнейшее расширение местного самоуправления. Однако Центральный Комитет повстанцев отверг предложения царя и объявил себя Народным Правительством, требующим полной независимости Польши, Литвы и Руси, как нераздельных частей единого Польского государства*.

Желая подтвердить, что Россия стала совсем другой, и более надеется на мирное, цивилизованное развитие, Александр 17 апреля подписал указ об отмене телесных наказаний и в тюрьмах, и на каторге, и в армии, и во флоте. В западных губерниях правительство начало немедленный выкуп земель, чтобы погасить недовольство крестьян помещиками и лишить революционеров поддержки среди сельских жителей края. Однако это не привело к желаемым результатам и Александр встал на испытанный путь разрешения конфликтов — путь беспощадной войны и тотального подавления. Для этой роли им был выбран бывший министр Государственных имуществ, генерал-адъютант Михаил Николаевич Муравьев, назначенный генерал-губернатором Северо-Западного края.

Он стужит того, чтобы о нем рассказать подробнее. Старый дворянский клан Муравьевых был очень велик. Его корни уходили в XV век, и древо, от них происшедшее, дало обильные и очень разные плоды. Уже в этой книге упоминались офицеры-декабристы братья Муравьевы — Никита и Александр Михайловичи; Муравьевы-Апостолы дали трех декабристов — Матвея, Ипполита, и наиболее известного из всех, — Сергея Ивановича казненного Николаем; был еще и Артамон Захарович Муравьев — решительный революционер, даже предлагавший себя в цареубийцы, но накануне восстания переменявший взгляды на более умеренные, что сохранило ему жизнь, но стоило четырнадцати лет каторги и смерти на

* Под Русью понимались западнорусские земли, входившие некогда в Речь Посполитую, разделенную Россией, Австрией и Пруссией.

поселении в Сибири. Все эти Муравьевы были в родстве с Михаилом Николаевичем и, более того, некоторые из них имели на него сильное влияние. В 1816 году Михаил Николаевич вступил в декабристский «Союз Спасения», в 1818 — в «Союз Благоденствия», но через три года порвал связи с декабристами, и хотя в 1825 году был арестован, однако не только сумел оправдаться, но и получил чин статского советника и место вице-губернатора в Витебске, а в 1828 году стал губернатором в Могилеве. Такое внезапное возвышение М.Н. Муравьева связывали с тем, что он выдал многих своих родственников и товарищей, купив себе свободу и карьеру*.

Продвижению по службе способствовало и то, что в родстве с ним находились и Н.Н. Муравьев-Карский, и Н.Н. Муравьев-Амурский — оба генералы от инфантерии и члены Государственного Совета. Во время польского восстания 1830-1831 годов, Михаил Николаевич ушел в армию с чином генерал-майора и беспощадно расправлялся с повстанцами. После взятия Паскевичем Варшавы, он стал военным губернатором в Гродно. И там ему рассказали, что один из местных жителей спросил: «Наш новый губернатор родня ли моему бывшему знакомому, Сергею Муравьеву-Апостолу, который был повешен в 1826 году?» Муравьев ответил: «Скажите этому ляху, что я не из тех Муравьевых, которые были повешены, а из тех, которые вешают!» Попав тем самым в фавор к Николаю Павловичу, Муравьев достиг высших ступеней власти и в 1863 году стал генерал-губернатором Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями. Вот здесь-то его призвание «вешателя» проявилось в полной мере, ибо он был не только жесток, но и весьма энергичен. Ненавидевший его князь П.В. Долгоруков все же признавал, что «Муравьев по уму и образованию человек истинно замечательный. Познания его обширны, многосторонни и основательны, деятельность изумительна (здесь «деятельность» означает энергию в совершении дела); благодаря своему здоровью, столь же медвежьему, как и характер, он может работать по четырнадцать часов в сутки, но сколь высоко стоит он по уму и по образованию, столь низко стоит он по нравственным свойствам своим. Характер его составлен из двух стихий, двух стремлений алчных и ненасытимых: властолюбия и жадности к деньгам. Чувство личного достоинства, честь, совесть для него не существуют; все это для него пустые звуки: власть и деньги — вот его религия»¹⁹.

* М.Н. Муравьев был женат на П.В. Шереметевой, сестра которой была замужем за видным декабристом И.Д. Якушкиным, так что, и по этой линии наш герой был очень хорошо осведомлен о делах движения.

Между тем руководство восстанием постоянно переходило из одних рук — в другие. В феврале из Франции прибыл приглашенный на роль диктатора, Людвик Мерославский, активный участник революции 1830-1831 годов, написавший в эмиграции обширный военно-теоретический труд о ходе и причинах поражения этой революции, из-за чего стал признанным авторитетом в военном деле. Однако два первых сражения, которыми он командовал — 19 февраля под Кшивосонзом и 21 февраля под Новой Весью — окончились поражением войск Мерославского. Сам он был ранен и уехал за границу. Вторым диктатором стал Мариан Лангевич — с 10 по 19 марта — но он был арестован австрийцами при переходе границы. Затем руководителем стал Зигмунд Сераковский, бывший офицер русской армии, друг и последователь Н.Г. Чернышевского, близкий к Герцену и Гарибальди. 28 апреля он попал в плен и 15 июня был повешен. Наконец, осенью 1863 года главой восстания был назначен бывший полковник русских инженерных войск Ромуальд Трауггут. 27 января 1864 года он объявил о сборе «посполитого рушения» — всенародного ополчения. Однако весной Трауггут попал в плен и 5 августа был повешен. С его гибелью восстание пошло на убыль. Отдельные партизанские действия еще продолжались, но это была уже агония. В марте 1865 года был разбит последний отряд, а его командир — батрацкий сын, ставший сельским ксендзом — Бжозка, — тоже кончил жизнь на виселице. Так закончилось восстание в Польше, после которого тысячи повстанцев были сосланы в Сибирь, создав там новую этническую общность, весьма благотворно повлиявшую на развитие этого края.

НОВЕЛЛА СТО СОРОК ДЕВЯТАЯ

Смерть цесаревича Николая Александровича

Пока царские войска подавляли восстание в Польше и Литве, Александр продолжал внутренние преобразования в империи. 1 января 1864 года было обнародовано «Положение о земстве», затем последовал «Указ о преобразовании полиции».

Из-за восстания в Польше Александр не выезжал из пределов России, но весной 1864 года он вместе с Марней Александровной отправился на воды в Киссинген и Швальбах, где они и пробыли до конца июня.

В это же время в Европу отправился и цесаревич Николай Александрович, который перед тем, — в 1861-1863 годах, успел совершить два очень продолжительных путешествия.

крайне насыщенных и весьма полезных с познавательной точки зрения. После этого в июне 1864 года, как бы продолжая образовательную программу, цесаревич поехал за границу.

Один из сопровождавших его в этом путешествии, профессор Б.Н. Чичерин — известный историк, философ и правовед, — писал: «Мы путешествовали, как кружок друзей, разных возрастов, различных положений, но все соединенные общим чувством и общими стремлениями. Центром этого маленького мира был прелестный юноша с образованным умом, с горячим и любящим сердцем, веселый, приветливый, обходительный, принимающий во всем живое участие, распространяющий какое-то светлое и отрадное чувство». Со времен образовательных путешествий Александра I, Николая I и Александра II маршрут был примерно одинаков. Объехав Германию и Голландию, цесаревич направился в столицу Дании Копенгаген, и там, в замке Фреденсборг, встретил прелестную семнадцатилетнюю принцессу Дагмару — дочь датского короля Христиана IX и принял решение сделать ей предложение.

Принцесса Дагмара, — что по-датски означает: «Аврора — утренняя заря», — родилась в Копенгагене 14 ноября 1847 года.

До знакомства с цесаревичем Николаем Александровичем жизнь Дагмары проходила в религиозной и высоконравственной семье гвардейского офицера, женатого на племяннице бездетного короля Дании Фредерика VII — последнего короля из династии Ольденбургов.

15 ноября 1863 года Фредерик умер и престол перешел к отцу Дагмары — Христиану Глюксбургу — первому представителю новой династии на датском троне. Мать Дагмары — принцесса Луиза Гессенская, доставившая своим браком трон своему мужу, и ставшая королевой Луизой, имела трех сыновей и трех дочерей, сыгравших затем видную роль в династической истории Европы. Старший брат Дагмары в 1903 году наследовал от своего отца корону Дании и взошел на трон под именем Фредерика VIII. Принцесса Александра вышла замуж за принца Уэльского Эдуарда, а после того, как он стал королем Великобритании Эдуардом VII и императором Индии, эти же титулы стала носить и Александра. Второй брат Дагмары стал королем Греции под именем Георгиоса I, а младшая сестра — Тира — выйдя замуж за короля Ганновера, герцога Кумберлендского, добавила в фамильную копилку титулов датского королевского дома еще и эти два титула. Дагмара же стала императрицей России²⁰.

Однако это случилось позднее, а летом 1864 года дело дошло только до того, что Николай Александрович послал к своим родителям, находившимся в это время в Дармштадте, на родине императрицы Марии Александровны, одного из свитских офицеров, князя В.А.Барятинского. Царь и царица согласились на помолвку с Дагмарой и 20 сентября помолвка совершилась, вслед затем произошло и обручение и Дагмара стала невестой цесаревича, о чем жители Петербурга были извещены пушечным салютом в 101 выстрел. Невеста переехала из Дании в Дармштадт к своим новым родственникам и стала заниматься там Законом Божьим, готовясь к переходу в православие. А Николай Александрович уехал в Италию, а там начались у него сильнейшие боли в спине. Врачебный консилиум вынес решение, что это не более, чем острый приступ ревматизма и порекомендовал больному зиму провести в Ницце. Меж тем цесаревич уже не мог распрямиться и ходил, сильно сгорбившись, с каждым днем слабея все больше и больше. А в начале апреля дела пошли настолько плохо, что 4 апреля к нему выехал двадцатилетний великий князь Александр, а еще через два дня и сам император с восемнадцатилетним сыном Владимиром. По пути к ним присоединилась невеста цесаревича со своей матерью, но когда они приехали в Ниццу, цесаревич уже умирал. Великий князь Александр стоял у изголовья умирающего, но еще находящегося в полном сознании брата, когда в комнату вошла Дагмара. Она стала рядом с Александром и они вместе пробыли у его постели до самого момента смерти цесаревича. Однако, прежде чем это случилось, цесаревич, чувствуя, что никакой надежды на то, что он останется жив, нет, в один из последних дней своей жизни соединил их руки и взял обещание, что после того, как он умрет, они станут мужем и женой. И Александр и Дагмара заплакали, уверяя больного, что он непременно выздоровеет, но вскоре никаких надежд ни у кого не осталось: приехавшие в Ниццу мировые медицинские светила, и среди них и Н.И.Пирогов, поставили диагноз: туберкулезное воспаление спинного мозга. Это был смертный приговор. В ночь на 13 апреля 1865 года Николай Александрович умер.

В его изголовье стояли принцесса Дагмара и любимый брат — Александр. Горе утраты любимого жениха и брата очень сблизило их. Однако и они не знали тогда, да и не смели думать, что пройдет всего полтора года и они станут мужем и женой, и что двое из их сыновей — Николай и Михаил — будут последними императорами России....

А после того как Николай Александрович 28 мая был похоронен в Петропавловском соборе, его брат Александр был

провозглашен цесаревичем, и ему суждено было через 16 лет взойти на престол под именем Александра III.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТИДЕСЯТАЯ

Нимфы Александра Николаевича

Между тем семейные дела Александра II после 1860 года вступили в новую фазу. К этому времени прошло уже 19 лет со дня свадьбы с Марией Александровной, успевшей родить двух дочерей и шестерых сыновей, из которых только первая дочь — Александра — умерла на седьмом году жизни, а остальные впоследствии достигли, кто — совершеннолетия, кто — зрелости, а кто — и старости.

Последнего своего ребенка — Павла — императрица родила 21 сентября 1860 года, когда ей шел 37-й год и даже по стандартам нашего времени ее никак нельзя было назвать молодой матерью.

А вместе с тем у императрицы было не очень хорошее здоровье и многочисленные роды не шли ей на пользу. Кроме того, климат Северной Пальмиры был не чета климату ее родины — Южной Германии, и все это привело к тому, что Мария Александровна стала страдать астмой и сердечными приступами.

Нездоровье повело к охлаждению между нею и Александром, которому к этому времени было чуть больше сорока лет. Природа, как известно, не терпит пустоты, и сердечный вакуум был вскоре заполнен: по утверждению изучавшего «дон Жуанский список» Александра II историка Г.И. Чулкова, царь последовательно переменял полдюжины любовниц. Чулков называет Долгорукову I-ю (не следует путать ее с другой Долгоруковой — Екатериной Михайловной, о которой речь впереди), Замятнину, Лабунскую, Макову, Макарову и Ванду Кароцци. Сюда же вплетает Чулков какую-то мимолетную и совершенно скандальную историю с некоей гимназисткой — дочерью камер-лакея, — якобы случившуюся в Ливадии. Однако все эти увлечения, если они и были, не более, чем слухи и сплетни, за исключением истории с двадцатилетней красавицей княжной Александрой Сергеевной Долгоруковой (Долгоруковой I-й). Княжна обладала сильным характером и четким, мужским умом. Однако через непродолжительное время император охладел и к ней. Дав ей понять, что возврат к прежним отношениям невозможен, Александр способствовал скорому замужеству Александры Сергеевны. Мужем бывшей фаворитки стал генерал Альбединский, вскоре после свадьбы отправленный генерал-губернатором в Варшаву.

Став мадам Альбединской, бывшая мадмуазель Долгорукова навсегда ушла из жизни императора, и он едва ли рассчитывал услышать ее девичью фамилию.

Однако судьбе было угодно распорядиться иначе.

Ранней весной 1865 года сорокасемилетний император прогуливался в Летнем саду. Вдруг он заметил прелестную девушку — грациозную, модно одетую, с румянцем во всю щеку, с большими лучистыми глазами. Он узнал ее. Это была дальняя родственница Александры Долгоруковой — теперь Альбединской — восемнадцатилетняя княжна Катенька Долгорукова, всего лишь год назад окончившая Смольный институт.

Александр знал ее давно. Летом 1857 года, оказавшись на больших маневрах под Полтавой, он останавливался в имении ее отца — князя Михаила Михайловича Долгорукова и тогда-то впервые увидел девятилетнюю Катеньку. Девочка поразила его ласковостью, непосредственностью и грацией, и царь запомнил ее. Через несколько лет Долгоруковы разорились. Из-за непрактичности и широкого образа жизни, их усадьба была несколько раз описана кредиторами, и, только продав фамильные бриллианты и золото, княгиня Вера Долгорукова смогла уплатить проценты и спасти Тепловку от публичных торгов с молотка. Подкосила их и реформа 1861 года, а еще более — неожиданный пожар, погубивший большой и богатый дом. После этого княгиня Вера написала Александру о всех постигших их несчастьях, и царь велел определить четверых мальчиков в петербургские кадетские корпуса, а Катеньку и Машеньку — в Смольный. Кроме того, Александр остановил «экзекуцию» банков и тем спас семью от окончательного разорения. Однако переживания последних лет настолько подорвали здоровье князя Долгорукова, что он вскоре умер, а его вдова переехала в Петербург, и, сняв скромную маленькую квартиру, жила от воскресенья до воскресенья, когда к ней могли прибегать сыновья. Иногда навещала она дочерей, прилежно учившихся и мечтавших попасть при выпуске на мраморную доску первых в своих классах. Самой большой радостью для девочек были посещения родителей и «царские дни», когда в Смольный приезжал царь и визит его сопровождался роскошным обедом и многочисленными подарками.

Александр приехал в Смольный в Вербное воскресенье 1865 года и ему были представлены все преподаватели, наставницы и воспитанницы старших классов. Среди последних были и сестры Долгоруковы, которых он сразу же узнал. Сест-

ры Долгоруковы с самого начала оказались в числе наиболее красивых воспитанниц, хотя были непохожи друг на друга — Катенька была шатенкой с лицом цвета слоновой кости. Машенька — яркой блондинкой с лилейным цветом кожи и привлекательной соразмерной полнотой. Увидев восемнадцатилетнюю Катю, Александр влюбился в нее, как это банально не звучало бы, с первого взгляда. Александр доверил эту свою тайну фрейлине Вареньке Шебеко и стал посылать с нею сестрам Долгоруковым сладости и фрукты. Его выбор посредницы объяснялся тем, что Шебеко и раньше выполняла некоторые деликатные его поручения, и тем, что начальница Смольного института мадам Леонтьева, была родственницей Шебеко. Леонтьева, конечно же, догадывалась о происходящем, но не только не препятствовала, но и всячески способствовала зарождению и развитию романа.

Вскоре после визита Александра, Катенька простудилась и ее положили в смольнинскую больницу, в маленькую отдельную палату. Шебеко провела царя к больной — Александр, конечно же, сохранял инкогнито — и тогда визитер и больная впервые остались наедине. Как ни была Катя наивна, а все же догадалась, что она очень нравится императору. И после его ухода и верила и не верила произошедшему, и не знала, что делать.

А Вера Шебеко поехала к матери Кати и Маши, нашла ей приличную квартиру, оплатила ее и еще дала денег княжне, сказав, что эта помощь исходит от царя, но одновременно попросила сохранить все это в тайне, чтобы в городе не возникло никаких кривотолков. Шебеко даже сказала, что это — семейное счастье Вишневских, подчеркивая, что в девичестве княгиня Вера носила эту фамилию, и именно ее прапрадед был тем самым полковником Вишневским, который привез в Петербург пастушка Алешу Розума, ставшего фаворитом, а потом и мужем императрицы Елизаветы Петровны — графом Алексеем Григорьевичем Разумовским. Едва ли княгиня Долгорукова усмотрела в последней фразе намек на Катю, но она не могла не понять, что ее дочь очень нравится императору. Что же касается Кати, то она представляла собою истинную, эталонную смольнянку, чьим идеалом всегда была пушкинская Татьяна, и она оставалась чистой, целомудренной, неприступной, этим еще более разжигая страсть Александра, не устававшего твердить ей о пламенной и нежной любви.

А Шебеко смотрела далеко вперед и рассчитала, что царь тем быстрее добьется успеха, чем раньше Катя оставит Смольный. Чтобы устроить это, ловкая фрейлина стала все чаще пугать Катю необычайной сложностью предстоящих выпускных

экзаменов и советовала подать заявление о выпуске из Института без экзаменов в связи со слабым здоровьем. Леонтьева, конечно же, пошла навстречу и разрешила ей оставить Смольный. После этого Катя перебралась к матери, чем сильно обрадовала Александра, который теперь надеялся на содействие княгини Долгоруковой в благоприятном для него развитии романа. Однако посещения царем Кати в квартире ее матери тоже были не очень для него приемлемы, тем более, что отношения между Александром и его возлюбленной по-прежнему оставались совершенно платоническими и делать из квартиры «гнездышко любви» было еще рано. Царь решил назначить местом встреч Летний сад, где Александр любил отдыхать после приемов и докладов, а Вера Шебеко обещала будто бы невзначай привести туда Катю.

Так в первый раз после выхода из Смольного Александр встретил княжну в Летнем саду. Царь был великий ценитель красоты, подлинный эстет и для него не было безразличным место свиданий. В то время Летний сад представлял собою одно из самых прелестных мест Петербурга. Там были высажены диковинные декоративные деревья из царских оранжерей, раритеты России и Европы. Наступил конец весны и вокруг цвела сирень, жасмин и жимолость, благоухали тюльпаны, нарциссы и гиацинты. По обеим сторонам одной из аллей цвели розы, другую аллею обрамляли левкой. В фонтане плавали золотые рыбки, а между деревьями белели античные мраморные статуи, создавая атмосферу изысканности и классической красоты. Застенчивая и невинная молодая красавица была здесь подобна юной весталке — жрице языческой богини Весты, обреченной на целомудрие. Она была и столь же, как весталки, невозмутима и совершенно спокойна, что сбивало с толку ничего не понимающего Александра, перед которым почти все терялись, волновались, заискивали и искали протекции. И это ее спокойствие еще больше раздувало в нем огонь страсти. Наконец, благодаря настойчивым разъяснениям Шебеко и матери, Катя поняла, что она должна хоть немного пойти навстречу царю и дать ему хотя бы маленькую надежду на то, что все со временем переменится.

А между тем постоянные посетители Летнего Сада заметили статного и красивого пожилого сановника, в одно и то же время гулявшего с хорошенькой молоденькой барышней. И чтобы не искушать судьбу, Варвара Шебеко предложила перенести свидания на острова — Елагинский, Крестовский, или Каменный, — где их еще ни разу не видели. Так они и сделали, и продолжали встречаться до самого конца 1865 года, а после того и всю зиму 1866-го. За последнее время Катя при-

выкла к императору, но ее страшно смушало то, что Александр Николаевич был ко всему прочему на тридцать лет старше ее, и это тоже сильно мешало восемнадцатилетней княжне чувствовать себя естественно. Потому-то и находилась она в сильном смятении вот уже несколько месяцев и вела себя очень скованно и смущенно, соглашаясь лишь на невинные прогулки. Однако раз от разу ей становилось все легче и Александр чувствовал это и радовался, что лед скованности быстро тает.

Оставаясь одна, Катенька все чаще вспоминала Александра, сорокасемилетнего императора, о котором в том самом 1865 году французский поэт Теофиль Готье оставил такое описание: «Волосы государя были коротко острижены и хорошо обрамляли высокий и красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными скульптором. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому тону лица, обветренного во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определены, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица, величественно-спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой».

И все же княжна не сразу полюбила его. Это случилось после того, как однажды при встрече царь показался ей несчастным и нуждающимся в ее поддержке, в ее жалости и сострадании.

Именно эти чувства поначалу определили перемену в ее отношении к Александру, и, почувствовав, что она необходима этому человеку, именно человеку, а не царю, Екатерина Михайловна совсем по-другому взглянула и на самое себя, ощутив, что она не вчерашняя инфантильная смольнянка, а женщина, готовая к состраданию и самоотверженности.

А в это же самое время, еще раз напоминая царю о том, что жизнь преходяща, 20 июня 1865 года, в Большой церкви и в Георгиевском зале Зимнего дворца, второй сын императора, двадцатилетний Александр Александрович был объявлен наследником престола.

14 августа царь повез нового цесаревича в Москву, чтобы представить его в этом качестве москвичам, которые с большим радушием приняли и царя и его сына.

А тем временем реформы набирали силу и шли вперед. Освобождение крестьян, правда, еще встречало сопротивление на местах, но дело состояло лишь в пассивном сопротивлении помещиков и чиновников, тормозивших ход реформы.

И все же реформа достигла и самых дальних окраин и национальных регионов, где были и свои дополнительные трудности, но и они постепенно преодолевались. В губерниях стали возникать земские собрания и управы, бравшие в свои руки дела народного просвещения и здравоохранения, строительство дорог, землеустройство и многое другое — первым в октябре 1865 года открылось собрание в Самаре, затем в Москве. Коренному преобразованию была подвергнута судебная система, опирающаяся на новые судебные уставы, предусматривавшие независимость судей, гласность, состязательность суда, то есть равные возможности сторон при рассмотрении дела, чему способствовали новые судебные институты — адвокатура и суд присяжных. В это же время под руководством Д.А. Милютина началось и осуществление военных реформ, на первом этапе коснувшихся местного военного управления, когда было создано 15 военных округов во главе с командующими, что свидетельствовало о децентрализации военного руководства.

Главным направлением всех реформ было стремление к демократизации общества и приближение России к европейским социально-политическим стандартам. Однако реформам этим с самого начала грозила как правая чиновничье-помещичья, ретроградная, крепостническая оппозиция, так и левая радикальная, спектр которой был достаточно широк — от либеральных публицистов до откровенных террористов-цареубийц, которые вскоре и заявили о своем существовании.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Первое покушение

4 апреля 1866 года, в четвертом часу дня, император Александр прогуливался в Летнем саду. Окончив променад, он вышел за ворота, где стояла его коляска, и только собрался сесть, как вдруг возле него появился молодой мужчина и направил пистолет прямо в грудь государя. Едва неизвестный выхватил револьвер, один из стоявших возле него зевак сделал резкое движение рукой. Потом утверждали, что он ударил стрелявшего по руке.

Жандармы и некоторые из очевидцев случившегося бросились на стрелявшего и повалили его. «Ребята! Я за вас стрелял!» — кричал террорист.

Александр приказал отвести его к экипажу и спросил:

— Ты поляк?

— Русский, — ответил террорист.

— Почему же ты стрелял в меня? — удивился царь.

— Ты обманул народ: обещал ему землю да не дал.

— Отвезите его в Третье отделение, — сказал Александр, и стрелявшего вместе с тем, кто вроде бы помешал ему попасть в царя, повезли к жандармам.

Стрелявший назвал себя крестьянином Алексеем Петровым, а другой задержанный — Осипом Комиссаровым, петербургским картузником, происходившим из крестьян Костромской губернии. Случилось так, что среди благородных свидетелей оказался герой Севастополя, генерал Э.И. Тотлебен и он заявил, что отчетливо видел, как Комиссаров подтолкнул террориста и тем спас жизнь государя.

Александр с места покушения отправился в Казанский собор, где горячо поблагодарил Бога за свое чудесное спасение. А вокруг Зимнего дворца собралась ликующая толпа, встретившая его криками «Ура!» и не расходившаяся до полуночи. Вечером во всех церквях прошли благодарственные молебны, а во дворце собрались члены Государственного Совета, сенаторы, министры и генералы, тоже кричавшие «Ура!» и непрерывно поздравлявшие Александра с чудесным избавлением от смерти.

Как сообщила вскоре офицерская газета «Русский инвалид», 4 апреля вечером, накануне спектакля, зрители потребовали исполнить гимн, и оркестр исполнял его трижды, а публика махала платками и шляпами и кричала «Ура!»

В середине спектакля вдруг все взоры обратились на купца, сидевшего у амфитеатра, который, по слухам, был очевидцем случившегося у Летнего сада.

В антракте зрители окружили очевидца покушения и попросили его рассказать о том, что он видел.

Купец, встав в партере, перед первым рядом, стал рассказывать, и у рампы тут же собрались и актеры в сценических костюмах и в гриме, и бутафоры, и плотники, а когда рассказ был окончен, то весь театр запел гимн «Боже, Царя храни!»

И такие же демонстрации произошли в это же самое время во всех других театрах Петербурга и повсюду, где служились молебны, или происходили собрания. Тем более радостно и торжественно отмечали «чудесное избавление Государя» в Зимнем дворце, где при огромном стечении народа Александр обнимал и целовал своего «спасителя», а затем возвел Иосифа Ивановича Комиссарова-Костромского в потомственные дворяне.

Из уст в уста передавали, что Осип Иванович родился в селе Молвитино, в Костромской губернии, в 42 верстах от знаменитого села Домнина, — родины Ивана Сусанина. И.

конечно же, тут же стали называть нового «спасителя» — вторым Иваном Сусаниным.

Не менее торжественно и бурно отметили «подвиг» Комиссарова в Москве. В его честь в Английском клубе был устроен грандиозный банкет, сам он избран почетным членом, а московское дворянство поднесло Осипу Ивановичу золотую шпагу.

Ревность дворянства, воистину, не знала границ: в честь Комиссарова была объявлена подписка на сбор средств, чтобы купить для него имение. Дворяне быстро собрали деньги и купили Осипу Ивановичу и дом и усадьбу. Да только оказавшись помещиком и богачом, бывший картузник запил и в пьяном виде повесился.

Потом, после того, как это случилось, в России стали говорить, что два удавленника — Каракозов и Комиссаров — один повешенный палачом, а другой, повесившийся собственноручно, стали как бы символами судьбы, ожидавшей Россию: одни шли на собственную смерть, считая убийство единственным средством спасения страны, другие кончали собой, спиваясь, сходя с ума, не видя никакого выхода из того, что происходило вокруг. И все же едва ли правомерно было считать Комиссарова таким символом.

А доставленный в Третье отделение террорист лишь на шестые сутки сознался, что вовсе он ни какой не крестьянин Петров, а саратовский дворянин Дмитрий Васильевич Каракозов. Следствие по его делу было поручено особой Комиссии во главе с М. Н. Муравьевым и тот вскоре дознался, что за Каракозовым стоит революционная организация — Московский кружок, возглавляемый его двоюродным братом Н. А. Ишутиным, вольнослушателем университета, установившим связи с разрозненными подпольными кружками разгромленной революционной организации «Земля и воля», вдохновителем и устройтелем которой был Чернышевский, а заграничными помощниками и единомышленниками — Герцен и анархист М. А. Бакунин. Кружок Ишутина состоял из учащихся и студентов, готовившихся к насильственному перевороту и активно пропагандировавших социалистические учения.

Уже 8 апреля Ишутин и многие другие члены организации были арестованы. Во время суда выяснилось, что кружок состоял из двух частей — «Организации» и «Ада». Большинство состояло в «Организации» и о существовании «Ада» не знало. А в «Аду» состояли немногие, особо доверенные, глубоко законспирированные боевики — террористы. Именно они и готовились к цареубийству, которое и попытался осуществить Кара-

козов, которого попеременно преследовали мысли то о самоубийстве, то о цареубийстве.

Попав в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, он производил на всех его видевших и общавшихся с ним — следователей, жандармов, солдат, врачей, священника, отца Полисадова, много дней пытавшегося добиться от узника раскаяния и примирения, — впечатление человека, находящегося на грани сумасшествия.

Это потом подтверждали и врачи, когда их спрашивал о том комендант Петропавловской крепости генерал Черевин.

По делу Каракозова суду было предано 36 человек, хотя арестовали 197. Однако и предварительное следствие и судебное разбирательство были объективны и потому 160 человек освободили сразу же.

Суд приговорил только двоих — Каракозова и Ишутина — к смертной казни. Остальные же попали на каторгу и в ссылку. 3 сентября на Смоленском поле, на Васильевском острове, была поставлена виселица и Каракозов взошел на эшафот. 4 октября сюда же, под виселицу, был доставлен и Ишутин, однако в последний момент смертная казнь Ишутину была заменена пожизненной каторгой. До мая 1868 года Ишутин находился в Шлиссельбурге, а потом был выслан на Кару, где и умер через одиннадцать лет с признаками явного помешательства.

По делу ишутинцев правительство сделало выводы и в первых закрыло «Современник» и «Русское Слово», где публиковались произведения Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Успенского, Писарева, Шелгунова и других радикалов и прогрессистов. Был уволен с поста министра Народного просвещения либерал А. В. Головин, а на его место был назначен обер-прокурор Святейшего Синода, граф Д. А. Толстой — впоследствии министр внутренних дел. Петербургским генерал-губернатором вместо А. А. Суворова был назначен ревностный сподвижник М. Н. Муравьева в Польше, генерал Трепов, а шефом жандармов стал молодой и энергичный генерал-майор свиты граф Петр Андреевич Шувалов, вскоре прозванный «Петром IV» из-за необъятной власти, которую он получил. Правительство усматривало корни случившегося в событиях, произошедших за четыре года перед тем, когда сидевший в предварительном заключении бывший студент Петр Заичневский, написал прокламацию «Молодая Россия». Он призывал в ней к свержению монархии, к уничтожению всей царской семьи и тех, кого он называл «императорской партией». «Императорская партия! Думаете ли вы остановить этим революцию, думаете ли запугать ре-

волюционную партию? или до сих пор вы не поняли, что все ссылки, аресты, расстреливания, засечения насмерть мужиков ведут к собственному же вашему вреду, усиливают ненависть к вам и заставляют все теснее и теснее смыкаться революционную партию, что за всякого члена, выхваченного вами из ее среды, ответите вы своими головами? Мы предупреждаем и ставим на вид это только вам, члены императорской партии, и ни слова не говорим о Романовых — с теми расчет другой! Своею кровью они заплатят за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых».

Прокламация «Молодая Россия» появилась весной 1862 года, а вскоре после этого в Петербурге запылали пожары, и как было не связать одно с другим? И подобно тому, как не удалось отыскать поджигателей, не нашли и автора прокламации. — и как было не поверить в то, что революционная партия существует, но спряталась так глубоко и так хитроумно, что простым смертным ее ни за что не отыскать?

А в нужный для нее момент она вдруг появится там, где ее не ожидали и нанесет решительный удар. И вот, один из них и появился 4 апреля 1866 года, в четвертом часу дня, и выстрелил в государя. Злодей хотя и был казнен, но многие его единомышленники остались на воле и творили дальше свое адское дело. А император продолжал реформы, хотя многим казалось, что возвращаются времена Николая Незабвенного.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Павильон «Бабигон»

Вот в этих-то самых обстоятельствах — чудесном избавлении от смерти, необходимости казнить двадцатипятилетнего Каракозова, растерянности от того, что в ответ на все его благодеяния, он получает пулю. — Катенька Долгорукова и пошла навстречу мольбе Александра подарить ему свою любовь.

Однако не только у Александра произошли в это время экстраординарные обстоятельства. Кате тоже выпало на долю страшное потрясение — весной этого же, 1866 года, тяжелого для них обоих, — у Кати умерла мать. И она осталась бы в горе своем одна, если бы не та же незаменимая Вера Шебеко, которую девушка звала «тетя Вава». Она не дала Кате почувствовать одиночество и тотчас же переехала в опустевшую квартиру княгини Долгоруковой, поддержав сироту в самые трудные для нее часы и дни. Здесь они сблизились еще более и тетя Вава стала «вторым я» Катеньки Долгоруковой. Чаще всего

говорили они о государе, о его любви к Катеньке, о его ни с чем не сравнимом терпении и благородстве. И мало-помалу Катенька поверила, что она и Александр созданы друг для друга и что ее долг полюбить его и помочь ему.

1-го июля в царской семье каждый год праздновалась годовщина свадьбы Николая I с императрицей Александрой Федоровной.

Хотя Николай умер уже одиннадцать лет назад, но вдовствующая императрица мать продолжала отмечать эту дату. Причем отмечали ее не в узком семейном кругу, а устраивая большое народное гулянье с угощением многих тысяч «гостей». Традиционным центром таких празднеств был Петергоф, куда сходились и съезжались все, кому этого хотелось — от первых сановников Империи до последних бедняков — горожан или поселян — все равно.

В трех верстах от главного Петергофского дворца находился павильон «Бабигон», где останавливались царские гости. «Бабигон» стоял в конце большого петергофского парка, неподалеку от дороги, ведущей в Царское Село. Окруженный кустарниками и цветами, уединенный и тихий, павильон «Бабигон» и стал хранителем тайны первого любовного свидания царя и Кати.

Катю привезла сюда тетя Вава и осталась с нею вместе ночевать. В бельэтаже «Бабигона» было несколько прекрасно меблированных комнат с ванными, туалетами, горячей и холодной водой. Уложив Катю в одной из комнат, Шебеко устроилась в соседней.

После того, как погасли огни праздничного фейерверка, в «Бабигон» пришел Александр и остался у Кати.

Впоследствии княгиня Долгорукова говорила, что во время этой встречи она была близка к обмороку, и что совсем уж неожиданно для нее почти в таком же состоянии трепета и восторга был и ее возлюбленный. Расставаясь с нею, царь сказал: «Я не свободен сейчас, но при первой же возможности я женюсь на тебе, ибо отныне и навеки я перед Богом считаю тебя своею женой. До завтра! Храни и благослови тебя Бог!»

С этого дня княжна стала чуть ли не каждый день приходить в «Бабигон». А когда наступила осень и пошли затяжные дожди, двор вернулся в Петербург. Но и там Долгорукова не реже, чем через день продолжала навещать царя. Местом их свиданий стал Зимний дворец. Александр приспособил для встреч с нею кабинет своего покойного отца — Николая I, — расположенный в первом этаже и имеющий отдельный вход прямо с площади. Кабинет был невелик: мебель, картины, портьеры — все в нем оставалось прежним, — только теперь

сюда никто не входил, и некоторое время никто ничего не подозревал, ибо другой вход в кабинет был потайным и о нем знал только царь, так как он соединялся с апартаментами Александра, расположенными на втором этаже. Однако воистину, нет ничего тайного, что не стало бы явным. И об этой связи скоро узнали. Принятая при дворе, жена старшего брата Долгоруковой князя Михаила Михайловича, одной из первых узнала о слухах, в которых ее обвиняли в сводничестве меж ее золовкой и императором, и для того чтобы все случившееся не переросло в скандал, решила отправиться вместе с Катей в Неаполь, к своим родственникам.

Старший брат Кати был женат на очаровательной неаполитанке маркизе Луизе Вулкано де Черчемаджиоре, которая дружила со своей золовкой, была ей верна, но знала о ее делах далеко не все.

Александр, посвященный Катей в этот план, одобрил его и две прекрасные заговорщицы, получив необходимые средства от царя, вскоре уехали. Но чувства Александра оказались столь сильны, что он не мог провести ни единого дня, чтобы не написать своей возлюбленной хотя бы коротенького письма. Любовь эта оказалась не каким-то мимолетным чувством, которые были знакомы Александру прежде, а ни с чем не сравнимой страстью, буквально, сводящей его с ума. И потому, оставаясь в Петербурге, он ни о чем другом не мог думать, кроме как о свидании с нею, свидании во что бы то ни стало.

Однако с их отъездом не все успокоилось. А причиной беспокойства оказалась все та же неугомонная тетья Вава, не представлявшая свою жизнь без интриги.

Как только Луиза и Катя уехали, Шебеко взяла под свое покровительство младшую сестру Кати — Марию, носившую и в семье, и в Смольном, прозвище «Муш». Девушка, оставшись после смерти матери круглой сиротой, в том же 1866 году была вынуждена уйти из института и, буквально, оказалась на улице без жилья и средств. Она пришла в дом к одному из своих братьев — Василию Долгорукову, женатому на сестре Варвары Шебеко. Муш было 18 лет и она была красивой, веселой и остроумной девушкой, во многом превосходя свою старшую сестру. Шебеко, увидев Муш, тотчас же подпала под ее совершенно неотразимое очарование и у нее тут же возник воистину inferнальный замысел свести Марию с царем. Она знала, что он одинок и, по-прежнему, как ей казалось, влюбчив.

Сын Марии Долгоруковой, вышедшей впоследствии замуж за Георгия Берга, оставил записки, в которых рассказывал о том, что слышал от своей матери. В этих записках граф

Борис Берг писал: «Вава должна была родиться при дворе Борджиев, где она нашла бы подходящую для себя атмосферу. Вава, зная, что Катя будет отсутствовать почти все лето, скроила дьявольский план».

Вава привезла Муш в «Бабигон» и отвела сестру Кати к Александру, а сама стала ждать, когда девушка выйдет от императора. Прошло немало времени, прежде чем заплаканная и взволнованная Муш вышла из комнаты царя.

Интриганка уже торжествовала, как вдруг ее постигло глубокое и неожиданное разочарование. Оказалось, что Александр долго и подробно расспрашивал девушку о ее жизни и планах, а потом внимательно и сочувственно слушал рассказ о бедствиях и нищете, обрушившихся на нее, о смерти матери и равнодушии родственников. В конце рассказа Муш, расчувствовавшись, заплакала и увидела слезы в глазах Александра. Вслед затем царь встал, и, достав из письменного стола кошелек с золотыми монетами, попросил Муш взять их себе, сказав: «Я был у вас в Тепловке и был знаком с вашими родителями. Царство им Небесное. Я позволяю себе в их память вам эту помощь. Простите мне, милая барышня, что я временно упустил вас из виду. Вы будете и в будущем получать мою стипендию. Когда вам будет необходимо, вы всегда можете обращаться ко мне». Затем Александр отечески обнял ее и, поцеловав в лоб, сердечно распрощался.

Потрясенная рассказом Варвара Шебеко, впервые в жизни поверила в настоящую и чистую любовь, верность и преданность, с несомненностью убедившись, что для Александра не существуют более никакие другие женщины, кроме его единственной возлюбленной Катеньки Долгоруковой.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Сватовство и обручение цесаревича Александра Александровича

В то время, когда происходили все эти события, цесаревич Александр Александрович решил жениться и остановил свой выбор на Дагмаре, которая вот уже более года безраздельно владела его сердцем. Однако из-за того, что Александр был скромн и сильно застенчив, он не говорил Дагмаре о своих чувствах, хотя догадывался, что бывшая невеста покойного брата, кажется, неравнодушна к нему.

Летом 1866 года новый цесаревич уехал путешествовать в Европу с намерением заехать и в Копенгаген и там еще раз проверить свои чувства к Минни, как звали Дагмару в узком семейном кругу Романовых.

И когда увидел ее снова, решимость объясниться с Дагмарой, стала непреодолимой. И все же он не решался сделать последний шаг, не зная, как отнесется к этому датская принцесса.

Сначала цесаревич решил посоветоваться с отцом: «Я чувствую, что могу, и даже очень, полюбить милую Минни тем более, что она так нам дорога. Дай Бог, чтобы все устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на все это милая Минни; я не знаю ее чувства ко мне и это меня очень мучает. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе. Я молюсь усердно Богу, чтобы Он благословил меня и устроил мое счастье»²¹.

Наконец, 11 июня он решился сделать предложение, о чем в тот же день писал отцу следующее: «Я уже собирался несколько раз говорить с нею, но все не решался, хотя и были несколько раз вдвоем. Когда мы рассматривали фотографические альбомы вдвоем, мои мысли были совсем не на карточках: я только и думал как бы приступить с моею просьбою. Наконец, я решился и даже не успел всего сказать, что хотел. Минни бросилась ко мне на шею и заплакала. Я, конечно, не мог также удержаться от слез. Я ей сказал, что милый наш Никса много молится за нас, конечно, в эту минуту радуется с нами. Слезы у меня так и текли. Я ее спросил, может ли она любить еще кого-нибудь, кроме милого Никса. Она отвечала мне, что никого, кроме его брата, и снова мы крепко обнялись. Много говорили и вспоминали о Никсе, о последних днях его жизни в Ницце и его кончине. Потом пришла королева, король и братья, все обнимали нас и поздравляли. У всех были слезы на глазах»²².

17 июня 1866 года цесаревич был помолвлен в Копенгагене, а через три месяца нареченная невеста прибыл в Кронштадт, где ее встретили император, императрица и другие члены семьи. Из Кронштадта все они поехали в Царское Село, а 17 сентября 1866 года в день Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи в чудесный, ясный и по-летнему теплый день въехали в Петербург. Весь Невский проспект был заполнен бесконечной вереницей золоченых придворных карет, многочисленной свитой, следовавшей верхом за каретой невесты, в которой рядом с нею сидела и императрица-мать, гвардейскими полками, стоящими шпалерами вдоль проспекта. Дома были украшены цветами, коврами и русскими и датскими флагами.

Возле Казанского собора кортеж остановился и члены царской фамилии взойшли на ступени храма, где их встретил митрополит Исидор и причт, окруженный клиром, сверкаю-

шим парадным облачением. После молебна молодые поехали в Зимний дворец и, следуя туда, принцесса непрерывно кланялась на обе стороны, прижимая руки к сердцу.

Толпы народа стояли возле Зимнего дворца, приветствуя невесту цесаревича, и потому Дагмара много раз выходила на балкон, чтобы поклонами благодарить своих новых подданных.

А вечером цесаревич, Дагмара и императрица Мария Александровна проехали по главным улицам Петербурга, встречаемые радостными, восторженными кликами.

13 октября состоялся обряд обручения, миропомазания и наречение новым именем — великой княжной Марией Федоровной, — а еще через полмесяца был издан Манифест о вступлении в брак Александра Александровича и Марии Федоровны, и в честь их бракосочетания была объявлена амнистия, а с неисправных должников были сложены недоимки и изыскания.

Датской принцессе было непросто занять подобающее ей место в российской императорской семье и при петербургском дворе, но она успешно справилась с этим, вызвав, правда, неудовольствие партии великого князя Константина Николаевича и откровенную радость их политических противников.

«Цесаревна Мария Федоровна, — писал князь П. В. Долгоруков, — хотя и не красавица в полном смысле слова, но женщина необыкновенно приятная лицом, взглядом, обхождением, разговором, женщина очень умная, но властолюбивая и совершенно преданная понятиям ретроградным.»²³ Долгоруков объяснял эту реакционность Марии Федоровны, полученным ею воспитанием и ее природными корнями. «Отец ее, — продолжал Долгоруков, — Датский король, преисполнен аристократической спеси, ненависти к либерализму и к современным идеям, а мать, родом из Гессен-Кассельского рода, который разбогател в XVIII веке продавая своих подданных в английскую армию: за солдата, который возвращался увечным, платилось столько-то процентов прибавки, а за солдата убитого, или умершего платилась еще большая прибавка.»²⁴

Разумеется, что Мария Федоровна и при дворе своего свекра опиралась на тех царедворцев, которые были близки ей по духу и взглядам. И первым из них оказался шеф жандармов и начальник Третьего отделения, граф Петр Андреевич Шувалов, а вторым — его двоюродный дядя — гофмаршал двора цесаревича — Владимир Яковлевич Скарятин — сын Якова Федоровича Скарятина — одного из убийц императора Павла.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Второе покушение

16 мая 1867 года император с двумя своими сыновьями — Александром и Владимиром, — и с большой свитой выехал в Париж на Всемирную выставку и 20 мая прибыл в столицу Франции. Их встречал Наполеон III, поселивший высоких гостей в Елисейском дворце, в тех же апартаментах, которые в 1814 и 1815 годах занимал Александр I. Каждый день пребывания императора и великих князей в Париже ознаменовывался пышными и блестящими торжествами и празднествами: обед и бал в Тюильри сменился парадным спектаклем в Опере, а затем последовало и посещение Выставки. Однако официальный протокол не отражал всего разнообразия мероприятий, к которым приобщился в Париже Александр II. Не знали об этом приставленные к царю французские агенты и даже шеф Третьего отделения граф Орлов, сопровождавший царя. А дело было в том, что Александр собрался в Париж не только потому, что ему хотелось увидеть великий город, двор Наполеона III и Всемирную выставку, но и потому, что там в это время ждала его Катенька Долгорукова. В первый же день приезда Александр отправился в Комическую Оперу, но уехал со спектакля, заявив, что он скучен. Вернувшись в Елисейский дворец, царь около полуночи постучал в двери апартаментов графа Адлерберга и попросил у него денег.

— Сколько вам нужно? — спросил удивленный граф.

— Даже не знаю, может быть, сотню тысяч франков?

Адлерберг дал Александру сто тысяч, и как только царь вышел, министр двора тут же сообщил находившемуся в том же дворце шефу жандармов Шувалову, что Александр ушел, как он сказал, на прогулку и просил его не сопровождать.

Шувалов не забеспокоился, потому что по инструкции за царем должны были следовать русские агенты, куда бы он ни пошел, без всякого дополнительного распоряжения. Однако время шло, а Александра не было. Он вернулся во дворец в три часа ночи. А утром агенты доложили, что царь взял наемный фиакр и поехал на улицу Рампар, в дом, где остановились, как выяснили агенты, две знатные дамы — иностранки: одна из них была Китти Долгорукова, вторая — жена ее брата Михаила, — до замужества итальянская графиня Вулкано.

А 25 мая в честь Александра на Лоншанском поле был устроен смотр войск. После смотра, Александр, Наполеон III и свиты обоих императоров неспешно и торжественно ехали к городу через Булонский лес. Наполеон, Александр и оба великих князя ехали в одной открытой коляске, как вдруг раздался

выстрел, но пуля попала в лошадь французского шталмейстера, ехавшего рядом. Стрелявшего задержали. Им оказался двадцатилетний польский эмигрант Антон Иосифович Березовский — сын бедного дворянина Волынской губернии. 16-ти лет он участвовал в восстании 1863 года, а потом бежал за границу. Два года он работал в слесарной мастерской и, как выяснилось, не был связан ни с какими революционными организациями. Когда его предали французскому суду присяжных заседателей, он заявил, что покушение на царя было задумано и осуществлено им самим без чьей-либо помощи и соучастия. Покушение он считает своим личным делом и просит рассматривать, как акт мести за вековое угнетение Польши и за те жестокости, которые совершали русские войска и царская администрация при подавлении восстания 1863 года. Симпатии к Польше были во Франции многовековой традицией, Березовский был молод и суд присяжных приговорил его к пожизненной каторге. Забегая вперед, скажем, что осужденный провел на каторге почти 20 лет. Лишь в 1906 году он был помилован президентом Клемансо, но, когда ему сообщили об освобождении, Березовский отказался оставить место заключения.

Мужество и невозмутимость Александра, проявившееся при втором покушении на его жизнь, стали, похоже, неотъемлемой чертой его характера, ибо всякий раз, когда это случалось — а на жизнь Александра покушались потом еще шесть раз, — безбоязненность и неустрашимость ни разу не оставили царя.

И в Париже, как и в Петербурге после покушения Каракозова, царь стал предметом всеобщего восторга и поклонения. Тем более все это нахлынуло на Катеньку Долгорукову, страх за его жизнь смешался с любовью к нему и восхищением.

После встречи в отеле на улице Рампар, свидания продолжались в Елисейском дворце. Катеньке особенно импонировало то, что она гуляет в том самом саду, где некогда прогуливался сам Наполеон, а теперь именно здесь, российский император снова клянется ей в своей неизменной любви и заверяет ее в том, что она и теперь перед Богом его жена. Здесь же Александр признался ей, что с тех пор, как полюбил ее, не было ни одной женщины, которую он приблизил бы к себе.

Связь Александра и Кати стала еще более прочной.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Домашние дела и романтические предприятия

Суд над Березовским происходил уже после того, как Александр уехал из Парижа. По пути в Петербург он 6 июня приехал в Варшаву. Этот его визит был первым после подав-

ления польского восстания 1863 года. И несмотря на то что память о восстании была еще свежа, а выстрелы Березовского буквально еще звучали в ушах у всех поляков, в Варшаве никаких эксцессов не произошло и Александр решил по пути в Петербург проехать через Вильно и Ригу. И в Литве, и в Латвии он при встречах со всеми сословиями говорил о неделимости империи, поощряя переход в православие, и ратовал за то, чтобы государственным языком был здесь не польский и не немецкий, а только русский. И было в этом его заявлении некое своеобразие и даже определенный шарм, ибо царь говорил на любом из трех языков одинаково хорошо.

Возвратившись в Петербург, Александр присутствовал при обручении своей племянницы, великой княжны Ольги Константиновны — дочери генерал-адмирала — с королем Греции, который хоть и носил в Греции имя Георгиоса, но по происхождению был датским принцем Вильгельмом Георгом Глюксбургом, избранным греческим королем при активной поддержке Англии. Георг присягнул на верность Конституции и стал основателем новой королевской династии Греции. Георг и Мария Федоровна были родными братом и сестрой, почти ровесниками. Георгу в 1867 году было 22 года, а Марии Федоровне — 20. А Ольга Константиновна была и того моложе — накануне свадьбы ей исполнилось 16 лет. Забегая вперед, скажем, что их супружество во многом оказалось удачным. Ольга родила нескольких дочерей и пятерых сыновей — наследного принца, герцога Спартанского Константина и принцев — Георга, Николая, Андрея и Христофора. Со всеми ними будет потом связана семья Романовых, но ближе прочих окажется принц Георг, которому будет суждено 1891 году спасти жизнь своему двоюродному брату — цесаревичу Николаю, будущему российскому императору. Однако об этом в свое время.

А когда Георг и Мария Федоровна породнились с Российским императорским домом, они тем самым сделали родственными ему и греческий, и датский, и английский королевские дома, ибо все они были в тесных морганатических связях друг с другом; потому что мать Марии Федоровны и Георга была не только прародительницей короля Греции и будущей императрицы России, но и короля Дании Фредерика VIII, и королевы Англии Александры — жены Эдуарда VII. И, как верно подметил писатель Э.С.Радзинский, Луизу Гессенскую, мать всех этих монархов прозвали «тещей всей Европы»: ее бесчисленные дочери, сыновья и внуки породнили между собой почти все королевские дома, объединив таким забавным образом материк от Англии до Греции»²⁵.

Добавим к этому, что представители династии Глюксбургов и сегодня занимают троны Дании, Греции и Норвегии, а их родственников и свойственников можно найти в любой царствующей фамилии Европы.

Вернувшись из Парижа в Петербург, Александр продолжал встречаться с Катей, но уже не у себя во дворце и не в «Бабигоне», так как о местах их встреч стало известно, а на квартире брата Кати Михаила Михайловича Долгорукова.

Однако это убежище оказалось недолговременным, — боясь потерять фамильную честь, Луиза и Михаил вскоре отказали царю и Екатерине Михайловне в приюте.

Сохранились письма Александра к Луизе, в которых самодержец Всея Руси умоляет ее не лишать его и Катю их единственной возможности быть вместе. Но Долгоруковы были непреклонны и закрыли для любовников двери своей квартиры. И тогда нашелся только один человек, рискнувший пожертвовать своей репутацией — это был начальник личной охраны царя генерал Рылеев, который по долгу службы обязан был без малейшего колебания отдать за Александра жизнь. И он отдал бы ее, не моргнув глазом, но честь для дворянина была тогда дороже жизни и потому поступок Рылеева, если бы о нем узнали, был бы расценен почти как продажа души дьяволу. Небезинтересно, что генерал доводился декабристу Рытееву племянником.

Что же касается возлюбленной царя, то она, как была наивной и бескорыстной идеалисткой, так ею и оставалась, не понимая реалий жизни, и все воспринимая почти так же, как и в Смольном.

К Екатерине Михайловне Долгоруковой очень подходили слова, сказанные за два века перед тем мудрым французом Жаном де Лабрюйером: «Ничто не делает такой чести государю, как скромность фаворита. Фаворит всегда одинок: у него нет ни привязанностей, ни друзей. Он окружен родственниками и льстецами, но не дорожит ими. Он оторван и как бы всем чужд».

Только в случае с Долгоруковой эта сентенция усугублялась тем, что возле нее не было ни родственников, ни льстецов.

Александр знал это, чувствовал и понимал. И от того, испытывая угрызения совести перед женщиной, которой не мог дать самое необходимое — покой и кров, — старался быть, как можно нежнее и внимательнее.

Оставаясь у Рылеева, уже пожилой царь не только расточал супружеские ласки, но и старался замолить обуявший его грех. Александр не был ханжой, но глубокое религиозное чувство заставляло его придавать отношениям с Катей максимально возможную духовность, возвышенность и чистоту. Они вместе читали Послания апостола Павла, вместе молились и просили Бога дать им супружеское счастье и прекрасных, здоровых детей. И почти всякий раз, расставаясь, Александр, как клятву, повторял, что Катенька — его жена перед Богом и что он обязательно сделает ее своей законной женой и перед людьми, если на то будет Божья воля.

В 1868 году Александру II исполнилось 50 лет. Это событие отмечалось в семейном кругу, и если бы не полувековой юбилей шефства царя над лейб-гвардейским гусарским полком, шефом которого Александр был назначен, как только родился, то юбилей его прошел бы почти незамеченным. Однако полковые торжества, в которых участвовал не только весь личный состав, но и ветераны, не могли остаться незамеченными, и, таким образом, и пятидесятилетие Александра получило известный резонанс, хотя бы в гвардии.

А через три недели после этого — 6 мая 1868 года — в Царском Селе Мария Федоровна родила первенца. Его отец — великий князь Александр Александрович записал в дневнике: «Минни разбудила меня в начале 5-го часа, говоря, что у нее начинаются сильные боли и не дают ей спать, однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 часов утра. Наконец, мы встали и отправились одеваться. Одевшись и выпив кофе, пошел скорее к моей душке, которая уже не могла окончить свой туалет, потому что боли делались чаще и чаще и сильнее. Я скорее написал Мама записку об этом и Мама с Папа приехали около 10 часов и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начинала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около 12 1/2 жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец в половине третьего пришла последняя минута и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была — это нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так легко было на душе и приятно»²⁶.

Едва ли младенцу дали это имя в честь его прадеда — Николая Павловича, — он по-прежнему оставался не популярным и не прибавил бы симпатий новому потенциальному цесаревичу. Его называли так, скорее всего, в память о его недавно скончавшемся дяде — Николае Александровиче, первую годовщину смерти которого отмечали менее чем за месяц до его рождения. К тому же покойный был и любимым братом цесаревича Александра Александровича, и старшим сыном Александра II и Марии Александровны и первым женихом Марии Федоровны.

Новорожденному Николаю Александровичу предстояло стать последним российским императором. Он появился на свет в день святого праведника, великомученика Иова, библейское предание о котором сильно напоминает жизнь Николая II.

Иову довелось безропотно пройти через все испытания — он потерял все, что нажил, и был свидетелем гибели своих детей. И то же самое было написано на роду и этому младенцу, родившемуся в день памяти многострадального Иова — 6 мая. И когда в день своего рождения Николай читал в Библии «Книгу Иова», то не раз бросались в глаза ему такие строки из IV главы ее: «Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева? Нет мне мира, нет покоя, нет отрады, постигло несчастье»²⁷. В какой-то мере это обстоятельство сделало Николая фаталистом, убежденным, что судьба его predetermined самим временем его появления на свет. Накануне крушения монархии, как писал потом об этом великий князь Александр Михайлович, Николай сказал: «На все воля Божья. Я родился 6 мая, в день поминовения многострадального Иова. Я готов принять мою судьбу»²⁸.

Но это случиться через пятьдесят лет, а тогда, в день появления на свет своего первого внука, император Александр II объявил амнистию, причем наибольшие льготы получили политические преступники — участники восстания в Польше и русские революционеры. Всех политических преступников-каторжан перевели в разряд ссыльных, а ссыльным разрешили поселиться в городах и даже в России, но в отдаленных от столиц губерниях.

Вскоре состоялись и крестины. Крестными Николая был сам его августейший дед — Александр II, его бабушка со стороны матери — датская королева Луиза, двоюродная прабабушка — великая княгиня Елена Павловна — вдова великого

князя Михаила Павловича — и дядя — датский принц Фредерик.

Нести младенца было доверено гофмейстерине княжне Куракиной, а сопровождали ее фельдмаршал, князь А.И.Бярятинский и канцлер, князь А.М.Горчаков, тот самый, что при коронации выронил из рук державу. Но на сей раз в руках его ничего не было. — он только ассистировал Куракиной, несшей будущего самодержца на подушке.

Нетрудно представить, какие чувства испытывал Александр II на крестинах своего первого внука. Он не мог нарадоваться рождению первенца у своего старшего сына, тем более, что родился мальчик, которому предстояло занять российский трон, но вместе с тем этот мальчик превратил его в деда, а его жену сделал бабкой, и это еще раз напомнило Александру о его возрасте, как напомнили о том же чуть раньше прошедшие юбилеи — сначала серебряная свадьба, отмеченная около года назад, а затем и его собственное пятидесятилетие, тихо отпразднованное за три недели до рождения внука.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Завоевания и утраты на путях войны и мира

А теперь не только выйдем за порог Зимнего дворца, но и перешагнем через границы России, чтобы узнать, что же произошло в мире после того как кончилась Крымская война и завершился Парижский Конгресс 1856 года?

За прошедшие после этого годы Россия перестала играть активную роль в делах европейских и вынуждена была обратить свои взоры на Восток. В Европе же традиционной сферой русских интересов остались Балканы, где православное славянское население по-прежнему видело в России главную силу, способную защитить их от турецкого произвола. Поэтому в Европе, почти до самого конца царствования Александра II, Балканы были важнейшей ареной, где происходила борьба России со своим извечным, историческим врагом — Турцией. Что же касается Европы Центральной и Западной, то туда доступ России был закрыт. Там дела решались без нее, хотя определенное влияние Петербург еще оказывал, но это влияние уже не было решающим.

А на Востоке дела шли следующим образом. 26 января 1855 года в японском городе Симода адмирал Е.В.Путятин подписал договор, по которому, наконец, устанавливалась граница на Курилах: Северные Курилы признавались русскими владениями, Южные — от острова Итуруп — японскими.

за что в день коронации 26 августа 1856 года Путятин получил титул графа.

В 1858 году установлена была граница по Амуру с Китаем. Переговоры в городе Айгун вел генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, совсем незадолго перед тем получивший титул графа с добавлением «Амурский». По Айгунскому договору устанавливалась граница не по всему Амуру, а только до реки Уссури, что потребовало продолжить переговоры о границе и окончательно установить ее посредством дальнейших переговоров — в Тяньцзине (1858 год) и в Пекине (1860 год).

А пока шли переговоры, русские энергично осваивали новые земли, упорно пробиваясь на Восток, к океану, и строя новые города: в 1856 году был заложен Благовещенск, в 1858 — Хабаровск, в 1860 — Владивосток.

С 1862 по 1867 год проходили переговоры с Японией о статусе Сахалина, завершившиеся принятием соглашения «о совместном владении Сахалином».

В этом же, 1867 году, 18 марта между Россией и США был подписан договор о продаже Аляски, принадлежавшей России, Соединенным Штатам. Богатейшая территория площадью в полтора миллиона квадратных километров, что равняется трем Франциям с заморскими департаментами — была продана за 7200 тысяч долларов*. Кстати, все эти деньги, до единого цента, были инвестированы по приказу Александра в железнодорожное строительство.

В то время как на Дальнем Востоке отлаживались отношения России с Китаем, Японией и США, в Средней Азии и Казахстане продолжалось безостановочное колонизационное продвижение русских войск на юг и восток. После того, как в 1864 году закончилась война на Кавказе, наступила очередь Туркестана, включавшего южную часть Казахстана, всю Среднюю и часть Центральной Азии, общей площадью более трех миллионов квадратных километров. Туркестан простирался от Южного Урала и Восточного берега Каспийского мо-

* У нас распространено мнение, что правительство США расценивало покупку Аляски, как свою большую победу. Отнюдь, нет. Русскому поверенному в Вашингтоне Эдварду Стекло пришлось потратить на подкуп американских должностных лиц 150000 долларов, чтобы сделка состоялась, ибо главное богатство тогдашней Аляски — пушной и морской зверь были выбиты Российско-Американской компанией, а о золоте тогда еще ничего не знали. Четыре русских деревни с населением в 700 человек дорого обходились России — нужно было ежегодно снабжать их всем необходимым, а колонисты не обеспечивали сами себя, задолжав к 1861 году более двух миллионов рублей.

ря на западе до Алтая и Китая — на Востоке и от Томской и Тобольской губерний на севере до Ирана и Афганистана на юге. Традиционно Северный Туркестан назывался Русским Туркестаном, Восточный — Китайским, а Южный — Афганским.

На территории Русского Туркестана в 1865 году была образована Туркестанская область, а еще через два года Туркестанское генерал-губернаторство.

На территории Русского Туркестана находились также два средневековых государства — Хивинское и Бухарское ханства.

В царствование Николая I русские войска в основном завоевали большую часть территории современного Казахстана. Выдающуюся роль в этом сыграл Василий Алексеевич Перовский — в 1832-1842 и 1851-1857 годах военный губернатор Оренбургской губернии и командир Отдельного Оренбургского корпуса.

В 1853 году его войска заняли крепость Ак-Мечеть, которая после модернизации и усиления стала называться Форт Перовский — позже — город Перовск, ставший важным опорным пунктом на путях в глубь Средней Азии. Вслед затем Перовский построил военные посты и укрепленные пункты на реке Сыр-Дарья, создал Аральскую военную флотилию и вышел на ближние подступы к Хиве. В 1855 году он был возведен в графское достоинство.

Блистательная карьера генерал-адъютанта, генерала от кавалерии Василия Алексеевича Перовского объяснялась не только его несомненными личными достоинствами, но и счастливым происхождением — его отцом был Алексей Кириллович Разумовский. И хотя Перовские были его внебрачными детьми, граф сделал все, чтобы они получили самое лучшее образование и воспитание и были приняты в высшем свете. Разумовский добился для всех своих детей потомственного дворянства и обеспечил всем сыновьям военную, гражданскую и придворную карьеру, а дочерям — престижные и выгодные партии.

Такого рода отступление необходимо, потому что скоро одна из представительниц этого рода предстанет перед нами в довольно необычном качестве — одной из первых русских женщин-террористок и первой женщиной, казненной в России по политическому делу.

Однако же возвратимся в Туркестан. Продвигаясь на юг, русские вышли к хребту Заилийский Алатау и в 1854 году построили здесь еще одно укрепление, сначала называвшееся «Заилийским», а чуть позже — «Верным». С 1867 года этот го-

род, ныне называющийся Алма-Аты, стал центром Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства, подчинявшегося не Сенату, а Военному министру. Завоевав Казахстан, русские войска вошли на территорию Кокандского ханства и в 1862-1866 годах захватили его важные крепости — Ходжент и Ташкент, получив возможность развить наступление на Хиву и Бухару.

Первым пало Бухарское ханство. После того как в 1868 году был занят русскими войсками Самарканд, хан признал себя данником русского царя. Вслед затем наступила очередь Хивинского ханства, которое уже к концу 60-х — началу 70-х годов оказалось с трех сторон окруженным русскими владениями и потому русские войска в 1873 году и нанесли по нему одновременный удар с трех сторон. В этом походе приняло участие более 12 тысяч солдат и офицеров при 56 орудиях, а в низовьях Амударьи из Аральского моря вышла и военная флотилия. Командовал походом туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант Константин Петрович Кауфман. В результате победы над Хивинским ханством оно превратилось в протекторат России.

В последнем походе отличился и впервые стал знаменит тридцатилетний офицер Михаил Дмитриевич Скобелев, с которым мы еще не раз встретимся на страницах этой книги не только как с выдающимся военачальником, но и как с весьма незаурядным человеком и оригинальным политиком.

Если война в Казахстане не повлекла почти никаких международных осложнений, то кампании в Кокандском ханстве и предстоящая война с Бухарой и Хивой, неминуемо должны были обострить отношения с Англией, ибо уже за Пянджем начиналась сфера английских интересов, и до «жемчужины английской короны» — Индии — было рукой подать, а Афганистан становился сопредельной территорией, на которой должно было произойти столкновение колониальных, имперских интересов Великобритании и России.

Что же касается Европы, то в центре событий 60-х — 70-х годов XIX столетия находилось противоборство двух великих держав — Франции и Германии. Оно особенно обострилось после того, как произошло объединение множества немецких земель в одно единое государство. Процесс этот был проведен под руководством прусского канцлера Бисмарка.

Объединяя Германию «железом и кровью», Пруссия в 1864 году начала с захвата Шлезвига и Голштинии. Вопреки исторической традиции, Россия не заступилась за герцогства, платя таким образом Пруссии за недавнюю помощь в подавлении польского восстания 1863 года.

Затем противником Пруссии оказалась Австрия, претендовавшая на роль гегемона в Германии. Австрия пользовалась поддержкой почти всех мелких немецких государств, но Пруссия вовлекла в войну на своей стороне Италию, и Австрии пришлось сражаться на два фронта. Россия объявила себя нейтральной и тем способствовала Пруссии в достижении победы. После подписания в Праге 23 августа 1866 года мирного договора Пруссия стала бесспорной доминирующей силой в Германии. За пять дней до этого прусский канцлер Отто фон Бисмарк подписал договор о создании Северо-Германского Союза, в который вошли 17 немецких государств, расположенных севернее реки Майн, а в сентябре и октябре того же года в Союз вступили еще 4 государства. Таким образом, бывшие независимые королевства, герцогства, княжества, архиепископства и вольные города сплотились воедино, признав своим лидером Пруссию, а ее короля избрав президентом Союза, наделив его правами главнокомандующего объединенными вооруженными силами, руководителем внешней политики и главной исполнительной власти. Он же, прусский король Вильгельм I, назначал и единственного союзного министра — бундесканцлера. Им стал Бисмарк, и занимал он этот пост до самой его ликвидации в связи с образованием в 1871 году Германской Империи, где он же занял пост рейхсканцлера. Пикантность ситуации для Александра, как главы Императорского дома, заключалась в том, что при объединении Германии задевались интересы его многочисленных родственников в Гессене, Дармштадте, Вюртемберге и других государствах, так как их династические права утрачивались вместе с потерей ими тронов.

Однако и тут у Александра хватило государственной мудрости пренебречь последним обстоятельством в виду значительно более важных задач, стоящих перед Германией, в связи с ее объединением. Александр должен был с пониманием отнестись и к исторической миссии Вильгельма и Бисмарка, что он и сделал. Такую же благожелательную к Пруссии позицию заняли правительства Англии и Франции. В эти же годы Россия, в согласии с Англией и Францией, признала королем Греции наследника датского престола принца Георга, а королем Румынии, или как тогда называли Объединенных княжеств Молдавии и Валахии, принца Карла Гогенцоллерна.

Вскоре российский императорский дом вступит и с королем Георгиосом, как стал именоваться датский принц в Греции, и с Каролом, как стал называться Карл Гогенцоллерн, в родственные, династические связи.

И в это же время все туже затягивался неразрешимый узел вечного русско-турецкого соперничества на Балканах, где Россия традиционно выступала защитницей, а Османская Порта — угнетательницей православных единоверцев — славян и греков.

Такой, вкратце, была международная обстановка, когда в доме Романовых появился на свет великий князь Николай Александрович.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Эмская депеша и ее последствия.

Союз трех императоров.

Летом 1870 года в немецком курортном городке Эмс, уже изрядное время бывшем модным из-за своих целебных минеральных вод, произошло событие, давшее толчок такому развитию событий, которое за один год решительно преобразило карту Европы и серьезнейшим образом повлияло на ее дальнейшую судьбу.

Это событие произошло не само по себе, а было связано с целой цепочкой других, последним звеном которой оно и стало.

Все началось с того, что в сентябре 1868 года была свергнута с престола жестокая и развратная королева Испании Изабелла II. 30 сентября она бежала во Францию, а на оставленный ею трон почти сразу же стал претендовать один из Гогенцоллернов — принц Леопольд Зигмаринген, в то время уже лишившийся своего монархического статуса и находившийся на службе у прусского короля. Для того чтобы стать претендентом на испанский трон, Леопольд должен был получить согласие на свое выдвижение от Вильгельма I — официального главы дома Гогенцоллернов. Как только возможность такого варианта стала обсуждаться, Франция тотчас же выдвинула решительные возражения, опасаясь, что природный немец появится на троне ее западного соседа. Вильгельм понимал опасность дальнейшего развития событий и отказался поддержать кандидатуру Леопольда. Но сторонником Леопольда, мечтавшего об испанском троне, стал «железный канцлер» Бисмарк, сумевший уговорить Вильгельма I дать свое согласие на кандидатуру Леопольда. Приверженцем этой комбинации в Мадриде стал премьер-министр Испании Прима.

Когда Леопольд сделал заявление о выдвижении своей персоны на испанский трон, обстановка накалилась до предела и Франция не скрывала, что не остановится даже перед войной, но не допустит немецкого принца в Мадрид, ибо это

означало, что и на Востоке и на Западе окажутся монархи из династии Гогенцоллернов.

В это самое время Александр с императрицей выехал в Эмс, куда он регулярно ездил уже несколько лет по рекомендации врачей.

На сей раз в Эмс поехала и Екатерина Михайловна, которая после Парижа была неотступно возле императора. Александр, вернувшись со Всемирной выставки, назначил ее фрейлиной своей жены и, таким образом, она стала обязанной посещать все торжественные балы и приемы, на которых бывала Мария Александровна, и, разумеется, сам император.

Уже упоминавшийся здесь Теофиль Готье, оставил такое описание одного из придворных балов, происходивших немного раньше описываемого сейчас времени, за которым он наблюдал с хор Георгиевского зала Зимнего дворца. (Этот зал называли и «Тронным»): «Когда вы впервые вглядываетесь в эту ослепительную картину, вас охватывает головокружение. В сверкающей массе свечей, зеркал, золота, бриллиантов, драгоценных камней, шелка трудно различить отдельные очертания. Затем глаз несколько привыкает к ослепительному блеску и охватывает гигантских размеров зал, украшенный мрамором и лепными украшениями. Всеми цветами радуги переливаются военные мундиры, расшитые золотом, эполеты, украшенные бриллиантовыми звездами ордена и нагрудные знаки, осыпанные драгоценными камнями». Готье описал и самого Александра, который предстал на этом балу в таком вот виде: «Александр II, — писал французский поэт, — был одет в этот вечер в изящный военный костюм, выгодно выделявший его высокую, стройную и гибкую фигуру. Он был одет в белую куртку, украшенную золотыми позументами, и спускавшуюся до бедер. Воротник и рукава были оторочены мехом голубого сибирского песка. Светло-голубые брюки в обтяжку, узкие сапоги четко обрисовывали ноги...» И таким вот видею его фрейлина Екатерина Долгорукова, выделяя из сонма других блестящих придворных — флигель- и генерал-адъютантов, министров и генералов, камергеров и послов. «Одеяния мужчин так блестящи, богаты и разнообразны, что дамам, в их легких и изящных туалетах трудно бороться с этим тяжелым блеском, — продолжал Готье, — не имея возможности превзойти мужчин богатством своих туалетов, они побеждают их своей красотой: их обнаженные шеи и плечи стоят всех украшений».

Из всех этих чаровниц взор императора отыскивал только ее одну — скромно одетую, почти без всяких украшений, чаще всего прячущуюся за спинами многочисленных светских

львиц, дерзко выставляющих напоказ все свои прелести и драгоценности. Зато, когда начинался бал, Катенька оказывалась непревзойденной в танцах и танцевала так легко и изящно, что не только у Александра, но и у многих других буквально захватывало дух от восторга. А для императора на этих балах не было большего наслаждения, чем смотреть за легким, исполненным блеска и вдохновения, полетом его юной любимицы.

Придворные балы были единственными торжествами, на которых присутствовала фрейлина Долгорукова. Она не выезжала в театры, не бывала на приемах, ведя скромную и замкнутую жизнь. Тем сладостнее и приятнее были для них обоих встречи в бывшем кабинете Николая I, где сначала и ее и императора занимала только любовь, а потом Александр стал исподволь посвящать ее в дела государства, потому что именно эти дела почти целиком занимали его и составляли смысл его жизни. Французский дипломат Морис Палеолог, аккредитованный в Петербурге в 80-х годах XIX века, и бывший послом в России во время первой мировой войны так писал об отношениях Александра и Долгоруковой в 1870 году: «Александр II с наслаждением посвящал ее в сложные государственные вопросы, верховным судьей которых он был. Мало-помалу он начал советоваться с ней обо всем, не принимая без нее ни одного важного решения»²⁹. В последнем случае мы вправе сильно усомниться в справедливости столь категорических утверждений французского дипломата, но, разумеется, какое-то влияние Екатерина Михайловна имела. Далее Палеолог продолжал: «Он говорил с ней о самых разнообразных делах, об общем управлении империей, о дипломатических переговорах, об административных реформах, об организации армии, полиции, о работе министров, о повышении по службе, о наградах, выговорах, придворных интригах, о спорах и неладах в царской семье — обо всем том, что благодаря самодержавию тяжелой ношей ложилось на его плечи»³⁰. С последними констатациями Палеолога — о наградах, придворных интригах и семейных делах следует согласиться полностью. «Обладая ясным умом, трезвым взглядом и точной памятью, Екатерина Михайловна без труда принимала участие в таких беседах. Иногда даже меткими замечаниями она помогала государю найти правильное решение.

Самой большой заслугой ее было однако то, что царь при ней мог думать вслух... Глубокое сознание своей власти и своей ответственности заставляло Александра II замыкаться в себе... с Екатериной Михайловной он мог обсуждать все вопросы без боязни. Ей он доверял вполне. Он понимал, что она существовала только для него и что за ее спиной не таилось никаких интриг»³¹.

Именно так обстояло дело, когда в июне 1870 года Александр поехал в Эмс и на этот раз, снова напомним уже отмеченное чуть раньше обстоятельство, — туда же отправилась и Екатерина Михайловна. Александр, императрица и их свита занимали отель «Катр-Тур», а Долгорукова снимала соседнюю с отелем виллу «Маленькая Элиза». Здесь-то и была она посвящена в величайшие дипломатические тайны, в потаенное существо переговоров, которые начались в Эмсе вскоре же после того, как туда вместе с министром иностранных дел, князем Горчаковым приехала и августейшая фамилия.

В это время в Эмсе находился и прусский король со своим министром иностранных дел — Бисмарком. Два монарха и два канцлера обсуждали самые разные вопросы, но испанской проблемы, кажется, не касались. А после отъезда Александра из Эмса и Франция и Германия вроде бы уладили отношения, как вдруг положение мгновенно катастрофически обострилось.

Канцлер Бисмарк, уже находившийся в Берлине, получил от прусского советника Абекена, все еще остававшегося в Эмсе, депешу, из которой следовало, что Вильгельм I отказался от поддержки Леопольда и заверил французов об этом через своего адъютанта. Представитель министерства иностранных дел Франции, граф Винченцо Бенедетти попросил у Вильгельма аудиенцию, но король отказал ему в этом, так как считал вопрос окончательно решенным.

Бисмарк, получив депешу, извещавшую о произошедшем, так отредактировал ее для печати, что она приняла в высшей степени оскорбительный для Франции тон. При желании можно было не придать и этому большого значения, но обе стороны хотели войны и превратили Эмскую депешу в удобный повод для ее начала.

8 июля Франция объявила войну Северо-Германскому Союзу, чего только и ждал Бисмарк, уже отмобилизовавший армию, и приготовивший ее к стремительному и мощному удару.

Великие державы сразу же объявили о своем нейтралитете и война, начавшаяся в июле 1870 года, превратилась в поединок между Германией и Францией. Поединок этот был недолгим и закончился сокрушительным поражением Франции. 2 сентября 1870 года в сражении при Седане армия императора Наполеона III была разбита, а сам он попал в плен*. Как толь-

* Наполеон III был сыном Гортензии Богарно — падчерицы Наполеона Бонапарта -- и брата Наполеона Бонапарта -- Луи. 10 декабря 1848 года он был избран президентом Французской Республики, а через четыре года был провозглашен императором.

ко весть об этом дошла до Парижа, там вспыхнуло восстание и 4 сентября Наполеон III был объявлен низложенным. Во Франции вновь была провозглашена Республика. Одним из деятельнейших ее руководителей стал крупный французский историк и видный политик 73-летний Адольф Тьер. 24 сентября он прибыл в Петербург в качестве чрезвычайного уполномоченного французского правительства, надеясь получить поддержку России в грядущих переговорах с победителями-пруссакими.

Александр принял его и заверил, что сделает все возможное, чтобы грядущий мир не был для Франции чрезмерно тяжелым, и, тем более, унижительным. Тьер писал потом, что Александр — «благороднейший в мире человек, прилежный в делах, понимающий в них толк, и исполненный откровенности и прямоты». В свою очередь царь так отозвался о Тьере: «Какой поразительный ум! И какая вера в возрождение Франции. Он так уверен в ее быстром возрождении, что даже предложил мне союз... Это благородный человек и большой патриот».

31 августа 1871 года этот «благородный человек и большой патриот», накануне подписавший мир с Германией и безжалостно подавивший Парижскую Коммуну, стал президентом Франции.

Но это произошло через восемь месяцев после того, как Вильгельм I из короля Пруссии превратился в Германского Императора. Символично, что провозглашение Вильгельма императором произошло не на территории Пруссии, или какого-нибудь другого немецкого государства, а в зеркальном зале Версальского дворца, загородной резиденции французских королей.

Для России одним из важнейших последствий окончания франко-прусской войны было то, что утратили силу старые соглашения, подписанные в Париже, в 1856 году, о режиме в Черноморских проливах.

Чуть забегаая вперед, расскажем, что произошло через два года.

Александр II обладал многими качествами, необходимыми главе государства. И среди них были и такие, как предусмотрительность, осторожность, склонность к компромиссам во избежание конфликтов.

Поэтому в мае 1873 года Александр утвердил подписанную в Петербурге российским фельдмаршалом Ф.Ф.Бергом и германским фельдмаршалом Х.Мольтке военную конвенцию о

взаимной помощи в случае нападения на одну из стран третьего государства. Чтобы не раздражать Францию, по настоянию Горчакова, в конвенции говорилось, что она заключена, чтобы «упрочить господствующий ныне в Европе мир и удалить возможность войны».

Конвенция была подписана во время визита в Петербург императора Вильгельма, канцлера Бисмарка и фельдмаршала Мольтке. Затем Александр и Горчаков отправились в Вену и там два императора подписали соглашение о взаимных дипломатических консультациях при возможных международных осложнениях. А 23 октября того же года к этому соглашению присоединилась и Германия, когда к Францу-Иосифу приехали Вильгельм и Бисмарк. Так оформился «Союз трех императоров», просуществовавший 13 лет, и сыгравший свою роль в развитии международных отношений в Европе.

Мы еще вернемся к нему, когда эта роль станет одной из ведущих на политической авансцене континента.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Рождение сына в «малой» семье императора

В 1871 году Александр еще раз побывал на водах в Эмсе, а возвратившись в Россию, в конце августа уехал на Кавказ, взяв с собою двух старших сыновей — Александра и Владимира. После трехдневной остановки в Москве царь и великие князья отправились на пароходе по Волге, останавливаясь ненадолго в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Самаре, Саратове и, наконец, в Астрахани. Отсюда они на пароходе «Цесаревна Мария» отправились через Каспийское море в Петровск — порт, где высадились 7 сентября. (Ныне это — Махачкала, столица Дагестана.)

Отсюда Александр направился в Гуниб, — столицу мятежного Шамиля. По дороге туда он остановился в городе Темирхан-Шуре — «Озере Тамерлана», за пять лет перед тем получившем статус города.

Посетив Гуниб, царь проследовал через Владикавказ и 20 сентября торжественно въехал в Тифлис. Пять дней купался Александр в грузинском гостеприимстве, а затем через Боржоми, Кутаиси и Поти приехал 30 сентября в Ливадию. Пробыв там до конца октября, все царское семейство возвратилось в Петербург. И здесь их ожидала большая неожиданность — скорее приятная для Александра, весьма неприятная для императрицы, но в равной мере волнующая и его и ее, и даже заставляющая пугаться возможных последствий и осложнений. Дело было в том, что Екатерина Михайловна ока-

залась беременной. Александр опасался порочащих слухов, сплетен и пасквилей, боялся за ее жизнь, — ведь предстоящие роды были для нее первыми, — и прежде чем они подоспели, обо всем досконально договорился с будущей матерью.

Долгорукова по-прежнему жила у своего брата. По счастливой случайности ее беременность протекала таким довольно редким образом, когда внешне до самих родов не было заметно никаких ее признаков — Екатерина Михайловна продолжала сохранять прежнюю стройность. Будущие отец и мать договорились, что как только Екатерина почувствует первые предродовые схватки, она тут же поедет в свое убежище — кабинет Николая I, и там, в строжайшей тайне, роды у нее будут приняты.

Под вечер 29 апреля 1872 года Долгорукова почувствовала, что роды близки. Никого не предупредив, и ничего не сказав ни княгине — своей невестке, — ни горничной — она вышла из дома, наняла карету, и приехала к Зимнему. Незаметно войдя во дворец, Екатерина Михайловна прилегла на диван, и тут пришел к ней Александр.

Они провели вместе около часа, как вдруг схватки прекратились и боли утихли. Роженица отпустила Александра в его апартаменты и постаралась уснуть. Возле нее остался только гренадер-часовой из стариков «Золотой роты» Преображенского полка.

Александр уснул после полуночи, как вдруг в три часа ночи старый солдат разбудил его. Доверенный слуга тут же кинулся за врачом, но схватки сменяли одна другую, роженица, сдерживая стоны, корчилась на диване, а врача все не было. Александр, не боявшийся выстрелов в упор, теряя самообладание, держал роженицу за руки, и, как мог, нежно ободрял и успокаивал. Наконец, появился доктор Красовский и бабка-повитуха.

Роды были мучительными и долгими. Лишь к десяти часам утра 30 апреля Долгорукова родила сына. Было воскресенье и царь должен был стоять обедню. Александр оставил мать и ребенка, поручив их заботам своего доверенного друга и конфидента генерала жандармерии Рылеева. Генерал жил в глухом Мошкове переулке и никто не заметил, как туда доставили новорожденного. Тотчас же возле мальчика появилась кормилица, а чуть позже и гувернантка-француженка.

Мальчик был здоров и красив. Через несколько дней его крестили, назвав Георгием.

Одним из первых узнал о рождении Георгия германский посол князь Рейс. Он сообщил об этом своему правительству и некоторым русским придворным. Отсюда новость пошла

кругами и дошла до царской семьи. Волнение ее членов было необычайно сильным. Особенно потрясены были цесаревич Александр, его жена и обманутая императрица. Братья царя — Константин и Николай, 66-летняя тетка, великая княгиня Елена Павловна, вдова великого князя Михаила Павловича, бывшая по возрасту старшей в императорском доме, собравшись вместе, не только возмущались и негодовали, но и высказывали серьезные опасения по поводу тех конфликтов и неожиданных ситуаций, которые мог породить этот инцидент. Они были единодушны в том, что ни Георгий, ни его мать ни в коем случае не будут введены в царскую семью и останутся вне династии.

Императрица Мария Александровна, узнав о рождении Георгия, заболела еще сильнее, но ни с кем не обмолвилась по этому поводу ни единым словом. Позицию царской семьи разделяла и вся родовая знать Петербурга. Воронцовы, Шуваловы, Куракины, Панины, Орловы-Давыдовы, Барятинские, Дашковы и многие иные, им подобные, единодушно осуждали царя, жалая государыню и цесаревича, оказавшегося в сложном и щекотливом положении.

И даже ближайшие к Александру графы отец и сын Адлерберги, и те не могли занять другой позиции.

Пересуды еще не замолкли, как вдруг Александр и Долгорукова подбросили новую охапку хвороста в жарко пылавший костер сплетен: в конце 1873 года Екатерина Михайловна родила еще одного ребенка. На сей раз это была девочка, названная Ольгой.

Здесь уже страсти ревнителей семейной чистоты закипели так сильно, что управляющий Третьим отделением, граф Петр Шувалов должен был поставить царя в известность, что говорят о нем и его личной жизни в Петербурге, в России и за границей.

Царь холодно выслушал Шувалова и надменно дал ему понять, что в свою личную жизнь не даст вмешиваться никому.

Эта непрошенная инициатива стоила Шувалову места — через несколько месяцев Александр, не спросив у него ни совета, ни согласия, совершенно неожиданно для Петра Андреевича назначил его послом в Лондон. А на его место поставил дотеле скрывавшегося в тени, скромного и незнатного службиста виленского генерал-губернатора, генерал-майора Александра Львовича Потапова. П.В.Долгоруков сообщает, что был Потапов весьма маленького роста, и потому имел среди товарищей прозвище «Потапенюк». Однако был у него большой ум, великая хитрость и неумное стремление к вла-

сти, коей добивался он тонкими интригами и огромным трудолюбием. Кроме того был он честен, ко взяточникам совершенно безжалостен и более всего предан карьере и службе, а отсюда и государю, как верховному распорядителю этой стихии. Из-за всего этого Потапов весьма устраивал Александра, а Шувалов тоже не был совершенно уж обижен, тем более, что и в Лондоне ожидало его достаточно важное дело — укрепить недавно возникший русско-английский династический союз.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Еще одно возвращение в предыдущую главу

Озабоченный хлопотами со своей малой семьей, Александр не забывал и семью большую. А в ней, в то время, когда Екатерина Михайловна была еще на сносях Георгием, возникла важная матримониальная коллизия: двадцатилетняя великая княжна Мария Александровна готовилась выйти замуж за сына английской королевы Виктории — герцога Эдинбургского.

В жизни Александра был эпизод, придающий довольно свое-образный оттенок сватовству его дочери и герцога Эдинбургского. В мае 1839 года, когда он, тогда еще двадцатилетний цесаревич, объезжал в поисках невесты Европу, судьба, как уже рассказывалось в этой книге, завела его и в Лондон. Теперь же мы подробнее остановимся на этом эпизоде. Там в это время занимала трон девятнадцатилетняя и еще не замужняя королева Виктория. Ей предстояло великое и долголетнее царствование. Прожив и процарствовав до 1901 года, она оставила свое имя целой эпохе, названной «Викторианской», а время ее правления справедливо считали венцом могущества и процветания Великобритании и ее гигантской колониальной империи, охватившей едва ли не половину мира. Небезынтересным было и то, что крестным отцом Виктории был Александр I, и даже имя, данное ей при крещении было «Александрина», но уже в детстве девочке переименовали его на «Викторию».

На английском троне Виктория была последней представительницей Ганноверской династии и потому поиски ей женихов традиционно связывались с немецкими принцами. Юная королева прекрасно понимала разницу между полунищими сонскателями ее руки из захолустных немецких княжеств и цесаревичем Александром, чья страна была одной из великих держав мира.

За год до появления Александра в Лондоне, одна из придворных дам показала Виктории письмо, написанное ей женою покойного русского посла в Англии княгиней Ливен. В ней княгиня писала: «Молодой цесаревич Александр — самый очаровательный из всех европейских принцев... Трудно себе представить более красивого молодого человека. У него привлекательное, прекрасное лицо и необыкновенно приятная манера говорить»³².

Виктория, конечно же, запомнила это, и когда 4 мая 1839 года Александр предстал перед нею на официальном приеме в Букингемском дворце, юная королева убедилась в справедливости того описания.

В свою очередь и Александр помнил, что княгиня Ливен говорила о Виктории, как об очаровательной синеглазой красавице, с безукоризненными манерами и необычайно глубоким для ее возраста умом. Александр понравился Виктории, о чем она не преминула записать в своем дневнике.

В те же самые дни в Лондоне оказались и два молодых голландских принца из дома Оранских, с тайной надеждой, что один из них может понравиться Виктории. Однако она, увлеченная Александром, не уделила голландцам и десятой доли внимания, выпавшего российскому цесаревичу.

Виктория день ото дня все более увлекалась Александром и, наконец, поняла, что влюблена в него. Тогда Виктория пошла на неслыханное — особенно в среде чопорной английской аристократии — нарушение этикета: она пригласила Александра навестить ее наедине, а после того, как они вдоволь наговорились, поехала с ним, на заранее оседланных лошадях, на прогулку в парк. Она записала потом в дневнике: «Я страшно была довольна, видя, как легко вскочил он на лошадь и как она понравилась ему»³³.

Вслед за тем Виктория дала бал в честь Александра, продолжавшийся допоздна. Однако это был не петербургский бал с сотнями приглашенных, а скорее дружеская молодежная вечеринка, где собрались несколько молодых придворных англичан, два голландских принца и свита Александра — граф Алексей Константинович Толстой, друг детства цесаревича, служивший в русском посольстве, еще два друга детства — барон Паткуль и граф Адлерберг, а также молодой князь Бяринский, флигель-адъютант, полковник Юрьевич, князь Долгорукий и барон Ливен, сопровождавшие Александра.

Виктория танцевала с Александром и первый и последний танец, а на следующий день призналась премьер-министру, лорду Мельбурну, что Александр ей страшно нравится. А в

дневнике своем она записала: «Я покинула бальный зал в три с четвертью очень счастливой, с сердцем, полным радости»³⁴.

В том же на следующий день сознался полковнику Юрьевичу и Александр.

Полковник Симон Юрьевич был в свите одним из самых старших по возрасту и он тут же доложил об услышанном Орлову, а тот, по долгу службы, немедленно донес Николаю. Следует иметь в виду, что все это происходило почти сразу же после того, как Александр официально посватался к своей будущей жене — Марии Гессен-Дармштадской. И все же, несмотря на это, Александр стал обдумывать, как бы ему отказаться от сделанного Марии предложения и жениться на Виктории. И этими своими раздумьями поделился он с Юрьевичем, после чего в дневнике у полковника 12 мая появилась такая запись: «На следующий день Великий Князь опять огорчил меня. Я сказал ему, что этот брак совершенно невозможен. Я прибавил, что в случае такого поступка ему придется отказаться от своей будущей короны и что совесть его никогда не позволит ему сделать это. Он согласился со мной. Но было ясно, что он очень страдает. Выглядел он бедным и несчастным...» И пишет далее: «Было решено покинуть Англию 30 мая. Но Царевич умолял продлить хоть немного пребывание в Лондоне. Однако я ответил ему, что наш английский визит и так продолжается целый месяц — это слишком долго, и ни при каком другом дворе мы не пробыли столько времени... У меня лично нет ни малейшего сомнения, что если бы Царевич сделал предложение королеве, она без колебаний приняла бы его»³⁵. Страшась гнева Николая, Орлов и Юрьевич стали всячески отвлекать Александра официальными и неофициальными приемами, экскурсиями, парадами, а Виктория, по традиции, должна была уехать в Виндзорский замок. Однако Александр оставил Лондон и приехал в Виндзор. Он провел там несколько прекрасных дней и вечеров. 27 мая Виктория записала: «Я совершенно влюблена в великого князя... Мне было так приятно и так весело танцевать с ним... Великий князь такой невероятно сильный и так скоро кружится, что надо быстро следовать за ним и мы кружились вихрем. Этим закончился наш маленький бал, около двух часов ночи. Я никогда не была так счастлива. Нам всем было так хорошо. Я легла в четверть четвертого, но не могла заснуть до пяти». 28 мая: «Великий Князь сказал мне, что он очень тронут столь прекрасной встречей здесь и никогда ее не забудет. Затем он прибавил по-французски: «Это не только слова, я вас уверяю, я так действительно чувствую». Он опять повторил, что проведенные им здесь дни навсегда останутся в его памяти. Я их

тоже никогда не забуду, потому что я действительно люблю этого приветливого, милого, молодого человека».

29 мая они провели вместе последний вечер. «Когда был кончен последний вальс, — записала в дневнике Виктория, — в двадцать минут третьего, я простилась со всеми джентельменами из свиты Великого Князя с чувством искренней печали... После я удалилась в маленькую синюю комнату, куда лорд Пальмерстон привел Великого Князя, чтобы попрощаться со мной. Мы остались наедине. Великий Князь взял мою руку и тепло сжал ее в своей руке. Он был бледен и голос его задрожал, когда он сказал мне по-французски: «Мне не хватает слов, чтобы выразить все, что я чувствую», — и добавил, как глубоко он признателен за столь любезный прием. Он сказал, что надеется еще побывать в Англии. Затем он прижался к моей щеке и поцеловал меня так тепло и с таким сердечным чувством, и потом мы опять очень тепло пожали друг другу руки.»³⁶

Встретившись на следующий день с Юрьевичем, Александр бросился к нему в объятия и заплакал. Он сказал, что никогда не забудет Викторину.

За время лондонского визита Александр подарил английским придворным множество перстней, табакерок и прочих драгоценных вещей. Викторине же он подарил свою любимую овчарку Казбека, которую взял с собой в это путешествие. Эта собака стала любимицей королевы и была неразлучна с нею до конца своих дней.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Костер угасший и костер возгорающийся

И вот, через 33 года после этого и через 20 лет после Крымской войны, совершенно испепелившей в сердце Александра всякие добрые чувства к Викторине, политические расчеты заставили Александра устраивать брак своей дочери Марии с сыном Викторине — Альфредом-Эрнстом. Следует иметь в виду и то, что в 1863 году еще один сын Викторине, Альберт-Эдуард, женился на датской принцессе Александре, — родной сестре будущей цесаревны Марии Федоровны, а тогда еще принцессы Дагмары.

Когда Дагмара в 1866 году венчалась в Петербурге с великим князем, цесаревичем Александром Александровичем, ее родная сестра, теперь герцогиня Уэльская, была на последних месяцах беременности и из-за этого не смогла приехать на свадьбу Дагмары, хотя и очень этого хотела. Зато на свадьбу

приехал ее муж, принц Уэльский Альберт-Эдуард, хотя Виктория и была против его поездки в Петербург.

Альберт-Эдуард был весьма радушно принят при дворе, получил от Александра II чин полковника русской гвардии и стал из-за всего этого ярым сторонником России. Прощаясь, он пригласил цесаревича и цесаревну в Лондон и молодые с радостью приняли его приглашение.

А еще через восемь лет младший сын Виктории — герцог Эдинбургский, а по отцу и герцог Саксен-Кобургский. Альфред-Эрнст-Альберт, решил жениться на дочери Александра II Марии Александровне.

Виктория приняла этот замысел в штыки, объясняя свою позицию прежде всего тем отвращением, которое вызывает у нее низкая нравственность отца невесты — императора Александра — позволяющего себе скандальную связь с женщиной, которая на тридцать лет младше его.

Что же касается отношения к браку императора Александра, то он сначала совершенно не желал его, потому что Мария была его единственной и, к тому же, горячо любимой дочерью, и разлука с ней представлялась отцу настоящим несчастьем. Однако Марии нравился принц Эдинбургский, с которым она виделась в Германии, в Юенгейме, у их общих немецких родственников и она наотрез отказалась от замужества с кем-либо другим.

После переписки с Викторией, в которой обсуждались условия брака, принц Эдинбургский приехал в Петербург с еще двумя членами английского королевского дома. Виктория была возмущена тем, что ей даже не показали будущую ее невестку, хотя она и настаивала на этом, и, негодуя, выразила свое возмущение тем, что послала невестке в подарок веточку мирта — символ мира — и молитвенник. Императрица Индии, дарившая бриллианты своим горничным, предстала старой ханжой-пуританкой.

Встреча принцев была необычайно торжественной и пышной. На сей раз красные ковры были посланы уже на вокзал, а само венчание, состоявшееся 11 января 1874 года, превзошло все, случавшееся до сих пор.

Свадебные столы были накрыты в Георгиевском зале Зимнего дворца, превращенном по этому случаю в огромную оранжерею. И пока звучали тосты, на каждый из них отвечали артиллерийским салютом пушки Петропавловской крепости: за здоровье их императорских величеств и ее величества королевы Великобританской и Ирландской — 51 выстрел, и за каждый последующий тост — по 31 залпу.

«Ничего нельзя представить более великолепного, чем этот торжественный банкет, — писал английский посланник в Петербурге лорд Лофтус. — Блеск богатейших драгоценностей смешивался с блеском мундиров, золотых и серебряных блюд и роскошного севрского фарфора. Во время всего обеда пели талантливые артисты итальянской оперы — Патти, Альбани и Николини, что придавало еще больше великолепия этой сцене несравненной красоты, которую трудно описать.»³⁷

После бала, в котором участвовало три тысячи гостей, Александр и вся его семья провели два часа с молодоженами, а затем поехали на вокзал, где ожидал их поезд для поездки в Царское Село, — там молодожены решили провести и свою первую ночь и медовый месяц.

А назавтра наступили для Александра трудные будни, заполненные работой, которую простые смертные предпочитают называть «Большой политикой» и в глубине души считают «сладкой жизнью».

Сразу же после свадьбы в Петербург пожаловал — впервые в истории — австрийский император. Это был сорокачетырехлетний Франц-Иосиф I, незадолго перед тем довольно враждебно настроенный по отношению к России. Его визит знаменовал собою конец этой вражды и окончательное примирение двух держав.

В мае того же 1874 года Александр поехал в Штутгарт на свадьбу своей племянницы Веры Константиновны с герцогом Вильгельмом Вюртембергским, а оттуда — в Англию, чтобы повидаться со своей любимицей — Марией, теперь герцогиней Эдинбургской.

Но это была лишь официальная версия визита. На самом деле царь решил во что бы то ни стало добиться симпатии англичан и посеять на островах семена русофобии, дабы будущие всходы заглушили бурные сорняки традиционной для Англии русофобии.

Александр ехал из пристани в открытой коляске и тысячи любопытствующих англичан находили русского царя не азиатским владыкой, а настоящим джентльменом.

Королева Виктория встретила его у входа в Виндзорский дворец и потом лично сопровождала по городу. О чувствах, которые они испытали после тридцатипятилетней разлуки, говорить не приходится...

Визит Александра в Англию оказался успешным, хотя Англия и не стала союзницей России, она все же стала скло-

няться к тому, что в будущем такая позиция могла стать для нее не только приемлемой, но и необходимой.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Светлейшие князя Юрьевские

Возвратившись в Петербург, Александр озаботился и статусом своих незаконных детей — Георгия и Ольги. В силу самодержавной власти российский император имел право издавать любой закон, причем независимо от того, противоречит новый закон прежним или только дополняет или изменяет их. Поэтому Александр был волен дать своим детям любой статус, и он избрал оптимальный вариант, — 11 июля 1874 года, в Царском Селе он издал Указ, намереваясь направить его в Сенат.

Этим Указом предписывалось: «Малолетним Георгию Александровичу и Ольге Александровне Юрьевским, даруем Мы права, присущие дворянству, и возводим в княжеское достоинство с титулом Светлейших. Александр».

Он решил, что давать детям фамилию их матери не следует, ибо их могли не признать другие Долгоруковы; дать имя Романовых он не мог, так как Екатерина Михайловна не состояла с ним в церковном браке, который, единственно, мог бы дать ей и детям его фамилию. И Александр решил назвать сына и дочь Юрьевскими, потому что основателем рода Долгоруковых был князь Московский Юрий Долгорукий, восьмой сын Великого Киевского князя Владимира Мономаха. А так как «Долгорукий» было не более, чем прозвищем князя Юрия, то не справедливей ли было назвать этих его потомков отдаленных семью веками, Светлейшими князьями Юрьевскими, дав тем самым простор новой ветви древнего генеалогического древа?

Написав Указ, Александр, однако, не отослал его в Сенат, а, сохранив в тайне, вручил генералу Рылееву, приказав хранить до того времени, когда и понадобится его опубликование.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Спасение Франции и балканских народов

Однако недолго пробыл Александр в Петербурге. События в Европе развивались таким образом, что уже весной 1875 года царь вынужден был поехать в Берлин. Его отъезд объяснялся единственной причиной — серьезным опасением начала новой войны между Германией и Францией.

К этому времени Франция уже выплатила Германии чудовищную контрибуцию в 200 миллионов золотых франков и, более того, сумела не только восстановить, но и значительно увеличить свою военную мощь. Этим чрезвычайно обеспокоился Бисмарк, полагавший, что если Германия еще раз не разгромит Францию, то тогда сама станет ее жертвой.

Для того, чтобы этого не произошло, Александр в конце апреля поехал в Берлин. Екатерина Михайловна и на этот раз поехала вместе с ним. Царь остановился в русском посольстве, на Унтер-ден-Линден, а княжна поселилась в соседнем отеле. Первым делом Александр поехал к кайзеру и решительно заявил старику Вильгельму, что он не потерпит нападения на Францию. Вильгельм, не признаваясь в агрессивных замыслах, закончил беседу тем, что переадресовал царя к своему канцлеру. Александр принял Бисмарка на следующий день и столь же категорично заявил ему, что в случае войны Германии с Францией Россия не останется нейтральной. Бисмарк понял, что это — более, чем серьезно, и не только пообещал оставить Францию в покое, но и на самом деле прекратил всякие враждебные по отношению к ней действия. Однако, не дав затянуться одному узлу международных противоречий, Александр не смог предотвратить затягивание другого узла — Восточного.

Турция все еще жила, хотя и была таким же «тяжелобольным человеком», как и в царствование Николая. Она все еще была центром империи, в которую входили многие христианские народы Балкан, и которыми Россия традиционно воспринималась защитницей и освободительницей. Этот узел проблем возник несколько веков назад и давал знать о себе, как только православные, славянские народы, брались за оружие, пытаясь сбросить с себя ненавистное османское, к тому же мусульманское, иго.

Ненависть этническая дополнялась ненавистью религиозной, а это оказывалось в совокупности такой гремучей смесью, от которой мог взлететь на воздух не только Балканский полуостров, но и вся Европа.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Спасение мира и благонравия в собственном доме

Уладив, как мог, дела внешнеполитические, Александр занялся «домашним устройением». И неизвестно, где потребовались от него большие усилия — в Берлине или же в Петербурге, ибо все сильнее разраставшаяся императорская семья порождала все новые и новые заботы.

Для того чтобы впоследствии не возвращаться к делам императорского дома, вспомним, что представлял он к этому времени.

Об императоре и его второй семье мы уже знаем: больная императрица и в этом году не чувствовала себя лучше и ее заботило все то же — судьба детей и внуков, а также и ставшая неизбывной проблема неверного мужа и его невенчанной жены с двумя маленькими детьми. Старший сын — цесаревич Александр, — свято хранил верность жене и благополучно растил трех своих детей — семилетнего Николая, четырехлетнего Георгия и только что появившуюся на свет Ксению. Вторым сыном императора и императрицы — двадцативосьмилетний Владимир женился всего год назад, и его жена — Мария Павловна — урожденная герцогиня Мария Мекленбург-Шверинская — была еще на сносях и ждала своего первенца. Следующий сын — двадцатипятилетний Алексей, — женат не был, увлеченно служил во флоте и, совершив в 1871-1872 годах кругосветное путешествие, мечтал не о женщинах, а о море и потому хлопот родителям не доставлял. Их дочь Мария, как мы знаем, жила в Англии, а два самых младших сына — Сергей и Павел — были еще юношами восемнадцати и семнадцати лет.

Гораздо более хлопот доставляли императору его младшие братья — Константин и Николай, и самый старший из племянников — великий князь Николай Константинович, к этому времени уже двадцатипятилетний мужчина.

Объясняя, отчего почти все великие князья становятся бонвиванами и шалопаями, фрейлина А.А.Толстая писала в 1899 году: «Почему все они, или почти все, ненавидят свои классные комнаты? Да потому что они видят в этой гимнастике ума невыносимое ярмо, давящее на них, тогда как они отнюдь не убеждены в его необходимости и стараются не утруждать себя понапрасну... Боязнь скуки преследует кошмаром наших Великих князей, и эта боязнь идет за ними из детства в юность и к зрелому возрасту становится обычной подругой их жизни. Только этим я могу объяснить некоторые связи, возникающие во дворце и принимающие невероятные размеры... Очень часто участники таких фарсов не имеют иных достоинств и пользуются весьма незавидной репутацией, но это не мешает общению с ними.

Словом, нельзя упрекнуть кого-либо персонально за сложившийся порядок вещей. Такова судьба сильных мира сего, они ведут совершенно ненормальное существование, и нужно быть гением или ангелом, чтобы суметь противостоять ему»³⁸.

А они не были гениями, но, уподобляясь ангелам, избрали своим земным раем Императорское театральное училище, которое придворные и офицеры между собой чаще всего называли «придворным гаремом», ибо именно оттуда, особенно из балетного отделения, рекрутировались любовницы великих князей.

Николай Николаевич Старший — брат Александра II — был покорен бывшей воспитанницей балетного отделения мадмуазель Числовой. Это случилось в 1865 году, и тогда же великий князь перевез ее на квартиру, снятую для нее в доме на Галерной, окна которой выходили прямо на фасад его дворца. Когда Числова была дома и могла встретить своего возлюбленного без всяческих помех, она выставляла на подоконник две зажженных свечи и Николай Николаевич быстро уходил из дома, говоря жене, что идет на пожар. Такого рода причина сначала сходилась с рук, ибо великий князь слыл за большого любителя пожаров, а его лакей, посвященный своим господином в тайну двух горящих свечей, как только видел их зажженными, немедленно во всеуслышанье объявлял о том, что в городе пожар.

Однако через некоторое время обман открылся и его жена — Александра Петровна Ольденбургская, на которой он был женат уже более десяти лет, и которая не отличалась ни женственностью, ни красотой, да к тому же и изрядно поднаоела, — учинила скандал и поехала с жалобой к самому Александру. Царь выслушал ее и сказал:

— Послушайте, ваш муж в полноте сил, — Николаю Николаевичу было за тридцать, — ему нужна женщина, которая могла бы ему нравиться; теперь посмотрите же на себя, как вы одеты!

Дальше жаловаться было некому и Александра Петровна занялась воспитанием двух своих сыновей — Николая и Петра, а ее муж почти все время проводил у Числовой, которая тоже одарила его целым выводком детей. Новая семья требовала новых затрат, и Николай Николаевич стал делать долги, безуспешно пытаясь продать землю и имения, которые из-за плохого ведения хозяйства были бездоходными.

И когда долги великого князя дошли до 900 тысяч, и о них узнал Александр, то приказал имения брата отобрать в казну, а Числову арестовать и выслать из Петербурга в Лифляндию. Великий князь, узнав об этом, послал к ней своего адъютанта и тот вручил изгнаннице золотой медальон, на котором из бриллиантов была выложена надпись: «За 10 лет счастья, 1865-1875».

И здесь несчастный Николай Николаевич стал думать, как бы заполучить свою возлюбленную обратно в Петербург? И решил выдать ее замуж за известного писателя Всеволода Владимировича Крестовского, автора нашумевших романов «Петербургские трущобы» и «Кровавый пуф». Великий князь договорился, что его протеже не будет возражать, если мадам муазель Числова, превратившись в мадам Крестовскую, вновь окажется в его объятиях. Крестовский затеял бракоразводный процесс, — он был женат, — но родственники жены учинили возле Петербургского Окружного суда такой скандал, что незадачливый романист от задуманной затеи отказался. Тогда Николай Николаевич добился для возлюбленной переезда в Ригу, дожидаясь лучших времен, когда они могли бы вновь соединиться. И такие времена настали в 1876 году — Николай Николаевич из-за начавшейся подготовки к войне с турками был назначен командующим Бессарабской армией со штабом в Кишиневе, вскоре туда же была «сослана» из Риги и его возлюбленная.

А Константин Николаевич сам стал жертвой неверности и порочных склонностей своей жены великой княгини Александры Иосифовны, которую он вынужден был отправить за границу. «Говорили, что поводом к изгнанию Александры Иосифовны были излишне нежные отношения ее к бывшей ее фрейлине Анненковой. «Невероятности» такого рода случались с Александрой Иосифовной и за границей. Обыватели швейцарского города Веве рассказывают, что великая княгиня Александра Иосифовна во время своего проживания там в пансионе «Эрмитаж» имела недоразумение с двумя матерями девочек 14 и 16 лет, и что матери этих девочек получили от нее по 8 и 10 тысяч франков, чтобы не давать дальнейшего следствия этим скандальным «недоразумениям»³⁹. По утверждению князя С. Д. Урусова, Александра Иосифовна была весьма равнодушна и к мужчинам и даже доводила адъютантов своего мужа до истощения.

История сохранила и ее роман с великим музыкантом Иоганном Штраусом, когда он в 1856 году был приглашен в Россию и в вокзале Павловска дирижировал концертами, привлекавшими к «королю вальса» огромное стечение публики. Александра Иосифовна, как и многие другие, до такой степени была им очарована, что даже вышла Штраусу его подтяжки. Это чувство она сохранила к великому композитору на всю жизнь, выписав его в Петербург на очень непродолжительное время, когда он был уже стариком.

Сын Константина Николаевича и Александры Иосифовны — великий князь Николай Константинович — стал героем

первой, по-настоящему, скандальной истории в доме Романовых. Он, по неопытности и по неосторожности, дал вначале увлечь себя, а потом и искренне увлекся заезжей авантюристкой, американкой Фанни Лир.

Эта хорошенькая, молоденькая женщина, с детства мечтавшая о прекрасном принце, познакомилась с великим князем на маскараде в оперном театре. Николай Константинович был молод, хорош собой, высок ростом, а кроме того, ему очень подходил кавалергардский мундир. С бала они поехали в ресторан, затем в гостиницу к Фанни, где утром американка подписала под таким документом, написанным собственноручно великим князем: «Клянусь всем, что есть для меня священнейшего в мире, никогда и ни с кем не говорить и не видаться без дозволения моего августейшего повелителя. Обязуюсь верно, как благородная американка, соблюдать это клятвенное обещание и объявляю себя душою и телом рабою русского великого князя. Фанни Лир»⁴⁰.

Через несколько дней Николай Константинович привез Фанни во дворец своего отца, где в его собственные апартаменты был отдельный ход, и спрятал свою любовницу у себя.

Так, меняя Петербург на Павловск, прожили они в мелких ссорах и большой любви до 1872 года, когда уехали в Вену в сопровождении врача, адъютанта и пяти слуг. В Вене Фанни уличила своего возлюбленного в неверности, и уехала в Париж, но вскоре вернулась, получив от Николая Константиновича письмо, полное раскаянья.

По возвращении в Петербург, сопровождавший влюбленных врач донес обо всем царю и Александр II решил отправить племянника в Хиву для участия в завоевании Средней Азии. Николай Константинович, перед тем как отправиться на войну, уехал в Ниццу, где лечилась его мать, и оттуда 29 января 1873 года прислал Фанни такое письмо: «Милая моя жена-шурша, тяжело мне без тебя: ты стала для меня необходимостью, и я, кажется, умер бы от более долгой разлуки с тобой. Вообрази себе контраст: в среду в Петербурге зима и снег, а в воскресенье в Ницце — жар, апельсины и фиалки. Таким представляется мне наш переход от земной юдоли к небу. Желаю только, чтобы в ожидающих нас райских садах ты была всегда со мною и никто не мог бы нас разлучить»⁴¹.

А еще через две недели он уже был в Петербурге и 15 февраля повел Фанни для прощания в Петропавловскую крепость. Там он становился на колени перед каждой гробницей и беззвучно молился. Наконец, оказался он и у гробницы Петра Великого. Здесь снял он свой нательный крестик и отдал его Фанни, еще раз попросив у нее слова ждаты его...

Хивинский поход завершился 29 мая капитуляцией столицы ханства перед войсками Кауфмана.

После этого Николай Константинович, прослуживший в действующей армии менее трех месяцев, уехал в Петербург.

Вернувшись из Хивы, он по решению семьи должен был жениться. Николаю Константиновичу купили дворец, и стали активно искать подходящую невесту, как вдруг случилось непредвиденное и совершенно невероятное происшествие: у матери Николая Константиновича пропала икона в богатом окладе с драгоценными камнями. О пропаже заявили в полицию и следствие вышло на Николая Константиновича. Он сознался, был объявлен сумасшедшим и сослан в Туркестан, где и оставался до конца своих дней, сделав там, тем не менее, много полезного. Его расстреляли в 1919 году в Ташкенте после установления там советской власти.

Но, как говорится, в большой семье не без урода, а семья была не просто большая, а очень большая, и люди в ней были ничуть не лучше и не хуже других. Со всеми присущими им грехами и слабостями, а также и немалыми добродетелями и достоинствами.

Так и вошла эта семья в год 1876-й, когда из-за событий на Балканах по всей России, а в Москве и Петербурге особенно, разгорелся пожар таких страстей, каких страна не видала с 1812 года.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Освобождение Болгарии

Все началось с того, что в апреле 1875 года возникло, почти стихийно, крестьянское восстание в Болгарии, которое было к лету безжалостно подавлено турками.

Это вызвало необыкновенно сильное сочувствие к братьям-болгарам, а затем и к другим славянским народам Балкан — сербам, черногорцам, боснийцам.

Видный французский историк и крупный дипломат академик Жорж-Морис Палеолог писал: «Красноречие Аксакова, Самарина, Каткова, Тютчева взволновало общественное сознание и оживило идеи панславизма. В опьяняющей атмосфере Московского Кремля говорили лишь о Византии, о Царьграде, Золотом Роге, Святой Софии и об исторической миссии русского народа. Вскоре все слои общества от дворянства до крестьян и от интеллигенции до купцов были охвачены националистическим бредом. Немногие уцелели от этой заразы. Еще меньше было тех, кто открыто с ней боролся»⁴². К числу тех, кто долго противостоял этому панславистскому

дурману принадлежал и Александр II. Однако сила общественного мнения была столь велика, что царь не мог более ей противиться и 12 апреля 1877 года, во вторую годовщину начала Болгарского восстания, Россия объявила войну Турции.

В этот же день Бессарабская армия, находящаяся под командованием великого князя Николая Николаевича Старшего, перешла Прут и двинулась к Дунаю. Одновременно с нею в Армению вступила Кавказская армия, которой командовал другой брат царя — великий князь Михаил. В день начала войны Александр прибыл в Кишинев, где стоял штаб его брата, его собственная Ставка и где проживали тысячи бессарабских болгар. Он сам подписал приказ о выступлении против турок и провожал войска, двинувшиеся в поход. А на следующий день к нему приехала Екатерина Долгорукова. Они провели вместе полтора месяца. 24 мая царь выехал к Зимнице на Дунае, где на следующий день должна была состояться переправа русских войск. Но состоялась она лишь через три недели — 15 июня. Это объяснялось тем, что из-за сильнейших дождей, каких не было сорок лет, уровень Дуная поднялся на пять метров и нужно было ждать, когда река войдет в свое русло и вернется к ординару.

Десантная операция была хорошо подготовлена и не менее хорошо проведена. Александр переправился через Дунай вместе со вторым эшеленом, а уже через четыре дня саперы начали строить два гигантских моста — «Нижний» длиной в 1215 метров, и «Верхний» — в 1268 метров. 28 июля по обоим мостам началось интенсивное движение войск, которые через союзную Румынию шли на освобождение Болгарии.

Находясь в действующей армии, Александр еще лучше, чем в Петербурге, узнал и по достоинству оценил военные способности своего брата, командующего Бессарабской армией, великого князя Николая Николаевича, который не столько занимался войной, сколько любовными утехами с мадам Числовой. Александр и сам был не безупречен — Екатерина Михайловна постоянно была рядом с ним, и почему двум августейшим братьям нельзя было находиться в одинаковом матримониальном положении?

Однако мадам Числова связалась с поставщиками и интендантами, сумевшими нажить на махинациях с военным имуществом огромные прибыли, и, используя Николая Николаевича, прибрала к своим нежным ручкам не малую толлику комиссионных. Ко всему прочему Николай Николаевич мнил себя стратегом, но не будучи таковым, мог наделать в предстоящем наступлении кучу непоправимых ошибок, за

которые расплатились бы уже не интенданты, а солдаты, и не золотом, а собственной кровью.

Не блистал воинскими талантами и цесаревич Александр, назначенный командующим Восточным или Рушукским отрядом, состоящим из двух корпусов. Чтобы уравновесить положение, царь назначил командующим Передовым отрядом генерал-адъютанта Василия Иосифовича Ромейко-Гурко, показавшего себя выдающимся полководцем. Столь же блистательным военачальником был и командующий Западным отрядом генерал Крюденер.

Передовой отряд генерала Гурко, состоявший всего из 12 тысяч солдат и офицеров, перейдя Дунай, стремительно бросился вперед и, разбив под Карабунаром турецкую конницу, 25 июня освободил древнюю столицу Болгарии — Тырново, а еще через неделю прорвался через Балканы, пройдя Хайнкейским перевалом. Вскоре был занят и другой перевал — Шипкинский, ставший ареной длительных и тяжелых боев с быстро подошедшими сюда турецкими силами.

Александр шел по Болгарии вместе со своей армией. Английский военный атташе полковник Веллеслей, участник этого похода, доносил своему министру: «Царь Александр живет в разрушенном болгарском доме с земляным полом и земляными стенами. Он целые дни посещает раненых, появляясь лишь во время завтраков с двумястами своими офицерами в обширной военной палатке, воздвигнутой посреди поля... Александр выглядит усталым и осунувшимся. И хотя его заставило предпринять эту войну общенародное рвение, не было у него к ней личного вдохновения и был он глубоко озабочен оборотом, который принимала военная кампания»⁴³.

Находясь рядом с боевыми порядками войск, Александр ежедневно писал Екатерине Михайловне обо всем, что с ним происходит, давая более откровенные оценки событиям, чем в других своих депешах. Так, в одном из писем он писал о величайших беспорядках, царивших в войсках благодаря великому попустительству Николая Николаевича, откровенно признаваясь: «Все эти недосмотры заставляют мое сердце обливаться кровью и я с трудом сдерживаю слезы»⁴⁴.

Среди русских военачальников в действующей армии находился храбрый и талантливый молодой офицер — принц Александр Баттенбергский. Он доводился императору племянником по его жене Марии Александровне. Отцом принца был родной брат императрицы — Александр, считавшийся, как и она сама, отпрыском швейцарского барона Людвига де

Гранси и великой герцогини Гессен-Дармштадтской Вильгельмины. Юному шурина цесаревича Александра Николаевича было пятнадцать лет, когда он вместе с сестрой появился в Петербурге. Юноша очень понравился императору Николаю I тем, что был статен, ловок, по-немецки подтянут и исполнителен. Кроме того, юный принц оказался еще и прекрасным кавалеристом.

Все это заставило Николая I дать мальчику чин ротмистра конной гвардии. После помолвки сестры принца Баттенбергского с цесаревичем Александром Николай дал принцу чин полковника, а в 1843 году новый восемнадцатилетний родственник царя стал генерал-майором. К счастью, принц оказался не из тех, кому чины достались понапрасну. Он не был паркетным шаркуном и рвался на войну. В 1844 году Николай разрешил ему отправиться на Кавказ, в армию князя Воронцова, где принц Александр стал командующим всей кавалерией Кавказской армии. В 1845 году он отличился при штурмах крепостей Андри и Дарго, подтвердив еще раз репутацию храбреца и рубаки.

Вернувшись в Петербург, молодой генерал влюбился во фрейлину императрицы Марии Федоровны — Юлию фон Гауке. Она была дочерью польского военного министра генерала от артиллерии, графа Морица фон Гауке, служившего вместе с великим князем Константином Павловичем в Варшаве. В 1830 году, во время восстания, когда Константин Павлович чудом избежал смерти, граф Гауке пал от руки мятежников и его дочь Юлия осталась сиротой. Вследствие всего этого пятилетней девочкой ее поместили в Смольный. Оттуда юная графиня и попала во дворец, став фрейлиной императрицы, где и увидел ее принц Александр.

В 1851 году она стала его женой, как считали многие, окрутив храброго, безоглядного и влюбчивого молодого человека, бывшего к тому же тремя годами младше предприимчивой польской графини. Как только они поженились, император Николай тотчас же выслал их за границу, назначив молодым супругам приличную пенсию. Они уехали в Гессен, где Великий герцог, формальный отец принца Александра, пожаловал ему титул графа Баттенберга, в дальнейшем дав им титул Светлейших князей Баттенбергов.

Следует заметить, что все их сыновья сделали необычайно удачные браки.

Светлейшая княгиня Юлия родила четверых сыновей. Людвиг-Александр стал вице-адмиралом британского флота и в 1884 году женился на Гессенской принцессе Виктории —

старшей сестре жены императора Николая II — Александры Федоровны.

Второй сын — Александр, о котором пойдет речь дальше — служил в русской армии, показав себя не меньшим храбрцом, чем его отец, отличившийся в Кавказской войне. Но так как Александр Баттенберг и далее будет одним из героев этой книги, в описании его жизни здесь, в простом перечне сыновей основателей династии, пока и ограничимся сказанным. Что же касается третьего сына — Генриха — то он стал основателем рода герцогов Маунтбаттенов, женившись на принцессе Беатрисе, дочери английской королевы Виктории. Именно от этой супружеской пары впоследствии пошла ветвь английского аристократического рода — герцогов Маунтбаттенских, занимающих и сегодня выдающееся положение в Англии. Достаточно сказать, что муж ныне царствующей королевы Елизаветы II — герцог Эдинбургский и Маунтбаттенский — Филипп, прямой потомок Юлии и Александра Баттенбергов. И, наконец, четвертый сын — Франц-Иосиф, служивший в болгарской армии в чине полковника, стал мужем Черногорской принцессы Анны, еще раз породнившись с домом Романовых, так как они тоже были в династических связях с домом владетельных князей Черногории.

Но все это со многими из Баттенбергов случится потом, а сейчас — 1877 год, когда один из них — Александр Баттенберг, двадцатилетний светлейший князь, племянник императора Александра II, делает первые шаги на военном поприще. Родившись в Германии, он там же получил и военное образование, едва успев к 1877 году закончить офицерское училище в Дрездене. В русскую армию он пошел не просто добровольцем, князь был ревностным поборником идеи освобождения Болгарии и потому храбро дрался и при Шипке и под Плевной.

А между тем именно под Плевной русскую армию постигла первая неудача — Осман-паша разбил войска Николая Николаевича.

Через десять дней турки, овладев инициативой, нанесли еще один сильный удар. Александр отдал приказ об отступлении и перенес свою ставку в деревню Горний Студень, лежавшую в 25 километрах от Дуная. Отошла на север и штаб-квартира Николая Николаевича, и войска Гурко, оставившие перекласть.

Занятый с рассвета до глубокой ночи, Александр тем не менее почти каждый день писал Долгоруковой. Его письма к ней — убедительное свидетельство того, что их отношения стали не только гораздо серьезнее и глубже, но приобрели и

новое качество — Екатерина Долгорукова стала для Александра тем же, чем была для Петра Великого Екатерина I в Пругском походе — его опорой, его надеждой и хранительницей его откровений.

Уже вечером 8 июля 1877 года, когда первый приступ русских был отбит, царь писал Екатерине Михайловне: «Величайшая ошибка заключалась в том, что генерал Крюденер, зная численное превосходство турок, решился все-таки их атаковать, исполняя полученный приказ». Истинным виновником был Николай Николаевич, отдавший приказ, но Александр даже Долгоруковой не признался в этом. «Если бы он, — продолжал Александр, — имел мужество послушаться приказа, то он сохранил бы более тысячи человеческих жизней и избавил нас от полного поражения.»

Сообщив Долгоруковой о военных делах, царь делится с нею и новостями дипломатическими. «Сегодня утром я получил более удовлетворительные известия из Лондона... Англичане совершенно изменили тон и готовы оказать давление на Турцию, чтобы заставить ее просить у нас мира на условиях, которые мы предложим. Боюсь только, что разгром под Плевной даст им возможность вновь изменить тон и сделает турок еще более заносчивыми.»⁴⁵

Согласимся, что это — письмо не к любовнице, но к жене и преданнейшему другу, заинтересованному в делах, о которых царь писал ей, по-видимому, не только информируя, но и дорожа оценкой и мнением Екатерины Михайловны.

После второго неудачного приступа Плевны, произошедшего 18 июля, еще более кровавого, чем первый, пришлось просить о помощи румын, тут же приславших под Плевну сотокатысячный корпус под командованием князя Карла Гогенцоллерна, правившего Румынией с 1866 года под именем Кароля I. Это стабилизировало положение, но не переломило ход войны. Стремясь к победе, 31 августа русские войска начали третий штурм Плевны, но и он был отбит с огромными для русских потерями. Удрученный этим, Александр писал Долгоруковой: «Господи, помоги нам окончить эту войну, обесславливающую Россию и христиан. Это крик сердца, который никто не поймет лучше тебя, мой кумир, мое сокровище, моя жизнь!»⁴⁶

1 сентября Александр созвал Военный совет, который принял решение продолжить войну. Расчет строился на том, что осажденный турецкий гарнизон Плевны рано или поздно сдастся на милость осаждавших, так как у него на исходе было продовольствие, а подвоз давно уже был перекрыт русскими войсками. Правда, приближавшаяся зима ставила и рус-

ских в очень тяжелое положение, но русское командование рассчитывало, что у его солдат терпения и способностей пережить голод и холод — больше, чем у кого бы то ни было, и время показало, что генералы Александра оказались правы.

28 ноября 38-тысячный гарнизон Плевны вышел из крепости, предпочитая смерть в бою смерти от голода. Они пошли на прорыв русских и румынских позиций, но были остановлены и подвергнуты мощнейшему артиллерийскому обстрелу. И лишь тогда их тяжело раненый главнокомандующий, Осман-паша, согласился на капитуляцию. Осман-пашу отправили в Бухарест, а Александр приказал отслужить в крепостной цитадели благодарственный молебен и после этого щедро осыпал победителей орденами и другими наградами. После того, как церемония закончилась, присутствующие увидели карету, подкатившую к цитадели, из которой к их изумлению вышел Осман-паша. Двое русских солдат, поддерживая турецкого главнокомандующего под руки, подвели его к Александру. Оказывается, Александр велел вернуть пленного с дороги, чтобы тот при всех отдал ему свою шпагу. Когда Осман-паша узнал об этом, он был сражен таким требованием, ибо знал насколько благородно отнесся Александр почти двадцать лет назад к поверженному Шамилю. Были удивлены этим и победители, знавшие великодушный нрав царя, лишённого злопамятства и мстительности. А между тем жестоко израненный Осман-паша приблизился к Александру и с трудом вытащил шпагу из ножен, потому что повязки стесняли ему движения, и кроме того, раны причиняли ему сильную боль. И все же он переборол страдания и передал шпагу царю победителей. И тогда Александр, лишь символически прикоснувшись к шпаге, тотчас же вернул ее пленному, сказав:

— Я возвращаю вам вашу шпагу. Храните ее всегда, как выражение моего восхищения и уважения.

После взятия Плевны стало ясно, что в войне наступила новая фаза. Наиболее трудное, как правильно считал Александр, осталось позади, и он мог позволить себе оставить армию. Накануне нового 1878 года Александр, а вместе с ним и Екатерина Михайловна, отправились в Петербург.

Царь приехал в свою столицу 11 декабря в 10 часов утра. На Николаевском — теперь Московском, — вокзале его встречали члены императорского дома, иерархи церкви, сенаторы, члены Государственного Совета, двор и генералитет. Тысячи петербуржцев стояли на вокзальной площади, на Невском и Лиговском проспектах. Когда Александр вышел из

вагона, встречающие были поражены тем, насколько сильно он изменился. На войну уезжал высокий, моложавый красавец, сейчас же из вагона вышел худой, ссутулившийся старик, с дряблым лицом и потухшим взором. И все же, лишь только он вышел к экипажу, многотысячная толпа встречающих взорвалась восторженным «Ура!» — перед петербуржцами появился не только победоносный монарх, но и освободитель единоверцев, людей одной с ними крови и одного племени. Вечером, сказавшись усталым, Александр пораньше ушел с официального приема и улизнул к Долгоруковой.

А между тем на театре военных действий русские войска, в двадцатиградусный мороз, сбивая турок с хорошо укрепленных позиций, перешли Балканы, вступили в Центральную и Южную Болгарию. Через месяц турки запросили перемирия, но Александр приказал продолжать наступление и лишь 19 января 1878 года передовые отряды Гурко и молодого генерала Михаила Дмитриевича Скобелева оказались всего в тридцати километрах от Константинополя.

Разгром Турции и военная победа России на Балканах требовали дипломатического подтверждения всего достигнутого, а сделать это было нелегко, прежде всего из-за решительного противодействия Англии и особенно самой королевы Виктории.

И в этом отношении характерен следующий эпизод.

На рейде Константинополя стоял английский флот, в составе которого находился военный корабль «Султан», под командованием герцога Эдинбургского Альфреда — родного сына Виктории и зятя Александра II, три года назад женившегося на его дочери великой княжне Марии Александровне.

Герцог счел возможным пригласить на свой корабль Александра Баттенберга, племянника российского императора и, таким образом, двоюродного брата его жены. Кузен, служивший во вражеской армии, не преминул воспользоваться предложением, и пожаловал на рейд Константинополя, а затем и на борт «Султана». Королева Виктория расценила этот визит, как шпионскую акцию русских, чьим агентом она считала Александра Баттенберга, тем более, что герцог Эдинбургский представил ему всех офицеров высшего ранга и даже продемонстрировал новейшую, только что изобретенную, и потому совершенно секретную торпеду. Королева потребова-

ла от Британского Адмиралтейства сместить ее сына с поста командира корабля пока «Султан» стоит у Константинополя.

Разгорячившись, Виктория написала своему премьер-министру Дизраэли, что «если Англия будет продолжать лизать русские ноги», то она откажется от престола. Но Дизраэли, сторонник мира с Россией, остался спокоен и на обострение англо-русских отношений не пошел. Но королева настаивала на ужесточении британской позиции и ее премьер-министр вынужден был послать флот к Принцевым островам, лежащим в Мраморном море, между проливами Босфор и Дарданеллы.

В ответ русские войска двинулись вперед и вышли к местечку Сан-Стефано, расположенному в десяти километрах от Константинополя,

19 февраля в Сан-Стефано русские уполномоченные — граф Н.П.Игнатьев и А.И.Нелидов — и турецкие уполномоченные — Сафвет-паша и Саадулла-бей — подписали мирный договор. По этому договору Сербия, Румыния и Черногория получали полную независимость, а Болгария и Босния и Герцеговина становились автономными территориями. Болгария освобождалась от присутствия турецких войск и получала право избрать собственного князя. Кроме того, и себе Россия получала земли и города, отошедшие к Турции по Парижскому договору 1856 года.

В тот же день — 19 февраля — Николай Николаевич послал царю телеграмму, в которой, поздравляя брата с заключением мира, писал: «Господь сподобил Вас окончить, начатое Вами святое дело: в самый день освобождения крестьян Вы освободили христиан от мусульманского ига».

Однако великие державы — все, кроме Франции, — были напуганы и неудовлетворены итогами Сан-Стефанского мира. Для того, чтобы низвести успехи России до минимума, Англия, Австро-Венгрия, а также и Бисмарк, не простивший Александру его позиции по отношению к Германии в 1875 году, развили бешеную инициативу и 1 июня 1878 года, всего через три месяца после подписания мира, сумели созвать в Берлине Конгресс, на котором присутствовали представители Германии, Англии, Австро-Венгрии и России. Франция, Италия и Турция были приглашены в Берлин без права решающего голоса.

Инициаторы созыва Конгресса обкорнали и расчленили Болгарию, отняли у Румынии часть Бессарабии, и свели дело к тому, что глава русской делегации канцлер Горчаков должен был с горечью констатировать: «Мы потеряли сто тысяч сол-

дат и сто миллионов золотых рублей в этой кампании, и все наши жертвы были напрасными».

Такой итог переговоров объяснялся тем, что в казне на ведение войны не было ни копейки, а ряды армии беспощадно косила эпидемия тифа.

Еще за двенадцать дней до начала Берлинского Конгресса Горчаков 18 мая вынужден был подписать с англичанами тайное соглашение, предопределявшее содержание заключительного документа Конгресса, а 23 и 25 мая Англия подписала Конвенции с Турцией и Австрией, зафиксировавшие общую политическую линию в переговорах с Россией. Так как все предварительные переговоры велись в глубокой тайне, то результаты Конгресса оказались для русских неожиданными и ошеломительными. И когда в России и Болгарии узнали обо всем произошедшем, то у множества даже далеких от политики людей это вызвало не просто разочарование, но сильнейшую ненависть к правительству и самому императору Александру, которого считали виновником нового национального позора России.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Гидра террора поднимает головы

И в этих условиях мало кто мог оказать Александру искреннюю дружескую поддержку, мало на кого мог он опереться, не опасаясь, что чувства эти продиктованы корыстью, лицемерием или карьеризмом. Лишь Катеньке Долгоруковой он доверял безусловно. В дни работы Берлинского Конгресса и после того, как из-за его неудачи авторитет царя стремительно упал, Александр сблизился с Екатериной Михайловной еще более. Присущая ему с юности потребность в сочувствии и нежности, в сердечной к нему привязанности любимого человека достигли в это время апогея. Он не мог более оставаться один и глубоко страдал, если рядом не было княжны Долгоруковой.

Появившийся в Петербурге тремя годами позже Морис Палеолог, так описывал состояние Александра в конце 1878 года: «Порой им овладевала тяжелая меланхолия, доходившая до глубокого отчаяния. Власть его более не интересовала. Все то, что он пытался осуществить, кончалось неудачей. Никто из других монархов не желал более его счастья своему народу: он уничтожил рабство, отменил телесные наказания, установил суд присяжных, провел во всех областях управления мудрые и либеральные реформы. В отличие от других царей он никогда не стремился к кровавым лаврам славы.

Сколько усилий потратил он, чтобы избежать турецкой войны, навязываемой ему его народом! И после ее окончания он предотвратил новое военное столкновение... Что получил он в награду за все это? Со всех концов России поступали к нему донесения губернаторов, сообщавших, что народ, обманутый в своих чаяниях, во всем винил царя. А полицейские донесения сообщили об угрожающем росте революционного брожения.

Смятенной душой он невольно стремился к единственному человеку, пожертвовавшему для него своей честью, светскими удовольствиями и успехами, к человеку, думавшему об его счастье и окружавшему его знаками страстного обожания»⁴⁷.

Устав от нелепой многолетней игры в тайные свидания на чужой квартире, Александр решился на отчаянный шаг, приказав поселить фрейлину Долгорукову и ее детей в Зимнем дворце прямо над собственными апартаментами. Им были отведены три точно такие же комнаты, как и у него самого, и без всяческой утайки поставлен лифт, соединяющий его и ее квартиры. Александр прекрасно понимал, что этот поступок вызовет взрыв негодования в его «Большой» семье и станет скандальной великосветской сенсацией, затмив все прочие происшествия такого рода. Однако было и нечто более сенсационное — все чаще и чаще повторяющиеся кровавые и необыкновенно дерзкие покушения на жизнь виднейших сановников России, а затем и на самого императора.

После возвращения в Петербург Александр почти сразу же стал объектом охоты для заговорщиков из подпольной террористической организации «Народная Воля».

Правда, еще до того, как эти «идейные бомбисты» сорганизовались для того чтобы убить его, Александру довелось неоднократно слышать о деятельности их предшественников, входивших в другие революционные организации, бывшие предтечами «Народной воли».

Первая тайная революционная организация «Земля и воля» родилась вскоре после того, как крепостное право было уже уничтожено. И вот тогда-то — в конце 1861 года — и возникло сообщество молодых, по преимуществу, людей, заявивших, что России нужны «земля мирская, воля народная, да правда человеческая», а также Земский Собор и свободная Польша. Руководили этой организацией лондонские пропагаторы — пятидесятилетние Герцен, Огарев и Бакунин — все из хороших дворянских семей, убежавшие из России, когда в

ней ни Землей, ни Волей и не пахло, а пахло кровью и поро-
хом, ибо шпицрутены и расстрелы при государе Николае Пав-
ловиче были повседневной явью этой страны. И потому эмиг-
ранты честно и громко говорили об этом и звали Русь к топо-
ру. А когда рабство пало, звать к топору было уже вроде бы и
ни к чему, да других песен они не знали, и потому пели свои
старые погудки слегка на новый лад. И так как поднять народ
на мятеж не удалось, то и приказала «Земля и воля» через два
года долго жить, не умерев, правда, а всего лишь заснув летар-
гическим сном.

И продолжался ее сон целых тринадцать лет, пока не воз-
родилась она под тем же названием, но в ином обличьи. Те-
перь уже ее организаторы вели речи о том, чтобы всем просве-
щенным миром пойти в народ и убедить крестьян, что их спа-
сение и правда в том, чтобы в их руках оказалась вся земля, а
воля бы их была в том, чтобы Империя оказалась поделенной
на части «соответственно местным желанием». С такой про-
пагандой и пошли в народ сотни пропагаторов — мужчин и
женщин, и отправились они на Волгу и на Дон, в Тамбовскую
и Воронежскую губернии, на Кавказ, на Урал и даже в Си-
бирь.

В эту обновленную организацию вошли все социалисты-
народники, до того рассеянные по разным другим революци-
онным кружкам и организациям. Вскоре всей России стали
известны А.Д.Михайлов, А.А.Квятковский, Л.А.Лизогуб,
С.М.Кравчинский, С.Л.Перовская, В.Н.Фигнер, А.К.Со-
ловьев, с которыми мы еще встретимся на страницах этой
книги. Сначала и в новой «Земле и воле» преобладали умерен-
ные настроения и большинство ее членов считали главным
содержанием в деятельности организации просветительную
работу среди крестьян, рабочих и студентов. Однако 24 янва-
ря 1878 года Россия узнала, что помимо учителей, землемеров
и акушерок в этой организации имеются и профессионально
подготовленные террористы. Именно тогда 24 января 1878
года, в собственном кабинете, на Адмиралтейском проспекте
Петербурга выстрелом из револьвера, в упор, был тяжело ра-
нен петербургский градоначальник, генерал-адъютант
Ф.Ф.Трепов. В него стреляла двадцативосьмилетняя дворян-
ка, учительница, в прошлом политическая ссыльная Вера
Ивановна Засулич.

Ей не было еще и двадцати лет, когда она вошла в терро-
ристическую, заговорщическую группу Сергея Геннадьевича
Нечаева — выдающегося честолюбца, интригана и мистифи-
катора, создавшего в 1869 году тайную организацию «Народ-
ная расправа». Почти сразу же нечаевцы — главным образом

студенты Петровской сельскохозяйственной академии — по его приказу убили собственного товарища И.И.Иванова, обвинив его в предательстве, хотя улики против Иванова были совершенно недостаточны. Сделано же это было для того, чтобы «сцементировать организацию кровью».

Сам Нечаев проповедовал ради совершения революции идти на самые крайние меры. А в написанном им программном сочинении «Катехизис революционера» требовал от членов организации подавлять в себе любое из человеческих чувств, мешающее революции. Он требовал порвать с окружающим революционера миром, стать яростным и беспощадным его врагом, порвать с его законами и приличиями, нравственностью и гуманизмом, не останавливаться перед убийствами, шантажом, провокациями, обманом, запугиваниями, беспрекословно выполняя приказы, исходящие из глубоко законспирированного революционного центра. После убийства Иванова Нечаев бежал за границу, но через три года был арестован в Швейцарии и передан в Россию. Его приговорили к 20 годам каторги, и когда он сидел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, его бывшая единомышленница Засулич и совершила покушение на Трепова. На суде она объяснила свой поступок тем, что мстила за заключенного студента-революционера Боголюбова, которого Трепов приказал высечь розгами за нарушение режима. Засулич предстала перед детищем Александра II — судом присяжных — и суд всего за одно заседание в тот же день 31 марта 1878 года оправдал ее. Восторженная толпа, осаждавшая здание петербургского Окружного суда, вынесла героиню процесса на руках, засыпав оправданную и ее адвоката П.А.Александрова цветами.

Не меньшая популярность выпала и на долю председателя Окружного суда, ведшего это дело, Ф.Ф.Кони. Оправдательный приговор был вынесен в то время, когда вслед за покушением на Трепова террористы произвели целый ряд дерзких, дотоле не бывавших в России преступлений.

24 января Засулич ранила Трепова. 30 января, в Одессе, при обыске, полиции было оказано вооруженное сопротивление, и только вмешательство войск позволило совершить арест преступников. 1 февраля, в Ростове-на-Дону, революционеры убили провокатора-рабочего. 23 февраля, в Киеве, было совершено покушение на товарища прокурора Котляревского, который спасся, буквально, чудом: три пули, выпущенные в него с близкого расстояния, не задели его. На следующий день террористы стали расклеивать на стенах домов листовки с сообщением, что Котляревский и жандармский

капитан барон Гейкинг приговорены революционерами к смерти. В это время полиция и жандармы попытались захватить расклейщиков, но те, отнюдь, не побежали, а открыли огонь.

Студенческие волнения и демонстрации во Владимире, Москве и Петербурге дополняли картину происходящего в России в феврале-марте 1878 года.

После суда над Засулич, тут же уехавшей в Швейцарию, убийства не прекратились. 24 мая киевские террористы ударом кинжала убили Гейкинга.

Летом этого же года перед судом предстали революционеры, оказавшие в Одессе вооруженное сопротивление при обыске 30 января. Руководителем этой акции был видный народник-бунтарь, сын священника Иван Мартынович Ковальский. Он первым в России совершил такое преступление и первым предстал перед военным судом, который и приговорил его к расстрелу.

Казнь Ковальского была совершена 2 августа 1878 года, а 4 августа, в ответ на это, в Петербурге, ударом кинжала в грудь был убит в центре города, среди бела дня Управляющий Третьим отделением и шеф жандармов, генерал-адъютант Н.В.Мезенцов. Его убийцы тут же скрылись. То, что начальник Тайной полиции Империи был убит столь безжалостно и дерзко, заставило Александра прибегнуть к чрезвычайным мерам и передать дела о государственных преступлениях ведению военных судов «с применением ими наказаний, установленных для военного времени».

Но и эти меры оказались неэффективными. 9 февраля 1879 года выстрелом из револьвера был убит харьковский губернатор, генерал-майор свиты его величества, князь Д.Е.Кропоткин, за то, что жестоко подавил бунты в Белгородской и Новоторжской тюрьмах. Убийце удалось скрыться. А 13 марта в Петербурге было совершено покушение на шефа жандармов и управляющего Третьим отделением, генерал-адъютанта А.Р.Дрентельна.

Не прошло и месяца, как очередь дошла и до самого императора.

Когда Александр стал объектом очередного покушения, большинство россиян сочло это не просто преступлением, но тяжким грехом. Однако многие остались почти безразличны к случившемуся, а некоторые тайно огорчились, что третье покушение оказалось таким же безрезультатным, как и первые два.

Как бы то ни было, но вскоре после этого в деятельности главных российских террористов получила развитие своя не-

умолимая логика: они решили заняться охотой на медведя, оставив энтузиастам-одиночкам охоту на более мелкое зверье.

И все же третье покушение на Александра совершил революционер-народник, подготовивший и осуществивший этот акт по собственной инициативе без ведома и указания руководителей своей партии. Третье покушение произошло 2 апреля 1879 года, когда Александр гулял по Дворцовой площади, как и обычно, без охраны. Он привык к тому, что узнававшие его люди здоровались с ним, и потому не обратил внимания, когда встретившийся ему молодой мужчина, снял картуз и вежливо поклонился. Александр в ответ поклонился столь же вежливо, но, кланяясь, успел краем глаза заметить, как мужчина наставил на него револьвер. Сохранив самообладание, Александр мгновенно отскочил в сторону и, хотя прогремело четыре выстрела подряд, ни одна пуля его не задела.

В это время проходившая мимо молочница бросила бидоны, бросилась на террориста и обхватила его мертвой хваткой. Террорист, выронив револьвер, стал вырываться из ее объятий, но это удалось ему только тогда, когда он ухитрился укунить молочницу за палец, и та выпустила его. Однако тут же возле убийцы появились другие прохожие, повалили его и передали полиции.

Стрелявшим оказался бывший студент Петербургского университета, проучившийся всего один год, а потом занимавшийся пропагандой, тридцатитрехлетний Александр Константинович Соловьев. Он категорически отказался давать какие-либо показания о побудительных мотивах своего преступления. Следователь напрасно убеждал Соловьева быть откровенным. Однако тот ответил: «Не старайтесь. Вы ничего от меня не узнаете. Уже давно я решил пожертвовать своей жизнью. К тому же, если бы я сознался, меня бы убили мои соучастники. Даже в той тюрьме, где я теперь содержусь». Он не изменил линии поведения до конца следствия. Соловьева судили в Верховном уголовном суде и повесили 28 мая того же года.

Выстрелы Соловьева, его покушение, уже третье — после Каракозова и Березовского — особенно плохо отразились на здоровье императрицы, давно уже тяжело больной.

— Больше незачем жить, — сказала она, — я чувствую, что это меня убивает. Знаете, сегодня убийца травил его, как зайца. Это чудо, что он спасся, — вспоминала А.Ф.Тютчева.

Пожалуй, ненамного легче воспринимал все произошедшее и Александр. После того как он вернулся с войны, а осо-

бенно после Берлинского Конгресса, ему часто приходилось сталкиваться не просто с неблагодарностью и непониманием, но с ослеплением и ненавистью, которых он — царь и христианин — понять не мог. Размышляя над своим царствованием, он отдавал отчет в том, что до него ни один царь не дал России так много свобод и вольностей, как он. Он отменил рабство, запретил шпицрутены и розги, раскрыл двери гимназий и университетов и школ для детей всех сословий, сделал гласным и справедливым суд, поломал рекрутчину, раскрыл границы — и за все это получает выстрел за выстрелом.

Покушение Соловьева произошло после Берлинского Конгресса, когда против царя ополчились все ура-патриоты, революционеры и недовольные Крестьянской реформой, вчерашние крепостники.

Лидер славянофилов И. С. Аксаков разжигая недовольство царем, говорил: «Берлинский мир был для России и династии Романовых гораздо более тяжким ударом, чем любой террористический акт нигилистов». Так это, или не так, утверждать было немного рано, но уже на процессе по делу Соловьева стало ясно, что где-то в таинственных глубоких подвалах кует свое отравленное оружие подпольная Россия, объединившаяся в организации убийц, взявшей себе имя — «Земля и воля». И величайшим парадоксом было то, что он, давший России столько Воли и столько Земли, сколько можно было дать, стал главным врагом этой организации и средостением чудовишной, испепеляющей, смертельной ненависти.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Облава на самодержца

В августе 1879 года в русском революционном движении победили радикалы-террористы, создавшие внутри партии «Народная воля» хорошо законспирированный подпольный центр — Исполнительный комитет, поставивший перед собою задачу подготовки убийства Александра II. Его убийство народовольцы считали самым важным шагом на пути к социальной революции. Они верили, что смерть царя, показав их необыкновенное могущество, заставит народ подняться на всеобщее вооруженное восстание, итогом которого станет установление народовластия и социализма.

А пока Исполнительный Комитет в глубоком подполье ковал оружие террора, готовя боевые группы и создавая арсенал разнообразных орудий убийства. Александр принимал свои контрмеры.

В шесть крупнейших городов Империи — Москву, Петербург, Варшаву, Киев, Харьков и Одессу — оказавшихся к тому же глубже других зараженными бациллами революции, были назначены генерал-губернаторы, наделенные чрезвычайными полномочиями. Среди них были герои последней войны: руководитель осады Плевны инженер-генерал Э.И.Тотлебен, прославившийся еще в Кавказской войне и обороне Севастополя, был направлен в Одессу; отличившийся во многих сражениях на Балканах, освободитель Софии, генерал от инфантерии В.И.Гурко стал генерал-губернатором Петербурга; генерал-адъютант М.Т.Лорис-Меликов — ветеран войны против Шамиля и покоритель Карса, стал генерал-губернатором не только на Харьковщине, но и получил под свою власть половину Поволжья — Астраханскую, Самарскую и Саратовскую губернии.

5 августа Александр подписал Указ, сильно ужесточивший полицейский режим и существенно упрощавший процедуру судопроизводства. Все дела о терроре передавались в ведение Чрезвычайных военно-полевых судов. Обвиняемых, захваченных на месте преступления с оружием в руках, судили без предварительного следствия, без допроса свидетелей и приговор такого суда обжалованию не подлежал — он был окончательным.

Казалось, что в стране наступило спокойствие. Однако вскоре же стало ясно, что оно было не более чем затишьем перед бурей, во время которого Исполнительный Комитет «Народной воли» заканчивал подготовку страшных, дотоле небывалых деяний.

Руководителем террористического ядра был Андрей Иванович Желябов, сын дворового человека, родившийся крепостным. Когда было ему десять лет, пало крепостное право и он поступил в Керченскую гимназию. Он закончил ее в 1869 году и тогда же поступил на юридический факультет Новороссийского университета в Одессе. Через два года его исключили за участие в студенческих беспорядках и выслали из Одессы. С этого времени и до конца своих дней колесил Желябов по России, сея зерна революции, убеждая и доказывая, что будущее России только в революции. Он прошел через подпольные кружки и студенческие сходки, через тюрьмы и политические процессы и, наконец, пришел к выводу, что единственным средством осуществления его идеалов может быть только террор. В июне 1879 года Желябов приехал в Липецк, где втайне от своих товарищей-землеольцев собрались еще десять его единомышленников-террористов и объявили себя Исполнительным Комитетом Социально-революционной

партии. Оттуда конспираторы переехали в недалекий Воронеж, где собрался съезд «Земли и воли». Они поняли, что с их прежними товарищами им не по пути и через два месяца создали собственную организацию — «Народная воля», став во главе ее и сделав ее единственной целью террористические акты. После Воронежского съезда в Исполнительный Комитет вошла Софья Львовна Перовская. В отличие от Желябова она принадлежала к аристократии, так как была правнучкой графа А.К.Разумовского и дочерью действительного статского советника, члена Совета при Министре внутренних дел Льва Николаевича Перовского.

Она рано ушла из дома, и после окончания Высших женских курсов (так называемых «Аларчинских») в Петербурге. Перовская встает на ту же тропу, что и Желябов и также, как и он, проходит через кружки, тюрьмы и подполье. Именно она стала поставщицей самой ценной информации, так как ее близкие знали многое из того, что помогало террористам при подготовке покушений на Александра и его приближенных.

Первая террористическая акция начала разрабатываться после того, как Софья Перовская узнала через свою мать, что в ноябре 1879 года Александр с семьей проедет из Ливадии в Петербург через Одессу, Харьков и Москву.

Было решено взорвать царский поезд в одном из пунктов на пути его следования. Террористы рассчитали, что из Ливадии Александр II непременно поедет или через Одессу, если выберет маршрут Крым — Одесса морем, а затем Одесса — Москва поездом, или только по железной дороге, если отправится в Москву из Симферополя. Для того чтобы действовать наверняка, минные засады следовало учинить в Одессе, в Александровске — заштатном городишке между Курском и Белгородом — и в Москве. Полагали, что успех должен быть совершенным и где-то хотя бы в одном из трех мест смерть неминуемо настигнет Александра.

В сентябре 1879 года в Одессу с грузом динамита приехала Вера Фигнер. Затем с дополнительным грузом взрывчатки прибыл Николай Кибальчич. Изобразив супружескую пару, они на имя Иваницких сняли квартиру в доме № 66 по Екатерининской улице и там изготовляли запалы, сушили пироксилин, апробировали аппараты для взрыва. Им помогали народовольцы: Н.Колодкевич, М.Фроленко, Т.Лебедева. Вскоре Фроленко и Лебедева образовали еще одну «супружескую» пару и сняли железнодорожную будку. Фроленко устроился железнодорожным сторожем неподалеку от местечка Гниляково.

Сюда понемногу стали свозить динамит, и когда его оказалось уже вполне достаточно для осуществления взрыва, вдруг появился народоволец Григорий Гольденберг с поручением Исполнительного Комитета передать ему часть взрывчатки для Москвы, где ее не хватало, а шансы на успех считались самыми вероятными.

Однако, когда Гольденберг, одевшись истинным денди, нес на одесском вокзале большой и тяжелый чемодан с динамитом, не доверив его носильщику, он вызвал тем самым подозрение одного из железнодорожных служащих, который после недолгих размышлений сообщил об этом в полицию.

Поезд тем временем ушел и Гольденберга задержали лишь в Елисаветграде. Он попытался бежать, но был схвачен, обезоружен и арестован. При допросах полиция не узнала, где, когда, на кого и кем готовится покушение, но назначение динамита не вызвало у следствия никаких сомнений, и были приняты все меры для обеспечения безопасности царя.

Первым делом отменили его следование через Одессу, — ведь Гольденберг был замечен именно там.

Это поняли и террористы и сразу же ликвидировали свою явочную квартиру в Одессе и сосредоточили усилия в Александровске и Москве. В Александровске покушение готовила группа террористов, возглавляемая Андреем Желябовым. Он появился там 1 октября с «женой» Анной Якимовой и «приказчиком». Выдав себя за купца Тимофея Черемисинова, Желябов попросил у александровской городской думы продать ему участок земли под строительство кожевенного заводика. Разумеется, участок находился неподалеку от железной дороги. Дума разрешила, и купец для начала снял домик на «своем» участке. Вскоре Кибальчич привез взрывное устройство — «спираль Румкорфа» — и 18 ноября к взрыву все было готово. В этот же день, спрятавшись в овраге, они увидели царский поезд и быстро произвели все необходимые манипуляции, но взрыва не последовало. (В дальнейшем Исполнительный комитет создал специальную комиссию, которая расследовала причины неудачи, и оказалось, что Желябов неправильно соединил провода.)

Теперь все надежды связывались с Москвой, где по аналогичному сценарию действовала еще одна «супружеская пара» — Софья Перовская и Лев Гартман. Выдав себя за мещан Сухорукых, они сняли на окраине Москвы небольшой домик, неподалеку от которого проходило полотно Московско-Курской железной дороги. Из этого домика Гартман и Перовская начали вести подкоп, в конце которого должны были заложить мощную мину. В доме у них скрытно появлялись и так же

скрытно исчезали, чаще всего по ночам, группы помощников-землекопов. Это были: А. Михайлов, А. Арончин, Г. Исаев, А. Баранников, Н. Морозов. Работа была грязной и трудной, ибо подкоп превышал двадцать саженей в длину, и только его сооружение обошлось в сорок тысяч рублей, для чего на последнем этапе был даже заложен дом, откуда этот подкоп шел.

Ползая на четвереньках, по шею в холодной и мокрой грязи, работая с раннего утра до позднего вечера, народовольцы успевали проходить за рабочий день от двух до трех аршин, т.е. от полутора до двух метров. К 19 ноября, дню прохода царского поезда, и здесь все было готово.

Народовольцы знали, что царский поезд состоит из двух составов: в первом — «Свитском» — едут чины свиты, основная масса конвоя и слуг, багаж; во втором, собственно «Царском» — император, его семья и самое близкое дворцовое окружение. Причем идут они не друг за другом, а с интервалом в полчаса. Поэтому решено было, пропустив поезд свитский, взорвать царский. Так и сделали. И когда по сигналу Перовской, «адская машина» сработала, раздался взрыв, вагоны второго поезда налетели друг на друга, а четвертый вагон перевернулся вверх колесами...

Террористы видели, что локомотив и многие вагоны искорежены, они слышали крики и стоны раненых, и были уверены, что и Александр или ранен, или убит.

Но и на этот раз судьба сохранила Александра.

В Симферополе по техническим причинам первым пошел не свитский поезд, а поезд царя. И террористы взорвали его, приняв за поезд императора.

Взрыв взбудоражил всю Москву. Тотчас же разнесся слух, что это дело рук студентов и толпы верноподданных москвичей ринулись к университету, но там уже стояла полиция и погромщики отхлынули в Кремль, чтобы там, в Успенском соборе, отслужить благодарственный молебен за здоровье и чудесное спасение государя.

Великий князь Александр Михайлович, сын великого князя Михаила Николаевича — родного брата императора Александра II, — женившийся в 1894 году на своей двоюродной племяннице, великой княжне Ксении Александровне — дочери императора Александра III, писал в начале 30-х годов, находясь в эмиграции в Париже: «Было ли слишком слабым сравнением, если бы я сказал, что мы все жили в осажденной крепости. На войне друзья и враги известны. Здесь мы их не знали. Камер-лакей, подававший утренний кофе, мог быть на службе у нигилистов. Со времени ноябрьского взрыва (взры-

ва поезда в Москве), каждый истопник, входящий к нам, чтобы вычистить камин, казался нам носителем адской машины.

Ввиду значительности пространства, занимаемого Петербургом, полиция не могла гарантировать безопасности всем членам императорской семьи за пределами их дворцов. Великие князья просили государя переселиться в Гатчину, но доверчивый Александр II, унаследовавший от своего отца его храбрость, наотрез отказался покинуть столицу и изменить маршрут своих ежедневных прогулок... и воскресные парады войск гвардии»⁴⁸.

Неудача не остановила террористов и они решили перенести место действия прямо в Зимний дворец. Для этого во дворец был направлен красивый, статный, молодой столяр Степан Халтурин, близкий знакомый и Желябова и Перовской. Халтурин устроился в Зимний на работу, а там познакомился с одним из жандармов, стал ходить к нему домой, понравился его дочери и даже пообещал жениться. Благодаря протекции своего будущего тестя, Халтурину выделили в подвале маленькую комнатку, где он и стал жить. Рядом с ним, в более просторных казарменных комнатах жили солдаты лейб-гвардии Финляндского полка, несшие во дворце караульную службу.

Днем Халтурин работал в царском винном погребе, облицовывая стены, а после выходов в город, прятал там же пачки динамита, которые передавал ему Кибальчич. Иногда он прятал динамит у себя в комнатке, а порой и спал, обвязанный пакетами, отчего к утру у него разламывалась от боли голова.

Так он готовился около трех недель — с середины января и до начала февраля 1880 года. Теперь следовало выбрать момент, когда бы царь оказался над винным погребом, где был спрятан и подготовлен к взрыву огромный заряд динамита.

А в это время полиция и жандармерия устроили усилия по ликвидации «Народной воли». Результаты не замедлили сказаться. — были арестованы видные руководители партии — Степан Ширяев и Александр Квятковский, в Саперном переулке, в Петербурге, обнаружена типография. Здание типографии было взято штурмом. Полиция и подпольщики устроили в переулке настоящее сражение, но силы были неравными и полиция победила.

Однако эти операции проходили в спешке и суматохе и жандармы не прорабатывали до конца всех версий, какие могли бы навести их на верный след террористов. Так, на квартире народника Богословского при обыске, произведенном полицией после доноса, были обнаружены свежие номера газеты «Народная Воля», приготовленные к распростране-

нию. Там же была обнаружена нелегальная литература, револьвер и три карандашных рисунка планов Зимнего дворца. Рисунки были показаны коменданту дворца и он сказал, что они совершенно точны, и что царские апартаменты обозначены на плане совершенно правильно. Более того, на плане обнаруживают и четко нарисованный кружок, расположенный рядом с помещениями солдатского караула, под царской столовой, но по необъяснимым причинам эта версия не разрабатывается до конца и Халтурин продолжает свое дело.

Исполнительный Комитет торопит Халтурина, но он действует наверняка и не спешит. Он прожил в Зимнем уже несколько месяцев, за это время довольно хорошо и подробно изучил его план, и знал, что над погребом находится зал, где обычно обедает и ужинает вся царская семья. То, что при взрыве погибнут и жены, и дети, и слуги, и солдаты — ни Халтурина, ни его руководителей ни капельки не смущало. Он был настоящим революционером, а значит холодным и расчетливым прагматиком и ему предстояло лишь точно выбрать время взрыва, зная наверняка, что царь в столовой. И снова в центре событий оказалась Перовская. Снова, как и в первый раз, узнала она от матери, что 5 февраля к царю пожалует брат императрицы — Светлейший князь Александр Баттенбергский с сыном Александром. На подобных приемах обычно бывали все члены царской семьи, и, конечно же, обязательно сам царь, и что еще было важно, — такие приемы относились не просто к семейным торжествам, а к государственным актам, и потому требовали точного соблюдения протокола и строго выдерживались во времени.

Начало ужина было назначено на 6 часов и Желябов приказал произвести взрыв в двадцать минут седьмого, когда вся семья уже будет за столом. Однако поезд опоздал на десять минут, а кроме того, отец и сын, оказавшись во дворце, сначала пошли к императрице Марии Александровне, так как она из-за болезни не могла присутствовать за ужином, и должна была оставаться в своих апартаментах.

Обо всех этих тонкостях дворцовый столяр, разумеется, не знал, и потому никаких поправок в свой план не внес. И когда отец и сын Баттенберги сидели у постели их сестры и тетки, император ждал своих гостей в соседнем со спальней большой кабинете, а цесаревич Александр и великие князья и княгини стояли в ожидании отца и гостей в смежном со столовой зале, раздался взрыв. Погас свет, зазвенели выбитые стекла, посыпалась штукатурка. Никто из членов семьи не пострадал, но было убито девятнадцать и ранено сорок восемь солдат. Столовая и соседняя с нею Желтая гостиная были совершенно

разрушены, из подвала валил дым, и снова Александр, не потеряв самообладания, мгновенно бросился помогать раненым... Но тут же ужасная мысль молнией ожгла его мозг, и он, почувствовав, как падает сердце, побежал к лестнице, ведущей на третий этаж. Не помня себя, Александр в несколько прыжков одолел первый марш и вдруг увидел, как навстречу к нему, в ад и мрак взрыва, летит Катенька. Он схватил ее в объятия и они оба, прижавшись друг к другу, заплакали.

После этого взрыва Петербург оказался в состоянии глубокого шока. Находившийся тогда в Петербурге французский дипломат и литератор, маркиз Эжен-Мельхиор де Вогюэ писал: «Пережившие эти дни могут засвидетельствовать, что нет слов для описания ужаса и растерянности всех слоев общества. Говорили, что 19 февраля в годовщину отмены крепостного права будут совершены взрывы в разных частях города. Указывали, где эти взрывы произойдут. Многие семьи меняли квартиры, другие уезжали из города. Полиция, сознавая свою беспомощность, теряла голову. Государственный аппарат действовал лишь рефлекторно. Общество чувствовало это, жаждало новой организации власти, ожидало спасителя».

Несмотря на опасение нового покушения и хорошо осознавая угрозу собственной жизни, Александр через три дня после случившегося в Зимнем дворце пошел на похороны солдат, погибших при взрыве. Он шел с высоко поднятой головой, но все видели, как по его щекам бегут слезы. И все же горе не сломило воли царя и он продолжал и дальше решительно бороться с террористами.

Для централизации усилий правительства и местных органов власти через неделю после взрыва была создана Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Ее начальником стал М.Т.Лорис-Меликов, а в состав комиссии вошли член Государственного Совета, сенатор К.П.Победоносцев, начальник штаба Петербургского военного округа, генерал-адъютант, князь А.К.Имеретинский, товарищ управляющего Третьим отделением, генерал-майор П.А.Черевин, управляющий делами Комитета министров М.С.Каханов, сенаторы, генералы и чиновники высших рангов по службе ответственные за сохранение порядка.

Лорис-Меликов получил небывало широкие полномочия и мог бы стать диктатором России, если бы у него имелись такие склонности. Но он был человеком совсем иного склада, и когда, как ему показалось, обстановка немного нормализова-

лась, он просил царя отменить чрезвычайное положение и чрезвычайные законы и вернуться к обычному ходу дел. И это несмотря на то, что через десять дней после того, как Лорис-Меликов стал во главе Комиссии и на него было совершено покушение.

Террорист-народоволец Молодецкий стрелял в «диктатора» на улице, но храбрый 55-летний генерал обезоружил его, свалил на тротуар и передал подоспевшим полицейским. По новому закону террорист был осужден в 24 часа и повешен.

Менее чем через два месяца после этого 11 апреля 1880 года Лорис-Меликов поставил перед Александром вопрос о дальнейшем проведении реформ — крестьянской, судебной, финансовой, городской и других, не отказываясь от борьбы с террором. Так, продолжая реформы, и в то же время усиливая борьбу с революционерами, Лорис-Меликов пытался смирить Россию.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

От тризны к свадьбе

22 мая 1880 года в 8 часов утра умерла императрица Мария Александровна. Она тихо скончалась после очень долгой болезни, продолжавшейся полтора десятка лет. Последний месяц больная почти все время находилась в полузабытии и умерла так незаметно, что не успели даже позвать близких для того чтобы проститься с нею. 28 мая ее похоронили в Петропавловском соборе и во время похорон царедворцы заметили, что Екатерины Михайловны среди присутствующих нет, несмотря на то, что она, как фрейлина должна бы была провожать императрицу в последний путь.

Долгорукова осталась в Царском Селе и там ждала Александра. Он приехал к ней на следующий день и посвятил ее в планы относительно перемен, которые неминуемо должны были произойти в связи со смертью Марии Александровны и в штате двора и в его собственном домашнем обиходе, не касаясь существа их личных взаимоотношений.

Среди тех намерений, о которых царь сообщил своей возлюбленной было и одно весьма немаловажное, касающееся его невестки Марии Федоровны.

Это намерение Александр и осуществил уже на следующий день, 29 мая, издав рескрипт на имя цесаревны Марии Федоровны, которым она назначалась преемницей скончавшейся императрицы и объявлялась Августейшей покрови-

тельницей и руководительницей Ведомства императрицы Марии*.

О масштабах Ведомства и разносторонности его деятельности свидетельствует то, что к этому времени в его состав входило 459 учреждений: Александровский (Царскосельский) Лицей, Николаевский Сиротский институт в Гатчине, 27 женских институтов со Смольным во главе, 77 женских школ, 31 мужская гимназия, 20 специальных мужских учебных заведений, училища для глухонемых, воспитательные дома, училища нянь, фельдшерниц, дома призрения для больных и престарелых, богадельни, повивальные (акушерские) пункты, 113 детских приютов, благотворительные общества, 23 больницы и т.п.

Кроме того к Марии Федоровне перешло и руководство «Российским обществом Красного Креста», которое возникло за 13 лет перед тем под названием «Общества о раненых и больных воинах». (Забегая вперед, скажем, что Мария Федоровна руководила им и в годы Русско-Японской и во время 1-й Мировой войны, и руководила весьма успешно.)

И лишь 25 июня — через месяц после похорон жены — Александр сказал Екатерине Михайловне то, чего она ждала вот уже четырнадцать лет: «Петровский пост кончится 6 июля. В этот день я решил обвенчаться с тобой». Однако он ни слова не сказал об этом ни одному человеку. Лишь за два дня до срока, 4 июля, Александр, находясь в Царском Селе, вызвал Александра Адлерберга и заявил, что хочет обвенчаться с Долгоруковой. Адлерберг пытался возражать, но царь сказал, что волен распоряжаться собственной судьбой, как сочтет нужным, тем более, что жениться на Долгоруковой ему велит чувство долга перед нею и их общими детьми. Свадьба была назначена на послезавтра и она в тот же день и состоялась в три часа дня в Большом Царскосельском дворце в одной из маленьких комнат, где стоял походный алтарь — обыкновенный стол, на котором размещались: крест, евангелие, свечи, венцы и обручальные кольца. Протоиерей Ксенофонт Яковлевич Никольский, протодьякон и дьячок уже ждали молодых в полном облачении. При венчании присутствовали: граф А.В.Адлерберг, генерал-адъютант А.М.Рылеев, мадмуазель Шебеко и генерал-адъютант, граф Э.Т.Баранов.

После венчания Александр пригласил свою молодую жену и Веру Шебеко на прогулку, попросив взять с собою и старших детей — Георгия и Ольгу.

* Это Ведомство носило имя своей основательницы — жены Павла I Марии Федоровны и в царствование Александра II руководило им IV Отделение собственной его величества Канцелярии. Задачей Ведомства было всяческое содействие образованию и воспитанию детей, юношей и девушек и широкая благотворительность всем категориям россиян.

Шебеко рассказывала потом, что вдруг Александр с неожиданной печалью в голосе сказал:

— Я боюсь своего счастья, я боюсь, что меня Бог слишком скоро лишит его. — И вслед за тем настойчиво попросил сына обещать, что он никогда не забудет своего отца.

Возвратившись с прогулки, Александр составил Акт о состоявшемся бракосочетании, подтвержденный подписями Адлерберга, Баранова, Рылеева и его собственной и вслед за тем написал Указ Правительствующему Сенату: «Вторично вступив в законный брак с княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой, мы приказываем присвоить ей имя княгини Юрьевской с титулом «Светлейшей». Мы приказываем присвоить то же имя с тем же титулом нашим детям: сыну нашему Георгию, дочерям Ольге и Екатерине, а также тем, которые могут родиться впоследствии, мы жалуем их всеми правами, принадлежащими законным детям сообразно статьи 14 Основных законов Империи и статьи 147 Учреждения императорской фамилии».

Тем самым Екатерина Михайловна, а также Георгий, Ольга и Екатерина становились полноправными членами императорской фамилии, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако этот документ до поры до времени Александр решил сохранить в тайне. Лишь через десять дней он сообщил о своем новом браке и созданных после него документах приехавшему в Царское Село Лорис-Меликову, да и то предварительно взяв с него клятву о молчании. После этого царь сказал:

— Я знаю, что ты мне предан. Впредь ты должен быть также предан моей жене и моим детям. Лучше других ты знаешь, что жизнь моя подвергается постоянной опасности. Я могу быть завтра убит. Когда меня не будет, не покидай этих столь дорогих для меня людей. Я надеюсь на тебя, Михаил Тариевич.

И в то время когда происходило все то, о чем вы только что прочитали, и много лет спустя, муссировались слухи, что Лорис-Меликов после взрыва в Зимнем стал совершенно послушным орудием в руках Екатерины Михайловны, которая, как любящая женщина и мать все силы направила на то, чтобы спасти жизнь Александра. Она считала, что он будет в безопасности лишь тогда, когда террористы откажутся от своих намерений убить его. А это может быть осуществлено только в одном-единственном случае: если царь и Лорис-Меликов пойдут на выполнение их требований. И так как она видела, что фанатики эти неспособны ни на какой компромисс, то

она умолила «диктатора» протянуть руку примирения террористам.

Реакцией на эти слухи было то, что наиболее решительные сторонники самодержавия, не склонные ни к каким уступкам, возмущались и уклонялись от деятельности, а среди крестьян и в провинциальной глуши были убеждены, что Лорис-Меликов и сам — тайный агент террористов и утверждали, что армянского генерала наняли помещики, недовольные освобождением крестьян, чтобы убить батюшку-царя.

Между тем жизнь страны шла своим чередом и Лорис-Меликов не только пытался искоренять крамолу, но и по мере возможностей старался продолжать развитие реформ. С этой целью он убедил царя ликвидировать Верховную распорядительную комиссию, закрыть Третье отделение, а его самого, освободив от всех экстраординарных должностей, назначить министром внутренних дел. 6 августа Александр согласился, а еще через десять дней выехал в Ливадию, на летний отдых.

Впервые он ехал вместе с Екатериной Михайловной, Георгием и Ольгой в Царском поезде, совершенно открыто и официально, так как накануне отъезда Александр уведомил о состоявшейся женитьбе цесаревича Александра Александровича.

Наследник престола, выслушав отца, проявил сдержанность и почтительность, какие другой на его месте мог бы и не обнаружить — ведь речь шла о таком изменении в семье, которое прежде всего ставило под угрозу статус наследника.

Положение цесаревича осложнялось еще и тем, что он возглавлял при дворе «партию» контрреформ. Правда, такое название эта «партия» получила чуть позже, когда контрреформы начали осуществляться на практике, но и тогда она уже существовала, включая ближайших сотрудников и единомышленников цесаревича, собиравшихся в занимаемом им Аничковом дворце.

Это были решительные сторонники неограниченного самодержавия и ортодоксального православия, люди волевые, решительные, упрямые, до конца уверенные в собственной правоте. За их плечами был большой государственный опыт, отличное знание государственного механизма и лабиринтов российской административной системы.

В этой «партии» первые роли играли графы Д.А.Толстой, Н.П.Игнатьев, князя С.М.Воронцов, В.П.Мещерский, М.Н.Катков и К.П.Победоносцев. Все они, занимая различные немаловажные посты, в еще большей степени имели неофициальное влияние либо из-за своих традиционных родо-

вых связей, либо из-за высокого общественного авторитета в рядах правой оппозиции. Им противостояла немногочисленная группа сторонников умеренных реформ, группировавшаяся вокруг царя.

За день до отъезда с царем в Ливадию Лорис-Меликов встретился с наследником у императора и они вместе попытались доказать цесаревичу свою правоту, — а именно то, что консервация общества приведет лишь к усилению революционеров, в то время, как либерализация режима лишит их почвы и питательных соков недовольства самодержавием, которыми они кормятся, эксплуатируя недовольство городского плебса и разночинцев.

В Ливадии Лорис-Меликов вернулся к этой проблеме и стал настойчиво доказывать царю, что окончательную победу над революционерами они одержат только тогда, когда даруют России Конституцию. Александр не отвергал и не принимал идею преобразования государства в конституционную монархию, пообещав Лорис-Меликову решить вопрос по возвращении в Петербург.

Чтобы сделать предстоящее решение еще более привлекательным, Лорис-Меликов стал играть на самых тонких струнах царского сердца. Однажды он вспомнил, что первой женой первого русского царя из дома Романовых — Михаила Федоровича — была княжна Мария Владимировна Долгорукова, в другой раз, задумчиво поглядев на сына царя — Георгия, он сказал:

— Когда русский народ познакомится с сыном вашего величества, он весь, как один человек, скажет: «Вот этот — наш».

Через несколько дней после этого Александр наградил Лорис-Меликова орденом Андрея Первозванного. Было ли награждение напрямую связано с последним эпизодом, можно только гадать, но факт остается фактом.

11 сентября 1880 года Александр перевел в Государственный банк 3302970 рублей на имя Екатерины Михайловны Долгоруковой, написав: «Ей одной я даю право распоряжаться этим капиталом при моей жизни и после моей смерти»⁴⁹. И подкрепляя свое распоряжение, через два месяца, 9 ноября, написал цесаревичу такое письмо: «Дорогой Саша! В случае моей смерти поручаю тебе мою жену и детей. Твое дружественное расположение к ним, проявившееся с первого же дня знакомства и бывшее для нас подлинной радостью, заставля-

ет меня верить, что ты не покинешь их и будешь им покровителем и добрым советчиком.

При жизни моей жены наши дети должны оставаться лишь под ее опекой. Но если Всемогущий Бог призовет ее к себе до совершеннолетия детей, то я желаю, чтоб их опекуном был назначен генерал Рылеев или другое лицо по его выбору и с твоего согласия.

Моя жена ничего не унаследовала от своей семьи. Таким образом, все имущество, принадлежащее ей теперь, движимое и недвижимое, приобретено ею лично, и ее родные не имеют на это имущество никаких прав. Из осторожности она завещала мне все свое состояние, и между нами было условлено, что если на мою долю выпадет несчастье ее пережить, все ее состояние будет поровну разделено между нашими детьми и передано им мною после их совершеннолетия или при выходе замуж наших дочерей.

Пока наш брак не будет объявлен, капитал, внесенный мною в Государственный банк, принадлежит моей жене в силу документа, выданного ей мною.

Это моя последняя воля, и я уверен, что ты тщательно ее исполнишь. Да благословит тебя Бог! Не забывай меня и молись за так нежно любящего тебя. Па»⁵⁰.

19 ноября было решено уезжать из Ливадии в Петербург, несмотря на то, что незадолго до этого дня полиция обнаружила в районе станции Лозовая готовый к взрыву заряд, уложенный под полотно железной дороги. И все же было решено ехать.

В полдень 21 ноября Александр с новой семьей прибыл в Петербург. Там ждал их приятный сюрприз — Екатерину Михайловну ввели в новые роскошные апартаменты, приготовленные ей по приказу заботливого мужа.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Последнее покушение

В то самое время, когда Александр возвратился в Петербург, Лорис-Меликов добился и у царя, и у наследника согласия на то, чтобы земства посылали своих представителей на заседания Государственного Совета, для участия в выработке законов, и, таким образом, сделали бы его представительным органом.

Однако в это же самое время «Народная воля» развила бешеную деятельность, направив все свои усилия на то, чтобы задуманное убийство Александра наконец-то увенчалось успехом.

И в те дни, когда планы были уже составлены и частично проработаны, когда в Петербург съехались все участники готовящегося убийства, в Елисаветграде, незадолго до нового, 1880 года, как раз и был арестован Григорий Гольденберг, не только взятый с поличным (уже упоминавшимся чемоданом динамита), но и до того убивший харьковского генерал-губернатора, князя Кропоткина.

Следователем к нему был назначен полковник Добржинский, который, играя на чудовищно гипертрофированном самолюбии и некоем подобии мании величия, сумел вовлечь Гольденберга в игру, где подследственному была предоставлена роль пророка, выводящего заблудшую молодежь России из тьмы преступлений к свету всеобщего Примирения.

Гольденберг написал показания, превышающие полторы сотни страниц, называя имена, адреса, события, факты, что и было умело препарировано и ловко использовано жандармами для арестов тех из террористов, которых сумели найти.

После Нового года Гольденберг перевезли в Петропавловскую крепость, где его посетил Лорис-Меликов.

Граф не скрыл, что предстоящие процессы над теми, кого уже арестовали, едва ли обойдутся без смертных приговоров.

15 июля 1880 года, осознав, к чему привели его откровения, Гольденберг покончил с собой в камере Трубецкого рavelина. Но и после его смерти казни выданных им революционеров продолжались.

Параллельно с этим продолжалось и движение страны к Конституции — медленно, довольно робко, более чем половинчато, но — продолжалось.

Александр видел во всем этом и то, чего не видели другие: он хотел не только произвести политическое преобразование России из монархии абсолютной и самодержавной в монархию конституционную, но и короновать Екатерину Михайловну, исполнив тем самым и долг перед своим народом и перед Богом данной ему женой. А затем передать верховную власть своему старшему сыну — цесаревичу Александру Александровичу и уехать из России с Долгоруковой-Юрьевской и их общими детьми в По, или в Ниццу, став частными лицами, и исполнить то, чего не удалось сделать Александру I, рухнувшему под тяжким бременем наследственной власти.

Слухи об этом, — а особенно упорно о Конституции, — стали распространяться по Петербургу, а отсюда и по России сразу после Нового, 1881 года. Называли точные даты опубли-

кования Манифеста, передавали содержание документа, говорили о том, что будет сразу же после того, как все это произойдет.

И в это же самое время Желябов и Перовская закончили последние приготовления к покушению на царя.

Они тщательно изучили время и маршруты Александра, подготовили бомбы, расставили метальщиков, предусмотрев все возможные варианты необходимой подстраховки, определили слабые места охраны и назначили день убийства — 1 марта.

В субботу 28 февраля был канун Великого поста. Александр причастился и вместе с ним прошли этот обряд и все его родные — и дети первой жены со своими близкими, и светлейшая княгиня Юрьевская со своими детьми. Александр, как помазанник Божий, причастился у алтаря сам, а все остальные получили хлеб и вино — тело и кровь Христову — из рук священника. Царь сам поднес к чаше обеих своих маленьких дочерей, после чего ушел с Екатериной Михайловной завтракать.

Не успел он окончить завтрак, как ему передали срочное письмо от Лорис-Меликова. Министр внутренних дел спешил известить царя о том, что 27 февраля арестован Андрей Желябов — организатор и участник всех покушений на Александра с 1879 года.

Чуть погодя во дворец приехал и сам Михаил Тариелович и сообщил, что в самые ближайшие дни следует ожидать очередного покушения и потому следует воздержаться от выездов из дворца.

Александр не согласился с министром и перевел разговор на текущие дела. А таким делом было подписание Манифеста о введении в состав Государственного Совета членов представительных организаций.

После того, как Манифест был подписан, царь поздравил с этим выдающимся событием Екатерину Михайловну, сказав ей, что в понедельник утром, 2 марта, документ будет опубликован в газетах.

Спускаясь по лестнице Зимнего дворца, Лорис-Меликов встретил Шебеко и, отведя ее в сторону, сказал:

— Поздравьте меня, дорогая Варвара Игнатьевна, это — великий день в истории России. Я сейчас же отвезу Манифест в типографию. — Кроме того, он рассказал Шебеко и об аресте Желябова, и о том, что на свободе остаются еще почти все его сообщники, готовящие покушение, и потому царю все еще грозит страшная опасность.

Этим же вечером, после ужина, Александр, Екатерина Михайловна и Шебеко сели играть в «ералаш» — карточную игру, напоминавшую и вист, и преферанс. Когда Александр мешал и сдавал карты, Шебеко решительно попросила царя не уезжать завтра с утра в Конногвардейский манеж на развод.

— А почему же мне не поехать? Не могу же я жить во дворце, как затворник, — возразил царь и начал сдавать карты.

А не поехать он не мог, главным образом, из-за того, что дал слово быть на разводе: в то утро там впервые должен был командовать его племянник, великий князь Дмитрий Константинович, а он пообещал и брату — Константину, и его жене обязательно быть на разводе, чтобы тем усилить для племянника торжественность и праздничность весьма важного для него события.

Утром 1 марта, погуляв после завтрака с женой по залам дворца, Александр выехал в Манеж. Развод прошел прекрасно и он уехал в Михайловский дворец к Екатерине Михайловне, своей любимой кухне.

Оттуда, попив чаю, в четверть третьего, Александр выехал в Зимний. Карета и конвой стремительно промчавшись по Инженерной улице, повернули на пустынную набережную Екатерининского канала.

Александр увидел, как навстречу ему какой-то мальчик тащит по снегу корзину, по тротуару идет незнакомый ему офицер, а чуть дальше стоит простоволосый молодой человек со свертком в руке.

И как только карета поравнялась с молодым человеком, он вдруг бросил сверток под ноги лошадам. Карету тряхнуло, занесло на сторону, рысаки бились в упряжи, барахтаясь в кровавом снегу.

Александр увидел, как ни весть откуда взявшиеся люди, схватив метальщика, держали его, закрутив за спину руки. Увидел он и убитых лошадей, и убитого мальчика, и двоих убитых казаков-конвойцев.

Оглушенный взрывом, он, шатаясь, подошел к злодею и хрипло спросил его:

— Кто таков?

— Мещанин Глазов, — ответил тот.

— Хорош, — сказал Александр, и пошел к уцелевшим саним, на которых за его каретой ехал полицмейстер, полковник Дворжицкий.

Кучер Фрол Сергеев кричал:

— Скачите во дворец, государь!

Но Александр не мог оставить раненых. В этот момент один из придворных спросил царя:

— А Ваше Императорское величество не ранены?

Александр ответил:

— Слава Богу, нет.

Услышав это, террорист, криво, усмехнувшись, сказал:

— Что? Слава Богу? Смотрите, не ошиблись ли?

И не успел он произнести это, как раздался еще один взрыв. Очевидцы говорили, что после того, как рассеялся столб снежной пыли и дыма, они увидели не менее двух десятков убитых и раненых. Одни лежали недвижно, другие, со стонами отползали по покрытому кровью и сажей снегом подальше от места взрыва.

Между поверженными людьми валялись куски изорванной одежды, сабель, эполет, части человеческих тел, осколки газового фонаря, остов которого от взрыва погнулся. У искореженной взрывом кареты, в лохмотьях шинели лежал, опираясь руками в землю Александр, у которого была оторвана одна ступня, а ноги были разможены.

Он попытался встать, но, хотя глаза его оставались открытыми, ничего не видел и лишь шептал:

— Помогите... Жив ли наследник? Снесите меня во дворец... Там умереть...

Александра, окровавленного, с раздробленными взрывом ногами, довели до дворца, и когда понесли по лестнице, то кровь ручейком стекала на пол.

Сбежавшиеся врачи смогли лишь остановить кровотечение. Им, как могла, помогала Екатерина Михайловна, не потерявшая самообладания и простоявшая возле раненого до самого конца.

Неожиданно для всех, и, наверное, и для самой себя, она оказалась наиболее собранной и стойкой, а все остальные неутешно и безудержно рыдали у тела усопшего. Рыдания сотрясали могучего тридцатилетнего наследника престола и всех его братьев.

Потрясенный горем, стоял возле мертвого деда его двенадцатилетний старший внук Николай. Вся жизнь он считал день 1 марта 1881 года самым страшным и самым трагичным днем в своей жизни и навсегда запомнил до мельчайших деталей все связанное со смертью своего великого деда, который умер в 3 часа 35 минут.

И в то же время пополз вниз с флагштока Зимнего дворца черно-золотой императорский штандарт, извещая, что хозяин дворца умер...

Его убийца — Игнатий Иоахимович Гриневицкий, — тот самый, что бросил второй заряд в императора, оказался так близко к Александру, что смертельно ранил и сам себя. Он умер в Третьем отделении, в окружении врачей, пытавшихся спасти его, через семь часов после того, как скончался Александр.

Труп Гриневицкого предъявляли всем арестованным, кто мог бы опознать его.

Предъявили и Андрею Желябову, арестованному за два дня до убийства царя.

Желябов, увидев тело Гриневицкого, сначала отказался удостоверить личность покойного. Однако сразу же сообразив, что значит он, Желябов, и убивший себя Гриневицкий для истории и их партии, вдруг мгновенно понял, что должен восстановить справедливость и отдать кесарево кесарю, а Богу — Боже. Как можно, чтобы уцелевший при первом взрыве Рысаков, назвавший себя при аресте Глазовым, или погибший Гриневицкий фигурировали на предстоящем процессе, а он, Андрей Желябов, демиург всего произошедшего, оставался бы в неизвестности?

И, конечно же, Желябов не мыслил никого, кто мог бы так хорошо, как он, выступать на процессе, пропагандируя идеи «Народной воли» и так решительно защищать народ. А так как мертвый Гриневицкий суду уже не подлежал, то могли он уступить всероссийскую трибуну какому-то недотепе Рысакову, не сумевшему даже убить императора и по нелепой случайности попавшему на гребень волны?

И потому, когда привезли его в тюрьму, Желябов потребовал чернил и бумаги и написал прокурору судебной палаты: «Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы; если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности.

Я требую приобщения себя к делу 1-го марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению. Андрей Желябов.

2 марта 1881 г. Дом предварительного заключения.

P.S. Меня беспокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня.

Я протестую против такого исхода всеми силами души моей и требую для себя справедливости. Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две. Андрей Желябов».

Прокурор, получив это заявление, был настолько поражен, что образовал комиссию, которая составила протокол осмотра столь необычного документа, но все же признала его законность, и дала ему ход — Желябов был привлечен по делу об убийстве царя еще до получения других свидетельских показаний.

Далее мы узнаем и о суде над убийцами и об их казни, узнаем о похоронах Александра II и о многом прочем, но теперь, завершая эту главу, приведем лишь три оценки, данных великому государю, две — от женщин, фрейлин двора, его современниц, хорошо знавших его, и одну — от ученого, посвятившего много лет изучению его жизни.

Фрейлина Анна Федоровна Тютчева тонко подметила главное противоречие в характере и судьбе Александра II: «Его лицо было маловыразительно, и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при публике считал себя обязанным принимать торжественный и величественный вид.

Это выражение он перенял от отца, у которого оно было природное, но на его лице оно производило впечатление неудачной маски.

Это двойное выражение его лица отражало в известной степени двойственность его природы и судьбы. Он был тем, чем не хотел быть, и хотел быть тем, чем не был»⁵¹.

Наблюдения А.Ф.Тютчевой подтверждала в своих воспоминаниях и фрейлина императрицы, графиня А.А.Толстая — двоюродная тетка Л.Н.Толстого: «Он (Александр II) переставал быть царем, как только заканчивал прием своих министров и снимал парадный мундир.

Казалось, что, сбрасывая мундир, он выбрасывал также из головы все идеи, которыми был обременен, по утрам и, выходя на обычную прогулку, всецело отдавался приятностям частной жизни»⁵².

И дополняя их, сошлемся на мнение академика В.Николаева, который писал: «Основной слабостью Александра, как политической фигуры, в том числе и в его отношениях с отцом, было то, что человеческие проблемы всю жизнь были для него важнее государственных.

В этом была его слабость, но и его превосходство: был он прежде всего добрым и благородным человеком, и часто сердце у него брало верх над умом. К сожалению, для человека,

предназначенного судьбой быть властителем России, это являлось скорее недостатком»⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Вопросы истории. — 1992. — № 6-7. — С.58.
- 2 Соцум. — 1991. — № 10-11. — С.157-158.
- 3 Исторический вестник. — 1896. — № 7. — С.54-55.
- 4 Долгоруков П.В. Петербургские очерки. — М., — 1992. — С.354.
- 5 Там же. — С.189-192.
- 6 Там же. — С.329.
- 7 РБС. «Аарон-Александр II». — СПб., — 1896. — С.488.
- 8 Тарле Е.В. Сочинения. — М., — 1959. — Т.VIII. — С.246.
- 9 Там же. — С.250.
- 10 Смена. — 1991. — № 3. — С.147.
- 11 По сведениям политэмигранта князя С.Д.Урусова коронация обошлась в 18 миллионов рублей. См.: Урусов С.Д. Господа Романовы и тайны русского двора. — Лондон, — 1909. — С.128.
- 12 Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. Повести. — М., — 1980. — С.262-263.
- 13 РБС. «Аарон-Александр II». — СПб., — 1896. — С.523.
- 14 Там же. — С.559.
- 15 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., — 1979. — Т.II. С.207.
- 16 Там же. — С.650.
- 17 Там же.
- 18 Долгоруков П.В. Петербургские очерки. — М., — 1992, — С.271.
- 19 Там же. — С.315-316.
- 20 Половцов А.П. Краткое жизнеописание ея императорского величества государыни императрицы Марии Феодоровны. — Белград, — 1927. — С.6.
- 21 Боханов А.Н. Сумерки монархии. — М., — 1993. — С.29-30.
- 22 Там же. — С.30.
- 23 Долгоруков П.В. Петербургские очерки. — М., — 1992. — С.288.
- 24 Там же.
- 25 Радзвинский Э.С. Господи, спаси и усмири Россию». — М., — 1993. — С.22.
- 26 Боханов А.Н. Сумерки монархии. — М., — 1993. — С.30-31.
- 27 Библиейская энциклопедия. — М., — 1990. — С.349.
- 28 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — Париж, — 1933. — Т.2. — С.188.
- 29 Палеолог М. Роман императора. — М., — 1990. — С.25.
- 30 Там же.
- 31 Там же, — С.25-26.
- 32 Николаев В. Александр II. Человек на престоле. — Мюнхен, — 1986. — С.166.
- 33 Там же, — С.171.
- 34 Там же, — С.172.

- 35 Там же. -- С.174.
- 36 Там же. -- С.178-179.
- 37 Там же. -- С.416.
- 38 Октябрь. -- 1993. -- № 6. -- С.155.
- 39 Урусов С.Д. Господа Романовы и тайны русского двора. -- Лондон, -- 1909. -- С.172-173.
- 40 Там же. -- С.175.
- 41 Там же. -- С.181-182.
- 42 Палеолог М. Роман императора. -- М., -- 1990. -- С.37.
- 43 Николаев В. Александр II. Человек на троне. -- Мюнхен, -- 1986.-- С.499-500.
- 44 Там же. -- С.500.
- 45 Палеолог М. Роман императора. -- М., -- 1990. -- С.42.
- 46 Там же. С.44.
- 47 Там же. -- С.52-53.
- 48 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. -- М., -- 1991. -- С.49.
- 49 Палеолог М. Роман императора. -- М., -- 1990. -- С.82.
- 50 Там же. -- С.82-83.
- 52 Октябрь. -- 1993. -- № 5. -- С.98.
- 52 Там же.
- 53 Николаев В. Александр II. Человек на троне. -- Мюнхен, -- 1986.-- С.211-212.

Глава тринадцатая

АЛЕКСАНДР III

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Начало царствования

2 марта настал день интронизации. Торжественная церемония, потребовавшая от присутствующих расшитых золотом парадных мундиров, роскошных платьев и украшений, казалась бы кощунственной, если бы не всеобщее горе на лицах и в глазах собравшихся, если бы не плачущий цесаревич и цесаревна.

Войдя в Малахитовый зал, Александр и Мария Федоровна двинулись к дворцовой церкви вдоль шпалер придворных, сопровождавших новых самодержцев дружными возгласами: «Верьте нам! Вас любят! Вам служат! Вас защитят!»

Весь молебен присутствующие стояли на коленях, и вместе со всеми стояли на коленях плачущие император и императрица.

Три дня тело убитого оставалось в его кабинете, где он умер. Возле него беспрерывно служились панихиды, на которых подолгу стояли близкие покойного, а после этого Александра II в гробу перенесли в Большую дворцовую церковь. Здесь, как и прежде в кабинете, часто рядом с умершим оказывалась убитая горем княгиня Юрьевская и все трое детей — девятилетний Георгий, восьмилетняя Ольга и четырехлетняя Екатерина.

Внезапная, трагическая смерть Александра примирила старую семью покойного с новой. Сигналом к примирению было сердечное объятие цесаревича, когда все они стояли возле еще не остывшего тела царя. Тогда и придворная камарилья, дружно ненавидевшая Долгорукову, должна была хотя бы внешне смириться. Однако среди наиболее ханжеской части двора все еще не забывали то недавнее время, когда Александр хотел короновать княгиню Юрьевскую. При дворе ходили упорные слухи, что он не только перечитал все бумаги,

касающиеся коронации Екатерины I, но и продумывал детали грядущего торжества — от рисунков шифров для фрейлин до узоров на коронационной мантии, которую Долгорукова, как утверждали ненавистники, уже после убийства императора показывала своим друзьям.

Но распри — распрями, а дело — делом. Тем более, что таких совершенно неотложных дел у нового императора было несколько. Во-первых, организация похорон, во-вторых, первоочередные государственные дела, и в-третьих, подготовка суда над убийцами его отца.

Александр III был нежным и почтительным сыном и для него воля покойного была законом. Это касалось и похорон.

Однажды, когда речь зашла о непрекращающихся попытках террористов убить его и об ожидавшей его смерти, Александр сказал Екатерине Михайловне и о том, какими должны были стать его похороны.

— Когда мне придется предстать перед Господом, — сказал Александр, — я не хочу иметь вид цирковой обезьяны, да и не время будет тогда изображать величество¹.

Он имел в виду, что ему надлежало отойти в лучший мир без наград и без царских регалий. И потому его обрядили в преображенский мундир, на котором не было ни лент, ни орденов, ни медалей. Потому и похороны не могли быть чрезмерно пышными.

Пока Александр лежал в гробу, каждое утро и каждый вечер служились панихиды, на которых всегда был либо кто-то из членов семьи, или Екатерина Михайловна, а то и все они вместе. 18 марта, перед тем как нести гроб из дворца в Петропавловский собор, состоялась последняя панихида, собравшая и близких покойного и его соратников. Бывший при том Победоносцев написал потом: «Сегодня присутствовал на панихиде у катафалка. Когда служба закончилась и все покинули церковь, я увидел, как из соседней комнаты вышла вдова покойного. Она едва держалась на ногах и шла, опираясь на руку сестры. Рылеев сопровождал ее. Несчастная упала перед гробом. Лицо императора покрыто газом, который запрещено подымать, но вдова порывистым движением сорвала вуаль и покрыла долгими поцелуями лоб и все лицо покойного. Потом она, шатаясь, вышла. Мне было жаль бедную женщину»². Вечером она пришла к гробу, срезала свои роскошные длинные и густые волосы, бывшие ее гордостью и лучшим ее украшением, и положила их под руки мертвому Александру.

Однако, когда похороны еще только готовились, необходимо было принять решение о том опубликовать, или не опубликовать последний документ, подписанный покойным накануне его смерти. Документ этот был настолько важен и политически принципиален и многозначим, что Лорис-Меликов подошел с ним к Александру III, когда врачи и слуги еще прибирали тело усопшего. Так как Лорис-Меликову было приказано опубликовать Манифест о преобразовании Государственного Совета в завтрашнем номере «Правительственного Вестника», а газета должна была выйти в свет утром, то Министру внутренних дел не оставалось ничего иного, кроме как сделать весьма рискованный в этическом отношении шаг, объяснимый только исключительностью создавшейся ситуации.

Александр все понял и однозначно ответил:

— Я всегда буду уважать волю отца. Пусть завтра Манифест будет опубликован.

Однако после этого молодого императора взяли в осаду собравшиеся в Аничковом дворце консерваторы — еще большие сторонники самодержавия, чем сам царь — и после многочасовой дискуссии сумели доказать Александру невозможность, крайнюю несвоевременность и большую опасность публикации этого документа.

Психологически момент был избран весьма удачно — душегубы еще гуляли на свободе, для убитого ими императора еще сколачивали гроб, а его сын уже шел навстречу чаяниям тех, кто поддерживал — хотя и втайне, но и душой и сердцем все же поддерживал — убийц его отца.

Поддавшись мольбам, уговорам и резонам Победоносцева и его единомышленников, Александр встретившись утром 2 марта с Лорис-Меликовым настоятельно попросил повременить с публикацией Манифеста до обсуждения этого вопроса на заседании Государственного Совета.

Это заседание — совместно с членами Совета Министров — состоялось 8 марта.

Новый император встречал при входе в зал заседания министров и великих князей, жал им руки, — что крайне редко делал его покойный отец, — и приглашал занять места за столом, где было поставлено 25 кресел.

Александр III, начав заседание, сказал, что хотя покойный государь и одобрил записку Лорис-Меликова, но тем не менее считать этот вопрос предрешенным не следует. Первым получил слово 84-летний граф С.Г.Строганов, заявивший, что

путь, предложенный Лорис-Меликовым «ведет к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России»³. Однако выступившие затем выдающиеся сановники категорически не согласились со Строгановым. Председатель Совета Министров П.А.Валуев, решительный враг террористов, сказал, что «при настоящих обстоятельствах предлагаемая нами мера оказывается в особенности настоятельною и необходимою». Валуева поддержал генерал Д.А.Милютин, через два месяца лишившийся портфеля Военного министра, который принадлежал ему ровно двадцать лет. Милютину поддержал дядя нового царя, генерал-адмирал, великий князь Константин Николаевич, Государственный контролер Д.М.Сельский, министр юстиции Д.Н.Набоков, председатель департамента законов, князь С.Н.Урусов, министр финансов А.А.Абаза. И тогда царь дал слово обер-прокурору Синода К.П.Победоносцеву. Бледный, взволнованный Победоносцев начал речь с того, что дело не сводится только к приглашению людей, хорошо знающих народную жизнь. Дело сводится к тому, что в России хотят ввести Конституцию, чтобы создать в государстве новую верховную власть, подобную французским Генеральным Штатам, которые привели к тому, что правящая династия взошла на эшафот.

Победоносцеву решительно возразил Абаза. Обращаясь к царю, он сказал: «Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильные, то вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас»⁴.

Царь закрыл совещание, продлившееся менее трех часов, предложив создать комиссию для пересмотра записки Лорис-Меликова. Комиссия создана не была, зато Валуев, Милютин, Лорис-Меликов, Абаза, министр народного просвещения А.А.Сабуров, министр государственных имуществ А.А.Ливен и даже министр императорского двора А.В.Адлерберг лишились своих постов в течение двух месяцев, а великий князь Константин Николаевич впал в немилость.

На их место пришли другие. Как и прежде, назначение на важный государственный пост зависело, прежде всего, от отношения к тому или иному чиновнику царя, от того, чего царь ожидал от него и с каким умыслом предоставлял кандидату новый государственный пост. На следующий день после погребения Александра II был обнародован Манифест об основных принципах внутренней и внешней политики нового императора и стало ясно, что периоду реформ пришел конец. С либерализмом и либеральными разглагольствованиями было

покончено. Самодержцу требовались профессионалы-прагматики, и первым среди них был Председатель Комитета министров 60-летний Михаил Христофорович Рейтерн. Его отцом был кавалерийский генерал, участник Отечественной войны 1812 года. Отец умер, когда Михаилу Рейтерну шел 13-й год. На руках у вдовы осталось 14 детей. Благодаря родству с В.А.Жуковским, он был принят в Царскосельский Лицей и окончил его с серебряной медалью. Начав службу по министерству финансов, он перешел затем в министерство юстиции, после чего стал чиновником для особых поручений при великом князе Константине Николаевиче, вместе с которым сразу после Крымской войны начал проводить реформу военно-морского флота России. Этот этап его деятельности был сопряжен с длительными командировками за границу. Он побывал в Пруссии, Франции, Англии и США. Возвратившись в Россию в 1858 году, Рейтерн стал статс-секретарем, управляющим делами Комитета железных дорог, председателем которого был канцлер К.В.Нессельроде. Любопытно, что при этом он не освобождался от дел ни в министерстве финансов, ни в морском.

Далее он превратился в одного из столпов администрации Александра II, входя в различные Комитеты, Комиссии и ведомства по подготовке реформ, а 6 декабря 1862 года стал и министром финансов, реорганизовав министерство за время своего руководства по самым высоким мировым стандартам. Основным принципом Рейтерна, более того, его кредо, было то, что благосостояние государства зиждется на богатстве народа и обуславливается увеличением его производительных сил. Когда начались приготовления к войне с Турцией, Рейтерн заявил себя решительным ее противником, полагая, что все достигнутое реформами, погибнет из-за того, что России не на что будет вести эту войну, и если она случится, то дефицит бюджета просуществует не менее 20 лет. Война все же началась и Рейтерн подал в отставку, но Александр II попросил его остаться на своем посту, хотя бы до ее окончания.

Чувство гражданского долга взяло в Рейтерне верх и он остался. Однако, как только война кончилась, Михаил Христофорович вышел в отставку, хотя продолжал входить в Государственный Совет и разные другие административные структуры.

Рейтерн вошел в историю, как отец российских железных дорог, выдающийся организатор банковского и кредитного

дела, добившийся того, что к 1874 году у России был бездефицитный бюджет.

Александр III снова призвал его на службу государству, и 4 октября 1881 года возвел Рейтерна на должность Председателя Комитета Министров.

Рейтерн с согласия царя составил Комитет из очень неординарных людей, часто в своей предыдущей деятельности далеких от двора и бюрократии. Вот как впоследствии охарактеризовал это правительство очень умный и прекрасно образованный человек великий князь Александр Михайлович: «Князь Хилков, назначенный министром путей сообщения, провел свою полную приключений молодость в Соединенных Штатах, работая в качестве простого рабочего на рудниках Пенсильвании. Профессор Вышнеградский — министр финансов — пользовался широкой известностью за свои оригинальные экономические теории. Ему удалось привести в блестящее состояние финансы Империи и немало содействовать повышению промышленности страны. Заслуженный герой русско-турецкой войны генерал Ванковский был назначен Военным министром. Адмирал Шестаков, высланный Александром II за границу за беспощадную критику нашего военного флота, был вызван в Петербург и назначен Морским министром. Новый министр внутренних дел граф Толстой был первым русским администратором, сознававшим, что забота о благосостоянии сельского населения России должна быть первой задачей государственной власти.

Сергей Юльевич Витте, бывший скромным чиновником управления Юго-Западных железных дорог, обязан был своей головокружительной карьерой дальнорукости императора Александра III, который, назначив его товарищем министра, сразу же признал его талант.

Назначение Гирса, тонко воспитанного, но лишеного всякой инициативы человека, на пост министра иностранных дел вызвало немалое удивление, как в России, так и за границей. Но Александр III только усмехался. Охотнее всего он предпочел бы быть самолично русским министром иностранных дел, но так как он нуждался в подставном лице, то выбор его пал на послушного чиновника, который должен был следовать намеченному им, Монархом, пути, смягчая резкие выражения русского царя изысканным стилем дипломатических нот. Последующие годы показали и несомненный ум Гирса. Ни один «международный властитель дум и сердец», ни один

«кумир европейских столиц» не мог смутить Гирса в его точном исполнении приказаний императора»⁵.

Созданием нового Комитета Министров Александр III начал дело перевода России с пути реформ на путь контрреформ. Правда, первые законодательные акты по проведению нового курса, появились через год, но общество почувствовало перемену политики сразу же.

Обеспечивая свою собственную безопасность и безопасность своей семьи, Александр III переехал в Гатчину и оставался там около двух лет пока не было покончено с «Народной волей». Переселение в Гатчину кроме того избавляло императора от нелюбимого им дворцового церемониала и пустых бесед с многочисленными родственниками, что позволяло императору все время проводить за работой, в чем был он подобен своему деду Николаю I.

В то время, как происходили все эти события, готовился суд над арестованными террористами. Вслед за Желябовым и Рысаковым арестовали Гесю Гельфман, Тимофея Михайлова, Кибальчича и, наконец, Перовскую. Кроме них отыскиали и схватили еще многих других, знавших о готовящемся покушении, готовивших его, но не принимавших непосредственного участия в убийстве на канале.

Об этих арестах, а также и о подготовке процесса широко оповещалась публика, знавшая имена обвиняемых, их адвокатов, прокурора и председателя суда. Все русское общество было взбудоражено предстоящим процессом и судьба арестованных убийц волновала многие тысячи граждан России. Среди них были два ее светоча — писатель Лев Толстой и философ Владимир Соловьев.

Толстой, промучившись много дней от мысли, что из-за его бездеятельности может погибнуть несколько человек, вдруг увидел сон, где он сам был палачом и держал петлю, собираясь вешать осужденных.

Очнувшись от ужасного сна, он тут же сел к столу и начал: «Я, ничтожный, не призванный и слабый человек, пишу русскому императору и советую ему, что ему делать в самых сложных трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали...» И, исписав много листов, в конце-концов давал совет простить их, исходя из идеала любви, прощения и воздаяния добром за зло.

Он передал это письмо своему старому корреспонденту философу и критику Н. Н. Страхову, давнему противнику Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Некрасова и прочих нигилистов и социалистов, близкому другу Достоевского, для того чтобы письмо было вручено обер-прокурору Синода Победоносцеву, а тот, в свою очередь, положит бы его на стол своему воспитаннику, коему оно и предназначалось.

Технический расчет Толстого был правилен, но стратегический — совершенно неверен. Победоносцев, получив и прочитав письмо, отказался передавать его царю, потому что, буквально, накануне сам вступил в переписку с Александром, заняв совершенно противоположную позицию. Победоносцев писал: «Если будут Вам петь прежние сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в прежнем направлении. — о, ради Бога, не верьте... Злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только расвирепуют. Их можно унять, злое семя вырвать только борьбой с ними не на живот, а на смерть — железом и кровью».

А 28 марта, уже когда шел суд, с призывом помиловать убийц обратился великий русский философ Владимир Соловьев. Он сделал это открыто, во время публичной лекции, попросив царя простить безоружных и Александру тотчас же о том сообщили. Испугавшись, что призыв Соловьева хоть немного повлияет на царя, Победоносцев тут же написал ему новое письмо: «Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас в помиловании преступников. Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет — этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует лишения и громко ропщет, что оно замедляется...»

Александр, прочитав письмо, подписал вверху: «Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за что я ручаюсь».

К смертной казни приговорили все же пятерых — Желябова, Перовскую, Михайлова, Кибальчича и Рысакова. Шестую — Гесю Гельфман оставили в живых из-за того, что она оказа-

лась беременной, и приведение приговора в исполнение отложили до рождения ребенка.

Их повезли на казнь ранним утром 3 апреля. С высоких черных позорных колесниц они увидели запруженную народом площадь — огромный Семеновский плац, высокий черный эшафот и пять виселиц. Кругом стояли войска, гремели барабаны и хотя Михайлов что-то кричал, из-за их грохота ничего слышно не было. Под виселицами, переминаясь с ноги на ногу, стоял единственный в России палач — Иван Фролов, казнивший в последние годы чуть ли не всех их товарищей, приговоренных к повешению.

На всех преступников надели саваны и первым вздернули Кибальчича. Потом наступил черед Михайлова. Он дважды сорвался с перекладины и был повешен только с третьего раза. После Михайлова наступила пауза — палач и его помощники стали осматривать веревки, усиливать их прочность, крепить узлы, а трое еще живых приговоренных недвижно ждали, когда наступит и их черед. Наконец, быстро, одного за другим, повесили и остальных — Перовскую, Желябова, Рысаква.

Перовская была первой женщиной в России, казненной по политическим мотивам, а вся экзекуция 3 апреля была последней публичной казнью. Законом от 26 мая 1881 года предписывалось совершать казни скрытно, преимущественно в тюрьмах, но и этот закон потом неоднократно нарушался, обрастая дополнениями, поправками и особыми, им не предусмотренными, обстоятельствами, как происходило то в России с незапамятных времен.

НОВЕЛЛА СТО СЕМИДЕСЯТАЯ

«Священная дружина»

К лету 1881 года в монархических слоях общества возникло новое, дотоле неизвестное России движение. Изверившись в возможностях жандармерии и полиции до конца уничтожить радикалов и террористов, группа энтузиастов-добровольцев из числа наиболее последовательных монархистов — преимущественно аристократов и офицеров гвардии — создала тайную, глубоко законспирированную антиреволюционную организацию «Священная дружина».

Бывший видный и активный народоволец Лев Александрович Тихомиров, глубоко и искренне разуверившийся в терроре и ушедший из политической жизни, писал в

1894 году: «Полиция, еще до графа Лорис-Меликова, заявившая себя крайне неудовлетворительно, была при нем окончательно скомпрометирована в общественном мнении.

Патриотическое чувство, глубоко пораженное злодейством 1 марта, возбудило мысль общественной охраны государя императора. Государь в виду общего разочарования в полиции не считал нужным пресекать это выражение заботливости преданных ему верноподданных»⁶.

К октябрю 1881 года «Священная дружина», как всероссийская организация, приняла следующее устройство: во главе ее стоял Совет первых старших членов, деятельностью же управлял Центральный Комитет. Исполнительными органами были: Организационный Комитет и Исполнительный Комитет. Во многих городах России были созданы филиалы «Священной дружины». Особенно крупными, кроме Петербурга и Москвы, были они в Нижнем Новгороде, Харькове, Киеве, в Земле Войска Донского. Общее число всех членов тайного общества превышало 15 тысяч человек. Наибольшее число добровольцев входило в состав «Добровольной охраны» и «Добровольной железнодорожной охраны», которые оберегали царя, его семью и приближенных при переездах с места на место и при остановках на любое время.

В «Добровольной железнодорожной охране» вскоре обратил на себя внимание молодой начальник службы эксплуатации Юго-Западной железной дороги С.Ю.Витте, о котором совсем недавно упоминалось, — будущий министр, выдающийся государственный деятель. Он был одним из первых, кому пришла идея создать «Священную дружину». А во главе ее стояла все та же триада: Победоносцев, Толстой, Катков; ЦК возглавлял генерал-адъютант граф Н.И.Воронцов-Дашков; Исполнительный комитет — генерал-лейтенант Дурново, организационный комитет — генерал-лейтенант Левашов. Во главе Петербургского совета «Добровольной охраны» стоял генерал-адъютант П.П.Шувалов 2-й, Московскую местную организацию возглавлял генерал-адъютант, князь Долгоруков. Из дошедшего до нас списка членов «Священной дружины» известно, что из 709 человек 326 были офицерами, 245 — отслужившими казаками, 115 — землевладельцами и домовладельцами. А вот священников и крестьян было всего по одному.

Во главе же всей организации, как предполагают, стояло «трио»: Н.П.Игнатьев, М.Н.Островский и К.П.Победоносцев.

С Победоносцевым мы уже знакомы. Что же касается двух других членов «трио» — Игнатъева и Островского, то они стоят того, чтобы познакомиться и с ними. Граф Николай Павлович Игнатъев — выпускник Пажеского корпуса, офицер лейб-гвардии гусарского полка, военный атташе в Лондоне и Париже, в 27 лет стал генералом и послом в Китае, а в 1860 году и генерал-адъютантом Александра II.

В 1864 году был он послом в Константинополе, заявив себя решительным сторонником активной политики России на Балканах и в Болгарии. Возвратившись в Россию после победы в русско-турецкой войне и заключения Сан-Стефанского договора, героем которого он был, Игнатъев воспринял Берлинский трактат, как национальное унижение и позор России, о чем, впрочем, речь уже шла в предыдущей главе, и в мае 1878 года вышел в отставку.

После 1 марта 1881 года он стал министром государственных имуществ, а с мая 1881 по май 1882 года — министром внутренних дел. Именно в это время и существовала «Священная дружина». Покинув пост министра государственных имуществ, Игнатъев передал его Михаилу Николаевичу Островскому — младшему брату драматурга А.Н.Островского. М.Н.Островский занимал министерский пост до 1893 года, когда получил новое повышение, став председателем департамента законов Государственного Совета.

По мысли «трио» «Священная дружина» помимо надежной охраны царя должна была с помощью своих агентов разрушить остатки «Народной Воли», проникнув в ее ряды, а против руководителей ее применить их же собственные методы — террор и убийство, как в России, так и за границей.

Однако этим планам не дано было осуществиться, так как к началу 1883 года «Народная Воля» практически прекратила существование. Она погибла под натиском превосходящих сил жандармерии и полиции, а также благодаря тому, что внутри ее взорвали собственные провокаторы и перебежчики, и, прежде всего, И.Ф.Окладский и, особенно, С.П.Дегаев — бывший офицер, ставший осенью 1882 года членом Исполнительного комитета «Народной воли» и тогда же завербованный жандармами. После 1 марта 1881 года Исполнительный комитет был полностью арестован. На свободе из членов Исполкома оставалась лишь одна Вера Фигнер. Она пыталась воссоздать партию, но ее попытки оказались безрезультатными, а после того, как ее выдал Дегаев, Фигнер была арестова-

на, приговорена к смертной казни, но царь заменил ей смерть пожизненным заключением.

Чуть позже — в 1884-1889 годах — «Народную волю» попытались вернуть к жизни ее эпигоны — Герман Лопатин, Владимир Тан-Богораз, Александр Ульянов, но для них самих и немногочисленных их последователей, эти попытки закончились либо бегством за границу, либо каторгой, либо эшафотом.

НОВЕЛЛА СТО СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Государь и его близкие

Сохраняя прежнюю схему повествования, познакомимся теперь с царской семьей, когда ее главой стал Александр III, и, прежде всего, с самим императором.

В момент вступления на престол Александру III шел тридцать седьмой год. С того времени, когда умер его старший брат Николай, и Александр стал наследником престола, его занятия и вся жизнь сильно изменялись. С 1865 года, вот уже 15 лет, его целенаправленно готовили к предстоящей миссии, ожидавшей цесаревича после смерти отца, — стать самодержцем, сосредоточив все нити управления великой Империей.

Воспитанием Александра, главным образом, занимались три человека — профессор-правовед Московского университета Константин Петрович Победоносцев, его коллега профессор-экономист Чивилев и главный воспитатель, названный «попечителем», генерал-адъютант, граф Борис Алексеевич Перовский. Цесаревич прослушал курсы политических наук и правоуказания в объеме университета, что позволило ему не выглядеть одиозно в должности канцлера Гельсингфорского университета.

Хорошая военная подготовка, соответствующая программе Академии Генерального штаба, делала его профессионалом, когда он занимал различные армейские должности — от командира полка до атамана казачьих войск и командующего Петербургским военным округом. А то, что ему довелось участвовать в русско-турецкой войне 1877-1878 годов, придавало новому императору заслуженный авторитет боевого генерала. В исторической литературе, в публицистике и в беллетристике широко бытует мнение, что Александр III был не более, чем солдафон, невежа и обскурант. Такого рода характеристики исходили от тех редких интеллектуалов-прогрессистов, которые, оказавшись в ближайшем окружении императора,

встречали противодействие их собственным концепциям и взглядам, которые они считали единственно верными и возможными для применения в деле развития России. С.Ю.Витте — выдающийся финансист, дипломат и политик, — хорошо знавший Александра III, отзывался о нем так: «Император Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования, по наружности — походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти, и тем не менее он своей наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость, несомненно, imponировал и если бы не знали, что он император, и он бы вошел в комнату, в каком угодно костюме, — несомненно все бы обратили на него внимание. Фигура императора была очень импозантна: он не был красив, по манерам был, скорее, более или менее медвежатый; был очень большого роста, причем, при всей своей комплекции он не был особенно силен или мускулист, а скорее был несколько толст и жирен». В этой характеристике не все справедливо. О полученном им образовании нельзя сказать: «ниже среднего», а что касается того, что «он не был особенно силен», то это — уже совершеннейшая ложь — Александр пальцами гнул монеты и легко ломал подковы. Это был настоящий русский богатырь, который, хорошо зная свои качества, не только не скрывал их, но, напротив, при случае, бывало, и проявлял. Александр III при всем этом был глубоко русским человеком, у которого любовь ко всему отечественному — в изначальном смысле слова — от «отцов» и «отчизны» — переходила в матерый национализм.

Даже вековой традиционализм европейских дворов, где внешние национальные различия были минимальными, был сразу же нарушен новым русским монархом. Сделано же это было быстро, неожиданно и в стиле предыдущих самодержцев, очень любивших менять военную форму. Вспомним хотя бы прежде и прадеда Александра — Павла и деда Николая. Да только поворот-то в этом деле был настолько крут, что оба предка Александра перевернулись бы в гробах, если бы им привиделось такое. Александр немедленно распорядился упростить военную форму и сделать ее более удобной. В этом смысле он действовал в духе Потемкина и Суворова.

Но была здесь и другая сторона — форма стала национальной. Всех военнослужащих переодели в полукафтаны и шаро-

вары, перепоясав их цветными кушаками и надев на головы барашковые шапки.

Прежде всех были переодеты генералы свиты. Когда после введения этого новшества состоялся первый придворный прием, то только один из генералов свиты — необычайно спесивый, заносчивый и очень недалекий князь А.И. Барятинский, командир Преображенского полка, болезненно гордившийся полковым мундиром, и своей принадлежностью к славному аристократическому братству офицеров лейб-гвардии, — нарушил приказ и явился на прием в прежнем мундире.

Когда же министр двора сделал ему в связи с этим замечание, то князь ответил, что мужицкой формы он носить не станет. Этот ответ был равнозначен отставке и князю пришлось донашивать свой старый мундир в Париже, но уже частным человеком.

Не только лощенных генералов свиты и камергеров двора поражала эта внезапная и резкая перемена. Даже такой прогрессист и либерал, каким был известный судебный деятель А.Ф.Кони, поразился, увидев на Александре III русскую рубашку с вышитым на рукавах цветным узором.

Другой характерной чертой нового царя была его бережливость, доходящая до предела. Он носил одежду — брюки, тужурку, пальто, полушубок, сапоги — до тех пор, пока они не начинали разваливаться. И тогда царь чинил и латал их до последней возможности, причем и изначально это были самые простые вещи — сапоги не были даже офицерскими, а солдатскими, тужурка — не из тонкого сукна, рубашки — не из-за границы, а из ивановского холста. И жить он стал не в прежних апартаментах Зимнего дворца, а в маленьких комнатках дворца в Гатчине, где до него жили слуги. Новый император навел строгую экономию во всех отраслях государственного управления, особенно сильно урезав расходы дворцового ведомства. Он резко сократил штат министерства двора, уменьшил число слуг и ввел строгий надзор за расходованием денег и в своей семье и в семьях великих князей.

Александр III запретил закупку для своего стола заграничных вин, заменив их крымскими и кавказскими винами, а число балов ограничил четырьмя в год.

Летом царская семья жила в Петергофе, занимая маленький дворец Александрию и лишь однажды в сезон — 22 июля — праздновала день тезоименитства Марии Федоровны. И в Александрии, как и в Гатчине, жизнь царя и царицы проходила в непрерывных трудах и заботах, и только после окончания

лагерного сбора в Красном Селе, завершавшегося большим парадом, раздачей наград и производством в офицеры, семья уезжала в финские шхеры, где и ждал их всех настоящий отдых.

Министры могли приезжать сюда в самых исключительных случаях, и государственные бумаги привозили и увозили фельдъегери. Здесь, среди живописной полудикой природы, в лабиринтах многочисленных островов и каналов, освобожденная от уз дворцового этикета августейшая фамилия ощущала себя обыкновенной счастливой и здоровой семьей, посвящая большую часть времени длительным прогулкам, рыбалке, катанию на лодках.

Иногда семья вместо отдыха в Шхерах уезжала в Польшу, в Ловичское Княжество и там с азартом предавалась охотничьим забавам, особенно охоте на оленей, а завершался отпуск чаще всего поездкой в Данию, в замок Бернсторф — родовый замок Дагмары, где часто собирались со всей Европы ее коронованные сородичи.

Сколько желчи вылито было недоброжелателями Александра в связи с его мужиковатостью, неотесанностью, совершенно не царской простотой в быту, выдаваемой ими за скандальность.

Сколько стрел было выпущено в него левыми журналистами и писателями-эмигрантами по поводу его тупости и невосприимчивости к искусству! А он чаще, чем кто-либо бывал в опере, очень хорошо музицировал, а на тромбоне играл столь искусно, что участвовал солистом в дворцовых квартетах.

В 1869 году у цесаревича начал собираться маленький оркестр медных духовых инструментов, в который входил он сам и еще восемь музыкантов — офицеров гвардии. С течением времени кружок разросся и в 1881 году превратился в «Общество любителей духовой музыки». Было бы преувеличением утверждать, что там играли музыканты высокого класса, но репертуар был разнообразен и оркестранты становились год от года все более искусными.

Александр еще в бытность цесаревичем был одним из основателей Русского исторического общества, под его покровительством находился Исторический музей в Москве, а что касается приобретения живописи, графики и скульптуры для Эрмитажа и вообще отношения к русским художникам, то на этом имеет смысл остановиться более подробно, используя воспоминания видного русского живописца, внука А. Н. Ради-

шева, А.Д. Боголюбова, известного еще и тем, что он в конце жизни основал у себя на родине, в Саратове, прекрасную художественную галерею, носящую и сегодня его имя.

В 1860 году после семилетнего совершенствования за границей в Петербург возвратился 36-летний пенсионер Академии Художеств Алексей Петрович Боголюбов. Вначале он был морским офицером, но его служба на военных кораблях дополнялась занятиями живописью, а вскоре случилось так, что живопись полностью поглотила Боголюбова и он оставил службу и стал студентом Петербургской Академии Художеств. Однако море навсегда вошло в его жизнь и он стал писать разнообразные марины — от морских пейзажей до грандиозных морских баталий. — в дальнейшем став соперником самого Айвазовского. В 1853 году, окончив Академию, Боголюбов занял штатную должность художника Главного морского штаба, но через год был поощрен и направлен в Париж пенсионером Академии.

Возвратившись на родину, он стал профессором живописи, а Александр II заказал ему серию полотен по истории военно-морского флота России, начиная с его основания.

В 1863 году, когда цесаревич Николай Александрович отправился в путешествие по России, Боголюбов сопровождал его, а затем, после смерти цесаревича, сопровождал в таком же вояже и нового наследника престола — Александра Александровича. С этого времени и до смерти Александра III, Боголюбов был близок к нему и к Марии Федоровне, которой он преподавал рисование и вообще образовывал ее по истории искусств.

Боголюбов начал занятия с Марией Федоровной, когда она уже прошла начальную подготовку и работала хотя и недостаточно уверенно, но очень старательно. За успехами жены Александр Александрович следил постоянно и, заходя в студию к Боголюбову, часто беседовал с ним об археологии и искусстве.

Серьезное приобщение к прекрасному началось у цесаревича с осмотра дворцов и музеев Копенгагена. Приезжая туда к тестю и теще, цесаревич вместе с Марией Федоровной обходил стекольные заводы, фабрики по производству фаянса и фарфора, мастерские ювелиров, приобретая лучшие образцы производимых там изделий, а затем и старинную мебель, гобелены и самый разнообразный антиквариат. Наконец, наступила и очередь картин, и здесь, вопреки канонам, он стал приобретать полотна современных ему художников, а о шко-

ле старых мастеров сказал однажды: «Я должен ее любить, ибо все признают старых мастеров великими, но собственного влечения не имею». Впрочем, в дальнейшем отношении Александра III к старым мастерам переменялось и он приобретал картины Бларамберга, Ватто и других.

Вскоре в Аничковом дворце Александр отвел два зала под музей. В нем демонстрировались приобретенные им раритеты и коллекция редкостей, купленная у писателя Дмитрия Васильевича Григоровича, автора прославленных повестей — «Деревня» и «Антон Горемыка». Григорович был не только писателем, но и выдающимся знатоком искусств и потому он занимал пост секретаря Общества поощрения художеств и читал лекции по истории искусства цесаревне Марии Федоровне, на коих нередко оказывался и цесаревич.

В Царскосельском дворце Александр разместил коллекцию картин русских художников 20-50-х годов XIX века: там были полотна Брюллова, Басина, Сверчкова, Боголюбова, Боровиковского, скульптуры Клодта и многих иных ваятелей.

Все это пришло цесаревичу и любовь к рисованию и занятиям живописью, а позже даже и к занятиям реставрацией.

После женитьбы Александр и Мария Федоровна не просто отреставрировали Аничков дворец, но совершенно переделали его, превратив в Храм Муз — дополненный изящными, подобранными с тонкими безукоризненным вкусом, произведениями искусства.

В заграничных путешествиях Александр постоянно пополнял свои коллекции. Во время двух своих поездок в Париж он принял от русских художников, в то время находившихся там, звание Почетного попечителя созданного ими Общества взаимной помощи, размещавшегося в доме барона Горация Осиповича Гинцбурга — богача и мецената, щедро покровительствовавшего людям искусства.

Посетив мастерские русских художников и выставку их работ, разместившуюся в доме Гинцбурга, цесаревич заказал или купил картины у Репина, Поленова, Савицкого, Васнецова, Бегрова, Дмитриева. У Антокольского он купил бронзовые статуи Христа и Петра Великого, а впоследствии приобрел и известнейшие его работы — «Летописец Нестор», «Ермак», «Ярослав Мудрый» и «Умиравший Сократ».

Александр обошел и мастерские многих французских художников, посетив и их патриарха, знаменитого и модного придворного живописца Месонье. Вместе с Марией Федоровной посетил он музеи — Лувр, Люксембургский дворец.

Клюни, Севрскую фарфоровую фабрику, фабрику гобеленов, а также и Академию Художеств. Александр приобрел десятки произведений искусства, но венцом всего был осмотр коллекции древностей русского поданного Базилевского, которая была куплена Александром за пять с половиной миллионов франков, как только он стал императором. Эта коллекция стала основой отдела древностей Императорского Эрмитажа.

В леворадикальной историографии, когда речь заходила об Александре III, упорно культивировался образ тупого, еле образованного полуидиота, начисто лишённого как интеллекта, так и чувства юмора. О его образовании и уме мы уже знаем, но и в остроумии ему тоже нельзя отказать. Так, например, однажды командующий Киевским военным округом М.И. Драгомиров забыл поздравить его с днем рождения и вспомнил об этом лишь на третий день. Не долго думая, генерал послал телеграмму: «Третий день пьем здоровье вашего величества», на что сразу получил ответ: «Пора бы и кончить». А когда великий князь Николай Николаевич подал ему прошение о разрешении жениться на петербургской купчихе, Александр учинил такую резолюцию: «Со многими дворами я в родстве, но с Гостиным двором в родстве не был и не буду».

Александр III был совершенно безукоризнен в вопросах семейной морали. Даже в таком, насквозь антимонархическом издании, каким были небезызвестные «Новые материалы по биографии российских коронованных особ, составленные на основании заграничных документов», автор XII тома А. Колосов писал, что Александр III «не в пример всем своим предшественникам на русском престоле держался строгой семейной морали. Он жил в честном единобрачии с Марией Федоровной, не заведя себе ни второй морганатической жены, ни гарема любовниц». Не малую роль сыграл в этом отношении роман его покойного отца с Е. М. Юрьевской, навсегда ставший для цесаревича образцом того, чего ни в коем случае нельзя делать царю — главе августейшей семьи.

В советской исторической литературе упорно распространялось мнение, что Александр III был горьким пьяницей. При этом всегда ссылались на единственный источник — публикацию беседы П. Н. Лебедева с начальником охраны царя генералом П. А. Черевиним, помещенную в журнале «Голос минувшего» летом 1917 года, когда антимонархизм расцвел необычайно пышным цветом.

По воспоминаниям выдающегося русского физика, профессора П.Н.Лебедева, Петр Антонович Черевин был очень смысленный, остроумный и, в домашнем обиходе, даже добродушный человек... Александра III он боготворил и готов был говорить о нем целыми днями. Черевин с поразительной прямолинейностью делил мир на две половины. На одной, недостижимо высокой, стоит Александр III, Мария Федоровна и при них на страже, он — Черевин — на другой — «прочая сволочь», включая и великих князей.

Особо выделял он великого князя Владимира Александровича с его «Владимировичами».

Черевин вел приемы посетителей Александром III, иногда отказывая в свидании с ним даже императрице, если царь был очень занят, а он, действительно, работал с утра до ночи.

Много говорили о том, что Александр III сильно пил. Черевин же свидетельствовал, что хотя царь выпить и любил, но «во благовремени», то есть, никогда не пил и капли, пока не были сделаны все дела. Но и тогда никто не видел его пьяным — он только начинал шалить и забавляться. Чтобы не огорчать Марию Федоровну, которую уверили враги, что вино вредно ее царственному супругу, для Александра и Черевина шили сапоги с такими голенищами, в которые входила плоская фляжка коньяка. И когда царица на минуту отходила от них, они быстро доставали каждый свою фляжку и, усмехаясь, быстро отпивали коньяк⁸.

Разумеется, Александр III не был ангелом, да и был ли херувим когда-нибудь на русском престоле? И если говорить о негативных качествах нового императора, то это был прежде всего воинствующий национализм, вскоре переросший в шовинизм, что в условиях многонациональной Российской империи было совершенно недопустимо. Насильственная русификация, запрет обучения многих «инородцев» на их родных языках, откровенный антисемитизм — тоже были неотъемлемыми чертами Александра III.

Уже 3 мая 1882 года были изданы «Временные правила об евреях», запрещавшие им приобретать недвижимость в черте оседлости — территории, где разрешалось проживание евреев*. Однако и там евреям нельзя было жить в селах, а кроме того, и в городах Киеве, Севастополе и Ялте. Вне черты оседло-

* Это — Бессарабская, Виленская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская и Киевская губернии.

сти имели право жить купцы первой гильдии, лица с высшим и специальным образованием, ремесленники, отставные, солдаты и потомки этих категорий еврейского населения.

В 1887 году были приняты законы, по которым вводилась процентная норма приема еврейских детей в средние и высшие учебные заведения и городские уездные училища. В черте оседлости эта норма составляла 10% от общего числа учащихся, вне черты — 5%, в столицах — 3%.

В 1889 году был ограничен доступ евреев в адвокатуру; в 1890 — запрещены выборы их в земства и городское самоуправление. в 1891-1892 годах из Москвы было выселено 20 тысяч евреев — отставных солдат и ремесленников вместе с их домочадцами, а во многих городах Российской империи прошли кровавые еврейские погромы, когда на глазах у бездействовавшей полиции пьяные бандиты убивали детей, женщин и стариков, порою истребляя целые семьи.

Из отрицательных качеств не только антисемитизм был свойствен Александру. Другой его негативной чертой был определенный сословный обскурантизм. Александр считал, что образование не может быть общим достоянием и должно оставаться привилегией дворянства и зажиточных сословий, а простому народу — так называемым «кухаркиным детям», — подобает уметь читать, писать и считать⁹. В этом вопросе Александр III полностью разделял взгляды своего наставника Победоносцева, утверждавшего, что истинное просвещение не зависит от количества школ, а зависит от тех, кто в этих школах учит. Если в школах засели длинноволосые нигилисты и курящие папиросы дамочки, то не просвещение, а лишь растление могут дать они детям. Истинное просвещение начинается с морали, а в этом случае гораздо лучшим учителем будет не «ушедший в народ» революционер, а скромный, нравственный и верный царю священник или даже дьячок.

Такого рода воззрения были милы, близки и понятны Александру III и он с готовностью внимал им тем более, что еще два «властителя дум» пели в унисон с Константином Петровичем Победоносцевым. Это были — М. Н. Катков и граф Д. А. Толстой.

НОВЕЛЛА СТО СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Контрреформы

Михаил Никифорович Катков, сын мелкого провинциального чиновника, благодаря способностям и трудолюбию, блестяще закончил Московский университет и вошел в круг

Станкевича, Белинского, Боткина и Бакунина, став одним из первых русских гегельянцев. Уже в молодости он прославился высоким качеством своих переводов с немецкого и английского, дав собственные стихотворные переложения Гейне и Шекспира, поражающие блистательной стилистикой и великолепным слогом. Став затем адъюнктом Московского университета по кафедре философии, он еще более расширил свой кругозор и углубил знания.

В 1851 году Катков был назначен редактором газеты «Московские Ведомости», а в 1856 — редактором журнала «Русский Вестник».

В 1863 году он выступил с целой серией статей, призывающих правительство, беспощадно подавить революцию в Польше, полагая, что свободная Польша — угроза существованию России. Затем он сделал и следующий шаг, обрушившись на «внутренних воров» — русских либералов, поддерживавших своих польских сотоварищей. Этим Катков окончательно порвал свои старые связи и встал на путь открытой и энергичной поддержки самодержавия. Этот курс он сохранил до конца своих дней, страстно требуя искоренения революционных организаций. После убийства Александра II Катков писал: «Предлагают много планов, но есть один царский путь. В прежние века имели в виду интересы многих сословий. Но это не царский путь. Трон затем возвышен, чтобы перед ним уравнивалось значение сословий. Единая власть и никакой иной власти в стране, и стомиллионный, только ей покорный народ, вот истинное царство. Да положит Господь в сердце Государя нашего шествовать именно этим, воистину царским путем и иметь в виду не прогресс или регресс, не либеральные или реакционные цели, а единственно благо своего стомиллионного народа»¹⁰.

Каткова отличали честность и искренность. Он был совершенно бескорыстен и считал свою публицистическую деятельность государственной службой, называя ее «исполнением долга по совести».

К концу жизни, — а умер Катков в 1887 году, — он приобрел огромный авторитет и влияние не только в России, но и за рубежом. Многие солидные газеты Европы писали тогда, что из-за смерти Каткова может измениться даже внешняя политика России. И хотя это было сильным преувеличением, многие тогда верили и в это — настолько велик был престиж Каткова.

Третьим влиятельнейшим государственным и общественным деятелем был граф Дмитрий Андреевич Толстой. Он был не менее хорошо образован, чем Катков — за спиной графа остался Александровский Лицей, кроме того изначально Толстой получил прекрасное домашнее воспитание. Окончив Лицей в 1842 году, Толстой сблизился с М.Е.Салтыковым-Щедриным и поэтом А.Н.Плещеевым, одним из членов кружка Петрашевского. Толстой и Плещеев были столь неразлучны и близки, что когда Плещеев был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, то все знавшие их считали, что следом за Плещеевым пойдет в крепость и Толстой. Однако к 60-м годам его взгляды резко изменились, прежде всего из-за того, что Толстой, как крупный землевладелец, много потерял в связи с отменой крепостного права. Кроме того были и сугубо личные психологические причины: Толстой был исключительно скуп и жаден и рассматривал земельную реформу, как откровенное посягательство на свой карман. Обладая большим умом и твердой волей, он вместе с тем был коварным, злым и мстительным, что делало его страшным человеком, получившим прозвище «злого гения России».

В коротком, энергично написанном Манифесте от 29 апреля 1881 года, в частности, говорилось: «Но посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления... с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений»¹¹.

Именно для того, чтобы «утверждать и охранять» самодержавную власть и был вызван на службу находившийся в отставке Д.А.Толстой. На сей раз император предложил ему пост министра внутренних дел. Это предложение оказалось полной неожиданностью для Толстого и он сказал, что Александру III неизвестны его убеждения по делам внутреннего управления и потому царь не может назначить его на такой пост, не зная взглядов своего министра на сей счет. Когда же Александр III попросил Толстого высказать ему то, что он считает нужным, Дмитрий Андреевич сказал: «Угодно ли будет государю иметь министром человека, который убежден, что реформы прошлого царствования были ошибкой, что у нас было население спокойное, зажиточное, жившее под руководством более образованных людей, что разные отрасли правительственной деятельности друг другу не вредили, правили местными делами агенты правительства под контролем

других высших агентов той же власти, а теперь явилось разоренное, нищенское, пьяное население крестьян, разоренное, недовольное дворянство, суды, которые постоянно вредят полиции, 600 говорилен земских, оппозиционных правительству. Поэтому задача министра внутренних дел должна состоять в том, чтобы не развивать, а парализовать все оппозиционное правительству»¹². Александру III такая позиция пришлась по душе и он предоставил Дмитрию Андреевичу пост министра внутренних дел.

Через три года Толстой при помощи правителя своей канцелярии Алексея Дмитриевича Пазухина и М.Н. Каткова разработал цельную программу контрреформ и стал энергично проводить ее в жизнь, опираясь на поддержку Александра III.

25 апреля 1889 года Толстой умер, не доведя до конца реализацию этой программы, но новая поросль выпестованных им администраторов довела его дело до конца.

Чтобы не возвращаться более к контрреформам, составившим существеннейшее содержание внутренней политики Александра III, назовем важнейшие из них.

Хотя Пазухин опубликовал свою программную статью, обосновывавшую необходимость контрреформ и их основное содержание в 1885 году*, первые мероприятия в таком духе были осуществлены Д.А. Толстым уже летом 1882 года. 18 июня был принят циркуляр о гимназиях, запрещавший обучение в гимназиях детей несостоятельных родителей. 27 августа введены «Временные правила» о печати, устанавливавшие «карательную цензуру», которая могла штрафовать или закрывать на время то или иное издание. Правда, запрещать вообще какое-либо издание могло лишь Совещание министров внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурора Синода.

В 1884 году был введен новый устав университетов, отменивший прежний, либеральный устав 1863 года, и ликвидировавший автономию университетов.

Отныне они отдавались под совершеннейший контроль министерства народного просвещения; в 1887 году были установлены дискриминационные процентные нормы приема евреев в высшие учебные заведения, сохранявшиеся до 1917 года.

* Пазухин Д.А. Современное состояние России и словесный вопрос. Русский вестник, 1885, т. 175, кн. I.

В 1887 году была подвергнута ревизии и судебная реформа — процент заседателей-дворян был значительно увеличен, а через два года из ведения суда присяжных были изъяты дела о сопротивлении властям и ограничена публичность заседаний.

В том же 1889 году был принят и закон о земских начальниках, по которому они не выбирались, как прежде, а назначались только из числа дворян министром внутренних дел по представлению местного губернатора и предводителя дворянства. В волости ему принадлежала и административная и судебная власть, а в уезде — уездному съезду земских начальников под председательством местного предводителя дворянства.

В развитие этого закона в 1890 году был увеличен процент дворян в уездных земских собраниях. Наконец, в 1892 году были пересмотрены и отдельные положения городской реформы и из состава избирателей были исключены горожане обладающие собственностью стоимостью до 300 рублей.

Таковыми были главные вехи во внутренней политике Александра III.

Однако было бы неправильно не видеть и многого такого, что сделало Россию в 80-90-е годы одной из бурно развивающихся стран.

Уже в 1882 году был учрежден Крестьянский поземельный банк и отменена подушная подать, принят закон об ограничении труда малолетних на промышленных предприятиях, образована фабричная инспекция. На следующий год был принят закон об ограничении ночной работы женщин и подростков. Были приняты меры по признанию равноправия старообрядцев с другими христианскими конфессиями.

Разумеется, что эти меры не сняли социального напряжения и потому в 80-90-х годах стачки, забастовки и попытки воскрешения терроризма время от времени сотрясали государство.

А о том, как воспринималась внутренняя политика Александра III русскими людьми, придерживающимися либерально-демократических воззрений, свидетельствует весьма выразительный документ того времени — письмо императору известной общественной деятельницы, племянницы декабриста и дочери генерала Марии Константиновны Цебриковой, написанное ею в Париже и распространявшееся в России нелегально.

Вот это письмо:

«Ваше Величество! Законы моего отечества карают за свободное слово. Русские императоры обречены видеть и слышать чиновничество, стоящее стеной между ними и русским земством, то есть миллионами, не числящимися на государственной службе.

Кары за превышение власти, за наглое грабительство, за неправду так редки, что не влияют на общий порядок. Каждый губернатор — самодержец в губернии, исправник — в уезде, становой — в стране, урядник — в волости. Прямая выгода каждого начальника отрицать и прикрывать злоупотребления подчиненного.

Еще Александр I сказал, что честные люди в правительстве — случайность, и что у него такие министры, которых он не хотел бы иметь лакеями. И жизнь миллионов всегда будет в руках случайности там, где воля одного решает выбор.

Если бы Вы видели жизнь народа не по тем картинкам, которые выставляют Вам на глаза во время поездок Ваших по России, знакомились с русским народом не в лице одних волостных старшин и сельских старост, когда они в праздничных кафтанах подносят Вам хлеб-соль на серебряных блюдах, если бы Вы могли невидимкой пройти по городам и деревням, чтобы узнать жизнь русского народа. Вы увидели бы его труд, его нищету, увидели бы, как губернаторы ведут войско расстреливать рабочих, не подчиняющихся мошенническим штрафам и сбавке платы, когда и при прежней можно жить только впроголодь. Вы увидели бы, как губернаторы ведут войско расстреливать крестьян, бунтующих на коленах, не сходя с облитой их потом и кровью земли, которую у них юридически грабят сильные мира сего.

Тогда бы Вы поняли, что порядок, который держится миллионной армией, легионами чиновничества и сонмами шпионов, порядок, во имя которого душат каждое негодующее слово за народ и против произвола — не порядок, а чиновничья анархия. Анархия своеобразная: чиновничий механизм действует стройно — предписания, доклады и отчеты идут своим определенным ходом, а жизнь идет своим. Прямая выгода каждого чиновника доказать несправедливость жалоб на него и подчиненных его и заявить, что все обстоит благополучно в его ведомстве.

Ходят слухи, что Вы не терпите ложь. Как же Вы не поймете, что тот из чиновников Ваших, кто против гласности в суде и в печати, тот находит свою выгоду во мраке и тайне. Каждый честный человек, кто бы он ни был — министр или про-

стой смертный, который не скажет: «вот вся моя жизнь, пусть меня судит мир, грязных пятен нет на совести», тот не может быть честным человеком.

Народ наш беден. Крупный процент его живет впроголодь и в урожайный год крупный процент народа ест хлеб с мякиной. Избы его — сырые вонючие лачуги. Топить нечем. Под печкой приют для новорожденных телят, ягнят, домашней птицы. Более половины детей умирает в раннем возрасте от плохой пищи матери, изнуренной работой, от родимчика — следствия слабости организма или отравления вредным воздухом. Брошенные без присмотра дети, пока мать на работе, также становятся жертвами несчастных случайностей.

У народа почти нет больниц, число существующих ничтожно на миллионы. У безземельных батраков, у городских рабочих нет убежища под старость. Изжив все силы на работе, приходится умирать, где придется — под забором, в придорожной канаве.

На школы и больницы, на устройство приютов для детей, для престарелых — нет средств, но находятся средства на массу непроизводительных расходов — строительство и покупку дворцов, на министерство двора, управление царскими именьями.

Вас убедили почти из всего делать тайну доводами государственной необходимости, но правительство, скрывающееся во тьме, и прибегающее к безнравственным средствам, само роет себе могилу.

Вас отпугивают от гласности доводами, что гласность подрывает доверие общества к правительству своими разоблачениями, что и без того общество готово верить всему дурному насчет лиц, отмеченных властью.

Если это так, то это доказывает одно: что горький опыт веков подорвал в обществе доверие к правительству и правительство давным давно потеряло всяческое нравственное обаяние — и всего этого не воскресить ничем, потому что произволу нет оправдания. Тайна свидетельствует о неверии в себя. Кто верит в себя, тот света не боится. Тайна нужна только тому, кто сознает, что держится не нравственной, но одной материальной силой. Ученый мир Западной Европы заметил, что за последнее двадцатилетие сильно понизился в наших представителях науки не только уровень талантливости, но и добросовестного отношения к науке и человеческого достоинства.

Замеченный безотрадный факт есть прямое следствие систематического выпалывания талантливого юношества руками государственной полиции. Чем крупнее сила, тем менее она мирится с гнетом. Чем сильнее в юноше любовь к знанию, тем менее может он чтить науку, преподаваемую в полицейских целях.

Молодежь вступает в практическую жизнь без необходимой подготовки. Молодежь, уцелевшая потому, что не знала другого бога, кроме карьеры, молодежь, изолгавшаяся и продажная — будет плодить чиновничью анархию — насаждать сегодня, завтра же вырывать насаждаемое по приказу начальства, вносить еще более яда разложения в язвы, разъедающие родную страну.

Цензура наша ведет к тому, что молодежь жадно кидается не только на то, что есть верного в подпольной и заграничной печати нашей, но и на нелепости. Если гонят слово — значит боятся правды.

Писатель — игрушка цензорского произвола и никогда не может знать, как взглянет на его труд и в какую минуту тот или другой цензор. Случалось, что московская цензура пропускала то, что запрещала петербургская и наоборот.

Наконец, цензура дошла до геркулесовых столбов — император Александр II оказался нецензурным в своей империи: прессе было запрещено перепечатывать его речь болгарам о конституции.

Правительство признает силу печатного слова потому, что субсидирует свою прессу и пропагандирует ее через исправников и станowych. Оно открывает объятия перебежчикам из оппозиционной и революционной прессы, — и ошибается в расчете на силу их поддержки: слово предателя не может иметь силы искреннего убеждения. Когда цвет мысли и творчества не на стороне правительства, то это доказательство того, что создавшая его идея вымерла и оно держится лишь одной материальной бездуховной силой. Только живая идея может вдохновлять таланты...

Печать гонят, когда она указывает на зло тех мер, какими сильные мира сего, не зная жизни народа, ломают ее во имя теорий, измышленных в своих кабинетах и канцеляриях.

Масса чиновничества и офицерства — сплошь карьеристы, по приказу насаждающие сегодня то, что завтра будут выпалывать и наоборот, и всегда доказывающие, что и насаждение и выпалывание — на благо России, потому что на то есть высочайшая воля. Они сами отлично ведают, что творят, но

их всегдашний девиз: «Хватит на наш век и детей наших, а там хоть трава не расти!»

Верховная власть не может руководствоваться таким девизом: на ней лежит ответственность не только за настоящее, но и за будущее страны, на котором неизбежно отзываются все ее меры. Самодержавный монарх оказывается неизбежно ответственным за каждую кроху зла: он назначает чиновников, заправляющих Россией, он преследует все обличения зла, он оказывается солидарным с каждым губернатором, пошемякински правящим краем, с каждым спекулянтом, жиреющим на счет народа, с каждым офицером — держимордой, с каждым шпионом, по доносу которого сошлют в Сибирь человека политически невинного или даже виновного.

Люди слова, люди науки озлоблены, потому что терпится только слово лжи, рабски славословящее, распинающееся доказать, будто все идет к лучшему, которому само не верит, потому что нужна не наука, а рабская маска ее, передержка и подтасовка научных фактов для оправдания чиновничьей анархии. Если Вы захотите оставить мрачный след в истории, Вы не услышите проклятий потомства, их услышат дети Ваши, и какое страшное наследство передадите Вы им!»¹³

Когда Цебрикова вернулась из Франции на родину, то ее за это письмо сослали в Вологду...

НОВЕЛЛА СТО СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Между Германией и Францией

Обращая главное внимание на внутреннее «устройство царства Российского», Александр III проводил достаточно спокойную внешнюю политику, которая совершенно четко делится на два периода — сначала воссоздание «Союза трех императоров», а затем — отказ от прогерманской ориентации и сближение с Францией. Александр вполне определенно выказал свой непреклонный характер и не менее определенные намерения во внешней политике почти сразу же после вступления на престол. Это произошло, когда на русско-афганской границе, в районе Кушки появился крупный афганский отряд, руководимый английскими инструкторами, и занял довольно обширную территорию. Командующий Туркестанским военным округом генерал К. П. Кауфман немедленно запросил по телеграфу царя, что делать. «Выгнать и проучить как следует», — ответил Александр III. Нарушители границы

были выгнаны и казаки долго преследовали их, желая взять в плен английских офицеров, но те успели скрыться.

Британский посол в Петербурге заявил протест и потребовал извинений.

Взволнованный Гирс доложил об этом императору.

— Мы не только не сделаем этого, — сказал Александр, — но я еще и награжу начальника отряда. Я не допущу ничего посягательства на нашу территорию.

И наградил генерала А. В. Комарова Георгием 3-й степени.

В ответ англичане прислали ноту и осторожный Гирс предложил извиниться, ибо это может привести к войне с Англией. Вместо извинений и объяснений царь отдал приказ о подготовке Балтийского флота к военной кампании, несмотря на то, что британский флот был гораздо сильнее. Через две недели Лондон предложил создать совместную русско-английскую комиссию для изучения афганского инцидента. Благодаря этому в Европе поняли, что представляет из себя русский царь.

Второй инцидент, в котором Александр III еще раз продемонстрировал свою политическую твердость, произошел из-за конфликта с Австро-Венгрией. Постоянное соперничество на Балканах оборачивалось и постоянным напряжением во взаимоотношениях двух империй. Однажды, тоже в начале царствования, когда обстановка в очередной раз накалилась, произошел такой эпизод: во время большого официального обеда в Зимнем дворце австрийский посол по его просьбе получил место за столом против Александра III, чтобы иметь возможность обменяться с ним мнениями о создавшейся взрывоопасной обстановке. Посол начал говорить, а Александр, хотя и слушал его, но никак не реагировал на то, что слышал. От этого посол стал раздражаться все больше и больше и даже намекнул на возможность мобилизации двух или трех корпусов.

Александр, не изменившись в лице, взял вилку, связал из нее петлю и кинул ее к прибору посла (еще одно убедительное «доказательство» рыхлости и слабости российского императора):

— Вот что я сделаю с вашими корпусами, — негромко и совершенно спокойно сказал он.

И этот поступок, совершенный в присутствии многих других послов, тоже произвел сильное впечатление.

Разумеется, ни о какой мобилизации впредь не возникало и речи.

И, наконец, Александр совершенно демонстративно разорвал условия Парижского мирного договора 1855 года, заключенного после поражения в Крымской войне, и запрещающего России иметь свой флот на Черном море. Император приказал спустить на воду сразу несколько кораблей броненосного флота, причем сделано это было в Севастополе.

Уже в 1881 году была разработана судостроительная программа по созданию двухсот кораблей всех классов, в том числе 24-х линкоров, или эскадренных броненосцев, как их тогда называли, 15 крейсеров и т.д.

Росла и крепла армия, численность которой приближалась к миллиону человек, а в военное время она могла достичь четырех миллионов.

Александр III не верил ни одному государству мира, кроме дружественной Черногории — славянской, православной, связанной с его Домом родственными узами. А самыми верными своими союзниками он считал свои собственные армию и флот. И потому внешняя политика России в его царствование была в большей степени, чем когда-либо сдержана, ибо царь понимал, что так называемые союзники пытаются сделать его страну орудием для достижения своих собственных эгоистических целей.

На первых порах Александр III сориентировался на сотрудничество с австрийским императором Францем-Иосифом и германским императором Вильгельмом II.

В июне 1881 года на смену конвенции 1873 года три императора подписали договор о соблюдении благожелательного нейтралитета, если какая-либо из стран-союзниц окажется в состоянии войны с четвертой державой. Договор развязывал руки его участникам в отношении Балкан и Турции, а России облегчал ее судьбу, если бы она вступила в конфликт с Англией. Договор этот сохранял силу до 1886 года, а потом, вследствие конфликта между Россией и Австрией из-за Болгарии, распался. В июне 1887 года Россия и Германия подписали секретный договор о благожелательном нейтралитете и взаимной помощи кроме двух случаев: война России с Австрией не влекла за собой нейтралитета Германии, и война Германии с Францией не влекла нейтралитета России. Договор с самого начала называли «договором перестраховки», он был заключен на три года и должен был быть пролонгирован в 1890 году, однако немцы отказались продлить его, так как преемник ушедшего в отставку Бисмарка, генерал Каприви, являлся сторон-

ником сближения с Англией. Это подтолкнуло друг к другу Россию и Францию, тем более, что с мая 1882 года существовал и так называемый «Тройственный Союз», состоявший из Германии, Австро-Венгрии и Италии. Летом 1890 года произошел обмен письмами глав государств и одновременно французская эскадра пришла с дружественным визитом в Кронштадт. Александр III сам встретил эскадру и вынужден был, стоя, выслушать французский республиканский гимн — «Марсельезу» — с непокрытой головой. Дальнейшие переговоры и оформление договора шло довольно медленно, но к концу 1893 года была подписана и русско-французская военная конвенция, направленная против Германии и ее союзников по «Тройственному Союзу». Эта расстановка сил в Европе просуществовала почти до начала Первой мировой войны и незадолго до ее начала трансформировалась в Антанту..

НОВЕЛЛА СТО СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Цесаревич

Первенцем императорской четы и, таким образом, наследником престола был Николай, родившийся 6 мая 1868 года, о чем в предыдущей главе уже сообщалось. В 1881 году Николаю исполнилось 13 лет. Кроме него у царя и царицы были еще два сына — десятилетний Георгий и двухлетний Михаил, а также одна дочь — шестилетняя Ксения. Судьбе было угодно, чтобы через год Мария Федоровна родила еще одну девочку Ольгу, ее последнюю дочь. Каждому из этих новых персонажей книги будет уделено определенное внимание, но, конечно, больше всех прочих станет интересовать нас старший сын императорской четы — великий князь, цесаревич Николай Александрович, ибо именно он через тринадцать лет в 1894 году станет последним императором России.

До девяти лет его воспитание во многом напоминало то, о чем мы уже несколько раз читали в этой книге — сначала няни и бонны, — у маленького Ники, по желанию его родителей, это были преимущественно англичанки, — затем учителя-наставники, обучавшие мальчика чтению, письму, арифметике, началам истории и географии. Особое место занимал законоучитель-протоиерей И.Л.Янышев, прививший наследнику престола глубокую искреннюю религиозность. На этом качестве, ставшем впоследствии одним из важнейших в его этической ориентации, мировоззрении и практической дея-

тельности следует остановиться подольше и поговорить о том посерьезнее.

Современный историк А.Н.Боханов так пишет об этом: «Достаточно точное суждение о Николае II принадлежит Уинстону Черчиллю, заметившему: «Он не был ни великим полководцем, ни великим монархом. Он был только верным, простым человеком средних способностей, доброжелательного характера, опиравшимся в своей жизни на веру и Бога». Вот это качество — вера в Бога — вера такая простая и глубокая у него, очень многое объясняет в жизни человека и правителя. Это по сути дела своеобразный ключ к пониманию его душевных состояний и поступков... Бог олицетворял для Николая Высшую Правду, знание которой только и делает жизнь истинной, в чем он уверился еще в юности...

Вера наполняла жизнь царя глубоким содержанием, помогала переживать многочисленные невзгоды, а все житейское часто приобретало для него характер малозначительных эпизодов, не задевавших глубоко душу. Вера освобождала от внешнего гнета, от рабства земных обстоятельств. Русский философ Г.П.Федотов очень метко назвал Николая «православным романтиком»... По словам хорошо знавшего царя протопресвитера армии Г.И.Шавельского «Государь принадлежал к числу тех счастливых натур, которые веруют не мудрствуя и не увлекаясь, без экзальтации, как и без сомнения. Религия давала ему то, чего он более всего искал, — успокоение. И он дорожил этим и пользовался религией, как чудодейственным бальзамом, который подкрепляет душу в трудные минуты и всегда будит в ней светлые надежды»¹⁴. Разумеется, что все это пришло к Николаю позже, но основы этого были заложены в детстве.

Еще одно качество, в какой-то мере врожденное, а в значительной мере благоприобретенное и развитое и влиянием окружающих и его собственными усилиями, было то, что называли «обольстительностью», качеством столь часто присущим Романовым, особенно мужчинам.

«Император Николай II, — писал русский историк-эмигрант С.С.Ольденбург, — обладал совершенно исключительным личным обаянием... В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он умел обворожить своих собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием. «Я в своей жизни не встречал чело-

века более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II», — писал граф Витте уже в ту пору, когда он по существу являлся личным врагом государя.»¹⁵ А последнее качество — воспитанность, под коим понимались и хорошие манеры, и то, что в старину называли «благоденствием», и умение располагать к себе — тоже было плодом усилий и тех, кто воспитывал и учил цесаревича, и в значительной мере результатом его собственных регулярных усилий.

В 1877 году, когда Николаю было девять лет, и он перешел из женских рук в мужские, его главным воспитателем стал пятидесятидвухлетний генерал от инфантерии Григорий Григорьевич Данилович, директор 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии, составивший, а затем и осуществивший программу обучения цесаревича, рассчитанную на 12 лет: 8 лет — гимназический курс, и 4 года — университетский, правда, с известными коррективами, но не за счет сокращения, что заставило потом увеличить время обучения еще на один год. «Г. Г. Данилович, — как писал видный дипломат А. П. Извольский, — не имел других качеств кроме ультрареакционных взглядов.» Однако действительным наставником и воспитателем Николая был учитель английского языка Хетс — очень одаренный и очень обаятельный человек, преподававший еще и в Царскосельском лицее. Ему Николай был обязан великолепным знанием английского языка и любовью к спорту. Но Хетс не был Лагарпом. Он не имел и малой доли тех знаний, какими обладал великий швейцарец, не имел даже университетского образования и потому не мог сделать то, что сделал с цесаревичем Александром Павловичем Лагарп.

«Карла Осиповича», как обычно называли мистера Хетса, можно было считать и воспитателем и нянькой, ибо он глубоко был предан всей семье, приютившей его, и искренне любил своего воспитанника. Он был чистейшим идеалистом, прекрасно рисовал и занимался многими видами спорта.

Особенно любил он конный спорт и сумел передать это увлечение Николаю, тем более, что цесаревич с юных лет с удовольствием служил в Лейб-гвардии гусарском полку.

Потому-то на первых порах, как бывало это в истории дома Романовых не единожды и прежде, цесаревич сильно увлекся фрунтом и экзерцицией. Уже упоминавшийся А. П. Извольский писал: «Высокий рост и замечательная красота почти всех членов императорской фамилии обязаны своим происхождением жене Павла I, принцессе Вюртембергской-Монбельяр... Эти физические качества сохранились в тече-

ние трех поколений, император Александр III, отец Николая II, хотя и не был красив, но был человеком геркулесовского сложения и величественной внешности»¹⁶.

Николай был невысок ростом, но очень хорошо развит физически, имел прекрасную осанку и значительную силу. Из-за того, что ему часто приходилось оказываться среди чинов лейб-конвоя и гвардии, куда отбирались очень рослые и статные офицеры и солдаты, он казался маленьким и терял необходимую августейшей особе значительность. Потому больше всего любил он показываться верхом на коне, тем более, что благодаря Хетсу и опытным придворным берейторам, по много часов занимавшимся с ним выездкой, Николай уже в юности стал великолепным наездником. Тому способствовала и сильная его любовь к лошадям, появившаяся у Николая еще в детстве, когда ему, еще совсем маленькому, впервые подарили пони. И с этого же времени стали приучать ухаживать за лошадьми — мыть их, купать летом в реке, расчесывать, скоблить, убирать в конюшне, поить и задавать корм. Однако сначала, когда он еще рос, и трудно было сказать будет ли он великаном — в отца, деда и прадеда, или мужчиной нормального роста — в датскую родню со стороны матери — Николай был определен в пехотные полки: сначала Эриванский, а потом — Преображенский.

Николай помнил, как совсем маленьким мальчиком, когда рядом с ним еще не было генерала Даниловича, а окружали его няньки да мамки, дед брал его с собою на разводы, смотры и парады тех частей, где был он сам или Александр II — шефами. А летом 1876 года, когда шел Николаю девятый год, его впервые обрядили в мундир, повесили на пояс маленькую саблю, дед взял его с собою на смотр и поставил в ряды первой роты лейб-гвардии Павловского полка, хотя формально военная служба началась для Николая годом раньше: по примеру старых времен был он семилетним ребенком записан в Лейб-гвардии Эриванский полк и через год получил там же первый офицерский чин прапорщика. Двенадцати лет стал он поручиком, но все еще это были не более чем детские потехи, а серьезная, настоящая военная служба началась после принятия им присяги в день, когда исполнилось ему шестнадцать лет. Но все это будет позже, а сейчас, в 1881 году он проходит усложненный курс гимназии, где помимо всех обычных премудростей, изучает не два живых языка, как в гимназии, а четыре: английский, немецкий, французский и датский. Последний — родной язык его матери, и он знал, что рано или

поздно окажется у своих родственников в Копенгагене и тогда сможет изъясняться с ними по-датски.

Языки давались Николаю легко и он с удовольствием занимался ими. Особенно же любил он английский язык и владел им настолько безукоризненно, что безупречные русские знатоки английского языка находили, что Николай и думает по-английски, а потом переводит свои мысли на русский язык.

На этом мы расстаемся с цесаревичем в 1882 году, в ту пору, когда было ему 14 лет.

Что же касается его братьев и сестер, то они были младше его — Георгию было 11 лет, Ксении — 7, Михаилу — 3 года, а Ольга — последняя дочь Александра III — родилась только 1 июня 1882 года, так что рассказывать о них пока еще рано.

НОВЕЛЛА СТО СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Тайна «Белого генерала»

Теперь же остановимся на одном из сюжетов, который происходил в 1881-1882 годах и весьма сильно взволновал Россию. Героем этого загадочного и трагического события и главным действующим лицом стал генерал Михаил Дмитриевич Скобелев, о котором упоминалось в предыдущей главе.

В январе 1881 года, взяв сильную туркменскую крепость Геок-Тепе, Скобелев присоединил к России богатый и цветущий Ахалтекинский оазис.

Александр II дал ему чин генерала от инфантерии и орден Георгия II степени. Следующим чином был фельдмаршалский, а военной наградой — Георгий I степени, что уравнивало бы Скобелева с Потемкиным и Суворовым, Кутузовым, Барклаем и Паскевичем. Таким образом, Скобелев становился признанным первым полководцем России. Скобелев был необычайно популярен и многие называли его «современным Суворовым». Однако из-за того, что он всегда носил белый китель, за ним прочно укрепилось прозвище «Белый генерал».

Он собирался в Петербург, когда в Туркмению пришла весть о смерти Александра II и вступлении на престол нового императора.

27 апреля Скобелев отправился в путь. На каждой станции его встречали, как триумфатора, но встреча, устроенная Москвой, превзошла все самые смелые ожидания — генерал-губернатор, князь В.А.Долгоруков, который должен был ехать в Петербург, сопровождая полководца, едва сумел пробиться к

его вагону: так плотно стояли тысячи москвичей на площади перед вокзалом. Приехав в Петербург, Скобелев прежде всего поехал в Петропавловскую крепость на могилу Александра II, и только после этого — в Зимний дворец. Император принял его холодно, даже не предложив ему сесть, и об этом вскоре же узнали все. Вокруг Скобелева стал сплетаться клубок интриг, и противоборствующие политические силы начали привлекать народного героя всякий на свою сторону.

К.П.Победоносцев, сразу же разобравшись в существе дела, написал Александру большое письмо, призывая царя непременно привлечь Скобелева на свою сторону. В этом письме Победоносцев, в частности, говорил: «С 1 марта вы принадлежите со всеми своими впечатлениями и вкусами не себе, но России и своему великому служению. Нерасположение может происходить от впечатлений, впечатления могут быть навеяны толками, рассказами, анекдотами, иногда легкомысленными и преувеличенными. Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный. Вспомните, Ваше величество, много ли в истории великих деятелей, полководцев, которых можно было бы назвать нравственными людьми, а ими двигались и решались события. Можно быть лично и безнравственным человеком, но в то же время быть носителем великой нравственной силы и влиять не на массу. Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, то есть люди ему верят и за ним следуют. Это ужасно важно и теперь важнее, чем когда-нибудь»¹⁷.

Но Александр ничего не предпринял, тем более, что известная безнравственность Скобелева претила царю, весьма строгому в этом и к себе и к окружающим. А Скобелев, смертельно обидевшись, тут же уехал за границу. Летом в Кельне у него произошла встреча с уже отставленным Лорис-Меликовым, которого «Белый генерал» пригласил в свой вагон. Оставшись наедине, Скобелев стал волноваться и даже плакать, и негодуя на царя, сказал: «Дальше так идти нельзя. Все, что прикажете, я буду делать беспрекословно и пойду на все. Я не сдам корпуса, а там все млеют, смотря на меня, и пойдут за мной всюду... Я готов на всякие жертвы, располагайте мною, приказывайте...»

Потом Лорис-Меликов доверительно говорил А.Ф.Кони: «Таков он был в июле 1881 года... Это мог быть роковой человек для России — умный, хитрый, отважный до безумия, но совершенно без убеждений»¹⁸. Лорис-Меликов однако же сильно заблуждался, полагая, что у Скобелева нет убеждений.

Они у него были, и вполне определенные — «Белый генерал» был ярким славянофилом, исповедывавшим принцип «Самоуправляющаяся местно Земля с самодержавным царем во главе», однако он же считал своими собственными врагами, как и врагами России, нигилистов и радикалов, посягавших и на царя и на «народный строй», который по мысли вождя славянофилов и друга Скобелева И. С. Аксакова, должен был олицетворять и возглавлять Земский Собор. И совершенно солидарен был Скобелев со славянофилами в оценке Берлинского Конгресса 1878 года, лишившего Россию плодов ее победы в минувшей войне с Турцией, и оставившего большую часть славян на Балканах под османским и австро-венгерским игом.

А 2 января 1882 года, в честь годовщины взятия Геок-Тепе, в петербургском ресторане Бореля состоялся банкет. Главным его героем, естественно, был Скобелев. На этом банкете он выступил с тостом, в котором противопоставил народ интеллигенции, а интеллигенцию народу, завершив тост так: «Господа! В то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность, именуют разбойниками и поступают с ними, как с таковыми... Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единовверные нам груди»¹⁹.

Застольная речь Скобелева вызвала широкий международный резонанс и дипломатический демарш Австрии. Был недоволен этим поступком и царь. Скобелеву предложили взять отпуск и уехать за границу. Умный и наблюдательный Валуев записал в своем «Дневнике», что Скобелев начинает походить на испанского генерала с будущим пропунсиаментом, то есть, на генерала-заговорщика, готовящего военный переворот.

В конце января 1882 года Скобелев уехал за границу, а 5 февраля, в Париже, его восторженно встретили сербские студенты, учившиеся во Франции, и поднесли ему благодарственный адрес. В ответ Скобелев заявил: «Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних своих делах она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Да! Чужестранец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы —

жертва его интриг, рабы его могущества... Это автор «натиска на Восток» — он всем вам знаком — это — Германия!»

Разумеется, что и эта речь произвела скандал и на сей раз оскорбленной оказалась Германия.

Министерство иностранных дел вынуждено было дезавуировать Скобелева, назвав его речь «частным заявлением лица, не уполномоченного на то правительством».

Однако Скобелева тут же вызвали в Петербург, приказав ехать, минуя Берлин, кружным путем — через Голландию и Швецию.

Неожиданно для самого Скобелева и для всех вообще, Александр III принял его гораздо лучше, чем он мог бы надеяться: аудиенция с глазу на глаз продлилась два часа и Скобелев, вошедший к царю в кабинет печальным и сконфуженным, вышел оттуда веселым и довольным. Однако, о чем говорил он с царем, Скобелев не рассказывал никому.

22 апреля «Белый генерал» уехал в Минск, где был дислоцирован его корпус, а потом в Париж и там снова демонстрировал свое несогласие с действиями царя и политикой его правительства.

Это было тем более некстати, что случилось накануне коронации, которая произошла более чем через два года после вступления Александра III на престол и уже одним этим отличалась от прежних коронационных торжеств, отстоявших от акта интронизации на значительно более короткое время.

НОВЕЛЛА СТО СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Коронация

Не станем повторять того, о чем мы уже знаем из рассказов о прежних коронациях.

Тридцать тысяч войск стояло между Санкт-Петербургом и Москвой вдоль шестисотверстной Николаевской железной дороги и, таким образом, солдат от солдата стоял не более чем в двадцати метрах. Царский поезд пришел в первопрестольную меньше, чем через сутки. А теперь предоставим слово присутствовавшему на коронации французскому писателю Корнели, оставившему записки об этом. «Прибыв в Москву, мы остались на вокзале, чтобы встретить императорский поезд. Император и императрица, выйдя из вагона, поместились в открытой коляске и минуя город, прямо проследовали в загородный Петровский дворец, в котором жил Наполеон I после пожара Москвы. Толпы народа падали на колени при про-

езде императорской четы; многие целовали следы, оставленные царским экипажем.

Затем последовал торжественный въезд в Москву. Удобно поместившись на одной из стен Кремля, я мог видеть всю Красную площадь. Через площадь пролегла усыпанная песком дорога, по бокам которой стояли шпалерами павловцы с их историческими остроконечными киверами. Площадь представляла собою море голов. Толпа хранила торжественное молчание. Взоры всех были обращены в ту сторону, откуда должен был последовать торжественный кортеж. Пушки гремели, не смолкая ни на минуту. Ровно в двенадцать часов показались передовые всадники императорского кортежа. Мгновенно громадная площадь огласилась восторженными криками. Детский хор в двенадцать тысяч молодых свежих голосов, управляемый ста пятидесятью регентами, исполнял русский национальный гимн. Пушечная пальба, перезвон колоколов, крики толпы, все это слилось в какой-то невообразимый гул. Тем временем кортеж приближался. Вслед за драгунами передо мной промелькнули казаки с целым лесом высоких пик, за ними кавалергарды с их блестящими касками, увенчанными серебряными двуглавыми орлами, собственный, его величества конвой в живописных ярко-красных черкесках и, наконец, показался и сам император. Государь ехал верхом на коне светло-серой масти. На этом же коне, будучи еще наследником, Александр III совершил всю турецкую кампанию.

Рядом с государем на маленьком пони ехал наследник-цесаревич, будущий император Николай II. За ним следовали великие князья, иностранные принцы и многочисленная блестящая свита, за которой в золотой карете, запряженной восьмеркой белых лошадей, следовала императрица. Рядом с ее величеством сидела маленькая восьмилетняя девочка, великая княжна Ксения Александровна, приветливо улыбающаяся и посылавшая воздушные поцелуи восторженно шумевшей толпе.

В день коронавания мне еще раз довелось видеть императорскую чету. Государь и государыня, под богатым балдахинном, несомым двадцатью четырьмя генералами, направлялись к собору. У входа в собор ожидал их величества Московский митрополит. Кремлевская площадь с многотысячной толпой хранила молчание. Подойдя к митрополиту, их величества остановились. Благословив августейшую чету, митрополит обратился с глубоко прочувствованным словом. Я ви-

дел, как император искал в карманах мундира носовой платок, и не найдя таковой, левою рукою, затянутой в белую перчатку, вытер полные слез глаза. Он, как ребенок, плакал перед этим старцем, говорившем о тяжких испытаниях, перенесенных императорским домом. По окончании обряда коронации, государь и государыня поднялись на Красное крыльцо, с высоты которого кланялись восторженно приветствовавшему их народу. Их величества были в великолепных порфирах, подбитых горностаем: головы их были увенчаны коронами. В правой руке его величество держал скипетр, украшенный знаменитым алмазом, оцененным в 22 миллиона.

Затем их величества удалились во внутренние покои, где в Грановитой палате, бывшем дворце Ивана Грозного, состоялся высочайший обед.»²⁰

По случаю коронации была проведена амнистия, прощены долги казне, но широкой раздачи титулов и денег, а тем более земли и поместий, не последовало. И тогда же произошло самое массовое угощение простых людей — и москвичей, и пришедших в первопрестольную на коронацию из других мест — и устроена раздача царских подарков с лакомствами, колбасой и хлебом. На Ходынском поле, на краю Москвы, неподалеку от загородного Петровского дворца, было роздано 500 тысяч подарков.

Через тринадцать лет, на этом же самом поле, по такому же случаю, захотят сделать то же самое, но безобидная затея обернется кровавой катастрофой, которая станет как бы прологом к несчастному последнему царствованию... Однако об этом — в свое время и на своем месте.

А эти дни ознаменовались еще одним важным и великолепным празднеством — 26 мая произошло освящение и открытие храма Христа Спасителя, строившегося сорок шесть лет.

Самый большой храм России, воздвигнутый по проекту архитектора К.А.Тона на народные деньги, в память об Отечественной войне 1812 года был расписан выдающимися мастерами — В.В.Верещагиным, В.И.Суриковым, Г.И.Семирадским, Ф.С.Журавлевым, К.Е.Маковским, облицован мрамором и представлял собою изумительное архитектурное и художественное создание. Под его сводами могли одновременно находиться десять тысяч человек.

Александр III присутствовал на освящении храма, а после этого возвратился в Петербург. Вскоре там застала его весть о смерти Скобелева.

НОВЕЛЛА СТО СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Загадочная смерть

Михаил Дмитриевич, побывав в Париже, возвратился в Минск, к месту дислокации своего корпуса. Там он объявил, что в самое ближайшее время поедет в Болгарию — во всяком случае, он говорил, что поедет туда, но никто не знал так ли это, — и вдруг стал продавать все свое имущество, чтобы повести с собою не менее миллиона рублей.

Деньги он собрал, продав все, что мог, затем получил еще один месячный отпуск и 22 июня 1882 года отправился из Минска в Москву. Его сопровождали несколько штабных офицеров и командир одного из полков барон Розен. В Москве он, как и всегда, остановился в гостинице «Дюссо». Одним из первых, кто встретил Скобелева в Москве, был князь Д.Д.Оболенский. По воспоминаниям князя генерал был сильно не в духе.

— Да что с вами, наконец? — спросил Оболенский.

— Да что, — мои деньги пропали.

— Какие деньги? Бумажник украли у вас?

— Какой бумажник! Мой миллион... Весь миллион пропал бесследно.

— Как? Где?

— Да я сам ничего не знаю, не могу ни до чего добраться... Вообразите себе, что Иван Ильич (доверенное лицо Скобелева, его управляющий) реализовал по моему приказанию все бумаги, продал золото, хлеб и... сошел с ума на этих днях. Я и не знаю, где теперь деньги. Сам он невменяем, ничего не понимает. Я несколько раз упорно допрашивал его, где деньги. Он в ответ чуть не лает на меня из-под дивана. Впал в полное сумасшествие... Я не знаю, что делать.

25 июня барон Розен дал обед в честь того, что получил очередной орден. Скобелев был на обеде мрачен и сказал одному из офицеров — полковнику Баранок:

— А помнишь, Алексей Никитич, как на похоронах в Геок-Теве поп сказал: слава человеческая, аки дым преходящий... подгулял поп, а хорошо сказал...

На сей раз и сам генерал хорошо подгулял и после обеда поехал в гостиницу «Англия», что стояла на углу Петровки и Столешникова переулка. Там, в первом этаже занимала роскошный номер знаменитая московская проститутка Альтенрод, имевшая несколько имен: Ванда, Элеонора, Шарлотта, Роза.

Поздно ночью Альтенрод выбежала во двор и сказала дворнику, что у нее в постели умер офицер.

Полиция прибыла немедленно. Вскрытие произвел профессор Нейдинг, поставивший диагноз: «Скончался от паралича сердца и легких, воспалением которых он страдал еще так недавно».

И тут же лавиной хлынули домыслы и слухи. Одни говорили, что Скобелев покончил с собой, другие, — что его убили немецкие агенты, третьи, что его отравили по приказу Александра III, опасавшегося, что «Белый генерал», совершив военный переворот, займет русский трон под именем Михаила II. Говорили, что Скобелева убили по приговору Тайного суда, где председательствовал великий князь Владимир Александрович, и, наконец, что он пал жертвой «Священной дружины». И уж, разумеется, не обошлось и без... заговора масонов.

Историк А.Б.Шолохов, наиболее глубоко и всесторонне изучивший этот сюжет, полагает, что все эти версии относятся к разряду слухов и предположений, а вероятнее всего то, что эта смерть могла быть и политическим убийством, но кто его совершил, все еще остается тайной²¹.

НОВЕЛЛА СТО СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Юность цесаревича

6 мая 1884 года, когда Николаю исполнилось 16 лет, в Большой церкви Зимнего дворца он принял присягу по случаю вступления в действительную военную службу. Он все еще, как и четыре года назад был поручиком, но парадокс заключался в том, что по традиции цесаревич был Атаманом всех казачьих войск, а во главе каждого из них непременно стоял генерал, и таким образом, хотя и номинально все эти генералы подчинялись шестнадцатилетнему поручику.

Из-за своего атаманства Николай принимал присягу под знаменем лейб-гвардии Атаманского полка, в котором служили представители всех одиннадцати войск — от Кубанского до Уссурийского.

Годом позже он закончил среднее образование и перешел к изучению серии дисциплин, предусмотренных программой Академии Генерального штаба и двух факультетов университета — юридического и экономического. Высшее образование заняло у цесаревича еще пять лет. Руководителем всего процесса был Победоносцев, читавший к тому же курсы эн-

циклопедии законоведения, государственного, гражданского и уголовного права. Протоиерей И.Л.Янышев читал цикл лекций по истории религии, богословию и каноническому праву. Член-корреспондент Академии наук Е.Е.Замысловский, видный специалист по истории России и истории международных отношений, читал курс политической истории. Академик Н.Х.Бунге, министр финансов преподавал политэкономия и статистику.

Академик Н.Н.Бекетов, создатель физической химии, как самостоятельной науки, преподавал химию. Николай продолжал совершенствоваться в языках, сделав особые успехи в английском.

Вторую половину всех наук занимали военные науки. Курс стратегии и военной истории читал главный редактор «Энциклопедии военных и морских наук» начальник Академии генерального штаба, член-корреспондент Академии наук, генерал от инфантерии Г.А.Леер. Фортификацию вел инженер-генерал Ц.А.Кюи, автор 14 опер и 250 романсов. Среди преподавателей военных наук были выдающиеся генералы М.И.Драгомиров, Н.Н.Обручев, А.К.Пузыревский, П.К.Гудима-Левкович, Н.А.Демьяненко и другие.

Для изучения пехотной службы цесаревич провел два лагерных сбора в Преображенском полку, где командиром был его дядя великий князь Сергей Александрович. Первый год Николай исполнял обязанности взводного, а на второй год — ротного командира. Следующие два летних лагерных сбора провел он в лейб-гвардии Гусарском полку, приобщаясь к кавалерийской службе, также, как и перед тем — сначала младшим офицером, а потом командиром эскадрона. Девятнадцати лет получил он чин штабс-капитана, двадцати трех — капитана и, наконец, 6 августа 1892 года стал полковником и в этом звании оставался до конца своих дней.

Следует сказать и о внешних сторонах службы Николая в гвардии. Глядя в глаза правде, надо признать, что нравственная сторона отношений господ офицеров вне строя была, мягко выражаясь, далека от идеала. Характернейшей чертой их быта было бретерство, волокитство, игра в карты, склонность немалого числа офицеров к гомосексуализму и забубенное пьянство.

Дело врачей и психологов объяснить, почему именно так произошло, но факт заключается в том, что в 80-х годах среди офицеров гвардии широко распространился гомосексуализм. Александр III, бывший эталоном нравственно-

сти, с омерзением относился к носителям этого порока, но изгонять со службы не мог, ибо их было слишком много, ограничиваясь отставками офицеров, чьи похождения получали громкую скандальную огласку.

Особенно знаменит был этим Преображенский полк, где командиром был Сергей Александрович, показывавший своим однополчанам пример за примером извращенного мужеложества. Император вынужден был отставить от службы сразу двадцать офицеров-преображенцев, не предавая их суду, только из-за того, что это бросило бы тень на его родного брата — их командира.

Племянник Сергея Александровича, великий князь Александр Михайлович, приводит в своих «Воспоминаниях» такой эпизод: «Некоторые генералы, которые как-то посетили офицерское собрание Преображенского полка, остолбенели от изумления, услышав любимый цыганский романс великого князя в исполнении молодых офицеров. Сам августейший командир полка иллюстрировал этот любезный романс, откинув назад тело и обводя всех блаженным взглядом!»

Зато лейб-гусарский полк, где почти не было гомосексуалистов, славился патологическим пьянством. И здесь тон задавал командир полка — один из самых горьких пьяниц русской гвардии великий князь Николай Николаевич. Его однополчане собираясь в офицерском собрании, пили по неделям, допиваясь до чертиков и белой горячки.

Водку пили не рюмками, а «аршинами», и нужно было выпить не менее аршина рюмок, поставленных в ряд. А ведь аршин равнялся 71 сантиметру! Другой забавой была «лестница», когда следовало подняться на второй этаж, выпивая по одной рюмке на каждой ступеньке.

После этого офицеры-гусары начинали игру «в волков». Участники игры, раздевшись донага, становились на четвереньки и начинали выть. Тогда старик-буфетчик выносил лохань, наполнял ее шампанским или водкой и вся «стая», стоя на четвереньках, с визгом отталкивая друг друга и кусаясь, лакала вино. И так же как в Преображенском полку, здесь, в лейб-гусарском, безусловным лидером в этом виде офицерского «спорта» был его командир, великий князь Николай Николаевич. Бывало, что и сам командир раздетым залезал на крышу собственного дома и, как и его офицеры, тоже выл на луну, а то и пел серенады своей возлюбленной купчихе, своей невенчанной супруге, жившей с ним в Царском Селе, где квартировал лейб-гусарский полк.

Однако, проходя службу в Преображенском полку, Николай был совершенно непричастен к порочным наклонностям офицеров-гомосексуалистов, а служа в лейб-гусарском, не позволял себе пьянства, хотя ханжой не был и иногда в офицерском собрании пропускать две-три рюмки водки, или бокал-другой шампанского.

Здесь же выявилась и одна из симпатичных черт его характера — стремление помочь своим товарищам-однополчанам, если они женились на скомпрометированных ранее дамах.

По законам офицерской чести эти офицеры должны были оставлять Преображенский полк, и цесаревич всячески помогал им в их дальнейшей карьере — армейской, гражданской, а иногда даже духовной.

О его службе в Преображенском полку сохранилось свидетельство командира полка с 1891 года, двоюродного дяди Николая, великого князя Константина Константиновича, это — запись в его дневнике от 6 января 1894 года, когда цесаревич уже два года носил звание полковника и командовал первым батальоном преображенцев: «Ники держит себя в полку с удивительной ровностью; ни один офицер не может похвастаться, что был приближен к цесаревичу более другого. Ники со всеми одинаково учтив, любезен и приветлив; сдержанность, которая у него в нраве, выручает его».

Военная подготовка цесаревича не ограничилась знакомством с пехотной, кавалерийской и артиллерийской службой. Будучи Атаманом всех казачьих войск, он знал и казачью службу, а кроме того, был приобщен и к службе на флоте.

И, вообще, следует признать, что Николай с учетом его возраста был подготовлен к военной деятельности гораздо лучше, чем к какой-либо другой. А.П.Извольский, выдающийся русский дипломат, занимавший в 1906-1910 годах пост министра иностранных дел, писал в своих «Воспоминаниях»:

«Когда император Николай II вззошел на престол ... его природный ум был ограничен отсутствием достаточного образования. До сих пор, — писал А.П.Извольский, — я не могу понять, как наследник, предназначенный самой судьбой для управления одной из величайших империй мира, мог оказаться до такой степени неподготовленным к выполнению обязанностей величайшей трудности». Военная среда, окружавшая цесаревича и во дворце, и на занятиях военными науками, и в полевых лагерях на учениях, была ему гораздо более близка и понятна, чем, например, среда министерская, дипломатическая или придворная, так как отец-император не

очень-то приобщал его к сфере государственного управления или внешней политики.

Что же касается двора, то Александр III и сам не любил придворных балов и празднеств, ограничив их до минимума, и, как мы уже знаем, практически, не принимал по делам двора никого, кроме министра этого ведомства Воронцова-Дашкова, да и то крайне редко.

И потому и цесаревич воспитан был в том же духе, что и отец, он не выносил излишеств ни в одежде, ни в еде, старался во многом подражать отцу, со временем полюбив то же, что любил и Александр: охоту в царских заповедниках — Ловиче, Спале, Беловежье, рыбалку в финских шхерах, долгие прогулки в полях и лесах, физический труд и стремление к здоровой и чистой жизни. Так, почти безмятежно проходила юность цесаревича, пока не наступило 1 марта 1887 года.

НОВЕЛЛА СТО СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Второе Первое марта

После разгрома «Народной воли» в начале 80-х годов то и деле появлялись энтузиасты-революционеры, пытавшиеся создать новую организацию. Особенно преуспел в этом поэт П.Ф.Якубович и несколько его сподвижников, организовавших в 1884 году «Молодую партию Народной воли». Тогда же «старые» народовольцы, оказавшиеся в эмиграции, собрались в Париже и начали переговоры с «молодыми» об объединении. Однако весной и осенью того же года многие «молодые» были арестованы и прошли по «Процессу двадцати одного» — последнему крупному процессу над народовольцами. Почти все они были признаны виновными и осуждены. После этого попытки воссоздания «Народной воли» предпринимали В.Г.Богораз-Тан, Л.Я.Штернберг и другие, но и эти попытки оказались безрезультатными.

Наконец, в 1886 году, в Петербурге, возникла «Террористическая фракция Народной воли» организатором которой стал студент четвертого курса Петербургского университета Александр Ильич Ульянов — старший брат В.И.Ульянова (Ленина). Он был, скорее, идейным руководителем и теоретиком группы, но кроме того, принимал участие и в изготовлении метательных снарядов. В группе было около полутора десятка человек, — преимущественно студенты университета, которые в начале 1887 года подготовили покушение на Александра III, наметив днем его убийства 1 марта. Расчет строил-

ся на том, что 1 марта царь непременно поедет в Петропавловский собор для участия в панихиде на могиле своего отца, ибо Александр II был убит 1 марта 1881 года.

Все было подготовлено заблаговременно и заговорщики вышли к Аничкову дворцу, где зимой жил Александр III, даже на один день раньше намеченного срока, надеясь, что царь выедет на Невский и в этот день. Однако их ждала неудача из-за того, что в конце февраля полицией было перлюстрировано письмо неизвестного лица из Петербурга в Харьков студенту И. П. Никитину о красном терроре и оно-то и привело к установлению слежки за автором письма — членом группы Андреюшкиным, и вслед затем и за некоторыми его товарищами и соучастниками. Причем Андреюшкин попал под наблюдение за день до покушения на царя. Полицейские филеры повели Андреюшкина и второго члена группы — Генералова — прямо с места их встречи на Невский проспект и стали свидетелями того, как они, держа под мышками свертки, — а это и были смертоносные заряды, изготовленные Ульяновым, — стали прогуливаться возле Аничкова дворца. Филеры засекли и еще трех соучастников готовящегося преступления и незаметно проводили их всех до их квартир после того, как они, ничего не предприняв, ушли с Невского.

То же повторилось и на следующий день — 1 марта. Снова метальщики гуляли по Невскому, ожидая выезда Александра III из Аничкова дворца, но к полудню озябли и зашли в трактир, чтобы погреться и поесть. Следом за ними туда же вошли и агенты-полицейские. А царя все не было...

В это утро Александр III приказал приготовить четырехместные открытые сани к 10 часам 45 минутам утра, чтобы ехать в Петропавловский собор на заупокойную обедню по убитому в этот день восемь лет назад Александру II. Должны были ехать Александр III, императрица и два старших сына — цесаревич Николай и великий князь Георгий.

Вот что писала в своем дневнике три дня спустя фрейлина А. П. Арапова: «Его величество заказал заупокойную обедню к 11 часам и накануне сказал камердинеру иметь экипаж готовым к 11 часам без четверти. Камердинер передал распоряжение ездovому, который, по опрометчивости — чего никогда не случалось при дворе, — или потому что не понял, не довел об этом до сведения унтер-шталмейстера. Государь спускается с лестницы — нет экипажа. Как ни торопились, он оказывается

в досадном положении простых смертных, вынужденных ждать у швейцара, в шинели, в течение 25 минут. Не припомнят, чтобы его видели в таком гневе — из-за того, что, по вине своего антуража, он настолько запоздает на службу по своему отцу, и унтер-шталмейстер был им так резко обруган, что со слезами на глазах бросился к своим начальникам объяснять свою невинность, говоря, что он в течение 12 лет находился на службе государя и решительно никогда не был замечен в провинности. Он был уверен в увольнении и не подозревал, что провидение избрало его служить низжайшим орудием своих решений. Государь покидает Аничков после того, как негодяи были отведены в участок, и только прибыв к брату (великому князю Павлу Александровичу) в Зимний дворец, он узнал об опасности, которой он чудесным образом избежал»²².

А дело было в том, что пока Александр III ругался на унтер-шталмейстера и ожидал выезда, полиция сработала необыкновенно оперативно и четко, успев устроить засады на квартирах заговорщиков, и там, где они могли появиться.

Министр внутренних дел Д.А. Толстой докладывал Александру III, что утром 1 марта были арестованы: «1. Студент Петербургского университета, сын казака Медведицкой станицы, Кубанской области, Пахом Андреюшкин, 20 лет, задержан на углу Невского и Адмиралтейской площади, при обыске у Андреюшкина оказался заряженный револьвер и висевший через плечо метательный снаряд, 6 вершков вышины (27 см), вполне снаряженный. 2. Студент Петербургского университета, сын казака потемкинской станицы, области Войска Донского, Василий Генералов, 22 лет, задержан вблизи Казанского собора, по обыску у Генералова в руках оказался такой же снаряд, как у Андреюшкина. 3. Студент Петербургского университета, томский мещанин Василий Осипанов, 25 лет, взят также вблизи Казанского собора; при нем отобрана вышеупомянутая толстая книга, листы которой снаружи оказались заклеенными, а внутренность наполнена динамитом»²³.

Вслед затем были арестованы еще три причастных к делу человека — Канчар, Горкун и Волохов. Канчар и Горкун, желая избавиться от виселицы, стали выдавать членов организации и навели полицию на Александра Ульянова, который был арестован 3 марта. А 1 марта была арестована и его сестра — Анна Ильинична, оказавшаяся в этот день у него на квартире. Он во всем признался и был признан, наряду с Говорухиным и Шевыревым, одним из руководителей террористической

фракции, хотя на самом деле Ульянов, составивший программу террористической фракции «Народной Воли», был в этом случае лишь теоретиком партии. Когда началось следствие, Александру III последовательно представлялись все документы — от допросов обвиняемых и свидетелей до программных документов. Среди этих бумаг была и Программа, написанная А.И.Ульяновым. Царь внимательно читал и ее, оставляя на полях свои весьма красноречивые замечания.

«Главные силы партии, — писал Ульянов, — должны идти на воспитание и организацию рабочего класса и улучшение народного хозяйства. Но при существующем политическом режиме в России невозможна никакая часть этой деятельности.» Александр III отреагировал так: «Это утешительно». Далее в Программе говорится: «Между правительством и интеллигенцией произошел разрыв уже давно, пропасть увеличивается с каждым днем. В борьбе с революционерами правительство пользуется крайними мерами устрашения, поэтому и интеллигенция вынуждена была прибегнуть к форме борьбы, указанной правительством, то есть к террору». «Ловко», — написал на полях царь. А общая резолюция, которую он оставил, прочитав Программу, гласила: «Это записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота».

Когда же он прочитал показания Ульянова, данные им на следствии — совершенно чистосердечные, без какой-либо утайки, — то его реакция была иной: «Эта откровенность даже трогательна».

И действительно, откровенность Александра Ульянова была трогательной. 21 марта он сказал следователю: «Если в одном из прежних показаний я выразился, что я не был инициатором и организатором этого дела, то только потому, что в этом деле не было одного определенного инициатора и руководителя; но мне одному из первых принадлежит мысль образовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле доставания денег, подыскания людей, квартир и прочего.

Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, то есть все то, которое позволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений»²⁴.

Когда Александра Ульянова допрашивали, его сестра находилась в доме предварительного заключения и была освобождена 11 мая 1887 года через три дня после казни ее брата.

В семье Ульяновых узнали о случившемся в Петербурге из письма их родственницы Е. И. Песковской и мать арестованных — Мария Александровна — поехала в столицу.

28 марта она написала Александру III письмо, начинающееся так: «Горе и отчаяние матери дают мне смелость прибегнуть к вашему величеству, как единственной защите и помощи. Милости, государь, прошу! Пощады и милости для детей моих»²⁵. Далее Мария Александровна писала: «Если у сына моего случайно отуманился рассудок и чувство, если в его душу закрались преступные замыслы, государь, я исправлю его: я вновь воскрешу в душе его те лучшие чувства и побуждения, которыми он так недавно еще жил!»²⁶. Здесь Александр оставил такую ремарку: «А что же до сих пор она смотрела!» А в конце царь все же разрешил свидание, написав: «Мне кажется желательным дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность — ее милейший сынок, и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений».

Свидание было дано, причем министр Внутренних дел Толстой хотел, чтобы Мария Александровна уговорила сына дать откровенные показания о тех, кто стоял за спиной их организации, ибо Толстой был уверен, что студенты были лишь орудием в чьих-то более страшных, чем они сами, руках.

1 апреля в 10 часов утра свидание состоялось. Оно проходило не в камере, а в отдельной комнате, но в присутствии одного из офицеров, и продолжалось два часа.

Потом было и еще несколько свиданий, мать уговаривала сына раскаяться и уверяла его, что в этом случае ему сохранят жизнь, но он категорически заявил, что это невозможно и что он должен умереть. Уже на первом свидании Александр Ульянов плакал и обнимал колени матери, но не от слабости и страха, а из-за жалости к ней, призывая ее примириться с уготованной ему участью. Более того, он понимал, что грядущая кара справедлива, сказав матери на одном из свиданий:

— Я хотел убить человека, — значит и меня могут убить.

1 апреля, ровно через месяц после покушения, всем обвиняемым по делу о подготовке покушения на «жизнь священной особы государя императора» было вручено обвинительное заключение. Всего перед судом должны были предстать 14 человек, а еще одна обвиняемая — Анна Сердюкова — была

выделена особо, так как ей вменялось в вину только то, что она, зная о готовящемся преступлении, не довела об этом до сведения полиции.

Вслед за тем дело было передано в Особое присутствие Правительствующего Сената, которое 15 апреля и вынесло приговор. Пятеро обвиняемых — Генералов, Андреюшкин, Осипанов, Шевырев и Ульянов — были приговорены к повешению и казнены в Шлиссельбурге 8 мая. Остальные — на разные сроки каторги и ссылки, а Сердюкова — к двум годам тюрьмы. Одним из осужденных был член Виленской организации «Народной воли» поляк Иозеф Пилсудский, получивший 15 лет каторги, впоследствии он стал основателем независимой Польши, отстаившим ее свободу в боях с Красной армией.

НОВЕЛЛА СТО ВОСЬМИДЕСЯТАЯ

17 октября 1888 года

Одной из наиболее трагических страниц в жизни Александра III и его семьи оказался совершенно неожиданно день 17 октября 1888 года.

В этот день император, императрица и их дети возвращались в Петербург из поездки по югу России и их поезд проходил

в 47 верстах к югу от Харькова — между станциями Тарановка и Борки. Был полдень и вся семья и свита собрались за завтраком в вагоне-столовой.

Погода была холодная и дождливая. Состав, который тащили два мощных товарных паровоза, спускался с шестисаженной насыпи, шедшей через широкий и глубокий овраг. Как потом установили, скорость поезда была 64 версты в час.

И вдруг произошел первый очень сильный толчок, за ним — второй, раздался страшный треск, вагон сорвался с колес, пол растрескался, стены вагона разошлись и крыша съехала вперед, образовав косою навес над столом. Царь, вскочив, подставил плечи под тот край крыши, который еще не опустился вниз, и держал ее до тех пор пока его жена, дети и свита не вылезли из-под останков вагона.

К счастью все сотрапезники остались невредимы, только сам царь получил настолько сильный удар в бедро, что находившийся в кармане его брюк серебряный портсигар оказался сплюснутым. (Впоследствии этот удар способствовал развитию болезни почек, от которой царь и скончался через

шесть лет.) Дочь и сына — Ольгу и Михаила — выбросило на полотно, но и они отделались лишь ушибами. Зато все другие вагоны превратились в груды обломков.

Александр тут же возглавил работу по спасению людей и вместе со всеми растаскивал куски железа и дерева, вытаскивая из под руин убитых и раненых. А только убитых оказалось более двадцати. Мария Федоровна, в одном платье, с непокрытой головой несколько часов под холодным дождем перевязывала раненых, пока ни подоспела помощь.

Весь дальнейший пятидневный путь в Петербург превратился в триумфальное шествие, во время которого не умолкали колокола всех церквей, воздававших хвалу Господу за чудесное избавление от смерти царской фамилии.

Потом этот день — 17 октября — в семье Романовых всегда отмечали, как день проявления к ним милости Божьей, и отмечали его церковными службами и широкой благотворительностью.

Расследование возглавил знаменитый юрист, литератор и общественный деятель А.Ф.Кони. В случившемся он не обнаружил злого умысла, но выявил вопиющую халатность, техническую безграмотность и технологическую отсталость железнодорожного строительства. Оказалось, что царский поезд тянул не пассажирский паровоз, а два мощных товарных со скоростью, которая была недопустимо высокой для русской железной дороги с облегченными рельсами, деревянными шпалами и песочным балластом. (В Европе рельсы были тяжелее, шпалы делались из железа, а насыпи имели не песок, а щебенку.) Кони установил, что незадолго до этого управляющий Юго-Западными железными дорогами С.Ю.Витте обратил внимание министра путей сообщения адмирала К.Н.Посвета на недопустимость и опасность такого рода способов движения императорских поездов. Посвет на это письмо не отреагировал и вынужден был после катастрофы уйти в отставку, а Витте стал директором Департамента железных дорог в министерстве финансов, начав свою блистательную карьеру, завершившуюся постом Председателя Совета Министров, о чем уже сообщалось выше.

НОВЕЛЛА СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Любовь цесаревича

И вновь возвратимся к наследнику престола.

Николай много занимался, любил верховую езду, гимнастику, катание на лодках, ходил на охоту, не чурался физиче-

ской работы — убирал снег, колот и пилил дрова, сам чистил коня и потому был крепок, вынослив и силен.

К 20 годам он вполне сформировался и не мудрено, что его посетило и первое чувство, к сожалению, не к той девушке, которая могла бы стать его невестой.

«Целый ряд источников, — писал в начале 20-х годов И. М. Василевский, — говорит о пылкой любви Николая в эти годы к какой-то молодой еврейке, которую он встретил случайно в саду во время прогулки. Она не знала, что перед ней наследник престола, и нежные отношения их зашли так далеко, что об этом узнал суровый Александр III. Эти источники подробно описывают, как градоначальнику фон Валью было предписано: «в 24 минуты» выслать из Петербурга еврейку со всеми ее родственниками — от старого деда до грудного ребенка, маленького брата возлюбленной Николая, включительно.

Источники описывают далее бурную сцену, какая разыгралась, когда явившийся во всеоружии со своими подручными для исполнения высылки фон Валь застал в квартире еврейки молодого наследника престола... «Только переступив через мой труп, сможете вы прикоснуться к ней. Это моя невеста!» — заявил он оторопевшему градоначальнику»²⁷. Разумеется, приказ был выполнен и Николаю пришлось смириться.

Но за первой любовью пришла вторая, оказавшаяся, если не считать его женитьбу, самой значительной любовной историей в жизни. Началась эта история 23 марта 1890 года и продолжалась до весны 1894 года.

Ее героиней стала семнадцатилетняя выпускница балетного класса Императорского театрального училища, в ближайшем будущем прима-балерина, чуть позже выдающаяся танцовщица, а затем и великая русская балерина — Матильда Кшесинская. Она родилась в балетной семье 19 августа 1872 года и была на четыре года младше Николая.

Ее полное имя при крещении по католическому обряду было — Матильда-Мария, но потом девочку стали звать просто Матильдой.

В семье Кшесинских сохранилось романтическое предание о том, что их подлинная фамилия — графы Красинские, но из-за крупной имущественной тягбы, грозившей прадеду — Войцеху Красинскому — смертью, он вынужден был тайно бежать в Париж и там, из предосторожности, скрыл свой титул и подлинное имя, и стал называть себя простым дворянином Кшесинским.

Отцом Матильды-Марии — был артист балета Адам-Феликс Кшесинский, но на русский лад ее именовали Матильдой Феликсовной, а когда девочке исполнилось восемь лет она стала воспитанницей балетного класса Петербургского императорского театрального училища и была записана именно так. Мать Матильды в свое время тоже закончила это же училище.

Матильда была самым младшим — тринадцатым — ребенком в семье, но назвать ее жизнь несчастной едва ли возможно.

23 марта 1890 года состоялся выпускной экзамен, на котором присутствовала вся царская семья и сам Александр III с императрицей. Был на этом спектакле и цесаревич Николай.

После того, как выпускной спектакль закончился, Александр с цесаревичем прошли в зал, где их ожидали преподаватели, выпускницы и выпускники, и царь, не дожидаясь официального представления, зычно спросил:

— А где же Кшесинская?

И когда ее подвели к нему, Александр пожал ей руку и сказал:

— Будьте украшением и славою нашего балета.

В своих воспоминаниях, законченных через семьдесят лет после этого, она писала: «Слова государя звучали для меня, как приказ. Быть славою и украшением русского балета — вот то, что теперь волновало мое воображение. Оправдать доверие государя — было для меня новой задачей, которой я решила посвятить мои силы»²⁸.

Когда после этого все педагоги и бывшие ученики, а ныне уже артисты Императорского балета, уселись за праздничный стол, Александр посадил Матильду между собою и цесаревичем, и, улыбаясь, сказал:

— Смотрите, только не флиртуйте слишком.

Кшесинская сразу же влюбилась в цесаревича и, когда прощалась с ним, то поняла это очень отчетливо.

То же самое случилось и с Николаем и он стал искать встречи с юной балериной, но у нее были строгие родители, а за цесаревичем неотступно следили и, таким образом, встретиться им было весьма затруднительно.

Свой первый сезон Кшесинская начала выступлениями в большом деревянном Красносельском театре, построенном для офицеров гвардии, проводившей именно там летние лагерные сборы. Летом 1890 года на этих сборах был и Николай

и не упускал случая увидеть прелестную восемнадцатилетнюю балерину.

С 10 июля по 1 августа в его дневнике пять раз упоминается Кшесинская, но ничего более, кроме мимолетных разговоров и дразнящих воспоминаний записи эти не содержат.

Николай попросил своего товарища по гусарскому полку Евгения Волкова сделать что-нибудь, чтобы Кшесинская встретила с ним, но и тут, по тем же причинам, что и прежде, свидание не состоялось. А 23 октября 1890 года и Николай и Волков уехали из Петербурга в большое, почти кругосветное, путешествие и Кшесинская с Николаем увидели друг друга лишь через девять месяцев — 4 августа 1891 года.

НОВЕЛЛА СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Путешествие на Восток

По стародавней традиции все русские наследники, начиная от Павла I и кончая Александром III, завершив курс наук, отправлялись в путешествие. Чаще всего таких путешествий было два — большое — по России, и чуть меньше — по Европе.

На сей раз было решено предпринять совершенно необычное, грандиозное, морское и сухопутное турне, которое объединило странствие по свету со странствием по России. Причем, и та и другая части поездки должны были проходить по территориям, где раньше не бывал ни один цесаревич, исключая самую последнюю часть пути. Из-за того, что этот сюжет еще никогда не публиковался — кроме прессы того времени и труда князя Э.Э.Ухтомского, вышедшего в трех огромных томах весьма ограниченным тиражом сто лет назад, и сегодня практически недоступного никому, кроме специалистов, имеет смысл, выбрав самое интересное из того, что случилось в пути за девять с половиной месяцев, свести все это воедино и представить здесь цельным очерком об очень интересном и занимательном событии.

Путешествие цесаревича готовилось продуманно и тщательно, ибо его расценивали не просто, как вояж знатного туриста в экзотические ориентальные страны, но как важное государственное мероприятие.

Программу готовили Г.Г.Данилович, адмирал И.А.Шестаков, знаменитый путешественник и географ А.И.Воейков и капитан первого ранга Н.Н.Ломен, который стал командиром фрегата «Память Азова», оборудованного для совершения пу-

тешествия цесаревича и его свиты. Николая сопровождали: руководитель всего путешествия генерал-майор свиты, князь В.А.Барятинский и три офицера — князь Н.Д.Оболенский, князь В.С.Кочубей и Е.Н.Волков. Для создания книги о путешествии был прикомандирован чиновник Министерства внутренних дел, князь Эраст Эрастович Ухтомский.

21 октября 1890 года Николай и пять его спутников отстояли в Гатчине последнюю воскресную обедню, а через два дня тронулись в путь, закончившийся через девять с половиной месяцев.

Родители, братья и сестры проводили Николая до первой после Гатчины станции и возвратились обратно, а он со свитой двинулся на юго-запад. Его первой целью была Греция, но сначала Николая ждала Варшава. Там встретили цесаревича на перроне вокзала, убранного флагами и цветами, варшавский генерал-губернатор Гурко, генералитет, высшие чиновники и цвет польской аристократии. Не уезжая с вокзала, Николай провел официальный прием, и в тот же вечер отправился в Вену.

Там Николая встречали еще более торжественно: к поезду прибыл император Франц-Иосиф и шесть эрцгерцогов. Остановившись на пару часов в императорском дворце Хофбург, Николай затем быстро объезжает дворцы эрцгерцогов, нанося им молниеносные визиты вежливости, а между визитами осматривает самые выдающиеся достопримечательности Вены. Наконец, Николай заезжает в русское посольство, а оттуда его везут в Капуцинский монастырь, где в родовой усыпальнице Габсбургов покоятся более ста членов императорской семьи.

Не дав цесаревичу передохнуть и часа, его тут же повезли в знаменитую загородную императорскую летнюю резиденцию Шенбрунн, где был назначен парадный обед. Через улицы и площади, заполненные восторженными войсками, Николай проезжает в Шенбрунн — гигантский дворец из полутора тысяч комнат и зал, окруженный изумительной красоты парком, занимающим почти двести гектаров. Встреченные императором, одетым в русский мундир, Николай и его спутники проходят через анфиладу роскошных залов и являются к столу в «Розовой комнате», где собирается довольно немногочисленное общество — императорская семья, высшие сановники двора, члены русского посольства и Николай с его пятью спутниками.

И несмотря на то, что Шенбрунн — этот Версаль Габсбургов — богат, изыскан и великолепен — он воспринимается Николаем досадной помехой на пути к подлинным чудесам, ожидающим его за пределами европейской цивилизации. Это чувство не оставляет его и вечером, на спектакле в Венской опере, откуда цесаревич уезжает прямо на вокзал и, распрощавшись с Францем-Иосифом, отбывает в Триест.

На рейде триестской бухты Николая ждали три русских корабля: фрегаты — «Память Азова» и «Владимир Мономах» и канонерская лодка «Запорожец». Он увидел еще издали не только корабли, но и ожидавшие его и свиту катера, фотографа с треногой, и даже различил, когда подъехали поближе, своего брата — Георгия — восемнадцатилетнего мичмана, который должен был продолжать отсюда путешествие вместе с ними. Здесь же к ним присоединился и художник Н.Н. Гриценко, оставивший после путешествия сотни акварелей и карандашных рисунков. (Потом, используя все это богатство, а также сотни фотографий, Э.Э. Ухтомский издаст в 1893-1897 годах роскошное трехтомное сочинение: «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича. 1890-1891»).

Объехав корабли эскадры, которой командовал адмирал В.Г. Басаргин, Николай с любопытством осмотрел «Память Азова» — трехтрубный, трехмачтовый фрегат, спущенный на воду всего два года назад, и 26 октября пустился в путь.

30 октября корабли бросили якоря в бухте маленького греческого городка Патрас, где по преданию был распят и похоронен апостол Андрей Первозванный — покровитель России и ее флота, чей бело-голубой флаг, названный «Андреевским» стал военно-морским русским флагом.

Николай, конечно же, не мог пройти мимо этого святилища, и, посетив храм Апостола Андрея, отправился далее по железной дороге в Олимпию — родину Олимпийских игр и средостение древнегреческой культуры, которую А.К. Толстой назвал «отчизной пламени и слова». В 1890 году уже действовал музей, наполненный сотнями экспонатов, добытыми археологами разных стран у подножия горы Олимп и вокруг храма Зевса — статуи богов и героев древней Эллады, элементы и детали архитектурных сооружений — все в состоянии первозданного хаоса, изломанное, покрытое трещинами и

выбоинами, но все равно сохранившее следы прежней гармонии, благоухающее прежней красотой...

А дальше были Афины с их Акрополем, и встреча с родственниками из греческого королевского дома — двоюродная сестра Александра III — великая княжна Ольга Константиновна, с 1867 года была королевой Греции; Николай в последний раз за все путешествие почувствовал себя почти, как дома, еще и потому, что Греция была на его маршруте последней православной страной. Забрав с собою троюродного брата Николая, греческого принца Георгия, путешественники отправились дальше.

Следующей страной, ожидавшей Николая, был Египет. В «воротах Египта» — Порт-Саиде — Николая ждала неожиданная встреча: на английском военном корабле «Скаут» командиром оказался его кузен, принц Людовик Баттенбергский. Узнав, что за суда пришли в Порт-Саид, он немедленно нанес визит Николаю и среди прочего рассказал ему, что его «Скаут» идет в Красное море преследовать суда работорговцев.

Вот где пахнуло в лицо русским ветром азиатско-африканского средневековья!

Пройдя Суэцкий канал, существующий всего два десятилетия, Николай 11 ноября прибыл в Каир, поразивший его сказочным восточным гостеприимством.

Экипажи свиты едва смогли пробиться сквозь огромные толпы народа, вышедшие встречать русского наследника. Каир был украшен коврами и флагами, гирляндами и букетами цветов. С бастионов крепости непрерывно бухали пушки, а на улицах и площадях, не умолкая, гремели оркестры.

Экипажи, проезжающие через специально сооруженные арки, засыпали цветами. Во все время пути к дворцу правителя Египта хедива Тевфика-паши, — а путь этот занял около трех часов — Николая не покидало ощущение нереальности всего происходящего — настолько противоестественно восторжен был этот прием, его, чужестранца и иноверца. Зато во дворце хедива прием был сдержанным, а пиршество ограничилось курением кальянов и приглашением к кофе.

Несколько дней знакомились затем путешественники с Каиром, рассматривая его многочисленные диковины и слушая десятки сказочных историй, достойных «Тысячи и одной ночи». Николай осмотрел дворцы и мечети, знаменитый Арабский музей. Музей древнего Египта в Гизе, и, конечно,

знаменитые пирамиды. И Николай, и почти все его спутники были сильны и молоды, и, разумеется, поднялись на вершину пирамиды Хеопса, обошли и «город мертвых», и руины древних храмов, а в конце экскурсии, затянувшейся на трое суток, прокатились на пароходе по Нилу. И, конечно же, посетили они и христианские святыни — от православной церкви Синайского подворья до иссохшей древней сикиморы, под некогда пышной и благодатной сенью которой, две тысячи лет назад Богородица с младенцем Иисусом отдыхала во время их бегства в Египет...

Египет очень понравился Николаю. Он провел здесь более полумесяца, посетив Верхний Египет, Фивы и Мемфис, и дойдя до порогов Нила.

Плавание по Нилу оказалось довольно однообразным. Несмотря на середину ноября все еще стояла жара, берега были унылы и однообразны, лишь изредка попадали бедные деревеньки и небольшие пальмовые рощи. Молодые люди занимали время чтением, игрой в шашки и шахматы. 17 ноября подошли к Луксору, — гигантскому храму на земле древних Фив — столицы Египта во втором тысячелетии до нашей эры. Осмотрев его, путешественники прошли по Аллее сфинксов и «городу храмов» — Карнаку, в прошлом главному государственному святилищу Египта, где стояло множество огромных руин, бывших некогда храмами всех богов страны.

Николай в этот день записал в дневнике: «17 ноября. Суббота. На Ниле. В 6 часов пошли дальше (из-за сильных ночных туманов их яхта шла только в светлое время) и к завтраку, т.е. к 12 часам, остановились в Луксоре. (Заметим это — «к завтраку, т.е. к 12 часам». Джентльмены расходились по каютам за полночь и вставали к полудню.) Пошли осматривать Луксорский храм, — продолжал Николай, — а затем на ослах Карнакский храм. (Самым большим из всех храмов был храм бога Амона-Ра; его-то Николай и назвал «Карнакский».) Заехали к нашему консулу, где пили кофе. После обеда отправились тайно смотреть на танцы альмей. (Альмеи — танцовщицы-проститутки.) На сей раз было лучше, они разделись и выделяли всякие штуки с Ухтомским.»²⁹

Позволим сделать небольшой комментарий к только что прочитанному вами. Николай не был распутен, но он был молод, здоров, недурен собой, а кто из мужчин в его возрасте — 22 года! — и в его положении — вдали от глаз строгих родителей, на краю света, в расслабляющей неге Африки, в окружении таких же как и он молодых мужчин, одиноких, богатых и

Император Николай I Павлович

Императрица Александра Федоровна, жена императора Николая I

Великая княжна Мария Николаевна с супругом, герцогом Максимилианом Лейхтенбергским

Император Александр II Николаевич

Императрица Мария Александровна,
жена императора Александра II

Великий князь Константин Николаевич, командующий флотом и морским ведомством

Великий князь Николай Николаевич, фельдмаршал

Император Александр II

Александр II с детьми Марией и Александром

Император Александр III Александрович

Великий князь Михаил
Николаевич

Императрица Мария Федоровна,
жена императора Александра III

Александр III с женой и детьми

Великий князь Николай Николаевич
(младший)

Великий князь Александр Михайлович с супругой,
великой княгиней Ксенией Александровной

Великий князь Алексей
Александрович

Великая княжна Ольга
Александровна

Александр III с женой Марией Федоровной (справа)
и дочерью

Император Николай II Александрович

Матильда Кшесинская
на сцене (1897 г.)

В дни помолвки. Гессенские принцессы с братом Эрни, Николай со своим дядей, великим князем Сергеем Александровичем

Николай и Александра (1896 г.)

Великий князь Сергей
Александрович

Великая княгиня Елизавета
Федоровна

Николай II и Александра Федоровна с детьми (1905 г.)

Председатель Совета министров
Сергей Юлиевич Витте

Московский полицмейстер
Дмитрий Федорович Трепов

Григорий Распутин

Григорий Распутин в кругу
почитателей. Стоит пятая слева
А. А. Вырубова

Последний год династии

праздных, — отказался бы взглянуть — только взглянуть! — на обнаженных танцовщиц? И он с пятью своими спутниками, тайно, вероятнее всего, спрятавшись в зарослях, смотрел на то, как альмеи «выделывали всякие штуки с Ухтомским». Кстати, Эраст Эрастович Ухтомский был единственным статским во всей их военной компании, он-то и пошел к альмеям, а господа офицеры, соблюдая честь своих мундиров, лишь подглядывали за ним и его партнершами по играм. Сдержался даже греческий принц Георгий, которого путешественники называли Джорджем, хотя по общему признанию он был повеса из повес. С. Ю. Витте, знавший его достаточно близко, деликатно охарактеризовал Георгия так: «Молодой человек, наиболее склонный к таким действиям, которые не могут служить образцом для Великих князей и принцев».

А тихоня Ухтомский, будучи летописцем экспедиции, в своем огромном трехтомном труде не проронил ни одного худого или порочащего слова ни о принце Джордже, ни о себе самом, ни о каком другом из своих товарищей по путешествию, оставаясь истинным джентльменом. Тем более промолчал он и о том, какие именно «штуки» проделали с ним альмеи на берегу Нила. А теперь снова почитаем дневник цесаревича. «18-го ноября. Воскресенье. На Ниле. Встали в 6 часов и переправились на шлюпках через Нил. Поехали на осликах к гробницам фараонов, из которых осмотрели две самых интересных. Пешком перешли перевал, пешком спустились к храму, в котором завтракали. Осмотрели колосса Мемнона (здесь речь идет о колоссальной статуе, изваянной при фараоне Аменхотепе III в середине 15 века до нашей эры, и отождествляемой с героем Троянской войны Мемноном). Вернулись на яхту в 4 часа. В 7 часов пошли к нашему консулу; обедали у него по-арабски, то есть ели пальцами. Опять были у альмей. Немного выпили в «Отеле Луксор» и напоили нашего консула.

19-го ноября. Понедельник. На Ниле. В 7 часов ушли из Луксора. Утром, пока одевался, яхта коснулась мели. Завтракали в 12 часов. Жара стояла порядочная. В 3 часа пришли в Эдфу. Сели на ослов и поехали осматривать здешний храм — вполне сохранившийся. Вернулись на яхту и пошли дальше. Приткнулись на ночь к берегу. Обедали в 7 1/2.

20-го ноября. Вторник. На Ниле. Рано ушли из луксорских окрестностей и пришли в Ассуан в два часа. Странно находиться под тропиком. Температура была его достойна. Батальон негров в почетном карауле. По железной дороге объехали первые Нильские пороги. В лодках отправились осмат-

ривать их. Спускались вплавь арабы. Посетили храм на острове Филэ. Гуляли на базаре в Ассуане — купили себе несколько вещей. Было что-то вроде зари или иллюминации...»

Отсюда, из Ассуана, на следующий день, 21 ноября, путешественники повернули обратно, на Север, и пошли в Каир, куда прибыли через четверо суток. Здесь к ним присоединился доктор Рамбах, приехавший из Петербурга, и в тот же вечер хедив Египта устроил в честь русских гостей прощальный прием. На следующий день корабли вышли в Красное море и взяли курс на Индию. (В эскадре произошла перемена: «Запорожец» ушел в Россию, а вместо него прибыл фрегат «Адмирал Корнилов».)

Переход от Египта до Бомбея занимает две недели. Николай много читает и живет так же, как и почти шестьсот матросов и офицеров фрегата. Великие князья — оба Георгии и оба мичманы — живут в том же режиме, что и их сослуживцы: они занимают маленькие каюты на корме, стоят, наравне с прочими, вахты — в любую погоду и в любое время суток — питаются из одного котла с командой, и в кают-компании сидят вместе с мичманами экипажа. Свита цесаревича, доктор и художник, столуются за одним столом с офицерами, и лишь Николаю накрывают отдельный стол на четыре куверта. Одно место постоянно принадлежит ему, а три других занимают по очереди офицеры корабля. Так же, по очереди, оказываются за его столом и августейшие мичманы.

По вечерам и наследник, и его свитские, и молодые офицеры собираются в кают-компанию и веселятся, как и в те дни, когда их корабль не был плавучей гостиницей для царствующих особ — свободно, раскованно и непринужденно. Также, — свободно и непринужденно — отметили на фрегате 6 декабря и день именин Николая — применительно к его сану называвшийся не «именинами», как у простых смертных, а «тезоименитством». В это утро иеромонах Филарет — судовой священник — по фигуре и росту напомнивший Николаю его отца, императора Александра, отслужил на батарейной палубе перед судовым образом Георгия Победоносца благодарственный молебен, сопровождавшийся хором певчих. По окончании службы на «Памяти Азова» подняли стеньговые флаги и тут же корабельные орудия произвели салют, а на «Мономах» и «Адмирале Корнилове» подняли сигнальные флаги, поздравляющие с тезоименитством. Николай приказал ответить

благодарностью и поздравил пожалованием всем праздничной чарки водки. На юте накрыли праздничный стол, защитив его от солнца и ветра пестрым шатром из всех флагов, какие только были на фрегате, и сделали героями праздника всех офицеров Николаев, которые были на эскадре, и которых оказалось очень немало.

А после обеда «нижние чины» устроили для господ офицеров спектакль «Царь Максимилиан», где смешались персонажи из русских народных сказок, зарубежных народных сказаний, где действовали Нептун, царь Максимилиан, Аника-воин, король Мамай, Змей-улан и множество иных балаганных персонажей. Но, сколь примитивным ни было это представление, оно шло от души и понравилось и зрителям и актерам. Когда же стемнело, на «Мономахе» и «Корнилове» зажглись сотни лампочек, и среди этих гирлянд красовались и узоры великокняжеского вензеля с буквой «Н». А песенники, расположившись на батарейной палубе, до полуночи пели русские песни...

11 декабря корабли подошли к архипелагу соединенных друг с другом островов, на которых расположился гигантский город — Бомбей. Тут же на «Память Азова» один за другим стали прибывать официальные лица английской колониальной администрации, чтобы поздравить цесаревича с благополучным прибытием в Индию. Среди них был и известный дипломат, путешественник и писатель, пятидесятилетний сэръ Дональд Мэкензи Уоллес. Он был известен тем, что много лет провел в странствиях по России, и так хорошо изучил русский язык, что прочитал всю 30-томную русскую историю Соловьева. Наблюдения над жизнью России позволили Уоллесу создать двухтомный труд «Россия», переведенный на многие языки, и изданный только в Англии более десяти раз. Уоллес после этого путешествовал по Египту, служил секретарем вице-короля Индии лорда Дэфферина, и, таким образом, мог быть незаменимым спутником цесаревича в путешествии по стране. Так как путешествие предстояло довольно долгое и нелегкое, то решено было сузить круг его участников. В путь по Индии отправились Николай, Георгий Греческий, князь Барятинский, русский посол в Греции М.К.Ону, художник Н.И.Грищенко, доктор Рамбах, Э.Э.Ухтомский и офицеры-ординарцы — Волков, Оболенский и Кочубей.

Но в Бомбей выезжают все. И когда катер с гостями оказывается у пристани, то сразу же и Николай, и его спутники понимают, что они попали в новый, совсем иной мир: в огромном шатре-павильоне их приветствует губернатор Бомбея лорд Гаррис, генералы британской армии, члены Верховного суда, консулы Австрии, Франции, Италии, Испании, Турции, Швеции, Персии, Дании и множества других стран, и вперемежку с ними мусульманские шейхи, магараджи и раджи, правители и вожди бесчисленных индийских племен, усыпанные золотом и бриллиантами, и окруженные блистательной гирляндой местных и европейских красавиц в парижских туалетах и туземных нарядах, не менее дорогих и изысканных.

После обязательных, в таких случаях, речей длинная вереница открытых экипажей, окруженных конной стражей в экзотической форме, медленно двинулась к губернаторскому дворцу точно также, как было это и в Каире, сквозь несметные толпы любопытствующих, кричащих, неизвестно чему радующихся людей...

Во дворце губернатора Бомбея, на Малабарском холме, Николая удивило множество слуг, подобных безмолвным, хорошо смазанным механическим манекенам, и смешение экзотического Востока и рационального Запада, начиная от блюд и напитков и кончая интерьерами зал и комнат.

После обеда у лорда Гарриса немного отдохнувших в отведенных им апартаментах гостей пригласили на пароход «Пчела» и отвезли на остров Гхаранури к священному пещерному храму Шивы. А в это время, когда русские осматривали храм, губернатор Бомбея готовился к торжественному приему. И когда ближе к вечеру Николай вошел во дворец губернатора, то он увидел более шестисот приглашенных, но ни одного индуса среди них не было...

Путешествие по Индии заняло пятьдесят дней — с 11 декабря 1890 до 30 января 1891 года. Летописец путешествия князь Ухтомский посчитал, что и началось оно на пятидесятый день после отъезда из Гатчины.

Николай провел в Бомбее четыре дня, рискнув даже на прогулку в туземных кварталах, инкогнито, в сопровождении лорда Гарриса, а затем уехал в местечко Родза, знаменитое Эллорскими пещерными храмами.

В поезде — специально сформированном для высоких гостей — Николай узнал, что к ним прикомандированы еще три

английских офицера, прежде жившие в России и хорошо говорящие по-русски, а стало быть и все хорошо понимающие. К тому же, жена одного из них — поручика Ньюхэма — была москвичкой. Кроме того появилось множество слуг, в основном сикхов, а также и несколько мусульман, обслуживавших и цесаревича с его людьми и англичан. Вскоре поезд дошел до последней станции и дальше к священным пещерным храмам пришлось ехать в экипажах.

Вот тут-то и увидел Николай настоящую Индию — оборванных, полуодетых и даже совершенно голых людей в одной полуистлевшей набедренной повязке, худых и изможденных, но улыбчивых и добрых, без страха подходивших к экипажам; увидел стариков-аскетов с дико всклокоченными волосами и бородами до пояса; увидел сонмы крестьян-землепашцев, «безобиднейший, безответнейший, крайне воздержанный, терпеливый, трудящийся и невежественный элемент края», как писал Ухтомский, которые «обликом, цветом одежды, вообще всякими неуловимейшими подробностями... напоминают русских крестьян»³⁰. Он отметил также, что они «несмотря на любовь к земле, плохо ее возделывают, небрежно пашут и не противодействуют появлению плевелов»³¹.

У городка Родзы низам Хайдерабада разбил для высоких гостей целый палаточный городок — неподалеку от могил Великого могола Аурангузеба и его родственников. Быстро осмотрев достопримечательности, путешественники переночевали в палатках, и утром направились в недалекий отсюда город Девлетабад, мимо полуразрушенных, когда-то богатых и могущественных городов, ставших добычей безжалостных завоевателей и не менее безжалостного времени... Здесь важнейшей достопримечательностью были Эллорские пещерные храмы, высеченные в крутой гранитной скале буддистами, почитателями Индры — джайнитами и брахманами. Из пятнадцати храмов главнейшим был храм Кайласанхата, — вырубленный во второй половине VIII века по приказу Кришны II из цельной скалы. Храм высотой более 30 метров снизу доверху был покрыт изображениями тысяч богов и героев индийской мифологии и эпоса, а в основании был опоясан кольцом каменных слонов, вырубленных в натуральную величину. Внутри храма среди множества огромных фигур разных божеств главной была гигантская статуя богини любви, красоты, богатства и счастья Лакшми, возлежащая на цветах лотоса. Резьба по камню оказывалась порой такой тонкой, что русским путешественникам она напоминала резьбу по де-

реву в православных храмах или помещичьих усадьбах российской знати...

Возвратившись в Родзу, гости были приняты местными властями на пределе их возможностей: пиры сменялись танцами баядерок, танцы — многочасовой охотой то на пантеру, то на антилопу, а охота — новыми поездками в джунгли к бесчисленным старинным храмам один чудеснее другого.

17 декабря Николай оставил гостеприимную Родзу и выехал в Бомбей, чтобы повидать брата Георгия, у которого, как сообщили цесаревичу, обострилась болезнь. Ожидания врачей, что путешествие поможет заглушить туберкулез, кажется, не оправдывались, — Георгий чувствовал себя не лучше, а хуже, и потому встреча на бомбейском вокзале была весьма непродолжительной и довольно печальной.

Далее Николая ждал Гуджарат — одна из самых ярких, богатых и плодородных провинций Индии, со столицей Ахмадабадом — центром мусульманской учености, и вместе с тем городом, где как нигде переплеталась языческая вера в чудеса, колдовство, заговоры, почитание бесчисленных юродивых и святых, ясновидцев и прорицателей.

Осмотрев мавзолей основателя города султана Ахмада и главную мечеть города, путешественники направились к городской цитадели. Она называлась «Бхадр» и стояла на площади «Майдан-шах». Ухтомский назвал крепость «Кремлем», а площадь — «Красной». Однако заезжать в крепость они не стали, а лишь объехали ее, чтобы вовремя попасть к обеду, который ожидал их в загородном палаточном лагере.

Впечатления от Ахмадабада были тусклее, чем от прежних городов, встретившихся на их пути, и потому Ухтомский, покидая город, записал: «При Моголах Ахмадабад иронически именовали «Гарзабад» — «Город пыли...»

А далее путешественники увидели доисторический Джодкур — страну Рамаяны и Махабхараты. О том, что представляли тогда его жители и каковы были их нравы, лучше всего, пожалуй, свидетельствует такой эпизод. У джодкурского князя было три дворца. В одном из них — довольно невзрачном и безвкусно обставленном, жил он сам; во-втором, более богатом, — его духовник — гуру; а в третьем, самом роскошном, не жил никто, ибо там обитал дух прежнего наставника князя, некогда жившего в нем и умершего много лет назад.

И здесь была охота, — на сей раз на кабанов — и танцевали баядерки, только было их три сотни, — гораздо больше, чем в Родзе, и была демонстрация народной борьбы, и заклин-

вание змей, и конные игры, и выступления фокусников, и многое иное, что уже начало повторяться и приедаться, и летописец Ухтомский, заканчивая описание эпизодов, связанных с Джодкуром, не стал перечислять их все, а просто записал: «Таких сцен нам еще, наверно, немало придется увидеть дальше, внутри страны, — поэтому слишком медлить над ними едва ли стоит...»

Последуем его примеру и мы.

За последнюю неделю 1890 года путешественники осмотрели неприступную крепость Аджмир, все же взятую в начале XIX века англичанами, руины некогда великолепных дворцов Акбара Великого и Шаха Джехана и главную святыню города — мечеть «Архадин-каджомпра», украшенную дивными узорами; увидели «Город победы» — Джайпур, сложенный из розового камня, куда путешественники въехали, окруженные конным конвоем в кольчугах и латах, сопровождаемые двумя десятками слонов, где Николая посадили рядом с махараджей на спину гигантского богато разукрашенного слона, несущего на себе балдахин и выступающего во главе отряда слонов. Увидел он и сказочно-пышный прием во дворце джайпурского махараджи, и охоту на тигров и бой слонов, и тропические леса, усеянные мириадами обезьян, и новые дворцы махараджи в Альваре, и, наконец, «царственный Дели», куда путешественники прибыли 30 декабря, за день до Нового года.

Достопримечательности Дели непрерывной чередой мелькали перед Николаем с утра до вечера двое суток. Наконец, когда от дворцов и мечетей голова пошла кругом, он попросил познакомить его с мастерами Дели — ювелирами, косторезами, оружейниками, ткачами и, осмотрев мастерские и лавки, поразился великому разнообразию их талантов.

А Новый год цесаревич отметил в вагоне, на пути в Лахор, который встретил его 1 января пушечным салютом в 21 залп. «Лахор, — писал Ухтомский, — конечно живописен по своему восточному колориту, но высказать о нем что-нибудь особенное, довольно трудно, — кроме, разве, замечания, что улицы узки, а переулки прямо-таки представляют непроходимую трущобу, — жители тождественны с нашими закаспийцами и туркестанцами и, двигаясь среди туземного жилья, невольно чувствуешь себя перенесенным в пределы родного Севера...»³². И еще раз напомнил путешественникам Лахор Россию, когда вечером 2 января они увидели афганский «дикий

танец Хаттак». На открытом воздухе сыро и холодно, — записал Ухтомский. — В садах отведена лужайка, среди которой пылает костер: бородатые и суровые солдаты-наемники из племени «африди», с отточенными саблями в руках, образуют вокруг него вереницу медленно вертящихся и посвечивающих оружием демонических фигур. Крики вырываются у них из груди, по мере того, как пляска разгорается, — клинки сияют, и с поражающей быстротой движутся в странном багровом полумраке. Под навесом парадного шатра наследник-цесаревич долго любуется единственной в своем роде картиною. Она лицами и боевым складом напомнила нам дорогой, отдаленный Север!»³³.

Проехав через Армитсар, столицу страны сикхов, с его знаменитым «Золотым Храмом», побывав в Матуре — родине Кришны, «угасшем очаге буддизма», побывав в храмах Бинд-рабана, Матуры и Агры, вконец уставшие от толп молящихся, от неисчислимых стай больших обезьян, множества огромных черепах и двухсаженных аллигаторов, путешественники 5 января оказались, наконец, в тиши и прохладе волшебных садов, окружавших «жемчужину Индии», «поэму в камне», — мавзолеей Тадж-Махал.

И еще дворцы и города, залы приемов, шпалеры почетных караулов, пестрая форма различных полков британских и «туземных» войск, и еще — охоты и пляски баядерок, и выступления фокусников и магов, и... все чаще подступающая к сердцу тоска по России...

И особенно сильной стала она, когда путешественники прибыли в Бенарес — «Рим индусов, самый священный их город и средоточие браминской учености», как называли его европейцы в то время. А князь Ухтомский удостоил Бенарес еще более пышной и торжественной тирады: «Бенарес! Имя, благоговейно повторяемое и чтимое сердцами сотен миллионов! Окаменелый прообраз страны, рядом с которым Дели — один день бытия, обитающих над Гималаями богов!»

Но еще интереснее то, что именно в Бенаресе Николай и его спутники сошлись на том, что прошлое России и Индии сходно и родственно и это служит надежным залогом того, что их ждет и одинаковое будущее.

И все же не дворцы и кумирни поразили их воображение в Бенаресе, а священная река Ганг, избавляющая от болезней и бесплодия, хранительница пепла тех, кому посчастливилось сгореть при погребальной церемонии на ее берегах.

А следующим после Бенареса городом была Калькутта — центр колониальной администрации Индии, крупнейший торговый и промышленный город и порт Индостана, второй после Лондона в Британской империи. Ухтомский, склонный к обнаружению исторических параллелей между Индией и Россией, считал Калькутту индийским Петербургом. «Сама судьба обеих столиц отчасти сходна, — писал он. — Основанные приблизительно в одно время и в разгар борьбы великих народов за преобладание в мире, они параллельно возникли на болотной миазмической почве, около устья двух исторически важных рек, являясь очагами бодрой мысли и стремления вперед в национальном смысле слова...»³⁴ Отыскалась в Калькутте и приятная русскому сердцу сюжетная ниточка, связанная с единственным в городе православным храмом Преображения Господня: его создал в 1780 году генерал-губернатор Уоррен Гастингс, женатый на уроженке Архангельска, и ставший первым пожертвователем на храм весьма изрядной суммы — в две тысячи рублей.

Здесь, в Калькутте, вице-королем Индии лордом Лэксдоуном Николаю был устроен государственный прием в Губернаторском дворце, напомнившем путешественникам Зимний. Да и по пышности приема и по числу гостей — две тысячи человек — торжество в честь Николая было не менее впечатляющим, чем в Петербурге. Цесаревичу было представлено множество «туземных» владык, среди которых Лэксдоун отметил раджу Тагора — представителя знаменитой семьи мудрецов, музыкантов и меценатов. Вслед за ним Николая познакомили с афганским послом Вали-Ахмедом, немецким путешественником Отто Элерсом, самым богатым махараджей Индии — молодым красавцем Куч-Бихарой.

На следующий день — 15 января — путешественники несколько часов провели в зоопарке Калькутты, где было собрано около тысячи разных зверей и птиц, а чуть позже в течение целого дня пробыли в гигантском Ботаническом саду, где была собрана вся флора Индии и множество диковинных растений из тропиков и субтропиков почти всей Земли.

И все же наибольшее впечатление произвел на русских путешественников столетний бантан, называемый в древних индийских сказаниях «чудом полуденных краев Асватой». Это дерево имело более двухсот воздушных корней, ниспадавших с ветвей, и уходивших в землю. Под его кроной, окружностью в 250 метров, могли скрыться от зноя и ливня 10000 человек.

Побывав затем на монетном дворе — самом большом в Азии, — Николай и его спутники осмотрели Национальный музей Индии, мало в чём уступающий знаменитому Британскому музею в Лондоне, и выехали поездом в Бомбей.

Там Николай попрощался с братом Георгием, сильно заболевшим и потому отправлявшимся домой на «Корнилове», а сам отбыл в Мадрас. Он знает, что ему остается не более недели на осмотр Южной Индии и потому может уже подвести кое-какие итоги. Николай с некоторой досадой сетует своим спутникам, что они видели более всего Индию английского режима, а не подлинную страну, оставшуюся скрытой для них.

Это ощущение не оставляет его, когда, объехав Южную Индию, через неделю и он и его спутники оказываются в конечном пункте Южной Индии — порту Тутикорине, где их ждали корабли — «Память Азова» и пришедший на смену «Корнилову» крейсер «Владимир Мономах». Отсюда их путь лежал на Цейлон — в Коломбо.

31 января корабли бросили якоря на рейде Коломбо. Среди множества судов под иноземными флагами вдруг на глаза русским путешественникам попался российский флаг, поднятый на роскошной яхте «Тамара». Это была яхта, на которой пришли в Коломбо великие князья Михаил и Сергей Михайловичи — двоюродные братья Александра III и, таким образом, двоюродные дядья цесаревича Николая. Правда, из-за того, что они были детьми самого младшего сына Николая I Михаила, то Михаил Михайлович был всего на семь лет старше цесаревича, а Сергей даже на год младше своего августейшего племянника. Таким образом, компания молодых людей пополнилась к вящей радости и тех и других. После приема у губернатора острова высокие гости едут по утопающему в зелени Коломбо, а на следующий день отправляются по железной дороге, в глубь Цейлона мимо бесконечных болот и пальмовых рощ, а затем столь же бесконечных чайных плантаций, и, наконец, добираются до города Канди — древней столицы Цейлона.

Осмотрев один из крупнейших в мире Ботанических садов, путешественники на четыре дня останавливаются в санатории Нуvara-Элия, расположенном на высоком плато с особым микроклиматом — прохладным и влажным.

Затем еще четыре дня великие князья проводят в Коломбо, а затем «Тамара» уходит в Индию, а «Память Азова» — в Тихий океан, и через шесть дней, 18 февраля, бросает якорь в Сингапуре.

И здесь ждут цесаревича русские корабли. Это — броненосец «Адмирал Нахимов» и две канонерки — «Манджур» и «Кореец», тот самый «Кореец», который через тринадцать лет разделит славу «Варяга» в сражении при Чемульпо. Эта русская эскадра, которой командовал вице-адмирал П.Н.Назимов, должна была дальше сопровождать цесаревича.

Из-за этого Николай пробыл в Сингапуре всего несколько часов, а на праздничном приеме у местного губернатора всего пятнадцать минут, — его ждали в кают компании «Адмирала Нахимова» земляки-офицеры. Вот там-то и ожидала его настоящая радость общения с соотечественниками, широкое застолье, непринужденность и атмосфера России с ее песнями и матросским спектаклем о том, как находчивый матрос Иван Зацепа сварил доверчивой крестьянке, пустившей его в хату, суп из гвоздя.

Объехав на следующий день — 20 февраля — Сингапур на рикшах, путешественники отправились дальше — в Батавию — столицу голландских владений на острове Ява.

Переход от Сингапура до Явы, длиной в 440 миль, длился двое суток. Когда эскадра пересекла экватор на всех ее кораблях состоялся традиционный праздник Нептуна, во время которого облили водой всех новичков, в том числе и цесаревича и греческого принца и свитских офицеров.

В Батавии на пристани, как и везде до этого, украшенной цветами и российскими флагами, военный оркестр грянул: «Боже, царя храни!» и высшие официальные лица представились цесаревичу. Затем специальный поезд отвез путешественников в саму Батавию, лежащую в десяти верстах от порта. Поезд останавливается в самой аристократической части столицы «Вельтевреден», что значит «Отрадное». Здесь цесаревича еще раз встречают русским гимном, почетным караулом и военным парадом. Окруженный кавалерийским эскортом, Николай прибывает в резиденцию губернатора и в отведенных ему апартаментах обнаруживает портреты его отца и матери: со столь великой учтивостью и гостеприимством он сталкивается впервые за все это путешествие.

Батавия поразила русских необычайной пестротой красок и великим смешением народов, костюмов, языков и обличий. Они были поражены и тем, что никто не стесняется ходить по

городу почти раздетым, и это не свидетельствовало о падении нравов.

Из-за того, что город имел немного исторических достопримечательностей, путешественники уже на следующий день отправились в глубь Явы к гряде вулканов Салах, Пангеранго и Гедэ. В расположенном неподалеку от вулканов городке Бетензорг Николая встретила высшая голландская колониальная администрация, пятьдесят вождей местных племен, выполнявших обязанности почетного конвоя, и парадный экипаж, возница которого был одет во фрак, в цилиндр, в белые перчатки, но отказался надеть ботинки, которых никогда не носил, и потому был босиком: и эта смесь европейских и туземных элементов сопровождала русских путешественников во все время их дальнейшего путешествия. Бетензорг называли местным Сан-Суси, ибо там была и резиденция вице-короля Нидерландов. На пути к резиденции путешественники осмотрели еще один Ботанический сад, — славу и гордость нидерландских владений на Яве. И Ухтомский — хороший знаток ботаники — справедливо посчитал Бетензоргский ботанический сад лучшим из всех садов, какие он видел, — а видел Ухтомский почти все ботанические сады Европы и Азии.

Едва ли правильным было бы скрупулезное и детальное описание всего, что увидел Николай в дальнейшем. Ни жанр повествования, ни объем книги не позволяют сделать этого, да и подробное такое описание вовсе не нужно. И потому будем останавливаться на наиболее существенных событиях путешествия, опуская описания многочисленных достопримечательностей и ограничиваясь в большинстве случаев лишь их упоминанием.

Объехав Цейлон и посетив его главные города и наиболее выдающиеся храмы и капища, побывав на Яве, русская эскадра 2 марта взяла курс на Бангкок — столицу нынешнего Таиланда, тогда называвшегося королевством Сиам.

Пройдя Южно-Китайское море и Спамский залив, эскадра бросила якоря неподалеку от устья реки Манам. Николая встретила королевская яхта «Аполлон», командиром которой был датчанин де Ришелье, потомок великого француза. На борту «Аполлона» были и два брата короля — один из которых был министром двора, а второй — министром иностранных дел. Два часа плавания до столицы Николай беседовал с принцами, найдя, что оба они прекрасно образованы и безукориз-

ненно воспитаны. Яхта прошла сквозь строй десятков тысяч плавучих хижин, стоящих на якорях вдоль обоих берегов реки и путешественники поняли, почему Бангкок называют «Венецией тропиков». На берегу Николая необычайно радушно встретил сам король, сорокалетний красавец Чулалонкорн, окруженный большой и богато одетой свитой, почетным караулом и оркестром, грянувшим: «Боже, царя храни!»

Не менее поражены были гости короля и его дворцом «Чакра-Кри», о котором Ухтомский написал: «Мы много, пожалуй, слишком много видели и многим любовались за последнюю зиму, но такого странного и параллельно с тем гармоничного здания, я что-то не запомню»³⁵. И это чувство удивления и восхищения не покидало русских путешественников все время, пока они были в Сиаме. Поражены они были и предоставленным им дворцом «Саранром», и процессией гигантских дрессированных королевских слонов, и сказочно красивым парком с невиданными нигде до того цветами и великолепными скульптурами. Но особенно понравились им — такт, ум, образованность и изысканность родственников и сановников короля, а красотой 28-летней королевы Савангваданы они были буквально ошеломлены.

Осмотрев кумирни и храмы Бангкока, а также королевскую сокровищницу, и побывав в загородной резиденции короля — целом городе дворцов и павильонов — вновь удивились гостеприимству и роскоши, в которой их принимали.

Здесь же несколько тысяч простых сиамцев с чарующей искренностью и простотой поднесли Николаю свои подарки — самые безыскусственные и простые — от лепешек и фруктов до кур и попугаев. И здесь же путешественники увидели представителей всего Индокитая — мужчин и женщин десятков племен и народов.

11 марта Николаю продемонстрировали редчайшее зрелище — загон 287 диких слонов, отбитых от стада в две тысячи голов, а через два дня путешественники отправились дальше — в Сайгон.

На переходе из Бангкока в Сайгон и Николай, и его маленькая свита, и свободные от вахты офицеры и матросы подолгу проводили на палубе, где гуляло и спало множество подаренных цесаревичу живых презентов. Это были ручные звери, которых крейсер вез в русские зоопарки. По палубе гуляли два слоненка, молодая черная пантера, ласковая ко всем членам экипажа, но все же дичившаяся посетителей, прыгали и резвились две белые обезьяны-альбиносы и маленький ле-

нивец, любивший забираться на самый верх корабельных мачт, и потому прозванный «Антошкой-марсовым». А на баке — верхней палубе от передней мачты до носа — стояло множество клеток с пестрыми экзотическими птицами. Все свободные помещения крейсера были забиты тысячами подарков. Их было так много, потому что иногда каждый из тысяч, встречающих цесаревича, нес ему свой подарок — чаще всего это были цветы, корзины с овощами и фруктами, клетки и корзины с гусями и курами; и все это, кроме цветов, конечно, после отхода крейсера сразу же шло на камбуз и оказывались неплохой добавкой в судовые котлы и на столы команды.

Утром 16 марта русская эскадра вошла в залив «Кокосовых пальм» и здесь разделилась: крейсер «Адмирал Нахимов» встал на якоря, а остальные корабли пошли по глубоководной реке к Сайгону, отстоящему на сто верст от ее устья и в половине шестого подошли к пристани столицы Кохинхины, как называли тогда Вьетнам.

Под гром пушек, под музыку оркестров и под приветственные клики экипажей, стоявших на рейде военных кораблей Франции, — тогдашней хозяйки Кохинхины, — Николай сошел на берег. Генерал-губернатор Пике предложил ему роскошное ландо, запряженное шестеркой белых мулов и повез в свой дворец. Там французские моряки-музыканты за парадным обедом исполняли мазурку Глинки и фантазии из опер «Кармен» и «Гугеноты». Вечером, после фейерверка, гостей повезли в театр, где перед началом оперетки «Жирофле Жиروفля» оркестр исполнил русский гимн.

А через два дня Николай и его спутники поехали в Чолон — тогда второй крупный город Кохинхины, теперь — часть Сайгона, где в основном жили китайцы, и где русские уже почувствовали близость Небесной Империи, куда они должны были направиться из Индокитая. Чолон не произвел впечатления на путешественников, и французы, почувствовав это, дали блестящий парадный ужин и бал, где королем праздника оказался великолепный дирижер, мичман французского флота, князь Андрей Августинович Голицын*.

* Его двоюродный дед — князь Дмитрий Дмитриевич Голицын — в 1778 году принял католичество и стал одним из виднейших миссионеров в США, а отец — Августин Петрович, тоже католик, обратившийся по примеру своего дяди, занимался историей России и полемическими богословскими сочинениями, направленными против православия. Андрей Августинович был его сыном, тоже католиком и гражданином Франции.

Весьма довольный балом и приемом цесаревич пригласил нескольких человек на завтрак и этот завтрак затянулся до двух часов дня. А потом местные охотники привели на корабль двух молодых пантер, еще немного увеличив плавучий зверинец на палубе крейсера.

На следующий день под звуки «Марсельезы» русские корабли пошли дальше. Их ждал Гонконг.

23 марта Ухтомский записал: «От Сайгона пройдено приблизительно 900 миль (эта цифра приобретает более красноречивое значение, когда знаешь, что отсюда до Бангкока — 1454, до Владивостока же — 1670: как мы в сущности близки к дому!)»

Атмосфера значительно посвежела. Тропическое одеяние уже кажется подчас совсем некстати»³⁶.

Эскадра еще только приближалась к Гонконгу, а на борт «Памяти Азова» уже прибыли три русских дипломата, чтобы сопровождать соотечественников в их предстоящей поездке по Китаю. Это были — военный атташе, полковник Генерального штаба Дмитрий Васильевич Путята и два молодых синолога-переводчика А.С. Вахович и Д.Д. Покотилев.

Ухтомский назвал Гонконг — «созданием энергии западного человека на морях Дальнего Востока», потому что он увидел оживленный рейд с десятками кораблей, склады, тянущиеся по берегу на семь верст, и сотни прекрасных европейских вилл, окруженных начинающими цвести садами. Кроме того, увидев на рейде большую и сильную английскую военную эскадру, Ухтомский назвал Гонконг и «Восточным Гибралтаром».

Приняв на борту своего флагманского крейсера гонконгского губернатора и начальника гарнизона и нанеся им ответный визит, Николай и его спутники перебрались на американский колесный пароход «Кианг-кван» и на нем отправились в Кантон, лежащий от Гонконга в 85 милях, и в четыре часа дня подошли к Мандаринской пристани огромного города, население которого тогда достигало двух миллионов. И здесь гремел артиллерийский салют, и вежливый старый китаец — вице-король Кантона Ли Хан Чжан — уже ожидал первенца Великого владыки Севера и затем был почти внесен на палубу, держащими его под руки, чиновниками. Экзотическая, но непродолжительная китайская церемония встречи завершилась вполне обыденным угощением чаем и фруктами.

А потом — инкогнито — путешественники на лодке отправились к острову Хонам — предместью Кантона — и там осмотрели буддийский монастырь, посвященный богине Милосердия Гуань-инь. Так как пребывание на острове не было официальным, Николай позволил себе, из любопытства, зайти в один из богатых частных китайских домов, где жила семья Хов-ква, оказавшаяся весьма состоятельной. Тем не менее убранство дома и быт этих богачей никак нельзя было назвать роскошными.

25 марта цесаревича принял Ли Хан Чжан. Николая и его свиту доставили в паланкинах, неся их по лабиринту узких улочек и переулочков, которые тем не менее назывались: «Улица Мира», «Улица Светлых Облаков», «Улица Долголетия», «Улица Вечной Любви», «Улица Тысячи Внуков», «Улица Тьмы Блаженств», «Улица Золотых Прибылей».

Вице-король устроил приемы в здании, где раз в три года, домогающиеся более высоких должностей чиновники сдавали экзамены очень строгой комиссии. Это было высшей степенью почета, ибо в Китае ничто не ценилось так, как знание, очень часто идентифицируемое с числом известных соискателю иероглифов.

После вопросов о здоровье цесаревича и его товарищей и о том, как проводили они вчера время, Ли Хан Чжан спросил о том, есть ли в России буддисты, и, узнав, что их несколько сот тысяч, оказался приятно этим поражен.

Затем гостей пригласили в особый павильон к столам, накрытым изысканнейшими китайскими блюдами, и теперь наступила очередь путешественников удивляться разнообразию и вкусу поданных им кушаний. И, пожалуй, столь же поразительным для гостей оказался и сам их хозяин — умный, предупредительный, вежливый и вместе с тем, держащийся с необычайным достоинством.

А на следующий день Николай, обойдя европейский квартал Кантона и посетив множество магазинов и лавок, нанес визит консулу Франции Эмбо Хюару — симпатичному молодому дипломату, но уже выдающемуся синологу-ученому, имеющему международную репутацию.

Потом путешественники побывали в Военно-морской китайской школе, организованной на европейский лад, где преподавателями были, главным образом, немецкие офицеры, и на следующий день возвратились в Гонконг. На сей раз они объехали его живописные окрестности, побывали на плантациях роз и в лучшем европейском отеле, стоящем на вершине

горы Виктории, обошли антикварные магазины Гонконга, и 29 марта покинули и этот город.

3 апреля эскадра бросила якоря в нескольких десятках миль от Шанхая, в устье реки Янцзы. Здесь путешественников уже ждал русский пароход «Владивосток», на котором им предстояло пройти вверх по течению Янцзы 1200 верст до города Ханькоу. На сей раз — пароход мал и тесен, и даже каюта цесаревича низка и убога. И в этих условиях им предстоит пребывать десять дней. Конечный пункт — город Ханькоу — выбран был не случайно: там обосновалась русская чаеоторговая кампания, вывозящая около трети всего китайского чая на 10-12 миллионов золотых рублей в год. Из-за того, что этот чай потом перевозился в Россию через Северный Китай, Монголию и первый русский город Кяхту, русские называли его «Кяхтинским».

6 апреля «Владивосток» дошел до Ханькоу и здесь после встречи с местным губернатором путешественники отправились в небольшую православную церковь Александра Невского, построенную на средства русских купцов-чаеоторговцев. Особенно много денег дали на строительство храма православные купцы-буряты — Старцев и Малыгин, которые представились Николаю после богослужения.

Из церкви русские гости пошли к своим землякам, и там встречены были хлебом-солью по обычаям их родины. А потом Николаю показали выставку двухсот сортов чая и чаепрессовочную фабрику. Ежегодно в мае и июне сюда доставлялось до 150 сортов чая, а закупались лишь те, которые проходили дегустационную экспертизу и были признаны лучшими.

Тем же вечером Николай устроил прощальный ужин на сорок персон, а 8 апреля нанес визит губернатору Ханькоу.

Наконец, 9 апреля, Николай распрощался с гостеприимной русской колонией, и на следующее утро «Владивосток» отправился обратно, к устью Янцзы, где цесаревича ожидала эскадра, чтобы затем уйти к берегам Японии. 13 апреля путешественники взшли на борт «Памяти Азова» и через два дня 15 апреля увидели берег Японии.

«Розовые вершины вереницей встают перед нами над окутанным светлой мглой горизонтом. — писал Ухтомский. — ...Скалы и густая зелень по сторонам. Узкий, длинный залив, открывающий доступ в Нагасаки, до такой степени оригина-

лен и декоративно красив под нависающею над ним грядою тенистых возвышенностей, что на первых порах он даже кажется искусственным: точно не воочию видишь все это, а на привезенном с Дальнего Востока рисунке, на изящно лакированном шкафчике или подносе, вообще на каком-нибудь тамошнем предмете роскоши, передающем характерный японский пейзаж.»

В Нагасаки Николай провел девять дней — с 15 по 23 апреля. Первые семь дней шел Великий пост и глубоко верующий Николай, которого не только к истому, но и к показному, внешнему, благочестию обязывал и его сан и то, что он постоянно был на виду у сотен матросов, свято выполнял все правила, стоял все церковные службы на батарейной палубе и, как и все, благоговейно внимал текстам евангелия и проповедям судового священника.

В один из дней Великого поста Николай съездил в близкую от Нагасаки деревню Инаси, где находилось кладбище русских моряков, похороненных вскоре после Крымской войны. Тогда парусный русский фрегат «Аскольд» попал в жестокий шторм и нашел пристанище в деревне Инаси, где долго простоял на ремонте. За это время умерло несколько десятков русских матросов и офицеров и их похоронили в земле Японии. За это же время моряки очень сдружились с местными жителями, и некоторые из них даже научились говорить по-русски.

Когда Николай приехал в Инаси, он увидел там ресторацию под вывеской: «Кабак Кронштадт», где его угостили южнобережными крымскими винами, поповской водкой, щами и кашей. Он нашел русское кладбище в полном порядке и щедро одарил местного буддийского монаха Окамуру, который ухаживал за этим кладбищем. Николай выпил у него в доме чаю и на прощание подарил монаху свой портрет.

А в первые дни Пасхи Николай начинает официальный визит в Японию, высадившись в Нагасаки. Отдав должное церемониалу, Николай осмотрел затем окрестные исторические достопримечательности и направился в древнюю столицу Японии Киото, а оттуда 29 апреля поехал в городок Оцу, лежащий так близко от Киото, что туда решено было ехать не поездом, а в колясках рикш. Там решили не задерживаться, а проехать дальше.

Когда кортеж колясок проезжал по заполненной народом улице, вдруг из толпы выскочил человек, одетый в форму полицейского и ударил Николая саблей по голове. Николай вы-

скочил из коляски, а принц Джорджи подоспел к нему на помощь и вместе с двумя рикшами свалил покушавшегося на землю. Им оказался самурай Тсуда Санцо — фанатик-националист, попытавшийся убить русского цесаревича. За его спиной никто не стоял и этот дикий поступок был совершен им по его собственному замыслу без всякой подготовки.

Николай отделался неглубокой раной и уже вскоре почувствовал себя вполне хорошо.

Уже на следующий вечер Николай записал о случившемся так: «В это время, — во время проезда по улице Оцу — я получил слабый удар по правой стороне головы над ухом, повернулся и увидел мерзкую рожу полицейского, который второй раз на меня замахнулся саблей в обеих руках. Я только крикнул: «Что тебе?» и выпрыгнул через джен-рикшу на мостовую».

Помощь Джорджи Николай высоко ценил всю жизнь. Даже через пять лет 29 апреля 1896 года, когда Николай готовился к коронации, он записал в дневнике: «29-го апреля. Понедельник. Оцу. После прогулки пошли к молебну в красной гостиной; горячо благодарил Бога за спасение, ниспосланное им рукою Джорджи в Японии!» В этот день Николай — человек всю жизнь глубоко и искренне верующий — каждый год стоял на благодарственных молебнах.

В то же время многие в России считали, что его неприязнь к Японии определилась инцидентом в Оцу, хотя сам Микадо — земное божество для японцев — уже на следующий день приехал в Киото, чтобы выразить потерпевшему свое искреннее соболезнование, и назвал день 29 апреля «самым печальным в его жизни». Он встретился с Николаем и очень жалел, что цесаревичу велено прервать путешествие и возвращаться на родину. Император проводил Николая до «Памяти Азова», ожидавшего в Кобэ. А 6 мая, в день рождения Николая, в Кобэ пришли три японских парохода, заваленных подарками для него — таким образом Япония выражала ему сочувствие и извинение в связи со случившимся.

НОВЕЛЛА СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

*Путешествие на Запад:
от Владивостока, до Петербурга*

Утром 11 мая 1891 года Николай прибыл во Владивосток. Весь город вышел встречать его, но из-за плохой погоды официальную торжественную встречу отложили на завтра. А 12

мая Николай сошел на русский берег и от пристани до специально сооруженной триумфальной арки шел по коврам, осыпаемый цветами. Десять дней провел Николай во Владивостоке. Он заложил первый камень в фундамент памятника исследователю Дальнего Востока, адмиралу Г.И.Невельскому, осмотрел и казармы, и присутственные места, и музей, и эскадру, и портовые сооружения, а 18 мая заложил сухой док, названный его именем. Но самое значительное событие произошло в 10 часов утра 19 мая.

В это время, в двух с половиной верстах от Владивостока, в специально построенном роскошном павильоне, Николай высыпал на полотно Великой Транссибирской магистрали символическую тачку земли. Эта тачка земли была именно символической, ибо от Владивостока до павильона уже был проложен железнодорожный путь длиной в два с половиной километра, и по нему к павильону прибыл специальный поезд, в котором Николай, его свита и местное высокое начальство отбыли в город. Здесь Николай заложил первый камень в фундамент здания Владивостокского вокзала, после чего был устроен банкет на 300 персон в честь закладки Уссурийской дороги. Николай зачитал Указ императора о закладке дороги, и как только кончил читать его, то дружное «Ура!» всех собравшихся было перекрыто артиллерийским салютом сухопутной и морской артиллерии.

Была объявлена широкая амнистия осужденным, и 21 мая Николай выехал из Владивостока. Через девять часов, проделав путь в сто верст, он прибыл в село Никольское (ныне Уссурийск), а уже через три дня погрузился на пароход и двинулся на Амур.

Прибыв в Хабаровск, Николай открыл там созданный по проекту академика Опекушина памятник графу Н.Н.Муравьеву-Амурскому.

Из Хабаровска Николай на пароходе «Муравьев-Амурский» дошел до поселка Касаткинского, где произошла типичная для Сибири встреча. Когда Николай сошел на берег, чтобы немного размяться, его встретила небольшая шеренга конных амурских казаков и все жители поселка. Цесаревич велел дать казакам денег — «на чарку» и Н.Д.Оболенский передал их поселковому атаману. А далее, как писал Ухтомский, «чарки эти оказались настолько больше обыкновенных, что провозгласить желанную здравицу хватило на все наличное население поселка! Песни и хоровод без кавалеров продолжались до извещения с парохода, что Его Высочество изволил

лечь почитать. Дети так и уснули на берегу, у ног матерей, а взрослые все время поддерживали костры, пока пароход не отвалил от берега»³⁷.

Так же встречали и провожали цесаревича на всем его пути по Сибири. Миновали казачьи станицы Иннокентьевскую, Поярковую, Константиновскую и другие. Здесь демонстрировали Николаю свою удаль казаки, но особенно поразил его десятилетний казачок Влас Тюменцев, проскакавший на коне, стоя на голове, а еще вахмистр Коренев, проскакавший больше ста верст и прибывший в Благовещенск раньше парохода; понравились цесаревичу и мальчишки-инородцы, успешно учившиеся в гимназиях и семинариях, а более всего запомнил Николай, как с высоченного утеса на берегу Амура, видного за 50 верст, забравшиеся туда казаки, прощаясь с ним, бросили вниз сразу сотню белых фуражек и это показалось Николаю и прекрасным и трогательным.

А потом на две тысячи верст протянулись берега, покрытые тайгой, и лишь незадолго до Нерчинска вновь пошли казачьи станицы, где встречали его мальчишки-наездники, и праздничные церковные службы, и толпы парадных казаков и казачек, выходивших к нему с хлебом-солью и букетами полевых цветов...

Забайкалье встретило Николая отремонтированными мостами и дорогами, чисто убранными станицами и селами, разукрашенными цветами и флагами, торжественными въездными арками. На каждой остановке Николая встречали атаманы станиц, наказные атаманы, воинские и гражданские начальники, духовенство и толпы празднично одетых людей.

Николай награждал начальство собственными портретами, золотыми и серебряными часами и портсигарами, принимал строевые рапорта и маленькие парады пеших и конных казачьих частей.

14 июня Николай прибыл в Нерчинск. Осмотрев музей, женскую прогимназию, духовное и городское училища, отужинав и побывав на концерте сводного хора с оркестром, прогулявшись по иллюминированному городу, Николай на следующий день поехал дальше. За его коляской долго бежали жители Нерчинска, последним же отстал известный местный библиофил, краевед и писатель Иван Васильевич Багашев, на кого указывал Николаю ранее встретивший цесаревича генерал-губернатор барон Корф, ехавший с ним в одном экипаже.

А цесаревич, как писал Э.Э. Ухтомский, «милостиво улыбался».

И снова пошел пароход «Ермак» на запад, останавливаясь у многочисленных станиц, приисков и стойбищ.

Остановившись 16 июня неподалеку от Ачинска у бурятского тайши, Николай был поражен смелостью и ловкостью бурят-наездников, ловивших диких лошадей и тут же ставивших их под седло. Николай засиделся у тайши и даже не пошел спать в каюту, а остался ночевать в отведенной для него юрте. И утром 17-го Николай все еще оставался среди бурят, сначала присутствуя на соревнованиях по национальной борьбе, потом на тое, а в заключение и сфотографировавшись вместе с гостеприимными хозяевами, которые очень ему понравились.

Впереди Николая ждала Чита, столь же приукрашенная, как и предыдущие города, и церемония встречи была все той же: триумфальная арка, посланные на землю ковры, почетный конвой, войсковой парад, молебен, торжественный обед и торжественная церковная служба. Были и приветственные речи, и делегации, и объезд города с посещением важнейших государственных и общественных заведений и учреждений.

Далее такое же станет происходить в каждом городе России и едва ли стоит повторяться. Будет иметь смысл останавливаться лишь на каких-то экстраординарных событиях и моментах. В Чите такого рода моментом было, пожалуй, то, что Николаю поднесли в дар икону Спасителя каторжане, строившие в городе новый корпус тюрьмы.

Затем Николай во главе массы конных казаков выехал из города, где на берегу живописной реки Ингоды был построен большой шатер и накрыты столы. А вокруг шатра разместились на траве казаки и атаманы двенадцати забайкальских казачьих станиц.

Далее — верхом и в экипажах — двинулся Николай со свитой по землям бурят и казаков, почти повсюду получая богатые подарки — серебряное кресло, серебряные блюда, дорогое оружие, соболиные шкурки, ковры, а цесаревич отдаривался золотыми и серебряными часами, золотыми булавками, медалями и прочим.

Так проехал Николай Верхнеудинск — ныне Улан-Удэ, — а затем Троицкий Селенгинский монастырь и богатое забайкальское село Кабанское.

На станции Мысовая цесаревича встречали уже иркутский генерал-губернатор генерал-лейтенант А.Д.Горемыкин и весь иркутский военный и чиновный ареопаг.

Одарив на прощание сопровождавших его амурцев и забайкальцев, Николай с Горемыкиным и его свитой сел на пароход и через Байкал направился к Иркутску, где 23 июня был встречен звоном всех колоколов тридцати городских церквей и многотысячным крестным ходом.

Иркутск — один из красивейших городов Сибири — был обязан своей красоте страшному пожару 1879 года, когда деревянный город выгорел почти весь.

За прошедшие после того 12 лет Иркутск отстроился и очень похорошел. Отстояв в Кафедральном соборе молебен, Николай направился в дом генерал-губернатора, где его ожидали многочисленные депутации Иркутска и губернии, а также и депутации Якутска, буквально, засыпавшие Николая медами, золотом, изделиями из рога и кости, серебряными блюдами, кубками, иконами и книгами о Сибири. Самым своеобразным подарком цесаревичу оказался тот, который поднесли ему священники: в честь приезда Николая в Иркутск 250 бурят-мужчин, до того исповедовавших шаманство и ламаизм, приняли православие и были наречены «Николаями».

Вечером гости отправились на пикник, устроенный на одном из островов Ангары, где вместе с ними были воспитанницы Девичьего дома восточной Сибири. Пикник был настолько хорош, что гости уехали в город только в три часа утра.

А 24 июня, объехав с утра Иркутск, Николай в час дня открыл движение по только что построенному мосту через Ангару, а вечером отправился дальше. Следующей губернией была Енисейская. На ее просторы Николай въехал вечером 28 июня, и, встреченный по протоколу Енисейским губернатором Л.К.Теляковским, через Канск проехал в губернский город Красноярск. До села Березовского Николай ехал трактом, а там 2 июля пересел на пароход и поплыл в Красноярск по Енисею. Здесь наибольшее впечатление произвела на Николая выставка промышленных, ремесленных и сельскохозяйственных изделий губернии и коллекция материалов по народной медицине, привезенная в Красноярск из Минусинского музея. Покинув гостеприимный Красноярск, Николай поехал в Томск, куда и прибыл 5 июля. Здесь, среди прочих традиционных визитов, уже на следующий день посетил цесаревич и единственный во всей Сибири, да и в Азиатской части Российской империи, вообще, Томский университет, открытый всего три года

назад. Посещение началось с молебна в университетской церкви. На торжественном заседании Николаю вручили диплом Почетного члена Томского университета, потом Николай говорил, что осмотр университета и впечатления, полученные им в его стенах — особенно же университетская библиотека — были одними из лучших его воспоминаний путешествия по Сибири. Томичи особенно тепло приняли цесаревича и многие из них, провожая его на пристань, искренне плакали.

6 июля Николай отбыл в Омск. Через два дня пароход «Николай» причалил к пристани Сургут, где специально для него на высокой горе «Белый Яр» построили смотровую площадку и павильон, а к ним выстроили лестницу и арку, украшенную цветами. Вокруг павильона поставили остяцкие юрты со всей домашней и хозяйственной утварью. Но Николай на гору не поднялся, а встретил депутацию из Сургута на пароходе. Здесь дарили ему подарки — не чета прочим — семейную иконку, берестяной туесок с кедровыми орешками, соболиные шкурки и даже живую рыбу. В Сургуте находилась и депутация сибирских купцов-пароходовладельцев. Они поднесли Николаю большое серебряное блюдо с накладными якорями по краям с изображением парохода и солонку, — сделанная из кости мамонта, представляла она Земной шар, на котором был обозначен маршрут путешествия цесаревича.

Растроганный теплотой и безыскусственностью сургутян, Николай всех их пригласил к столу, а после обеда щедро одарил деньгами и подарками.

10 июля пароход «Николай» подошел к Тобольску. Ухтомский отметил при этом одну особенность: «За отсутствием телеграфа в Тобольске надо было угадывать время прибытия парохода... В селе Бронниково, в 37 верстах от Тобольска, выставлены были верховые. Как только с колокольни Бронниковской церкви увидели флаг Его Высочества, развевавшийся на мачте, верховые пустились вскачь и с помощью нескольких подстав (т.е. перемены лошадей) успели дать знать в город о приближении нетерпеливо ожидаемого гостя. Известие пришло за час до парохода. По звону «тысячного» (т.е. весившего более тысячи пудов) соборного колокола, как было заранее объявлено, горожане толпами повалили к берегу и на базарную площадь»³⁸. В Тобольске, более всего прочего, понравился Николаю музей, где одной из реликвий был «карноухий колокол», сосланный из Углича Борисом Годуновым за извещение 15 мая 1591 года о смерти царевича Дмитрия Ивановича. Колокол был знаменит еще и тем, что в 1837 году в него зно-

нил цесаревич Александр Николаевич. Разумеется, что и цесаревич Николай Александрович тоже ударил в колокол.

Возле музея, в саду Ермака, Николаю показали катер, на котором его дед, цесаревич Александр, переезжал Иртыш. А возле катера стоял единственный из оставшихся в живых гребцов катера, 92-летний мешанин Колтин, а в садовом павильоне ему была представлена, как пишет Ухтомский, «престарелая девица Анна Григорьевна Серебрянникова, которая тогда еще имела счастье танцевать визави с Августейшим Дедом Государя Наследника, на балу, который Он принял от города Тобольска». И еще одну характерную деталь отметил Ухтомский: «Экипаж для Его Высочества был прислан из Тюмени статским советником Давыдовским с его кучером Николаем и лошадьми собственного завода. Кучер молодецки спустил экипаж с горы, несмотря на наступившую темноту и дождь, и на то, что лошадей и экипаж окружала несметная толпа, все время кричавшая «Ура!»⁴⁰.

Стало быть в губернском городе Тобольске не нашлось экипажа, подходящего для царя, а также не нашлось и кучера. Ухтомский сопроводил этот пассаж следующей сноской: «По скользкой мостовой Тобольска вообще трудно двигаться в непогоду: энергичный велосипедист барон Келлескраус, доехавший сюда в прошлом году из Ковно (где он служит в крепостной артиллерии) не мог здесь ехать городом»⁴¹.

А когда «Николай» отвалил от пристани, то гостеприимные тобольчане двинулись вверх по Иртышу на пароходе «Сибиряк» и всю ночь кричали «ура». Возвратившись на следующий день в Тобольск, они гуляли до ночи и бесплатно катали по реке всех желающих.

А пароходы шли по Иртышу дальше на юг, мимо больших сел, украшенных арками, цветами и зеленью и утром 3 июля подошли к пристани города Тары. Угостив на пароходе делегатов города и наградив их деньгами и подарками, цесаревич дал им еще и денег на гостинцы детям. Один из делегатов, крестьянин Чинягин — подносивший блюдо от старообрядцев, — получив часы, упал на колени и плача от радости стал целовать Николаю сапоги. Свитские попытались поднять его на ноги, но он, остолбенев, остался стоять на коленях, пока пароходы не пошли дальше.

14 июля «Николай» подошел к Омску — главному городу Степного генерал-губернаторства. И здесь были и торжественный молебен, и парад казачьих войск, и очень пышный обед, устроенный в зале площадью в 250 квадратных метров.

для чего предварительно были снесены внутренние перегородки двух залов и разделявшего их коридора. Наказной атаман Сибирского казачьего войска барон Таубе и войсковая старшина проявили особое рвение в подготовке приема, и он прошел на славу.

На следующий день Николай переправился на восточный берег Иртыша в казахский аул, расположенный неподалеку от Омска.

Как только Николай ступил на берег, ему на серебряном блюде поднес кумыс старейший из депутатов Акмолинской области, полковник султан Чингис Валиханов, — сын выдающегося казахского просветителя.

А затем Николай прошел в парадный аул — кочевье, — своеобразную этнографическую выставку — где среди прочих экспонатов Николаю показали соболью шубу, парчовый пояс и саблю, усыпанную драгоценными камнями, подаренные казахскому султану Валию Екатериной II 24 мая 1782 года, когда он был утвержден ханом Средней орды. Ознакомившись с работами искусных ремесленников — сыроваров, кожевников, суконщиков, столяров, кузнецов, ювелиров, косторезов, слесарей и оружейников, продемонстрировавших ему свое мастерство в работе, и одаривших цесаревича своими изделиями, Николай зашел и в юрту бедного казаха, где быт бедняка был показан ему совершенно неприкрашенным, таким, каким он и был на самом деле.

Осмотрев затем коллекции музея Семипалатинского областного статистического комитета — этнографическую, археологическую, зоологическую, энтомологическую, минералогическую, и, получив множество подарков, Николай стал свидетелем инсценированного действия — коша — то есть перекочевки двух семей — богатой и бедной. Завершился его визит к казахам демонстрацией охоты с беркутами на лисиц и спортивной игрой, когда всадники казахи на скаку отнимали друг у друга волчью шкуру.

Возвратившись в тот же день в Омск, Николай побывал на скачках на местном ипподроме, и, посетив к вечеру лагерь Омского кадетского корпуса, отправился в дом генерал-губернатора Тройницкого.

17 июля, в день отъезда, цесаревич дал прощальный обед всем, кому обязан был гостеприимством, а также судовладельцу Гадалову, на чьих пароходах шел он от Томска до Омска и капитанам этих пароходов. А всех матросов, механиков и корабельную службу щедро одарил деньгами и сувенирами.

Из Омска пароходы пошли обратно, а Николай двинулся по почтовому тракту в земли Оренбургского казачьего войска.

Через три дня экипажи Николая и свиты прибыли на границу Оренбургской губернии, где стояла белая кирпичная пирамида на восточной грани которой была надпись: «Земля Азиатской России», а на западной: «Земля Европейской России». Здесь же были сооружены и Триумфальные ворота, перед которыми в парадном строю стояли оренбургские казаки.

Приняв рапорты, парад, и насладившись джигитовкой 8-9-летних казачат, цесаревич въехал в Европу.

Через редкие казачьи станицы и небольшие города — Троицк, Верхнеуральск, Орск — 26 июля цесаревич въехал в Оренбург, где все прошло по заведенному ранее протоколу: молебен, парад, ночлег. А вот ночлег отличался от всего бывшего прежде: Николаю приготовили резиденцию в Караван-Сарае — крепости и мечети одновременно, — стоящем в середине самого большого сада, окруженного каменным забором. Здесь и принимал Николай многочисленные депутации от разных сословий и из разных мест, включая и Хиву.

В Оренбурге Николай, очень уставший от последнего переезда, пробыл почти неделю, осмотрев все заведения, отстояв несколько церковных служб, и после этого выехал в Уральск.

Там центральным событием оказалось празднование 300-летней годовщины со дня учреждения Уральского казачьего войска, а так как Николай был Атаманом всех казачьих войск России, то его прием и определялся церемониями этого празднества — всенародным гулянием, крестным ходом, торжественным молебном с освящением новых полковых знамен и закладкой нового храма Христа Спасителя. Николай вместе со всеми уральцами участвовал в этих торжествах, держась скромно, непринужденно, но, вместе с тем, достойно.

В завершение празднества, в прекрасной Ханской роще, расположенной на полуострове между реками Урал и Чаган, был устроен завтрак, оплаченный цесаревичем: Из экзотических эпизодов этого утра особенно интересен один. Как только Николай прибыл в Ханскую рощу и поднялся на самую высокую ее точку, в специально приготовленный для него павильон, раздался пушечный выстрел. По этому сигналу тысяча уральских лодок-будар пошла вниз по течению к павильону, ведя за собою каждая небольшую сетку. И, как писал Ух-

томский, — «и на сей раз река Урал — «золотое доньшко» — не посрамил себя: не прошло и нескольких минут, как казаки стали вытаскивать из воды огромных осетров»⁴².

Каждый рыбак, поймав первого осетра, тут же бросался к павильону и выкидывал живую добычу на берег. Когда первые тридцать осетров были брошены к подножью павильона, Николай попросил вытащить сети из воды и прекратить ловлю, потому что, продолжает Ухтомский, «разохотившиеся казаки-ловцы, несомненно завалили бы вскоре рыбой весь помост»⁴³. Да и особой нужды в том не было, ибо осетрина входила в меню царского угощения, а кроме того, сообщает Ухтомский, подавались всем без исключения: «соус татар, филе говяжье жардиньер, жарсная дичь, салат, бисквитные рыбы (рыбы, запеченные в тесте) и мороженое»⁴⁴.

Утром 1 августа Николай выехал из города, провожаемый всеми жителями Уральска и многими людьми из окрестностей, приехавших специально для того, чтобы увидеть будущего российского императора.

От Владивостока до Уральска Николай проехал 8486 верст.

Обратно он и его свита двинулись в поезде, ждавшем его на недавно пущенной Оренбургской железной дороге и 4 августа 1891 года прибыли в Петербург.

Это путешествие дало цесаревичу очень много: он увидел мир, и, что особенно важно, не традиционную Европу, а очаги древних цивилизаций — Грецию, Египет, Индию, Китай, Японию — и после них свою собственную империю, — мост между Европой и Азией, в которой переплавились, все же не слившись воедино многие десятки народов и цивилизаций, отчего он мог наблюдать и сравнивать, и делать выводы. Однако, к сожалению, сделать последнее ему не удалось.

НОВЕЛЛА СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Прощание с Матильдой

Николай приехал в Петербург утром 4 августа 1891 года и сразу же отправился в Красное Село, где проводили лето его мать и отец. Ему было о чем рассказать, но все же в тот же вечер он отправился в театр, где выступала Кшесинская. Однако осенью 1891 года они не встретились, потому что он вскоре вместе с родителями уехал в Данню и возвратился лишь в конце года.

За время его отсутствия в семье произошел один из редких скандалов, возникший из-за несогласия Александра III пойти навстречу своему двоюродному брату, великому князю Михаилу Михайловичу, просившему разрешения жениться на английской графине Софии Торби.

Михаилу Михайловичу было уже около тридцати, он занимал должность командира Лейб-гвардии Егерского полка, был весел, остроумен и красив, великолепно танцевал и слыл любимцем большого света, где за ним прочно укрепилось прозвище — «Миш-Миш». Когда ему исполнилось 20 лет, он по правилам, существовавшим в Доме Романовых, стал получать ежегодно около 200 тысяч рублей и почти все эти деньги тратил на строительство собственного дворца, мечтая поселить в нем избранницу своего сердца, которую он все еще искал, но не находил. В поисках своих он влюблялся то в одну девушку, то в другую и всякий раз получал один и тот же ответ: «Она тебе не пара».

Наконец его выбор — выбор сердца, а не ума — остановился на английской графине Торби. Однако и на этот раз повторился стандартный отказ: происхождение графини по женской линии довольно сомнительно и потому недостаточно высоко для того, чтобы она могла войти в семью Романовых. Михаил Михайлович не соглашался с такой оценкой и настаивал на том, что София Торби достаточно благородна, хотя ее родословная по женской линии действительно не совсем обычна и, быть может, для царского дома даже неординарна, но именно в этой-то неординарности и состоит весь ее шарм. А дело было в том, что по женской линии родословная графини Торби восходила к А.С.Пушкину, так как ее бабушка Наталья Александровна Пушкина была дочерью великого поэта. В первом браке дочь Пушкина была замужем за М.Л.Дубельтем — сыном преемника Бенкендорфа Л.В.Дубельта. Однако брак ее оказался неудачным, и Наталья Александровна, не добившись развода в России, уехала за границу. Там она довела дело до конца, получила развод и вышла замуж за герцога Нассауского, чей отец был женат на великой княгине Елизавете Михайловне — внучке Николая I. Для того, чтобы брак этот не считался мезальянсом, Пушкина получила титул графини Меренберг. А ее дочь от брака с герцогом, известная, как графиня София Торби, все же стала морганатической супругой внука Николая I — великого князя Михаила Михайловича, так как он пренебрег запретом императора и

уехал в Англию, где и прожил с Софией Торби до конца своих дней.

Николай возвратился из Дании, сохраняя, свой прежний статус все еще не женатого и даже не помолвленного ни с кем принца, и потому Александр III по отношению к своему старшему сыну не мог быть столь строг, как был он строг перед тем к своему двоюродному брату.

А Николай, возвратившись в Петербург, и несколько раз побывав в театре, вдруг понял, что его прежнее влечение к Матильде Кшесинской уже успело перерасти в нечто большее.

И в январе 1892-го, совершенно неожиданно, Николай пришел в дом Кшесинских, объяснился, хотя и робко, но вполне определенно о своих чувствах к Матильде, попросил разрешения бывать у нее. С этих пор он стал часто проводить у Матильды вечера, а потом вместе с Николаем, а порой и без него, гостями Кшесинских стали и сыновья великого князя Михаила Николаевича — великие князья Георгий, Александр и Сергей. «Михайловичи», хотя и доводились Николаю двоюродными дядьями, но были как уже здесь упоминалось, почти одного с ним возраста и это делало вечера у Кшесинских равно интересными для них всех.

Однажды Николай задержался у Матильды почти до утра. В эту ночь он сказал, что вскоре должен будет уехать в Германию для сватовства. Он назвал и имя невесты — Алиса Гессенская. И Николай, и Матильда понимали, что их любви придет конец, как только будет сыграна свадьба цесаревича с гессенской принцессой, ибо и Николай был однолюбом, и отец-император никогда не позволил бы своему старшему сыну впасть в распутство, имея жену. Кроме того, Николай был очень честен и прямодушен. Он ничего не скрывал от Матильды и привозил с собою дневники, позволяя читать ей все, что писал он и о ней и об Алисе.

«Мною он был очень увлечен, ему нравилась обстановка наших встреч и меня он безусловно любил, — писала Кшесинская. — Вначале он относился к принцессе как-то безразлично, к помолвке и браку — как к неизбежной необходимости. Но он от меня не скрыл затем, что из всех тех, кого ему прочили в невесты, он ее считал наиболее подходящей и что к ней его влекло все больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение...

Известие о его сватовстве было для меня первым настоящим горем. После его ухода я долго сидела убитая и не могла

потом сомкнуть глаз до утра. Следующие дни были ужасны. Я не знала, что дальше будет, а неведение ужасно.

Я мучилась безумно.»⁴⁵

Когда Николай вернулся, он сказал, что его сватовство кончилось ничем — Алиса отказалась перейти в православие, — а это было непременно условием брака — и помолвка не состоялась.

По возвращении в Петербург все вернулось на круги своя — их любовь вспыхнула с новой силой и оба они старались не думать о неизбежной разлуке.

Так наступило лето 1892 года.

Кшесинские имели небольшую усадьбу — Красницы — в 63-х верстах от Петербурга и лето обычно проводили там. Но в этом году Матильда приезжала в столицу гораздо чаще, чем раньше — к тому вынуждали ее репетиции, а кроме того, в их городской квартире ждали ее письма от Николая, так как они условились, что вся корреспонденция будет посылаться им на квартиру.

Все письма и записочки от Николая Матильда собирала, помногу раз перечитывала, и берегла всю жизнь.

Тем же летом Николай уехал в Данию, а когда возвратился, то узнал, что Матильда вместе с одной из своих сестер — 27-летней Юлией, за которой решительно ухаживал барон Зеддлер, — сняли на Английской набережной двухэтажный особняк, в котором до них жил великий князь Константин Николаевич с балериной Кузнецовой. Дом был прекрасно отделан, а мебель оставалась той же, что и при прежнем его хозяине.

Как только Николай вернулся из Дании сестры Кшесинские устроили новоселье, пригласив множество гостей и получив массу подарков. Николай подарил ей восемь золотых чарок для водки, украшенных драгоценными камнями.

Их роман стал затухать летом 1893 года. Николай все больше и больше любил Алису и не мог разделить себя на две части.

НОВЕЛЛА СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Алиса Гессенская

Теперь же пришла пора познакомиться и с невестой цесаревича.

Младшая дочь Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг IV и герцогини Алисы, чьей матерью была англий-

ская королева Виктория, родилась 25 мая 1872 года. По обычаю лютеранской религии, в которой она была крещена, девочке дали имя Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса, в семейном же обиходе ограничивались лишь первым именем из пяти — Алиса. Когда ей исполнилось девять лет, умерла ее мать и девочку забрала к себе бабушка — Виктория. Английский двор и английская культура произвели на девочку неизгладимое впечатление и оставили глубочайший след в ее душе и мыслях. Когда ей было двенадцать лет, Алиса впервые увидела Петербург, где на свадьбе своей старшей сестры Эллы с великим князем Сергеем Александровичем познакомилась со старшим сыном императора — Николаем. Ему было тогда шестнадцать, и Алиса воспринимала его, как человека намного более зрелого, чем она, о котором можно было лишь мечтать.

2 января 1916 года, вспоминая об этом, она написала Николаю: «32 года тому назад еще детское сердце уже стремилось к тебе с глубокой любовью»⁴⁶. Но в 1894 году, когда Николай поехал в Дармштадт свататься к Аликс, дела для него обстояли не столь благоприятно. Объяснялось это тем, что принцесса с детства отличалась серьезностью, скромностью, застенчивостью, а также глубокой религиозностью с весьма заметным уклоном в мистицизм. Кроме того, она была по-прусски традиционно консервативна, и не хотела изменять своей конфессии, выпавшей ей на долю при рождении.

Всему этому способствовало и то, что, находясь в Вестминстере, при дворе королевы Виктории, Алиса углубилась в теологию и теософию и получила столь основательную богословскую подготовку, что позднее получила степень доктора философии Кембриджского университета. Столь серьезное отношение к вопросам религии сильно мешало гессенской принцессе изменить вероисповедание, переменяв протестантизм на православие. Это обстоятельство и было главным камнем преткновения при ее первых шагах к императорской короне России.

И хотя Николай ей очень нравился, и Алиса могла сознаться себе, что даже любит его, вопрос перемены вероисповедания едва не погубил всего дела.

Однако вскоре Алиса вновь появилась в качестве первой претендентки на руку и сердце цесаревича. Тому немало способствовала жена Сергея Александровича — Элла, сам великий князь, — ее муж и любимый дядя Николая, а из зарубежных доброхотов Аликс — более прочих, германский император Вильгельм.

В результате всего этого было решено отправить 25-летнего цесаревича в Кобург — в надежде на то, что он сам лучше всяких ходатаев сумеет добиться успеха, потому что и ему Алиса очень нравилась, как он говорил, еще с 1889 года.

Сватовство Николая было приурочено к свадьбе герцога Гессен-Дармштадтского Эрнста, брата Эллы и Алисы, и герцогини Саксен-Кобург-Готской Викторин, носившей в семье прозвище «Дукки» — «герцогинюшка».

2 апреля 1894 года цесаревич со священником, духовником своих родителей, протопресвитером И.Л.Янышевым, двумя дядьями, великими князьями — Сергеем и Владимиром — и их женами, а также и с немалой свитой выехал из Петербурга в Кобург.

4 апреля они добрались до места назначения, были прекрасно встречены и размещены в богатых и уютных апартаментах Кобургского замка.

На следующее утро, после кофе, в апартаменты великой княжны Елизаветы Федоровны пришла ее сестра Аликс. Николай записал в этот вечер в своем дневнике: «Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала. Расстались более спокойно»⁴⁷.

7 апреля состоялась свадьба Эрнста и «Дукки». Николай записал в дневнике: «Пастор сказал отличную проповедь, содержание которой удивительно подходило к существу, переживаемого мною вопроса. Мне в эту минуту страшно захотелось посмотреть в душу Аликс!»⁴⁸.

И, кажется, если бы его желание осуществилось, то Николай прочитал бы в ее душе, то, чего ему более всего хотелось — Аликс была готова сказать ему: «Да». Во всяком случае, на следующий день это случилось. «8-го апреля. Пятница. Чудный, незабвенный день в моей жизни, день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс, — записал счастливый жених у себя в дневнике. — После 10 часов она пришла к тете Михен (так звали в семье великую княгиню Марию Павловну Старшую, жену великого князя Владимира Александровича, брата императора Александра III) и после разговора с ней мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась с плеч: какую радость удалось обрадовать дорогих Мама и Папа! Я

целый день ходил, как в тумане, не вполне сознавая, что собственно со мной приключилось!

Вильгельм сидел в соседней комнате и ожидал окончания нашего разговора с дядями и тетями. Сейчас же пошел с Аликс к королеве. (Имеется в виду королева Англии Виктория, которая приехала в Кобург 5 апреля) и затем к тете Мари (сестре императора Александра III, тетке Николая), где все семейство долго на радостях лизалось. После завтрака пошли в церковь тети Мари и отслужили благодарственный молебен... Даже не верится, что у меня невеста. Вернулись домой в 6 1/4. Уже лежала куча телеграмм»⁴⁹.

Среди них было и поздравление от отца и матери Николая. А вслед затем пришло и письмо от отца: «Мой милый, дорогой Ники! Ты можешь себе представить, с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу, мы узнали о твоей помолвке! Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и был уверен в полной неудаче твоей поездки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил. Великая Ему благодарность за Его милость... Теперь, я уверен, ты вдвойне наслаждаешься и все пройденное, хотя и забыто, но, уверен, принесло тебе пользу, доказавши, что не все достается так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает всю твою будущность и всю последующую семейную жизнь!.. Передай твоей милейшей невесте от меня, как я благодарю ее, что она, наконец, согласилась, и как я желал бы ее расцеловать за эту радость, утешение и спокойствие, которые она нам дала, решившись согласиться быть твоей женой! Обнимаю и поздравляю тебя, милый дорогой Ники, мы счастливы твоим счастьем и да благословит Господь вашу будущую жизнь, как благословил ее начало. Твой счастливый, и крепко тебя любящий, Папа»⁵⁰.

Александр III очень любил своего первенца и не хотел хотя бы немного огорчать его малейшей тенью сомнений в правильности сделанного выбора. А сомнения — и очень серьезные, — были.

Дело было в том, что семья Аликс, как и весь Гессенский герцогский род, с 1866 года ставший родом Великих герцогов, нес на себе проклятье тяжелой наследственной болезни — гемофилии. Больные гемофилией страдают повышенной кровоточивостью, которая передается по женской линии, но касается только мужского потомства. Рожденные гессенскими герцогинями сыновья страдали несвертываемостью крови, особенно остро переносимой в детстве и молодости — до 15 —

20 лет. У больного гемофилией даже легкие ушибы вызывают подкожные и внутримышечные кровоизлияния, причем любой ушиб, удаление зуба и даже легкая царапина могли вызвать неостановимое кровотечение, грозящее смертью. В доме гессенских герцогов насчитывали несколько таких случаев и прекрасно понимали, какую страшную ответственность берут они на себя, соглашаясь на брак принцессы Алисы с наследником российского престола.

Но, твердо веря в Бога и, надеясь на промысл Божий, и родители Николая, и он сам, уповали на то, что их минет чаша сия. И потому все последующие дни до самого отъезда Николай купался в счастье. С разрешения тетки Марии он переехал из замка в маленький домик, стоявший в саду той виллы, где жила его невеста, что позволяло ему видеться с Аликс гораздо чаще и намного дольше, чем раньше. Единственно, что чуть-чуть омрачало будни счастливого жениха — Великий пост, ибо шла Страстная неделя, приближалась Пасха, а он не мог нарушить поста, зато восполнял эти неудобства другими радостями — катался с невестой в шарабане, собирал с нею в лесу грибы и цветы, не пропускал ни одного визита к своей новой бабушке (Виктории).

20 апреля Аликс уехала вместе с Викторией в Англию, а Николай на следующий день уехал в Россию, поставив на стол в своем купе фотографию невесты, окружив портрет цветами...

После того, как 7 апреля 1894 года было официально объявлено о помолвке, Николай больше ни разу не приехал к Матильде, но разрешил ей обращаться к нему в письмах на «ты», и обещал помогать, если у нее возникнет необходимость в его помощи.

Этому правилу он не изменил ни разу. А далее произошло вот что. «В моем горе и отчаянии я не осталась одинокой. Великий князь Сергей Михайлович, с которым я подружилась с того дня, когда наследник впервые привез его ко мне, остался при мне и поддержал меня. Никогда я не испытывала к нему чувства, которое можно было бы сравнить с моим чувством к Никки, но всем своим отношением он завоевал мое сердце, и я искренне его полюбила.»

Что же касается Николая, то он оказался таким же однолюбом, как и его отец. После помолвки и до самой смерти он сохранил своей жене совершеннейшую, ничем не запятнанную, верность.

Вернувшись в Петербург, Николай не находил себе места из-за разлуки с Аликс. Он начал писать ей еще в поезде и по приезде продолжал писать каждый день. Невеста отвечала ему тем же.

С начала лета разлука оказывается для Николая совершенно невыносимой, и он просит у отца позволения поехать в Англию, где гостит у своей бабушки его любовь. Александр не может противиться и разрешает Николаю отправиться в Лондон на паровой императорской яхте «Полярная звезда». 3 июня яхта вышла из Кронштадта и на пятые сутки вошла в устье Темзы.

Встретившись в тот же день с Аликс и своими новыми английскими родственниками, Николай снова испытал то счастье, с которым расстался в Кобурге. С каждым днем ощущение безграничного счастья становилось все сильнее: ведь оба они были молоды, здоровы, богаты: они любили друг друга, верили, что впереди их ждет безоблачное счастье и большая, дружная семья, к которой оба они так стремились. И потому обыкновенные прогулки, катания на лодках, чтение книг на садовых скамейках, маленькие пикники, экскурсии по окрестным замкам (в общем-то тот же самый круг удовольствий и развлечений, какой мог позволить себе любой состоятельный англичанин) наполняли их радостью и счастьем.

И даже обязательные из-за их статуса придворные церемонии, не делали их менее счастливыми. Все чаще и чаще засиживался Николай по вечерам у своей невесты и всякий раз мог бы написать в дневнике то, что написал лишь однажды — 5 июля: «Умираю от любви к ней!»

А теперь почитайте, что писала в дневнике своего жениха, по-немецки и по-английски тоже умирающая от любви Аликс.

Первая запись была оставлена ею в дневнике жениха вечером 20 июня, когда Аликс расставалась с ним:

«Чу, дорогой мой! Покойно дремли.
Ангелы Святые охраняют твою постель.
Благословления неба без числа
Нежно спускаются на голову твою...
Лучше, лучше с каждым днем...»

21 июня Аликс приписала: «С беззаветной преданностью, которую мне трудно выразить словами».

29 июня:

«Есть нечто чудесное
В любви двух душ,

Которые сливаются воедино,
И ни единой мысли не таят друг от друга.
Радость и страдания, счастье и нужду
Переживают они вместе,
И от первого поцелуя до последнего вздоха
Они поют лишь о любви друг к другу.»

4 июля Аликс написала: «Мой бесценный, да благословит и хранит тебя Господь! Никогда не забывай ту, чьи самые горячие желания и молитвы — сделать тебя счастливым». А на следующий день — 5 июля — Аликс нарисовала сердце и написала: «Есть дни и минуты, бросающие свет на долгие годы».

И затем приписала: «Ты, ты, ты, ты».

6 июля появилась еще одна надпись: «Мне снилось, что я любима, и, проснувшись, убедилась в этом наяву и благодарилась на коленях Господа. Истинная любовь — дар Божий (с каждым днем все сильнее, глубже, полнее и чище».

Но 8 июля исполнился месяц, как Николай появился в Англии, и разлука неотвратимо приближалась. В этот день Аликс вписала в «Дневник цесаревича» необычно длинное обращение к своему жениху:

«Мой дорогой мальчик, никогда не меняющийся, всегда преданный. Верь и полагайся на твою девочку, которая не в силах выразить словами своей глубокой и преданной любви к тебе. Слова слишком слабы, чтобы выразить мою любовь, восхищение и уважение, — что прошло, то прошло и никогда не вернется, и мы можем спокойно оглянуться назад, — мы все на этом свете поддаемся искушениям и в юности нам трудно бывает бороться и противостоять им, но как только мы раскаиваемся и возвращаемся к добру и на путь истины, Господь прощает нас. «Если мы каемся в наших грехах. Он милостив и нас прощает.» Господь прощает кающихся. Прости, что я так много пишу, мне хотелось бы, чтобы ты был во мне вполне уверен и знал, что я люблю тебя еще больше после того, что ты мне рассказал. (Судя по контексту, Николай рассказал о своих немногочисленных привязанностях, случавшихся с ним до помолвки, как это почти всегда бывает с чистосердечными и глубоко порядочными молодыми людьми). Твое доверие меня глубоко тронуло, и я молю Господа быть всегда его достойной. Да благослови тебя Господь, бесценный Ники!» Конечно же, Алиса вписывала в его дневник эти пылкие и нежные признания, зная, что он будет перечитывать их, когда вернется без нее в Россию и они станут ее поддержкой и постоянным напоминанием о ней и ее любви.

До отхода «Полярной звезды» оставалось три дня. И за эти дни Аликс написала: «Бьют часы на крепостной башне и напоминают нам о каждом преходящем часе, но время, вдаль уходящее, пусть не смущает нас, ибо время может уходить безвозвратно, но любовь остается; я ощущаю, как ее поцелуи горят на моем разгоряченном лбу. Если нам суждена разлука, о, зачем же сейчас? Не сон ли это? Тогда пробуждение будет страданием, не буди меня, дай мне дальше дремать».

В последний вечер, перед предстоящей назавтра разлукой, 10 июля, Аликс написала: «Всегда верная и любящая, преданная, чистая и сильная, как смерть».

А когда 11 июля они в последний раз переправились через реку на пароме, и Николай стал записывать о том, что случилось с ними в этот день, Аликс написала последние фразы: «Любовь поймана, я связала ее крылья. Она больше не улетит. В наших сердцах всегда будет петь любовь»⁵¹.

Потом, став уже женой и императрицей, Александрой Федоровной, она также будет вписывать в его дневник короткие признания в любви, а когда они будут в разлуке, то Николай станет вписывать в дневник слова из ее писем к нему. И так будет всю их жизнь.

Через три дня «Полярная звезда» пришла в Копенгаген, где Николая встретили дед и бабушка — родители его матери, и после трех дней, проведенных в объятиях датских родственников, тихим воскресным вечером, цесаревич отправился домой.

19 июля он высадился в Петергофе и поселился в уютном коттедже на берегу моря.

И в это же самое время в семье императора произошло еще одно событие: 19-летняя великая княгиня Ксения Александровна была выдана за своего двоюродного дядю — 28-летнего великого князя Александра Михайловича.

Их любовная история началась за восемь лет перед тем.

В 1886 году 20-летний мичман, великий князь Александр Михайлович, отправился в трехлетнее кругосветное плавание на корвете «Рында». Оказавшись впервые у себя в каюте, он достал из кармана маленький конверт и вынул из него фотографию 11-летней девочки. Полубоившись на ее изображение, он перевернул фото и прочел надпись: «Лучшие пожелания и скорейшее возвращение. Твой моряк Ксения». Это была дочь императора Александра III, его двоюродная племян-

ница, которая, несмотря на весьма юный возраст, уже испытывала к нему очень нежные и настолько же чистые чувства. Дядя отвечал ей полной взаимностью. Когда он в 1889 году вернулся в Петербург, Ксении было уже 14 лет и ее чувство стало более осознанным и еще более прочным.

В это же время Александр Михайлович сделал и первые крупные успехи в службе — от командира миноносца «Ревель» до командира отряда в двенадцать миноносцев. Причем успехи его пришли к нему не в Гвардейском Экипаже, и не в Главном морском Штабе, а на службе в открытом море.

В январе 1893 года один из самых современных русских крейсеров «Дмитрий Донской» должен был идти в Соединенные Штаты. — «страну моей мечты», — как писал потом Александр Михайлович, — и он решил попросить у Александра III перевода на этот корабль. Однако, прежде чем он решился на аудиенцию, они договорились с Ксенией, чтобы он заодно попросил бы у императора и ее руки.

Александр неожиданно быстро согласился, просив только подождать еще один год, так как Ксении было всего 17 лет. Молодые были счастливы, и жених отправился в Америку со спокойным сердцем.

Возвратившись из США, где он провел около года, великий князь получил согласие на женитьбу и в июле 1894 года в Петергофском дворце молодые сыграли свадьбу.

А на третий день они поехали в Крым, где на мысе Ай-Тодор, неподалеку от Ялты, их ждал сверкающий чисто промытыми окнами, заново отреставрированный, вычищенный и вылизанный, забитый винами и яствами дворец Александра Михайловича, в котором им предстояло провести медовый месяц.

НОВЕЛЛА СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Болезнь и смерть Александра III

Первое, о чем очень хотел узнать Николай, — здоровье отца. Сначала он испугался, не увидев его среди встречавших, и подумал, что отец лежит в постели, но оказалось, что все не так страшно — император уехал на утиную охоту и не успел вернуться к ужину. Однако вскоре Александру III стало настолько нехорошо, что из Москвы приехал на консультацию профессор Г.А.Захарьин — один из лучших терапевтов-диагностов России, возглавлявший клинику медицинского факультета Московского университета. На сей раз старик За-

харьин оказался не на высоте — он сказал, что ничего серьезного нет и болезни поможет сухой климат Крыма. Успокоенный император, к тому же никогда не придававший значения советам врачей, решил вместо Крыма отправиться в любимые свои охотничьи места — Беловежье и Спалу. Не трудно догадаться, что царские охоты отличались от санаторного режима Ливадии — и загонщики, и егеря, и свита, и августейшие охотники вставали ни свет ни заря и в любую погоду выходили в лес или в поле. Охота на зайцев сменялась охотой на оленей, а гон на кабанов и косуль перемежался засадами на куропаток, уток, фазанов и гусей. Обеды у костров, купание коней, многочасовые походы под солнцем и дождем требовали отличного здоровья. А на сей раз этого не было — мало того, что сам император почувствовал себя плохо, занедужил и 23-летний великий князь Георгий. Он был болен туберкулезом, но несмотря на это, отец вызвал сына из Абас-Тумана, — его крымского имени. 15 сентября, по настоянию родных в район охоты приехал знаменитый берлинский профессор Лейден и тотчас же констатировал острое воспаление почек — нефрит. Лейден категорически настоял на перемене климата и вся семья — а на охоте были и все женщины — отправилась в Крым.

21 сентября приехали в Севастополь и, перейдя на яхту «Орел», в тот же день высадились в Ялте. А как только достигли Ливадии, то Александр сразу же занялся интенсивным лечением. Однако уже через неделю у больного опухли ноги, днем он подолгу спал, часто принимал соленые ванны, и, когда процедуры прерывались, то у его постели появлялись все новые и новые доктора.

Вскоре их было уже полдюжины.

В начале октября царь уже не всегда выходил к завтраку, его все чаще одолевала сонливость и он поручил чтение бумаг цесаревичу.

А цесаревич, окунувшись в государственные дела, более, чем об этой, внезапно свалившейся на него докуче, думал о своей Аликс, с нетерпением ждал от нее писем, и хотя получал их почти каждый день — а то и по два-три в сутки — разрывался между жалостью к больному отцу и непреодолимым страстным желанием видеть свою невесту.

8 октября в Ливадию прибыл отец Иоанн Кронштадтский — известнейший в России «молитвенник за больных», слышавший чудотворцем-исцелителем. Приезд его дал понять, что дела Александра обстояли плохо и уповать на медицину уже нельзя — требуется вмешательство не земных сил, но — небесных.

Вместе с отцом Иоанном приехали братья царя — Сергей и Павел, великие княгини Александра Иосифовна и Мария Георгиевна, сын Ольги Константиновны — греческий принц Христофор.

На следующий день протонерей Янышев приобщил больного, и тогда же в Ливадию пожаловали брат царя — Владимир и великая княгиня Мария Павловна Младшая — жена шведского принца Вильгельма. Все эти гости ни у кого из обитателей Ливадии не вызвали никакой радости. Не на праздник они ехали — на поминки. И хотя Александр был еще жив, но тень смерти уже витала над Ливадией.

Утром 10 октября Николай поехал в Алушту, куда вскоре же приехали из Симферополя его любимая тетка Элла и с нею — Аликс. Ее приезд внес оживление и радость в печальную атмосферу Ливадии, а Николай почувствовал, что рядом появился человек, который готов разделить надвигающееся на него страшное горе.

15 октября Аликс написала ему в дневник: «Дорогое дитя! Молись Богу. Он поможет тебе не падать духом, Он утешит тебя в твоём горе. Твое Солнышко молится за тебя и за любимого больного». А чуть ниже, в тот же день, следовала другая запись: «Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко. Будь стойким и прикажи доктору Лейдену и другому — Г. (имеется в виду еще один врач — Грубе) приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом, ты обо всем всегда будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его делать то, что нужно. И если доктору что-либо нужно, пусть приходит прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты — любимый сын Отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!»⁵².

Эта запись в дневнике Аликс не просто многозначительна. Она — символична. В ней — то направление, та тональность и та позиция, которая на долгие годы впредь будет характерной для их взаимоотношений: забота о нем и его делах и тревога за него будут постоянными спутниками жизни Аликс, главным смыслом и доминантой ее существования. Власть «для себя» она никогда не хотела, хотя и обладала достаточно сильным характером. Но не только сила характера была присуща Аликс. Появившаяся на свет в дармштадтском захолустье и

выросшая в блистательном имперском Виндзоре, Аликс на всю жизнь сохранила двойственность натуры: она была до болезненности застенчива, но статус императрицы в целом ряде случаев не позволял ей выявлять это качество, принимаемое за робость и нерешительность, а то и трусость; она очень трудно сходилась с незнакомыми людьми, а придворные церемонии чуть ли не всякий раз обязывали ее представляться многочисленным визитерам — иноземным министрам, дипломатам, дальним и не очень дальним, но почему-либо еще незнакомым ей родственникам, знаменитостям разного рода — от выдающихся ученых до знаменитых гастролеров — и каждый из них мог расценивать это за чопорность, холодность или даже оскорбительное невнимание.

Она была домоседка и истая затворница, и оттого круг ее друзей был очень узок, а при дворе воспринимали это, как непомерную гордыню, чуть ли не манию самовлюбленности, если не ксенофобию. Эти же качества превращали, — особенно на первых порах — ее будущего мужа не просто в самого близкого ей человека, но почти в единственного своего, по-настоящему родного, хотя рядом с ней была и любимая ею сестра Элла, тянувшаяся к младшей своей сестре еще и потому, что у нее не было детей, а отношения с мужем, как мы знаем, тоже были более чем своеобразными.

Попадая на публику, Аликс из-за застенчивости внутренне подбиралась, холодела нравом, отчего и лицо ее и взгляд становились холодными и отчужденными, что конечно же не располагало людей в ее пользу.

А между тем императору становилось все хуже и хуже. 17 октября он повторно причастился, на сей раз у отца Иоанна Кронштадтского, получил отпущение грехов. В этот печальный день Аликс записала в дневник Николая: «Говори мне обо всем, душки. Ты можешь мне вполне верить; смотри на меня, как на частицу тебя самого. Пусть твои радости и печали будут моими, и это нас еще более сблизит. Мой единственный любимый, как я люблю тебя, дорогое сокровище, единственный мой! Душки, когда ты чувствуешь себя упавшим духом и печальным, приходи к Солнышку, она постарается тебя утешить и согреть своими лучами. Да поможет Бог!»⁵³

Они все еще надеялись, хотя Александр был уже совсем плох. Иоанн Кронштадтский рассказывал потом, как увиделся он с Александром III в его последние дни жизни. Царь встретил его, стоя в накинутой на плечи шинели, и сердечно поблагодарил за то, что отец Иоанн приехал к нему. Потом они вместе во-

шли в соседнюю комнату и встали на молитву. Царь молился с необычайно глубоким чувством. Столь же искренний был он и при причащении, и в последние часы жизни. Когда 20 октября Иоанн пришел к умирающему, сидевшему в глубоком кресле, поднялась буря, море стонало от волн и Александру от всего этого было очень скверно. Он попросил отца Иоанна положить руки ему на голову, и когда священник сделал это, больному вроде бы полегчало и он сказал:

— Мне очень легко, когда вы их держите.

А потом произнес:

— Вас любит русский народ, любит, потому что знает кто вы и что вы.

И вскоре после этих слов он откинул голову на спинку кресла, и тихо, без агонии, умер. Смерть наступила в четверть третьего дня 20 октября 1894 года.

Императрица, наследник с невестой, и все его дети стояли возле него на коленях и тихо плакали. Тем же вечером Николай записал: «Боже мой, Боже мой, что за день. Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели около него. Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3-го он причастился Святых тайн, вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал. Отец Иоанн больше часа стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама! Вечером в 9 1/2 была панихида — в той же спальне! Чувствовал себя, как убитый. У дорогой Аликс опять заболели ноги»⁵⁴.

И все же даже в день смерти отца последняя фраза — о «дорогой Аликс», у которой вдруг «заболели ноги...»

Однако еще один гораздо более многозначительный факт не записал наследник престола в свой дневник. Когда Александр умер, то Николай, рыдая, обратился к другу детства и юности великому князю Александру Михайловичу: «Сандро, что я буду делать? Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей, и даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!»⁵⁵

Александр III пять дней лежал в Ливадийском дворце. 25 октября его тело перенесли в Большую Ливадийскую церковь, а оттуда через двое суток гроб императора перенесли на борт крейсера «Память Меркурия», который после полудня доста-

вил его в Севастополь, где уже стоял траурный поезд. 30 октября поезд подошел к Москве и гроб с телом Александра III под звон колоколов, мимо десятков тысяч стоящих на коленях москвичей, привезли в Архангельский собор Кремля, а на следующий день, после непрерывных служб, снова провезли на вокзал, и оттуда — в Петербург.

Здесь, 1 ноября 1894 года, в 10 часов утра от Николаевско-го вокзала к Петропавловской крепости двинулась необычайно пышная погребальная процессия.

В официальном отчете указывалось, что эта процессия была разбита на 12 отделений, в каждом из которых было по 13 разрядов. Всего, таким образом, этих разрядов было 156. Впереди процессии несли 52 знамени и 12 гербов. А между знаменами и гербами двигались два латника. Один из них — светлый, в золотых латах, ехал на коне, опустив обнаженный меч, — другой, — в черных латах, в черном плаще, с черным тюльпаном, — шел пешком, символизируя бесконечную скорбь. Затем шли депутаты земель и городов, сановники и министры, за которыми несли государственные мечи, 57 иностранных, 13 русских орденов и 12 императорских регалий. А следом шла духовная процессия — в светлых облачениях, с хоругвями, крестами и иконами.

И лишь потом ехала погребальная колесница, за которой шли безмерно опечаленные жена, сын и невестка покойного. За ними следовали, строго по субординации, другие члены императорской фамилии. И, конечно же, взоры всех собравшихся, были направлены прежде всего на нового императора и его невесту. Алиса шла бледная, с опущенными глазами, и черное траурное платье и черная косынка еще более подчеркивали ее бледность.

А люди, глядя на свою новую повелительницу-императрицу, которая в первый раз шла по улицам Петербурга, оказавшись сразу же у гроба, шептали друг другу, что это не к добру, и невеста в черном принесет им всем несчастье.

Процессия останавливалась для совершения коротких служб у Знаменской церкви, у Аничкова дворца, у Казанского собора, у Немецкой и Голландской церквей и у Исаакиевского собора. Наконец, в 2 часа дня гроб внесли в Петропавловский собор.

Похороны Александра III, вместе с тем, отличались великой сумятицей и неразберихой, когда депутации перепутали свои места в похоронной процессии, а участники ее напоминали не огорченных потерей государя верноподданных, а некое маскарадное шествие, в котором празднично болтающие без-

дельники идут, нарядившись в рясы священников, в военные мундиры и другие разнообразные одежды.

Оставив гроб в Петропавловском соборе, царская семья отправилась в Аничков дворец, где еще шесть дней провела в панихидах по умершему и подготовке погребения. Задержка объяснялась тем, что в Петербург приехали еще не все заграничные родственники, и когда они в конце-концов собрались, 7 ноября состоялась архиерейская служба, закончившаяся отпеванием и погребением.

Так завершились последние в истории России царские похороны, и выходявшие из собора вдовствующая императрица Мария Федоровна, Николай и Александра Федоровна, никак не могли представить, что в этот день здесь похоронен последний император, а их могилы будут не рядом с ним, а в тысячах верст и от него и друг от друга...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Палеолог М. Александр II и Екатерина Юрьевская. -- Пг. -- М., 1924. -- С.187.
- 2 Там же. -- С.188.
- 3 Смена. -- 1991. -- № 3. -- С.157.
- 4 Там же. -- С.158.
- 5 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. -- М., -- 1991. -- С.54-55.
- 6 Тихомиров Л. Конституционалисты в эпоху 1881 года. -- М., -- 1895. -- С.99.
- 7 Колосов А. Александр III, его личность, интимная жизнь и правление. -- Лондон, -- 1907. -- С.35-36.
- 8 Голос минувшего. -- 1917. -- № 5-6. -- С.96-100.
- 9 Рождественский С.В. Исторический очерк деятельности министерства народного просвещения. -- СПб., -- 1909. -- С.641.
- 10 РБС. «Ибак-Ключарев». -- СПб., -- 1897. -- С.559.
- 11 ПСЗ. -- СПб., -- 1885. -- Т.1. -- № 118. -- С.54.
- 12 Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. -- М., -- 1970. -- С.64-65.
- 13 Цебрикова М.К. Библиотека «Светоча». -- №26. -- С.1-48.
- 14 Боханов А.Н. Сумерки монархии. -- М., -- 1993. -- С.20-21.
- 15 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. -- Белград, -- 1939. -- Т.1. -- С.41.
- 16 Власов Ю.П. Огненный крест. -- М., -- 1991. -- Ч.1. -- С.21.
- 17 К.П.Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. -- М., Л., -- 1923. -- С.233-234.
- 18 Кошн А.ф. На жизненном пути. -- Ревель-Берлин, 1922. -- Т.3. -- Ч.1. -- С.21-22.
- 19 Чапцев И.А. Скобелев как полководец. 1881-1882. СПб., 1883. С.140-141.
- 20 Цит. по: Император Александр III. -- СПб., -- 1894. -- С.288-290.
- 21 Шолохов А.Б. Загадка смерти генерала Скобелева. -- М., -- 1992. -- С.48-50.

- 22 Каторга и ссылка. — 1930. — №10. — С.138-139.
- 23 Жизнь как факел. — М., — 1966. — С.391.
- 24 Первое марта 1887 года. — М., — Л., — 1927. — С.373.
- 25 Поляков А.С. Второе 1-е марта. — М., — 1919. — С.54.
- 26 Там же. — С.55.
- 27 Василевский И.М. Николай II ч.; — М., — 1923. — С.36-37.
- 28 Кшесинская М. Воспоминания. — М., — 1992. — С.28.
- 29 Дневник императора Николая II. — М., — 1991. — С.36-37.
- 30 Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток, — СПб., — 1893. — Т.1. — Ч.2. — С.44,46.
- 31 Там же. — С.47.
- 32 Там же. — С.195.
- 33 Там же. — С.199.
- 34 Там же. — Ч.3. — С.33.
- 35 Там же. — Ч.4. — С.63.
- 36 Там же. — С.136.
- 37 Там же. — Т.3. — С.146-147.
- 38 Там же. — Т.3. — Ч.6. — С.127.
- 39 Там же. — С.132.
- 40 Там же. — С.133.
- 41 Там же.
- 42 Там же. — С.247.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Кшесинская М. Воспоминания. — М., — 1992. — С.38.
- 46 Переписка Николая и Александры Романовых. — М., — Л., — 1926. — Т.4. — С.8.
- 47 Дневник императора Николая II. 1890-1906. — М., — 1991. — С.46.
- 48 Там же. — С.47.
- 49 Там же. — С.47-48.
- 50 Боханов А.Н. Сумерки монархии. — М., — 1993. — С.55.
- 51 Дневник императора Николая II. — М., — 1991. — С.61-71, 285-286.
- 52 Там же. — С.85, С.287.
- 53 Там же. — С.86, С.287.
- 54 Там же. — С.87.
- 55 Ферро М. Николай II. — М., — 1991. — С.7.

Глава четырнадцатая

НИКОЛАЙ II

НОВЕЛЛА СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Печальная свадьба

Приехавшие из разных стран многочисленные августейшие родственники, похоронив императора-отца, тут же стали перестраиваться на новый лад, ибо ровно через неделю после погребения должна была состояться свадьба императора-сына.

Николай, конечно же, как и всякий молодой влюбленный, сторал от нетерпения поскорее соединиться с молодой, красивой и тоже очень любящей его невестой, но вместе с тем три траурных недели не могли не произвести на него самого удручающего впечатления, ибо он горячо и искренне любил своего отца, сильно жалел мать, с которой при воспоминаниях о покойном случались даже и обмороки.

Иноземные принцы и принцессы, ожидавшие свадьбу, невольно раздражали Николая, ибо трудно было представить себе более нелепую ситуацию, когда в полном смятении чувств из-за только что случившейся смерти горячо любимого отца, нужно было заниматься приготовлениями к свадьбе. Николай-христианин, любящий сын и хорошо воспитанный человек, не мог не понимать нелепой противоречивости и одиозности создавшегося положения, и все же, на седьмой день после похорон, в понедельник, 14 ноября 1894 года наступил день свадьбы.

Вот что написал об этом в дневнике Николай: «После общего кофе пошли одеваться: я надел гусарскую форму и в 11 1/2 поехал с Мишей (Младшим братом) в Зимний. По всему Невскому стояли войска для проезда Мама с Аликс. Пока совершался ее туалет в Малахитовой, мы все ждали в Арабской комнате.

В 10 мин. первого начался выход в Большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком! Шаферами у меня были: Миша, Джорджи и Сергей. В Малахитовой нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мною в карету с русской упряжью с форейто-

ром, и мы поехали в Казанский собор. Народу на улицах было пропасть — едва могли проехать! По приезде в Аничков на дворе встретил почетный караул от ее (Аликс) Лейб-Гвардии Уланского полка. Мама ждала с хлебом-солью в наших комнатах. Сидели весь вечер и отвечали на телеграммы. Обедали в 8 часов. Завалились спать рано, так как у нее сильно разболелась голова»¹.

А о чувствах своих, нахлынувших на него в день свадьбы, Николай чуть позже рассказал в письме к родному брату Георгию: «День свадьбы был ужасным мучением для нее и меня. Мысль о том, что дорогого беззаветно любимого нашего Папа не было между нами и что ты далек от семьи и совсем один, не покидала меня во время венчания: нужно было напрячь все свои силы, чтобы не разреветься тут в церкви при всех. Теперь все немного успокоилось — жизнь пошла совсем новая для меня... Я не могу достаточно благодарить Бога за то сокровище, какое он мне послал в виде жены. Я неизмеримо счастлив с моей душкой Аликс и чувствую, что также счастливо доживем мы до конца жизни нашей»².

Через десять дней после свадьбы Николай записал: «Каждый день, что проходит, я благословляю Господа и благодарю его от глубины души за то счастье, каким он меня наградил! Большого или лучшего благополучия на этой земле человек не вправе желать. Моя любовь и почитание к дорогой Аликс растет постоянно»³.

Пройдет двадцать лет и Николай напишет почти то же: «Не верится, что сегодня двадцатилетие нашей свадьбы! Редким семейным счастьем Господь благословил нас; лишь бы суметь в течение оставшейся жизни оказаться достойным столь великой Его милости»⁴.

А сейчас вернемся к первым дням царствования, когда Николаю следовало ответить на два вопроса: какой будет его внутренняя политика? и какой будет его внешняя политика? ибо роль самодержавного монарха в их определении трудно было переоценить.

Рассказывая о дне свадьбы и в дневнике и в письме к Георгию, Николай упустил один момент, который петербуржцы посчитали весьма многозначительным: увидев на Невском шпалеры войск, он приказал им вернуться в казармы и именно потому царская карета с трудом проезжала сквозь обступившую ее огромную толпу. Александр III так не поступал, и это расценили, как красивый и смелый жест нового императора.

Однако вскоре Россия убедилась, что ни о каких существенных переменах не может быть и речи.

17 января 1895 года, обращаясь к депутатам земств, Николай сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель». Это заявление и в России, и за границей было расценено, как твердое намерение нового императора продолжать политику предыдущего царствования.

Что же касается политики внешней, то здесь дело обстояло по-другому. В какой-то мере под влиянием незабываемых впечатлений от своего путешествия на Восток и не без влияния Э.Э.Ухтомского, Николаю импонировала мысль перенести центр тяжести русской внешней политики из Европы в Азию. Квинтэссенция идеи Ухтомского, считавшего Азию и ее народы близкими по духу и складу характера народам России, выражалась им следующим образом: «Для Всероссийской державы нет другого исхода, — или стать тем, чем она от века призвана быть — мировой силой, сочетающей Запад с Востоком, — или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе подавит нас в конце концов своим внешним превосходством, а азиатские народы, не нами побужденные, будут еще опаснее, чем западные иноплеменники»⁵. Стало быть, задача состояла в том, чтобы азиатские народы побуждались к новой жизни Россией, и главным своим союзником в этом Николай видел Китай. В ближайшие же годы русские получили в аренду на 25 лет гавань Ляйтунь, вскоре превращенную в военно-морскую базу и крепость Порт-Артур, связанную с Россией построенной в Северо-Восточном Китае железной дорогой — КВЖД. Интенсивно строилась и Великая Транссибирская магистраль, стратегическое значение которой приобретало в контексте русских намерений на Дальнем Востоке первостепенное значение.

Политика России в Европе оставалась без существенных перемен: балансирование между Англией, Австро-Венгрией и Германией с одной стороны, и все более укрепляющееся сотрудничество с Францией — такими были ее главные ориентиры. Разумеется, что традиционными сферами интересов России оставались Балканы, Турция, и тесно связанный с этим вечный вопрос о Черноморских проливах. И хотя до начала Первой Мировой войны оставалось еще 20 лет, именно из-за этих вопросов — столь же вечных, сколь и больших —

она и началась, приведя в конце концов к краху трех европейских империй.

Но пока еще до этого было далеко, а положение в России было спокойнее и устойчивее, чем когда-либо: здоровая финансовая система; самая большая в мире армия, правда, давно уже не воевавшая, и почивающая на лаврах своих исторических побед, но все равно грозная и сильная; вырастающий прямо на глазах огромный современный военно-морской флот; хотя и рутинное, но вполне дееспособное чиновничество; набирающая силу промышленность; признанные всем цивилизованным миром наука и искусство — вот что мог записать в свой актив молодой император.

И хотя у каждой из этих категорий были и свои оборотные стороны, русские люди были преисполнены надежд, что их ожидает счастливое будущее, достойное великой страны.

Спустя три года, когда в России была проведена первая Всеобщая перепись населения, Николай узнал, что под его скипетром находится 128 миллионов подданных. Николай, как и все российские граждане, тоже отвечал на вопросы переписи, и когда прочитал вопрос шестой: «Сословие, состояние, или звание», то ответил: «Хозяин земли русской». Но этот ответ он дал спустя полтора года после акта коронации, а в то время, о котором здесь идет речь — в начале 1895 года — он еще не прошел коронации, и хотя уже чувствовал себя «хозяином земли русской», но ощущение это было неполным, ибо его союз с Землей Русской еще не был освящен Богом.

НОВЕЛЛА СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Венчание на царство

Последняя в истории России коронация стала самой пышной и самой дорогой.

По смете, составленной Комиссией по проведению коронационных торжеств, возглавляемой великим князем Сергеем Александровичем, расходы предусматривались в сумме 110 миллионов рублей. Но истрачено было еще больше.

Торжества были рассчитаны на три недели и должны были проходить в Москве с 6 по 26 мая 1895 года.

Еще до начала торжеств, в разукрашенную, принаряженную, вычищенную, прибранную Москву стали съезжаться многие тысячи гостей. Здесь был и «весь Петербург», делегации из всех мест, по которым проехал Николай от Владивостока до Царского Села, делегаты из Средней Азии и с Кавказа, а также многочисленные представители из-за границы. На коронацию приехала королева Греции Ольга, три великих

герцога, два владетельных князя, двенадцать наследных принцев, шестнадцать принцев и принцесс. Три православных патриарха — Антиохийский, Иерусалимский и Александрийский, а папа Римский и архиепископ Кентерберийский послали своих епископов. Китайскую делегацию возглавлял старый знакомый Николая — генерал-губернатор Кантона, один из крупнейших политических деятелей страны Ли-хан Чжан.

На торжествах коронации было аккредитовано рекордное для того времени число русских и иностранных репортеров — более двухсот. И здесь же впервые в истории России появились операторы-кинематографисты, присланные изобретателями кино французами братьями Люмьер, для того чтобы снять документальный фильм о предстоящем событии.

Тверская улица, по которой должен был следовать в Кремль император, была украшена триумфальными арками, колоннами, обелисками, легкими павильонами, мачтами с развевающимися флагами. С балконов и из окон домов свисали ковры, шелковые и парчовые ткани. По стенам домов, по столбам и колоннам вились гирлянды зелени и цветов. К ночи вспыхивала грандиозная электрическая иллюминация, превращавшая Кремль в огромный сказочный сверкающий ковчег, будто парящий над Москвой-рекой.

Иллюминирован был и храм Христа Спасителя, и Исторический музей, и здание Верхних Торговых рядов — нынешний ГУМ, — в которых тогда помещалось около тысячи магазинов.

Николай приехал в Москву 6 мая — в свой день рождения. По традиции он провел три первых дня в Петровском дворце, а 9 мая состоялся торжественный въезд в Кремль. Все пространство от Петровского парка до Кремля было заполнено сотнями тысяч людей, занявших места вдоль Царской дороги с вечера 8 мая.

Под деревьями парка расположились живописные группы людей, а с раннего утра 9 мая по Тверской и по бульварам потекла непрерывная кавалькада экипажей и всадников, двигавшихся к Петровскому дворцу. В журнале «Всемирная иллюстрация» об этом сообщалось так: «Блестящие мундиры, сияющие каски, треугольные шляпы с плюмажем, роскошные халаты представителей Азии — все это очень эффектно выглядело при ярком освещении. Народ с видимым удовольствием и с выражением серьезного достоинства на лицах встречал и рассматривал съехавшихся в таком обилии иностранных гостей, гордясь таким проявлением уважения к нам со стороны всего света. К 12 часам все переулки, ведущие к

Тверской, были затянуты канатами и запружены массой народа. Войска стали шпалерами по сторонам улицы. Из каждого окна дома московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, выглядывала масса зрителей; тут были и блестящие мундиры английских адмиралов, и испанцы, и японцы и китайцы, и красивые французские кавалерийские офицеры в блестящих, золоченых, на манер древнегреческих, шлемах с развевающимися позади конскими хвостами. Весь длинный балкон был занят множеством изящнейших дам высшего света в роскошных белых туалетах и шляпах».

В полдень грянули девять пушечных залпов и навстречу императору из Кремля в Петровский дворец выехал со свитой великий князь Владимир Александрович, и только в половине третьего новые залпы и сплошной колокольный звон известили, что царь выехал в Кремль. Около пяти часов на Красную площадь въехал сначала передовой взвод полевой жандармерии, а за ним Собственный Его Величества Конвой, и затем последовательно: золотые кареты сенаторов, скороходы, арапы, кавалергарды, бухарский эмир и хивинский хан со свитами и телохранителями, и снова кавалергарды. И только после них, накатом, все приближаясь, загрело «Ура!» стоявших вдоль Тверской полков, грянули оркестры и на белом арабском скакуне проехал император молодой, торжественный и чуть уставший.

Следующие пять дней пролетели, как один сплошной праздник, когда приемы иностранных делегаций следовали с утра и до вечера. Наконец, 14 мая наступил день Священного Коронования. Сановники и знать начали съезжаться в Кремль с семи часов утра.

В девять часов, открывая церемониальный выход, первой появилась на Красном Крыльце вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она шла в пурпурной мантии с большим двуглавым орлом, вышитым на спине, и в сверкающей бриллиантовой короне, под большим золотым балдахином. За нею, широкой желтой рекой, хлынули придворные в расшитых золотом генеральских и камергерских мундирах.

Императрица прошла в Успенский собор, а еще через полчаса с Красного Крыльца сошел взвод кавалергардов, зазвучали фанфары и трубы и под стотысячное «Ура!» заполнивших Кремль солдат, офицеров, горожан и гостей, сопровождаемые министрами, членами Государственного Совета и Сената вышли Николай II и Александра Федоровна и также под золотыми балдахинами пошли в собор.

На паперти их встретил Митрополит Московский Сергей и, обращаясь к Николаю, в частности, сказал: «Благочестивый Государь! Как нет выше, так и нет труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения».

Вступив с собор, Николай взяв в руки державу и скипетр, прочел коронационную молитву, выслушал ответную молитву митрополита Палладия, отстоял торжественную литургию, сняв с себя корону. Заключительным актом коронации был обряд миропомазания, когда освященным елеем — оливковым маслом — на лбу помазанника рисуется крест.

Обряд миропомазания должен был совершаться в алтаре, куда следовало пройти через Царские врата. В этот миг снова ударили колокола и грянули пушки, начиная салют в сто один залп. И только Николай двинулся к алтарю, чтобы принять миропомазание, неожиданно лопнула бриллиантовая цепь с орденом Андрея Первозванного и упала к его ногам. Это тут же расценили как весьма дурное предзнаменование. Немногие старые царедворцы, присутствовавшие на коронации деда Николая — Александра II — вспомнили, как здесь же, в Успенском соборе, старик Горчаков выронил подушку, на которой лежала «Держава», что также было воспринято как плохое предвестие и нехорошая примета.

Николай чуть приостановился, цепь и орден подобрали и внесли в алтарь. Но примета оправдалась вскоре же — на 13-й день после начала коронационных торжеств — 18 мая.

НОВЕЛЛА СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Ходынка

Среди множества мероприятий, предусмотренных Коронационной Комиссией, была запланирована и раздача 400 тысяч царских гостинцев. Причем заранее известили и о дате и о месте раздачи — 18 мая, Ходынское поле. «Гостинец» включал полфунта колбасы (200 грамм), сайку, кулек конфет, кулек орехов, пряник и памятную эмалированную кружку с царским вензелем, и все это было завернуто в яркий женский ситцевый платок. Так как подготовка к раздаче подарков происходила загодя, то москвичи, особенно беднота, с интересом следили за тем, что совершалось на Ходынке и внимательно прислушивались к циркулировавшим в городе слухам.

А на Ходынском поле, где в обычные дни проходили войсковые полевые учения, построили царский павильон и двадцать барак-складов, куда свезли подарки и сотни бочек водки и вина.

Вдоль Петербургского шоссе в сторону Ваганькова построили 150 павильонов-буфетов, помосты для выступлений артистов цирка и театров. Зрители должны были увидеть сцены из оперы «Руслан и Людмила», спектакль «Конек-Горбунок», народное массовое действо «Ермак Тимофеевич». С труппой дрессированных животных должен был выступить Владимир Дуров.

Было решено использовать и традиционные развлечения простонародья на ярмарках и гуляниях — в нескольких местах Ходынки врыли высокие гладко обструганные столбы, на макушках которых должны были появиться сапоги, самовары, шапки и иные призы для тех ловкачей — проворных и хватких, — которые сумеют добраться до желанной награды.

Кроме того, по Москве гуляли и слухи, что в каждом тысячном подарке лежит ассигнация, — кто говорил в десять, а кто и в сто рублей.

Следует заметить, что поле, пригодное для учебных боев и пехотных маневров, было покрыто солдатскими окопами, стрелковыми ячейками и траншеями. Кроме того, там были природные овраги и множество ям, оставшихся после добычи песка и глины.

18 мая была суббота, ночь накануне оказалась очень теплой и сотни тысяч москвичей — прежде всего бедняков — решили провести время с вечера до утра на свежем воздухе, под открытым небом, прямо на Ходынском поле, чтобы не опоздать к раздаче подарков. По разным источникам их было, вместе с подошедшими утром, от 500 тысяч до одного миллиона человек.

Около шести часов утра люди, отдохавшие на поле, вдруг вскочили и бросились, как один человек, вперед. Со стороны Петербургского шоссе тоже скопилась огромная толпа. Известный московский репортер, впоследствии автор знаменитых книг о Москве и москвичах, В.А.Гиляровский, единственный из газетчиков, оказавшийся на Ходынке, считал, что там собралось не менее миллиона человек. Эта гигантская масса была стеснена между линией павильонов-буфетов и все сильнее напорающими новыми толпами, подходящими из Москвы, и боявшимся, что раздача подарков начнется раньше объявленного времени и им ничего не достанется.

Гиляровский писал о произошедшем так: «Над миллионной толпой начал подниматься пар, похожий на болотный туман... Давка была страшная. Со многими делалось дурно, некоторые теряли сознание, не имея возможности выбраться или даже упасть: лишенные чувств, с закрытыми глазами, сжатые, как в тисках, они колыхались вместе с массой. Стоя-

ший возле меня, через одного, высокий благообразный старик уже давно не дышал: он задохнулся молча, умер без звука, и похолодевший труп его колыхался с нами. Рядом со мной кого-то рвало. Он не мог даже опустить головы»⁶.

Другой свидетель ходынского ужаса, П. Шостаковский, вспоминал: «И до предела сжатая человеческая масса всей невообразимой тяжестью своей качнулась в сторону буфетов. Люди тысячами повалились в ров, прямо на головы стоявших на дне. Вслед за ними падали еще и еще, пока ров не был завален телами доверху. И по ним шли. Не могли не идти, не могли остановиться»⁷. Последствия катастрофы были ужасны — пожарные и военные врачи цепенели от вида множества страшно обезображенных мертвых тел. По официальным данным погибло 1389 человек и 1301 были ранены. По данным современного французского историка Марка Ферро число раненых было до 20 тысяч⁸. И все это безумие продолжалось не более 15 минут, но когда толпа опомнилась, было уже поздно. Николаю доложили о катастрофе в половине одиннадцатого утра. От него требовалось принять решение — или отменить все празднества и объявить траур, или, сделав вид, что ничего особенного не произошло, продолжать торжества как ни в чем не бывало.

И здесь, впервые после смерти Александра III, царская семья решительно разделилась. Категоричнее всех настаивала на прекращении всяческих дальнейших празднеств императрица-мать. Мария Федоровна потребовала примерно наказать московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, несмотря на то, что он был родным братом покойного императора. Она потребовала создать следственную комиссию и выявить и всех других виновников катастрофы.

Марию Федоровну поддержал двоюродный дед Николая II великий князь Михаил Александрович и три его сына — Николай, Михаил и Сергей Михайловичи.

Однако в защиту виновника катастрофы выступили три его родных брата — великие князья Владимир, Алексей и Павел Александровичи. Их союзницей оказалась и молодая императрица, которая никак не могла дать в обиду мужа своей любимой сестры Елизаветы Федоровны.

Николай, изрядно поколебавшись, принял, как следовало ожидать, компромиссное решение: сегодняшней день закончить по старой программе, — главным образом из-за того, что вечером должен был состояться бал у французского посла и по политическим соображениям отменять его не следовало, — а уж потом, поелику это будет возможно, празднества свернуть, заменив их посещениями больниц, раздачей пособий и всего

прочего, приличествующего произошедшему несчастью. И, выполняя принятое решение, царь и царица отправились на Ходынку, где уже были убраны трупы и кровь засыпана песком.

В два часа дня их императорские величества появились на балконе Царского павильона, грянул пушечный залп, заиграли военные оркестры, сотни тысяч людей обнажили головы и стали смотреть, как мимо павильона в четком строю пошли парадным маршем войска.

После этого Николай принял в Петровском дворце делегации крестьян и дворян Варшавы, отобедал вместе с московскими дворянами, а вечером отправился на бал к французскому послу, графу Луи-Густаву Монтебелло.

В первой паре танцующих пошел Николай с красавицей графиней — женой посла, Монтебелло шел во второй паре с Александрой Федоровной, а главный виновник катастрофы — Сергей Александрович шел следом за ними, словно демонстрируя безнаказанность и глубокую аморальность царской семьи.

На следующее утро Сергей Александрович узнал, что Москва одарила его новым титулом — «князь Ходынский».

И Николай и Александра Федоровна, понимая, что их пребывание на балу более чем двусмысленно, выполнив протокол, вскоре же уехали в Кремль.

19 мая утром, будто опомнившись, они присутствовали на панихиде по погибшим и поехали по больницам, навещая раненых. Под впечатлением увиденного, царь приказал выдать каждой семье, где погиб кто-либо, по тысяче рублей за человека, оплатить похороны, а для осиротевших детей открыть особый приют.

Тогда же было начато следствие, но через два месяца виновным признали одного лишь московского обер-полицмейстера Власовского, обвинив его в нераспорядительности и служебной халатности, после чего отправили в отставку.

И все же вечером 19 мая состоялся еще один блестящий бал, правда, последний. Однако же он вызвал не меньшее возмущение, чем предыдущий, ибо давал этот бал не кто-нибудь, а сам «князь Ходынский».

И перед Россией вновь возник один из ее вечных вопросов: «А кто же нами правит?»

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯНОСТАЯ

А, в самом деле, кто?

В момент вступления Николая на престол царская фамилия была весьма многочисленна. Мы уже познакомились с самим Николаем — ее главой, с императрицей Александрой Фе-

доровной и со вдовствующей императрицей Марией Федоровной. По Закону об императорской фамилии, царь царица и вдовствующая государыня были первыми персонами Российского императорского дома, а его абсолютным принцепсом был царствующий монарх — Николай Второй.

Как почтительный и любящий сын, Николай, конечно же, всегда признавал авторитет матери, советуясь с нею по семейным делам, но иногда, правда, крайне редко, принимал решения и сам. Да и как было ему не прислушиваться к матери, если в день смерти Александра III Марии Федоровне шел 47-й год, а Николаю — 27-й.

По мужской линии на генеалогическом древе Романовых развивались шесть ветвей. Первой из них была ветвь прямых потомков Александра III — «Александровичи». Кроме Николая, их было только двое — Георгий и Михаил, да и то судьбе было угодно, чтобы Георгий скончался от туберкулеза через пять лет — в июне 1899 года 28-ми лет, не оставив потомства. После его смерти у Николая остался лишь один родной брат — Михаил, бывший с 1899 года и до рождения у Николая — 30 июля 1904 года сына Алексея — цесаревичем. О Михаиле, чуть позже, будет еще рассказано. Две другие линии шли от сыновей Александра II, родных братьев Александра III — великих князей Владимира и Павла. У Владимира было трое сыновей — Кирилл, Борис и Андрей, а у Павла был только один сын — Дмитрий.

Еще три ветви шли от сыновей Николая I — Николая Николаевича (Старшего), Константина Николаевича и Михаила Николаевича. Когда Николай II вступил на престол, Николай Николаевич и Константин Николаевич уже умерли, а в живых был лишь один сын грозного императора — Михаил. Однако старшинство в роду соблюдалось строго и на семейной иерархической лестнице поближе к верхним ее ступенькам стояли три «Константиновича» — 44-летний Николай, 36-летний Константин и 34-летний Дмитрий. Следом шли два «Николаевича» — 38-летний Николай Николаевич (Младший) и 30-летний Петр Николаевич. И, наконец, шли сыновья самого младшего сына Николая I — Михаила. Их было шестеро: 36-летний Николай, 33-летний Михаил, Георгий, которому шел 32-й год, 28-летний Александр, 25-летний Сергей и 19-летний Алексей.

Два родных брата Александра III — Алексей и Сергей — детей не имели. (У Алексея Александровича их было несколько, но это были бастарды — незаконные сыновья — и царская семья не могла их числить среди своих, а Сергей Александров-

вич, в силу уже известного нам порока, или, если угодно, недуга, детей иметь не мог.)

Российский императорский дом в это время состоял более чем из 60 полноправных членов, носивших титул «высочеств». Не все они оставили след в истории, и потому дальше мы познакомимся лишь с наиболее яркими членами царской фамилии, которым предстоит играть ту или иную роль в этом повествовании. Но прежде чем развивать сюжет дальше, имеет смысл очень коротко рассказать о предстоящем 23-летнем царствовании, состоявшем из трех, четко отличающихся друг от друга периодов.

Первый период, когда Николай II был неограниченным самодержавным монархом, продолжался десять лет с 1894 по 1904 год; второй — 1904-1914 годы — период русско-японской войны, первой революции 1905-1907 годов и превращения самодержавия в ограниченную парламентскую монархию; и, наконец, последний — 1914-1917 годы — период Первой Мировой войны и крушения династии.

Для того, чтобы наш отрыв от начала царствования не был очень велик, — а иначе плавное повествование превратится в свою противоположность, и читателю станет грозить опасность запутаться в лабиринте сложных внутрифамильных отношений — история царской семьи будет рассказываться также в соответствии с только что приведенной схемой периодизации.

И потому сначала расскажем о том, что происходило в Доме Романовых в первые десять лет царствования Николая II, предпослав несколько характеристик членов этого Дома, принадлежащих одному из самых умных и душевно привлекательных великих князей Александру Михайловичу.

Эти характеристики заимствованы из его «Книги воспоминаний», написанной в конце 20-х-начале 30-х годов, когда он находился в эмиграции. Напомним, что это тот самый Александр Михайлович — друг юности Николая II, — которого мы оставили в предыдущей главе во дворце на мысе Ай-Тодор, сразу же после женитьбы на дочери Александра III — Ксении.

Его отец великий князь Михаил Николаевич, занимавший с 1881 года пост председателя Государственного Совета, приходился Николаю II двоюродным дедом.

Характеристику родственников — своих и Николая II — Александр Михайлович начинает со своего отца, которому в момент восшествия Николая II на престол исполнилось 62 года. «Он был бы идеальным советником молодого императора, если бы не был столь непреклонным сторонником строгой

дисциплины. Ведь его внучатый племянник был его Государем, и, как таковому, ему надлежало оказывать беспрекословное повиновение...

Следующими по старшинству шли четыре дяди государя, четыре брата покойного императора. Великий князь Владимир Александрович — отец старшего по первородству из ныне здравствующих членов императорской семьи великого князя Кирилла Владимировича — обладал несомненным художественным талантом. Он рисовал, интересовался балетом и первый финансировал заграничные балетные турне С. Дягилева. Собирая старинные иконы, посещал два раза в год Париж и очень любил давать сложные приемы в своем изумительном дворце в Царском Селе.

Он относился очень презрительно к молодым великим князьям. С ним нельзя было говорить на другие темы кроме искусства или тонкостей французской кухни... Он занимал сообразно своему положению и возрасту ответственный пост командира Гвардейского корпуса, хотя исполнение этих обязанностей и являлось для него большой помехой в его любви к искусству...

Его супруга, великая княгиня Мария Павловна, принадлежала к царствовавшему дому герцогов Мекленбург-Шверинских. Ее брат Фридрих был мужем моей сестры Анастасии. Она была очаровательной хозяйкой и ее приемы вполне заслужили репутацию блестящих...

Затем великий князь Алексей Александрович, который пользовался репутацией самого красивого члена императорской семьи, хотя его колоссальный вес послужил бы значительным препятствием к успеху у современных женщин... Одна мысль о возможности провести год вдали от Парижа заставила бы его подать в отставку. Но он состоял на государственной службе и занимал должность не более не менее, как Адмирала Российского флота (Генерал-Адмирал). Трудно было себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого адмирала могущественной державы. Одно только упоминание о современных преобразованиях в военном флоте вызывало болезненную гримасу на его красивом лице. Это беззаботное существование было омрачено, однако, трагедией: несмотря на все признаки приближающейся войны с Японией, Генерал-Адмирал продолжал свои празднества и, проснувшись в одно прекрасное утро, узнал, что наш флот потерпел позорное поражение в битве с современными дредноутами микадо. После этого великий князь подал в отставку и вскоре скончался»⁹.

Дальше Александр Михайлович дает в высшей степени нелестную характеристику «князю Ходынскому» Сергею Александровичу, повторяя то, о чем мы уже знаем, добавляя, что «упрямый, дерзкий, неприятный, он бравировал своими недостатками, точно бросая в лицо всем вызов и давая таким образом врагам богатую пищу для клеветы и злословия»¹⁰. Он называет своего дядюшку «очень посредственным офицером», «совершенно невежественным в вопросах внутреннего управления», сознавая: «При всем желании отыскать хотя бы одну положительную черту в его характере я не могу ее найти»¹¹.

И совершенно противоположную характеристику дает он его жене — старшей сестре императрицы Елизавете Федоровне: «Трудно было придумать больший контраст, чем между этими двумя супругами! — писал Александр Михайлович. — Редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение, благородное сердце — таковы были добродетели этой удивительной женщины. Было больно, что женщина ее качеств связала свою судьбу с таким человеком, как дядя Сергей. С того момента, как она прибыла в Санкт-Петербург из родного Гессен-Дармштадта, все влюбились в «тетю Элту». Проведя вечер в ее обществе и вспоминая ее глаза, цвет лица, смех, ее способность создавать вокруг себя уют, мы приходили в отчаяние при мысли о ее близкой помолвке. Я отдал бы десять лет жизни, чтобы она не вошла в церковь к венцу об руку с высокомерным Сергеем... Слишком гордая, чтобы жаловаться, она прожила с ним около двадцати лет. Не поза или рисовка, а истинное милосердие побудило ее навестить убийцу мужа в его камере перед казнью в московской тюрьме*. Ее последовавший вслед за тем уход в монастырь, ее героические, хотя и безуспешные, попытки руководить царицей, и наконец ее мученичество в плену большевиков — все это дает достаточно оснований, чтобы причислить великую княгиню Елизавету Федоровну к лику святых... Нет более благородной женщины, которая оставила отпечаток своего облика на кровавых страницах русской истории»^{**}.¹²

* Александр Михайлович часто говорит о том, что читателю еще неизвестно, как бы забегая вперед. И все же я оставляю эти характеристики целостными, чтобы не искажать их сущность. В данном случае речь идет о посещении Елизаветой Федоровной террориста — эсера Ивана Каляева, разорвавшего бомбой на куски Сергея Александровича, 4 февраля 1905 года на территории Кремля. В своем месте мы еще вернемся к этому сюжету.

** 31 марта (14 апреля) 1992 года решением Архиерейского Собора, состоявшегося в Свято-Даниловом монастыре в Москве великая княгиня Елизавета Федоровна и шюкиня Марфо-Мариинской обители Варвара были причислены к лику святых. День их памяти — 5 (18) июля.

Младший сын Александра II — Павел, — был самым симпатичным: из четырех дядей царя... Беззаботная жизнь кавалерийского офицера его вполне удовлетворяла, великий князь Павел никогда не занимал ответственного поста. Он с юности пользовался успехом у женщин и потому женился лишь двадцати девяти лет — довольно поздно для традиционно ранних браков мужчин из дома Романовых. Его женой в 1889 году стала девятнадцатилетняя греческая принцесса Александра Георгиевна. Брак был удачен. Молодая жена отличалась добросердечием, веселым нравом и сохранила в характере детскую непосредственность. Вскоре у нее родилась дочь — Мария, а потом она забеременела снова. Самыми близкими друзьями молодых супругов были Сергей Александрович и Елизавета Федоровна. Когда же Сергея Александровича перевели служить в Москву, то друзья часто навещали их, останавливаясь в имении Ильинское. Приезжая в Ильинское, и хозяева и гости начинали бесконечный праздник, состоящий из балов, пикников, выездов, катаний на лодках. Александра Георгиевна особенно любила кататься на лодке, и из-за молодости, резвости и озорства, начинала прогулки с того, что не сходила в лодку, как все, а прыгала в нее с крутого, но невысокого берега. Так поступила она и в начале сентября 1891 года, будучи на сносях вторым ребенком. После катания был бал и на нем молодая женщина потеряла сознание: у нее началась родовая горячка, и она, родив недоношенного мальчика, на третьи сутки умерла. Павел Александрович страдал безмерно еще и из-за того, что новорожденный долго находился между жизнью и смертью, да и сам несчастный вдовец сильно заболел, а когда дела его пошли на поправку, врачи отправили его в Италию. Детей же забрала к себе Елизавета Федоровна, и они остались жить в Москве. Мальчика окрестили Дмитрием и из-за его сиротства к нему особенно тепло относились и царь с царицей. А когда у Николая II появилась первая дочь — Ольга — великий князь Дмитрий Павлович стал участником ее забав и игр.

А его отец довольно долго оставался вдовцом, ведя жизнь великосветского человека и проводя время то на французской Ривьере, то в Париже. Но через пять лет после постигшего его несчастья он женился. История женитьбы великого князя Павла Александровича была не лишена романтизма и строилась на чистой любви. Павел Александрович влюбился в Ольгу Валериановну Пистолькорс — урожденную Карнович — с первого взгляда, увидев ее за обедом, который ее муж, немецкий аристократ и русский генерал, давал у себя дома в честь великого князя.

Осенью 1896 года великий князь и мадам Пистолькорс навестили Париж, остановившись в одном отеле, но пока еще в разных номерах, а, возвратившись в Петербург, уже и дня не могли провести друг без друга.

Летом 1897 года они уехали на морские купания на французскую Ривьеру, а затем надолго поселились в Берлине, где Павел Александрович лечился от экземы, вспыхнувшей у него на нервной почве, а его невеста самоотверженно ухаживала за ним. Когда великому князю стало легче, он твердо решил жениться, но его адъютанты не смогли найти православного священника, и влюбленные вернулись в Россию ни с чем. Из-за этой неудачи тело больного вновь покрылось язвами и Пистолькорс даже переехала к нему в дом, чтобы и дальше ухаживать за ним.

«У меня был очень серьезный разговор с дядей Павлом, который закончился моим предупреждением ему о всех последствиях, которые будут иметь место для него в результате его предполагаемой женитьбы, — писал Николай матери по этому поводу. — Однако это не имело воздействия... Как больно и печально все это и как стыдно за него нашей семье перед всем светом. Где гарантии, что сейчас Кирилл не захочет завтра начать подобного рода вещи, а Борис и Сергей днем позже? А в конце концов, я боюсь, целая колония членов русской императорской фамилии обоснуется в Париже с их полузаконными и незаконными женами. Один Бог знает, что за время мы переживаем, когда неприкрытый эгоизм подавляет все чувства совести, долга или даже просто приличия.»¹³

Разумеется, в свете с удовольствием мыли кости всем героям этой истории, и тогда муж Ольги Валериановны, еще не получивший развода, сказал, что он «никому не позволит трепать свое честное имя по панели». (Муж ее — генерал-майор Эрик-Август был очень гордым человеком.)

Это заставило Павла Александровича форсировать события, и он, поделив, принадлежавшие ему шесть миллионов рублей золотом на две равные части, три миллиона взял себе, а три миллиона оставил детям — Марии и Дмитрию, а их опекуницей и воспитательницей стала бездетная великая княгиня Елизавета Федоровна. Павел Александрович и Ольга Валериановна уехали во Флоренцию и там дождались официального извещения о получении мадам Пистолькорс развода, после чего они и повенчались, избрав для этого родину Ромео и Джульетты — Верону, и доставив Николаю II истинную горечь, ибо он понимал, что этот первый мезальянс лишь начало многих других подобных историй в огромной царской семье.

Правда, мягкосердечный племянник вскоре простил Павла Александровича и в 1904 году даровал его морганатической супруге титул графини Гогенфельзен, а в 1916 году — титул княгини Палей. Последнее объяснялось тем, что в 1916 году Николаю II казался возможным брак между сыном Павла Александровича от первого брака Дмитрием и его старшей дочерью — Ольгой, и он хотел, чтобы и мачеха его будущего зятя была титулована по высшему разряду. Однако брак между Ольгой и Дмитрием не состоялся. — почему, мы узнаем в свое время, но Ольга Валериановна стала княгиней Палей.

Через три года великий князь Кирилл Владимирович оправдал невеселый прогноз Николая, женившись на разведенной женщине. Причем женой Кирилла Владимировича стала Саксен-Кобург-Готская принцесса Виктория-Мелита, бывшая замужем за родным братом императрицы Александры Федоровны — герцогом Эрнстом Гессенским, который Николаю II доводился шурином. Для Николая это было тем более горько, что именно на свадьбе Виктории и Эрнста Гессенского он сделал предложение своей будущей жене. Оскорблена была и Александра Федоровна и, вероятно, не без ее влияния Николай отставил своего кузена от службы на флоте и приказал выслать из России.

В ответ отец Кирилла, дядя царя — великий князь Владимир Александрович, — пригрозил отставкой со всех постов и мягкосердечный Николай уступил и возвратил Кирилла в службу, отменив и высылку из России.

Что же касается Павла Александровича, то он из Флоренции вскоре же уехал в Париж и долгое время пребывал там, живя в свое удовольствие и не без пользы для себя.

«Мне лично думается, — писал Александр Михайлович, — что великий князь Павел, встречаясь в своем вынужденном изгнании с выдающимися людьми от этого только выиграл. Это отразилось на складе его характера и обнаружило в нем человеческие черты, скрытые раньше под маской высокомерия.»¹⁴

Теперь настала очередь рассказать о двух родных братьях Николая II — Георгии и Михаиле. Первый из них, после вступления на престол старшего брата, стал цесаревичем.

По общему признанию, Георгий был самым одаренным из сыновей Александра III, но он умер от туберкулеза, проболев очень долго, и оставил о себе память, построив на собственные деньги астрономическую обсерваторию в горном поселке Аббас-Тумани, где он постоянно жил и лечился. Георгий скончался 28-ми лет 28 июня 1899 года.

После его смерти цесаревичем стал младший брат Николай — Михаил. О Михаиле необходимо рассказать подробнее, чем о других родственниках Николая, хотя бы потому, что он пусть и формально, но все же был последним российским императором. Александр Михайлович так характеризовал Михаила: «Михаил был на одиннадцать лет моложе государя. Он очаровывал всех подкупающей простотой своих манер. Любимец родных, однополчан-офицеров и бесчисленных друзей, он обладал методическим умом и выдвинулся бы на любовном посту, если бы не заключил своего морганатического брака»¹⁵. (Морганатический брак был заключен в 1910 году — уже вне рамок того периода, о котором сейчас идет речь.)

А сейчас расскажем о Михаиле времен его детства и молодости, когда он был еще не женат.

Последний сын Александра III был его слепой любовью и бесконечным баловнем. Почти все историки, занимавшиеся сюжетами жизни Александра III, непременно упоминали о том, как однажды царь прогуливался с пятилетним Мишей в саду. Было жарко, Миша распалился, отец никак не мог уговорить его, и тогда, подняв шланг, Александр окатил шалуна водой. Мальчика переодели и привели на завтрак, за которым собралась вся семья. Потом Мишу отвели в его комнату, окна которой находились над кабинетом царя.

Довольно долго поработав, Александр вышел на балкон и тут на голову ему опрокинулся поток воды — это его баловень подкараулил отца и вылил на него целое ведро воды. Никто никогда не посмел бы так поступить с грозным императором, а Михаил сделал это, твердо зная, что отец простит его. И дело, действительно, кончилось тем, что Александр рассмеялся и пошел переодеваться.

Амплуа бонвивана и шалопая сопровождало Михаила всю жизнь. Самыми сильными его увлечениями были автомобили, женщины и лошади.

В характере Михаила Александровича было много общего с его старшим братом Николаем. Он тоже был наделен талантом очаровывать людей, был прост и неприхотлив, как и Николай, любил искусство: музыку, животных, цветы. Его страстью был и конный спорт, к чему расположил его все тот же мистер Хетс, воспитывавший всех августейших братьев.

Михаил, так же, как и Николай, любил физический труд, особенно пилку и колку дров, а благодаря своему наставнику стал и убежденным англоманом: в Англии ему нравилось все — от парламентских институтов до образа жизни.

В 1901 году, когда Михаилу было 23 года, он влюбился во фрейлину своей сестры Ольги Дину Коссиковскую, поехал за

нею в Италию, куда увезла ее Ольга, и откуда Михаил и Дина должны были бежать дальше, чтобы тайно обвенчаться. Однако романтическая история закончилась более чем прозаически — о их плане узнала Мария Федоровна, отругала шалопая-сына, а фрейлину велела уволить.

Скандалная матримониальная история Михаила Александровича еще ждет нас впереди, ибо она произошла уже после 1904 года и о ней мы расскажем тогда, когда речь будет идти о втором периоде царствования Николая II. Кроме брата Михаила у Николая II были еще и две сестры — Ксения, о замужестве которой было рассказано в конце предыдущей главы, и Ольга — скромная, чистосердечная и необычайно добрая.

Ольга родилась в 1882 году, когда Александр III уже был императором, и потому называлась «порфирородной». В 1901 году, когда ей было 19 лет, она вышла замуж за принца Петра Александровича Ольденбургского, который был старше Ольги на 14 лет и не обращал на свою молодую жену никакого внимания, полностью предавшись пагубной страсти — азартным карточным играм. Так как молодые жили в одном дворце со старым герцогом Ольденбургским — отцом Петра — и с его матерью, то родители постоянно устраивали сцены из-за беспрерывных проигрышей сына, которые им приходилось оплачивать, и эта атмосфера была непривычной и часто непереносимой для царской дочери. И Ольга выработала свой стиль поведения: она надолго уходила из дома, гуляла в одиночестве по Петербургу, заходила в лавки, навещала театральное училище, или же отправлялась в свое загородное имение, где на ее деньги содержалась школа, а то уходила на пленэр и увлеченно рисовала, достигнув в этом подлинного совершенства.

Сенатор А.А.Половцев, бывший на их свадьбе, оказался пророком, оставив такую запись в своем дневнике: «Великая княгиня некрасивая, ее вздернутый нос и вообще монгольский тип лица выкупается лишь прекрасными по выражению глазами, глазами добрыми и умными, прямо на вас смотрящими. Желая жить в России, она остановила свой выбор на сыне принца Александра Петровича Ольденбургского... Очевидно, соображения, чуждые успешности супружеского сожития, были поставлены здесь на первый план, о чем едва ли не придется со временем пожалеть»¹⁶. Забегая чуть вперед, скажем, что восемь лет прожила она с мужем без любви и сердечной привязанности, но в 1916 году все же вышла замуж по любви за адъютанта своего бывшего мужа, ротмистра Лейб-

гвардии Кирасирского полка Николая Александровича Куликовского.

Их любовь началась еще 1909 году, но Николай II установил для влюбленных испытательный срок в семь лет и они выдержали это испытание.

Об обстоятельствах их свадьбы мы узнаем, когда речь пойдет о Первой Мировой войне, ибо состоялась она в 1916 году, когда Ольга Александровна служила сестрой милосердия в одном из киевских госпиталей.

А сейчас, следуя за схемой, по которой были построены воспоминания Александра Михайловича, расскажем об одиннадцати двоюродных дядях императора. По старшинству первыми из них были три сына великого князя Константина Николаевича — Константин, Дмитрий и Николай. (Был еще и четвертый сын — Вячеслав, но он умер 15-ти лет в 1879 году.) С одним из них — Николаем — мы расстались после небывало позорного происшествия — кражи в собственном доме, когда свихнувшийся великий князь был отправлен в ссылку в Ташкент и пребывал там до конца своих дней. Второй сын — Дмитрий — был страстным кавалеристом и отдал этому роду войск всего себя: ни на что другое ни времени, ни желаний, у него не оставалось.

Зато особняком от своих неудачливых братьев стоял самый старший — Константин Константинович, известный всей России, как поэт, скрывавшийся под псевдонимом: «К.Р.».

Александр Михайлович писал о нем: «...Константин Константинович был талантливым поэтом и очень религиозным человеком, что до известной степени, как бы суживало и одновременно расширяло его кругозор. Он был автором лучшего перевода шекспировского «Гамлета» на русский язык и любил театр, выступая в главных ролях на любительских спектаклях в Эрмитажном театре Зимнего дворца. Он с большим тактом нес обязанности президента Императорской Академии наук*, и был первым, кто признал гений биолога Павлова. Он писал поэмы, драматические произведения и рассказы, и его талант признавался даже органами печати, враждебными существовавшему в России строю. В Лейб-гвардии Измайловском полку он создал свои знаменитые «Измайловские Досуги» и, таким образом, заменил обычные кутежи офицерских собраний интересными вечерами, посвященными со-

* К.К. Романов был почетным членом Академии наук с 1887 года, когда ему было 29 лет, и Президентом — с 1889 года и до дня своей смерти, последовавшей 2 июня 1915 года.

временной русской литературе. Хорошо разбираясь в тайниках души русского простолюдина, он значительно преобразовал методы воспитания молодых солдат. Для него не было большего удовольствия, как провести утро в казармах, где он занимался с ними «словесностью». Будучи в течение многих лет начальником Главного управления военно-учебных заведений, он сделал многое, чтобы смягчить суровые методы нашей военной педагогики... Казалось бы, что такой гуманный и просвещенный человек был бы неоценимым помощником государя в делах управления империей. Но, к сожалению, он ненавидел политику и чуждался всякого соприкосновения с политическими деятелями. Он искал прежде всего уединения в обществе книг, драматических произведений, ученых, солдат, кадетов и своей счастливой семьи, состоявшей из жены — великой княгини Елизаветы Маврикиевны (принцессы Саксен-Веймарской), шести сыновей и двух дочерей»¹⁷.

Из всех членов императорской фамилии самое большое влияние на государственные дела оказывал великий князь Николай Николаевич (Младший), сын великого князя Николая Николаевича (Старшего) и внук императора Николая I. Когда новый царь вступил на престол, он назначил своего двоюродного дядю и своего бывшего полкового командира генерал-инспектором кавалерии. Но, заняв этот высокий военный пост, Николай Николаевич нередко выходил за рамки своей компетенции, хотя ее не хватало генерал-инспектору и на то, чтобы хорошо руководить кавалерией, однако, обладая напором и упрямством, он мог вынудить своего августейшего племянника сделать в большой политике то, чего тот не хотел, но зато хотел он сам, его дядя.

Влияние его объяснялось также и тем, что жена Николая Николаевича — дочь князя Черногорского Анастасия (Стана) Николаевна, — имела сильное влияние на императрицу Александру Федоровну.

Не меньшим авторитетом пользовалась у императрицы и родная сестра Станы — великая княгиня Милица Николаевна, бывшая замужем за родным братом Николая Николаевича — Петром. Сестры-«Черногорки», как их прозвали, — простые, суеверные, с холерическим, полуистерическим темпераментом, — легко поддавались влиянию всяких сомнительных личностей: знахарей, ясновидцев, целителей, блаженных, игравших на струнах души многих аристократов, склонных к мистицизму.

Муж Милицы — великий князь Петр Николаевич — был полной противоположностью своему старшему брату. Он с детства болел туберкулезом легких и из-за этого долгое время

жил в Египте. Он серьезно занялся архитектурой и, таким образом, стал белой вороной в Доме Романовых.

И еще более одиозной фигурой казался самый радикальный из всех Романовых — великий князь Николай Михайлович — выдающийся историк-исследователь эпохи Александра I, автор нескольких многотомных монографий и публикатор множества документов конца XVIII—начала XIX веков. Следует заметить, что все «Михайловичи» выгодно отличались от всех прочих Романовых многочисленными и разнообразными талантами. Историк В. П. Обнинский связывал это с тем, что жена великого князя Михаила Николаевича великая княгиня Ольга Федоровна — до принятия православия Цецилия Баденская — была дочерью еврейского банкира, и наделила своей беспокойной кровью всех детей, отличавшихся от многочисленных кузенов и кузин умом, предприимчивостью и авантюризмом.

Когда Николай II вступил на престол, Николай Михайлович только еще готовился к деятельности историка, ибо с 1883 года, по окончании Академии Генерального штаба, как и все его родственники состоял на военной службе. Он был командиром Кавалергардского полка, но его интеллектуальный уровень был настолько выше, круг интересов настолько шире его однополчан, что общение с офицерами-кавалергардами не давало Николаю Михайловичу никакого удовлетворения. Все свободное время он проводил в архивах Санкт-Петербурга и Парижа, приводя в изумление парижан тем, что живет в скромном, старом отеле «Вандом», а его излюбленными заведениями являются не «Фолибержер» и не «Максим», а Национальная библиотека, Национальный архив и Коллеж де Франс.

Будучи натурой незаурядной и цельной, и обладая выдающимися способностями, он вызывал у множества высокопоставленных карьеристов чувства зависти и озлобления. Его младший брат, Александр Михайлович, писал о нем: «Я не знаю никого другого, кто мог бы с большим успехом нести обязанности русского посла во Франции или же в Великобритании. Его ясный ум, европейские взгляды, врожденное благородство, его понимание мирозерцания иностранцев, его широкая терпимость и искреннее миролюбие стяжали бы ему лишь любовь и уважение в любой мировой столице. Неизменная зависть и глупые предрассудки не позволили ему занять выдающегося положения в рядах русской дипломатии, и вместо того, чтобы помочь России на том поприще, на котором она более всего нуждалась в его помощи, он был обречен на

бездействием людьми, которые не могли ему простить его способностей, ни забыть презрения к их невежеству»¹⁸.

Николай Михайлович оказался несчастлив и в личной жизни. В момент вступления на престол Николая II ему было 35 лет, но он был еще не женат и оставался холостым до дня своей трагической гибели.

В юности он влюбился в свою двоюродную сестру — принцессу Викторию Баденскую. Но православная церковь не допускала брака между двоюродными братьями и сестрами, а Николай Михайлович не смел и думать о перемене конфессии и, оставаясь однолюбом, предпочел вечное одиночество браку не по любви. А его возлюбленная вышла замуж за шведского принца Оскара-Густава-Адольфа из династии Бернадотов, который с 1907 до 1950 года был королем Швеции под именем Густава V.

Что же касается Николая Михайловича, то он, оставаясь холостяком, жил, окруженный книгами, рукописями и ботаническими коллекциями, сохраняя в сердце верность своей единственной возлюбленной.

О Михаиле Михайловиче уже упоминалось в конце предыдущей главы в связи с его женитьбой на внучке Пушкина, которая, между прочим, спасла ему жизнь, так как он навсегда поселился в Англии и его минула участь большинства Романовых, убитых в 1918-1919 годах.

Третий из «Михайловичей» — Георгий — был печальным исключением среди своих ближайших сородичей. Его положительные качества ограничивались лишь тем, что он довольно хорошо рисовал, зато во всем прочем он выдерживал расхожий стереотип великого князя, проводя жизнь в конюшне, на манеже и в казарме. В 1900 году он женился на греческой принцессе Марии Георгиевне, которая родила ему двух дочерей — Нину и Ксению.

Четвертый «Михайлович» — Сергей — сделал карьеру артиллерийского генерала — энергичного, умного, прекрасно образованного, — став в конце концов генерал-инспектором этого рода войск. На протяжении сорока лет он был одним из самых близких друзей Николая II.

Когда Николай оставил Кшесинскую, ее высоким патроном стал Сергей Михайлович. Он безгранично любил ее и столь же беспредельно был верен ей, не зная кроме «божественной Матильды» ни одной другой женщины. Сергей Михайлович сблизился с Кшесинской сразу же после того, как Николай с нею расстался. Причем это сближение произошло по прямой и недвусмысленной просьбе самого Николая. Впоследствии великая балерина писала о Сергее Михайловиче:

«Всем своим отношением он завоевал мое сердце и я искренне его полюбила. Тем верным другом, каким он показал себя в эти дни, он остался на всю жизнь: и в счастливые годы, и в дни революции и испытаний»¹⁹. Однако сердце артистки безраздельно принадлежало Сергею Михайловичу лишь первые шесть лет. Немалую роль при этом играло и то, что Сергей Михайлович в 1894 году был избран первым президентом Российского Театрального общества и это делало Кшесинскую некоронованной королевой русской сцены. Директор Императорских театров князь С.М. Волконский полностью зависел от капризов и прихотей всесильной фаворитки, и когда однажды дело дошло до конфликта между ними, то князю не осталось ничего другого, как подать в отставку. Сергей Михайлович был смиренным рабом Матильды Феликсовны, послушно выполняя все ее причуды. Он купил для нее в Стрельне на берегу Финского залива в 20 верстах от Петербурга великолепную дачу, а в 1904 году начал строительство знаменитого особняка, получившего имя его хозяйки, и по праву считающегося шедевром архитектуры в стиле «модерн». Особняк представлял собою настоящий дворец с анфиладой парадных залов и большим зимним садом, только на отопление которого уходило до двух тысяч рублей в зиму. Ситуация с постройкой особняка была не лишена известной пикантности, ибо происходило это после того, как Матильда Феликсовна родила сына, но не от Сергея Михайловича, а от его двоюродного племянника великого князя Андрея Владимировича, который был на семь лет младше балерины.

Она познакомилась с двадцатилетним Андреем Владимировичем 13 февраля 1900 года, в день своего десятилетнего артистического юбилея на большом праздничном ужине, данном в ее честь.

«Великий князь Андрей Владимирович произвел на меня сразу в этот первый вечер, что я с ним познакомилась, громадное впечатление: он был удивительно красив и очень застенчив, — писала Кшесинская. — С этого дня в мое сердце закралось сразу чувство, которого я давно не испытывала. Мы все чаще и чаще стали встречаться и наши чувства друг к другу скоро перешли в сильное взаимное влечение. Я влюблялась все больше и больше.»²⁰ Когда Кшесинская писала о «чувстве, которого давно не испытывала», она имела в виду свою любовь к цесаревичу Николаю. Его она любила всю жизнь и хотела назвать своего сына Николаем, но так как холодная расчетливость всегда брала у нее верх над чувствами, то и на этот раз победил разум и она назвала мальчика Владимиром в честь его деда — великого князя Владимира Александровича.

Когда 23 июля 1902 года мальчика принесли в дворцовую церковь на крестины, Владимир Александрович необычайно расстрогался, заметив, что внук сильно похож на него. Он подарил ребенку крестик из темно-зеленого александрита на платиновой цепочке — свой родовой камень, который был открыт в день рождения Александра II. А Владимир Александрович был сыном царя-освободителя. Сыну Кшесинской дали фамилию Красинского, чей графский польский род дал начало роду Кшесинских.

Своеобразие создавшейся ситуации состояло в том, что Матильда Феликсовна продолжала жить с Сергеем Михайловичем, сохраняя в тайне роман с его молодым кузенком. Однако, оказавшись в положении, она должна была признаться в своей связи с Андреем Владимировичем. «У меня был тяжелый разговор с великим князем Сергеем Михайловичем, — писала Кшесинская. — Он отлично знал, что не он отец моего ребенка, но он настолько меня любил и так был привязан ко мне, что простил меня и решил, несмотря на все, остаться при мне и ограждать меня, как добрый друг. Он боялся за мое будущее, за то, что может меня ожидать... Я так обожала Андрея, что не отдавала себе отчета, как я виновата была перед Сергеем Михайловичем»²¹. Любовь Сергея Михайловича к Матильде, воистину, не знала предела. Он не только простил ей роман со своим племянником, но и искренне любил ее сына, посвящая ему все свои досуги.

О том, что произошло со всеми нашими героями дальше, будет рассказано в свое время.

Самый младший из «Михайловичей» — Алексей — умер в 1895 году от туберкулеза, когда ему было всего 20 лет.

Автор «Книги воспоминаний», на которую в этой главе пришлось сослаться, великий князь Александр Михайлович, после того, как женился на дочери Александра III Ксении, не успел провести свой медовый месяц на Южном берегу Крыма, как умер Александр III и молодожены вернулись в Петербург вместе с прахом императора. А после того, как сыграли свадьбу Николай II и Александра Федоровна, то две пары молодоженов стали столь близки друг с другом, что даже их спальни в Аничковом дворце располагались в смежных комнатах. Потом они вместе переехали в Зимний дворец, летом, не разлучаясь, жили то в Гатчине, то в Петергофе, а осенью, то в Аббас-Тумане, рядом с больным Георгием, то в Крыму.

В 1896 году Александр Михайлович написал по просьбе Николая II докладную записку о положении дел в русском военно-морском флоте, беспощадно раскритиковав их общего с царем дядю — великого князя, генерал-адмирала Алексея

Александровича и морского министра адмирала Н. М. Чихачева. Эту записку, размножив тиражом в сто экземпляров, разослали всем морским начальникам высшего ранга и, таким образом, они стали свидетелями неслыханного скандала, когда капитан второго ранга подвергает публичному разному главнокомандующего флотом и морского министра.

Оба адмирала на следующий же день потребовали от автора записки официальных извинений, грозясь в противном случае подать в отставку, а критикана, даже если он и извинится, отправить на Тихий Океан командовать броненосцем «Император Николай I». Александр Михайлович от извинений отказался и был уволен в отставку. А Николай II не поддержал его, сказав, что для него превыше всего поддержание дисциплины, соблюдение субординации и сохранение мира в семье.

Кто более всех радовался такой перемене в судьбе Александра Михайловича, так это его жена Ксения, которой ничуть не улыбалось одиночество, тем более, что у нее уже в июле 1895 года родилась первая дочь — Ирина, а в 1896 году она была беременна сыном Андреем. Даже среди весьма плодovitых своих родственниц Ксения Александровна едва ли не была рекордсменкой: с 1895 до 1902 года, за семь лет, она родила дочь и пятерых сыновей — Андрея, Федора, Никиту, Дмитрия и Ростислава. Дети росли в Крыму, где Александр Михайлович из образцового морского офицера превратился в сельского хозяина высшей пробы, работавшего в розарии, на виноградниках, в садах, прикупавшего все новые и новые земли, окружавшие его имение Ай-Тодор. Самыми частыми гостями счастливых супругов были царь и царица, жившие в соседней Ливадии, и княгиня Зинаида Юсупова, навещавшая их вместе со своим десятилетним красавцем-сыном Феликсом Юсуповым. Кто мог сказать тогда, что пройдет 18 лет и крохотная девочка Ирина станет его женой?

Так прошло три безмятежных года, а в 1899 году генерал-адмирал сменил гнев на милость и возвратил «кавказского мятежника», как называл он своего племянника-правдолюбца и бунтаря, на службу во флоте. В 34 года Александрович Михайлович стал капитаном первого ранга и командиром броненосца Черноморского флота «Ростислав», а еще через два года император назначил его Начальником Главного управления торгового мореплавания в ранге министра и, присвоив Александру Михайловичу чин контр-адмирала, ввел его в Совет Министров, где он оказался самым молодым членом правительства.

И еще три ветви Романовых входили в Российский императорский Дом: во-первых — происходившая от дочери Николая I, великой княгини Марии Николаевны и ее мужа герцога Максимилиана Лейхтенбергского; во-вторых, ветвь, происходившая от герцога Ольденбургского Петра Георгиевича, женившегося на дочери императора Павла — Екатерине, и, в-третьих — от брака великой княгини Екатерины Николаевны с герцогом Мекленбург-Стрелицким.

О герцоге Максимилиане Лейхтенбергском и его жене мы говорили в главе, посвященной Николаю I, теперь же расскажем о их детях — Евгение, Николае и Георгии. Евгений более всего был знаменит благодаря совершенно необыкновенной, воистину сказочной красоте его жены Зинаиды Дмитриевны Скобелевой, родной сестры знаменитого полководца. Выйдя замуж за герцога Евгения Лейхтенбергского, она получила титул графини Богарнэ. Великий князь Александр Михайлович писал о ней так: «Когда я упоминаю ее имя, я отдаю себе отчет в полной невозможности описать физические качества этой удивительной женщины. Я никогда не видел подобной ей во время всех моих путешествий по Европе, Азии, Америке и Австралии, что является большим счастьем, так как такие женщины не должны часто попадаться на глаза. Когда она входила, я не мог оставаться с нею в одной комнате. Я знал ее манеру подходить в разговоре очень близко к людям, и я сознавал, что в ее обществе я становлюсь не ответственным за свои поступки. Все молодые великие князья мне в этом отношении вполне сочувствовали, так как каждый страдал при виде ее так же, как и я. Находясь в обществе очаровательной Зины, единственное, что оставалось сделать — это ее обнять, предоставив церемониймейстеру делать, что угодно, но мы, молодежь, никогда не могли собраться с духом, чтобы решиться на этот единственный логический поступок. Дело осложнилось тем, что великий князь Алексей Александрович был неразлучным спутником четы Лейхтенбергских, и его любовь к герцогине уже давно была предметом скандала. В обществе эту троицу называли «царственный любовный треугольник», и все усилия императора Николая II воздействовать на своего темпераментного дядю не имели никакого успеха. Я полагаю, что великий князь Алексей пожертвовал бы всем русским флотом, только бы его не разлучали с Зиной»²². К великому огорчению, Зина умерла молодой от внезапной короткой болезни. Два брата герцога Евгения — Николай и Георгий — из-за слабого здоровья почти постоянно жили в Париже и потому имели в Петербурге самое малое влияние.

Столь же малое влияние оказывали и принцы Мекленбург-Стрелицкие — Георгий и Михаил, так как детство и юность они провели в Германии, а в Россию приехали лишь после окончания немецких университетов.

Что же касается герцога Ольденбургского Петра Георгиевича, то он выдал свою старшую дочь за великого князя Николая Николаевича Старшего, и она стала великой княгиней Александрой Петровной. Перед тем как обвенчаться, она приняла православие и стала столь ревностной поклонницей новой религии, что закончила свою жизнь монахиней. Она и умерла в монастыре в 1900 году, 62-х лет.

Брат Александры Петровны — герцог Александр Петрович Ольденбургский — был командиром Гвардейского корпуса и отличался необыкновенной строгостью. Вместе с тем он с глубочайшим уважением относился к ученым и к наукам вообще, субсидируя множество полезных начинаний, экспедиций, щедро помогая молодым талантам. О Петре Ольденбургском, муже родной сестры Николая II — Ольги, мы уже упоминали.

Вот, пожалуй, и все Романовы, о которых следовало упомянуть, отвечая на вопрос, кто правил Россией на рубеже двух веков — XIX и XX.

А в заключение этого раздела расскажем и о самом царе, царице и их пятерых детях — Ольге, Татьяне, Марии, Анастасии, и появившемся в 1904 году к несказанной радости родителей их последыше — цесаревиче Алексее.

Александра Федоровна впервые забеременела в начале 1895 года. Молодые супруги с нетерпением ждали первенца и решили, что если будет мальчик, то его назовут Павлом, а если девочка, то — Ольгой. И вот 3 ноября в Царском Селе родилась девочка. «Вечно памятный для меня день, в течение которого я много, много выстрадал, — записал Николай. — Еще в час ночи у милой Аликс начались боли, которые не давали ей спать. Весь день она пролежала в кровати в сильных мучениях — бедная! Я не мог равнодушно смотреть на нее. Около 2 часов дорогая Мама приехала из Гатчины; втроем с ней и Эллой находились неотступно при Аликс. В 9 часов ровно услышали детский писк, и все мы вздохнули свободно! Богом нам посланную дочку при молитве мы назвали Ольгой. Когда все волнения прошли и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся! Слава Богу, Аликс пережила рождение хорошо и чувствовала себя бодро»²³.

После того как родилась Ольга, у Николая и Александры Федоровны через каждые два года появились на свет еще три

дочери: 29 мая 1897 года — Татьяна, 14 июня 1899 года — Мария и 5 июня 1901 года — Анастасия. Родители радовались девочкам, но с каждой новой дочерью им все больше хотелось получить мальчика — наследника трона. Изверившись в возможностях медицины, склонная к мистицизму Александра Федоровна все свое упование перенесла на оккультные силы.

Когда в сентябре 1901 года царская чета еще раз оказалась в Париже, им был представлен маг и чародей, магистр оккультных наук месье Филипп, к услугам которого при лечении своего сына Романа прибегала великая княгиня Милица Черногорская. Месье Филипп, прославивший гипнотизером и шарлатаном, не имел медицинского образования, и тем не менее Николай дал ему чин действительного статского советника, что соответствовало генерал-майору, и зачислил его военным врачом. Месье Филипп производил на своих августейших пациентов самое благотворное влияние, всемерно успокаивая царя и царицу и внушая им, что все у них будет хорошо.

Одновременно во дворцах появляется косноязычный юродивый Митя Козельский, отчетливо произносивший лишь два слова: «папа» и «мама», и именно с этих пор в интимном кругу Романовых так стали называть царя и царицу.

На смену Мите отыскивают и привозят припадочную прорицательницу Дарью Осипову, и рядом с ними мирно уживается еще одна надежда августейших родителей — авторитетнейший иерарх русской православной церкви — отец Иоанн Кронштадтский. Священник одерживает победу и склоняет императрицу поверить в чудодейственную силу Серафима Саровского — пророка, чудотворца и целителя, умершего семьдесят лет назад неподалеку от Арзамаса в Саровской пустыни и похороненного в Дивеевском монастыре.

В середине июля Николай II и Александра Федоровна приехали в Саров. Трое суток молились они днем и ночью, прося чудотворца молиться за них перед престолом Всевышнего о даровании им сына. Особенно глубоко прониклась верой в святого Серафима императрица. Ей казалось, что он — рядом с ними, она даже слышала голос святого.

Уезжая из Сарова в Петербург Александра Федоровна решила, что отныне небесным покровителем ее семьи будет святой старец Серафим. Приехав в Петербург, царица продолжала молиться о даровании ей сына и под новый 1904 год почувствовала, что она опять в положении. На сей раз никаких сомнений у нее не было — это, конечно, мальчик.

30 июля 1904 года в жизни царской семьи произошло событие, которого они ожидали десять лет — в четверть второго дня Александра Федоровна родила сына. Николай II в этот день оставил такую запись: «Незабвенный, великий день для нас, в который так явно посетила нас милость Божья. В 1 1/4 дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем... Нет слов, чтобы суметь отблагодарить Бога за ниспосланное Им утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час. поехал к молебну с детьми»²⁴.

Однако радость отца и матери была безоблачной всего лишь полтора месяца: висевший над ними дамоклов меч дурной наследственности вскоре упал.

Через шесть недель после рождения наследника Николай записал в дневнике: «8-го Сентября. Среда. ...Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось до вечера из пуповины! Пришлось выписать Коровина (лейб-медик, приставленный к Ольге) и хирурга Федорова (лейб-хирург, профессор Военно-медицинской академии); около 7 часов они наложили повязку. Маленький был удивительно спокоен и весел! Как тяжело переживать такие минуты беспокойства!.. 9-го Сентября, Четверг. Утром опять была на повязке кровь: с 12 часов до вечера ничего не было. Маленький спокойно провел день, почти не плакал и успокаивал нас своим здоровым видом»²⁵.

Это был первый приступ гемофилии, — роковой наследственной болезни гессенских герцогов, от которой в семье Александры Федоровны во многих поколениях умирали многие ее мужские представители.

Но если судьба династии герцогов Гессен-Дармштадтских и была от этого непредсказуемой, то судьба династии Романовых становилась фатальной: по закону о престолонаследии царские дочери не имели права на трон и будущее государства становилось весьма неопределенным. Николай с самого начала хорошо понимал это.

Автор одного из самых капитальных трудов по истории русской революции сэр Бернард Пэйрс, писал в своей книге «Падение русской монархии», что 30 июля 1904 года произошло событие, которое более, чем что-либо иное, определило весь позднейший курс российской истории. Пэйрс имел в виду не только рождение наследника, но прежде всего его ужасную болезнь. Вторя ему, великий князь Александр Михайлович утверждал: «Он (Николай II) потерял во

все веру. Хорошие и дурные вести имели на него одинаковое действие: он оставался безразличным, единственной целью его жизни было здоровье его сына. Французы нашли бы, что Николай II представлял собою тип человека, который страдал от собственных добродетелей, ибо Государь обладал всеми качествами, которые были ценны для простого гражданина, но которые являлись роковыми для монарха... Не его вина была в том, что рок превращал его хорошие качества в смертоносные орудия разрушения. Он никогда не мог понять, что правитель страны должен подавить в себе чисто человеческие чувства»²⁶.

А американский биограф семьи Николая Роберт Мэсси, автор великолепной книги «Николай и Александра», возводил болезнь наследника в ранг судьбоносных факторов в истории XX века. Мэсси писал: «Это была ужасная гримаса Судьбы: счастливое рождение единственного сына оказалось смертельным ударом. Уже когда гремели салютующие пушки и развевались флаги, Судьба готовила ужасный сюжет. Вместе с проигранными битвами и потопленными кораблями, вместе с бомбами, революционерами и их заговорами, забастовками и бунтами — царская Россия погибла от небольшого дефекта в организме маленького мальчика»²⁷.

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ

Конец века

А теперь возвратимся на восемь лет назад. 28 мая 1896 года в Нижнем Новгороде на левом берегу Оки открылась самая большая в истории России выставка, призванная продемонстрировать, по словам председателя ее Организационного Комитета министра финансов С.Ю. Витте «Итоги того духовного и хозяйственного роста, которого достигло ныне наше отечество со времени Московской Выставки 1882 года»²⁸.

Говоря о главных достижениях России в газете «Новое Время» за последние 14 лет, Д.И. Менделеев в номере от 5 июля 1886 года привел такие цифры: за эти годы длина железных дорог увеличилась с 22500 до 40000 верст; добыча каменного угля с 230 до 500 миллионов пудов, нефти — с 50 до 350 миллионов, выплавка чугуна — с 28 до 75 миллионов.

Николай и Александра Федоровна приехали на выставку 17 июля и пробыли в Нижнем четыре дня. Осмотр выставки убедил императора в том, что Россия уверенно крепнет и выходит в первую пятерку наиболее развитых держав мира.

С этим ощущением царь и царица отправились в первое после коронации путешествие по Европе.

С ними вместе отправилась в дорогу и десятимесячная дочь — великая княжна Ольга. Ее можно было бы оставить в Петербурге под надежным присмотром мамок и нянек, но мать девочки не мыслила многодневной разлуки и взяла ребенка с собой.

Их путь лежал через Киев, где императорская чета присутствовала при освящении Владимирского собора, столь же выдающегося памятника русского зодчества, как и храм Христа Спасителя в Москве. Оттуда они направились в Бреславль и Герлиц, где проходили крупные маневры германской армии.

Там произошла первая встреча двух последних императоров Германии и России, Вильгельма II и Николая II. Уже тогда Вильгельм намеревался сделать своего кузена союзником, но Николай понимал, что это недопустимо, ибо впереди его ждал Париж, и его союзники находились именно там. Однако, прежде чем уехать, царская чета побывала в Дании и в Лондоне у родственников Александры Федоровны и лишь после этого прибыла в Париж, с нетерпением ожидавший могущественнейшего восточного друга. Раймон Пуанкаре, блистательный депутат парламента, произнося речь перед торгово-промышленными и финансовыми тузами страны, сказал: «Предстоящий приезд могущественного монарха, миролюбивого союзника Франции... покажет Европе, что Франция вышла из своей долгой изолированности, и что она достойна дружбы и уважения»²⁹. Французы готовились к приезду Николая, не намного уступая в этом жителям России, когда ожидался приезд царя в ту или иную область. Железнодорожные билеты в Париж ко дням торжества стоили всего 25% против обычной цены; занятия в школах были отменены на неделю. Для тех, кто хотел наблюдать за проездом царской четы от вокзала Пасси до здания русского посольства на улице Гренель, владельцы домов сдавали места у окон, причем одно окно стоило 5000 франков.

23 сентября Николай и Александра Федоровна прибыли на пароходе в Шербур, где их встретил президент республики Феликс Фор. Восторг и искренняя любовь парижан к царю и России были совершенно неописуемыми и порой не поддавались объяснению — дело дошло до того, что во время богослужения в соборе Парижской Богоматери органист вдруг заиграл русский гимн.

Не желая раздражать «кузена Вилли», Николай почти все время осматривал достопримечательности великого города, всемерно воздерживаясь от политических речей. Царь и царица побывали в парламенте, в Большой опере, в соборе Парижской Богоматери, в Пантеоне, в Доме Инвалидов на могиле

Наполеона, во Французской Академии, в театре Комеди Франсэз, на фарфоровой Севрской мануфактуре, на Монетном дворе, в Лувре и Версале. В последний, пятый, день пребывания в Париже, царская чета уехала в Шалон, где в их честь состоялся большой военный парад. Здесь Николай уже не мог молчать и на банкете, данном офицерами и генералами Франции, сказал: «Франция может гордиться своей армией... Наши страны связаны несокрушимой дружбой. Существует также между нашими армиями глубокое чувство братства по оружию»³⁰.

После этого царь и царица уехали на три недели в Дармштадт, к родителям Александры Федоровны. А в Париже долго еще вспоминали об этом визите, так как он, по всеобщему признанию, способствовал тому, что Франция вышла из оцепенения, в котором она находилась четверть века после разгрома во франко-прусской войне, и снова почувствовала себя могучей великой державой.

Возвратившись из Дармштадта в Петербург, Николай узнал, что за время его отсутствия сильно развернулось, окрепло и организовалось социалистическое движение, руководимое в столице Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», во главе которого стоял брат казненного Александра Ульянова — Владимир с группой своих родственников и товарищей. Между прочим, историк С.С. Ольденбург писал, что В.И. Ульянов был арестован и за то, что был составителем «издевательской листовки по поводу рождения великой княжны Ольги Николаевны»³¹. Правда, среди опубликованных листовок Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» ее почему-то нет³². Как бы то ни было, но стойкая ненависть В.И. Ульянова — будущего Ленина — к семье Романовых четко прослеживается на протяжении всей его жизни.

Борьба с революционным движением, несомненно, была одной из важнейших задач Николая II и всего государственного аппарата России. В это время одним из главных экономических требований руководимых социалистами рабочих было установление восьмичасового рабочего дня и обязательных ежегодных отпусков. Понимая законность этих требований, царская администрация пошла навстречу рабочим и 2 июня 1897 года был издан закон, установивший шестьдесят шесть обязательных праздничных дней, а что касается праздников местных, то объявление их рабочими или нерабочими

днями закон предоставил усмотрению заводчиков и фабрикантов.

К этому же времени рабочий день снизили до десяти часов и только наиболее отсталые рабочие соглашались трудиться по двенадцать часов в смену за мизерные сверхурочные надбавки.

Вследствие всего этого борьба за восьмичасовой рабочий день и дополнительные дни отдыха отступила на второй план.

И все же там, где влияние социалистов было сильным — а это традиционно были наиболее развитые в промышленном отношении города: Петербург, Москва, Иваново-Вознесенск, Екатеринбург, Киев, Лодзь, — там забастовки и стачки продолжались. И тем не менее бурное экономическое развитие России происходило далее. Этому способствовало введение государственной винной монополии, когда все доходы от продажи алкоголя шли в казну; этому способствовало установление твердого курса рубля, получившего золотую основу; этому способствовало энергичное железнодорожное строительство, быстрый рост флота, как торгового, так и военного, создание множества новых заводов и фабрик. При всей привлекательности такого хода развития возник опасный крен, при котором за бортом народнохозяйственного корабля оказалась деревня, пережившая к тому же два неурожайных года подряд — в 1898 и 1899 годах.

Во внешней политике Николай II предлагает всем странам всеобщее разоружение и всеобщий вечный мир, но собравшиеся на Всемирную конференцию в Гааге европейские политики боялись подвоха, подозревая друг друга в коварстве, которое приведет к ослаблению их военной мощи, да и другие страны — США, Япония — довольно прохладно отнеслись к этим предложениям, хотя три конвенции о мире были все же приняты.

Однако центр тяжести своей внешней политики царь перемещает на Восток. Путешествие по странам Африки и Азии оказало сильнейшее воздействие на него, и он под неизгладимым впечатлением того, что видел, считал, что интересы России и даже ее мессианское предназначение — не в Европе, а в Азии. Спутник по путешествию князь Э.Э. Ухтомский, полностью поддерживая это стремление Николая II, писал: «Там за Алтаем и за Памиром, та же неоглядная, неисследованная, никакими мыслителями еще неосознанная допетровская Русь, с ее непочатой ширью предания и неиссякаемой любовью к чудесному, с ее смиренной покорностью, посылаемым за греховность стихийным и прочим бедствиям, с отпечатком строгого величия на всем своем духовном облике... Иные го-

ворят: «К чему нам это? У нас и так земли много». И, повторим: «Для Всероссийской державы нет другого исхода, — или стать тем, чем она от века призвана быть — мировой силой, сочетающей Запад с Востоком, или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы будут еще опаснее, чем западные иноплеменники»³³.

Военный министр, генерал от инфантерии, Алексей Николаевич Куропаткин записал в своем дневнике, что в голове у Николая II сформировался глобальный план захватить Манчжурию, Корею и Тибет, а затем Иран, Босфор и Дарданеллы. Первым шагом в этом направлении стало создание русской лесной концессии на реке Ялу, в Корее. Инициатором ее создания стал полковник Александр Михайлович Безобразов, служивший в Восточной Сибири. В 1901 году, опираясь на поддержку статс-секретаря, а в скором будущем, министра внутренних дел В. К. Плеве, князя Ф. Ф. Юсупова, князя И. И. Воронцова и группы крупных предпринимателей, он создал «Русское лесопромышленное товарищество», получив государственную субсидию в два миллиона рублей. Эта компания дельцов-авантюристов, получившая по фамилии ее руководителя название «Безобразовской клики», стала проводить откровенно агрессивную политику по отношению к Японии, что через три года привело к войне между двумя странами. Сторонники Безобразова в 1903 году добились создания на Дальнем Востоке Наместничества и Особого Комитета, которые подчинялись непосредственно императору.

Наместником на Дальнем Востоке был назначен вице-адмирал Е. И. Алексеев, в недалеком прошлом командир крейсера «Адмирал Корнилов», на котором в 1891 году цесаревич Николай совершал свое плавание. После этого плаванья карьера Алексеева круто пошла вверх: в 1899 году он уже был командующим Тихоокеанским флотом и войсками Квантунской области, оккупированной русскими частями Манчжурии. Он же возглавил и Особый Комитет по делам Дальнего Востока, практически изъязв у петербургских дипломатов все дальневосточные дела.

Безобразовское лобби в Петербурге добилось отставки своего главного противника — министра финансов С. Ю. Витте, окончательно развязав себе руки. Клика исходила из того, что маленькая победоносная война крайне необходима России для укрепления ее внутреннего положения. О том, что война с Японией не может быть иной, ни у одного из русских политиков не вызывало ни малейшего сомнения.

Японцы, зная это, стали усиленно готовиться к войне, ставшей к началу 1904 года неизбежной, и в конце января 1904 года нанесли внезапный удар по русской эскадре, стоявшей на внешнем рейде Порт-Артура. Война началась.

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ

От Порт-Артура до Цусимы

Это произошло в ночь на 27 января, когда десять японских эсминцев, воспользовавшись тем, что внешний рейд Порт-Артура не был защищен никакими средствами охраны, торпедировали два лучших русских броненосца — «Цесаревич» и «Ретвизан» и крейсер «Паллада». Причем, «Ретвизан» не потонул только потому, что сел на мель.

Поврежденные корабли, кроме «Ретвизана» — его сняли с мели через месяц, — отвели на внутренний рейд, а японские эсминцы ушли восвояси. На следующее утро перед городом появилась большая японская эскадра, но русский флот, уже оправившийся от первого удара, вышел в море и с помощью береговых батарей отогнал ее. В этот же день 6 японских крейсеров и 8 миноносцев напали в корейском порту Чемульпо на крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» и после упорного боя утопили их.

Алексеев до самого начала войны был убежден, что японцы станут сносить любые унижения, но на нападение не решатся; и потому он к войне почти не готовился и первый удар противника застал его врасплох. На следующий день после начала войны, 28 января 1904 года, Алексеев был назначен Главнокомандующим всеми морскими и сухопутными силами России на Дальнем Востоке, сохранив за собой и звание Наместника. Сначала его Главная квартира находилась в Порт-Артуре, но в апреле он перенес ее в Мукден.

Как только на театр военных действий приехал Куропаткин, назначенный командующим сухопутными силами, 7 февраля между ним и Алексеевым сразу же возникли непреодолимые разногласия.

Алексеев настаивал на немедленном наступлении, а Куропаткин — на отступлении для концентрации сил, разбросанных на огромном пространстве. Из-за этого генералы получали противоречивые приказания от того и другого и не знали, что предпринимать. Куропаткина тут же стали называть современным Барклаем де Толли, предоставив, таким образом, Алексееву ампулу Кутузова. Но ни тот, ни другой в глазах России великими полководцами не были. Крупным флотоводцем был командующий флотом вице-адмирал Ма-

каров, приехавший в Порт-Артур 24 февраля. Макаров пользовался огромным авторитетом во флоте, ибо был известен не только, как прекрасный моряк, родившийся к тому же в семье солдата, но и как крупный и разносторонний ученый-океанограф, кораблестроитель и полярный исследователь. Все это не позволяло Главнокомандующему вести себя по отношению к Макарову так, как вел он себя с Куропаткиным.

Однако недолго было суждено Макарову командовать флотом: 31 марта 1904 года он погиб, утонув на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на японской mine. В этот же день подорвался на mine и еще один броненосец — «Победа», к счастью, не затонувший. Все это надолго сковало порт-артурскую эскадру, занятую ремонтом и «Победы», и других кораблей: броненосцев «Цесаревич» и «Ретвизан», крейсера «Паллада», а также еще двух русских кораблей — крейсера «Боярин» и минного тральщика «Енисей», подорвавшихся на собственных минах.

31 марта Николай II записал в дневнике: «Утром пришло тяжелое и невыразимо грустное известие о том, что при возвращении нашей эскадры к Порт-Артуру, броненосец «Петропавловск» наткнулся на мину, взорвался и затонул, причем погибли — адмирал Макаров, большинство офицеров и команды. Кирилл — легко раненый (Кирилл Владимирович, великий князь, двоюродный брат Николая II), Яковлев — командир, несколько офицеров и матросов — все раненые — были спасены. Целый день не мог опомниться от этого ужасного несчастья»³⁴.

В Манчжурии был еще один Романов — еще один «Владимирович» — великий князь Борис, тоже вернувшийся с войны живым, но все же царская семья жила в страхе за их жизни и, таким образом, война в Манчжурии не была для них абстракцией и они могли каждый день ожидать сообщения о других «ужасных несчастьях».

И такие сообщения не заставили себя долго ждать. 18 апреля на реке Ялу японцы разбили отряд генерала Засулича, нанеся первое поражение русским войскам. Вслед затем беспрепятственно высадившаяся 2-я японская армия перерезала железную дорогу на Порт-Артур и в середине мая заняла город Дальний (ныне Далянь), полностью блокировав Порт-Артур с суши. Для его деблокады Николай II приказал двинуть на выручку Порт-Артура 1-й Сибирский корпус генерал-лейтенанта Штакельберга, но в двухдневном бою под Вафангоу — 1-2 июля — он был разбит. Еще более серьезное поражение потерпели войска Куропаткина в Ляоянском сражении, длившемся десять дней — с 11 по 21 августа, в котором с обеих сто-

рон действовало около 300 тысяч солдат и офицеров с небольшим перевесом сил у русских в пехоте и кавалерии и со значительным — в артиллерии. И все же из-за необоснованных отходов, плохой разведки, неиспользования в бою части сил и преувеличения сил противника, русские снова отступили и перешли к обороне.

К 23 октября русские войска были переформированы, составив три отдельные армии и заняли позиции на реке Шахэ, образовав почти сплошной фронт длиной в сто километров.

12 октября 1904 года, после проигрыша сражения при Шахэ, Алексеев сдал полномочия Главнокомандующего Куропаткину и вскоре был отозван в Петербург, удовлетвовавшись там местом члена Государственного Совета.

В результате всех этих операций, основная масса русских войск отступила далеко на север от Порт-Артура, оставив крепость один на один с превосходящими силами японцев и на суше и на море.

После нападения на Порт-Артур, гибели С.О.Макарова, высадки 2-й японской армии и поражения 1-го Сибирского корпуса Штакельберга, крепость оказалась блокированной и с моря и с суши. Ее оборону возглавлял генерал-лейтенант А.М.Стессель — военачальник самовлюбленный, невежественный, упрямый и лживый.

Не очень удачным оказался и выбор преемника Макарова — контр-адмирала В.К.Витгефта, человека пассивного, нерешительного и не верившего в успех обороны крепости. Ему тоже недолго пришлось возглавлять порт-артурскую эскадру: 28 июля, когда она под командованием Витгефта вышла в море, контр-адмирал был убит в первом же бою, а эскадра вынуждена была вернуться обратно.

Душой обороны крепости и виновником того, что Порт-Артур продержался почти год, был генерал-лейтенант инженерных войск Р.И.Кондратенко. Под его руководством за очень короткий срок была модернизирована система укреплений крепости и отбиты четыре штурма неприятеля. Он тоже погиб, но это случилось в самом конце обороны — 2 декабря 1904 года.

17 июля японцы вышли к главной линии обороны крепости и через неделю начали ее обстрел. К концу ноября японцы после исключительно тяжелых боев, длившихся около четырех месяцев, захватили господствовавшие над городом высоты и начали вести прицельный огонь по остаткам порт-ар-

турской эскадры и уже полуразрушенным укреплениям крепости.

16 декабря Стессель собрал Военный Совет и тот постановил: сражаться дальше. Однако, нарушив устав, и проигнорировав мнение Военного совета, командующий через четыре дня подписал капитуляцию своей властью.

21 декабря к Николаю, находившемуся в очередной инспекционной поездке по западным военным округам, пришло сообщение о случившемся.

«Получив ночью потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам в виду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! — записал царь в дневнике. — Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать»³⁵.

Россия воздала и героям и трусам. Прах генерала Кондратенко был перевезен в Петербург и с воинскими почестями захоронен в Александро-Невской лавре.

А генерала Стесселя в 1907 году отдали под военный суд, который признал его главным виновником сдачи крепости и приговорил к расстрелу. Правда, сердобольный царь заменил смертную казнь десятилетним тюремным заключением, а в 1909 году и вовсе помиловал его.

Но возвратимся к войне, которая с падением Порт-Артура еще не окончилась. После взятия крепости японцы значительно улучшили свое положение, ибо смогли усилиться в Манчжурии за счет войск, высвободившихся на Ляодунском полуострове. Не теряя времени, японцы перешли в наступление под Мукденом и во второй половине февраля 1905 года снова разбили русских, потерявших 89 тысяч солдат и офицеров и заставили их отступить на 160 километров. Главные силы Куропаткина остановились на Сыпингайских позициях и оставались на них до конца войны.

28 февраля Николай II собрал совещание с присутствием великих князей Алексея Александровича и Николая Николаевича, министра Императорского двора В.Б.Фредерикса и генералов В.А.Сухомлинова, М.И.Драгомирова, К.В.Комарова, П.П.Гессе, Х.Х.Роопа, И.И.Воронцова-Дашкова, на котором было решено заменить Куропаткина генералом от инфантерии Н.П.Линевичем, занимавшим должность командующего 1-й армией. Перемена Главного командующего

ничего не изменила в ходе войны на суше, а ее очаг переместился на море.

Самый первый удар в этой войне японцы нанесли по русскому флоту и во все дальнейшее время систематически били его разрозненные эскадры и отряды, рассредоточенные в разных портах — Владивостоке, Порт-Артуре, Дальнем, Чемульпо. Блокировав главные силы Тихоокеанского флота в Порт-Артуре — 7 броненосцев, 9 крейсеров, 27 миноносцев и 4 канонерские лодки, — японцы сразу же стали полновластными хозяевами морских коммуникаций. Владивостокский отряд контр-адмирала К.П.Иессена был в три раза малочисленнее порт-артурского отряда.

Для усиления 1-й Тихоокеанской эскадры осенью 1904 года из Балтийского моря вышла 2-я Тихоокеанская эскадра из 7 броненосцев, 8 крейсеров и 9 эсминцев, которой командовал вице-адмирал З.П.Рожественский, бывший перед тем начальником Главного Морского штаба.

После ее выхода из портов Балтики, японцы активизировали свои действия против Порт-Артура, чтобы не дать соединиться двум русским эскадрам. Они преуспели в этом, взяв Порт-Артур и уничтожив остатки 1-й Тихоокеанской эскадры на его рейде.

И все же Николай II решил оставить старый план в действии, усугубив его тем, что послал вдогонку еще одну эскадру — 3-ю, состоявшую из 4-х броненосцев и 1-го крейсера. Эскадра вышла в начале февраля 1905 года из Либавы (ныне Лиепая) под флагом контр-адмирала Н.И.Небогатова. 26 апреля 2-я и 3-я эскадры соединились и утром 14 мая вошли в Корейский пролив, держа курс на Владивосток, но тут же неподалеку от острова Цусима были обнаружены японским дозорным крейсером, после чего в час дня появились главные силы неприятельского флота в 121 боевой корабль и перерезали путь русскому флоту, состоявшему из 39 кораблей. Кроме того японские корабли имели бульшую, чем у русских, маневренность, а также и более высокую скорострельность: каждую минуту японцы посылали 360 снарядов, а русские могли ответить на это лишь 134 выстрелами.

Рожественский потерял управление боем, а когда сдал командование Небогатову, тот уже никак не мог изменить ход боя в свою пользу. День 14 мая закончился гибелью 4-х русских броненосцев, одного крейсера и одного транспорта, а ночью, после атаки японских миноносцев, затонул еще один броненосец и один крейсер. Эскадра Небогатова утром 15 мая была окружена превосходящими силами противника и сдалась на милость победителей. Сдался и эсминец «Бедовый».

на котором находился раненый Рождественский. Еще три крейсера повернули на юг и ушли в Манилу, где были интернированы. И лишь один крейсер «Изумруд» прорвался на север, надеясь дойти до Владивостока, но в заливе Владимира сел на мель и был взорван командой.

Остальные корабли продолжали бой и 15 мая. Но так как силы стали еще более неравными, японцы утопили в этот день 2 броненосца, 3 крейсера и эсминец; 3 эсминца были потоплены своими командами и один интернировался в Шанхае. Во Владивосток прорвались лишь крейсер «Алмаз» и 2 эсминца — это было все, что осталось от русского военного флота на Тихом океане.

... В тот день, когда крейсер «Алмаз» и два эсминца вошли в бухту Золотой Рог, Николай II еще не знал о произошедшей катастрофе. 16 мая он записал в дневнике: «Сегодня стали приходить самые противоречивые вести и сведения о бое нашей эскадры с японским флотом — все насчет наших потерь и полное умолчание о их повреждениях. («Полное умолчание о их повреждениях» объяснялось тем, что японцы не потеряли ни одного корабля) Такое неведение ужасно гнетет!»³⁶.

17 мая «тяжелые и противоречивые известия продолжали приходить относительно неудачного боя в Цусимском проливе»³⁷. И лишь 19 мая «окончательно подтвердились ужасные известия о гибели почти всей эскадры в двухдневном бою»³⁸. И, наконец, 25 мая появилась еще одна запись: «Принял американского посла Мейера с поручением от Рузвельта»³⁹.

Это было письмо, в котором президент США Теодор Рузвельт предлагал царю свои посреднические услуги в деле мирного урегулирования между Россией и Японией. А на следующий день Рузвельт официально обратился к воюющим державам с предложением мирных переговоров. Они начались 27 июня 1905 года в американском городе Портсмуте и завершились 23 августа подписанием договора, по которому Порт-Артур и Дальний, Южно-Манчжурская железная дорога и Южный Сахалин отходили Японии. Из-за того, что после подписания договора глава русской делегации премьер-министр С. Ю. Витте был удостоен Николаем II титула графа, его тут же прозвали графом Витте-«Полусахалинским», и причислили его к тем, кого считали виновными за проигрыш в этой войне.

А после того, как из японского плена вернулись неудачливые флотоводцы Рождественский и Небогатов, полку «героев» прибыло и они также как и Стессель, предстали перед военным судом. Рождественский только из-за того, что оказался тяжело раненым, был оправдан, а Небогатова, за нарушение традиций русского флота и сдачу в плен, суд приговорил к

расстрелу. И здесь, как и в случае со Стесселем, Николай сначала заменил смертную казнь десятью годами тюрьмы, а через два года, также, как и Стесселя, помиловал и Небогатова.

Такие действия императора объяснялись не только и не столько его добротой и мягкосердечием, сколько политическими соображениями, ибо за время русско-японской войны у него, как у самодержца, выявилось множество настоящих врагов и для борьбы с ними надлежало собрать воедино всех, кто стоял под знаменем монархии.

А Стессель, Рожественский, Небогатов и им подобные были искренней и надежной опорой трона, и можно ли было считать их врагами, если им в служении престолу, просто-напросто, не повезло?

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯ

Воскресение столглавой гидры террора

И вновь отступим назад, на сей раз на три года. В конце 1901 — начале 1902 годов произошло объединение разрозненных народовольческих организаций, называвших себя теперь «социалистами-революционерами», существовавших нелегально и в России и за границей.

В Берне, благодаря усилиям супругов Житловских, обосновалось руководство «Заграничного союза социалистов-революционеров», члены которого жили во многих странах Европы и Америки. В России до объединения существовало несколько не имевших единого центра, но все же связанных между собою организаций — «Южная партия социалистов-революционеров», «Северный Союз социалистов-революционеров», «Аграрно-социалистическая лига» и еще несколько более мелких (в аббревиатуре «СР» и члены именовали себя «эсерами»). Считая себя носителями традиций «Народной воли», члены этих организаций исповедовали и индивидуальный террор. Первый выстрел, прозвучавший после долгого перерыва 14 февраля 1901 года, был направлен в министра народного просвещения, профессора римского права Н. П. Боголепова. Его смертельно ранил эсер Петр Карпович, 27-летний нигилист, недоучившийся студент, тот социальный элемент, о котором виленский генерал-губернатор, князь П. Д. Святополк-Мирский сказал так: «В последние три-четыре года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать семью и религию, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней»⁴⁰. Боголепов умер 2 марта, а Карповича приговорили к 20 годам каторги, но

уже в 1907 году он был переведен на поселение, откуда благополучно бежал за границу, и вскоре же, нелегально вернувшись в Россию, принялся за прежнее дело — подготовку террористических актов.

После убийства Боголепова, эсеры поняли, что эпоха смертных казней отошла в прошлое и вплотную занялись созданием партии. Инициатором этого стал руководитель московских эсеров А.А.Аргунов. Однажды у него на квартире появился приехавший из-за границы эсер Евно Фишелевич Азеф, пользовавшийся репутацией честного и стойкого революционера, на самом же деле — агент московского Охранного отделения. Полностью доверяя Азефу, Аргунов вскоре узнал, что его новый товарищ уезжает за границу, и тут же вручил ему все адреса, явки, пароли, фамилии и отрекомендовал Азефа с самой лучшей стороны, как представителя эсеров-москвичей. Одновременно поехал за границу с той же целью представитель эсеров-южан и северян Григорий Гершуни. Встретившись, Азеф и Гершуни быстро обо всем договорились и в дальнейших переговорах — в Берлине, Берне и Париже — держались вместе и выступали заодно.

Временным центром партии был объявлен Саратов, где находилась старая народоволка Е.К.Брешко-Брешковская, названная впоследствии «бабушкой русской революции», а главный печатный орган, газету «Революционная Россия», решено было выпускать в Швейцарии. Ее редакторами стали М.Р.Гоц и В.М.Чернов*. Эти люди составили руководящее ядро новой партии и Азеф оказался тесно связанным с каждым из них.

В конце января 1902 года Гершуни отправился в Россию для того, чтобы объехать все организации и договориться об их участии в предстоящем учредительном съезде. Разумеется, Азеф еще до его выезда уведомил Департамент полиции и о сроках и о маршруте его поездки, решительно настаивая, чтобы жандармы ни в коем случае не арестовывали его, но неотступно следили за всеми, с кем он станет встречаться. Жандармы так и сделали, надеясь, что в конце поездки Гершуни досконально выявит весь будущий актив партии. Однако Гершуни с самого начала заметил слежку и ловко ушел от преследователей.

Первое, чем он занялся, стала подготовка покушения на министра внутренних дел Д.С.Сипягина. На это убийство вы-

* Может показаться излишним столь немалый перечень эсеров-основателей партии, однако здесь перечисляются только те, кто сыграет впоследствии важную роль в революции и в гибели династии Романовых.

звался киевский студент Степан Балмашов. В случае, если бы Сипягина убить не удалось, следующей его жертвой должен был стать Победоносцев. Приготовления к теракту велись в Финляндии. 2 апреля 1902 года Балмашов, одетый в форму офицера, приехал в Петербург и направился в Мариинский дворец, где вскоре должен был собраться Государственный Совет. Отрекомендовавшись адъютантом великого князя Сергея Александровича, он был пропущен в приемную Сипягина, и когда тот вошел, Балмашов вручил ему конверт, в котором будто бы находилось письмо от Сергея Александровича, — на самом же деле там находился приговор министру. И как только Сипягин разорвал конверт, Балмашов двумя выстрелами в упор сразил его.

По распоряжению Николая II Балмашова судил военный трибунал, а это означало, что его ждет смерть, ибо гражданские суды к смерти приговаривать не могли: потому-то Карпович и отделался каторгой.

Балмашова приговорили к повешению и 3 мая в Шлиссельбурге он был казнен. Это была первая политическая казнь в царствование Николая II.

На место Сипягина уже через два дня после его смерти был назначен статс-секретарь по делам Финляндии, сторонник крутых мер в борьбе с терроризмом Вячеслав Константинович Плеве — сын калужского аптекаря, выучившийся на медные деньги в университете, и в душе глубоко презиравший аристократию.

«Хороший юрист, он знал цену облику закономерности, хотя бы она прикрывала, как венецианские дворцовые фасады — грязь каналов, гнусную грязь провокации и предвзятых ревизий. Умный администратор, наконец, Плеве притворялся перед каждым нужным ему человеком искренним слугою родины и народа и любил в туманных выражениях обнаруживать якобы таившиеся в нем залежи либерального золота, на деле бывшего лишь серным колчеданом. Словом, это была нешаблонная, сложная натура, на голову превосходившая всех влиятельных членов правительства... Это была драгоценная жизнь и на охрану ее не следовало жалеть ни денег, ни людей. Министерский дом и улицы, отделявшие его от Государственного Совета, дворцов и вокзалов, закипели агентами охранного отделения. Велосипедисты, шмыгавшие около кареты министра, приличные молодые люди, на рысачках следовавшие впереди или сзади ее, — все это были чины охраны, в общей сложности стоившие стране сотни тысяч рублей за всякий год министерской жизни. При этом лично Плеве не был трусом и любил обуславливать свои обещания стереотипным:

«Если завтра буду жив». Вознаграждение министра достигало почтенных размеров. Будучи неподкупным и ничего ранее не скопив, он оставил своей семье за два года до 150 тысяч рублей...»⁴¹.

Плеве поставил перед собой задачу централизовать государственный аппарат, отождествляя степень централизации с мощностью государства. Своими главными противниками он считал революционеров и земства, и — в дальней перспективе — самого С.Ю.Витте, после того, как в августе 1903 года Сергей Юльевич стал Председателем Совета Министров.

Созданной эсерами Боевой организацией, — чьим прототипом был Исполнительный Комитет «Народной Воли», — с самого начала руководил Гершуни, полный самых смелых планов. После убийства Сипягина Гершуни стал готовить покушение на Плеве, одновременно и параллельно прорабатывая и покушение на уфимского губернатора Н.М.Богдановича, виновного в расстреле рабочих-стачечников в Златоусте, случившегося там 13 марта 1903 года. А уже 6 мая, когда Богданович прогуливался в одной из укромных аллей Соборного сада, к нему подошли два молодых человека и, вручив ему приговор Боевой организации, расстреляли его из браунингов и скрылись. Поиски их оказались совершенно безрезультатными.

А вот Гершуни не повезло: по дороге из Уфы в Киев он был арестован, немедленно препровожден в Петербург и отдан под трибунал, который и приговорил его к смерти, однако, по кассации смерть заменили ему вечной каторгой, после чего он повторил то, что сделал до него Карпович — осенью 1906 года бежал из акатуйской тюрьмы, и через Китай и США добрался до Европы.

Правда, жить ему оставалось недолго — в 1908 году он умер в Цюрихе.

Главным же во всей истории с Гершуни было то, что на его месте, во главе Боевой организации эсеров оказался Евно Азеф.

Когда он «принял дела», — а главным из них была подготовка убийства Плеве, — Россия переживала и негодовала из-за недавно произошедших в Кишиневе кровавых и широкомасштабных еврейских погромов, главным виновником и даже организатором которых называли Плеве. И таким образом, убийство Плеве становилось не просто очередной задачей, но актуальной политической необходимостью. К тому же, не следует забывать, что Азеф был евреем.

После долгой и тщательной подготовки покушение было назначено на 31 марта 1903 года, но потом перенесено на 14

апреля, и в ночь перед этим самым днем на собственной бомбе подорвался один из террористов — Покотиллов. И, наконец, только 15 июля Плеве был убит. Террорист Егор Созонов, недоучившийся студент, революционер-подпольщик, бежавший из сибирской ссылки за границу и нелегально вернувшийся в Россию, бросил внутрь кареты 12-фунтовую бомбу, которая разнесла на куски и министра и его карету.

Но, хотя и говорилось тогда, что «свято место пусто не бывает», однако место министра внутренних дел пустовало полтора месяца. И это в такую-то жаркую пору! По-видимому, святым его не считали. Наконец, 26 августа появился новый министр, чье имя не внушало особых ожиданий к переменам: князь Петр Данилович Святополк-Мирский, генерал-лейтенант, в 1900-1902 годах товарищ Плеве по министерству, и одновременно командующий Корпусом жандармов, по мнению многих, должен был проводить прежнюю линию. Однако наиболее сведущие в политических делах уверяли, что князь, хотя и бывший шеф жандармов, но сторонник либерализации и сближения власти с умеренной оппозицией.

Из-за того, что Плеве никогда никаких надежд на ослабление режима не подавал и был виновником и кишиневского еврейского погрома, и ужесточения содержания заключенных, и расстрела рабочей сходки в Златоусте, то и реакция общества на его убийство оказалась на редкость единодушной — интеллигенция ликовала. И как это не походило на реакцию общества за сорок лет перед тем, когда бомбы бросали в министров Александра II!

Случилось так, что, узнав об участии в покушении собственного сына, Созонов-отец — крестьянин-старообрядец, ставший лесопромышленником, — стыдясь глядеть людям в глаза, ночью сел в поезд и из Уфы поехал в Москву, чтобы затем добраться до Петербурга. В вагоне его случайно узнали и в вагон стали заходить люди, желавшие поглядеть на отца террориста, познакомиться с ним, расспросить о сыне. Все они пожимали С.Л.Созонову руку, поздравляли его с тем, что у него такой прекрасный сын. А когда он вошел на одной из станций в буфет, то к нему с бокалами подошла компания офицеров и выпила за его здоровье: русское общество не воспринимало больше террористов, как исчадний ада, а видело в них благородных борцов за народное счастье.

Когда отец Созонова приехал в Петербург, он узнал, что сын его жив, но тяжело ранен, и это обстоятельство смягчило его участь в глазах судей, которые приговорили убийцу не к смерти, а к пожизненной каторге.

Впрочем каторга для Созонова оказалась недолгой: в 1910 году, протестуя в защиту двух каторжан, подвергнутых порке, он покончил с собой, приняв яд.

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАЯ

Три года пожаров и крови

Террористическими эксцессами сотрясалась Россия в годы, предшествовавшие русско-японской войне. Но гораздо более серьезными, хотя и не столь романтическими, были дела другой радикальной партии — РСДРП, которая в эти же годы расшатывала Россию не индивидуальным террором, а планомерной организационной и пропагандистской работой, по далеко идущей программе, ставящей целью свержение самодержавия и установление своей собственной диктатуры, которую из конспиративных соображений вожди и теоретики этой партии называли «диктатурой пролетариата».

К началу русско-японской войны РСДРП имела довольно сильное влияние среди рабочих центральных и западных губерний России и в крупнейших промышленных городах: в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Варшаве и других.

И, когда в связи с неудачами в войне, недовольство царем и его правительством обострилось, именно эта партия оказалась впереди тех, кто решительнее, громче и нетерпеливее других заявлял о необходимости кардинальных перемен в жизни России.

Сдерживающим началом в рабочем движении были лишь наиболее откровенные оппортунисты правого толка — легальные марксисты, экономисты и только что появившиеся на исторической сцене меньшевики, но их было мало и на положение дел на заводах и фабриках они почти не влияли. Гораздо более эффективным средством борьбы с революцией были так называемые «зубатовские» организации, получившие название по фамилии их основателя — жандармского полковника Сергея Васильевича Зубатова, начальника Московского охранного отделения. Эти организации ориентировали рабочих на мирный диалог с предпринимателями и властями, отказываясь от забастовок и тем более политических требований, и ставя во главу улучшение экономического состояния рабочих: повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда, страхование и т.д. Из-за всего этого сущность «зубатовских» организаций левые радикалы называли «полицейским социализмом». Но для царского правительства даже и они были неприемлемы, ибо временами и их члены оказывались вовлеченными в стачки и

забастовки и вместе с другими подрывали устои государства. Расшатыванию политической ситуации в России способствовали и меры либерализации режима, предпринятые Святополк-Мирским. Он добился от Николая II частичной амнистии, ослабил цензуру, разрешил проведение земских съездов.

В ноябре 1904 года министр выступил с проектом реформ о включении в Государственный Совет выборных представителей от земств и городских дум, вернувшись к тому, чего почти четверть века назад добился от Александра II М.Т.Лорис-Меликов. Министр добился того, что 12 декабря 1904 года Николай II издал указ, обещавший ряд реформ.

Радикальные элементы России воспринимали все это, как очевидное доказательство слабости самодержавия и усилили натиск на него на всех фронтах, в результате чего во всей стране создалась нестабильная, взрывоопасная обстановка.

И наиболее угрожающей оказалась она в столице империи — Санкт-Петербурге, где достаточно было одной искры, чтобы пожар революции вспыхнул.

И она была высечена в цехах военного Путиловского завода в конце декабря 1904 года, когда там уволили четырех рабочих, состоявших в «зубатовской» организации, называвшейся «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», организации, возглавляемой кандидатом богословия, священником Петербургской пересыльной тюрьмы Георгием Гапоном. Отец Георгий пытался договориться о их восстановлении на работе с администрацией завода, с чиновниками военных ведомств, ибо завод работал на войну, но его старания не увенчались успехом. Тогда Гапон призвал путиловцев к забастовке протеста и 3 января огромный завод остановился. Но на сей раз стачечники говорили уже не только о возвращении на работу своих уволенных товарищей, а предъявили целый набор и экономических и политических требований. К путиловцам присоединились рабочие и других петербургских заводов и фабрик и стачка стала всеобщей. Все происходящее в Петербурге разворачивалось на фоне других событий: 2 января пал Порт-Артур, 5-го в Баку стачечники столкнулись с войсками, тогда же в Риге произошла мощная демонстрация, и в тот же день в Екатеринославе было совершено покушение на полицмейстера. 7 января произошла демонстрация в Люблине, а стачечники Баку снова столкнулись с войсками — на сей раз с казаками. И, наконец, в самый канун Кровавого воскресенья — 8 января — еще две политических демонстрации случились в Польше — в Ченстохове и Седлеце.

5 января министр финансов В. Н. Кокковцев доложил Николаю II, что стачку в Петербурге первыми начали рабочие Путиловского завода и их требования передал хозяевам и администрации завода лично Гапон: «Несомненно, — писал Кокковцев, — что рабочим никоим образом не может быть предоставлено право устанавливать для самих себя размер заработной платы и решать вопросы о правильности увольнения со службы тех или иных рабочих, ибо в таком случае рабочие сделаются хозяевами предприятий, а владельцы заводов, несущие на себе весь риск производства, лишились бы законного права распоряжаться своим собственным делом.»⁴²

А 6 января дело уже дошло до всеобщей забастовки, в которой приняли участие почти все заводы столицы. Правительство, преувеличив опасность, пошло на неадекватные меры.

7 января войска Петербургского гарнизона были распределены по объектам. На четыре электростанции города и пять газовых заводов были наряжены семь с половиной армейских и гвардейских пехотных рот, на Путиловский завод — два батальона Лейб-гвардии, и еще две кавалерийских сотни на другие объекты⁴³. Однако уже к утру 8 января было послано в помощь полиции еще девятнадцать рот, которые расставили у телеграфа, на вокзалах, в парках конножелезных дорог, у арсенала и военных заводов⁴⁴.

Потом в течение дня в город вошли гвардейские кавалерийские полки из Петергофа и Царского Села и армейские части Пскова и Ревеля, а к утру 9 января на улицах, площадях и мостах Петербурга стояло уже 30 тысяч солдат и офицеров и не менее 10 тысяч полицейских.

7-8 января на рабочих окраинах Петербурга царило необычайное оживление. Один из очевидцев этого писал: «Вечером у помещений отделов («Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга») виднелось море человеческих голов. На улице, в отдельных группах, слышались разговоры о войне, о тягостных ее последствиях для народа, о всеобщей забастовке. Иногда какой-либо вопрос, связанный с петицией и обсуждавшийся в зале отделов, выносился на улицу.

Ораторы взбирались на какую-нибудь импровизированную трибуну, вроде опрокинутой бочки, и говорили толпе.

В некоторых отделах петиция читалась народу из открытого окна собрания, и народ слушал ее благоговейно, как в церкви. Многие, несмотря на мороз, стояли без шапок. Недостаточно понятные места петиции вновь и вновь толковались, каждый отдельный пункт ее вновь и вновь ставился на баллотировку. Толпа выражала свое сочувствие криками и да-

леко уносящимся гулом голосов. Иногда она повторяла в знак сочувствия последние слова фразы, подхватывая их, как хор подхватывает запевалу»⁴⁵.

8 января Гапон отправил министру Внутренних дел Святополк-Мирскому письмо, извещая его, что 9 января в 2 часа дня на Дворцовую площадь явится мирная манифестация рабочих для вручения царю петиции. Текст петиции прилагался к письму. Свои чувства и просьбы завтрашние манифестанты изложили в самых миролюбивых и почтительных тонах, назвав свое обращение к царю «Великим прошением». «Государь, — писали уполномоченные ими, Гапон и рабочий Васильев, — мы, рабочие и жители города Санкт-Петербурга разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, Государь, искать правды и защиты...»⁴⁶

Главной просьбой рабочих был созыв Учредительного собрания, в котором были бы представители всех классов, сословий и профессий. А кроме того, они просили провести всеобщую амнистию для политических заключенных, прекратить войну, передать землю народу, снизить кредитные ставки, ввести 8-часовой рабочий день, установить нормальную заработную плату и государственное страхование рабочих. А заканчивалась петиция так: «Вот, Государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организовать для защиты своих интересов от эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничье правительство.

Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда дальше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее»⁴⁷.

Последние слова «Великого прошения» оказались Великим пророчеством: царь не отозвался на их просьбу, ответив ружейным огнем, и многие из них умерли здесь, на этой площади, перед его дворцом, и их жизни стали жертвой для пострадавшей России...

В тот же день 8 января у петербургского градоначальника, генерал-адъютанта И.А.Фуллона состоялось совещание о совместных действиях армии, гвардии и полиции с князем

С. И. Васильчиковым — командиром гвардейского корпуса, назначенного царем «главноначальствующим по подавлению беспорядков». Присутствовали и другие высокие чины, ответственные за положение в городе. (Хотя на самом деле главным был не князь Васильчиков, а петербургский генерал-губернатор великий князь Владимир Александрович, но его роль во всех этих делах по политическим соображениям не афишировалась)

А на следующий день в Петербурге началась первая русская революция. Во многом совершенно непредсказуемая, своеобразная и неожиданная в своих проявлениях история России преподнесла миру еще один парадокс: революция началась не в результате усилий оппозиционных или враждебных царизму социальных элементов и партий, а благодаря деятельности благонамеренных и законопослушных подданных, объединенных в лояльную промонархическую организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», и не усилиями эсеров и большевиков, а по инициативе священника Гапона и его сторонников.

К 10 часам утра у Нарвского отдела гапоновского Общества собралось около 20 тысяч человек. К ним, в рясе, с обнаженной головой, с крестом в руке вышел отец Георгий. Напутственное слово произнес инженер-путиловец, эсер П. М. Рутенбург. Около 11 часов рабочие, празднично одетые, с разнаряженными по-праздничному женами, и с детьми, спокойно и медленно двинулись к центру города, неся флаги, хоругви и портреты царя и царицы. Рабочие пели церковные гимны, и, увидев все это, первые полицейские пикеты, сняв шапки, примкнули к манифестантам, а два полицейских офицера пошли впереди колонны.

Не доходя двух метров до Нарвских ворот, идущие увидели солдатские цепи и впереди них ряды кавалеристов с обнаженными саблями в руках. Толпа, не останавливаясь, шла вперед, как вдруг, без всякого предупреждения, конники ринулись вперед и стали топтать и рубить людей. И тут же затрещали винтовочные залпы пехоты. Одними из первых пали полицейские офицеры, а вскоре, раненый в плечо и в руку, почти обезумевший Гапон, бежал вместе с Рутенбургом, крича: «Нет у нас больше царя!» Рутенбург увел Гапона к одному из своих друзей и спрятал его там.

Манифестанты, кроме Нарвского отделения, собрались еще и в трех других — на Петербургской стороне, на Васильевском острове и на Шлиссельбургском тракте. И все они бы-

ли также расстреляны и порублены, как и манифестанты, шедшие к Нарвским воротам. Максим Горький, бывший очевидцем событий, происходивших у Троицкого моста, писал по горячим следам, в очерке «9-е января»: «И вдруг в воздухе что-то нервно и сухо просыпалось, дрогнуло, ударило в толпу десятками невидимых бичей. На секунду все голоса вдруг, как бы замерли...

— Холостыми... — не то сказал, не то спросил бесцветный голос.

Но тут и там раздавались стоны, у ног толпы легло несколько тел. Женщина, громко охая, схватилась рукой за грудь и быстрыми шагами пошла на штыки.

И снова треск ружейного залпа, еще более громкий, более неровный. Люди падали по двое, по трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то прихрамывая, и всюду на снегу обильно вспыхнули яркие красные пятна. Они расползались, дымились, притягивая к себе глаза... Толпа подалась назад, на миг остановилась, оцепенела, и вдруг раздался дикий, потрясающий душу вой сотен голосов. Он родился и потек по воздуху непрерывной, напряженно дрожащей пестрой тучей криков острой боли, ужаса, протеста, тоскливого недоумения и призывов на помощь. Наклонив головы, люди группами бросились вперед, подбирать мертвых и раненых. Раненые тоже кричали, грозили кулаками, все лица вдруг стали иными, и во всех глазах сверкало что-то почти безумное. Паники не было. Был ужас, жгучий, как промерзшее железо, он леденил сердце, стискивал тело и заставлял смотреть широко открытыми глазами на кровь, поглощавшую снег, на окровавленные лица, руки, одежды, на трупы... Топтались на одном месте, точно опутанные чем-то, чего не могли разорвать; одни, молча и озабоченно носили раненых, подбирали трупы, другие, точно во сне, молча, смотрели на их работу, ошеломленно, в странном бездействии...»⁴⁸

Всего было убито и ранено более четырех тысяч человек. К вечеру в разных местах города стали возникать баррикады, но войска и полиция быстро сносили их, расстреливая и арестовывая сопротивляющихся.

Через три дня в Петербурге наступило затишье, но это, воистину, было затишье перед бурей. А она уже началась, всколыхнув Великий, но отнюдь не Тихий Океан, в который за один-два дня превратилась Россия.

А сейчас, немного забегаая вперед, для того чтобы не нарушать связность повествования, расскажем о судьбе вдохно-

венного вождя петербургских рабочих — отца Георгия, рыцаря без страха и упрека в глазах сотен тысяч его сторонников и приверженцев.

Эсер Рутенбург, спасший его 9 января, вскоре нелегально, под чужим именем переправил Гапона через русско-германскую границу в Тильзит. Оттуда отец Георгий добрался до Берлина и в конце концов оказался в Женеве. Вся радикальная и социалистическая Европа бурно чествовала его. И только известный австрийский социалист Виктор Адлер не в унисон со всеми сказал, что имя Гапона было бы лучше числить в списке погибших героев, как до сих пор, чем продолжать иметь с ним дело, как с вождем. И вскоре все признали правоту Адлера, ибо отец Георгий внезапно превратился в кутилу, мота, бабника и игрока.

В ноябре 1905 года, после объявления амнистии, он вернулся в Петербург и попытался воссоздать свою старую организацию, но к нему никто не пошел и он оказался генералом без армии, — даже генералом в отставке, но без пенсии. А изменить образ жизни он уже не мог и охотно пошел в тайные полицейские осведомители. Гапон попытался вовлечь в свои сети Рутенбурга, связанного с Боевой организацией своей партии, но тот сразу почуял неладное, и для вида согласившись с Гапоном на сотрудничество, тут же все рассказал Азефу.

ЦК партии эсеров поручил Рутенбургу убить Гапона.

28 марта 1906 года Рутенбург привез Гапона на уединенную пустую дачу под Петербургом, в одной из комнат которой за тонкой дощатой перегородкой засела группа эсеров-боевиков. Они должны были стать свидетелями откровенного разговора Гапона с Рутенбургом.

Разговор начался с того, что Рутенбург назвал сумму — 25 тысяч рублей, — которую ему предложили жандармы за выдачу террористов. И тут же добавил, что это ничтожно малая сумма.

— Чего ты ломаешься. 25 тысяч — хорошие деньги! — говорил Гапон.

— Но меня еще и совесть мучает, — сказал Рутенбург, — ведь если их арестуют, то обязательно всех и повесят.

— Ну, что ж! Лес рубят — щепки летят.

Когда разговор был закончен, Рутенбург открыл дверь и в комнату ворвались боевики. Среди них Гапон узнал и нескольких близких к нему рабочих-активистов.

Гапон, встав на колени, молил их простить его, но разъяренные боевики накинули ему на шею петлю и повесили на заранее вбитом крюке...

А теперь возвратимся обратно, к 9 января и узнаем, а что же в тот день и в дни последующие делал царь.

9 января Николай II, приказав поднять над Зимним дворцом черно-золотой императорский штандарт, — знак того, что он находится там, — в самый канун событий уехал в Царское Село.

9 января вечером Николай II записал в дневник: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых.

Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Мама осталась у нас на ночь»⁴⁹.

Стало быть, Мария Федоровна уехала из Петербурга еще до того, как стали стрелять. Она присоединилась к семье перед ранней обедней, отстояла и отмолилась вместе со своими близкими в церкви и пошла завтракать за один с ними стол.

И вот в это-то время в городе все и началось.

После завтрака Николаю начали непрерывно докладывать — по телефону и устно — о событиях в Петербурге. И к вечеру обстановка в столице казалась ему настолько еще неопределенной и опасной, что было решено не отправлять из Царского Села Марию Федоровну, а оставить ее вместе со всеми.

10 января Николай записал в дневнике: «Сегодня особых происшествий в городе не было. Были доклады. Завтракал дядя Алексей (Великий князь, генерал-адмирал Алексей Александрович). Принял депутацию уральских казаков, приехавших с икрою. Гулял. Пили чай у Мама. Для объединения действий по прекращению беспорядков в Петербурге решил назначить генерал-майора Трепова генерал-губернатором столицы и губернии. Вечером у меня состоялось совещание по этому поводу с ним, Мирским и Гессе. Обедал Дибич (дежурный)»⁵⁰.

Обычная запись с указанием того, с кем завтракал и с кем обедал — Н.М.Дибич, всего-навсего дежурный флигель-адъютант, морской офицер. Не забыта и делегация уральских казаков, подаривших икру. И наряду с этим сообщение об очень важном событии о совещании со Святополк-Мирским, дворцовым комендантом, генерал-лейтенантом П.П.Гессе и кандидатом на должность Генерал-губернатора Санкт-Петербурга и губернии генерал-майором Д.Ф.Треповым.

Д.Ф.Трепов был сыном Ф.Ф.Трепова, того самого градоначальника и обер-полицмейстера Петербурга, в которого 24 января 1878 года стреляла Вера Засулич. Дмитрий Федорович.

окончив Пажеский корпус, служил в лейб-гвардии и знакомство с ним Николая произошло при трагикомических обстоятельствах в день похорон Александра III.

Когда 1 ноября 1894 года траурная процессия шла от вокзала в Петропавловскую крепость, ротмистр Д. Ф. Трепов находился во главе своей роты, стоящей на пути следования гроба императора. Увидев идущего за погребальной колесницей нового императора Николая II, лихой ротный, строго придерживаясь устава, требовавшего встречать государя с видом радостным и бравым, ничтоже сумняшеся, рявкнул:

— Гляди веселей!

Николай, как ни был убит горем, но команду хорошо слышал и спросил одного из великих князей, шедшего рядом с ним:

— Кто этот дурак?

— Дмитрий Трепов, — услышал он в ответ и навсегда запомнил удалого молодца.

Через два года после этого эпизода Николай II утвердил его на должность московского обер-полицмейстера, где он отлично служил, снискав благорасположение великого князя Сергея Александровича. И вот его-то и назначил Николай на пост генерал-губернатора Петербурга и губернии.

Вследствие чего великий князь Владимир Александрович оставил этот пост. Он оказался не единственным из членов царской семьи, вынужденным повиноваться силе обстоятельств: через несколько дней, 14 января, подал в отставку и Сергей Александрович, московский генерал-губернатор. А еще через четыре дня по их стопам проследовал и Святополк-Мирский, передав свой портфель Александру Григорьевичу Булыгину — в прошлом видному судебному деятелю, крупному администратору, последние три года занимавшему пост помощника московского генерал-губернатора. Именно близость к великому князю Сергею Александровичу и предопределила успех в карьере Булыгина.

Таким образом ключевые посты заняли Трепов и Булыгин — коллеги Зубатова по службе в Москве, ставленники великого князя Сергея Александровича.

Казалось, что хотя Сергей Александрович и смещен, проведение его политической линии все же обеспечивается. И все таки это было не так — Россия продолжала бурлить, и по всей стране катилась мощная волна забастовок и демонстраций. Правительство понимало, что силой ничего не добьешься и пошло на уступки.

3 февраля с 11 часов утра до 4 часов дня в присутствии Николая II заседал Совет министров, обсуждавший вопросы о

войне, революции и созыве местных выборных представителей. Наконец-то созыв Государственной Думы был признан и царем, как необходимость.

Общество возвратилось к тому же состоянию, какое было в канун последнего покушения на Александра II, когда он, подписав Манифест о созыве местных представителей, отправился в Манеж, чтобы пасть от бомбы Гриневицкого.

4 февраля, рок преследующий Романовых, еще раз окрасил их кровью русский снег. На сей раз бомба взорвалась не в Петербурге, а в московском Кремле, но убийца был все из той же «Народной Воли», называвшейся теперь партией социалистов-революционеров.

Отвечая на расстрел в Петербурге, московская организация эсеров создала боевую группу для убийства московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича. Сценарий был прежним: установить маршрут и время поездок намеченной жертвы и взорвать его бомбой. Дядя царя был повинен в Ходынке, он выселил из Москвы десятки тысяч евреев, покрывал казнокрадов и взяточников и беспощадно расправлялся с революционерами.

Именно поэтому он и стал первой жертвой революционного террора в 1905 году. Бомбистами были определены Куликовский и Каляев. Установив все, что было необходимо, они наметили покушение на 2 февраля. В 8 часов вечера из Никольских ворот Кремля вылетела великокняжеская карета и повернула к зданию Городской думы. Каляев ждал Сергея Александровича на крыльце Думы и, увидев яркие белые фонари великокняжеской кареты, бросился ей наперерез. Он еще не успел поднять бомбу, как совершенно отчетливо увидел за окнами кареты, что там кроме великого князя находятся его жена Елизавета Федоровна и двое детей. (Это были их воспитанники — Мария и Дмитрий — дети Павла Александровича.) Каляев тут же отбежал в сторону. — он не мог убить женщину и двух детей, — но великий князь получил лишь кратковременную отсрочку — не больше.

4 февраля около 3-х часов дня в Кремле возле здания Сената Каляев встретил карету Сергея Александровича и с расстояния в четыре шага бросил бомбу. Взрыв был необычайно сильным: карету разнесло в щепки, в окнах Сената вылетели все стекла, Каляев, в обгоревшей крестьянской поддевке, с окровавленным лицом, оглушенный взрывом, шатаясь, отошел в сторону, но здесь его схватили, усадили на извозчика и увезли в арестный дом на Якиманке.

Сбежавшиеся к месту взрыва случайные прохожие и судебные канцеляристы увидели кучу бесформенных обломков кареты, окровавленные лохмотья великокняжеской одежды и куски тела.

Некоторые стали высвобождать из-под обломков кареты труп, но нашли только руку и часть ноги — все остальное, в том числе и голова, было разорвано на мельчайшие кусочки.

В это время из Кремлевского дворца выбежала Елизавета Федоровна и бросилась к останкам мужа. Она замерла, как вкопанная, и оглядевшись, заметила, что зеваки стоят, не сняв шапки, откровенно и праздно любопытствуя. Она закричала:

— Как вам не стыдно! Что вы здесь смотрите! Уходите отсюда!

Но толпа стояла, не снимая шапок, продолжая молча и безучастно глазеть на происходящее.

И только через полчаса в Кремль прибыли солдаты, разогнали зевак и оцепили место взрыва...

Сергея Александровича похоронили здесь же, в Кремле, под храмом святого патриарха Алексия, в Чудовом монастыре. Его усыпальница была превращена в подземную церковь, освященную во имя Сергия Радонежского.

«Ее украшал замечательной работы резной белокаменный иконостас, иконы для которого написал художник К.И. Степанов. Из такого же белого мрамора изваяли надгробие, стоявшее в центре подземного храма. Это был и небольшой музей древностей, в котором находились ценные вещи из коллекции, собиравшейся великим князем: иконы XVI и XVII веков, нательный крест XIV века в серебряном ковчеге, а также личные вещи его. В храме находились носилки, на которых переносились останки Сергея Александровича, и гренадерская шинель, укрывавшая их»⁵¹.

А на месте его гибели в 1908 году воздвигли высокий бронзовый крест, отлитый по проекту художника В.М. Васнецова. Над крестом под волнисто-изогнутой кровлей виднелась скорбно склоненная Богоматерь, в резном фонаре теплилась неугасимая лампада. На кресте, по просьбе вдовы великой княгини Елизаветы Федоровны, была выбита надпись: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят».

Этот крест 1 мая 1918 года собственноручно стащил с постаментов Ленин с группой товарищей из ВЦИКа и Совнаркома, собравшихся в Кремле перед первомайской демонстрацией. Причем Ленин сам сделал на своей веревке петлю и набро-

сил ее на крест. Его соратники последовали примеру вождя, опрокинули крест на бульжную мостовую, а потом сволокли его в Тайницкий сад.

Смерть мужа окончательно утвердила Елизавету Федоровну в мысли, уже давно не дававшей ей покоя, — оставив все, уйти в монастырь. И первым ее подвигом на пути к пострижению было великое смирение и всепрощение, ибо Христос завещал прощать зло и любить своих врагов. И Елизавета Федоровна, простив в душе Каляева, пошла в тюрьму, чтобы сказать об этом и попросить разрешения предстать перед царем с ходатайством о смягчении его участи. Прежде чем идти к Каляеву, она уговорила Николая II ограничиться каторгой и не казнить убийцу его дяди. Николай согласился при одном условии: Каляев должен был, соблюдая закон, подать ему прошение о помиловании.

Елизавета Федоровна молилась все дни, пока не состоялось погребение, а потом пришла в каземат к Каляеву и сказала, что прощает его, ибо он не ведал, что творил.

Елизавета Федоровна умоляла Каляева написать просьбу о помиловании, однако Каляев отказался, заявив, что его смерть полезнее для революции, чем сохраненная таким путем жизнь. Простившись с Каляевым, Елизавета Федоровна оставила ему иконку и потом рассказывала, что убийца эту иконку поцеловал. 10 мая 1905 года Каляев был повешен в Шлиссельбургской крепости.

Почти все свои деньги Елизавета Федоровна уже долгие годы отдавала на дела благотворительности, помогая сиротам, беднякам и больным, а после смерти мужа решила заняться строительством женского монастыря. Она купила землю в районе Большой Ордынки и пригласила архитектора А.В.Шусева и художника М.В.Нестерова создать проект и расписать церковь Покрова Богородицы, а рядом построить и все другие монастырские здания.

(Художник Нестеров не только расписал храм Покрова, но сделал также и эскиз монашеской одежды для будущей настоятельницы обители. И Елизавета Федоровна, приняв постриг, и став игуменьей созданного ею монастыря, никогда больше никаких других одежд не носила.) Ее Марфо-Мариинская обитель сестер милосердия стала центром благотворительности, сострадания и самоотвержения, потому что сама игуменья была высоким образцом для монахинь. Когда кто-либо из них отказывался ухаживать за особенно тяжелым больным, — а под их опекой находились и дома умалишен-

ных, и кожно-венерические больницы, и приюты для больных-хроников, и богадельни для впавших в старческое слабоумие, — Елизавета Федоровна сама шла на помощь к самым несчастным и обреченным.

И таким великим служением жизнь ее оставалась наполненной до самых последних минут в буквальном смысле этого слова.

18 февраля 1905 года были опубликованы сразу два важнейших документа — Высочайший Манифест, которым «все русские люди, верные заветам родной старины» призывались сплотиться вокруг престола, и Высочайший рескрипт на имя Булыгина, в котором провозглашалось намерение привлечь «достоинейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Для противовеса вскоре же Трепов, оставаясь на прежней должности, стал товарищем Булыгина по министерству внутренних дел, сосредоточив в своих руках и Департамент полиции и Корпус жандармов. Но уже никакие тактические маневры не могли спасти положения, ибо революция продолжала нарастать.

В июне восстал экипаж броненосца «Потемкин».

В октябре забастовало 2 миллиона заводских и фабричных рабочих, железнодорожников, служащих почт и телеграфа.

17 октября Николай II вынужден был издать Манифест, написанный С. Ю. Витте. Этим Манифестом народу «даровались незыблемые основы гражданской свободы» — неприкосновенность личности, свобода совести, свобода слова, собраний и союзов, всеобщие выборы в Государственную Думу, которая объявлялась законодательным органом, и без чьего одобрения не мог войти в силу ни один закон.

Манифест был встречен с небывалым энтузиазмом и ликованием, по всей стране прошли митинги в его поддержку и одобрение. На этой волне председателем Совета Министров стал Витте, а Булыгин и Трепов ушли в отставку. Правительство объявило амнистию политическим заключенным и приступило к разработке нового избирательного закона.

27 апреля 1906 года начала работать I Государственная Дума, но она была распущена царем 8 июня, та же участь постигла и II Думу, просуществовавшую с 20 февраля по 2 июня 1907 года, а с июля 1906 по февраль 1907 года Дума и вовсе не функционировала.

Да и вообще — Дума заседала или не заседала, а жизнь в стране шла своим чередом.

- Осенью 1905 года по одной трети уездов прокатились аграрные беспорядки. 9 декабря в Москве произошло вооруженное восстание, продолжавшееся девять суток и стоившее жизни более чем тысяче повстанцев. Восстания вспыхнули в других городах — в Ростове-на-Дону, в Новороссийске, Екатеринославе, Александровске. В 1906 году восставали солдаты и матросы Кронштадта и Свеаборга, все еще продолжали бастовать рабочие, но революция уже пошла на убыль и в 1907 году утихла.

Ничто не происходит само по себе, всему есть свои причины. Были они и у революции — от возникновения и до окончания. И одной из причин того, что пожар ее в конце концов все же угас, было то, что с апреля 1906 года министром внутренних дел стал волевой, умный и энергичный 44-летний Петр Аркадьевич Столыпин. Сохраняя за собой этот важный пост, 8 июля того же года он стал и председателем Совета Министров.

Родней ему по отцу были знатнейшие фамилии России, а женат он был на правнучке А.В.Суворова. После окончания Петербургского университета Столыпин стал образцовым сельским хозяином, но в 1902 году был назначен губернатором в Гродно, а через год губернатором же в Смоленск, и занятия сельским хозяйством пришлось оставить.

Николай II назначил Столыпина министром внутренних дел за один день до открытия I-й Государственной Думы — 26 апреля. А на следующий день, когда Дума должна была открыться, Николай II отошел на императорской яхте из Петергофа в Петербург, взяв с собой и мать и жену. Яхта подошла к Петропавловской крепости, Николай направился в собор и там долго молился у могилы своего отца. Затем яхта подошла к Зимнему дворцу, где в Георгиевском зале и должна была состояться встреча императора и обеих императриц с членами Думы и Государственного Совета.

В белом с позолотой Георгиевском зале стоял на возвышении трон под красным и золотым балдахином, а на троне лежала парадная красная, отороченная мехом горностаемая мантия — порфира. Царь и обе императрицы ждали выхода в одном из дальних залов дворца вместе с высшими сановниками империи, а в Георгиевский зал сначала вошли члены Государственного Совета — военные и статские генералы в орденах и лентах, а потом депутаты Думы — в сюртуках и пиджачных парах, в поддевах и кафтанах, встав по разные стороны зала, справа — Государственный Совет, слева — думцы.

Высочайший выход начался с того, что оркестр, стоявший в одном из ближних залов, заиграл государственный гимн. За-

тем в зал вбежали дворцовые скороходы в средневековых одеждах, а за ними торжественно и медленно вошли затканые в золото и серебро придворных мундиров первые вельможи России с государственными регалиями, доставленными для этого случая из Москвы — короной, скипетром, державой, государственным знаменем и государственным мечом. За ними вошел Николай II в мундире полковника Преображенского полка и обе императрицы — в белых русских сарафанах с жемчужными кокошниками на головах. Следом шли все великие князья и княгини, придворные высших рангов, генерал-адъютанты и свита императора.

После непродолжительного молебна Николай пошел к трону, не спеша поднялся по ступеням и сел на трон, накинув на плечи порфиру. Зал замер в ожидании. Николай встал, сбросил порфиру на трон, и взял протянутый ему министром Двора текст речи.

Он сказал, что попечение о благе Отечества побудило его призвать на помощь себе выборных от народа, которые должны сплотиться для трудной и сложной работы на благо России, помня, что для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода — необходим порядок на основе права. И закончил свою речь словами: «Бог в помощь мне и вам».

Когда Николай замолчал, с обеих сторон зала раздалось: «Ура!» Справа — громче, слева — потише, но все же и с той и с другой стороны.

А когда депутаты Думы отправились на пароходе по Неве, к Таврическому дворцу, отданному им для заседаний, их путь лежал мимо тюрьмы «Кресты», из окон которой им махали красными платками арестанты, крича: «Амнистии! Амнистии!» И этот крик поддерживали многочисленные толпы петербуржцев, стоявшие на набережных.

И когда после еще одного молебна — уже в Таврическом дворце — Дума приступила к работе, то единогласно избранный председателем Думы кадет С.А.Муромцев, профессор римского права Московского университета, первое слово дал депутату И.И.Петрункевичу, редактору кадетской газеты «Речь», который сказал: «Долг чести, долг совести требует, чтобы первое свободное слово, сказанное с этой трибуны, было посвящено тем, кто свою жизнь и свободу пожертвовал делу завоевания русских политических свобод. Свободная Россия требует освобождения всех, кто пострадал за свободу»⁵².

Это привело к тому, что Дума первым делом стала обсуждать вопрос об амнистии всем политическим заключенным, включая и террористов. И хотя такое решение было вынесено.

но правом амнистии был наделен только царь и он отказался сделать это. Началась борьба между властью законодательной — Думой — и властью исполнительной — Правительством. Тотчас же разгорелась дискуссия вокруг вопроса об отмене смертной казни, ибо по поводу каждого смертного приговора в заседаниях выносился запрос и Дума приостанавливала исполнение приговора. А между тем революционный террор продолжался. С начала 1906 года было убито 288 и ранено 338 человек, главным образом, рядовых полицейских и солдат. 14 мая на Соборной площади в Севастополе, при покушении на коменданта города генерала Неплюева, взрывом бомбы было убито восемь человек, в том числе двое детей, которых буквально разорвало на куски. В это же время в деревнях жгли помещичьи усадьбы. Только в мае в одной Саратовской губернии сожгли 150 помещичьих усадеб. И все же Дума приняла решение об отмене смертной казни, а вслед затем выступила за принудительный раздел помещичьих земель. Эта угроза задевала опору самодержавия — помещиков — и царь приказал Думу распустить.

I Государственная Дума просуществовала 72 дня. И ровно столько же занимал пост министра внутренних дел П.А.Столыпин. 8 июля, в тот же самый день, когда Дума была распущена, Николай предоставил ему пост премьер-министра, оставив в его руках и портфель министра Внутренних дел, потому что это Министерство в условиях, хотя и идущей на убыль, но все же не прекратившейся революции, оставалось ключевым.

11 июля Столыпин издал свой первый циркуляр. В нем говорилось: «Открытые беспорядки должны встречать неослабный отпор». Однако революция немедленно ответила мятежом артиллерийского полка в Свеаборге и восстанием на крейсере «Память Азова», на том самом, на котором Николай II совершал свое путешествие на Восток.

12 августа 1906 года эсеры добрались и до Столыпина. К нему на дачу, на Аптекарском острове, вошли трое террористов-самоубийц, одетых в мундиры жандармских офицеров. В это время премьер-министр вел прием посетителей, и на даче кроме его домашних было более 60 просителей. Однако это террористов не остановило — они заранее решили, что принесут в жертву и себя и всех других, лишь бы погиб Столыпин. Каждый из террористов держал в руках портфель со снарядами весом в 16 фунтов (6 кг 400 г). Когда они вошли в приемную, у одного из них съехала набок накладная, фальшивая борода, и заметившие это охранники тут же бросились к нему и стали вырывать портфель. И тогда все трое с криками: «Да здравств-

вует свобода! Да здравствует анархия!» враз бросили портфели перед собой. Произшедший взрыв превосходил все предыдущие, уступая, быть может, диверсии, учиненной Халтуриным в Зимнем дворце: рухнула стена дома, обвалился балкон, на котором были трехлетний сын Столыпина и четырнадцатилетняя дочь, (они остались живы, лишь сильно покалечились обломками камней).

От покушавшихся не осталось ничего, рядом с ними, в приемной, погибли 27 человек и было ранено 32, из них 6 вскоре скончались. Сам Столыпин остался невредим.

На следующий день пятью выстрелами из револьвера на Петергофской платформе эсеркой З.В. Коноплянниковой был убит генерал А.Г. Мин, усмиритель Декабрьского вооруженного восстания на Красной Пресне и Казанской железной дороге.

Николай очень тяжело пережил смерть Мина. На следующий день он поехал к нему на дачу, отстоял там панихиду, а потом пошел и на его похороны.

Затем Николай принял Столыпина и, выразив ему свое сочувствие, предложил переехать с семьей в Зимний дворец.

25 августа, по настоянию Столыпина, были опубликованы программа реформ, развивавшая положения Манифеста 17 октября, и одновременно — Закон о военно-полевых судах — офицерских судах, в ведение которых поступали только совершенно очевидные дела об убийствах и вооруженных грабежах, когда преступники брались с поличным. Разбор дела не должен был занимать более двух суток и приговор — только расстрел — производился немедленно.

Однако и это не остановило террор. Во второй половине 1906 года убийства совершались непрерывно — убивали уже не за какую-то конкретную вину, а за должность. Случилось, что на адмирала Ф.В. Дубасова, заместившего на посту московского генерал-губернатора убитого Сергея Александровича, в 1906 году покушались дважды, но оба раза неудачно. Когда в конце 1906 года произошло второе покушение, адмирал попросил царя помиловать покушавшегося.

И Николай II ответил ему так: «Полевой суд действует помимо вас и помимо меня; пусть он действует по всей строгости закона. С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может. Вы меня знаете, я незлобив: пишу вам совершенно убежденный в правоте моего мнения. Это больно и тяжело, но верно, что к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратит моря крови и уже предотвратила»⁵³.

Революция захлебнулась в крови как жертв, так и палачей, ибо трудно было провести между ними какую-либо грань:

вчерашние жертвы становились палачами, а палачи — жертвами. Борьба стала казаться бесперспективной и потому бессмысленной.

9 ноября 1906 года был издан Указ о раскрепощении крестьянской общины. Он предоставлял любому члену общины право свободного выхода из нее в любое время и открывал наиболее энергичным, предприимчивым и трудолюбивым крестьянам путь к созданию богатых и крепких хозяйств — основы их личного благосостояния. Для того, чтобы большинство крестьян стали состоятельными хозяевами, превратившись в опору существующего в России строя, нужно было приложить немалые усилия.

На пути к разрешению поставленной задачи были проведены выборы во II Государственную Думу. Избирательная кампания началась одновременно с выходом Указа от 9 ноября 1906 года и продолжалась до февраля 1907 года.

20 февраля новая Дума начала свою работу. Открылась она без помпезности, буднично и тихо. Состав ее был очень пестрым, но главное отличие от I Думы состояло в том, что основную массу составляли полуграмотные крестьяне и полунинтеллигенты. Граф В.А.Бобринский — депутат Думы, деятель земского движения, крупный помещик и умеренный либерал, — назвал ее «Думой народного невежества», и все же Столыпин, — по общему признанию лучший оратор во II Думе — сумел увлечь ее на путь поддержки правительственного курса.

Выступая 10 мая 1907 года, Столыпин сказал: «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия»⁵⁴. И вскоре же первое «великое потрясение» не заставило себя ждать: 4 мая на квартире рижского депутата, социал-демократа Озоль было арестовано несколько членов Военной организации РСДРП. 1 июня Столыпин на закрытом заседании Думы объявил, что члены Военной организации готовили заговор, и потребовал лишить всех социал-демократов депутатской неприкосновенности. 2 июня стало известно, что многие депутаты — социал-демократы перешли на нелегальной положение и скрылись.

Тогда, 3 июня, Николай распустил Думу, издав новый избирательный закон, который предусматривал созыв новой, III Думы, где большинство мест занимали депутаты-монархисты и близкие им по ориентации представители правых партий. III Дума начала заседать 1 ноября 1907 года и, проведя пять сессий, завершила свою деятельность 9 июня 1912 года. За эти исключительно сложные пять лет, своим законодательством Дума превратила Россию из абсолютистской, самодержавной, в парламентарную, думскую монархию.

Однако не пора ли нам вернуться к царской семье и узнать, что же произошло в ней за годы первой русской революции?

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ

Явление старца Григория

1 ноября 1905 года Николай записал в дневнике: «В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губернии...»⁵⁵ — это первое упоминание о Распутине в дневнике царя, с которым он и царица познакомились у сестер — «Черногорок».

Сестры встретились с Распутиным на богомолье в Михайловском монастыре, где у них зашла речь о разных болезнях и они упомянули и гемофилию, на что Распутин ответил, что он лечит все болезни и ее тоже. Милица Николаевна, конечно же, не без умысла спросила о гемофилии и вскоре после этого представила странника Николаю и Александре Федоровне.

Это знакомство оказалось воистину судьбоносным. О Распутине написаны десятки книг и сотни, если не тысячи, статей. В свое время иеромонах Илиодор — в миру Сергей Труфанов — сначала друг, а потом непримиримый враг Распутина — написал книгу о нем «Святой черт». В названии книги Илиодор точно отразил всю гамму и весь диапазон определений, которые применялись по отношению к Распутину: многочисленные его почитатели (и особенно фанатичные почитательницы) считали его святым, а не менее многочисленные враги — исчадием ада.

С момента появления Распутина в Петербурге о нем распространялись самые невероятные слухи. И сегодня мало кто знает правду об этом человеке. Отбрасывая домыслы и слухи, расскажем о нем правду.

Родился Григорий Ефимович в 1869 году в Тюменском уезде Тобольской губернии, в слободе Покровской, в семье, как говорили тогда, крестьянина-середняка. В начале жизни

никто не замечал за ним ничего особенного — он был, как и все, выделяясь, быть может, лишь большой физической силой и любовью к выпивке и прекрасному полу. Но в сибирских селах это было не в диковину. Да и фамилия его никого не смущала — Распутиными называлась едва ли не половина его односельчан. В двадцать с небольшим лет женился он на скромной и незлобивой девушке и вскоре родила она двух дочерей, Матрену и Варвару, и сына Дмитрия.

Отец его, по данному однажды обету, каждый год ходил в Верхотурье, в Николаевский монастырь, но как-то заболел и попросил сходить туда Григория. Путь был неблизок — нужно было перевалить за Уральский хребет, пройдя по Сибири сотни верст. Но Григорий пошел, и вернулся преображенным. Встретившие его, по возвращении, односельчане решили, что он сошел с ума — он пел, размахивал руками, дико озирался и в церкви пел иступленным голосом. Он бросил пить и курить, перестал есть мясо, стал истязать себя жесточайшими постами, по многу часов стоял на молитве. А потом ушел из дома и долго странствовал, обойдя многие святыни Сибири и России.

Возвратившись в Покровское, он выкопал под своим домом моленную и подолгу молился там и пел псалмы, в окружении появившихся у него поклонников и поклонниц. Они-то и стали первыми его трубадурами, распространив славу о великом чудотворце и праведнике-старце Григории далеко за пределы уезда, а потом и губернии*.

В начале века его известность перешагнула через Урал и дошла до Волги. Когда Распутин, уже прославивший великим целителем и провидцем, оказался в Казани, под его чары попал местный епископ Хрисанф, и вскоре о нем узнали и в Петербурге. Здесь прозелитами новоявленного чудотворца стали авторитетные столичные богословы — профессор Петербургской духовной академии иеромонах Вениамин и ректор-архи-

* Слово «старец» не следует производить от слова «старик». «Старцами» на Руси называли странников, нищих, независимо от их возраста; так же называли и монахов. Но и для мирян и для иноков прозвание «старец» непременно предполагало, что человек, его носящий, имеет высокий моральный авторитет, истинную праведность, глубокий ум и постижение Христова учения. Их называли «Божественной свечой». «Старец, — писал Ф.М.Достоевский — это берущий ванну дуну, ванну волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением... Обязанности к старцу не то, что обыкновенное послушание, всегда бывшее в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех подвигающихся старцу и неразрушимая связь между связанным и связанным»⁵⁶.

мандрит Феофан, имевшие репутацию добропорядочных людей и истинных христиан. А вскоре его поклонником стал и сам Иоанн Кронштадтский, которого еще при жизни многочисленные его почитатели причислили к лику святых.

Вскоре в Петербурге о старце Григории узнали многие иерархи церкви. Узнал о нем и духовник великого князя Петра Николаевича и его жены великой княгини Милицы Николаевны отец Феофан.

Милица Черногорка была одной из наиболее убежденных и знаменитых оккультисток и теософов Петербурга, а ее имение Званка, расположенное неподалеку от Петергофа, стало центром, где собирались «избранные» и «посвященные» — провидцы и маги, чароден и прорицатели, блаженные и кликуши.

Распутин, приведенный Феофаном в Званку, произвел на великокняжескую чету, особенно на Милицу, очень сильное впечатление. Распутин сразу же поражал воображение своей неординарной внешностью и особенно своими глазами. Вот какое описание его внешности оставил французский посол в России Морис Палеолог: «Темные, длинные и плохо расчесанные волосы; черная, густая борода, высокий лоб; широкий, выдающийся вперед нос, мускулистый рот. Но все выражение лица сосредоточено в глазах льняно-голубого цвета, блестящих, глубоких, странно притягательных. Взгляд одновременно пронзительный и ласкающий, наивный и лукавый, пристальный и далекий. Когда речь его оживляется, зрачки его как будто заряжаются магнетизмом»⁵⁷. А вот как описывала Распутина одна из светских дам Е.Ф. Джанумова: «Он был в белой вышитой рубашке, навывпуск. Темная борода, удлиненное лицо с глубоко сияющими серыми глазами. Они поразили меня. Они впиваются в вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать, так настойчиво, пронизательно смотрят, что даже как-то не по себе делается»⁵⁸.

Вот в это-то полугипнотическое состояние впадали почти все, кто соприкасался с Распутиным. По-видимому, не была исключением и Милица Николаевна. И она, конечно, вскоре же сообщила об этом царице, которая всем ходом событий, особенно же неизлечимой болезнью сына, была подготовлена к тому, чтобы весьма благожелательно отнестись к чудотворцу. Однако первая встреча ни на царя, ни на царицу особого впечатления не произвела, хотя оставила благоприятное воспоминание.

Затем за два года произошло две-три случайных встречи, и только с конца 1907 года Григорий и августейшая чета стали встречаться почти регулярно. Виновницей этого стала фрей-

лина императрицы Анна Вырубова, в чей дом в Царском Селе стал часто наведываться старец Григорий. Вечером 12 марта 1908 года, когда Распутин и ставший его другом Феофан в очередной раз сидели у Вырубовой, к ней заехали Николай и Александра Федоровна и с удовольствием провели время, беседуя со старцем. Вскоре эти беседы и встречи стали повторяться все чаще и чаще, а однажды старец впервые пришел во дворец, но впечатление, произведенное им на тех, кто его видел, было столь неодобрительным и неблагоприятным, что царственные супруги решили к себе старца не водить, а встречаться с ним у Вырубовой. Тем более, что Распутина нельзя было показывать в застолье, потому что он был неотесанным лесовиком, которому внешняя сторона цивилизации оставалась совершенно чуждой. Его секретарь Арон Симанович писал, что сидя за столом, он редко пользовался ножом и вилок, а брал еду с тарелок своими костлявыми и сухими пальцами, правда, непременно чистыми. Большие куски он, как зверь, разрывал на части и запихивал их в большой рот, где у него вместо зубов торчали черные корешки и осколки. Остатки еды и крошки застревали у него в бороде, и многие не могли смотреть на все это без отвращения.

Возможно, что находясь за одним столом с царем и царицей, Распутин вел себя более цивилизованно, но все же приглашать его во дворец августейшая чета не дерзнула. И потому было решено видеться со старцем, приезжая к Аннушке в гости, и не только вдвоем, но и с детьми, которые, кстати сказать, сразу же безоглядно полюбили старца: дети росли глубоко религиозными и их восхищала святость Распутина и его любовь к Богу, через край переполнявшая его беседы с ними.

Эти отношения, получившие развитие через несколько лет, хранились и Распутиным, и царской семьей, и Вырубовой в глубокой тайне, и ничьи чужие и грязные руки не смели касаться их. Однако уже в самом начале знакомства с Распутиным, связь царской семьи с неграмотным мужиком оценивалась, как некий нонсенс и монарший каприз, могущий привести к нежелательным скандальным последствиям. И потому дворцовый комендант В.А.Дедюкин, обеспокоенный появлением в царской семье неизвестного мужика, который мог оказаться и переодетым революционером, сообщил о Распутине начальнику петербургского охранного отделения генерал-майору А.В.Герасимову. Охранка быстро определила, что опасных связей у Распутина нет, но наблюдение за ним установила, и, таким образом, полиции стало известно о другой стороне его жизни — чудовищном разврате, бесконечных оргиях и непомерном пьянстве. Причем, сведения, полученные

Герасимовым, привели и его самого и высших чинов петербургской полиции, в общем-то неплохо знавших жизнь с изнанки и не способных волноваться по поводу утраченных добродетелей, в неподдельное и глубокое изумление.

Они не могли поверить, что простой смертный мог обладать такими воистину нечеловеческими, а прямо-таки космическими силами в служении как Венере, так и Бахусу.

До поры до времени, сведения эти охранка придержала у себя, но потом довела их до самого премьера П. А. Столыпина, однако сделано это было лишь весной 1911 года.

Столыпин пришел к царю и откровенно выложил ему все, что узнал, желая раскрыть Николаю II глаза на человека, который представлял серьезную угрозу репутации и его самого и его семьи. Николай II внимательно выслушал Петра Аркадьевича, поблагодарил за то, что он искренне ему предан, но в заключение сказал: «Быть может все, что вы мне говорите — правда. Но я прошу вас никогда больше мне о Распутине не говорить. Я все равно сделать ничего не могу»⁵⁹.

Не один Столыпин сообщал Николаю II и императрице о темных делах старца, но и царь и царица пребывали глухи и слепы. Одной из первых зимой 1910-1911 годов попробовала разоблачить Распутина воспитательница царских дочерей, фрейлина С. И. Тютчева, но она добилась лишь того, что Распутина на некоторое время перестали пускать к ее воспитанницам, сама же фрейлина вскоре после этого разговора получила отставку. Старец же, узнав о случившемся, и догадавшись, что общение его с великими княжнами связано с раскрытием его второй жизни, решил на время исчезнуть из Петербурга и дать улечься начинающейся буре. Он ушел паломником в Грецию на Афон — Святую гору, на которой располагались два десятка православных мужских монастырей, а от туда еще дальше — в Святую землю, в Иерусалим.

Осенью 1911 года, вернувшись в Петербург, старец встретил радушный прием в царской семье и совершенно противоположную реакцию у многочисленных своих недругов — епископа Гермогена, архимандрита Феофана, великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича и стародавних поклонниц старца, ставших его ненавистницами, — сестер «Черногорок».

Феофана отправили в Крым, Гермогена — в Жировицкий монастырь под Гродно. Однако на сцену выступил преемник Столыпина на посту председателя Совета министров В. Н. Кокцов и переговорил с Николаем, представив множество неопровержимых фактов. Царь решил уступить, чтобы не дискреди-

тировать себя и императрицу, и летом 1912 года старец уехал в Сибирь к себе домой.

Однако влияние Распутина на царя и царицу осталось непоколебимым и их подчинение ему таким же, как и прежде.

Почему же всемогущий повелитель 150 миллионов подданных не имел никакой власти над одним из них? Что связывало высокообразованного и нравственного императора с неграмотным и развратным сибирским мужиком? Чем «взял» Распутин царя и царицу, повязав их с собой нерасторжимыми узами?

Ответ этому дала Вырубова: «Царь и царица. — говорила она — верили ему, как отцу Иоанну Кронштадскому; страшно ему верили; и когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обращались к нему с просьбою помолиться»⁶⁰.

А что значил наследник для несчастных родителей, любивших его больше всего на свете, мы уже знаем. А между тем ни один врач в мире не мог принести мальчику такого облегчения, как старец Григорий.

С конца 1907 года, когда царица впервые попросила его помочь больному сыну, Распутин много раз снимал боли, останавливал кровотечение и усыплял многострадального цесаревича. Несомненно, старец был выдающимся экстрасенсом, гипнотизером и целителем-психотерапевтом. Совершенствуясь в своей практике, он брал уроки у известного в Петербурге врача, пользовавшего больных по рецептам тибетской медицины, Петра Александровича Бадмаева. Все это в совокупности приносило удивительные результаты — старец мог прерывать ход болезни не только пассами и внушением, непосредственно находясь возле больного, но и разговаривая с Алексеем по телефону. Более того, на больного ребенка производили исцеляющее впечатление даже посланные им телеграммы.

Однажды, вспоминал один из воспитателей-учителей, француз Жильяр, когда цесаревич особенно сильно заболел, девочки устроили спектакль. Играли «Мещанина во дворянстве» на французском языке и Жильяр, помогая им, был суфлером.

Спектакль прошел весело, было много зрителей, потому что на охоту в Спалу, где все это происходило, приезжало множество приглашенных.

Когда представление окончилось, — вспоминал потом Жильяр, — он вышел в коридор и возле комнаты цесаревича слышал стоны, доносящиеся из-за двери. Между тем императрица возвратилась в зал, продолжая улыбаться и показы-

вая вид. Что все в порядке. Было ясно, что из болезни цесаревича родители делают государственную тайну.

4 октября из Петербурга приехал профессор Федоров, но его приезд ничуть не помог больному: через четыре дня температура поднялась до 39,6° и сердце стало давать перебои. Вот тогда-то бывшая в Спале Вырубова и предложила послать Распутину телеграмму с просьбой помолиться за больного. Прибегли к этому, как к последнему средству, ибо кровотечение не останавливалось, а температура становилась критической. Но как только Алексею прочитали телеграмму от старца, он сразу же заснул, боли и кровотечение прекратились. И таких случаев было немало. Да и самой царице он помогал, снимая головные боли и сердечные приступы.

Разумеется, что несчастная мать, беззаветно любившая мальчика, испытывавшая к тому же чувство неизбывной вины за подаренную ею смертельную болезнь, боготворила «друга Григория». А ее склонность к оккультизму, вера в чудеса и сверхъестественное, заставляла Александру Федоровну видеть в Распутине Божьего человека и святого чудотворца. В общении со старцем императрице в высшей степени отрадным было и то, что Григорий никогда, ни одного раза ничего не попросил для себя, а просил только за убогих и бедных, попавших в несчастье или оказавшихся жертвами несправедливости.

Царица дарила своему другу иконки, ладанки, вышитые ею рубашки, а от него получала пасхальные яйца, освященные куличи и поздравительные телеграммы, в которых всегда были добрые пожелания и христианские напутствия.

Наставления и поучения, ниспосылаемые ей старцем были главным богатством для Александры Федоровны. Она слышала в них глас Божий, передаваемый его посланцем Григорием.

И когда кто-нибудь пытался очернить святого старца в ее глазах, она с негодованием отвергала такие попытки, будучи уверена, что истинных праведников всегда преследуют зависть, клевета и ложь.

И, напротив, если царица слышала о ее дорогом друге от кого-либо что-то хорошее, то человек мог рассчитывать на расположение и хорошее к себе отношение с ее стороны.

Грязь же, усиленно муссировавшаяся всеми врагами царя и царицы, пачкала репутацию не только их, но и многих близких им людей. Так, например, во всеуслышанье заявляли, что и царь и Распутин имеют общую любовницу — Вырубову, что она является неременной участницей распутинских оргий. Забегая вперед, скажем, что после Февральской революции

была срочно создана Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, расследовавшая преступления и причины падения царского режима.

В марте 1917 года по распоряжению министра юстиции А.Ф. Керенского товарищ прокурора Екатеринославского Округного суда Руднев был командирован в Петроград в Чрезвычайную следственную комиссию. А в августе Руднев попросил отстранить его от участия в следствии из-за попыток председателя Комиссии побудить его к явно пристрастным действиям. В прошении об отставке Руднев писал в частности, что медицинские освидетельствования, проведенные по распоряжению Комиссии в 1917 году, «установили с полной несомненностью, что госпожа Вырубова девственница»⁶¹. Далее Руднев писал, что ее брак со старшим лейтенантом Вырубовым был совершенно неудачным, ибо ее муж оказался «полным импотентом, но с крайне извращенной психикой, выражавшейся в различных проявлениях садизма, чем он причинил своей жене неопишуемые нравственные страдания и вызывал к себе чувство полного отвращения... Она решила открыть матери свою ужасную семейную драму. Результатом такого признания госпожи Вырубовой было расторжение брака в установленной законной форме...

Вследствие неудачно сложившейся семейной жизни, религиозное чувство А.А. Вырубовой развивалось все сильнее и, можно сказать, стало принимать характер религиозной мании, при этом предсказания Распутина о терниях жизненного пути явились для Вырубовой истинным пророчеством. Благодаря этому она стала самой чистой и самой искренней поклонницей Распутина, который до последних дней своей жизни рисовался ей в виде святого человека, бессеребренника и чудотворца»⁶².

Никаких особых сложностей в определении того, каким был Распутин на самом деле — нет. Он был настоящим двуличным Янусом — безгранично развратный, одержимый могучим бесом похоти и пьянства, — таков Распутин за стенами царских дворцов, и совершенно иной — блаженный и благостный, херувим и святой — в чертогах дома Романовых. И потому в семье Николая II до самого конца его считали лучшим другом, добрым заступником и искренним молещиком, учителем жизни и наставником. А он и был для четы Романовых и их детей именно тем, за кого они его принимали.

Уже цитировавшийся здесь П. Жильяр, пристально наблюдавший за трагедией цесаревича 13 лет, сделал вывод, который при всей его парадоксальности трудно не признать частично справедливым. Жильяр писал: «Болезнь великого кня-

зя наследника господствует над всем концом царствования императора Николая II; она одна его объясняет. Незаметно для других, эта болезнь была одной из главных причин его падения, ибо, с одной стороны, она вызвала влияние Распутина, а с другой — она же имела своими последствиями роковое одиночество царственной четы, замкнувшейся в свою жизнь, и постоянную тягостную заботу, которую надо было скрывать от всех»⁶³.

Конечно же, не одна болезнь цесаревича объясняет все произошедшее в России, но для царской семьи она была злым роком и определяла многое. Тем более, что надвигался «Великий Юбилей» — 300-летие благополучного царствования Дома Романовых — и Николай не мог чаще, чем обычно, не задумываться и об истории России, и о роли его предков в этой истории. Не мог он в связи с этим не задумываться и над будущим династии — хотя бы и не столь отдаленным. А раздумья эти снова приводили его к размышлениям о его преемнике — восьмилетнем цесаревиче Алексее Николаевиче.

1 сентября 1911 года произошло еще одно политическое убийство, не разгаданное до конца и до сих пор. В этот вечер киевский эсер Дмитрий Богров смертельно ранил П.А.Столыпина. Это случилось в Киеве, в Городском театре, во время второго антракта оперы Глинки «Жизнь за царя». Столыпин стоял лицом к залу у первого ряда кресел. Богров, во фраке, прикрывая театральной программкой оттопыренный браунингом карман вплотную подошел к Столыпину и почти в упор произвел два выстрела — в правую руку и в живот. Столыпин медленно опустился в кресло, а террорист медленно пошел к выходу. Он мог бы и уйти, но в дверях его схватили, повалили и стали избивать. Столыпина увезли в больницу, где он через два дня умер.

Премьер-министр приезжал в Киев почти одновременно с царем на открытие памятника Александру II. В момент покушения Николай II был в ложе и все видел. Столыпин был еще жив, а царь еще не уехал из города, когда началось следствие. Оно произошло необыкновенно быстро, законченное дело поступило в суд, который так же стремительно осудил Богрова, приговорив его к повешению, и через две недели убийца был казнен. Богров, называвший себя «коммунистом-анархистом», представил этот террористический акт, как его собственную инициативу, но своих товарищей-эсеров накануне покушения просил после его казни объявить, что убийство

совершенно по воле партии и означает начало новой волны террора.

На суде выяснилось, что билет в театр дал ему жандармский полковник Кулябко — начальник Киевского охранного отделения.

Выяснилось, что Богров был агентом «Охранки» с 1907 года, когда ему не было еще и 20 лет. Поэтому сразу же возникли две версии — Богров убил Столыпина как революционер, и вторая — Столыпин был убит по заданию «Охранки». То, что террориста необыкновенно быстро судили и столь же поспешно казнили, косвенно доказывало, что это — дело рук жандармов. Когда же по инициативе Думы было возбуждено новое расследование, в центре которого находилась деятельность жандармов в ходе следствия и суда над Богровым, Николай II приказал расследование прекратить. В то же время было известно, что шеф корпуса жандармов и товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов, которого Столыпин собирался снять с должности, — кутила и мот, весь в долгах, подозревавшийся во взяточничестве, — был очень дружен с дворцовым комендантом В. А. Дедюлиным — ярким врагом Столыпина. И вот именно на Курлова и была возложена охрана царя и всех участников киевских торжеств, во время которых Дедюлин всячески унижал Столыпина, то «забывая» выдать ему билет на царский пароход, то не находя ему места в экипажах свиты, так что премьер-министр вынужден был сопровождать царя в наемном экипаже в самом хвосте торжественных процессий.

Советский историк А. Я. Аврех приводит слова, сказанные Столыпиным незадолго до смерти: «Меня убьют и убьют члены охраны!»⁶⁴.

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ

Трехсотлетие Дома Романовых

21 февраля 1913 года исполнилось 300 лет призвания на царство первого царя из дома Романовых — Михаила Федоровича. Этот юбилей праздновался необычайно широко и пышно.

В Москве состоялся крестный ход, несли самые выдающиеся святыни Православной России — иконы Владимирской, Иверской и Казанской Богоматери. На Красной площади состоялся большой военный парад.

Тогда же в Александровском саду открыли памятник в честь юбилея — на четырехгранном обелиске из серого гранита были выбиты имена восемнадцати царей и цариц от Ми-

хаила Федоровича до Николая II с надписью: «300 лет Дому Романовых» и гербом России — двуглавым орлом.

А в мае 1913 года Николай с женой и детьми отправился в путешествие по России. Об этом путешествии сохранились записи в 45-й тетради царского дневника.

Посмотрим на все происходившее глазами автора «Дневника»:

«15-го мая. Среда.

С утра погода испортилась. В 10 час. поехал в Петербург и посетил автомобильную выставку в Михайловском манеже. Более 140 различных фирм прислали свои машины. Вернулся в Царское Село в 1 1/4. После завтрака читал и затем погулял и покатался с детьми на пруду под дождем. В 6 ч. у Аликс был отслужен напутственный молебен. В 7 час. уехали из Царского Села всей семьей через Гатчину в Тосно и дальше на Москву. Сели обедать в 8 час. Затем читал и лег около 12 час.»⁶⁵.

Так началось путешествие царской семьи по России, посвященное 300-летию романовской династии. Предстояло проехать в поезде, на пароходе, в автомобилях и экипажах по тем губерниям и уездам, градам и весям Суздальской и Московской Руси, где три века назад происходили самые главные события, благодаря которым на опустевшем московском троне появилась новая династия — Романовы.

Из дневника Николая II:

«16-го мая. Четверг.

Проснулись на остановке в Москве в 8 1/4. Погода была ясная и теплая. Сели завтракать до 12 час. Ровно в час подошли к г. Владимиру. На станции почетный караул от 9-го греннад. Сибирского полка, высшие гражд. лица, дворянство и земство. Сел с детьми в наш мотор и поехал в город наверх в красивый Кремль в Успенский собор. Осмотрев его после краткого молебна, отправился с дочерьми в Суздаль, куда прибыл в 3 4/4. Посетил собор. Спасо-Ефимовский, Ризоположенский, Покровский монастыри. В этом мон. в келии игуменьи закусили и пили чай. С восторгом и интересом осматривал чудные сокровища, сохранившиеся в ризницах, и сами церкви древнерусского зодчества. По дороге в оба конца народ выходил из сел и деревень с иконами. Приехали в 7 час. в Боголюбово. Посетил собор Боголюбского монастыря и осмотрел сохранившуюся часть палат Андрея Боголюбского. Принял волостных старшин и хуторян Владимирской губ. и к 8 час. прибыл к поезду. Пропустил 250 потешных жел.-дор. школ церемон. марш. Когда тронулись, сели обедать. Совсем не устал, впечатления были такие сильные и хорошие.

17 мая. Пятница.

Прибыли в Нижний Новгород в 10 час. утра при холодной серой погоде. На ст. почет. караул от 37-го пехот. Екатеринбургского полка. Поехали в собор, оттуда после молебна были у могилы Минина, пошли за крестным ходом на площадь за Кремлем, где была произведена закладка памятника Минину и Пожарскому. (Николай заложил в его основание первый камень). Затем Екатеринбургский и Тобольский полки прошли церем. маршем. Приехал во дворец с дочерьми в 12 1/4. Вид на Волгу напомнил нам пребывание там в 1896 г. Завтракали семейно. Принял духовенство и всех должностных лиц в зале наверху и волостных старшин в саду. В 4 ч. посетил новое здание Конторы Госуд. банка в древнерусском стиле. Вернулся за Аликс и детьми и вместе поехали в дворянское собрание. Там все было, как в Смоленске. В 6 час. уехали на пристань, где большая депутация волжских судовладельцев поднесла нам несколько красивых вещей. Перешли с радостью на приготовленный для нас пароход пут. сообщ. «Межень». Уютно и со тщанием устроены наши каюты. В 8 ч. пошел с Ольгой и Татьяной на парох. столовую «Царь Михаил Федорович». Простившись со всеми, вернулись к себе и в 10 1/4 отвалили при иллюминации города и всех судов и пошли вверх по матушке Волге. Пройдя ярко освещенный Сормовский завод, спустился в свою каюту и рано лег спать.

18-го мая. Суббота.

Спал долго, убаюкиваемый спокойным ходом парохода. День был ясный, но очень холодный с сильнейшим ветром, так что даже неприятно было выходить наверх. Из всех сел народ приходил к берегу реки, повсюду были устроены арки, многие провожали пароход бегом. Мы шли очень хорошо. В 10 час. вечера стали на бочку, не доходя до Костромы 20 верст. К вечеру совсем стихло. Читал бумаги и лег в 12 1/2.

19-го мая. Воскресение.

Около 6 час. утра пошли вверх и в 9 ч. проходили мимо Костромы. Чудное солнце озаряло множество белых церквей. Остановились у новой пристани в поле в 3 верстах выше города. В 10 час. сошел на берег. Прямо против пристани, на высоком берегу стояла моя рота Эриванского полка. Приятно было увидеть ее. Сели в коляски и поехали в Ипатьевский монастырь. По пути стояли шпалерами Эриванский и 138 Пултуский пех. полки. В монастыре с другой стороны встретил подошедший крестный ход с Федоровской Божией Матерью

и затем вышел в собор. Обедня и молебен были отслужены менее чем в полтора часа. Осмотрели со всей фамилией дом Михаила Федоровича, где собрана богатая ризница из собора и той же дорогой вернулись на пароход. Сели завтракать, сделалось совсем тепло. В 3 ч. наш пароход пошел в Кострому, в 4 ч. вышли на берег. После городской думы принял поч. кар. от Пултуского полка и поехали в новый Романовский областной музей. Оттуда — в дворянское собрание. В 6 ч. — обратно на пароход — и к старой Ипатьевской пристани. В 8 ч. был большой обед на парох. столовой. Сидел между т. Мари и т. Микен. Затем смотрели на фейерверк, кот. пускали перед городом.

20-го мая. Понедельник.

Проснулся дивным утром. В 10 час. подошли к пристани в Костроме и поехали к собору, вокруг кот. стояли войска шпалерами. Обошел их, затем вошли в собор и скоро пошли за крест. ходом к месту закладки большого памятника 300-летия царствования Дома Романовых. Каждый из нас положил свой именной камень. После закладки войска прошли церем. маршем. Там мы разделились — Аликс поехала с детьми в Богоявленский женский монастырь, а я в дом губернатора. Принял у него в саду должностных лиц и волостных старшин и представителей белоземцев. Для них был приготовлен обед. Оттуда заехал в Пултуский полк и осмотрел офицерское собрание. Вернулся на «Межень» в 2 1/4. После завтрака поехал в старую церковь Воскресения на дебрях, затем в новое здание общины Красного Креста и, наконец, на выставку, устроенную земством. Интересно, но утомительно.

Выпив чаю и простившись со всеми, пришел на пароход. Отошли снова к нашей Ипатьевской пристани; народ стоял сплошной стеной по берегу, даже в воде по колено. К 8 час. был также большой обед в нашей плавучей столовой. Прошла хорошая гроза. В 10 1/2 вечера пошли дальше вверх реки. Воздух был дивный.

21-го мая. Вторник.

Дивным утром в 9 час. прибыли в Ярославль. Город выглядел таким чистым и красивым с реки. На пристани обычная встреча и поч. кар. от 181 пех. Астраханского полка. Поехали в Успенский собор. Затем Аликс вернулась с Алексеем на «Межень». А я с дочерьми посетил церковь Иоанна Предтечи Спасского монастыря, тут же осмотрел покои Михаила Федоровича, и наконец, Ильинскую церковь. Одна другой краше и лучше. В час был большой завтрак в столовой. Сидел в каюте

и занимался до 3 1/4. Сделалось очень жарко. Поехали в приют для сирот в память 300-летия, кот. при нас освятили и затем осмотрел земскую выставку производств Ярославской губернии. Возвратился на пароход в 5 1/4. Пошли вверх реки и посетили интересный Толчский монастырь, стоящий на левом берегу Волги, окруженный красивой кедровой рощью. Около 6 1/2 вернулись на «Межень» и только отошли на середину реки и стали на якорь, как началась гроза с настоящим ливнем. Во время обеда снялись с якоря, вернулись в Ярославль к пристани. Малые дети уехали в 9 1/4 на станцию в поезде. В 10 час. поехали с Ольгой и Татьяной в дворянское собрание на раут. После представления был короткий концерт и затем чай. В 11 1/2 уехали из собрания и в 12 ч. покинули Ярославль.

22-го мая. Среда.

Всю ночь простояли на маленькой станции Козмодемьянск. В 10 ч. прибыли в Ростов. Аликс очень устала и, кроме того, у нее сделалась ангина, так что она пролежала весь день. После встречи поехал с детьми в автомобиле в древний город Ростов Великий. Посетил Успенский собор, слушал знаменитый звон колоколов, прошел по кремлевской стене в Белую палату и Князьин терема, осматривал по пути внутренние церкви. Возвращаясь в поезд, остановились у церкви Благовещения, где явилась в 1910 г. чудотворная икона Умиления Божией Матери. После завтрака снова поехал в город и осмотрел Яковлевский монастырь на берегу озера Неро и в 3 вер. старую деревянную церковь Иоанна Богослова на Ишне. Возвратился в поезд с детьми в 4 1/4. Пил чай и занимался. В 6 1/2 с дочерьми отправился в Кремль, в красивую церковь Воскресения Христова ко всеобщей. Покинули Ростов в 8 час. и остановились в 8 1/2 на ночь на крошечной ст. Деболовской.

23-го мая. Четверг.

В 10 час. прибыли на ст. Петровск, около кот. в поле принял волостных старшин Ярославской губ. Оттуда поехал с дочерьми в Петровск к обедне по случаю Вознесения. Вернулся в поезд в 12 1/2 к завтраку. Около 2 час. отправился с ними же в Переяславль по отличному шоссе: на 13-й версте переехал во Владимирскую губернию. Не доезжая до города, остановился у Никитского монастыря, затем в городе посетил Даниловский мон. и Федоровский женский монастырь. Несколько раз собирался дождь, но проходил благополучно. Выехал за город вдоль красивого переяславского озера в усадьбу Владимирского дворянства. Осмотрели ботик Петра Великого и памят-

ник ему, поставленный на том самом месте, где когда-то стоял его дом. Спустились к озеру и с пристани смотрел на катание морских потешных на шлюпках. Затем поднялся к павильону, в кот. нас угостили чаем и пр. Для публики были разбиты шатры между деревьями. После взаимного питья здравий уехали и прибыли в Петровск в 7 1/2 (40 верст в 45 мин.) Аликс тоже была на приеме с своими родителями, она проехала с нами в поезде до след. станции. Остановились на ночь на ст. Балакирево в 10 1/2.

24-го мая. Пятница.

В 10 час. утра при отличной погоде приехали в Троице-Сергиеву лавру. Элла встретила нас. Поехал с дочерьми к обедне и молебну. Затем зашли в митрополичьи покои и выпили чаю. В 12 1/2 продолжали путь. После завтрака стало жарко в вагонах. В 3 1/2 прибыли в Москву на бывш. Брестск. ныне Александровский вокзал...»⁶⁶.

В Москве царскую семью ждали с нетерпением. Царский поезд еще шел от Троице-Сергиевой лавры к Москве, а уже тысячи горожан скапливались вдоль Первой Тверской-Ямской и Тверской, и на всех площадях, мимо которых с вокзала в Кремль должны были проследовать августейшая фамилия, свита его величества, встречающие государя московские его родственники, столичные сановники и конный государев конвой.

К старому Брестскому, а в ту пору Александровскому вокзалу, уже прошел в почетный караул любимый государев полк — Астраханский гренадерский, — уже по одну сторону царской дороги встали шпалеры войск из других полков московского гарнизона, а по другую — всякая партикулярная публика и простой народ, отделенные от дороги частой цепочкой городских и полицейских, уже вышли на паперти храмов, стоящих по пути к Кремлю архиереи, попы и монахи с иконами и хоругвями, и промчался в пролетке — в который уж раз! — московский градоначальник, сновавший по главной столичной улице, чуть ли не с самого утра, но на этот раз — все заметили — как-то особенно взволнованно и поспешно — именно в ту сторону, откуда и должна была появиться процессия.

Несколько раз волнение охватывало собравшихся, но тут же оказывалось, что понапрасну, что еще не едут.

Стало уже два, а потом и три пополудни, солнце стояло в зените, было безветренно и жарко, а государь все не объявлялся.

Наконец, в три четверти четвертого со стороны Триумфальной площади донеслось долгожданное «ура!» — это гренадеры-астраханцы отвечали на приветствие государя. Эхо солдатского «ура» еще висело в воздухе, когда же у Александра Невского, что на Миуссах, ударили колокола. И вслед затем над Первой Тверской-Ямской, с запада на восток, поплыл по синему небу золотой колокольный звон. В октаву Александру Невскому грянули звонницы Страстного монастыря, и от церкви к церкви, от колокольни к колокольне, все нарастая и усиливаясь, поплыл над первопрестольной торжественный и веселый, праздничный благовест, пока, наконец, не вплелся в него низкий и густой бас тысячепудового Полиелейного колокола с Ивана Великого, будто хор мальчиков-певчих вдруг перекрыл чудовищный бас-профундо матерого звероподобного протодиакона.

А меж тем царь, обойдя почетный караул, подошел к встречающим его сановникам, генералам, тузам промышленности и торговли, городским думцам, к московским своим родственникам и, ласково улыбаясь, стал пожимать руки, глядя каждому в глаза, будто знает любого из них, хотя, конечно же, не знал и десятой части собравшихся.

Затем царь помог усесться в один из экипажей императрице Александре Федоровне с наследником-цесаревичем, одетым в его любимый наряд — матроску и бескозырку, — посмотрел, как в другой экипаж впорхнули одна за другой четыре его дочери — здоровые, веселые девочки, — и пошел в голову выстраивавшейся кавалькады, где двое лейбконвойцев держали в поводу приготовленного для него белого коня редчайшей красоты и стати.

Сев в седло, Николай пропустил половину конвоя вперед, и легонько тронув коня шенкелями, направился к Триумфальной арке.

В белой офицерской гимнастерке с полковничьими погонами без регалий и орденов он не выглядел владыкой великой Империи, а казался встречающим обыкновенным армейским полковником, направлявшимся в летние лагеря или на маневры.

А колокольный звон все продолжался, войска держали «на караул», тысячи москвичей улыбались ему, поднимали на плечи детей, махали платками и шляпами, и ему подумалось, что этот его въезд в Москву такой же торжественный, как и Коронационный, далекого 96-го года.

Так проехал он до Иверской, пересек Красную площадь и возле Спасских ворот, сойдя с коня, перекрестился на узорчатые купола храма Покрова, на златоглавые кремлевские соборы, и, отдав повод подбежавшему казаку-конвойцу, пешком пошел в Кремль, за крестным ходом, направлявшимся к Архангельскому собору, где предстояло и ему и всем его ближним возжечь лампаду и отстоять литию у гробницы первого русского царя Михаила Федоровича Романова.

Мог ли кто-нибудь подумать, что всего через пять лет вся эта семья будет убита и даже не похоронена...

«25-го мая. Суббота.

Дивный день с ветерком. В 11 час. начался выход. В Георгиевском зале Самарин от всего дворянства поднес ларец с грамотою. Красиво было Красное крыльцо с морем голов. В Успенском соборе было отслужено молебствие. Затем прикладывались к мощам и впервые поклонились гробнице Св. Ермогена. Прошли в Чудов мон. и оттуда вернулись к себе. Завтракало все семейство. В 3 ч. поехал с дочерьми в Чудов мон., где в Патриарш. ризнице осматривал интереснейшую выставку церковных вещей за последние 300 лет. Прошел во вновь устроенную церковь на месте кончины Св. Ермогена. Поехал в Знаменский монастырь и осмотрел дом Романовых. Вернулся домой в 5 1/4. Мария Павловна пила с нами чай. От 6 1/2 до 7 1/2 принимал. В 8 час. был парадный обед с тремя салютами во время питья здравий. Вечером читал.

26-го мая. Воскресение.

С 10 час. принимал депутации. В 11 ч. поехал с детьми в Новоспасский монастырь к обедне. Служил митрополит Макарий, пел синодальный хор и народный хор. После обедни сошли в подземелье к гробницам наших предков, где была отслужена лития. Алексей приехал к концу обедни. Оттуда в общину Эллы, которая угостила нас завтраком. В 2 1/2 уехали домой, принял Сазонова и в 3 1/2 с детьми отправился в собрание купеческого общества, где был концерт мещанских училищ, гимнастика мальчиков на дворе, представление вышивных работ учениц и чай. Вернулись домой в 4 1/2. После своего чая принимал без конца до 7 1/2, даже читать не успел. В 10 час. поехали с Ольгой и Татьяной на бал в Благородном собрании. Зала вечером была очень красива. Началось с полонеза. Я шел с Базилевской. Аликс уехала через час. Я ходил, смотрел на танцующих и курил в комнатке. В 12 1/2 уехал с Ольгой и дочерьми. Был очень потный.

27-го мая. Понедельник.

Опять с 10 час. начал прием: Комитета Булыгина, Московской Городской управы и выпускных воспитанников Лицея цесаревича Николая. Затем осмотрел превосходные вещи Строгановского училища, выставленные в Оружейной палате. В 12 1/4 был завтрак с митрополитом, епископами и всеми губернскими предводителями. Окончательно сел на ноги от усталости. Около 4 час. покинули Кремлевский двор, и на пути к Александровскому вокзалу посетили Вознесенский женский монастырь. По всему пути стояли войска с одной стороны и народ — с другой. Проводы были очень теплые. Простились с семейством и прочими и в 4 1/2 тронулись в обратный путь...»⁶⁷

Мог ли такой государь удержать такую Империю, если в голове у него откладывались сюжеты курения в комнатке и то, что «был очень потный».

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ

Первая мировая

А 15 июля 1914 года началась Первая Мировая война — Австро-Венгрия, воспользовавшись тем, что студент-националист Гаврила Принцип застрелил наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда, объявила Сербии войну. За братскую православную Сербию вступилась Россия, а 19 июля, вступившись за союзную Австро-Венгрию, России объявила войну Германия, и, наконец, 24 июля к Германии присоединилась и Австро-Венгрия — война стала общеевропейской, а вскоре и мировой, в которой участвовало 38 государств с населением в полтора миллиарда человек.

20 июля Николай II назначил великого князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим, который все внимание уделит быстрой мобилизации. И все же прошло 40 дней, пока русская армия была полностью отмобилизована, однако уже осенью оказалось, что в огромной армии не хватает 870 тысяч винтовок, нет достаточного числа патронов, слаба артиллерия.

Царская семья отнеслась к войне, как своему собственному кровному и семейному делу: их фамильная психология, заставляющая всех Романовых считать себя хозяевами Земли Русской, не позволяла оставить родину в беде, укрываясь в тылу. И потому все великие князья и князья крови, способные носить оружие, пошли на фронт.

О Николае Николаевиче мы уже упоминали. Вместе с ним в Ставке находился и его родной брат Петр Николаевич.

Великий князь Борис Владимирович — Августейший походный атаман всех казачьих войск — тоже почти всегда был на фронте.

В штабе Юго-Западного фронта служил и великий князь Николай Михайлович, который из-за своего ума, скептицизма и огромной исторической эрудиции с самого начала не верил в успех войны, слишком хорошо зная и царя, и всех великих князей.

Более всего критиковал он своего двоюродного брата — Верховного Главнокомандующего — за его авантюристическую тактику стремительных, неподготовленных наступательных операций в Галиции и Восточной Пруссии. Однако его взгляды разделял лишь один член семьи — великий князь Александр Михайлович, выступивший на фронте в новой роли, — уйдя с морской службы не по своей воле, он стал руководителем и организатором русской военной авиации, и превратившись в хорошего летчика, возглавил авиацию Юго-Западного фронта, а потом и всю военную авиацию страны.

В Действующей армии, разумеется, в гвардейских полках, служили офицерами и другие Романовы: тогда еще совсем молодые офицеры — сыновья великого князя, президента Академии наук, поэта «К.Р.» — Гавриил, Константин, Олег и Игорь. Старшему из «Константиновичей» — Гавриилу — было 27, самому младшему, Игорю, 20.

А 29 сентября 1914 года, через два месяца после начала войны, в семье Романовых погиб один из самых молодых ее «воинов», великий князь Олег Константинович. Ему шел двадцать второй год.

Это случилось в Восточной Пруссии, когда его эскадрон отступал к русской границе по топким болотам под градом вражеских снарядов. Он был ранен в живот и умер на второй день после ранения.

Война, начавшаяся летом, когда многие Романовы по обыкновению отдыхали и лечились на европейских курортах, застала их врасплох. Но все же все они сумели благополучно и быстро вернуться в Россию. С приключениями и трудностями добралась до Петрограда лишь вдовствующая императрица.

Весть о начале войны застала Марию Федоровну в Англии, в гостях у ее сестры, королевы Александры. 2 августа императрица пересекла Ламанш, тотчас же пересела на поезд и двинулась в Россию. Однако, как только ее поезд пришел в

Берлин, Марии Федоровне объявили, что сообщения с Россией нет и дальше ей ехать нельзя.

Немцы обращались с нею грубо и даже отказались продать императрице и ее спутникам продовольствие. Для удовлетворения просьб Марии Федоровне предложили обратиться к германскому императору, но она категорически отказалась.

В то время, как происходило все это, на вокзале собрались русские, не успевшие выехать из Германии, и императрица на свой страх и риск всех их приютила в своем вагоне. Наконец появился немецкий чиновник из Министерства Иностранных дел и приказал поезду следовать в Данию. Вагон заперли, поставили на площадки часовых и отправили в Копенгаген. Здесь, не задерживаясь ни на один день, царица приказала следовать через Швецию в Россию.

В 1914-1917 годах она вся ушла в работу по руководству «Красным Крестом»: формировала санитарные отряды и санитарные поезда, организовывала госпитали и, как могла, помогала раненым.

Вскоре после начала войны в Петроград приехал и брат царя, великий князь Михаил Александрович со своей мorganатической женой графиней Натальей Сергеевной Брасовой и двухлетним сыном Георгием. Мы расстались с Михаилом в 1901 году, когда ему было 23 года во время романтической истории его с фрейлиной императрицы Диной Коссиговской.

Через семь лет после этого, когда Михаилу было уже 30, он влюбился снова и на сей раз попросил у Николая II официального разрешения на брак. Узнав, о ком идет речь, Николай категорически запретил даже думать об этом.

Это случилось в 1908 году, когда Михаил Александрович командовал эскадроном лейб-гвардии Кирасирского полка, шефом которого была его мать — вдовствующая императрица Мария Федоровна. Полк стоял в Гатчине, и там, на одном из полковых праздников, Михаилу Александровичу и была представлена Наталья Сергеевна Вульферт — жена ротмистра-кирасира Вульферта. Само по себе то, что великий князь уводит от своего однополчанина жену, не могло рассматриваться иначе, как низкий и бесчестный поступок. Но дело отягощалось еще и тем, что жена Вульферта — дочь московского адвоката Шереметьевского, поверенного братьев-мультимиллионеров Рябушинских (не путайте с графами Шереметьевыми!) до того, как обвенчаться с Вульфертом, три года была женой знаменитого предпринимателя Мамонтова. Николай писал матери: «Три дня назад Миша писал, прося разре-

шения жениться... Я никогда не дам моего согласия. Бог запрещает, чтобы это печальное дело стало причиной недоразумений в нашей семье»⁶⁸.

Желая избежать скандала, Николай II назначил Михаила командиром полка Черногорских гусар, стоящих в Орле, и великий князь вынужден был уехать к месту их дислокации. Однако роман продолжался и ротмистр Вульферт вынужден был дать жене развод.

Тонкий ценитель женской красоты, французский посол в России Морис Палеолог, так описал ее внешность: «Я увидел стройную молодую женщину. Смотреть на нее было удовольствием. Весь ее облик обнаруживал большую личную привлекательность и благородный вкус. Ее шиншилловый мех, открытый на шее, давал возможность увидеть платье из серебристо-серой тафты, отделанное кружевом. Светлая меховая шапка гармонировала с ее прекрасными волосами. Ее чистое и аристократическое лицо было очаровательно вылеплено, у нее были светлые бархатистые глаза. Вокруг шеи искрилось на свету ожерелье из крупного жемчуга. От каждого ее движения веяло величественной, мягкой грациозностью»⁶⁹.

Михаил не мог отказаться от такой женщины и уехал с нею за границу. Там, в 1910 году, Наталья родила сына, которого назвали Георгием. В октябре они приехали в Вену, крестили там в православной церкви новорожденного и обвенчались сами.

При заключении брака в Вене Михаил действовал крайне осторожно, стараясь предусмотреть и предотвратить любые опасности. Он обезопасил свой брак даже тем, что венчался в православной церкви, которая была под юрисдикцией Сербского патриарха, чтобы Святейший Синод не мог бы расторгнуть их брак, если бы и вздумал предпринять такую попытку.

Из Вены они переехали в курортный баварский городок Берхтесгаден и сообщили Николаю и о своем браке, и о рождении сына.

Телеграмму молодоженов Николай получил, находясь в охотничьем заповеднике Спале. Алексей, конечно же, был с ним, как и Александра Федоровна. И если что и омрачало родителей, то это болезнь мальчика. Случилось так, что накануне прихода известия о счастливом браке и рождении у Михаила сына, (конечно же, абсолютно здорового — хотя о здоровье Георгия ничего не сообщалось, но Николай чувствовал, что это именно так) у Алексея случился сильный приступ болезни и Николай воспринял телеграмму, как откровенное посягательство на трон, ибо Михаил стал бы наследником престола.

если бы цесаревич умер. А следующим цесаревичем был бы сын Михаила — Георгий.

Прочитав телеграмму, он сказал сопровождавшей их семью Вырубовой: «Он нарушил свое слово, слово чести. Как в момент болезни мальчика и всех наших тревог они могли сделать такую вещь?»

Николай писал матери: «Я собирался написать тебе по поводу нового горя, случившегося в нашей семье, вот ты уже узнала об этой отвратительной новости... между мною и им сейчас все кончено, потому что он нарушил свое слово. Сколько раз он сам говорил, не я его просил, а он сам давал слово, что на ней не женится.

И я ему безгранично верил! Ему дела нет ни до твоего горя, ни до нашего горя, ни до скандала, который то событие произведет в России. И в то же время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея дома Романовых!!! Стыдно становится и тяжело. Ужасный удар... он должен сохраняться в абсолютной тайне»⁷⁰.

Опасения Николая, что эта история станет всеобщим достоянием, вскоре оправдалась и тогда он лишил Михаила права регентства над Алексеем, если бы Николай скончался раньше Михаила, а Алексей еще не достиг совершеннолетия; он установил над имуществом Михаила опеку, как будто тот был сумасшедшим или малолетним и, кроме того, лишил его права возвращения в Россию.

Через некоторое время после всего случившегося Николай узнал, что у Михаила не было никаких умыслов относительно изменения существующего порядка престолонаследия.

Просто-напросто Михаил боялся, что если Алексей умрет, то он будет вынужден возвратиться в Россию, а там ему никогда не удастся сделать Наталью Сергеевну своей законной женой.

Узнав об этом, Николай пожаловал жене Михаила титул графини Брасовой — по названию принадлежащего ей имения — признав право на этот титул и за своим племянником Георгием Михайловичем Брасовым.

После того как все это произошло, Михаил и Наталья остались за границей, как частные лица. В 1913 году они переехали в Англию и поселились в Замке Небворт, неподалеку от Лондона.

Когда началась первая мировая война, Михаил глубоко переживал, что не может возвратиться в Россию. Он стал искать пути на родину, зная, что ни один из них не приведет его туда, пока на то не будет воли его старшего брата. Тогда Ми-

хаил попросил помочь ему отца своего друга детства графа И.И.Воронцова-Дашкова, бывшего долгие годы генерал-адъютантом и наместником на Кавказе. Старый граф написал письмо на имя царя, и отдал его своему сыну. Молодой граф И.И.Воронцов-Дашков передал письмо Николаю II и тот разрешил и брату и его жене вернуться в Россию.

Михаил с женой и четырехлетним сыном приехал в Петербург и остановился в «Европейской гостинице». На первой же аудиенции он попросил Николая дать ему какой-нибудь кавалерийский полк в Действующей армии, но Николай приказал ему оставаться в Петербурге. Михаил ехал на родину для того, чтобы сражаться с немцами, а вместо этого оказался в некоем вакууме — двор он не любил, тем более, что и Наталью Сергеевну там не принимали, а на фронт ехать ему запрещали, и он вынужден был томиться в совершеннейшем бездействии, сознавая полное бессилие изменить что-либо. И вновь на помощь к нему пришел наместник на Кавказе. И.И.Воронцов-Дашков задумал сформировать кавалерийскую дивизию, в которую вошли бы конники-мусульмане всех народов Кавказа, а ее начальником он предложил назначить великого князя Михаила Александровича.

Разумеется на это требовалось согласие царя. Воронцов-Дашков обратился к Николаю, и тот такое согласие дал. В сентябре 1914 года Михаил вместе с женой и сыном выехал в Винницу, где эта дивизия, получившая неофициальное имя «Дикой дивизии» и вошедшая под этим именем в историю, заканчивала формирование.

Официально же она называлась «Кавказская туземная конная дивизия». Ее особенностью было то, что она состояла из добровольцев — горцев-мусульман, которые в мирное время были освобождены от воинской повинности. Дивизия состояла из шести полков — Кабардинского, Дагестанского, Татарского, Чеченского, Ингушского и Черкесского; кроме того в ее состав входила пешая Осетинская бригада и 8-й Донской казачий артиллерийский дивизион. В дивизии рядовых называли не нижними чинами, а «всадниками» и «воинами»; они получали высокое жалование — 25 рублей в месяц — и обращались к офицерам на «ты».

Половина офицеров дивизии были русские гвардейцы, вторая половина — выходцы из аристократических фамилий Кавказа, и потому Михаил Александрович с особым удовольствием принял это назначение.

Вместе с Михаилом поехал в Винницу и молодой граф Воронцов-Дашков, чтобы служить под началом великого князя. Друзей детства сближало и то, что у Воронцова-Дашкова как

раз в это время происходила столь же одиозная матримониальная история, что и у его начальника: он тоже собрался жениться на даме, которая еще не получила развод, но уже довольно давно жила с ним.

В Виннице эти две семьи сдружились и часто проводили время вместе.

В октябре 1914 года жена Воронцова-Дашкова, ставшего командиром Кабардинского полка, получив после венчания и его фамилию, и графский титул, уехала в Петербург, и поселилась в доме мужа на Английской набережной. Время от времени она выезжала к мужу на фронт и то от него, а также от командира Дагестанского полка князя Амилахвари, от командира Татарского полка князя Бековича-Черкасского, от адъютанта великого князя — хана Эриванского, узнавала многое, что относилось к Михаилу Александровичу.

Так она узнала, что уже в начале 1915 года командир кавалерийского корпуса, в который входила Дикая дивизия, хан Нахичеванский представил Михаила Александровича к ордену Георгия, за то, что Дикая дивизия под Перемышлем оставила немецких кирасир, и великий князь, находясь под огнем, проявил и воинское мастерство и личное мужество. Однако Николай II оставил это представление без внимания.

За бои на реке Сан хан Нахичеванский еще раз представил Михаила к тому же ордену и снова представление было проигнорировано императором.

Наконец, за новое дело великий князь был еще раз представлен к «Георгию» командующим 8-й армией А.А. Брусиловым. Старый генерал был поопытнее своих подчиненных и, прежде чем посылать бумаги царю, провел награждение через Георгиевскую думу своей армии. Георгиевские кавалеры единогласно высказались за награждение начальника Дикой дивизии, и Николай на этот раз не мог отказать в награде своему младшему брату.

К началу войны дети Николая II и Александры Федоровны представляли собою прелестное сообщество из четырех сестер и брата в возрасте от 10 до 19 лет. Мы расстались с ними, когда Алексей Николаевич только родился, а старшей его сестре — Ольге — было всего 9 лет.

В любой многодетной семье близкие по годам сверстники всегда тянутся друг к другу, образуя маленькие группки по интересам. Так было и в царской семье: две старшие дочери — Ольга и Татьяна — составляли одну пару, две младшие — Мария и Анастасия — другую. И немного особняком стоял един-

ственный мальчик, их брат, Алексей. Они очень любили друг друга и особенно сильно любили и жалели самого младшего — печального и тихого, необыкновенно красивого — настоящего сказочного принца с длинными, шелковистыми вьющимися светло-каштановыми волосами, ясными большими серо-голубыми глазами и необыкновенно нежной кожей.

Воспитатель цесаревича Пьер Жильяр так писал о своем воспитаннике, когда Алексею шел десятый год: «Он был довольно крупен для своего возраста. Он вполне наслаждался жизнью, когда мог, как резвый и жизнерадостный мальчик. Вкусы его были очень скромны. Он совсем не кичился тем, что был Наследником Престола, об этом он меньше всего помышлял. Его самым большим счастьем было играть с двумя сыновьями матроса Деревенко, которые оба были несколько моложе его.

У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе... В маленьком капризном существе, каким он казался вначале, я открыл ребенка, с сердцем от природы любящим и чувствительным к страданиям, потому что сам он уже много страдал».

Девочки были дружны, помогали друг другу, и чаще всего бывали вместе.

Возле них были одни и те же учителя, воспитатели и воспитательницы, они жили сначала в одной большой комнате, став старше, разделились на две пары, и только будучи уже взрослыми стали жить каждая в своей комнате.

Они не были избалованы роскошью и, как в семьях среднего достатка, младшие сестры донашивали платья, юбки, кофты, пальто и даже обувь старших.

По воспоминаниям царского камердинера А.А.Волкова, дети с 8 часов утра и до обеда занимались уроками. При них постоянно жили Гиббс и Жильяр — преподаватели английского и французского языков, а остальные учителя были проходящими. Иногда занятия ненадолго прерывались и детей брала с собою на прогулку Александра Федоровна, катая их в экипаже по Царскосельскому парку. При детях состоял доктор Е.С.Боткин, а Алексея, кроме того, опекал доктор В.Деревенько. Когда же цесаревич болел так, что не мог ходить, то его носил на руках высокий и сильный моряк, бывший боцман императорской яхты «Штандарт», почти однофамилец доктора — Деревенко. Вскоре в помощь ему был привлечен еще один дядька — матрос Нагорный⁷².

Начальник канцелярии Министерства Двора генерал-лейтенант А.А. Мосолов, тоже оставивший воспоминания, писал, что сначала девочки росли без надзора воспитательниц, а только под опекой няnek. Когда же сестры выбегали из своих комнат, то только мать присматривала за ними. Постепенно надзор за великими княжнами перешел к Екатерине Адольфовне Шнейдер, которая учила Елизавету Федоровну после того, как она приехала в Россию, русскому языку. Шнейдер получила придворную должность гоф-лектрисы и учила принцесс, пока они были маленькими, по всем предметам. Она любила девочек как своих родных детей и была им бесконечно предана. Она доказала свою верность им, отправившись в 1918 году в Сибирь и разделив с ними их ужасную участь⁷³.

Та же судьба постигла и двух няnek девочек — Анну Александровну Тяглову и Елизавету Николаевну Эрсберг.

Следует заметить, что принцессы, во многом отличаясь друг от друга, имели и много общего. Они были веселы, незлобивы, любили мать и отца, отличались искренней набожностью, не пропуская церковных служб и исполняя все предписания религии: постясь, исповедуясь, причащаясь, раздавая милостыню бедным и облегчая участь попавших в беду.

О детстве девочек-принцесс сохранилось очень немного сведений. Отдельную небольшую книжку о старшей из них — Ольге — написал в эмиграции П. Савченко, издав ее в 1986 году в Джорданвилле. В этой книжке были по крупицам собраны свидетельства учителей, фрейлин, придворных — всех, кто когда-то сталкивался с царскими дочерьми.

Фрейлина Танеева свидетельствовала: «Дети их величеств были горячие патриоты; они обожали Россию и все русское; между собой говорили только по-русски»⁷⁴, хотя учили их трем иностранным языкам: английскому, французскому и немецкому.

Довольно рано всех девочек научили плавать, ходить на веслах на шлюпках, танцевать и ездить верхом. Сестры были «прелестными девочками, скромно и просто воспитанными, относившимися ко всем с ласковостью и вежливостью, а зачастую и с строгой заботливостью» — вспоминал флигель-адъютант Фабрицкий⁷⁵.

В 1914 году, старшая из сестер, 19-летняя Ольга, стала уже невестой. Летом она отправилась в Румынию, где ее ждал потенциальный жених — принц Кароль. Однако принц не приглашался Ольге и решение о помолвке отложили. Сопровождавшие же ее знали, что решающим оказалось то, что Ольга не

захотела оставаться в Румынии, потому что не мыслила себе жизни вне России.

Разразившаяся вскоре после ее возвращения на родину война заставила детей быстро и основательно посерьезнеть и повзрослеть: в их дом пришла беда, а ничто так не способствует возмужанию, как борьба с несчастьем, которое сплачивает и выявляет такие высокие качества, как сила воли, самоотверженность, стремление идти на помощь другим. Их бабушка и их мать, их тетки и старшие двоюродные сестры с первых же дней войны стали сестрами милосердия в санитарных поездах и лазаретах.

Лазареты были развернуты во всех их дворцах, они почти сразу же увидели страшную изнанку войны — увечья, смерть, кровь и страдания своих «милых и родных солдатиков», с любовью и нежностью глядевших на них, скрывавших боль и муки, о которых добрые девочки-христианки все равно догадывались и не по-детски глубоко и серьезно сострадали.

Ольга и Татьяна почти сразу же ушли в «Красный Крест», младшие потянулись за ними через два-три года.

Война коснулась их, и когда они узнали о смерти двоюродного дяди Олега Константиновича, который всего на три года был старше Ольги. А когда их маленький брат стал вместе с отцом ездить в Ставку, на фронт, то к беспокойству об отце прибавилась и постоянная тревога о брате.

А между тем с первых же дней начались тяжелые бои и в них русская армия сразу же стала нести такие потери, каких никто не мог предположить даже в самых мрачных, апокалиптических прогнозах.

По мобилизации в армии оказалось более пяти миллионов солдат и офицеров, а за все годы войны под ружье было поставлено более пятнадцати миллионов.

Серьезнейшим изъяном было то, что армией командовали два человека, ненавидевшие друг друга — великий князь Николай Николаевич и военный министр Владимир Александрович Сухомлинов.

Великий князь — двухметровый великан, со сверкающими синими глазами — был самым уважаемым человеком в армии. «Вся его натура, — писал Морис Палеолог, — источала неистовую энергию. Его язвительная, обдуманная речь, быстрые, нервные движения, жесткий, крепко сжатый рот и гигантская фигура, олицетворяли властную и пылкую храбрость.»⁷⁶

Сухомлинов во всем был полной противоположностью великого князя — он был маленький и толстый, он был сибя-

рит и лентяй, постоянно врал, и о нем говорили, что больше его самоуверенности было присуще ему беспредельное невежество.

В этой ситуации Николай II вынужден был исполнять роль верховного арбитра, чаще, правда, склоняясь на сторону своего министра.

В первые месяцы войны немцы навязали Антанте свой план действий: они ворвались во Францию и вскоре остановились у ворот Парижа. Спасая союзников, две русские армии — П.К.Ренненкампа и А.В.Самсонова — начали самоубийственное наступление в Восточной Пруссии, но были разбиты.

Тем не менее, немцы вынуждены были снять с Западного фронта более двух корпусов и их наступление на Париж сорвалось. Это дало возможность французам в пограничных сражениях измотать немецкие войска и остановить их на реке Марна. А на Восточном — Русском — фронте главные сражения 1914 года развернулись в Польше и Галиции.

Ставка Николая Николаевича располагалась возле станции Барановичи, почти на стыке двух фронтов — германского и австро-венгерского, — в густом смешанном лесу, в двух десятках вагончиков, между которыми были настланы деревянные тротуары.

Туда часто приезжал царь, а уже в конце октября 1914 года, возвращаясь из Ставки в Петроград, Николай II побывал и на переднем крае, в Иван-городе.

В ноябре он проехал на Турецкий фронт, а через год, снова приехав в Ставку, привез с собою и одиннадцатилетнего цесаревича, одетого в длинную серую шинель рядового пехотинца.

Жильяр, сопровождавший наследника, писал: «Алексей Николаевич следовал по пятам за отцом, боясь пропустить слово в рассказах этих мужественных воинов, часто смотревших смерти в лицо.

Черты лица его, которые всегда были выразительными, становились совсем напряженными от усилия не пропустить ни одного слова из рассказов этих героев. Его присутствие возле царя особенно интересовало солдат... Но главным, что производило величайшее впечатление на них, было то, что цесаревич одет в форму рядового»⁷⁷.

К середине 1915 года русская артиллерия замолчала — на 300 немецких выстрелов она могла ответить одним снарядом. Неудачи не заставили себя ждать: русская армия начала отсту-

пление из Польши, из Галиции, из Литвы, из Курляндии. Отход армии сопровождался уходом на Восток сотен тысяч беженцев.

Отступление и неудачи в войне связывали со шпионажем в российских верхах в пользу немцев.

В феврале 1915 года был арестован находящийся на службе в армии жандармский полковник Мясоедов.

Вместе с ним арестовали и нескольких друзей и сослуживцев Сухомлинова. Особый военно-полевой суд приговорил Мясоедова к смертной казни и его казнили 19 марта того же года. Вслед за тем стали утверждать, что и военный министр и его красавица-жена, бывшая на тридцать лет младше его, и часто посещавшая немецкие курорты, тоже — шпионы Германии.

Николаю ничего не оставалось, как попросить своего министра об отставке. 13 июня 1915 года военным министром стал генерал от инфантерии А.А.Поливанов — либерал, редактор военных изданий, закончивший свой путь в 1920 году на посту члена Особого совещания при Главкоме Красной Армии С.С.Каменеве, тоже бывшем офицере русской армии.

Впрочем, военным министром Поливанов был лишь до 15 марта 1916 года; менее чем за два года — до отречения Николая II от престола — на этом посту побывало еще три человека и средний срок пребывания их равнялся семи месяцам, — стало быть, не в людях было дело, а в системе.

Почти одновременно с Сухомлиновым подали в отставку еще три министра, и не только в России, но и за границей создалось впечатление о слабости и шаткости царского режима. Отставки происходили на фоне сдачи немцам многих городов и целых губерний тогда Николай II принял решение стать во главе армии, заменив Николая Николаевича. Однако многие пришли от этого в смятение.

А.А.Поливанов говорил: «Подумать жутко, какое впечатление произведет на страну, если государю императору пришлось бы от своего имени отдать приказ об эвакуации (то есть сдаче) Петрограда или, не дай Бог, Москвы»⁷⁸. А один из главных врагов Сухомлинова, член Государственного Совета А.В.Кривошеин во всеуслышание заявил: «Народ давно, со времен Ходынки и японской кампании считает государя царем несчастливым, незадачливым»⁷⁹. Но это были голоса людей, стоявших у руля государства, а народ считал, что царя подтолкнул к принятию должности Верховного Главнокомандующего ни кто иной, как Гришка Распутин.

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ

Гольф бес

Мы расстались со старцем Григорием, когда летом 1912 года после паломничества в Святую Землю, он под влиянием лавины слухов о его оргиях и бесчинствах уехал к себе в Покровское. Потом он то наезжал в Петербург и Москву, то снова жил у себя дома в Тобольской губернии. Однако независимо от того, где он жил, волна ненависти к нему не стихала, и вылилось все это в хорошо подготовленную попытку убить его. Организатором убийства стал его прежний друг иеромонах Илиодор — в мире Сергей Труфанов. Он происходил из донских казаков и по характеру и многим качествам не уступал Распутину, но он был не так умен и, главное, проповедовал не любовь и добро, а злобу и нетерпимость ко всем тем, кого он считал революционерами. В их числе были для Илиодора и Столыпин и Лев Толстой, и евреи и интеллигенты. Обуянный гордыней, считая себя выдающимся проповедником — не хуже Иоанна Кронштадского, — Илиодор люто завидовал и столь же люто ненавидел своего удачливого соперника, которого он считал причиной всех своих несчастий. Постепенно устранение Распутина стало для Илиодора главной жизненной задачей.

В начале лета 1914 года Илиодор отыскал среди своих фанатичек-поклонниц бывшую проститутку, ставшую набожной и во всем ему покорной, Хионию Гусеву и, описав ей все дьявольские бесчинства одержимого бесом старца Григория, приказал убить великого грешника. Гусева приехала в Покровское и остановилась в одном из домов, выдав себя пришедшею на богомолье паломницей. Она стала следить за Распутиным и, когда старец 28 июня вышел на улицу, подошла к нему и протянула руку за подаванием. Как только Распутин полез в карман за кошельком, Хиония ткнула его в живот большим, заранее приготовленным ножом. Переступив порог, он упал и потерял сознание. А Хионию, кричавшую, что она убила Антихриста, утащили на съезжую, под арест.

Доктор, вызванный по телеграфу из Тюмени, приехал только к вечеру через восемь часов и сделал тяжелую операцию прямо в избе старца, при свечах. Через несколько дней Григория Ефимовича отвезли в больницу, в Тюмень, где он целый месяц находился между жизнью и смертью. Наконец он поправился и вскоре уехал в Петербург. А Хионию Гусеву, признав по суду сумасшедшей, отправили в лечебницу.

Все друзья Распутина страшно обеспокоились и в Тюмень пошли сотни сочувственных и негодующих телеграмм.

Илиодор вынужден был бежать из России. Он тайком пробрался в Финляндию и нашел убежище на даче Максима Горького.

29 июля Горький сообщил писателю А.В.Амфитеатрову, жившему в Италии: «Думаю, что в близком будущем к вам, может быть, явится некий россиянин, довольно интересный парень, обладающий еще более интересными документами»⁸⁰. Этим «парнем» был иеромонах Илиодор, которому Горький помог перейти финско-шведскую границу, после чего Илиодор добрался до Соединенных Штатов Америки и там издал книгу о Распутине «Святой черт».

В этом же письме Горький писал Амфитеатрову: «Прелюбопытная легенда слагается о старце: во-первых, сведущие люди говорят, что старец (Распутин) суть сын старца Федора Кузьмича, во-вторых, что он дал престолу наследника. Чисто русский круговорот вещей: царь ушел в старцы, и роди сына-старца, сей же последний — роди наследника. Ситуация любопытная и возбуждающая надежды великие: окунувшись в море народное царь-старец почерпнул там некие новые силы и через сына своего воплотил оные во внуке, стало быть — мы спокойно можем ожидать от внука всяческих благ, но он, внук, есть как бы результат слияния царя с народом. Чисто?»⁸¹

Какое уж там «чисто», — редко бывает грязнее. И особенно убеждаешься в этом, когда читаешь «интересные документы» «некоего россиянина».

Эти «документы» — письма великих княжен и Александры Федоровны Распутину — Илиодор опубликовал в своей книге «Святой черт». Приведем здесь всего одно из них, которое фигурировало потом в делах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царского правительства и было признано подлинным А.А.Вырубовой.

Вот оно: «Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки, и голову свою склоняю на твои блаженные плечи.

О, как легко мне тогда бывает. Тогда я желаю все одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есть? Куда ты улетишь? А мне так тяжело. Такая тоска на сердце...

Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях без тебя. Аня добрая, она хорошая, она ме-

ня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь около меня? Скорее приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благославения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя. М. (Мама)»⁸².

Серьезные историки отрицают подлинность этого письма и считают его ловкой подделкой. Вместе с тем, оно является свидетельством того, насколько сильно были отравлены умы не только российских обывателей, но и русской литературной элиты, если Горький и «маленький Золя», как называли Амфитеатрова, верили в подлинность Илиодоровской подделки.

А между тем в начале осени в Петроград вернулся Распутин, уверявший всех, что его выздоровление — доказательство божественного покровительства. И вскоре по приезде, ошавев от радости, что он остался жив, старец «пустился во вся тяжкая»*.

И здесь следует рассказать об одном редкостном качестве Распутина — его совершенно феноменальных сексуальных способностях и особенностях.

Первые сведения об этом относятся ко времени его возвращения из Верхотурского монастыря, когда он, выкопав подземную моленную, собрал вокруг себя почитателей — своего шурина Николая Распопова, Николая Распутина, Илью Арапова и двух девушек-сестер Печеркиных — Катю и Дуню.

Перед тем, как спуститься под пол, сестры Печеркины мыли его в бане, потом пили воду, которой Распутин мылся, а затем переносили его в избу, где пели духовные псалмы и плясали.

В дальнейшем «духовных братьев» у Распутина не было, а «духовные сестры» в конце-концов стали исчисляться многими сотнями, ибо именно с этого времени в Распутине поселился тот неискоренимый, могучий «блудный бес», который и не оставлял его до самой смерти.

В 1903 году, еще находясь в Сибири, он стал проповедовать борьбу против дьявольских соблазнов похоти. Он склонял девушек к тому, чтобы они целовали его до тех пор, пока эти поцелуи не станут им противными. И тогда блудный бес оставит их. Если же этого не произойдет, то они должны покаяться ему в своих прежних грехах, и тогда он возьмет эти грехи на себя.

* Большие колокола на Руси назывались «тяжкая». По церковному уставу «пуститься во вся тяжкая» означало бить во все колокола сразу. Иносказание же употреблялось в значении: предаваться кутежам и разврату без всякого удерж. См.: Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь, м., 1900, с.745.

Однако сделает он это, если только грешница покается полностью, а в доказательство совершенно перестанет его стыдиться и пойдет с ним мыться в баню. Чаще же всего сопровождали его в баню несколько молодых женщин и девушек. В 1904 году к нему в село уже приезжали дворянки и купчихи, преклонялись перед ним, целовали ему ноги, стригли ему ногти и зашивали их в свою одежду.

По воспоминаниям Мориса Палеолога, как только Распутин появился в Петербурге, тут же стали говорить о его «подвигах», совершенных им во время скитаний по храмам и обителям: «В Царицыне (Где настоятелем монастыря был его тогдашний друг Илиодор) он лишил невинности монахиню, из которой взялся изгнать беса.

В Казани, он, пьяный, вышел из публичного дома, бичуя ремнем бежавшую перед ним голую девицу, что вызвало большой скандал в городе. В Тобольске он обольстил благочестивую супругу одного инженера, госпожу Л., и до того влюбил ее в себя, что она всем рассказывала о своей любви и хвасталась своим позором: это она познакомила его с утонченным развратом светских женщин»⁸³.

Оказавшись в Петербурге, он почти сразу же совершенно очаровал и покори́л Анну Вырубову, впрочем, одну из немногих его почитательниц, не вступившую с ним в блудодейание. Затем возле него оказалась молодая вдова Хиония Бернадская, муж которой повесился из-за ее измены — не с Распутиным, а еще с одним «героем», оказавшимся рядом с Хионией незадолго до знакомства ее со старцем. Никто не мог успокоить безутешную Хионию, а Распутин утешил одной фразой: «Сам Христос, — сказал старец, — не мог помешать своему ученику, Иуде, удавиться, как же могла это сделать ты?» 3 ноября 1905 года он короткой беседой вылечил от хронической неврастении светскую красавицу Ольгу Лахтину, пять лет не встававшую с постели. Лахтина, как по волшебству, встала, но из одной болезни впала в другую, — поверив, что Распутин ни кто иной, как сам Господь Саваоф. Такими же излеченными от болезней, чаще всего нервных, было и большинство других его поклонниц.

Особенно бурно вел себя старец после того, как снял квартиру в доме № 64 по Гороховой улице, в которую он переехал 1 мая 1914 года, незадолго до начала первой мировой войны. (В 1917 году, как уже говорилось, Временным правительством была создана Чрезвычайная следственная комиссия, расследовавшая преступления свергнутого самодержавия и в особенности Распутина и его сообщников.

В ходе следствия один из следователей — Г.Н.Смиттен — составил сводку допросов свидетелей и обвиняемых, которую в 1964-1965 годах опубликовал журнал «Вопросы Истории». Именно оттуда и будет приведен далее материал о Распутине и его окружении)⁸⁴.

Здесь — во флигеле на Гороховой улице — целыми месяцами жила у него, в промежутках между рейсами санитарного поезда имени Александры Федоровны, медсестра этого поезда А.Н.Лаптинская, эротические упражнения которой с Распутиным можно было наблюдать с улицы, ибо штор на окнах в комнате Лаптинской не было.

Медсестра была не только хороша собой, но и очень расчетлива и играла роль секретарши старца, взимая мзду с многочисленных просителей и просительниц. Подолгу гостила красавица-сибирячка Елена Петушинская, муж которой из ревности к Распутину застрелился. Навещали старца и любовницы, не остававшиеся у него надолго — жена капитана 2-го ранга Ю.А.Дан, подруга Александры Федоровны, уступавшая по степени близости к императрице только Вырубовой; знаменитая красавица С.Л.Волынская, заплатившая собой за то, что Распутин добился помилования ее осужденного мужа; баронесса В.И.Кусова; родная сестра А.А.Вырубовой — А.А.Пистолькорс (она вышла замуж за сына Ольги Валериановны Пистолькорс, морганатической супруги великого князя Павла Александровича); была здесь и цыганская певица Варвара, и кафешантанная танцовщица Панкова, эротоманка и сатанистка В.А.Подревская, писавшая под псевдонимом «Жуковская».

Приходила к Григорию Ефимовичу и любовница товарища председателя Государственной Думы А.Д.Протопопова, Ш.Г.Лунц, которой не хватало ласк мужа и любовника и она искала сексуальных радостей у безотказного «Святого Старца».

Почти завсегдатайкой была молодая мадам Добровольская, частенько наезжавшая из неблизкого Шлиссельбурга, чтобы избавиться от бесплодия, но к смущению Распутина, обещавшего бесплатно вылечить Добровольскую от недуга, она почему-то упорно не беременела. И просто для того, чтобы получать плотские утехы, жаловала к старцу любовница Б.В.Штюмлера, который стараниями Распутина станет премьер-министром; дочь коменданта Петропавловской крепости, фрейлина императрицы Лидия Владимировна Никитина и купчиха Л.В.Миллер и профессиональные проститутки В.И.Трегубова, Варвара Ниценко и красавица-княгиня Т.Ф.Шаховская, в экстазе способная целовать ноги

старцу в присутствии кого угодно; и бесчисленное число «разовых» посетительниц-просительниц, бывавших у Распутина по своим делам по два-три десятка на день. Причем он не пропускал ни одной женщины, которая бы ему понравилась, и отказы ему были не очень-то частыми.

Эти же дамы, вкупе с цыганским хором и оркестром, проводили дни и ночи в самых разнузданных оргиях, а когда им это надоедало, они ехали в лучшие рестораны, снимая там зал или номера, и гуляя иногда и по двое-трое суток.

Когда Распутин наезжал в Москву, у него и там был сонм фанатичек-поклонниц, из которых особую роль играла Евгения Георгиевна Терехова-Маклашевская, поставлявшая старцу в Москве малолетних девочек и красавиц-купчих.

Все свои поездки и странствия по России Распутин совершал в сопровождении поклонниц, готовых не только удовлетворить любое его желание, но и с радостью за него умереть*.

В этой книге мы встречались со множеством фаворитов, обладающих выдающимися сексуальными способностями, однако ни один из них не может сравниться с Григорием Ефимовичем Распутиным.

В романе «Хождение по мукам», сравнивая фаворитов XVIII века с Распутиным, Алексей Толстой писал: «Как сон прошли два столетия: Петербург, стоящий на краю земли, в болотах и пусторосях, грезил безграничной славой и властью; бредовыми виденьями мелькали дворцовые перевороты, убийства императоров, триумфы и кровавые казни; слабые женщины принимали полубожественную власть; из горячих, измятых постелей решались судьбы народов; приходили ражие парни с могучим сложением и черными от земли руками, и смело поднимались к трону, чтобы разделить власть, ложе и византийскую роскошь.

С ужасом оглядывались соседи на эти бешеные взрывы фантазии. С унынием и страхом внимали русские люди бреду столицы. Страна питала и никогда не могла напиться кровью свои петербургские призраки.

* Вместе с тем, в исторической науке существует и точка зрения, что старец Григорий Ефимович Распутин был добродетельным и все, что о нем говорили, было сведением счетов с царем и царицей, ибо дискредитируя ближнему им человека, вместе с тем подвергались дискредитации и они сами. Наиболее ярко отражена эта точка зрения в одной из лучших книг по истории России начала XX века «Сумерки монархии» А.Н. Боханова (М., 1993, с.95-146).

И вот во дворец, до императорского трона, дошел, и, глумясь и издеваясь, стал шельмовать над Россией неграмотный мужик с сумасшедшими глазами и могучей мужской силой...»⁸⁵.

Разумеется, что не только фанатичные поклонницы окружали Распутина. Очень часто многие из них были связаны с двором, правительством, генералитетом, банкирами и иерархами церкви.

О связях такого рода мы уже кое-что узнали. Одной из таких дам была уже упоминавшаяся фрейлина Лидия Владимировна Никитина — любовница старика Б. В. Штюрмера, который при настоятельной поддержке Распутина 20 января 1916 года стал председателем Совета Министров. Другой — Ольга Валерьевна Пистолькорс, жена великого князя Павла Александровича, просившая протекции у царя и царицы о даровании ей княжеского титула.

И дело это успешно завершилось, когда она из графини Гогенфельзен была переименована в княгиню Пален. И таких примеров заступничества и протектирования было очень много.

К этому времени вокруг старца возник тесный кружок «распутинцев», объединенный личной приверженностью к Распутину и стремлением сделать карьеру или же получить материальные выгоды для себя и своих ближних.

Когда 22 августа 1916 года Николай II выехал в Ставку, переместившуюся вследствие отступления из Барановичей в Могилев на Днестре, наступило серьезное изменение внутриполитической обстановки — царь уже не мог уделять такого внимания многочисленным и многообразным государственным делам, ибо большую часть времени должен был отдавать делам военным.

Кроме того, он немалое время проводил в пути между Могилевым и Петроградом, и из-за всего этого необычайно сильно возросла роль Александры Федоровны, а, следовательно, Распутина и «распутинцев».

По утверждению Мориса Палеолога, пристально следящего через своих агентов за Распутиным и его окружением, более всего из-за того, что старец все чаще стал говорить о сепаратном выходе России из войны, что поставило бы Францию перед катастрофой, французский посол считал подлинными демиургами политики стоящих за спиной временщика следующих «кукловодов»: банкира Мануса, князя Мещерского, сенатора Белецкого, председателя Государственного Совета Щегловитова и петроградского митрополита Питирима.

Все эти люди стали творцами политики из-за того, что по словам министра внутренних дел А.Д.Протопопова, занявшего этот пост при активнейшем участии Распутина, — «Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много, но общей воли, плана, системы не было и быть не могло при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля за работой министров»⁸⁶.

Кризис власти был налицо. Особенно ярко проявилось это, когда 20 января 1916 года премьер-министром стал Б.В.Штюрмер.

И, конечно же, эта перемена не дала ровным счетом ничего, ибо в начале 1916 года, измотанная, истекающая кровью армия, потерявшая убитыми, ранеными и пленными около четырех миллионов человек, отступившая на сотни верст в глубь страны, перестала верить в победу и не понимала, почему и за что идет эта война. В равной мере ненавистной становилась война и для всего общества.

Историк, литературовед и издатель М.К.Лемке, ушедший на фронт в звании штабс-капитана, и волею судьбы оказавшийся в Ставке, писал в своем дневнике 27 января 1916 года:

«Когда сидишь в Ставке, видишь, что армия воюет, как умеет и может; когда бываешь в Петрограде, в Москве, вообще в тылу, видишь, что вся страна ворует. «Черт с ними со всеми, лишь бы сейчас урвать» — вот девиз нашего массового и государственного вора.

Страна, в которой можно открыто проситься в тыл, где официально можно хлопотать о зачислении на фабрику или завод вместо отправки в армию, где можно подавать рапорты о перечислении из строя в рабочие роты и обозы, — такая страна не увидит светлого в близком будущем... такая страна обречена на глубокое падение. Страна, где каждый видит в другом источник материальной эксплуатации, где никто не может заставить власть быть сколько-нибудь честной, — такая страна не смеет мечтать о почетном существовании. Вот к чему привели Россию Романовы! Что они погибнут, и притом очень скоро, — это ясно»⁸⁷.

Так что же делать? — спрашивал Лемке. И отвечал: «Надо мужественно вступать в борьбу за спасение страны от самой себя и нести крест ради молодого поколения»⁸⁸.

Что дела обстоят именно так, понимали многие — и будущие «белые» и будущие «красные». — да только ответ на вопрос: «Кого и как спасти в этой стране?» давали они совершенно по-разному.

То же самое — «мужественно вступить в борьбу за спасение страны от самой себя» — исповедовали и другие русские патриоты. И у многих из них спасение России напрямую связывалось с уничтожением главного «демона зла» — Распутина.

Против него, против группировавшихся вокруг него министров, против императрицы, изображавшейся немецкой шпионкой на русском троне, сплотились почти все оппозиционные самодержавию силы. 1 ноября 1916 года на заседании Государственной Думы лидер кадетской партии и так называемого «Прогрессивного блока», состоявшего из трехсот депутатов правого крыла, приват-доцент по русской истории П.И.Милюков, открыто обвинил Штюрмера в пособничестве неприятелю и был поддержан всей Думой.

Николай II пошел на уступки и уволил Штюрмера, как человека неспособного отстоять не только линию правительства, но и самого себя. Премьер-министром был назначен А.Ф.Трепов, доказавший еще в 1905 году, что чего другого, а твердости ему не занимать.

Но оказалось, что одной твердости недостаточно, а других необходимых качеств у Трепова не было. Довольно неожиданно для царя союзниками Думы стали его собственные родственники — великие князья. Богобоязненная и милосердная Елизавета Федоровна, никогда не остававшаяся в стороне, если видела какую-нибудь несправедливость, в начале декабря 1916 года сказала Николаю II: «Распутин раздражает общество и, компрометируя царскую семью, ведет династию к гибели»⁸⁹. Присутствовавшая при сем Александра Федоровна решительно попросила сестру никогда более этого вопроса не касаться. Эта встреча оказалась последней в их жизни.

И уж совсем непредвиденным оказалось для Николая письмо из Лондона от великого князя Михаила Михайловича, — мужа внучки Пушкина графини Меренберг: «Я только что возвратился из Бэкингемского дворца. Жорж (Король Англии Георг V, двоюродный брат Николая II) очень огорчен политическим положением в России. Агенты Интеллидженс Сервис, обычно очень хорошо осведомленные, предсказывают в России революцию. Я искренне надеюсь, Никки, что ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно»⁹⁰.

Великий князь Николай Михайлович, по просьбе Марии Федоровны и сестер императора — Ольги и Ксении — тоже обратился к царю с письмом. «Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше — накануне эры покушений. Поверь мне, если я так напираю на твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных по-

буждений, а только ради надежды и упования спасти тебя, твой престол и нашу дорогую Родину от самых тяжких и неправимых последствий.»

Из письма следует, что и мать Николая II, и его сестры Ольга и Ксения, и единомышленник Ксении, ее муж великий князь Александр Михайлович, а значит и все другие «Михайловичи» — дружный и сплоченный многочисленный и могущественный клан — также разделяли эту озабоченность.

Не остался в стороне и брат Николая II Михаил, который в 1916 году вернулся с фронта в Гатчину, заняв должность генерал-инспектора кавалерии, сдав свою дивизию князю Д. П. Багратиону. И Михаил, и его жена, теперь уже принятая при дворе, тоже были противниками Распутина. Однако Николай II, как и прежде, все эти просьбы, наставления, заклинания и поучения оставил без внимания. Тогда среди его родственников нашлись смелые молодые люди, которые решились на убийство Распутина.

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ

Убийство «Святого черта»

А теперь нам снова придется очень ненадолго вернуться назад, в царствование прадеда Николая II — Николая I, когда в 1833 году возвратилась в Петербург из многолетних странствий по Европе внучка М. И. Кутузова 28-летняя графиня Елизавета Федоровна Тизенгаузен, привезшая с собою очаровательного шестилетнего мальчика, которого она выдавала за воспитанника-сироту — венгерского графа Феликса Форгача. Об этом рассказывалось в главе X «Николай Первый».

Оказалось, что на самом деле мнимый граф Форгач — внебрачный сын Елизаветы Федоровны и прусского короля Фридриха-Вильгельма III, дочь которого была русской императрицей, женой Николая I. И таким образом, Феликс Форгач приходился императрице единокровным братом. Разумеется, что этот морганатический пассаж не афишировался, и потому, когда в 1863 году мальчика определили в Артиллерийское училище, то ему дали имя Феликса Николаевича Эльстона.

При покровительстве двух императоров — Николая I и Александра II — служба его шла весьма успешно, может быть, еще и потому что он довольно долго не был женат и отыскивал себе невесту на тридцатом году, будучи уже полковником артиллерии.

Его невестой стала дочь генерала от артиллерии, члена Государственного Совета Сергея Павловича Сумарокова — Еле-

на Сергеевна. Генерал был внучатый племянник знаменитого драматурга А.П.Сумарокова и традиционно родился с аристократической российской и европейской элитой.

Когда Феликс Эльстон получил согласие на брак, две старшие дочери генерала уже были замужем. Зоя Сергеевна была княгиней Оболенской, а Мария Сергеевна — княгиней Голицыной.

Едва в царской семье узнали о предстоящей свадьбе, как тут же 26 августа 1856 года — возвели генерала С.П.Сумарокова в графское достоинство, а через двенадцать дней, указом от 8 сентября передали этот титул и Феликсу Николаевичу, повелев ему впредь именоваться — «графом Сумароковым-Эльстон».

А вскоре у молодых супругов родился сын, которого назвали Феликсом. Это имя стало затем традиционным. Когда Феликс Феликсович в 1882 году женился на княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой, в роду Юсуповых не было ни одного представителя по мужской линии. И потому мужу З.Н.Юсуповой императорским указом, изданным в 1891 году, было велено именоваться «князем Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстон», соответственно право на этот двойной титул получали и их дети.

11 марта 1887 года у Зинаиды Николаевны и Феликса Феликсовича родился сын, которого назвали, конечно же, Феликсом, именуя его чуть-чуть в шутку, но с очевидным подтекстом, «Феликсом III». И, нужно сказать, Феликс III с малых лет почитал себя особой царской крови, как мы теперь знаем, не без достаточных к тому оснований. Из-за своего более чем неординарного происхождения он с малых лет был близок к царской семье и дружил с детьми Николая II и многих великих князей. Феликс Юсупов получил прекрасное образование, завершив курс наук в Оксфорде.

Возвратившись из Англии, Феликс III, войдя уже в брачный возраст, решил жениться. Очень красивый, молодой, баснословно богатый князь, стал добиваться руки великой княжны Ирины Александровны — дочери великого князя Александра Михайловича и родной сестры Николая II Ксении. Он добился руки любимой племянницы императора, когда ей исполнилось 18 лет, а Феликсу шел 27-й год. Их свадьба состоялась 9 февраля 1914 года в Аничковом дворце и была последним большим семейным праздником в доме Романовых.

В дневнике Николая II осталась об этой свадьбе такая запись: «В 2 часа Аликс и я с детьми поехали в город в Аничков на свадьбу Ирины и Феликса Юсуповых. Все прошло очень

хорошо. Народу было множество. Все проходили через зимний сад мимо Мама и новобрачных и так поздравляли их»⁹².

Мать и отец Ирины были решительными противниками Распутина, из-за чего отношения между ними и царской четой сильно испортились. Случилось так, что ярая поклонница старца — Муня Головина — в юности была влюблена в Феликса Юсупова и познакомила молодого, тогда еще не женатого князя, с Распутиным. Оба они со временем стали проявлять друг к другу взаимный интерес: Распутин хотел улучшить свое сильно пошатнувшееся положение в великокняжеских кругах, а Юсупов — разобраться в этом непонятном ему феномене.

Несколько раз они встречались, демонстрируя один другому дружеское расположение — Юсупов, играя на гитаре, пел романсы, а старец пытался расположить князя душевными откровениями.

Мало-помалу Феликс разобрался, с кем имеет дело, и убедился, что многолетние разговоры о Распутине, которого резко осуждали его родители, абсолютно справедливы.

В конце 1916 года Феликс особенно близко сошелся с двоюродным братом Николая II великим князем Дмитрием Павловичем, который был одним из любимцев царя. Затем в курс дела был введен В. М. Пуришкевич — один из главных основателей черносотенных организаций «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела».

Друзья-заговорщики вовлекли его в свой заговор после того, как 19 ноября 1916 года, Пуришкевич сказал: «В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева»⁹³.

Заговорщики решили убить Распутина в ночь с 16 на 17 декабря: заманить его в дом Юсупова и отравить цианистым калием, положенным в пирожные. Кроме трех главных заговорщиков в деле участвовали еще двое — поручик С. М. Сухотин и военный врач С. С. Лазаверт.

15 декабря Юсупов пригласил Распутина к себе во дворец, сказав, что с ним очень хочет познакомиться его жена-красавица Ирина, якобы только что приехавшая из Крыма. На самом же деле ни Ирины, ни какой другой женщины во дворце не было и не должно было быть. Юсупов сказал, что он заедет за Распутиным к нему домой «на моторе», на следующий вечер около 11 часов, объясняя столь поздний час тем, что у Ирины будет гостить ее мать, долго ее не видевшая, и потому женщины могут разъехаться очень поздно.

К 11 часам вечера все заговорщики собрались в доме Юсупова, и он поехал за Распутиным.

— Я за тобой, отец, как было условлено. Моя машина внизу, — стараясь казаться очень сердечным, произнес Юсупов и даже обнял и поцеловал старца.

— Ну, целуешь же ты, меня, Маленький! — столь же сердечно ответил Распутин, зная, что так, «Маленький», звали его царь и царица, и что это будет приятно Юсупову. — Да уж не Иудин ли это поцелуй?

Через десять минут они приехали в дом князя. На втором этаже горели окна и слышались звуки граммофона.

— Это Ирэн и Ксения Александровна, а с ними еще несколько молодых людей, — сказал Юсупов. — Скоро, кажется, теща поедет к себе, а мы пока посидим внизу.

Он провел Распутина в одну из комнат первого этажа и предложил ему сесть в кресло рядом со столиком, на котором стояли две тарелочки с пирожными и бутылки с любимой Распутиным мадерой.

На самом же деле наверху были четверо заговорщиков, а в пирожных содержалась доза цианистого калия в десять раз превосходящая смертельную.

Юсупов предложил и вино и пирожные, но старец отказался и от того и от другого.

Распутин ждет Ирину, а она все не идет. Как вдруг часы бьют час ночи. Распутин начинает нервничать, и кричит Юсупову:

— Где твоя жена? Меня и мама не заставляет ждать! Иди за ней и веди сюда!

Юсупов, успокаивая старца, попросил подождать еще несколько минут, — А пока выпьем!.. — предложил он.

Разволновавшийся Распутин согласился, вино ему понравилось, и он выпил два бокала вина и съел два пирожных. За тем Распутин выпил еще один стакан, где в каждом была не меньшая, чем в пирожных, доля яда, но ничего не произошло, и испуганный хозяин дома, волнуясь, выскочил из комнаты, сказав, что идет звать Ирину.

Феликс вбежал на второй этаж и сказал заговорщикам, что яд не действует. Тогда великий князь Дмитрий Павлович дает ему револьвер.

Юсупов спускается вниз и дважды нажимает курок. Распутин мгновенно рухнул на пол. На выстрелы тут же явились сообщники, и, увидев, что Распутин мертв, тотчас же выбежали во двор, чтобы подогнать автомобиль Дмитрия Павловича и отвезти труп к проруби на реке.

Минут через десять Юсупов вошел в комнату, и у него на глазах Распутин начал вставать.

Юсупову кажется, что он сошел с ума. Он с воплем бросается на второй этаж и, увидев сообщников, кричит:

— Он жив! — и падает в обморок.

И здесь Пуришкевич бежит вниз, на первый этаж, но — комната пуста и Распутина в ней нет. Пуришкевич устремляется за дверь и видит, как Распутин, шатаясь, бежит к воротам.

Пуришкевич — отличный стрелок — посылает несколько пуль вдогонку, и Распутин падает. На упавшего старца набрасывается Юсупов и наносит ему несколько ударов по голове тяжелым бронзовым канделябром.

Заговорщики засовывают бездыханного, как им кажется, Распутина в автомобиль и полным ходом несутся к Крестовскому острову.

Там они находят полынью и сталкивают тело в воду. Они не заметили, как с ноги Распутина упала галоша и осталась на льду.

Через три дня полиция, обнаружив галошу, отыскала и тело Распутина.

А на следующий день после убийства, еще не зная о том, что произошло, Александра Федоровна писала мужу: «Мы сидим все вместе — ты можешь представить наши чувства — наш Друг исчез. Вчера А. (Вырубова) видела его и он сказал ей, что Феликс просит его приехать к нему ночью, что за ним приедет автомобиль, чтобы он мог повидать Ирину... Я не могу и не хочу верить, что б его убили. Да сжалится над нами Бог!»⁹⁴.

19 декабря Николай II, бросив все, приехал из Ставки в Петроград.

Выслушав доклад министра внутренних дел Протопопова о результатах расследования, царь отдал приказ поместить Юсупова и Дмитрия Павловича под домашний арест.

Морис Палеолог записал в дневнике 2 января 1917 года (по старому стилю это было 20 декабря 1916 года): «Тело Распутина нашли вчера во льдах Малой Невки у Крестовского острова, возле дворца Белосельского... Узнав позавчера о смерти Распутина, многие обнимали друг друга на улицах, шли ставить свечи в Казанский Собор. Когда стало известно, что великий князь Дмитрий был в числе убийц, стали толпиться у иконы святого Дмитрия, чтобы поставить свечу. Убийство Григория — единственный предмет разговоров в

бесконечных «хвостах» женщин, ожидающих в дождь и ветер у дверей мясных и бакалейных лавок распределения мяса, чая, сахара и пр.

Они рассказывают друг другу, что Распутин был живым брошен в Невку, одобряя это пословицей: «Собаке — собачья смерть».

Другая народная версия: «Распутин еще дышал, когда его бросили под лед. Это очень важно, потому что, он, таким образом, никогда не будет святым». В русском народе существует поверье, что утопленники не могут быть канонизированы»⁹⁵.

Тело Распутина, как только вытащили из-под льда, немедленно, не привлекая ничьего внимания, повезли через весь город в Чесменскую военную богадельню, стоявшую по дороге в Царское Село.

Труп Распутина осмотрел профессор Косоротов, составил акт и ввел в зал молодую послушницу Акилину, некогда одержимую бесом и исцеленную от этого недуга старцем Григорием. Из сонма поклонниц, рвавшихся омыть тело отца Григория, удостоена была она одна. Ее, по совету Вырубовой, назначила сама императрица. Так, во всяком случае, утверждал Морис Палеолог. Акилина была призвана в Чесменскую богадельню для того, чтобы омыть покойного и обрядить во все новое и чистое.

Ей помогал в этом больничный служитель — мужчина, состоявший при лазарете Чесменской богадельни.

Жена Распутина, его дочери и сын были в это время в Петрограде, но никого из них, и ни одной его поклонницы проститься с покойным не допустили.

Полночи Акилина омывала тело старца, наполняла благовониями и ароматическими маслами его раны, а потом обрядила в новые одежды и положила в гроб. Затем она возложила на грудь крест, а в руки — записочку от Александры Федоровны: «Мой дорогой мученик, дай мне твое благословение, чтобы оно постоянно сопровождало меня на скорбном пути, который мне остается пройти здесь, на земле. И вспоминай о нас на небесах в твоих святых молитвах.

Александра»⁹⁶.

Одежду, которая была на убитом, Акилина отдала императрице, и та, веря в ее чудодейственную силу, оставила все себе, надеясь, что окровавленная сорочка «мученика Григория» спасет династию.

Императрица на следующий после омовения день вместе с Вырубовой приехала к гробу старца, покрыла его цветами и долго молилась и плакала. Около полуночи гроб увезли в Царское Село, где и оставили до утра в часовне Царскосельского парка.

21 декабря Николай II записал в дневнике: «В 9 часов поехали всей семьей мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря извергами в доме Ф. Юсупова, стоял уже опущенным в могилу. Отец Александр Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12^о мороза...»⁹⁷.

Гроб был закопан под алтарем будущего храма святого Серафима, при лазарете, который построила на свои средства Вырубова.

А 23 марта 1917 года (по старому стилю — 10 марта) через неделю после отречения Николая II от престола, Морис Палеолог записал: «Вчера вечером гроб Распутина был тайно перевезен из Царскосельской часовни в Парголовский лес, в пятнадцати верстах от Петрограда.

Там на проталине несколько солдат под командованием саперного офицера соорудили большой костер из сосновых ветвей.

Отбив крышку гроба, они палками вытащили труп, так как не решились коснуться его руками, вследствие его разложения и не без труда втащили его на костер. Затем все полили керосином и зажгли.

Сожжение продолжалось больше шести часов, вплоть до зари. Несмотря на ледяной ветер, на томительную длительность операции, несмотря на клубы едкого, зловонного дыма, исходившего от костра, несколько сот мужиков всю ночь толпами стояли вокруг костра, боязливые, неподвижные, с оцепенением растерянности наблюдая святотатственное пламя, медленно пожирившее мученика старца, друга царя и царицы, солдаты собрали пепел и погребли его под снегом...»⁹⁸.

Через два года то же самое произошло со всей царской семьей.

Секретарь Распутина Арон Симанович в 1921 году, находясь в эмиграции, опубликовал «Завещание», отданное ему старцем незадолго до смерти.

Вот оно: «Дух Григория Ефимовича Распутина-Новых из села Покровского.

Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января (1917 года) я уйду из жизни. Я хочу Русскому Народу, папе, русской маме, детям и русской земле наказать, что им предпринять.

Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, русский царь, некого опасаться. Оставайся на троне и царствуй. И ты, русский царь, не беспокойся о своих детях. Они еще сотни лет будут править Россиею.

Если же меня убьют бояре и дворяне, и они прольют мою кровь, то их руки останутся замаранными моей кровью, и двадцать пять лет они не смогут отмыть своих рук. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев и будут убивать друг друга, и в течение двадцати пяти лет не будет в стране дворянства.

Русской Земли царь, когда ты услышишь звон колоколов, сообщающих тебе о смерти Григория, то знай: если убийство совершили твои родственники, то ни один из твоей семьи, то есть детей и родных не проживет дольше двух лет. Их убьет русский народ.

Я ухожу и чувствую в себе божеское указание сказать русскому царю, как он должен жить после моего исчезновения. Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен заботиться о твоём спасении и сказать твоим родным, что я заплатил моей жизнью. Меня убьют. Я уже не в живых. Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоём избранном роде»⁹⁹.

Феликс Юсупов и Дмитрий Павлович недолго находились под домашним арестом — царь приказал до окончания следствия первому из них жить в имении «Ракитное» в Курской губернии, а второму — отправляться в Персию, где находился русский экспедиционный корпус.

Однако и это решение в отношении Дмитрия было оспорено многими родственниками царя. Мария Федоровна, четыре «Михайловича» и три «Владимировича» считали пребывание в Персии молодого и слабого здоровьем Дмитрия «равносильно его гибели» и просили заменить это наказание ссылкой в подмосковное Ильинское.

Царь, прочитав письмо, наложил резолюцию: «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне.

Николай»¹⁰⁰.

Серьезных выводов не сделал никто — ни царь, ни великие князья.

Полагая, что все дело в людях, Николай II за четыре дня до Нового, 1917 года, сменил премьер-министра, назначив на место А.Ф.Трепова тихого и покорного монаршей воле старика Н.Д.Голицына, занимавшего перед тем пост председателя Комиссии по оказанию помощи русским военнопленным. Перед Голицыным царь поставил две задачи: улучшить продовольственное положение страны и наладить работу транспорта.

Задачи-то были поставлены верно, да не было сил их решить. И начинавшийся в столице голод через два месяца привел к голодному бунту, переросшему затем в Февральскую революцию.

НОВЕЛЛА ДВУХСОТАЯ

Два последних месяца 304-летней истории

Новый, 1917-й, год Николай и Александра встретили на молитве в церкви. 31 декабря Николай записал в дневнике: «В 6 часов поехали ко всенощной. Вечером занимался. Без 10 минут полночь пошли к молебну. Горячо помолились, чтобы Господь умиловился над Россией»¹⁰¹.

После этих слов Николай нарисовал на странице крест.

Новый год в царской семье словно перенял у старого года эстафету несчастий: болела Александра Федоровна, болел Алексей, злора и раздражение поселились в великокняжеских семьях, из рук вон плохо работал новый кабинет министров, продовольственные пайки становились все более легкими, роптала армия и, несмотря на войну, нарастала волна забастовок.

9 января, в день 12-й годовщины Кровавого воскресенья, по всей России прошли демонстрации и политические стачки. Только в Петрограде бастовало около 150 тысяч человек.

22 февраля, оставив дома больных корью Ольгу и Алексея, да и сам сильно простуженный, отстояв с императрицей службу в церкви Знамения, Николай в два часа дня уехал в Ставку.

Через десять дней он вернулся в Царское Село уже не императором, а «гражданином Романовым». Но все по порядку.

Николай еще ехал в Ставку, а уже вслед ему летели два письма: одно от жены, второе — от сына. «Мой драгоценный! — писала Александра Федоровна. — С тоской и глубокой трево-

гой я отпустила тебя одного без нашего милого, нежного Бэби. Какое ужасное время мы теперь переживаем! Еще тяжелее переносить его в разлуке — нельзя приласкать тебя, когда ты выглядишь таким усталым, измученным. Бог послал тебе воистину страшно тяжелый крест. Мне так страстно хотелось бы помочь тебе нести это бремя! Ты мужествен и терпелив — я всей душой чувствую и страдаю с тобой, гораздо больше, чем могу выразить словами. Что я могу сделать? Только молиться и молиться. Наш дорогой Друг в ином мире тоже молится за тебя — так Он еще ближе к нам. Но все же, как хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос! Бог поможет, я верю, и ниспошлет великую награду за все, что ты терпишь. Но как долго еще ждать...

О, Боже, как я тебя люблю! Все больше и больше, глубоко, как море, с безмерной нежностью. Спи спокойно, не кашляй — пусть перемена воздуха поможет тебе со всем справиться. Да хранят тебя светлые ангелы. Христос, да будет с тобой, и Пречистая Дева да не оставит тебя... Вся наша горячая, пылкая любовь окружает тебя, мой муженек, мой единственный, мое все, свет моей жизни, сокровище, посланное мне всемогущим Богом! Чувствуй мои руки, обвивающие тебя, мои губы, нежно прижатые к твоим — вечно вместе, всегда неразлучны. Прощай, моя любовь, возвращайся скорее к твоему старому Солнышку»¹⁰².

А заболевший корью и с первыми признаками нового приступа гемофилии Алексей послал отцу такое письмо: «Дорогой мой, милый папа! Приезжай скорей. Спи хорошо. Не скучай. Пишу тебе самостоятельно. Надеюсь, что кори у нас не будет, и я скоро встану. Целую 10000000 раз. Будь Богом храним! А. Романов»¹⁰³.

Однако надежды цесаревича не сбылись. Одна за другой заболели все его сестры и даже ухаживавшая за ними Вырубова. В их комнатах, с занавешенными окнами, ходила от одной кровати к другой, одетая в платье сестры милосердия, заплаканная императрица, она почти не спала и все время молилась.

23 февраля Николай II приехал в Ставку и в тот же самый день в Петрограде начались массовые волнения, тут же переросшие в грандиозные политические манифестации, митинги, собрания, а через два дня в городе началась всеобщая стачка, парализовавшая жизнь столицы.

27 февраля Николай записал в дневнике: «В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие

известия!.. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее, и в час ночи перебрался в поезд»¹⁰⁴.

А в те часы, когда он это писал, в Петрограде солдаты слились с рабочими и пошли к Таврическому дворцу, где заседала Дума; Павловский Лейб-гвардейский полк без выстрела вошел в Зимний дворец и вскоре собравшиеся на Дворцовой площади люди увидели, как с флагштока пополз вниз черно-золотой императорский штандарт, а через несколько минут вместо него над крышей взмыло красное полотнище.

В это время 20 тысяч демонстрантов ворвались в сад Таврического дворца и насмерть перепуганные депутаты не знали, чего им ждать: то ли гибели, то ли триумфа. Положение спас трудовик А.Ф. Керенский.

Он кинулся навстречу демонстрантам и приветствовал их от имени Думы, решительно объявив, что депутаты идут в одних рядах с демонстрантами. Тут же были образованы две организации: Временный комитет Государственной Думы и Петроградский Совет.

Во главе Комитета Думы оказался ее бывший председатель, октябрист М.В. Родзянко, во главе Петроградского Совета — меньшевик Н.С. Чхеидзе, а его товарищем был избран А.Ф. Керенский.

А в это время Николай II, еще не зная обо всем произошедшем, до трех часов ночи беседует с генералом от инфантерии Н.И. Ивановым и поручает ему подавить восстание, возглавив батальон георгиевских кавалеров. Командующий Гвардейским корпусом великий князь Павел Александрович отлично понимает, что у него нет сил противостоять революции, а царь и Иванов надеются прекратить беспорядки силами одного батальона...

Следующий день принес Николаю прозрение: его царский поезд, дойдя до Малой Вишеры, повернул назад, так как станции Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Не оставалось ничего иного, кроме того, чтобы доехать до Пскова, где находился штаб командующего армиями двух фронтов — Северного и Северо-Западного — генерала от инфантерии Н.А. Рузского.

В штабе Рузского Николая ждали телеграммы о восстаниях в Москве, на Балтийском флоте и в Кронштадте, а потом в течение нескольких часов пришли телеграммы от всех командующих фронтами, и все они, кроме генерала А.Е. Эверта, командующего Западным фронтом, высказывались за отречение Николая от трона.

Это произошло после того, как начальник штаба Верховного Главнокомандующего, генерал М.В. Алексеев, получил

от Рузского телеграмму, что Петроградский Совет и Временный комитет Государственной Думы требуют отречения царя от престола и он просит сообщить мнение об этом командующих фронтами.

Среди этих телеграмм оказалась и депеша от командующего Западным фронтом великого князя Николая Николаевича... Прочитав телеграмму «дяди Николаши», царь сказал: «Я принял решение. Я отрекаюсь в пользу Алексея». А потом, после долгой паузы, спросил своего врача, долго ли проживет Алексей? И когда тот ответил отрицательно, Николай решил передать права на трон своему брату — Михаилу.

Вечером 2 марта в Псков приехали председатель Военно-промышленного комитета А.И.Гучков и член Временного комитета Государственной думы В.В.Шульгин, уполномоченные принять из рук Николая II документ об отречении от престола.

Сохранились воспоминания Шульгина о том, как проходило отречение. «Государь сидел, оперевшись слегка о шелковую стену, и смотрел перед собой. Лицо его было совершенно спокойно и непроницаемо. Я не спускал с него глаз... Гучков говорил о том, что происходит в Петрограде. Он не смотрел на государя, а говорил, как бы обращаясь к какому-то внутреннему лицу, в нем же, в Гучкове, сидящему. Как будто бы совести своей говорил.

Государь смотрел прямо перед собой, спокойно, совершенно непроницаемо. Гучков окончил. Государь ответил: — Я принял решение отречься от престола. До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына Алексея. Но к этому времени я переменял решение в пользу брата Михаила. — И после непродолжительной паузы сказал тихо: — Надеюсь вы поймете чувства отца.

Затем сказал:

— Наконец я смогу поехать в Ливадию.

... Он отрекся, как командование эскадрой сдал»¹⁰⁵.

Николай II отрекся от престола и за себя и за цесаревича в пользу своего брата Михаила, записав в эту ночь в дневнике: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!»¹⁰⁶

3 марта он приехал в Могилев и здесь узнал, что Михаил не принял корону и отрекся от царского сана.

26 февраля великий князь Михаил Александрович приехал из Гатчины в Петроград и остановился в доме князя С.М.Пу-

тятина — мужа великой княгини Марии Павловны — в его доме на Миллионной улице.

Отсюда он поехал в Главный штаб, вызвал Ставку и настоятельно просил начальника штаба Ставки генерала Алексева вызвать к прямому проводу Николая. Однако тот категорически отказался от разговора с братом и через Алексева передал, чтобы Михаил вышел на связь с ним завтра.

Но назавтра Петроград был уже во власти революции и разговор так и не состоялся. Великий князь вернулся к Путятину, где ему и сообщили, что Николай II отрекся от престола, но не в пользу Алексея, а назначив своим преемником его, Михаила.

3 марта, посоветовавшись с лидерами Государственной думы и с Советом Министров и, узнав, что ни одна воинская часть в Петрограде не поддержит его, Михаил Александрович подписал отречение от престола и в тот же день уехал в Гатчину.

В подписанном им Манифесте, он заявил, что он может возложить на себя власть только по решению Учредительного собрания, избранного народом.

Узнав об этом, Николай 3 марта записал в дневнике: «Оказывается Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»¹⁰⁷

На следующий день в Могилев из Киева приехала Мария Федоровна, и Николай почти весь день провел в чаепитии и долгих беседах с матерью.

8 марта Николай подписал последний приказ по армии, простился со всеми чинами Ставки, с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка, и, распрощавшись с матерью, которая должна была ехать в Киев, и с великими князьями, оказавшимися в то время в Ставке, уехал.

9 марта он записал в дневнике: «Скоро и благополучно прибыл в Царское Село — в 11 1/2ч. Но, Боже, какая разница — на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики!

Пошел наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате... Погулял с Валей Долгоруковым (Гофмаршалом двора) и поработал с ним в садике, так как дальше выходить нельзя!!»¹⁰⁸

И с этой самой поры, и до близкой уже смерти, — «дальше выходить нельзя» стало для всех них обязательным, неукосни-

тельным и нерушимым законом, ибо с этого самого дня они стали арестантами...

На этом закончилась 304-летняя история Российского Императорского Дома, а дальше начался путь на Голгофу для одних и на чужбину для других. Но это была уже совсем другая история...

О том, что случилось с героями этой последней главы сейчас знает каждый, кто хотя бы немного интересуется отечественной историей. О судьбе Августейшей фамилии, о мученической смерти Николая, Александры Федоровны, их детей и многих других членов Российского Императорского Дома написано за последние годы немало.

Поэтому едва ли имеет смысл повторять то, что сегодня известно всем, тем более, что авторы проработали проблему глубоко и основательно. И все же для тех, кто хотел бы узнать о том, что случилось с семьей Романовых после Октября 1917 года, автор позволит предложить хотя бы две хорошие книги, посвященные этому вопросу.

Это книга Ю. Буранова и В. Хрусталева «Гибель императорского дома», М., 1992, и книга Э. Радзинского «Господи... спаси и умири Россию. Николай II: жизнь и смерть», М., 1993.

ПРИМЕЧАНИЯ

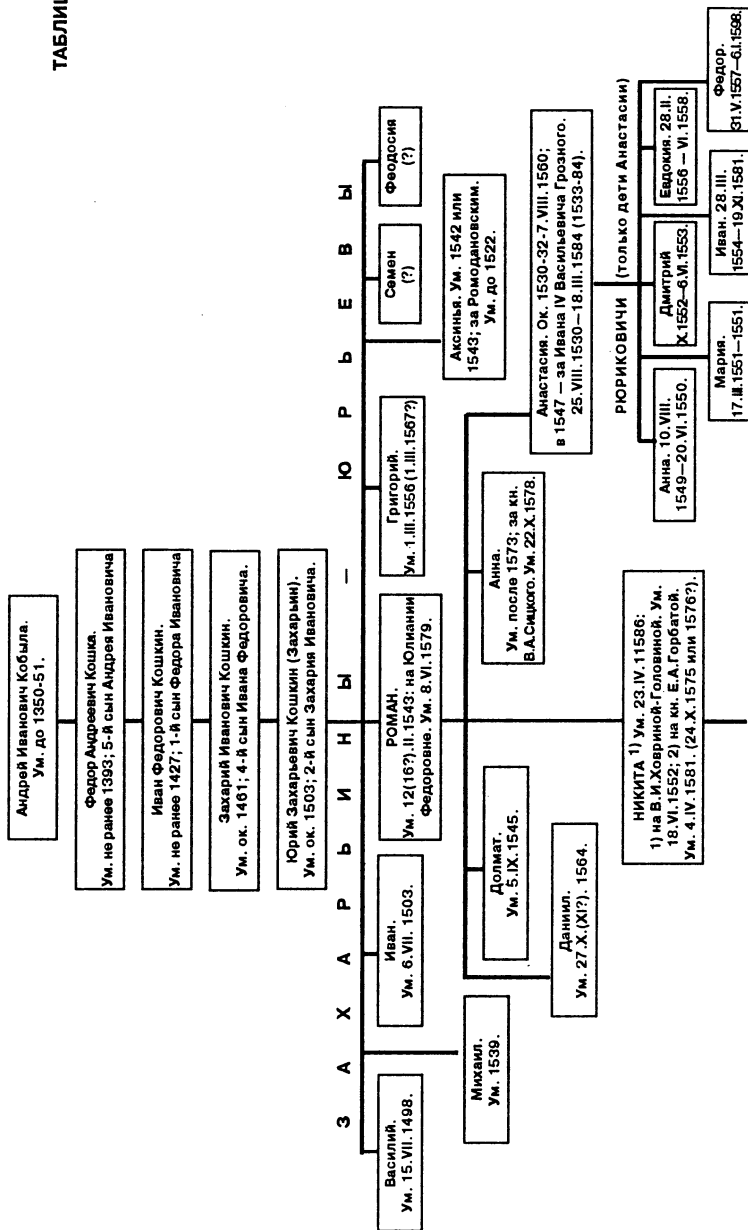
- 1 Дневники императора Николая II. — М., — 1991. — С.48.
- 2 Боханов А.Н. Сумерки монархии. — М., — 1993. — С.59.
- 3 Российское самодержавие. — М., — 1993. — С.347.
- 4 Там же.
- 5 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. — Белград, — 1939. — Т.1. — С.114.
- 6 Ирошников М., Процай Л., Шелаев Ю. Николай II. Последний российский император. — СПб., — 1992. — С.36.
- 7 Там же. — С.37.
- 8 Ферро М. Николай II. — М., — 1991. — С.42.
- 9 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — М., — 1991. — С.114-116.
- 10 Там же. — С.116.
- 11 Там же.
- 12 Там же. — С.117.
- 13 Мэсси Р. Николай и Александра. — М., — 1990. — С.213-214.
- 14 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — М., — 1991. — С.117.
- 15 Там же. — С.118.
- 16 Российские самодержцы. — М., — 1993. — С.343.
- 17 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — М., — 1991. С.118-119.
- 18 Там же. — С.124.
- 19 Родина. — 1993. — №1. — С.78.
- 20 Там же. — С.79.

- 21 Там же.
- 22 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — М., — 1991. — С.126-127.
- 23 Российские самодержцы. — М., — 1993. — С.348.
- 24 Дневники императора Николая II. — М., — 1991. — С.222.
- 25 Там же. — С.228.
- 26 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — М., — 1991. — С.146.
- 27 Мэсси Р. Николай II и Александра. — М., — 1990. — С.104.
- 28 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. — Белград, — 1939. — Т.1. — С.62.
- 29 Там же. — С.67-68.
- 30 Там же. — С.71.
- 31 Там же. — С.74.
- 32 См. «Листовки Петроградского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». — М., — 1934.
- 33 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. — Белград, — 1939. — Т.1. — С.113-114.
- 34 Дневники императора Николая II. — М., — 1991, — С.202.
- 35 Там же. — С.243.
- 36 Там же. — С.261.
- 37 Там же. — С.262.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. — Белград, — 1939. — С.161.
- 41 Обнинский В.П. Последний самодержец. — М., — 1992. — С.63.
- 42 Начало первой русской революции. — М., — 1955. — С.15.
- 43 Там же. — С.20.
- 44 Там же. — С.31-33.
- 45 Былое. — 1906. — №1. — С.204.
- 46 Цит. по: Ферро М.. Николай II. — М., — 1991. — С.93-94.
- 47 Там же. — С.97-98.
- 48 Горький М.. Сочинения. — М., — 1979. — Т.4. — С.327-328
- 49 Дневники императора Николая II. — М., — 1991. — С.246.
- 50 Там же.
- 51 Романюк С.К. Москва. Утраты. — М., — 1992. — С.17
- 52 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. — Белград, — 1939. — С.348-349.
- 53 Там же. — С.367.
- 54 Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. — М., — 1991. — С.96.
- 55 Дневники императора Николая II. — М., — 1991. — С.287.
- 56 Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 12 томах. — М., — 1982. — Т.11. — С.32.
- 57 Палеолог М.. Распутин. — М., — 1990. — С.30
- 58 Джанумова Е.Ф. Мои встречи с Распутным. — Пг.-М., — 1923. — С.9.
- 59 Гурко В.И. Царь и царича. — Париж, — б/г. — С.90.
- 60 Боханов А.Н. Сумерки монархии. — М., — 1993. — С.109.
- 61 Фрейлина ее величества Анна Вырубова. — М., — 1992. — С. 373.
- 62 Ирошников М., Процай Л., Шелаев Ю., Николай II. последний российский император. — СПб., — 1992. — С.197.
- 63 Жильяр П. Император Николай II и его семья. — Вена, — 1921. — С.13-14.

- 64 Аврех А.Я. П.П. Столыпин и судьбы реформ в России. — М., — 1991. — С.233.
- 65 Дневники императора Николая II. — М., — 1991. — С.399.
- 66 Там же. — С.399-402.
- 67 Там же. — С.402-403.
- 68 Мэсси Р. Николай и Александра. — М., — 1990. — С.215.
- 69 Там же. — С.215.
- 70 Российские самодержцы. — М., — 1993. — С.343.
- 71 Жильяр П. Император Николай II и его семья. — Вена, — 1921, — С.39-40.
- 72 Волков А.А. Около царской семьи. — М., — 1993. — С.55-56.
- 73 Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора. — М., — 1993. — С.58.
- 74 Савченко П. Русская девушка, Джордан Вилл. — 1986. — С.9.
- 75 Там же. — С.10.
- 76 Мэсси Р. Николай и Александра. — М., — 1990. — С.251.
- 77 Там же. — С.260.
- 78 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. — Мюнхен, — 1949. — том II. — С.172.
- 79 Там же.
- 80 Литературное наследство. — М., — 1988. — Т.95. — С.452.
- 81 Там же. — С.453.
- 82 Ирошников М., Процай Л., Шелаев Ю., Николай II. Последний российский император. — СПб., — 1992. — С.196.
- 83 Палеолог М. Распутин. — М., — 1990. — С.9.
- 84 Вопросы истории. — 1964. — №10. — С.122-135; — №12. — С.90-103; — 1965. — №1. — С.98-110; — №2. — С.103-121.
- 85 Толстой А.Н. Хождение по мукам. — М., — 1954. — С.6-7.
- 86 Падение царского режима. — Л.-М., — 1926. — Т.4. — С.21-22.
- 87 Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. — Пг., — 1920. — С.145.
- 88 Там же.
- 89 Боханов А.Н. Сумерки монархии. — М., — 1993. — С.244.
- 90 Там же.
- 91 Ферро М. Николай II. — М., — 1991. — С.208.
- 92 Дневники императора Николая II. — М., — 1991. — С.447.
- 93 Боханов А.Н. Сумерки монархии. — М., — 1993. — С.248.
- 94 Там же. — С.249.
- 95 Палеолог М. Распутин. — М., — 1990. — С.101-102.
- 96 Там же. — С.103.
- 97 Дневники императора Николая II. — М., — 1991. — С.616.
- 98 Палеолог М. Распутин. — М., — 1990. — С.120.
- 99 Симанович А.С. Распутин и евреи. — Рига, — 1921. — С.171-172.
- 100 Боханов А.Н. Сумерки монархии. — М., — 1993. — С.253.
- 101 Дневники императора Николая II. — М., — 1991. — С.617.
- 102 Боханов А.Н. Сумерки монархии. — М., — 1993. — С.262-263.
- 103 Там же. — С.263.
- 104 Дневники императора Николая II. — М., — 1991. — С.625.
- 105 Ферро М. Николай II. — М., — 1991. — С.234-235.
- 106 Дневники императора Николая II. — М., — 1991. — С.625.
- 107 Там же. — С.626.
- 108 Там же.

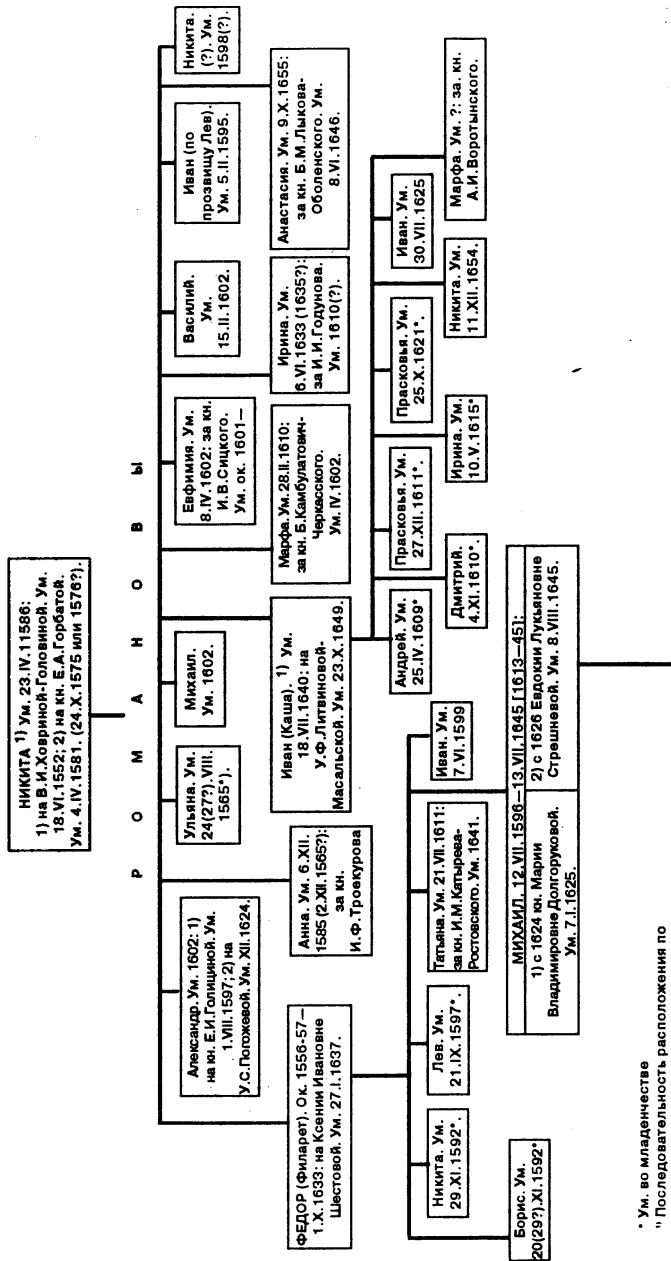
БОЯРСКИЙ РОД, ЦАРСКАЯ (с 1613) И ИМПЕРАТОРСКАЯ (с 1721) ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

ТАБЛИЦА 1

БОЯРСКИЙ РОД РОМАНОВЫХ

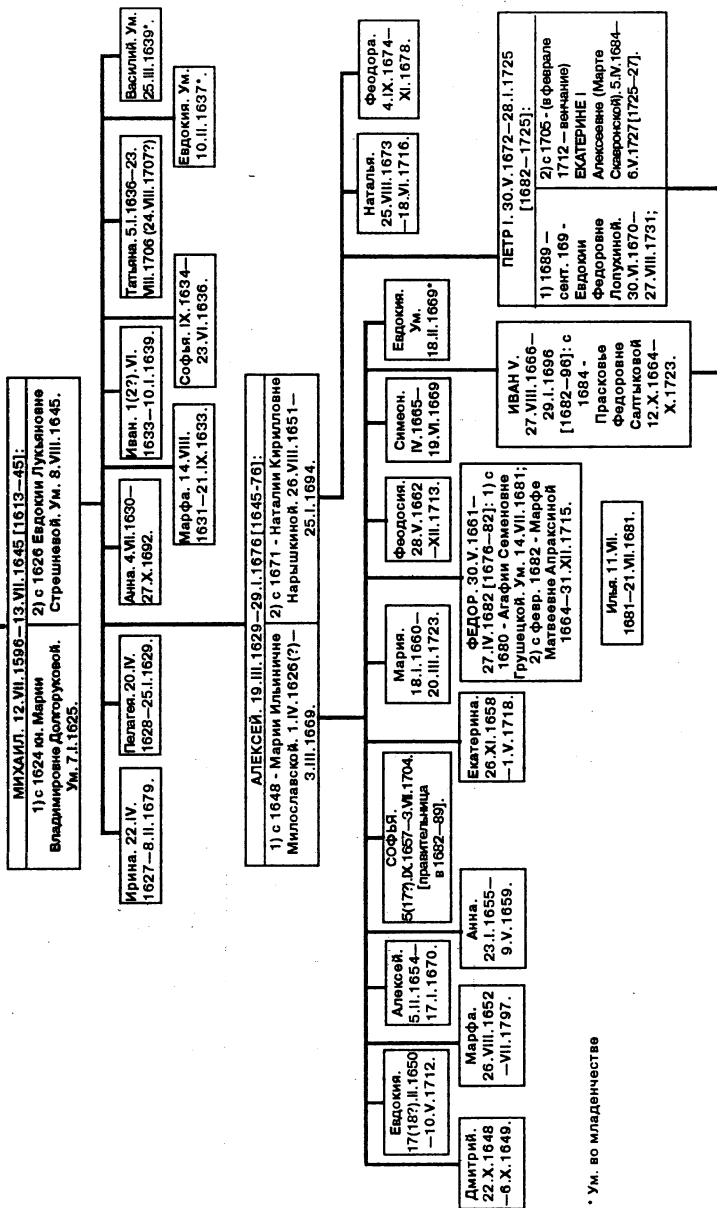
ТАБЛИЦА 2

* Ум. во младенчестве
 " Последовательность расположения по
 старшинству дочерей Никиты Романовича и всех
 детей Ивана Никитича (Каша) отчасти условна

ЦАРСКАЯ ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ
(1613—1721)

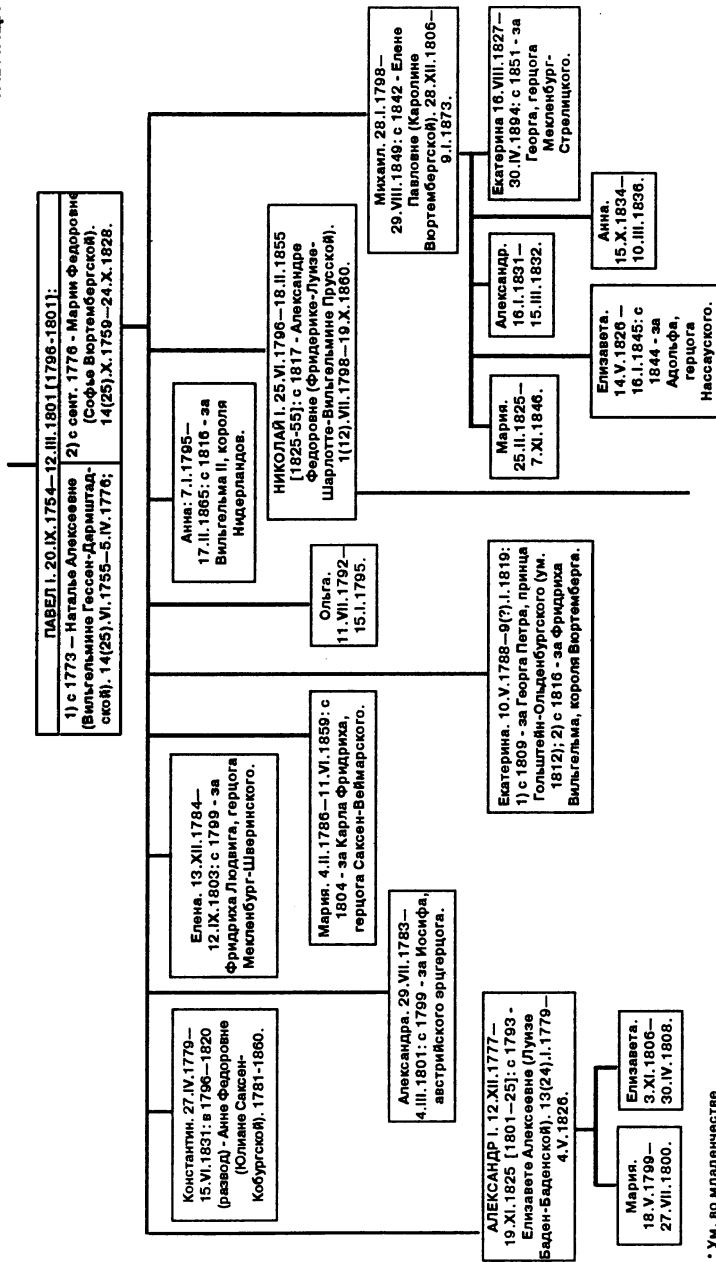
ТАБЛИЦА :

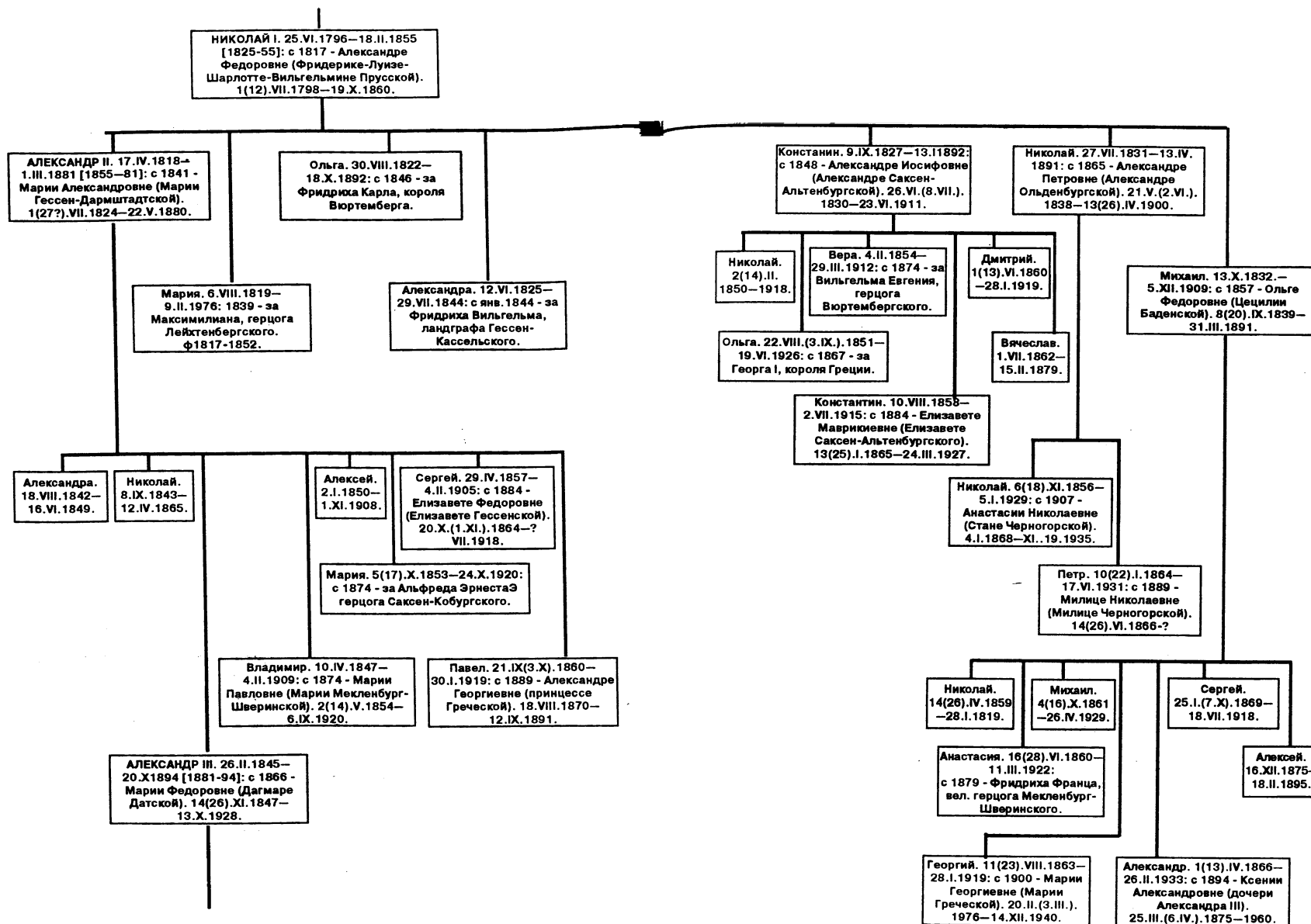

* Ум. во младенчестве

ИМПЕРАТОРСКАЯ ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ-ГОЛЬШТЕЙН-ГОТТОРПСКАЯ ЛИНИЯ
(до 2. III. 1917)

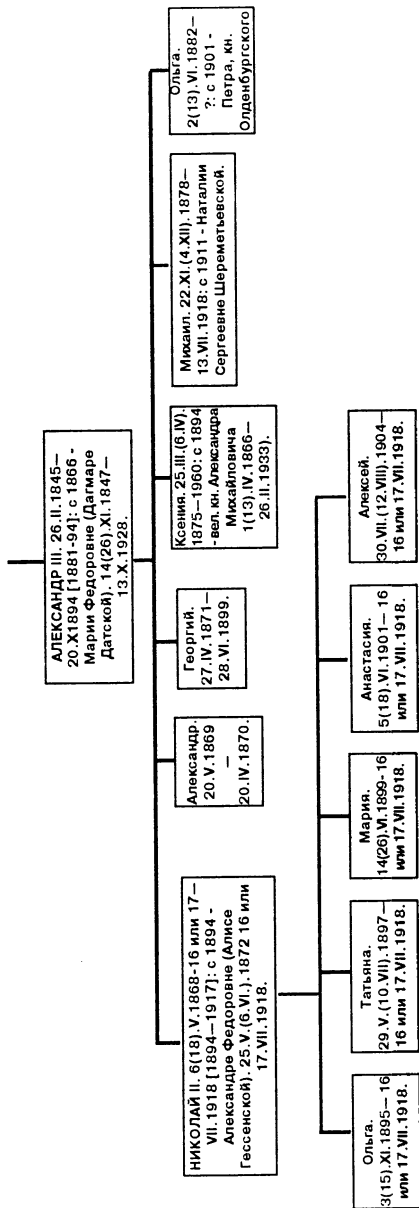
ТАБЛИЦА 5

ИМПЕРАТОРСКАЯ ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

ТАБЛИЦА 7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава одиннадцатая

НИКОЛАЙ I

Новелла сто двадцать вторая. “Вступаю на престол ценою крови моих поданных”	3
Новелла сто двадцать третья. Кому же достался российский трон?	8
Новелла сто двадцать четвертая. Маленькие шалости коронованного Сатира	35
Новелла сто двадцать пятая. Главные члены императорской фамилии	37
Новелла сто двадцать шестая. Попытки очистить Авгиевы конюшни бюрократии	51
Новелла сто двадцать седьмая. Какими были Гераклы Николая Павловича	61
Новелла сто двадцать восьмая. Внутри России и за ее пределами	77
Новелла сто двадцать девятая. Сила и бессилie самодержца	94
Новелла сто тридцатая. Графиня Тизенгаузен, король Фридрих-Вильгельм и граф Сумароков-Эльстон	97
Новелла сто тридцать первая. Театральная история в городе Чембаре	101
Новелла сто тридцать вторая. Царь, поэт и жена поэта	105
Новелла сто тридцать третья. Цесаревич Александр, Герцен и декабристы	117
Новелла сто тридцать четвертая. Пожар в Зимнем дворце	120
Новелла сто тридцать пятая. Первые любовные истории цесаревича Александра	125
Новелла сто тридцать шестая. Великосветские истории вокруг двух свадеб в царском доме	132
Новелла сто тридцать седьмая. Царь, царица и поэт Михаил Лермонтов	141
Новелла сто тридцать восьмая. Домашняя и питимная жизнь царской семьи	144
Новелла сто тридцать девятая. “...Я так устал!”	152
Новелла сто сороковая. Сползание к краю бездны	161
Новелла сто сорок первая. Последняя война императора Николая I	165
Новелла сто сорок вторая. Самоубийство	169
Новелла сто сорок третья. Некролог	173

Глава двенадцатая

АЛЕКСАНДР II

Новелла сто сорок четвертая. Первые шаги нового императора	182
Новелла сто сорок пятая. Возвращение в предыдущую главу	188
Новелла сто сорок шестая. Восшествие на престол	191
Новелла сто сорок седьмая. Освобождение крестьян	198
Новелла сто сорок восьмая. Начало крамолы и ответ власти	200
Новелла сто сорок девятая. Смерть цесаревича Николая Александровича	208
Новелла сто пятидесятая. Нимфы Александра Николаевича	211
Новелла сто пятьдесят первая. Первое покушение	216

Новелла сто пятьдесят вторая. Павильон “Бабингон”	220
Новелла сто пятьдесят третья. Сватовство и обручение цесаревича Александра Александровича	223
Новелла сто пятьдесят четвертая. Второе покушение	226
Новелла сто пятьдесят пятая. Домашние дела и романтические предприятия	227
Новелла сто пятьдесят шестая. Завоевания и утраты на путях войны и мира	232
Новелла сто пятьдесят седьмая. Эмская депеша и ее последствия. Союз трех императоров	237
Новелла сто пятьдесят восьмая. Рождение сына в “малой” семье императора	242
Новелла сто пятьдесят девятая. Еще одно возвращение в предыдущую главу	245
Новелла сто шестидесятая. Костер угасший и костер возгорающийся	248
Новелла сто шестьдесят первая. Светлейшие князья Юрьевские	251
Новелла сто шестьдесят вторая. Спасение Франции и балканских народов	251
Новелла сто шестьдесят третья. Спасение мира и благонравия в собственном доме	252
Новелла сто шестьдесят четвертая. Освобождение Болгарии	257
Новелла сто шестьдесят пятая. Гидра террора поднимает головы	266
Новелла сто шестьдесят шестая. Облава на самодержца	272
Новелла сто шестьдесят седьмая. От тризны к свадьбе	280
Новелла сто шестьдесят восьмая. Последнее покушение	285
Глава тринадцатая	
АЛЕКСАНДР III	
Новелла сто шестьдесят девятая. Начало царствования	294
Новелла сто семьдесятая. “Священная дружина”	302
Новелла сто семьдесят первая. Государь и его близкие	305
Новелла сто семьдесят вторая. Контрреформы	313
Новелла сто семьдесят третья. Между Германией и Францией	321
Новелла сто семьдесят четвертая. Цесаревич	324
Новелла сто семьдесят пятая. Тайна “Белого генерала”	328
Новелла сто семьдесят шестая. Коронация	331
Новелла сто семьдесят седьмая. Загадочная смерть	334
Новелла сто семьдесят восьмая. Юность цесаревича	335
Новелла сто семьдесят девятая. Второе Первое марта	339
Новелла сто восемьдесятая. 17 октября 1888 года	344
Новелла сто восемьдесят первая. Любовь цесаревича	345
Новелла сто восемьдесят вторая. Путешествие на Восток	348
Новелла сто восемьдесят третья. Путешествие на Запад: от Владивостока до Петербурга	371
Новелла сто восемьдесят четвертая. Прощание с Матильдой	380
Новелла сто восемьдесят пятая. Алиса Гессенская	383
Новелла сто восемьдесят шестая. Болезнь и смерть Александра III	391
Глава четырнадцатая	
НИКОЛАЙ II	
Новелла сто восемьдесят седьмая. Печальная свадьба	399
Новелла сто восемьдесят восьмая. Венчание на царство	402
Новелла сто восемьдесят девятая. Ходынка	405

Новелла сто девяностая. А, в самом деле, кто?	408
Новелла сто девяносто первая. Конец века	429
Новелла сто девяносто вторая. От Порт-Артура до Цусимы	434
Новелла сто девяносто третья. Воскресение стоголовой гидры террора	440
Новелла сто девяносто четвертая. Три года пожаров и крови	445
Новелла сто девяносто пятая. Явление старца Григория	463
Новелла сто девяносто шестая. Трехсотлетие Дома Романовых	472
Новелла сто девяносто седьмая. Первая мировая	480
Новелла сто девяносто восьмая. Гольи бес	492
Новелла сто девяносто девятая. Убийство «Святого черта»	501
Новелла двухсотая. Два последних месяца 304-хлетней истории	509

Вольдемар Николаевич Балязин

**САМОДЕРЖЦЫ.
ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ
ЦАРСКОГО ДОМА**

Книга вторая

Редактор М. Жданова
Художественный редактор В. Горин
Технический редактор Л. Бирюкова
Корректор Е. Иванова
OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Лицензия ЛР 070099 от 03.09.96 г.
Сдано в набор 10.09.98. Подписано в печать 10.01.99. Формат 84 × 108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,7.
Тираж 11 000 экз. Изд. № 98-248-ДО. Заказ № 4003. С 973.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075 Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

«Николай I с юности проявлял повышенный интерес к фрейлинам, молодым статс-дамам, воспитанницам Смольного монастыря и театрального училища. Не обходил он вниманием и всегда датаек придворных балов и маскарадов, среди которых были и первые аристократки Империи, и девицы и дамы попроще. Можно сказать, что Николай в делах любви не был подвержен сословным предрассудкам и проявлял истинный демократизм...»

ISBN 5-224-00174-9

9 785224 001743 >